Сборникъ статей

В. И. Засуличъ.

Томъ второй.

Сборникъ статей

В. И. Засуличъ.

Томъ второй.

Изданіе
„Библіотеки для всѣхъ“
О. Н. Рутенбергъ.

Тип. Спб. Акц. Общ. „СЛОВО“ Ул. Жуковскаго, 21.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Содержаніе II-го тома.

Революціонеры изъ буржуазной среды.—Черезъ 16 лѣтъ	1— 64
Наши «современнныя» литературныя противорѣчія .	65—108
О романахъ Степняка («Карьера нигилиста»,—«Штундистъ Павелъ Руденко»). Сергѣй Михайловичъ Кравчинскій	109—163
Крѣпостная подкладка прогрессивныхъ рѣчей . . .	165—193
Плохая выдумка	195—219
Д. И. Писаревъ и Н. А. Добролюбовъ	221—311
Элементы идеализма въ соціализмѣ	313—371
Борьба въ тюрьмѣ	373—387
Выстрѣлъ Карповича	389—400
Похвальное слово «Московскимъ Вѣдомостямъ» . . .	401—410
О чемъ говорятъ намъ іюльскіе дни	411—426
Революціонное студенчество	427—438
Н. К. Михайловскій	439—445

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

На стр. 108 пропущена по недосмотру дата: „Соціалъ-Демократъ“ и на стр. 163-й неправильно указано: „Женева“—вмѣсто: „Лондонъ“.

Революціонеры изъ буржуазной среды.

Революціонеры изъ буржуазной среды.

I.

Въ настоящей статьѣ мы хотимъ говорить, собственно, о русской революціонной интеллигенціи, которая за послѣдніе годы какъ будто остановилась на распутьи и раздумываетъ, куда пойти ей: свернуть-ли направо для соединенія съ высшими классами, пойти-ли налѣво и искать серьезнаго союза съ рабочими, или идти на проломъ, разсчитывая лишь на собственныя силы, т.-е. на „терроръ“.

Но прежде чѣмъ говорить о русскомъ движеніи, намъ кажется не безполезнымъ припомнить, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, полузабытую у насъ физіономію западнаго революціонера изъ буржуазіи.

Намъ это кажется не безполезнымъ, во-первыхъ потому, что у нашей революціонной интеллигенціи, твердо знающей, что на западѣ буржуазія была революціонна, боролась съ абсолютизмомъ и завоевала политическую свободу, имѣется повидимому, очень сбивчивое представленіе о томъ буржуа, который былъ революціонеромъ, боролся и завоевалъ... Онъ то рисуется ей чѣмъ-то аналогичнымъ, по образу мыслей, солидности и положенію русскому „либералу“, „отцу“, „земцу“, которымъ и выставлялся не разъ въ нашихъ подпольныхъ изданіяхъ, въ видѣ примѣра для подражанія; а то вдругъ окажется и еще солиднѣе: финансистомъ или крупнымъ предпринимателемъ.

Это смутное представленіе о западномъ борцѣ за политическую свободу не можетъ не вліять, въ свою очередь, и несомнѣнно вліяетъ самымъ путающимъ образомъ, на наши представленія о роли, какъ „общества“, такъ и самыхъ революціонеровъ въ русской борьбѣ за ту же свободу, на наши понятія о значеніи въ этой борьбѣ соціализма и соціалистовъ.

Съ другой стороны, революціонное движеніе въ средѣ образованной буржуазіи Франціи и Германіи въ первой половинѣ XIX вѣка имѣло, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, много общаго съ русскимъ революціоннымъ движеніемъ.

Мы искали, конечно, другого содержанія для своего революціоннаго идеала, вмѣсто республиканскаго идеала, съ которымъ выступили наши западные предшественники. Но по своему общему характеру, по тѣмъ элементамъ образованныхъ классовъ, которые оно захватываетъ, по тѣмъ силамъ, которыя оно можетъ развить и по доступнымъ для него средствамъ, наше революціонное движеніе является несомнѣннымъ историческимъ ровесникомъ исчезнувшаго послѣ 1848 года революціоннаго движенія среди образованныхъ классовъ Европы. Поэтому-то намъ и не безполезно припомнить: въ чемъ была сила этихъ образованныхъ революціонеровъ и что они сдѣлали? Это можетъ представить намъ нѣкоторыя данныя для опредѣленія своей собственной силы и значенія.

Какъ мы уже сказали, положеніе русскаго революціонера представляется намъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ аналогичнымъ съ положеніемъ образованныхъ революціонеровъ Франціи и Германіи, дѣйствовавшихъ съ начала реставраціи и до 48 года.

Образованный революціонеръ-идеологъ конца XVIII вѣка былъ въ иномъ положеніи и опирался на такія силы, которыхъ нѣтъ у русскаго движенія, какъ не было и у нѣмецкаго. Но вся революціонность первой половины XIX вѣка такъ тѣсно связана съ великой революціей XVIII; всѣ постепенно видоизмѣнявшіяся программы и теоріи внуковъ до такой степени коренятся въ міровоззрѣніи ихъ знаменитыхъ дѣдовъ, что невозможно не начать съ нихъ.

Къ чему стремились идейные представители великой буржуазной революціи? Во всякомъ случаѣ не къ господству и благополучію современной буржуазіи. Прежде чѣмъ окончательно вымерло ихъ поколѣніе, его остаткамъ удалось познакомиться съ болѣе или менѣе опредѣлившимся уже типомъ новаго господствующаго класса и съ однимъ изъ лучшихъ образцовъ новаго строя, при конституціонной монархіи Луи-Филиппа. И старики отвернулись съ презрѣніемъ отъ своихъ довольныхъ сыновей, возненавидѣли новый строй,

мѣшались въ заговоры и шли умирать на баррикады вмѣстѣ со студентами и рабочими.

Съ своей стороны благоразумный современный буржуа, хотя и доволенъ матеріальными результатами революціи, но за то очень недоволенъ ея нравственными послѣдствіями и въ досужія минуты охотно мечтаетъ о томъ, какъ хорошо было бы, если бы стараго революціонера вовсе не бывало на свѣтѣ.

„Свободная Россія“ [1]), приглашавшая нашихъ революціонеровъ повернуть направо, сообщаетъ намъ мимоходомъ свои наблюденія надъ запоздалыми на цѣлое столѣтіе для западной Европы, но назидательными, по ея мнѣнію, для Россіи утопіями, носящимися теперь передъ умственными очами „благоразумныхъ людей Франціи“.

„Во Франціи, — говоритъ эта газета, — „благоразумные люди разныхъ партій,—какъ между консервативными монархистами, такъ и среди радикальныхъ республиканцевъ, соглашаются въ томъ, что неурядицы времени великой революціи и ихъ послѣдствія, чувствуемыя и до сихъ поръ, могли бы быть предупреждены, если бы страна, попавши въ тиски абсолютной монархіи, сохранила хоть старые провинціальные земскіе чины (états), или если бы новыя провинціальныя собранія учреждены были по всей странѣ не въ 1787 году, а хоть 15—20 лѣтъ раньше и если бы затѣмъ и Земскій Соборъ 1789 года тоже былъ созванъ раньше и явился бы естественнымъ завершеніемъ провинціальнаго самоуправленія“ [2]).

Какъ хорошо было бы въ самомъ дѣлѣ, если бы генеральные штаты собрались пораньше, пока не выросло еще революціонное поколѣніе, воспитавшееся на философскихъ теоріяхъ. Да если бы еще въ эти генеральные штаты попали все опытные дѣльцы старыхъ провинціальныхъ чиновъ, тогда ужъ навѣрное не было бы никакихъ потрясеній. Дѣльцы не заупрямились бы, засѣдали бы себѣ отдѣльно по сословіямъ, держали бы рѣчь королю на колѣняхъ, какъ требо-

---

[1]) Журналъ, издававшійся въ 1889 году въ Женевѣ подъ редакціей г.г. Бурцева и Дебагори-Мокріевича, и при дѣятельномъ участіи Драгоманова. *Примѣчаніе 1906 г.*

[2]) № 2 „Своб. Рос.“, ст. 3.

валось по программѣ 1614 года, которую отстаивали парламенты—эти остатки стараго самоуправленія. Они исполнили бы все, что отъ нихъ требовалось, но при этомъ, пожалуй, что-нибудь выторговали бы у правительства. Ихъ скоро созвали бы опять и они опять что-нибудь да выпросили бы. Дальше да больше, и понемногу всѣ благоразумныя, практичныя требованія буржуазіи были бы удовлетворены. Правда, на французскомъ престолѣ, быть можетъ, еще благополучно засѣдали бы Бурбоны, и навѣрное существовала бы сильная поземельная аристократія (потрясеній бы не было, а слѣдовательно—ни эмиграціи, ни конфискаціи дворянскихъ имѣній). Это очень пріятно утописту изъ дворянъ и не такъ ужъ привлекательно для буржуа республиканца. Но какъ человѣкъ благоразумный, онъ видитъ, конечно, что и король, и дворянство—ничтожное зло по сравненію съ тѣми напастями, какія повела за собою революція. Не привыкни возставать и побѣждать бѣднѣйшая часть городского населенія, рабочій не повадился бы разсуждать, совать свой носъ въ общественныя дѣла, не зазнался бы, не счелъ бы себя, въ концѣ концовъ, особымъ классомъ, которому принадлежитъ будущее. Онъ и тогда, положимъ, просилъ бы прибавки, устраивалъ бы стачки, но какъ сравнительно легко было бы справляться со всѣмъ этимъ, хотя бы посредствомъ „соціальной политики“!

Но дѣло, къ счастью, уже непоправимо, и исторія шла не по рецептамъ благоразумныхъ людей. Голодныя, неблагоразумныя массы возстали и вооружились по всей Франціи, а во главѣ революціи очутились не практики и дѣльцы, а теоретики-идеологи, заразившіе своимъ энтузіазмомъ всю страну, а за ней и весь тогдашній образованный міръ. Эти люди видѣли въ устраненіи тѣхъ или иныхъ злоупотребленій, въ отмѣнѣ десятины, въ равномѣрной раскладкѣ налоговъ, въ уничтоженіи цеховъ и проч. не однѣ лишь непосредственныя практическія удобства и выгоды, получаемыя отъ этихъ мѣръ. Нѣтъ, за всѣмъ этимъ имъ видѣлось впереди всеобщее счастье, царство разума, свободы, равенства и братства всѣхъ людей. Поэтому-то они не остановились въ скромныхъ предѣлахъ, предписываемыхъ благоразумной практичностью, а шли все дальше и дальше, вливая въ движеніе ту гигантскую силу одушевленія, которой хватило

на то, чтобы перевернуть всю Европу и начать новую эру въ исторіи человѣчества.

Большинство этихъ людей принадлежало по рожденію и воспитанію къ буржуазіи; буржуазія имъ сочувствовала при началѣ движенія и она же воспользовалась матеріальными плодами ихъ борьбы; поэтому они остаются въ исторіи представителями буржуазной революціи. Но субъективно, въ своемъ сознаніи, они были представителями величайшихъ интересовъ всего человѣчества. И не такъ ужъ обмануло ихъ сознаніе.

Они видѣли предъ собою сложную, выросшую въ теченіе вѣковъ систему всевозможныхъ сословныхъ, мѣстныхъ частныхъ правъ и привиллегій, стремившихся приковать каждаго къ его наслѣдственному занятію.

Когда то, при неподвижности средневѣковой жизни, при устойчивости тогдашнихъ способовъ производства и ничтожности торговли, всѣ эти права, таможни и привиллегіи обезпечивали и закрѣпляли за всякимъ сословіемъ, за всякимъ городомъ и всякой мѣстной группой гражданъ одинъ и тотъ же неизмѣнный источникъ дохода, отстраняя отъ этого источника всякаго человѣка другого класса другого наслѣдственнаго занятія, другого города. Тогда дорожили этими правами и видѣли лишь ихъ хорошую сторону.

Теперь, въ XVIII-омъ вѣкѣ, когда при измѣнившихся условіяхъ производства и торговли, права и привиллегіи не столько обезпечивали старые источники дохода, сколько мѣшали пріобрѣтенію новыхъ, въ глаза кидалась лишь ихъ обратная сторона: несправедливость, нелѣпость, жестокость налагаемыхъ ими стѣсненій.

Естественна была та мысль, что стоитъ лишь отнять у людей всѣ ихъ особыя, несправедливыя права и привиллегіи, создавшія вражду, бѣдность и неравенство и возвратить всѣмъ людямъ ихъ „естественное право“ жить и заниматься гдѣ хочешь, какъ хочешь и чѣмъ хочешь, стоитъ только уничтожить всѣ стѣсненія—и между равными отъ природы людьми, при ея неистощимыхъ богатствахъ, установится и довольство и братство.

Тоже и относительно религіи съ ея обязательной проповѣдью противуестественныхъ нелѣпостей. Стоитъ, казалось, отнять у духовенства привиллегію навязывать всѣмъ

и каждому эти нелѣпости и между людьми распространятся „естественныя, разумныя“ воззрѣнія.

Старая, отставшая отъ жизни система стѣсненій и привиллегій терзала въ концѣ XVIII-го вѣка все крестьянство, мѣшала всѣмъ слоямъ буржуазіи и довела до того, что почти каждый человѣкъ, погруженный въ свое частное дѣло, никогда не помышлявшій объ общихъ вопросахъ, былъ чѣмъ-нибудь да недоволенъ и желалъ тѣхъ или другихъ соотвѣтствующихъ его спеціальности перемѣнъ.

Начавшаяся при такихъ условіяхъ революція доставила широкій просторъ для дѣятельности смѣлыхъ послѣдователей философовъ восемьнадцатаго вѣка.

Камня на камнѣ не осталось отъ старыхъ учрежденій. Тутъ-то, думали борцы, и наступитъ царство разума, равенства и свободы,—лишь бы справиться съ врагами внѣшними и внутренними.

Они ошибались. Не въ томъ, что вѣрили въ возможность свободы и равенства для всѣхъ людей, въ разумную будущность человѣчества, а въ томъ, что думали, будто сдѣланнаго ими уже достаточно для ея наступленія.

Эта ошибка была неизбѣжна. Они не жмурили глазъ, не бѣжали отъ знанія, они воспользовались всѣмъ тѣмъ свѣтомъ, какой проливали тогдашнія отношенія. Но на той ступени экономическаго развитія, на которой находилась тогда Европа, самая напряженная мысль не могла еще предвидѣть, во что превратится экономическая, а вслѣдъ за нею и политическая жизнь при освобожденіи ея отъ средневѣковыхъ стѣсненій, мѣшавшихъ широкому развитію производства, но задерживавшихъ въ то же время и развитіе крайняго неравенства: разложеніе третьяго сословія на капиталистовъ и людей, лишенныхъ всякой собственности.

Начавшій складываться новый строй очень скоро оказался, по выраженію Энгельса [1]), „самой злой, отрезвляющей каррикатурой на блестящія обѣщанія философовъ XVIII-го вѣка“.

Но какъ ни зло подшутили безсознательныя экономическія силы надъ сознательными стремленіями людей, устранившихъ съ ихъ пути всѣ препятствія, новое общество ка-

---

[1]) Развитіе научнаго соціализма.

питалистовъ и пролетаріевъ являлось тѣмъ не менѣе безусловно необходимымъ промежуточнымъ звеномъ между старымъ царствомъ мелкой частной собственности и уничтоженіемъ всякой частной собственности посредствомъ организаціи всего производства по заранѣе обдуманному плану. Такое изгнаніе безсознательности изъ ея главнѣйшаго и послѣдняго убѣжища—изъ области экономическихъ отношеній—сдѣлаетъ, наконецъ, людей господами своей исторіи, создастъ и свободу и равенство — все то, къ чему стремились вожди великой революціи. Въ этомъ смыслѣ они не ошибались, считая себя борцами за царство разума.

II.

Но это царство лежало еще далеко впереди, а тѣмъ временемъ на сцену выступили практическіе люди и принялись пожинать плоды. Когда почва была достаточно расчищена, и все старое внутри страны окончательно побѣждено, они устранили идеалистовъ и помогли утвердиться Наполеону. Измѣнили потомъ и ему. Любезничали съ союзниками, привезшими имъ въ багажѣ Бурбоновъ и выхлопотали у этихъ союзниковъ, въ награду за смиреніе, хартію. Эта хартія основывалась далеко не на одномъ разумѣ. Высокій цензъ сосредоточивалъ избирательное право въ рукахъ 100,000 богатѣйшихъ гражданъ. Политическія преступленія подлежали исключительнымъ судамъ. Свобода слова и собраній была стѣснена гораздо сильнѣе, чѣмъ при Людовикѣ XVI. Но если нравственныя „права человѣка" вообще и не были гарантированы, то права буржуа, какъ таковаго, всѣ матеріальные результаты революціи: свобода промышленности, права покупщиковъ конфискованныхъ имѣній, административное и судебное единство Франціи, болѣе или менѣе равномѣрное распредѣленіе налоговъ остались неприкосновенными.

Теперь, какъ у крестьянъ, такъ и у массы занятой своими частными дѣлами, не помышляющей объ общественныхъ вопросахъ промышленной буржуазіи, не было иныхъ причинъ для жалобъ и безпокойства, кромѣ нѣкотораго опасенія за цѣлость новыхъ порядковъ.

За то образованный слой буржуазіи, люди такъ или иначе соприкасавшіеся съ общественными дѣлами, идеями и теоріями, были недовольны и преобладающимъ вліяніемъ дворянства при дворѣ и въ палатѣ, и всѣми покаяніями и очищеніями отъ республиканскихъ грѣховъ, затѣянными духовенствомъ, и слишкомъ высокимъ избирательнымъ цензомъ, и стѣсненіями печати, и многимъ другимъ.

Не такъ ужъ недовольны были солидные люди изъ образованной буржуазіи, чтобы чѣмъ-нибудь рисковать ради своего недовольства, но совершенно достаточно для того, чтобы въ прессѣ, палатѣ и съ каѳедры упоминать какъ можно чаще слово „свобода".

Большинству солидныхъ людей, при произнесеніи этого слова, рисовалась теперь уже не та идеальная, полная глубокаго смысла свобода, за которую боролись идейные люди предшествовавшей эпохи. Ихъ сравнительно довольные, практичные наслѣдники не заходили далеко въ своихъ пожеланіяхъ. Но для молодого учащагося поколѣнія это слово обладало еще магической силой, заставлявшей шибко биться сердца. Для нихъ свобода казалась тѣмъ же необъятнымъ счастьемъ, какъ и для людей великой революціи, оставалась той-же „Liberté cherie", о которой пѣлось въ заученной съ дѣтства Марсельезѣ.

Съ первыхъ же лѣтъ реставраціи движеніе среди образованныхъ классовъ во Франціи принимаетъ характеръ почти безпрерывной тайной агитаціи, вербующей свои силы главнымъ образомъ среди студенчества. Учащаяся молодежь массами вступаетъ въ тайныя общества, агитируетъ среди низшихъ классовъ городского населенія и строитъ заговоры съ цѣлью низверженія Бурбоновъ. Этой цѣли сочувствуетъ крайняя фракція либеральнаго общества и одно время, въ виду нѣкотораго успѣха карбонаризма среди военныхъ (народныхъ возстаній общество боится), начинаетъ даже шептаться съ вожаками заговорщиковъ. Но заговоры открываются, революціонеры идутъ на эшафоты, въ тюрьмы и въ эмиграцію. Легальное общество не дѣлаетъ ни шагу, чтобы защитить своихъ дѣтей, оно притихаетъ наоборотъ, тѣмъ болѣе, что одновременно съ усиленіемъ арестовъ въ средѣ революціонеровъ усиливаются обыкновенно стѣсненія либеральной прессы и всѣхъ прочихъ легальныхъ органовъ

проявленія общественнаго мнѣнія. Но нелегальное движеніе не останавливалось, тайныя общества продолжали существовать, вербуя на мѣсто выбывшихъ членовъ новыхъ изъ среды молодежи.

Какъ велика была сила этого движенія и въ чемъ именно она заключалась, показала Іюльская революція.

Читатели знаютъ (хотя бы изъ брошюры Чернышевскаго: „Борьба партій во Франціи“), какъ вели себя представители либеральной буржуазіи при попыткѣ попавшаго въ руки ультрароялистовъ правительства, уничтожить ихъ любезную конституцію.

Если бы въ эту пору вся образованная буржуазія была единодушна, вся цѣликомъ боялась народныхъ волненій, и въ своемъ сопротивленіи не шла дальше хотя бы самыхъ единодушныхъ словесныхъ и письменныхъ протестовъ, государственный переворотъ 26 іюля 1830 года имѣлъ бы всѣ шансы на такой же благополучный исходъ, какъ и случившееся 20 лѣтъ спустя 2-ое декабря.

Но на счастье либеральной буржуазіи въ тридцатомъ году въ ея средѣ были люди, совершенно расходившіеся съ нею и въ желаніяхъ и въ настроеніи. Они давно добивались низверженія Бурбоновъ, не обращая вниманія на то, выполняютъ или нарушаютъ они хартію и стремились къ республикѣ, которой боялась буржуазія. Они съ энтузіазмомъ вспоминали о Робеспьерѣ и Маратѣ, при одномъ имени которыхъ у буржуазіи подиралъ морозъ по кожѣ. Въ ихъ глазахъ рабочій классъ былъ не дикой невѣжественной массой, а наиболѣе близкой къ нимъ и наиболѣе доступной ихъ вліянію частью того „верховнаго народа“, попранныя права котораго должна возстановить республика. Во имя этой республики они могли обратиться къ рабочему классу могли призвать его къ оружію и заразить своимъ настроеніемъ.

Они это и сдѣлали, схватившись за нарушеніе конституціи, протестъ журналистовъ и отчаяніе всей оппозиціонной буржуазіи, какъ за желанный поводъ начать возстаніе, но во время борьбы замѣнили лозунгъ буржуазіи „да здравствуетъ хартія!“ своимъ: „долой Бурбоновъ!“, а мѣстами: „да здравствуетъ республика!“.

Студенты организовали битву, предводительствовали на всѣхъ опасныхъ мѣстахъ, на всѣхъ баррикадахъ.

Солидные и зажиточные элементы буржуазіи способствовали успѣху возстанія лишь своимъ сочувственнымъ нейтралитетомъ и полнѣйшимъ отсутствіемъ активной преданности правительству; но этой пассивной поддержки было вполнѣ достаточно, чтобы ослабить въ началѣ, а подъ конецъ совершенно парализовать энергію войскъ, пытавшихся подавить возстаніе.

За то послѣ побѣды робкіе представители либеральной буржуазіи обнаружили пожирающую дѣятельность, и не успѣли оглянуться борцы, какъ на престолѣ засѣдалъ уже Луи Филиппъ, а съ нимъ вмѣстѣ и крупная буржуазія. Она оттѣснила на задній планъ дворянство, уничтожила наслѣдственность званія пэровъ, увеличила число избирателей до 200,000 и проч.

Революціонеры-республиканцы отнеслись, конечно, весьма равнодушно ко всѣмъ этимъ реформамъ и, пользуясь невозможностью для выросшаго изъ баррикадъ правительства, начать съ преслѣдованія „іюльскихъ героевъ", они тотчасъ же повели самую усердную республиканскую агитацію.

Республика оставалась еще въ этотъ моментъ идеаломъ революціонеровъ. „Объявленіе правъ человѣка"—ихъ катехизисомъ; но всѣ индивидуальныя права и формальныя свободы доживали уже, въ качествѣ революціоннаго идеала общаго счастья, свои послѣдніе дни.

Рядомъ съ усиленной республиканской пропагандой та же сравнительная свобода медовыхъ мѣсяцевъ Іюльской монархіи вызвала и широкое распространеніе уже раньше выработанныхъ теорій великихъ утопистовъ.

Во всемъ своемъ объемѣ ученія С. Симона и Фурье не могли имѣть большого успѣха среди республиканцевъ. Уже одно свойственное этимъ ученіямъ отрицаніе революціонной борьбы и всякаго насилія дѣйствовало отталкивающимъ образомъ на молодежь, среди которой именно въ это время была особенно сильна поэзія борьбы и подвиговъ. Но отрицательная сторона ученія утопистовъ, ихъ критика сложившихся при свободѣ промышленности новыхъ экономическихъ отношеній, разрушила въ цѣлой массѣ живыхъ, идущихъ

впередъ умовъ „трехцвѣтный либерализмъ“, какъ выразился Герценъ, отправившійся съ товарищами въ первую ссылку, между прочимъ „за вредное ученіе С. Симона“.

А факты промышленной жизни сами представляли слишкомъ неотразимые аргументы противъ обойденныхъ исторіей идеаловъ.

Ліонское возстаніе 1831 года приковало на время къ этимъ фактамъ всеобщее вниманіе и представило, такъ сказать, громадную иллюстрацію къ критикѣ утопистовъ.

Ліонскіе ткачи шелковыхъ матерій требовали и добились отъ префекта установленія обязательнаго для фабрикантовъ тарифа поштучной платы, быстрое пониженіе которой вызывало въ ихъ средѣ страшныя бѣдствія. Либеральное министерство осудило дѣйствія префекта, какъ несогласныя съ принципомъ свободы промышленности. Фабриканты немедленно воспользовались этимъ либерализмомъ для нарушенія тарифа, на который прежде соглашались. Тогда доведенные до отчаянія 30,000 ткачей возстали подъ знаменемъ съ краснорѣчивой надписью: „жить, работая или умереть, сражаясь!“

Они пытались такимъ образомъ противупоставить одной изъ святѣйшихъ свободъ республиканскаго идеала, одному изъ краеугольнѣйшихъ „правъ гражданина“—свободѣ контрактовъ, свое право „жить, работая“. Это невольно наводило на размышленія и подрывало вѣру въ достаточность формальной свободы для счастья людей, не имѣющихъ собственности.

Подъ соединеннымъ вліяніемъ жизни и выясняющей ее теоріи старые идеалы постепенно теряютъ въ 30-хъ годахъ свое революціонное значеніе. Въ большой республиканской партіи, объединенной въ полу-тайное „Общество правъ человѣка“, началась борьба мнѣній и „чистые“ или „либеральные“ республиканцы образовали въ ней правое умѣренное крыло. Остальные, держась по прежнему за традиціи великой революціи, стали обращать преимущественное вниманіе на ту сторону этихъ традицій, которая говорила о борьбѣ бѣдныхъ противъ богатыхъ, зачатковъ будущаго пролетаріата противъ крупной буржуазіи. Они припомнили различныя мѣры Якобинцевъ: насильственные займы, конфискаціи, преслѣдованія ростовщиковъ и скупщиковъ хлѣба и проч.—

мѣры, сильно грѣшившія противъ принципа собственности. Въ робеспьеровскомъ проэктѣ „объявленія правъ человѣка" — отмѣтили въ особенности тотъ пунктъ, который опредѣлялъ право собственности, какъ право гражданина располагать тою частью имущества, какую *гарантируетъ* ему законъ. Изъ этого опредѣленія выводили обязанность законодателя регулировать право собственности, принимать мѣры противъ развитія имущественнаго неравенства.

„Демократы" или „Монтаньяры"—какъ начала называть себя болѣе революціонная часть республиканской партіи— пришли, въ противоположность чистымъ республиканцамъ и всей либеральной буржуазіи того времени, къ убѣжденію въ необходимости сильнаго правительства, опирающагося на народныя массы и употребляющаго свою власть на защиту этихъ массъ противъ аристократіи богатства.

Усиленіе такихъ тенденцій возмущало либеральныхъ республиканцевъ, которые начали, наоборотъ, особенно сильно подчеркивать принципъ невмѣшательства государственной власти въ экономическую жизнь страны.

Окончательному удаленію чистыхъ республиканцевъ изъ революціоннаго движенія помогла правительственная реакція, положившая конецъ открытому существованію республиканской партіи. Строгіе законы противъ тайныхъ обществъ, передача важныхъ политическихъ преступленій исключительному трибуналу реакціонной палаты пэровъ и законы противъ пресы, принятые подъ впечатлѣніемъ второго покушенія на жизнь короля, прекратили шумную, открытую агитацію путемъ прессы и уличныхъ демонстрацій и заставили революціонное движеніе снова обратиться къ строго организованнымъ тайнымъ обществамъ и заговорамъ.

Въ этомъ движеніи чистые республиканцы уже не участвовали. Они постепенно соединились съ „обществомъ", стали людьми практичными и благоразумными. Они говорили тѣ же слова, но ограничивали ихъ смыслъ: къ „свободѣ" прибавили „порядокъ", а „равенство" свели къ строго опредѣленному понятію равенства предъ закономъ. Литературный органъ этой партіи „National", началъ все болѣе и болѣе сближаться въ своихъ воззрѣніяхъ съ либеральной монархической оппозиціей. Вся разница между нимъ и взглядами этой оппозиціи свелась наконецъ къ тому, что

либеральные монархисты хотѣли трона, обставленнаго республиканскими учрежденіями, а республиканцы Націоналя— тѣхъ же учрежденій безъ трона.

Въ сороковыхъ годахъ чистые республиканцы стали уже сознательными представителями интересовъ средней буржуазіи и, попавши въ 48-омъ году въ правительство второй республики, они защищали именно эти интересы, окрестивши ихъ, впрочемъ, болѣе общими и почетными названіями интересовъ „порядка", „цивилизаціи" и даже „свободы". Ради этихъ интересовъ они сознательно и безпощадно обманывали рабочихъ, подписавши декретъ, въ которомъ отъ имени республики „гарантировали рабочимъ существованіе посредствомъ труда", не имѣя ни малѣйшаго намѣренія дѣлать что бы то ни было для выполненія этой гарантіи. Они обманывали ихъ, заводя „національныя мастерскія", съ цѣлью среди самихъ рабочихъ навербовать армію противъ ихъ передовыхъ товарищей-соціалистовъ и когда это не удалось, съ свирѣпой жестокостью усмиряли возстаніе, вызванное ихъ же предательскими мѣрами.

Такимъ образомъ, буржуа-республиканцы, бывшіе еще въ 30-омъ году революціонной партіей, въ 48-омъ—обманывали рабочихъ. Но изъ этого ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, что бы *революціонеры* были когда-нибудь сознательными обманщиками. Когда республиканцы были революціонерами, когда, рискуя свободой и жизнью, они обращались къ рабочимъ и вмѣстѣ съ ними участвовали въ заговорахъ, являлись предъ судами и на баррикадахъ, тогда они честно относились къ своимъ товарищамъ и искренно звали ихъ на борьбу за общее счастье. Въ то время они оказывали услугу рабочимъ, возбуждая въ ихъ средѣ умственное движеніе, заставляя эту среду заинтересовываться тѣми идеями, тѣми общими интересами, которыми были сами увлечены. Въ то время республиканцы еще сами не знали, что ихъ либеральная республика не можетъ существовать безъ полуголоднаго пролетаріата, а какъ только они поняли это, какъ только распрощались съ „химерами" общаго счастья и дѣйствительнаго равенства, они перестали быть революціонерами, перестали принимать участіе въ опасной революціонной дѣятельности, на почвѣ которой происходило сближеніе между рабочими и революціонной интеллигенціей.

Когда либеральные республиканцы начали сознательно обманывать рабочихъ, они были уже представителями не революціонной, а консервативной буржуазіи.

III.

Сильно поредѣвшіе во второй половинѣ 30-хъ годовъ остатки революціонной интеллигенціи сгруппировались въ различные оттѣнки демократическаго направленія, пытавшагося лѣчить расшатанный республиканскій идеалъ различными палліативными средствами: придумываніемъ такихъ мѣръ противъ богачей, которыя привели бы къ имущественному равенству при сохраненіи частной собственности.

Самые крайніе элементы революціонной интеллигенціи, вмѣстѣ съ огромнымъ большинствомъ участвовавшихъ въ движеніи рабочихъ пришли къ отрицанію самаго принципа частной собственности, припомнивъ революціонный коммунизмъ Бабефа, сохранявшійся въ предыдущемъ періодѣ лишь среди небольшаго числа его послѣдователей.

Въ эту же пору, во второй половинѣ 30-хъ годовъ, измѣнилось и отношеніе рабочихъ къ активному революціонному движенію,—ихъ положеніе въ тайныхъ обществахъ и заговорахъ.

Среди карбонаровъ временъ реставраціи, также какъ и въ республиканскихъ обществахъ первыхъ лѣтъ Іюльской монархіи, большинство членовъ составляли революціонеры изъ буржуазной среды.

Они дѣйствовали на рабочихъ, вели ихъ за собою, только на нихъ и разсчитывали, но вездѣ и во всемъ оставляли за собою иниціативу, главныя роли, направленіе.

Организованное въ 1836—37 году Бланки и Барбесомъ новое революціонное общество, окруженное строжайшей тайной по образцу карбонаровъ, тоже вербуетъ сперва своихъ членовъ главнымъ образомъ изъ среды образованной молодежи, но быстрый наплывъ въ общество рабочихъ скоро перевѣшиваетъ въ немъ студенчество и черезъ 2—3 года громадное большинство членовъ состоитъ уже изъ рабочихъ.

Въ тайныхъ обществахъ сороковыхъ годовъ образованное меньшинство теряетъ постепенно и свое значеніе руководящаго элемента.

Рабочіе сами ведутъ пропаганду въ мастерскихъ и харчевняхъ, сами пишутъ и печатаютъ въ тайныхъ типографіяхъ листки и журналы, запасаютъ оружіе, порохъ и пули для возстанія, къ которому постоянно готовятся. Они находятся въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ тайными обществами другихъ городовъ въ особенности Ліона, гдѣ почти исключительно рабочее революціонное движеніе было гораздо сильнѣе, чѣмъ въ самомъ Парижѣ.

И не только относительно къ числу рабочихъ, но и абсолютно число революціонеровъ изъ буржуазіи, съ половины 30-хъ годовъ, начало сильно уменьшаться. Болѣе умѣренные оттѣнки демократовъ одни за другими удалялись отъ движенія. Наплывъ новыхъ членовъ изъ среды студенчества становился все меньше и меньше.

Буржуазія была въ общемъ довольна правительствомъ Іюльской монархіи. Напряженное состояніе, въ которомъ жило образованное общество при реставраціи, продолжавшее еще отзываться въ первые годы новаго царствованія, постепенно улеглось и буржуазная среда уже не окружала свою учащуюся молодежь той атмосферой, которая толкала ее прежде въ революцію.

Начавшаяся къ концу сороковыхъ годовъ ссора между министерствомъ Гизо и либеральнымъ обществомъ изъ-за избирательной реформы была недостаточно глубока и радикальна, чтобы возобновить эту атмосферу. Серьезными революціонерами, способными на самопожертвованіе остались во Франціи уже одни рабочіе да отдѣльныя личности изъ образованныхъ классовъ, совершенно слившіяся съ этимъ рабочимъ движеніемъ.

Іюньскіе дни, когда рабочіе въ первый разъ увидѣли во вражьихъ рядахъ студенческіе мундиры, вырыли никогда уже не закрывавшуюся вполнѣ пропасть между радикальной буржуазіей и рабочими.

Съ тѣхъ поръ движеніе среди послѣднихъ утихало, разгоралось, затопленное въ крови снова уходило съ публичной арены въ глубь мастерскихъ и постепенно опять начинало проявляться; но оно уже не зависѣло отъ настроенія интеллигенціи, ни мало не подчинялось идеямъ и теоріямъ этой послѣдней.

Съ тѣхъ поръ французскіе рабочіе не разъ увлекались

той или другой личностью изъ буржуазіи. И Гамбетта и Рошфоръ и многіе другіе становились на минуту ихъ идолами, но для того, чтобы пріобрѣтать рукоплесканія толпы, этимъ идоламъ приходилось повторять ея любимыя слова, не увлекать ее своими идеями, а краснорѣчиво излагать тѣ мысли, которыя слушатели уже принесли съ собою. Какъ только идолы проговаривались, вносили свои нотки въ ту музыку, которую желали слушать ихъ обожатели, эти послѣдніе тотчасъ отвертывались отъ нихъ и искали себѣ другихъ выразителей.

Принимать видъ руководителей рабочаго класса люди изъ буржуазіи могли лишь настолько, насколько соглашались безпрекословно слѣдовать за нимъ.

IV.

Французская революціонная молодежь, начавшая дѣйствовать во время реставраціи, уже появилась на свѣтъ съ знаніемъ, гдѣ находится ея революціонная армія. Съ другой стороны и у парижскихъ предмѣстьевъ остались отъ первой республики, если не опредѣленные революціонные идеалы, то по крайней мѣрѣ любимые лозунги и представленіе о своей силѣ.

Въ другомъ положеніи была образованная молодежь Германіи, среди которой, почти одновременно, тоже началось неопредѣленное революціонное броженіе. Рабочіе Германіи еще ничѣмъ не заявили въ то время о своей революціонности. Здѣсь не было и того общаго недовольства всѣхъ непривиллегированныхъ классовъ, которое существовало во Франціи передъ великой революціей. Сравнительно отсталая промышленная жизнь Германіи не такъ рвалась еще изъ старыхъ рамокъ. Къ тому же наиболѣе кричащія, всѣхъ и каждаго царапающія неурядицы стараго строя были уже отмѣнены еще во время наполеоновскихъ войнъ, и гражданскія реформы продолжались въ Германіи и при реставраціи, несмотря на страшную политическую реакцію.

Недовольно и взволновано было только нѣмецкое образованное общество.

„Вся Германія, говоритъ Гейне о концѣ XVIII вѣка,

спала тогда свинцовымъ сномъ и только въ ея литературномъ мірѣ замѣчалось самое усиленное кипѣніе... Когда въ Парижѣ волновалось море революціи, ему вторила буря въ сердцахъ нѣмецкихъ писателей" [1]).

Если въ концѣ второго десятилѣтія XIX вѣка сонъ Германіи уже не былъ такимъ свинцовымъ, она все же еще дремала, но число сердецъ, бившихся отъ общихъ, не личныхъ вопросовъ, въ ней сильно увеличилось. Литературный міръ Германіи пережилъ за 30 лѣтъ, прошедшихъ съ того момента, о которомъ говоритъ Гейне, не мало превращеній; пережилъ и обожаніе древней Германіи, связанное съ реакціей противъ всего французскаго, но все время онъ не переставалъ жить самой усиленной умственной жизнью и создалъ довольно широкій кругъ читателей.

Полное отсутствіе политической свободы, давшее себя почувствовать во всей силѣ именно послѣ избавленія отъ галловъ, противъ которыхъ такъ кричало образованное общество, возбуждало въ его средѣ усиленное недовольство и броженіе. Это броженіе, какъ и всякое подобное броженіе образованнаго общества, сосредоточивалось въ безконечно усиленной степени въ средѣ учащейся молодежи. Недовольство солидныхъ, либеральныхъ людей сказывалось въ жалобахъ на зло и въ похвалахъ добру. Молодежь подъ вліяніемъ этихъ жалобъ и похвалъ почувствовала себя обязанной бороться со зломъ и осуществить добро. Этому впрочемъ способствовали и любимые учителя изъ старшаго поколѣнія. На юношество возлагалъ всѣ надежды умершій въ 1814 г. Фихте. Онъ говорилъ, что современное ему „погрязшее въ эгоизмѣ поколѣніе должно сойти со сцены прежде чѣмъ наступитъ время свободы", и старался подготовить юношество къ предстоящей великой задачѣ, внушить ему сознаніе его будущаго значенія. И учащаяся молодежь прониклась той мыслью, что на ней лежитъ обязанность возродить Германію.

Ея представленія о томъ, въ чемъ именно должно заключаться это возрожденіе, были не особенно опредѣленны. Прежде всего, конечно,—въ свободѣ, затѣмъ въ добродѣтели, которою должны проникнуться высшіе классы. Народу этого

[1]) Über Deutschland.

не нужно, такъ какъ въ немъ живетъ древне-германскій духъ, полный добродѣтели. Съ этимъ духомъ, нарисованнымъ немножко по Тациту, главнымъ же образомъ по романтической литературѣ, поэтизировавшей германскія преданія среднихъ вѣковъ, очень носились нѣмецкіе юноши. Въ народѣ — предполагалось — этотъ древній, свободный, великій, добродѣтельный духъ совершенно цѣлъ и лишь сдавленъ внѣшнимъ гнетомъ. Стоитъ снять съ народа гнетъ, да возродить къ добродѣтели испорченные иностраннымъ вліяніемъ высшіе и даже вообще городскіе классы и тогда лучше, выше, счастливѣе единой Германіи нельзя будетъ ничего себѣ представить. И все это совершить—освободить и возродить—взяла на себя молодежь.

Состояніе учащейся молодежи въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Россіи сильно напоминаетъ этотъ первый моментъ нѣмецкаго движенія. Слова, понятія—были другія. Нѣмецкій буршъ писалъ стихи, увлекался философіей, былъ даже на свой манеръ религіозенъ и очень любилъ Христа, видя въ немъ, впрочемъ, исключительно человѣка, пожертвовавшаго жизнью за свои убѣжденія. „Ein Cristus sollst du werden", что означало: „ты долженъ умереть за свои убѣжденія", говорилось въ одномъ очень распространенномъ въ средѣ молодежи стихотвореніи, найденномъ также у Занда, убившаго Коцебу.

Слова — были различны. Но выдѣленіе „молодого поколѣнія" въ особый лагерь, къ которому причислялись лишь любимые профессора и писатели, и противопоставленіе этого молодого лагеря всему остальному старшему поколѣнію „филистеровъ" (у насъ ретроградовъ), съ которыми предстояло вести борьбу; это еще неопредѣленно-революціонное, но страшно возбужденное настроеніе молодежи, которое— какъ въ Германіи, такъ и у насъ—должно было неминуемо привести ее къ столкновенію съ правительствомъ — чрезвычайно аналогично.

Столкновеніе началось съ Вартбургскаго праздника, на которомъ представители студенческихъ корпорацій всѣхъ университетовъ заявили свою вражду къ филистерству сожженіемъ произведеній нѣкоторыхъ реакціонныхъ писателей. Правительство отвѣтило преслѣдованіями студентовъ и любимыхъ профессоровъ. Настроеніе молодежи обострилось.

Изъ общаго, открытаго студенческаго союза начали выдѣляться тайныя общества по образцу французскихъ карбонаровъ. Къ неопредѣленнымъ, сводившимся болѣе къ выраженіямъ порицанія и одобренія, средствамъ борьбы, тайныя общества прибавили опредѣленныя: политическія убійства.

Первое — убійство Коцебу, реакціоннаго писателя, находившагося на жалованьи у русскаго правительства и вызывавшаго—нѣмецкія на преслѣдованія университетовъ и литературы, возбудило сочувствіе въ широкихъ слояхъ образованнаго общества. Прусская полиція, занимавшаяся усерднѣйшимъ чтеніемъ частной корреспонденціи, натыкалась на сочувственные отзывы о Зандѣ въ письмахъ докторовъ, юристовъ, даже пасторовъ. Но вскорѣ послѣдовавшее второе политическое убійство прошло уже сравнительно незамѣченнымъ.

Со стороны нѣмецкихъ правительствъ эти убійства вызвали цѣлый рядъ преслѣдованій. Арестовывали массами, слѣдствія тянулись безъ конца.

Начатое въ 1819 году послѣ убійства Коцебу разслѣдованіе окончилось лишь въ 29-мъ. Одного вступленія въ тайное общество, безъ всякихъ иныхъ преступленій, для прусскаго правительства было достаточно, чтобы приговорить десятки арестованныхъ въ 23-емъ году студентовъ къ 15-ти годамъ заключенія въ крѣпости.

На юношей заговорщиковъ направлено было все вниманіе правительствъ, о нихъ съѣзжались совѣщаться государи „Священнаго Союза". Противъ нихъ изданы были Карлсбадскія постановленія, введшія цензуру, ограничившія права университетовъ и отдавшія ихъ цѣликомъ подъ надзоръ полиціи.

Нѣмецкое общество втихомолку огорчалось и негодовало, но безмолствовало. Молодежь продолжала волноваться, но около 15-ти лѣтъ движеніе вертѣлось въ безвыходномъ кругу не наталкиваясь на дѣятельность, при которой его силы могли бы постоянно рости. Революціонеры мечтали о крестьянскихъ возстаніяхъ (революціоннымъ воспоминаніемъ нѣмецкой исторіи были крестьянскія войны, какъ у насъ бунты Разина и Пугачева), о военныхъ переворотахъ, надежды на которые были возбуждены удачными пронунсіаменто въ Испаніи и Италіи 20-го и 21-го годовъ, но всего

больше надеждъ возлагалось на тирано-убійства. съ которыми при 33-хъ нѣмецкихъ тиранахъ предстояла большая работа.

Убійствъ, однако, не происходило, о нихъ только сговаривались. У нѣмецкой революціонной интеллигенціи не выработалось искусства жить „нелегально" и дѣйствовать по нѣскольку лѣтъ на мѣстѣ, несмотря на розыски полиціи,— того искусства, благодаря которому у русской молодежи конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ оказались опытные руководители, создавшіе всю силу русскаго терроризма.

Намѣченный полиціей нѣмецкій революціонеръ принужденъ былъ эмигрировать или былъ арестованъ. Поэтому до половины 30-хъ годовъ движеніе почти не выходило за предѣлы учащейся молодежи. Послѣдовавшее въ первые годы Іюльской монархіи болѣе тѣсное сближеніе съ французской революціонной партіей вылѣчило нѣмецкихъ эмигрантовъ отъ ихъ самобытныхъ фантазій. Вмѣстѣ съ французскими революціонерами они стали демократами, затѣмъ часть ихъ перешла къ коммунизму. Это быстро отозвалось и въ самой Германіи. Основанный въ 1833 году студентомъ Георгомъ Бюхнеромъ революціонный союзъ, названный имъ по образцу французскаго союза „Обществомъ правъ человѣка" проповѣдывалъ уже крайне демократическіе, окрашенные коммунизмомъ взгляды. Но въ членахъ союза еще жило убѣжденіе, что въ земледѣльческой Германіи освободительная роль принадлежитъ земледѣльцамъ, и это убѣжденіе заставило ихъ обращаться со своей пропагандой главнымъ образомъ къ крестьянамъ и потерпѣть неудачу.

Однако, начатая въ то же время эмигрантами во Франціи и Швейцаріи пропаганда среди нѣмецкихъ рабочихъ, заходившихъ туда на заработки и затѣмъ возвращавшихся на родину, постепенно измѣнила весь характеръ и ходъ нѣмецкаго революціоннаго движенія.

Скоро число революціонеровъ изъ рабочихъ значительно перевѣсило, и за границей и въ Германіи, число революціонной интеллигенціи. Возвращаясь на родину, рабочіе, члены основанныхъ за границей тайныхъ революціонныхъ обществъ, уносили съ собой ихъ изданія и организовывали въ Германіи тайныя секціи. Время отъ времени полиція открывала эти секціи, ихъ членовъ держали подъ безконеч-

ными нѣмецкими слѣдствіями и приговаривали къ многолѣтнему заключенію. Но число вновь возникавшихъ секцій постоянно перевѣшивало исчезающія. При этомъ, чего не случалось съ заговорами, состоявшими исключительно изъ интеллигенціи, многимъ тайнымъ рабочимъ обществамъ удавалось просуществовать неоткрытыми по нѣскольку лѣтъ и выработать опытныхъ и искусныхъ конспираторовъ, которымъ уже не такъ опасна была зоркость полиціи.

Въ сороковыхъ годахъ нѣмецкое революціонное движеніе, въ особенности коммунистическое, является уже чисто рабочимъ движеніемъ. Интеллигенція поставляетъ этому движенію большинство его писателей и руководителей, но ей ужъ больше и въ голову не приходитъ мечтать о достиженіи своихъ идеаловъ какими-нибудь иными путями помимо рабочаго движенія. „Тогда (около 48-го г.), говоритъ Энгельсъ, приходилось собирать по одному рабочихъ, понимавшихъ свое положеніе и свою исторически-экономическую противоположность капиталу, такъ какъ сама эта противоположность еще только возникала“. Ихъ приходилось собирать по одному, но коммунисты ихъ собирали и насбирали не мало. Пониманіе своего положенія у рабочихъ, вовлеченныхъ въ движеніе, демократами было очень не полно, но и у нихъ впереди была великая цѣль, о которой они думали, для которой жили и дѣйствовали, и уже это одно поднимало ихъ высоко надъ ихъ прежнимъ состояніемъ и надъ всѣмъ остальнымъ, живущимъ лишь личными цѣлями, міромъ.

Когда во Франціи была учреждена вторая республика и у нѣмецкихъ правительствъ явилось предчувствіе, что и имъ не сдобровать, а все либеральное и революціонное, все, что желало измѣненія существовавшаго режима, стало дѣлать усилія, чтобы оправдать доброе мнѣніе нѣмецкихъ государей о своихъ подданныхъ,—нѣмецкіе рабочіе, увлеченные своимъ передовымъ, мыслящимъ отрядомъ, явились освободительной арміей Германіи.

Мы не хотимъ сказать, что для нѣмецкой революціи 48 года только и нужна была, что рабочая революціонная армія. Наоборотъ, для нея была совершенно необходима либеральная буржуазія. Необходима, во-первыхъ, потому, что если бы она не суетилась, не путалась въ дѣло, не

мѣшала правительству, оно боролось бы гораздо энергичнѣе и революціонныхъ силъ быть можетъ не хватило бы для того, чтобы одолѣть его. Хотя съ другой стороны, не стой за либералами рабочіе, правительство не обратило бы на ихъ суетню никакого вниманія.

Во-вторыхъ, буржуазія была необходима, потому что только она и могла воспользоваться плодами борьбы, взять въ свои руки выпадавшее изъ рукъ правительства веденіе дѣлъ страны. И потому-то, что въ общемъ она была въ Германіи, въ особенности въ Пруссіи, очень труслива, практична и благоразумна, а вслѣдъ за побѣдой съ нея быстро соскочили всѣ остатки стараго идеализма, и свободолюбія, она и не удержала во всей полнотѣ завоеванныхъ революціонерами свободъ и правъ человѣка, а удержала лишь нѣкоторое участіе въ управленіи, кое-какія конституціи.

Либеральная буржуазія была необходима для революціи. Но революціонеры изъ буржуазныхъ классовъ Германіи сдѣлали и могли сдѣлать для этой революціи только одно: подготовить къ ней рабочихъ и сражаться вмѣстѣ съ ними. Только такую помощь они и могли оказать своимъ либеральнымъ отцамъ. Вліять на этихъ отцовъ было вовсе не ихъ дѣло, они и сами-то были именно порожденіемъ того идеализма и свободолюбія, которые накоплялись у стремившейся къ управленію общественными дѣлами буржуазіи. Она въ нихъ выражала свою энергію. Когда послѣ 48 года буржуазія отрезвилась, стала практичной и благоразумной— исчезла и революціонная молодежь. Когда въ 60-хъ годахъ рабочіе снова подняли движеніе, молодая интеллигенція въ немъ не участвовала, какъ не участвовала и вся масса революціонеровъ изъ буржуазіи, дѣйствовавшихъ въ 40-хъ годахъ. Лишь нѣсколько исключительныхъ личностей остались вѣрны революціонному пролетаріату и явились его незамѣнимыми вождями.

Но какъ ни печально закончился революціонный годъ Германіи, онъ, вмѣстѣ съ предшествовавшимъ ему періодомъ, сдѣлалъ очень, очень много для нѣмецкихъ рабочихъ.

За это время рабочій классъ Германіи успѣлъ пройти первый курсъ той школы, окончаніемъ которой будетъ его полное и всестороннее освобожденіе.

V.

Для тѣхъ изъ нашихъ читателей, которымъ кажется, что на Западѣ пропаганда соціализма возможна потому, что тамъ рабочіе развиты и принимаютъ участіе въ политической жизни, а у насъ невозможна потому, что наши не развиты и не принимаютъ,—для думающихъ такъ читателей не безъинтересно будетъ мнѣніе Георга Адлера, написавшаго исторію этого перваго фазиса рабочаго движенія въ Германіи.

Адлеръ—противникъ соціализма. Современное соціалъ-демократическое движеніе въ Германіи онъ считаетъ „безусловно преступнымъ“, „совершенно непростительнымъ“ Онъ думаетъ, что улучшенія въ положеніи рабочаго класса необходимы, но они должны дѣлаться мирнымъ путемъ постепенныхъ реформъ, постепеннаго рѣшенія назрѣвшихъ вопросовъ.

Но „исторія убѣдила“ Адлера, что по собственной иниціативѣ имущіе классы ничего не сдѣлаютъ для рабочихъ, что для осуществленія самаго что ни на есть постепеннаго улучшенія необходимо самостоятельное движеніе въ рабочемъ классѣ, а для такого движенія необходимо умственное пробужденіе этого класса, необходимъ интересъ къ общимъ вопросамъ. Разбудить же рабочій классъ, вызвать въ его средѣ умственное движеніе могли, по мнѣнію Адлера, только революціонныя теоріи. Поэтому, хотя „Союзъ коммунистовъ“ проповѣдовалъ точь въ точь то же, что и современные, осуждаемые имъ, соціалъ-демократы, хотя вообще въ сороковыхъ годахъ среди рабочихъ были распространены самыя крайнія теоріи, Адлеръ находитъ тѣмъ не менѣе, что революціонный соціализмъ сороковыхъ годовъ не только заслуживаетъ снисхожденія, но былъ благодѣтельнымъ необходимымъ явленіемъ... „Или можно въ самомъ дѣлѣ думать, говоритъ онъ, что массы пришли бы въ движеніе, если бы не видѣли предъ собой громадной (gewaltig-grosses) цѣли [1]). Представьте себѣ положеніе низшихъ классовъ,

---

[1]) Стр. 293. Читая эту страницу, можно подумать, что Адлеръ въ 85 г. предугадалъ, что будетъ писать въ 88 году г. Вас. Жукъ въ своей статьѣ 1-го нумера „Свободной Россіи“ и возражаеть именно на его вы-

еще не проникнутыхъ умственнымъ движеніемъ. Ихъ можно было привести въ движеніе противъ старыхъ преданій, лишь давши имъ великую надежду въ родѣ всеосчастливливающаго соціальнаго государства. Чтобы они стряхнули съ себя летаргію, было поэтому необходимо обѣщать имъ полное уничтоженіе ихъ страданій". Никакія другія воззрѣнія, утверждаетъ Адлеръ, не нашли бы отзвука въ сердцахъ низшихъ классовъ". Ни за какія другія идеи изъ его рядовъ не вышло бы „апостоловъ"... „отдававшихъ за нихъ всю жизнь, терпѣвшихъ за нихъ всевозможныя страданія и лишенія. А для того, чтобы соціально-реформаторскія идеи охватили народъ, необходимы были сотни за сотнями (Hunderte und über Hunderte) такихъ одушевленныхъ апостоловъ.

Теперь, когда „апостолы" уже сдѣлали свое дѣло, когда соціализму удалось уже возбудить умственное движеніе среди рабочихъ и сдѣлать ихъ такимъ образомъ способными принимать участіе въ общественной жизни страны, рабочіе обязаны, по мнѣнію Адлера, отказаться отъ своихъ соціалистическихъ теорій, говорящихъ объ уничтоженіи частнаго капитала, обратить все свое вниманіе лишь на такія постепенныя реформы, къ которымъ можно склонить имущіе классы, а не стремиться все къ той же „громадной цѣли", какъ это дѣлаютъ соціалъ-демократы, раздражая такимъ

лазку „противъ группъ", ставящихъ своей задачей и вовлеченіе въ движеніе русскаго рабочаго, а также на его намѣреніе поднять „умственный и нравственный уровень рабочихъ" посредствомъ грамоты, и „путемъ мирной и чисто культурной, а не революціонной дѣятельности, подготовить рабочую и крестьянскую массу къ сознательному воспріятію идей политической свободы". Не „поднятъ" былъ въ сороковыхъ годахъ „умственный уровень" и у нѣмецкихъ рабочихъ и никакая политическая жизнь не „расширяла ихъ кругозора", Но охваченные дѣйствіемъ „чисто революціонной" пропаганды, они въ своихъ обществахъ страстно учились и учили другъ друга даже такимъ элементарнымъ вещамъ, какъ искусству писать и считать. И для того одного, чтобы измученный трудомъ рабочій сталъ тратить на это свои короткіе досуги, уже нуженъ энтузіазмъ, нужно одушевленіе, которое можетъ дать ему лишь революціонное сознаніе его великаго будущаго. А безъ такого сознанія не поможетъ ему и пройденное въ школѣ „Родное слово". А ужъ объ „нравственной-то крѣпости, которая дается образованіемъ" лучше бы не говорить. Полно, такъ-ли ужъ высокъ „нравственный уровень" имущихъ классовъ? А вѣдь въ нихъ вдалбливаютъ въ школахъ не одно „Родное слово", а элементы всѣхъ возможныхъ наукъ.

поведеніемъ буржуазію. „Свободная Россія" [1]) пытается, впрочемъ, увѣрить русскихъ читателей, что западные рабочіе уже прониклись рекомендуемой Адлеромъ умѣренностью и аккуратностью, но она ошибается, конечно, какъ ошибается и Адлеръ, воображая, что *мыслящій пролетарій* можетъ не быть соціалъ-демократомъ. Научный соціализмъ есть именно его идея, объясненіе его положенія, его неизбѣжной борьбы и ея возможнаго исхода. По пути, онъ не отказывался и не откажется добиваться всѣхъ тѣхъ законодательныхъ мѣръ, которыя облегчаютъ его дальнѣйшую борьбу. Но ни при какихъ мѣрахъ, ни въ какомъ случаѣ пролетаріатъ не можетъ перестать стремиться къ уничтоженію основаннаго на частной собственности строя, потому что самъ является продуктомъ разложенія этого строя.

При устойчивомъ, не разлагающемся экономическомъ строѣ есть, конечно, бѣдняки, но положеніе этихъ бѣдняковъ, ихъ бѣдныя средства къ существованію обезпечены и закрѣплены за ними закономъ и обычаемъ. Нищій въ средневѣковомъ городѣ и тотъ имѣлъ свое общественное положеніе: свой кругъ давальцевъ, свое мѣсто на паперти. Въ неразлагающемся строѣ людей лишаетъ средствъ къ существованію то или другое насиліе или нарушеніе обычнаго хода вещей: война, грабежъ, пожаръ, неурожай, наводненіе. Въ устойчивой средневѣковой Европѣ всѣ такія несчастія случались гораздо чаще чѣмъ теперь, но едва проносилась гроза, все опять стремилось прійти въ прежнее положеніе и приходило въ той или другой степени, такъ какъ сама экономическая основа всего строя была сравнительно уравновѣшена.

Въ современномъ разлагающемся строѣ число людей, лишенныхъ всякой собственности, постоянно ростетъ, а ихъ положеніе роковымъ образомъ ухудшается не при насиліяхъ или нарушеніяхъ обычнаго хода вещей, а при самомъ нормальномъ, спокойномъ ихъ теченіи; не вслѣдствіе общественныхъ несчастій, а вслѣдствіе общественнаго прогресса. То или другое научное открытіе или новое изобрѣтеніе можетъ производить въ этомъ строѣ опустошенія, превосходящія по числу жертвъ самые ужасные пожары, самыя

---

[1]) № 2. „Очерки соціальнаго движенія".

обширныя наводненія. Почти каждое промышленное усовершенствованіе стремится или отнять заработокъ у возможно большаго числа пролетаріевъ, или увеличить ихъ массу посредствомъ раззоренія ремесленниковъ и крестьянъ. И никакіе законы, никакія реформы не могутъ предотвратить такихъ послѣдствій нормальнаго развитія промышленности—ничто не можетъ помочь пролетарію, кромѣ уничтоженія частной собственности. Онъ является такимъ образомъ революціонеромъ по самой сущности своего положенія.

Въ самомъ началѣ своей революціонной исторіи онъ боролся подъ предводительствомъ буржуазной интеллигенціи за свободу и равенство. Когда, осуществляясь въ основанномъ на экономическомъ неравенствѣ строѣ, свобода свелась къ правительству буржуазіи, а равенство къ уничтоженію сословныхъ привиллегій, участвовавшій въ движеніи пролетаріатъ, вмѣстѣ съ меньшинствомъ революціонеровъ изъ буржуазной среды перешелъ къ коммунизму. Но этотъ первоначальный коммунизмъ сохранилъ отъ прежней политической борьбы всю, такъ сказать, техническую сторону своей программы. Какъ замѣна одного правительства другимъ достигалась сразу однимъ возстаніемъ, такъ же, предполагалось, можетъ въ каждую данную минуту быть осуществленъ и коммунизмъ, если только коммунисты захватятъ власть послѣ побѣдоноснаго возстанія. Лишь предъ концемъ историческаго періода, отмѣченнаго революціоннымъ броженіемъ въ средѣ буржуазіи, началъ распространяться новый коммунизмъ, по ученію котораго торжество соціальной революціи неизбѣжно, такъ какъ къ нему ведетъ прогрессъ капиталистическаго производства. Но эта революція не совершается однимъ ударомъ, однимъ возстаніемъ, а является цѣлымъ, болѣе или менѣе продолжительнымъ [1]) процессомъ, въ теченіе котораго растетъ, воспитывается и организуется пролетаріатъ, участвуя въ каждой прогрессивной борьбѣ: вмѣстѣ съ буржуазіей противъ абсолютизма, съ мелкой буржуазіей противъ крупной, но оставаясь до времени оппозиціонной, а не господствующей партіей, такъ какъ для соціалистовъ преждевременный захватъ власти, пока еще значи-

[1]) Ни въ какомъ случаѣ не требующимъ, однако, ни тысячелѣтій, ни столѣтій; за это ручается намъ и быстрый ходъ промышленнаго прогресса, и быстрые успѣхи организаціи пролетаріата

тельная часть даже самаго пролетаріата остается неорганизованной, былъ бы не побѣдой, а отсрочкой ихъ окончательнаго торжества.

Теперь такое пониманіе соціалистической революціи стало ученіемъ всего развитаго, мыслящаго революціоннаго пролетаріата.

Въ его движеніи буржуазная интеллигенція давно уже не участвуетъ. На сотни тысячъ соціалистовъ рабочихъ едва наберутся десятки, принадлежащихъ по рожденію къ буржуазіи. Эта послѣдняя удовлетворена, консервативна и можетъ поэтому такъ воспитывать свои молодыя поколѣнія, что имъ не приходятъ уже въ голову никакія идеи. Но пока буржуазія выдѣляла изъ своей среды революціонеровъ, они никогда не защищали ея программъ, не являлись въ своемъ сознаніи борцами за ея интересы. Да и не могли являться. Чтобы имѣть одушевляющую силу, необходимую для опасной, самоотверженной борьбы, революціонныя программы должны давать своимъ сторонникамъ право чувствовать себя представителями интересовъ всѣхъ угнетенныхъ и обездоленныхъ и не частныхъ, минутныхъ ихъ интересовъ, а общихъ, великихъ интересовъ ихъ будущаго. Ближайшимъ послѣдствіемъ всей дѣятельности революціонной интеллигенціи было лишь торжество буржуазіи, но въ тоже время она оказала народу ту именно услугу, какая была нужна ему, разбудивши мысль передовыхъ кружковъ рабочаго класса и помогая рабочимъ при первыхъ попыткахъ ихъ революціонныхъ организацій.

Это въ сущности все, что могла сдѣлать для народа революціонная интеллигенція.

Полное экономическое освобожденіе народа можетъ быть лишь дѣломъ самого народа. Для успѣшной борьбы за это освобожденіе нужна безконечно большая сила, чѣмъ для сверженія, при попустительствѣ со стороны высшихъ классовъ, какого бы то ни было правительства; нужна такая высокая степень сознательности и самодѣятельности рабочаго класса, что рядомъ съ этой силой не имѣла бы значенія очень серьезная при извѣстныхъ комбинаціяхъ, но въ сущности хрупкая сила революціонной интеллигенціи.

VI.

Въ то время, когда окончательно затихаетъ революціонное движеніе среди образованныхъ слоевъ западной буржуазіи, начинается аналогичное сильное и самостоятельное движеніе въ Россіи.

Отдѣльными, наиболѣе развитыми личностями и группами она давно уже участвовала въ жизни мыслящей Европы. Всѣ наши передовые кружки первой половины девятнадцатаго вѣка развивались подъ вліяніемъ современнаго имъ западнаго движенія. Но они были колоніями просвѣщенныхъ чужестранцевъ, заброшенныхъ въ азіатское царство. Кромѣ небольшихъ группъ въ столицахъ да одинокихъ читателей, разбросанныхъ по городамъ и помѣщичьимъ усадьбамъ, вся Россія жила тогда тою, никѣмъ не продуманной, а самостоятельно выросшею, вѣками сложившеюся „мудростью предковъ", которую отцы передавали дѣтямъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ какихъ слышали ее отъ дѣдовъ. И ничто вокругъ не заставляло дѣтей сомнѣваться въ этой мудрости. Всѣ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, жили при почти одинаковыхъ условіяхъ, получая едва измѣняющіяся впечатлѣнія, дѣлая тоже и почти также, какъ дѣлали тридцать, сорокъ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Чтобы вырваться изъ круга этой массовой, окоченѣлой мысли, при тогдашнихъ условіяхъ нужно было высшее образованіе, знаніе иностранныхъ языковъ, достававшееся лишь немногимъ зажиточнымъ дворянамъ, и ко всему этому нужны были еще и выдающіяся умственныя силы. Начавшіяся съ конца пятидесятыхъ годовъ реформы почти всего нашего гражданскаго строя, измѣняя условія стараго быта, расшатали съ нимъ вмѣстѣ и выросшую изъ него бытовую мудрость. Онѣ перевернули вверхъ дномъ обыденное существованіе всѣхъ самыхъ „дикихъ" помѣщиковъ, самыхъ заскорузлыхъ чиновниковъ, онѣ же погнали въ города лишившихся пріюта дворовыхъ и массы крестьянъ, бѣжавшихъ туда на открывшіеся заработки добывать деньги на уплату возраставшихъ податей. Желѣзныя дороги въ нѣсколько лѣтъ совершенно измѣняли физіономію самыхъ захолустныхъ городковъ, черезъ которые проходили.

Обо всемъ этомъ новомъ, невиданномъ и неслыханномъ старая мудрость рѣшительно не знала, что сказать. При этомъ новости били ее по самому чувствительному мѣсту, измѣняя способы пріобрѣтенія доходовъ и заставляли злиться, теряться и нести очевиднѣйшую ерунду. Подроставшая молодежь вдругъ почувствовала себя умнѣе отцовъ. Она почти инстинктивно была на сторонѣ всего новаго и уже этимъ однимъ выдѣлялась, чуть не въ каждомъ провинціальномъ городѣ, въ свой особый мірокъ, для котораго любой бойкій гимназистъ или семинаристъ, прочитавшій хоть пару журнальныхъ статей, — о заѣзжемъ студентѣ ужъ и говорить нечего,—становился непререкаемымъ авторитетомъ, окончательно разрушавшимъ уже расшатанное уваженіе ко всему, что было свято и неприкосновенно для бытовой мудрости, вдругъ оказавшейся „устарѣлымъ предразсудкомъ".

Всему этому юному люду было душно и тѣсно въ провинціи, всѣ рвались въ университетскіе города за отвѣтами на свои запросы и уже съ смутнымъ предчувствіемъ какого-то великаго дѣла.

У этой, такъ быстро пробудившейся, такъ сильно взволнованной молодежи, была громадная потребность въ свободѣ. По сравненію съ предыдущимъ періодомъ свобода, или вѣрнѣе, послабленія были довольно значительны, но теперь каждое стѣсненіе чувствовалось гораздо сильнѣе.

Люди сороковыхъ годовъ, дошедшіе путемъ науки и постепеннаго развитія до отрицанія традиціонныхъ взглядовъ, оторванные отъ окружающей среды, могли довольствоваться осторожной литературной пропагандой лишь части своихъ воззрѣній, оставляя для дружескихъ бесѣдъ за чайнымъ столомъ самыя задушевныя свои убѣжденія.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи находилась молодежь шестидесятыхъ годовъ, у которой не наука (враги не ошибались, называя ее „недоучившейся"), а измѣнившіяся условія жизни вызвали отрицаніе всѣхъ традиціонныхъ заповѣдей болѣе полное и безпощадное, чѣмъ отрицаніе ихъ образованныхъ предшественниковъ. Люди сороковыхъ годовъ относились съ своего рода уваженіемъ, съ философскимъ признаніемъ, ко многому изъ отрицаемаго; они по большей части снисходительно сторонились отъ проявленій въ живой дѣйствительности всего того, съ чѣмъ порѣшили въ теоріи.

Молодежь, уже по одному своему молодому незнанію, не могла одновременно признавать и отрицать, уважать и разбирать. Ей требовались категорическіе отвѣты на ея вопросы, и непремѣнно на всѣ сразу—безъ недомолвокъ и сомнѣній. Она не только не чувствовала оторванности отъ окружающей среды, а была наоборотъ твердо убѣждена, что не соглашаться съ ней свойственно лишь „дряхлымъ отжившимъ ретроградамъ“, а всему живому стоитъ лишь услыхать „новое слово“, чтобы присоединиться къ ней. У нея развилась поэтому непреодолимая потребность распространять свои юные и рѣзкіе взгляды, приводившіе въ сильнѣйшее негодованіе не только дѣйствительныхъ „ретроградовъ“, но и многихъ очень образованныхъ людей старшаго поколѣнія. Многочисленная, взволнованная и смѣлая — молодежь не могла довольствоваться и бесѣдами за чайнымъ столомъ; ей нужны были многолюдныя сходки. Всѣ эти свойства и потребности быстро поставили ее во враждебное отношеніе къ правительству. Послѣ запрещенія сходокъ и воскресныхъ школъ, приговора надъ Михайловымъ, въ особенности же послѣ ареста Чернышевскаго все „молодое поколѣніе“, „новые люди“, „нигилисты“, какъ называли ихъ тогда, всей душой возненавидѣли правительство и причислили его къ тѣмъ „самодурамъ“, которымъ уже не долго коптить небо.

Русская образованная среда вступила, наконецъ, уже не отдѣльными единицами, а широкимъ, сильнымъ теченіемъ, захватывавшимъ хоть на мгновеніе, все спобобное думать и чувствовать въ тотъ возбужденный, революціонный періодъ, который пережила Западная Европа.

Изъ такой среды не могли не начать выдѣляться группы наиболѣе искреннихъ и смѣлыхъ юношей, готовыхъ вступить въ активную борьбу. И дѣйствительно, воспитавшіяся подъ вліяніемъ своихъ старшихъ братьевъ поколѣнія семидесятыхъ годовъ выставили такой огромный процентъ серьезно преданныхъ своему дѣлу борцовъ, какой едва ли былъ когда превзойденъ учащимися поколѣніями Франціи и Германіи въ самыя горячія времена ихъ революціоннаго движенія.

Несомнѣнно, что низверженіе самодержавія было ближайшимъ завоеваніемъ, лежавшимъ на пути этого движенія. Несомнѣнно также, что русскіе, какъ и всякіе другіе

революціонеры, нуждались прежде всего въ такой программѣ, которая санкціонировала бы ихъ дѣятельность, какъ борьбу за интересы всего народа, за общее счастье, и что поэтому они не могли явиться исключительно политическими революціонерами, какъ не могутъ и теперь, не переставши быть революціонерами, забыть соціализмъ и заняться исключительно вопросомъ о политической свободѣ и „правахъ человѣка“.

Эта свобода, эти права для тѣхъ, кто говоритъ о нихъ теперь, имѣютъ совсѣмъ не тотъ смыслъ, какой имѣли когда-то для революціонеровъ. Въ старомъ революціонномъ смыслѣ уже никто на свѣтѣ говорить о нихъ не можетъ.

Сами побѣжденные остатки французскихъ якобинцевъ еще въ 1797-мъ году выступили въ заговорѣ Бабефа сторонниками коммунизма, признавши, что только при устраненіи имущественнаго неравенства и могутъ осуществиться для народа права человѣка.

Послѣдней, развитой формой этого коммунизма, основанной на данныхъ, выработанныхъ человѣческой мыслью во всѣхъ областяхъ знанія, является современный соціализмъ—соціаль-демократія.

Если бы наше революціонное движеніе могло съ самаго начала воспользоваться опытомъ революціонной Европы и результатами ея мысли, оно стало бы въ борьбѣ съ самодержавіемъ на точку зрѣнія союза коммунистовъ, боровшагося въ 48-мъ г. за политическую свободу не какъ за свой конечный идеалъ, а какъ за первый шагъ въ той соціальной революціи, которую ставилъ своей цѣлью.

Сосредоточивъ всѣ силы на пропагандѣ соціализма среди городскихъ рабочихъ, русскіе революціонеры смотрѣли бы на борьбу за политическую свободу, какъ на одинъ изъ эпизодовъ долгой борьбы революціоннаго пролетаріата, какъ на его первую битву, дающую громадный размахъ всему движенію, удесятеряющую разливъ соціалистическихъ идей и дозволяющую движенію, послѣ побѣды, перейти въ слѣдующій фазисъ: отъ организаціи тайныхъ кружковъ обратиться къ открытой организаціи рабочихъ массъ.

Взявшись за это дѣло, наша революціонная интеллигенція навѣрное не растратила бы задаромъ своихъ силъ, и для

борьбы съ русскимъ самодержавіемъ давно существовала бы революціонная армія.

Къ несчастью, цѣлый рядъ и исторически неизбѣжныхъ, и случайныхъ вліяній сперва, съ самаго начала движенія, отстранилъ молодую русскую интеллигенцію отъ серьезнаго знакомства съ Европой, а потомъ заставилъ ее уже сознательно отвернуться отъ Запада, рѣшить, что „не про насъ писали“ и думали его мыслители, что для насъ нѣтъ ничего поучительнаго въ его исторіи.

VII.

Въ первый моментъ пробужденія русскимъ людямъ было не до Европы. Освобожденіе крестьянъ и устройство ихъ быта естественно должно было привлечь къ себѣ все вниманіе образованной среды. Затѣмъ подросшему поколѣнію „новыхъ людей“, взбунтовавшихся противъ бытовой мудрости, необходимо было оправдать и осмыслить свой бунтъ, создать новую нравственность, взамѣнъ цѣликомъ отвергнутаго житейскаго кодекса. Удовлетворенію этой потребности посвящены были силы значительной части любимой молодежью литературы шестидесятыхъ годовъ.

Изъ авторитетныхъ писателей того времени едва ли не одинъ Чернышевскій заботился о распространеніи экономическихъ и историческихъ знаній среди молодежи. И на долгіе годы мы въ этихъ областяхъ остались при тѣхъ свѣдѣніяхъ, какія успѣлъ онъ сообщить намъ въ теченіе своей недолгой литературной дѣятельности.

За это время мы потеряли, такъ сказать, нить революціонной мысли Запада, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самый интересъ къ общественнымъ наукамъ.

Въ этомъ играло не малую роль и то положеніе, въ какомъ очутились эти науки въ самой Европѣ къ тому времени, когда начало складываться наше движеніе.

Вмѣстѣ съ наступившимъ послѣ 48-го года отрезвленіемъ образованныхъ слоевъ европейской буржуазіи отъ излишняго пристрастія къ свободѣ и „справедливости“ по отношенію къ низшимъ классамъ, ихъ покинулъ и всякій идейный, теоретическій интересъ къ общественнымъ вопросамъ. Мень-

ше и меньше стало появляться замѣчательныхъ произведеній и даже просто талантливыхъ профессоровъ по всѣмъ отраслямъ знанія, имѣющимъ какое-нибудь касательство съ жгучими соціальными вопросами.

Изученіе этихъ вопросовъ переселилось въ самой Европѣ изъ студенческихъ квартиръ, изъ широкой, хорошо оплачиваемой литературы на чердаки и въ подвалы рабочихъ жилищъ, въ грошевую рабочую литературу и уже не мозолило глазъ, не напрашивалось само собою на вниманіе русской публики, какъ это было, несмотря на николаевскіе запоры, въ первой половинѣ нашего вѣка.

Широко и сильно, на виду у всѣхъ, развивались теперь въ Европѣ однѣ естественныя науки, захватывая на свою службу всѣ лучшія умственныя силы буржуазіи.

Лишь въ этихъ „далекихъ отъ мірскихъ треволненій" областяхъ протрезвленный буржуа могъ теперь думать и говорить спокойно и безпристрастно, безъ натяжекъ и умалчиваній, убивающихъ всякую теоретическую мысль.

Въ области общественныхъ наукъ его выводы уже сдѣланы заранѣе. Онъ не можетъ не доказывать, что существующій общественный строй необходимъ и вѣченъ въ своихъ основахъ и если нуждается въ нѣкоторыхъ поправкахъ, то лишь въ частныхъ, ничуть не нарушающихъ общаго принципа господства буржуазіи.

Литературныя произведенія этого направленія стояли въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ историческимъ моментомъ, переживаемымъ русскимъ обществомъ и не могли пользоваться его симпатіей. Зато преобладающее развитіе естествознанія сильно повліяло на нашу публику и отразилось также на ея отношеніи къ общественнымъ наукамъ.

Даже наша революціонно настроенная молодежь пришла, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ современной западной буржуазіи, къ тому убѣжденію, что „учиться" можно только естественнымъ, вообще „точнымъ" наукамъ, а по общественнымъ можно „прочесть" что-нибудь на досугѣ, но можно и не читать. Ничего нужнаго въ нихъ нѣтъ, ихъ выводы произвольны и не обязательны.

Къ дѣйствію общаго умственнаго состоянія европейской буржуазіи на нашу интеллигенцію присоединилось еще въ самомъ началѣ революціоннаго движенія вліяніе двухъ рус-

скихъ европейцевъ: Герцена и Бакунина. Люди сороковыхъ годовъ, члены европейской революціонной интеллигенціи, они оба были поражены катастрофой, послѣдовавшей за Февральской революціей, оба убѣдились затѣмъ въ полнѣйшемъ прекращеніи всякаго революціоннаго теченія среди европейской буржуазіи. Революція же народная, чисто рабочая, не предводительствуемая никакой партіей, состоящей изъ людей съ высшимъ образованіемъ, обоимъ представлялась какимъ-то разрушительнымъ хаосомъ, долженствующимъ смести всю цивилизацію.

Бакунинъ возвелъ этотъ воображаемый хаосъ въ теорію и создалъ изъ него свою анархію. Герценъ подъ вліяніемъ своего разочарованія сталъ сильно склоняться къ славянофильству, и оба одинаково подрывали въ нашихъ глазахъ значеніе и науки, и исторіи Европы, оказавшейся какой-то колоссальной ошибкой.

Такимъ образомъ, въ дѣлѣ выработки своей программы, русское движеніе было предоставлено своимъ собственнымъ силамъ. Все „западное къ намъ непримѣнимо“, думали мы и считали, что знаемъ объ этомъ Западѣ совершенно достаточно, чтобы „избѣгать его ошибокъ“.

Но Западъ жестоко отомстилъ намъ за это презрѣніе. Мы волей-неволей все таки вырабатывали свои воззрѣнія подъ сильнѣйшимъ его воздѣйствіемъ. Только вмѣсто основательно изученныхъ и понятыхъ фактовъ и теорій мы имѣли въ своемъ распоряженіи лишь смутныя, до отвлеченности краткія положенія, которыя именно вслѣдствіе своей краткости и отвлеченности превратились у насъ въ особаго рода историческіе предразсудки и недоразумѣнія, толкавшіе наше движеніе на ложные практическіе пути, ничуть не мѣшая намъ въ то же время повторять и старыя, давно уже выясненныя, теоретическія „ошибки Запада“.

Одной изъ такихъ повторенныхъ „ошибокъ“ было перенесеніе добродѣтелей, которыми великодушные французы одѣляли весь родъ человѣческій въ его „естественномъ состояніи“, а нѣмцы забрали было въ исключительное пользованіе своего народа, на нашихъ крестьянъ.

У нѣмцевъ, не слыхавшихъ еще о соціализмѣ, германскій „народный духъ“ долженъ былъ осуществить тогдашній

идеалъ общаго счастья, основанный на свободѣ и добродѣтели.

Что касается до насъ, то мы слыхали объ ассоціаціяхъ, считали ихъ за соціализмъ и надѣялись, что нашъ „народный духъ" разовьетъ этотъ соціализмъ изъ общиннаго землевладѣнія, свергнувъ правительственный гнетъ и водворивъ анархію.

По сложившейся у насъ программѣ, задача революціонной интеллигенціи заключалась въ томъ, чтобы своею проповѣдью вызвать, или вѣрнѣе ускорить, и направить готовящееся, по предположенію, крестьянское возстаніе.

Городскія революціи, приводившія на Западѣ лишь къ измѣненію политическихъ формъ, были въ нашихъ глазахъ его главнѣйшей „ошибкой". Мы радовались мысли, что „наши города тѣ же деревни", а „городскіе рабочіе тѣ же крестьяне" и предполагали, что въ будущемъ строѣ города превратятся уже въ совершенныя деревни, а рабочіе въ крестьянъ. Поэтому въ глазахъ революціонной интеллигенціи мѣсто настоящей серьезной дѣятельности было лишь въ деревнѣ. Но приготовляясь къ этой дѣятельности, многіе изъ народниковъ начинали пробовать свои силы на пропагандѣ среди рабочихъ.

Собственно говоря, самостоятельное движеніе въ рабочей средѣ не имѣло большого значенія въ глазахъ народниковъ. Рабочіе были важны для него, главнымъ образомъ, въ качествѣ пропагандистовъ среди крестьянъ. Для рядового рабочаго, не обладающаго выдающимися талантами, способнаго дѣйствовать лишь съ массой, въ народнической программѣ не было ни мѣста, ни дѣла, ни будущаго. Онъ долженъ былъ ждать крестьянской революціи и превратиться затѣмъ въ крестьянина. Могъ, на худой конецъ, устроить тогда и городскую ассоціацію, но эти послѣднія до такой степени опротивѣли интеллигенціи, заводившей ихъ по образцу Вѣры Павловны, и потерпѣвшей полнѣйшую неудачу, что говорить о нихъ увлекательно она была рѣшительно не въ состояніи.

Положить начало прочному, самостоятельному движенію въ рабочей средѣ эта анти-рабочая пропаганда, конечно, не могла. Но такъ воспріимчива оказалась сама среда, что при малѣйшей усидчивости стремившихся въ деревню пропаган-

дистовъ, ихъ дѣятельность приносила плоды; а тѣ выдающіяся личности этой среды, на которыхъ случайно наталкивалась интеллигенція, выдѣлялись и становились въ ея ряды.

Не долго длилась наша грандіозная мечта поднять крестьянъ и явиться инпціаторами народнаго освобожденія. Годъ—два—и революціонеры почувствовали, что такая задача имъ не по силамъ. На время надежды сосредоточились на самостоятельныхъ крестьянскихъ бунтахъ, которые интеллигенція должна была расширить и объединить своимъ участіемъ. Но съ каждымъ годомъ блѣднѣла и эта надежда.

Передъ началомъ „террора", сильнѣйшій изъ тогдашнихъ революціонныхъ кружковъ „Земля и Воля", хотя и затрачивалъ гораздо больше силъ на поселенія среди крестьянъ, чѣмъ на дѣятельность среди рабочихъ, но могъ похвастаться значительнымъ успѣхомъ именно въ средѣ послѣднихъ. Поскольку велась пропаганда, она была очень успѣшна. Участіе въ стачкахъ, помощь, которую организація оказывала при нихъ рабочимъ, начала создавать „Землѣ и Волѣ" особаго рода популярность въ рабочей средѣ, не затронутой никакой пропагандой: „студентъ" началъ казаться петербургскимъ рабочимъ необходимымъ элементомъ при всякой стачкѣ. Такимъ образомъ у „Земли и Воли" оказывалось отсутствіе всякаго замѣтнаго успѣха тамъ, гдѣ онъ былъ важенъ по программѣ, и значительный успѣхъ тамъ, гдѣ по программѣ онъ не имѣлъ серьезнаго значенія. Успѣхъ былъ видимо пріобрѣтенъ, вдобавокъ, не благодаря, а вопреки программѣ. Сами распропагандированные по этой программѣ рабочіе пытались уже внести въ нее свою разрушающую поправку, въ видѣ требованія политической свободы, которая, какъ утверждали рабочіе, нужна имъ теперь же, не дожидаясь будущаго деревенскаго рая. Такое противорѣчіе между дававшимся въ руки дѣломъ и программой не могло длиться до безконечности. Чтобы съ увлеченіемъ отдаться рабочему движенію, интеллигенціи надо было отбросить свою крестьянско-народническую программу и замѣнить ее программой рабочаго соціализма. А для такой замѣны приходилось перестроить предварительно все свое міросозерцаніе, признать правымъ и изучить тотъ Западъ, „ошибки" котораго мы такъ гордо поправляли, и покончить

съ мечтами о спеціально русскомъ соціализмѣ. Между тѣмъ поколебалась лишь надежда повести крестьянъ на завоеваніе этого соціализма, самъ же онъ былъ еще твердъ и непоколебимъ въ умахъ народниковъ. Поэтому начинавшаяся связь между революціонной партіей и рабочими держалась на волоскѣ и могла быть заброшена при первомъ случаѣ, дававшемъ другое поле дѣятельности.

VIII.

Сильное сочувствіе, которымъ встрѣтило большинство нашего общества первыя, единичныя политическія убійства и тотъ исходъ, который давали эти убійства накопившейся у революціонеровъ ненависти къ правительству, сразу создали такого рода дѣятельности большую популярность въ средѣ народниковъ. Очень скоро для политическихъ убійствъ нашлось опредѣленное мѣсто въ ихъ программѣ. Явилось предположеніе, что эти убійства терроризируютъ правительство и дезорганизуютъ его силы. Террористы явились, по программѣ, охранительнымъ отрядомъ дѣйствующей въ народѣ партіи.

Между тѣмъ напряженно воинственное настроеніе, поддерживаемое удачными предпріятіями, все усиливалось,—терроръ неудержимо притягивалъ къ себѣ большинство силъ и средствъ. Первоначальное мѣсто въ программѣ уже не соотвѣтствовало его значенію. Черезъ годъ, послѣ первыхъ фактовъ этого рода, въ средѣ террористовъ пріобрѣла уже право гражданства та мысль, что дѣятельность въ народѣ совершенно безполезна, что революціонная интеллигенція сама по себѣ достаточно сильна, чтобы, дезорганизовавъ правительство, снять съ народа давящій его гнетъ.

За этимъ первымъ измѣненіемъ въ старой народнической программѣ естественно послѣдовало другое. Анархія, безгосударственность необходимо предполагала самодѣятельность и революціонность крестьянства. При признанной неподвижности деревень, одной дезорганизаціей, однимъ устраненіемъ центральнаго правительства еще ничего не достигалось; надо было стать на мѣсто этого правительства, чтобы избавить народъ отъ всей системы лежащаго на немъ гнета,

отъ всѣхъ его мѣстныхъ утѣснителей. Идея анархической безгосударственности уступила мѣсто идеѣ захвата власти друзьями народа, направляющими силу этой власти къ его благу. Народники партіи „Народной Воли“ изъ анархистовъ стали демократами.

Все сконцентрировалось вокругъ террора.

Народники, „Черно-передѣльцы“, оставшіеся вѣрны старой программѣ „Земли и Воли“, понимали, что интеллигенція не можетъ однѣми собственными силами освободить народъ, понимали и то, что терроръ вовсе не дезорганизуетъ силъ правительства, но этой новой, ростущей иллюзіи они не могли ничего противопоставить, кромѣ старой, уже померкшей надежды на крестьянскія возстанія, и не могли поэтому не стушеваться передъ террористами.

Геройская борьба этихъ послѣднихъ продолжала держать въ возбужденномъ настроеніи значительное число мирныхъ либеральныхъ обывателей, отозвалась на офицерствѣ и глубоко волновала студенчество.

Я ничуть не сомнѣваюсь, что за три года террора не разъ бывали моменты, въ которые петербургская интеллигенція—а она то и важна—была до такой степени взволнована, что будь передовая часть рабочаго класса заранѣе разбужена соціалистической пропагандой, привыкни петербургскій рабочій къ мысли о силѣ и самостоятельномъ значеніи своего класса—однимъ словомъ, будь тогда въ Петербургѣ возможно возстаніе, которое выставило бы на своемъ знамени требованіе свободы и созванія народныхъ представителей, петербургское общество отлично выполнило бы свою роль. Студенчество съ головой отдалось бы возстанію и разжигало бы его. Значительная часть офицерства усмиряла бы возстаніе такъ вяло и неохотно, что дала бы ему время разгорѣться. Либералы съ своей стороны подали бы сколько угодно адресовъ и петицій—въ такое время это совершенно безопасно—и сдѣлали бы все возможное, чтобы воспользоваться возстаніемъ.

Но хотя „Народная Воля“ признала важное значеніе рабочихъ для революціи, и въ 1880 году старалась дѣйствовать въ смыслѣ возбужденія въ нихъ симпатіи къ политическому перевороту— никакое возстаніе не было, конечно, мыслимо. Такія великія задачи, какъ пробужденіе въ массѣ

тѣхъ или иныхъ идейныхъ, сознательныхъ симпатій, въ нѣсколько мѣсяцевъ не дѣлаются даже при самой усиленной работѣ, а „Народная Воля“, занятая громадными приготовленіями къ цареубійству, могла удѣлять на второстепенное для нея рабочее дѣло лишь остатки своихъ силъ. Рабочіе, распропагандированные еще при „Землѣ и Волѣ“, сами увлеклись терроромъ и приняли въ немъ блистательное участіе; но для этого участія они, по самымъ необходимымъ условіямъ конспираціи, должны были совершенно изолироваться отъ массы своихъ товарищей. Удаленіе же изъ рабочей среды такихъ людей, какъ Халтуринъ и другіе рабочіе террористы, не могло не дѣйствовать гибельно на едва начинавшееся движеніе.

А безъ возстанія, безъ всякой серьезной связи съ рабочимъ классомъ, что могли сдѣлать взволнованные терроромъ мирные обыватели-либералы? [1]). Что могла сдѣлать доведенная до бѣлаго каленья масса студенчества?

Терроръ и все вызванное имъ настроеніе было сильной бурей, но въ закрытомъ пространствѣ. Волны поднимались высоко, но волненіе не могло распространиться. Оно только исчерпывало, истощало нравственныя силы интеллигенціи.

Упадокъ движенія въ восьмидесятыхъ годахъ не можетъ быть приписанъ одной ловкости полиціи,—въ немъ играла несомнѣнную роль и нервная усталость самой интеллигенціи Но еще безконечно большую роль въ утратѣ самими революціонерами прежней бодрости и увлеченія играло, конечно, ослабленіе теоретической, идейной основы движенія.

Люди, вырабатывавшіе свое міросозерцаніе въ 80-хъ годахъ и говорившіе о русской самобытности, объ общинѣ и

---

[1]) Либераловъ упрекаютъ, зачѣмъ не подавали они адресовъ и прошеній съ требованіями конституціи. Но при террорѣ сколько-нибудь приличныя прошенія этого рода были гораздо опаснѣе, чѣмъ въ другое время, да онъ и не давалъ къ нимъ никакого повода. Къ неприличнымъ же прошеніямъ, переполненнымъ проклятіями крамолѣ и обѣщаніями извести соціалистовъ, честные идейные либералы совершенно неспособны Инниціаторами подобныхъ адресовъ отъ земствъ являлись, навѣрное, не либералы, а люди преждевременно народившагося у насъ, такъ сказать. предвосхищеннаго исторіей типа протрезвленныхъ буржуа, которымъ свобода не нужна, а нужно лишь „самоопредѣленіе“ по части хозяйства, какъ земскаго, такъ и общегосударственнаго.

ея развитіи, вѣроятно и представить себѣ не могутъ, чѣмъ былъ для людей 70-хъ годовъ этотъ „русскій соціализмъ“, это будущее вольное, счастливое крестьянское царство безъ царя и безъ правительства! Но жизнь срывала постепенно съ этой иллюзіи, игравшей для насъ одушевляющую роль революціоннаго идеала, ея блестящій ореолъ.

Къ концу 70-хъ годовъ революціонность крестьянства уже пошатнулась въ умахъ народниковъ, но „русскій самобытный соціализмъ“ былъ еще цѣлъ—мы теряли лишь путь къ его осуществленію.

Терроръ, подмѣнивши въ программѣ силу крестьянства боевыми силами интеллигентныхъ кружковъ, возвратилъ на минуту старой иллюзіи всю ея обаятельность.

Но въ 80-хъ годахъ самъ „русскій соціализмъ“ изъ живого, болѣе или менѣе цѣльнаго міросозерцанія сперва превратился, подъ перомъ г. Тихомірова, въ мертвый догматъ, а потомъ исчезъ безвозвратно. Движеніе потеряло свой идеалъ, свою теоретическую программу, а между тѣмъ весь складъ, принятый русской мыслью за послѣдніе 30 лѣтъ, мѣшалъ и мѣшаетъ нашей революціонной интеллигенціи принять единственное возможное для нея теперь революціонное міросозерцаніе научнаго рабочаго соціализма.

Безграничный эклектизмъ русской интеллигенціи, не признающей въ области общественныхъ вопросовъ ничего обязательнаго, стройнаго и послѣдовательнаго, дозволяетъ ей, не принимая и не оспаривая этого міросозерцанія, то оставлять его въ сторонѣ, откладывая до „конституціи“, то вырывать изъ него отдѣльные клочки, постоянно пытаясь *придумать* для Россіи что-нибудь особенное. А между тѣмъ весь кругъ самобытныхъ иллюзій уже исчерпанъ и ничего не придумывается.

При отсутствіи ясной, широкой, идейной программы, въ образовывавшихся кружкахъ не вырабатывалось и того увлеченія, той настойчивости и энергіи, которыя необходимы для всякой революціонной дѣятельности.

Самый терроръ, продолжая сосредоточивать на себѣ всю любовь, всѣ революціонные помыслы большинства кружковъ, теряетъ свою широкую цѣль, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прежнюю бодрость и самоувѣренность. Имъ не надѣятся уже сломить, уничтожить самодержавіе. Терроръ становится средствомъ

склонить правительство къ уступкамъ при содѣйствіи общества. Къ давнишнимъ упрекамъ обществу за его нереволюціонность и апатію начинаютъ примѣшиваться усиленныя надежды на его исправленіе посредствомъ „агитаціи во всѣхъ слояхъ“. Давленію общественнаго мнѣнія на правительство придается все большее и большее значеніе. Даже терроръ сводится къ какому-то вспомогательному средству при этомъ давленіи и чуть не ставится на одну доску со всеподданнѣйшими земскими адресами и прошеніями.

Программа Свободной Россіи, сводившая уже все и вся къ одной „силѣ общественнаго мнѣнія“, къ адресамъ и прошеніямъ, не могла, по самой своей послѣдовательности, имѣть успѣха [1]). Но въ сущности, къ этой программѣ вела прямымъ путемъ вся логика такихъ, контрабандой пробравшихся въ революціонные круги, антиреволюціонныхъ разсчетовъ— не на силу своихъ идей, не на народное возстаніе, а на уступчивость врага и силу общества.

---

[1]) Намъ случилось уже нѣсколько разъ упоминать о „Свободной Россіи“, прекратившейся на третьемъ номерѣ и не представлявшей изъ себя, ни въ литературномъ, ни въ идейномъ отношеніи, ничего замѣчательнаго. Этотъ органъ интересенъ для насъ не самъ по себѣ, а лишь въ качествѣ яркаго до каррикатурности проявленія того, что можно бы назвать „пониженіемъ тона“ русскихъ революціонныхъ программъ.

Щедринъ приводитъ въ одной изъ своихъ хроникъ слѣдующее объясненіе „риторической фигуры пониженія тона“, полученное имъ отъ одного фельетониста „Московскихъ Вѣдомостей“: „Пониженіе тона есть такое онаго ограниченіе, которое по наружности, хотя и не касается внутренняго содержанія, послужившаго поводомъ для словеснаго упражненія, но на дѣлѣ пресущественнѣйше оное измѣняетъ и претворяетъ“.

„Тонъ“ всѣхъ воззрѣній нѣкоторой части нашей революціонной интеллигенціи постепенно „понижался“, а ей казалось, что она производитъ въ своихъ программахъ лишь нѣкоторыя „ограниченія“, не касающіяся ихъ внутренняго содержанія. На дѣлѣ же оказалось такое существенное измѣненіе самыхъ воззрѣній, что получилась возможность появленія очень *умѣренно* либеральнаго и совершенно опредѣленно антиреволюціоннаго органа, въ которомъ и редактора и всѣ сотрудники (за исключеніемъ г. Драгоманова, который нисколько не измѣнился и отлично знаетъ, что дѣлаетъ) революціонеры и, даже издавая свой удивительный органъ, продолжали считать себя таковыми.

Это во всякомъ случаѣ очень характерный признакъ времени.

IX.

Посмотримъ однако, чего именно могутъ ждать революціонеры отъ общества, и основательны ли наши вѣчныя жалобы на его нереволюціонность.

Въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорится, напр., что западная буржуазія была революціонна до 48-го года, русское общество уже давно революціонно. Оно революціонно, если брать его всего цѣликомъ вмѣстѣ съ его революціонными элементами. Революціонность общества въ томъ то и выражается всего ярче, что часть его молодежи становится революціонной. Въ томъ же самомъ выражалась и былая революціонность образованныхъ слоевъ западной буржуазіи.

Неудовлетворенная потребность самой распоряжаться дѣлами своей страны порождала въ ея средѣ общее недовольство всѣмъ ходомъ этихъ дѣлъ, критическое, недоброжелательное отношеніе къ правительству, склонность къ размышленіямъ надъ общественными вопросами, сочувствіе къ угнетеннымъ и болѣе или менѣе рѣшительное признаніе общественной несправедливости по отношенію къ низшимъ классамъ. Отсутствіе политической власти въ ея рукахъ дозволяло ей при этомъ совершенно искренно сваливать главную отвѣтственность за всѣ несправедливости на правительство.

Все это проявлялось въ безчисленныхъ оттѣнкахъ отъ умѣреннаго либерализма, до самыхъ демократическихъ воззрѣній, сказывалось вездѣ и во всемъ: въ наукѣ, въ литературѣ, въ гостиной, въ семьѣ и въ школѣ.

Въ такомъ же состояніи давно уже находится и русское общество.

Его дѣти давно уже растутъ въ атмосферѣ „хорошихъ словъ", „гражданской скорби" и негодованія на правительство.

Но какъ бы ни была сильна гражданская скорбь человѣка, такъ или иначе пристроившагося и ставшаго солиднымъ отцомъ семейства и „членомъ общества", его личное, частное положеніе настолько хорошо, настолько лучше положенія большинства, что онъ не можетъ не дорожить имъ больше всего на свѣтѣ, не можетъ ради своего общаго не-

довольства рисковать своимъ частнымъ довольствомъ. Отсюда неизбѣжное противорѣчіе между его словами, вызываемыми самымъ искреннимъ общимъ недовольствомъ и дѣлами, необходимыми для поддержанія его частнаго довольства.

Молодежь слышитъ добрыя рѣчи о народѣ вообще и видитъ злые поступки съ его ближайшими представителями въ лицѣ мѣстныхъ крестьянъ. „Не раззориться же!"—Поступковъ требуетъ хозяйство.

Молодежь слышитъ въ интимныхъ разговорахъ самую рѣзкую критику дѣйствій правительства и самые нелестные эпитеты по адресу губернатора или мѣстнаго жандармскаго полковника и видитъ угодливость и предъ губернаторомъ и предъ полковникомъ и во всякомъ случаѣ полнѣйшее отсутствіе протеста даже противъ дѣйствій урядника. „Нельзя, могутъ выйти непріятности, у меня семья, дѣти, я обязанъ о нихъ заботиться".

Это совершенно естественно. Солидные люди не могутъ не быть практичными. И наоборотъ, было бы совершенно противуестественно, если бы въ неспокойномъ, неуравновѣшенномъ обществѣ молодежь оказывалась вся сплошь практичной и уравновѣшенной.

Наиболѣе впечатлительнымъ и правдивымъ юношамъ нравятся хорошія рѣчи и противны благоразумные поступки. Ни въ хозяйство, ни въ службу, ни въ заботы о семейномъ благосостояніи они не успѣли втянуться. Этого спасительнаго балласта, мѣшающаго солиднымъ людямъ пускаться въ рискованныя плаванія, у нихъ не существуетъ и они разрываютъ съ обществомъ, составляютъ себѣ идею *общаго* блага и идутъ бороться за нее, не считая ни жертвъ, ни силъ, отбросивъ всякія помышленія не только о выгодахъ, но и о самой жизни.

Общество огорчается, конечно, такимъ результатомъ своей собственной неуравновѣшенности. Огорчалось имъ въ былое время и западное общество, и тѣмъ не менѣе, безсознательно толкая на опасность и безчисленныя страданія своихъ собственныхъ дѣтей, оно тѣмъ самымъ подготовляло свое окончательное торжество, выполняло одну изъ своихъ революціонныхъ задачъ

Эту задачу еще недавно очень широко и очень успѣшно выполняло и русское общество.

Вторая обязанность, лежавшая на западной буржуазіи въ ея революціонномъ періодѣ, заключалась въ заявленіяхъ правительствамъ различныхъ пожеланій и требованій и въ причиненіи тѣмъ изъ нихъ, которыя сопротивлялись ея требованіямъ, различныхъ затрудненій и непріятностей.

Этой обязанности наше общество не выполняетъ. Но едва ли справедливо было бы предположить, что такое упущеніе съ его стороны происходитъ единственно отъ его большей трусости или меньшей возбужденности по сравненію съ буржуазными классами западной Европы, переживавшими свой періодъ недовольства и стремленія къ ограниченію верховной власти. И тѣ требовали и протестовали лишь постольку, поскольку у нихъ имѣлись уже въ законахъ и учрежденіяхъ неоспоримыя права на такія дѣйствія, и поскольку они были убѣждены, что правительства не могутъ обходиться безъ содѣйствія этихъ учрежденій, а слѣдовательно, законнымъ отказомъ въ содѣйствіи имъ можно причинять серьезныя непріятности и затрудненія.

Ничего подобнаго нѣтъ у русскаго общества. Нѣтъ и у земства, на которое возлагаются у насъ по преимуществу просительскія обязанности. Прошенія-же, не подкрѣпленныя никакой угрозой, слишкомъ ужъ недѣйствительны, имѣютъ слишкомъ патріархальный характеръ, чтобы сильно увлекать наше общество [1].

---

[1]) Правда, прусскіе провинціальные чины также мало могли вредить правительству, какъ и наши земства, а г. Драгомановъ въ 1 номерѣ „Свободной Россіи“ (стр. 20) увѣряетъ насъ, что „прусскій абсолютизмъ палъ... въ 47 году, когда король подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, выражавшагося между прочимъ и въ требованіяхъ провинціальныхъ земскихъ собраній, созвалъ объединенное ихъ собраніе“. Надо только замѣтить, что созванное собраніе сильно огорчило либеральное общественное мнѣніе Пруссіи и было принято имъ не за выполненіе „обѣщаній 13-го года“, напоминаніями о которыхъ было такъ удобно дразнить правительство, а за ихъ отрицаніе. Собраніе не пользовалось даже правомъ періодичности, а созвано было на одинъ разъ для заключенія займа. Сильно стѣсненная печать не получила при этомъ ни малѣйшихъ облегченій и никакія иныя „права человѣка“ не были расширены. Уступка-же, которую, по сообщенію той-же статьи, Австрійское правительство сдѣлало своимъ подданнымъ еще наканунѣ возстанія 13 марта 1848 года, заключалась въ обѣщаніи созвать земскихъ представителей съ *совѣщательнымъ* голосомъ по

Третья задача либеральныхъ элементовъ высшихъ классовъ—это парализовать энергію правительства при усмиреніи возстанія. Къ ея выполненію мы не дали нашему обществу ни малѣйшаго повода.

Но, мнѣ кажется, трудно сомнѣваться въ томъ, что и у насъ, какъ въ былой Европѣ, нашлись бы люди исподтишка сочувствующіе возстанію и старающіеся остановить кровопролитіе. Нашлись бы, а это главное, такіе офицеры, которые вмѣсто того, чтобы сразу и энергично скомандовать „пли!", принялись бы дѣйствовать мѣрами кротости и увѣщанія, давая тѣмъ время толпѣ съ такою же кротостью заласкать солдатъ, окружить ихъ, повынимать у нихъ ружья изъ рукъ и разстроить ихъ ряды.

Офицеръ и самъ, если не теперь, то когда-то хоть на время да сочувствовалъ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляютъ возставшіе. Если не въ его собственномъ, то во многихъ знакомыхъ ему семействахъ, есть студенты, находящіеся, вѣроятно, тамъ, среди толпы, въ которой отъ одного его слова сотни полягутъ мертвыми. Поди-ка, скомандуй тутъ „пли!" [1]).

Во всякомъ случаѣ, по этому пункту исправность общества, по отношенію къ его революціоннымъ обязанностямъ,

---

тѣмъ вопросамъ, которые правительство имъ *укажетъ*. Но и это обѣщаніе, про которое не особенно либеральный Шпрингеръ (Gesch. Oest., т. 2 стр. 182) говоритъ, что оно „напоминало нарисованныя кушанья, предназначенныя для утоленія сильнаго голода", было дано никакъ не вслѣдствіе адресовъ читальнаго общества или студентовъ, а вслѣдствіе волненій въ южной Германіи, заставлявшихъ правительство ожидать со дня на день возстанія и въ Вѣнѣ, которая уже начинала волноваться. Въ другое время, за одну фантазію подавать подобный адресъ, студентовъ преспокойно разсажали бы по тюрьмамъ.

Да, такую-то конституцію намъ когда-нибудь дадутъ.

[1]) Такое мнѣніе объ русскихъ офицерахъ даже въ концѣ 80-хъ годахъ можетъ быть уже не соотвѣтствовало дѣйствительности, но оно вполнѣ соотвѣтствовало знакомому мнѣ типу офицера 70-хъ годовъ. Офицерство въ то время гораздо больше смѣшивалось съ обществомъ и раздѣляло его настроеніе. Въ тогдашнихъ военныхъ гимназіяхъ преподавали тѣ же учители, какъ и въ гражданскихъ, и тутъ и тамъ читались однѣ а тѣ же книжки, въ старшихъ классахъ велись тѣ же споры и разговоры. Если военныя гимназіи и отличались отъ гражданскихъ, то скорѣе въ выгодную сторону. За это-то ихъ и превратили снова въ корпуса.

Примѣчаніе 1906 г.

остается неизвѣстной, а что мы своихъ не выполнили—это несомнѣнно.

Тоже можно сказать, конечно, и о четвертой, послѣдней задачѣ общества: воспользоваться плодами борьбы рабочихъ и революціонной интеллигенціи.

X

И такъ, по нашему мнѣнію, съ одной стороны влить въ русское общество революціонную готовность на борьбу нѣтъ ни малѣйшей возможности, а съ другой—вовсе не въ его апатіи лежитъ и главное препятствіе къ нашему освобожденію. Оно стоитъ на томъ же пути, на которомъ стояли и европейскіе образованные слои въ свои революціонные періоды. Уклонились отъ европейскаго пути мы, революціонеры, а не общество.

Такъ какъ революціонизировать общество невозможно, то и соединиться съ нимъ революціонная малодежь могла бы не иначе, какъ переставши быть революціонной, что вовсе не значило бы соединиться, а просто исчезнуть, не усиливши этимъ, вдобавокъ, ни на волосъ партію мирныхъ конституціоналистовъ. Для нихъ во сто разъ важнѣе было бы пріобрѣтеніе нѣсколькихъ придворныхъ, въ особенности изъ высшихъ чиновъ полиціи, чѣмъ всѣхъ революціонеровъ. Вѣдь наши конституціоналисты обречены расчитывать единственно на „силу общественнаго мнѣнія“. А дѣло извѣстное, что на всѣхъ и каждаго всего сильнѣе дѣйствуетъ мнѣніе ближайшаго наиболѣе симпатичнаго ему общественнаго круга. Что же можетъ быть ближе, что можетъ быть симпатичнѣе... полиціи?

„Свободная Россія“ такъ и понимаетъ, повидимому, подъ соединеніемъ общества съ революціонерами простое исчезновеніе послѣднихъ.

Почти во всѣхъ статьяхъ этого органа революціонерамъ читаются длиннѣйшія наставленія сплошь отрицательнаго свойства. Не дѣлай того, не говори этого! Не упоминай о соціализмѣ, не трогай рабочихъ, не печатай брошюръ, не будь отщепенцемъ, не кричи „вы, либералы“, а говори „мы, общество“.

Положительная часть практической программы „Свободной Россіи“, развиваемая въ статьяхъ г. Драгоманова, сводится, исключительно, къ безконечной и безграничной подачѣ прошеній. Если современное общество, современныя земства не подадутъ ихъ въ достаточномъ количествѣ, то тѣмъ же самымъ предстоитъ заняться „нашимъ младшимъ поколѣніямъ радикальнаго направленія“, которымъ „самимъ надо будетъ стать людьми общества и земцами, и активными либералами“ [1]).

То есть: въ младшемъ поколѣніи на земскія и иныя подходящія для подачи прошеній должности будутъ поступать люди того сорта, того типа, который раньше обращался къ революціонной дѣятельности. Иными словами, революціонный типъ исчезнетъ, слившись съ бывшимъ и въ самые горячіе годы, гораздо болѣе многочисленнымъ типомъ юношей, уже на школьной скамьѣ готовившихъ себя къ мирной, легальной, благополучной дѣятельности. Но для того, чтобы получилось такое все сплошь практичное, уравновѣшенное юношество, нужно, чтобы у самаго образованнаго общества, во всѣхъ его слояхъ, всѣ нравственныя понятія не залетали выше принциповъ, положенныхъ въ основу гражданскаго и уголовнаго кодекса, чтобы понятіе объ общемъ благѣ какъ можно ближе подошло къ понятію объ успѣшномъ взысканіи недоимокъ, чтобы общество забыло и сатиры Щедрина и пѣсни Некрасова и многое, многое другое... Надо создать вокругъ подростающаго поколѣнія такую нравственную атмосферу, которая окружаетъ теперь хотя бы нѣмецкое учащееся юношество. Надо, чтобы у подростковъ никогда не забилось сердце ни отъ какихъ идей, ни отъ какихъ „хорошихъ словъ“.

Иначе того сорта юноши, которые прежде неудержимо стремились къ революціонной дѣятельности, не находя этого исхода, будутъ скорѣе кончать самоубійствомъ или притуплять свою впечатлительность въ какихъ нибудь сектантскихъ поселеніяхъ вродѣ Толстовскихъ, а все таки не превратятся въ благополучныхъ россіянъ, способныхъ умѣренно и аккуратно пройти всѣ мытарства, обзавестись цензомъ и пробраться въ земство или какъ нибудь иначе устроиться

---

[1]) № 1 стр. 18.

4

въ такомъ же почтенномъ положеніи. А у кого хватитъ на все это практичности и благоразумія, хватитъ и на то, чтобы не слишкомъ торопиться съ прошеніемъ, если съ нимъ связанъ рискъ потерять заботливо созданное положеніе.

Всѣ западныя образованныя общества находятся теперь въ томъ уравновѣшенномъ состояніи, какое требуется для воспитанія благоразумныхъ юношей. Но они пришли въ такое состояніе лишь послѣ борьбы (руками рабочихъ и революціонной интеллигенціи) за участіе въ управленіи и не раньше пріобрѣтенія той или иной степени этого участія.

Трудно предположить, чтобы русскому обществу суждено было составить въ этомъ отношеніи единственное исключеніе.

Но успокоится или не успокоится наше общество, будетъ или не будетъ оно подавать прошенія, можно предположить, что представителямъ губернскихъ земствъ или чему нибудь въ этомъ же почтенномъ и практическомъ родѣ, раньше или позже, будетъ дозволено съѣхаться и поговорить.

Темы для разговоровъ, всего вѣроятнѣе, будутъ даны самимъ правительствомъ. Но предположивши даже, что почтеннымъ людямъ будетъ дозволено выбирать ихъ, они, помня пословицу, что „даровому коню въ зубы не смотрятъ“, сами постараются не „раздражать правительство“, „не компрометтировать благихъ начинаній“, не затрогивать непріятныхъ темъ.

Въ число же пріятныхъ для правительства темъ свобода слова, собраній, организацій, даже прекращеніе травли соціалистовъ—все то, ради чего эти послѣдніе желаютъ конституціи—включено не будетъ.

То или другое подобіе представительства, съ тѣми или другими спеціальными цѣлями, самодержавіе еще можетъ добровольно допустить, но свобода въ подарокъ не выпрашивается.

Она вынуждается, завоевывается. Европейскія „общества“ т. е. образованная, идейная часть тогдашней буржуазіи, обобщавшая и возводившая въ теоріи прогрессивныя стремленія своего класса, завоевывала нужныя ей, въ тотъ моментъ, свободы при помощи рабочихъ.

А рабочихъ будили и вовлекали въ движеніе выдѣлявшіеся изъ общества революціонные элементы, заносившіе

въ бѣднѣйшіе слои городского населенія вѣсть о тѣхъ результатахъ, до которыхъ додумалась въ данный моментъ человѣческая мысль, работавшая надъ вопросомъ о выходѣ изъ мучительнаго для громаднаго большинства народа современнаго строя.

Въ этомъ посредничествѣ между революціонною мыслью и революціоннымъ классомъ, между наукой и рабочими, заключалась вся историческая задача революціонныхъ элементовъ образованнаго общества въ Европѣ.

Если революціонные элементы нашего общества отложатъ до конституціи выполненіе своей исторической обязанности: сообщить русскимъ рабочимъ о выводахъ научнаго соціализма—высшей ступени достигнутой въ настоящій моментъ революціонною мыслью—то русское общество завоевать свободы, вынудить ее у правительства будетъ не въ состояніи. Ему придется ждать всего отъ милости правительства и пытаться возбуждать въ немъ милостивое настроеніе путемъ прошеній.

Предположимъ, что благодаря разнымъ хозяйственнымъ затрудненіямъ самого правительства, его милостивое настроеніе начинаетъ пробуждаться и русскіе граждане начинаютъ получать кое какія права.

Несомнѣнно, что дарованіе этихъ правъ начнется никакъ не съ верхняго, идеальнаго ихъ конца: свободы слова, собраній, организацій и проч., а съ матеріальнаго, хозяйственнаго, соприкасающагося съ нуждами самого правительства. И кое кому отъ этого въ Россіи станетъ легче. Не разоренной части крестьянства—въ ея ужасномъ положеніи могутъ хоть сколько-нибудь помочь лишь смѣлыя, рѣшительныя мѣры. А всѣ полумѣры, о которыхъ будетъ совѣщаться созванный полупарламентъ, преспокойно умѣстятся въ карманахъ мѣстныхъ воротилъ. Не станетъ легче ни рабочимъ, ни соціалистамъ, ни той части нашего общества, тенденціи которой представлялъ, скажемъ, Щедринъ.

Но часть земскихъ дѣятелей будетъ удовлетворена. Земства пріобрѣтутъ нѣкоторую самостоятельность по отношенію къ мѣстной администраціи. Будутъ болѣе или менѣе довольны и представители нашей промышленности: ихъ коллективныя нужды получатъ въ полупарламентѣ органъ для своего выраженія. Получитъ кое какія поблажки и литера-

тура, и наиболѣе умѣренныя изъ ея оппозиціонныхъ теченій будутъ удовлетворены. Къ тому-же, у всѣхъ явится надежда, что дарованныя учрежденія способны къ дальнѣйшему развитію, что маленькія права русскихъ гражданъ будутъ постепенно расширяться.

И если, съ годами, они дѣйствительно будутъ расширяться, то вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ неизбѣжно съуживаться и съуживаться кругъ неудовлетворенной интеллигенціи.

За весь этотъ періодъ постепенно и безъ „потрясеній“ совершающагося развитія русскихъ представительныхъ учрежденій, останутся всѣ старые и прибавятся новые резоны съ пропагандой соціализма и съ организаціей рабочихъ маленько погодить. „Права“ на это еще не дано, и „назрѣвшимъ“, „ближайшимъ“ вопросомъ русской жизни остается все то же пріобрѣтеніе правъ все той-же силой общественнаго мнѣнія (иной-то безъ рабочихъ не имѣется), получившаго свой органъ въ полу-парламентѣ.

Но вотъ, черезъ много лѣтъ (вѣдь развитіе есть дѣло постепенное), нашъ предполагаемый парламентъ пріобрѣтаетъ право обезпечить законодательнымъ актомъ свободу прессы, собраній, организацій.

Вся бѣда лишь въ томъ, что еще раньше наступленія желаннаго момента весь тонъ и цвѣтъ русскому общественному мнѣнію начнутъ задавать уже не идеологи, возводящіе свободу въ принципъ и способные признать право на распространеніе даже за тѣми идеями, которыя считаютъ вредными, а заправскіе, практичные буржуа, безъ самомалѣйшихъ принциповъ—вотъ изъ тѣхъ, что подавали адреса съ обѣщаніями искоренить соціализмъ. Имъ вовсе не понравится перспектива занесенія въ Россію язвы рабочихъ соціалистическихъ организацій. И къ закону о свободѣ печати будетъ сдѣлано добавленіе, грозящее суровыми наказаніями за распространеніе идей, возбуждающихъ вражду между классами и колеблющихъ всякія священныя основы. Соотвѣтствующія добавленія будутъ сдѣланы и къ законамъ о свободѣ организацій, собраній и проч.

О полезности всѣхъ этихъ добавленій напомнитъ нашему благоразумному парламенту европейская Соціалъ-Демократія, да смутное броженіе, стачки и безпорядки среди русскихъ рабочихъ. Что же касается до революціонной интел-

лигенціи, то къ тому моменту, когда окончательно обуржуазится наше общественное мнѣніе, отъ нея не останется и слѣда. Протрезвленное общество воспитаетъ молодежь, ни о чемъ не помышляющую кромѣ удовольствій свойственныхъ ея возрасту.

Такимъ образомъ Россія безъ всякихъ бурь и потрясеній, минуя всѣ праздники Европы, благополучно перейдетъ изъ мрачныхъ будней абсолютизма въ будни буржуазно-консервативнаго строя, не пріобрѣтя за время перехода смущающаго благополучіе европейской буржуазіи, сознательнаго, мыслящаго рабочаго класса.

Не вѣчно, впрочемъ, будетъ счастье и нашего буржуа. Русскій рабочій классъ проснется рано или поздно и безъ помощи революціонеровъ изъ буржуазной среды. Его, во всякомъ случаѣ, разбудитъ громъ соціалистической революціи въ Европѣ. Правда, проснувшись такъ поздно, онъ не сможетъ помѣшать нашей буржуазіи двинуть русскія войска на спасеніе священныхъ устоевъ капитализма, и снова русская кровь будетъ литься за неправое дѣло, снова русская сила явится бичемъ и проклятьемъ свобождающихся народовъ. Однако, справившись съ внутренними врагами, народы справятся, конечно, и съ внѣшними.

XI.

Но неужели революціонное движеніе русской интеллигенціи, когда-то такое сильное, такое чистое, такъ искренно желавшее отдать свои силы на служеніе народу,—неужели оно одно прекратится, почти ничего для него не сдѣлавши?

Намъ хочется вѣрить, что этого не будетъ, что русская революціонная интеллигенція успѣетъ во время покончить всѣ свои недоразумѣнія съ научной революціонной мыслью и всей душой отдастся своей исторической задачѣ, сконцентрируетъ на ней всѣ свои силы и помыслы.

Многимъ кажется теперь, что рабочихъ уже много и долго пропагандировали, что ихъ невоспріимчивость къ пропагандѣ доказана многолѣтнымъ опытомъ.

Во-первыхъ не такъ ужъ много. Но дѣло не въ томъ даже, много ли пропагандировали, а *что* и главнымъ образомъ, *какъ* пропагандировали.

Изъ всѣхъ дѣлъ, которыми занималась наша революціонная интеллигенція, только рабочимъ дѣломъ она и не увлекалась, только въ него и не вкладывала души. И причина такого отношенія лежала вовсе не въ характерѣ самого дѣла и не въ качествахъ интеллигенціи, а въ ея народническихъ программахъ, въ ея міросозерцаніи, мѣшавшемъ ей видѣть въ успѣхѣ рабочаго дѣла свой главнѣйшій успѣхъ и отъ него ожидать своей побѣды.

Какъ же могли наши революціонеры разбудить рабочихъ, заставить ихъ повѣрить въ свою коллективную силу, понять свое будущее значеніе, когда они сами въ нихъ не вѣрили?

Но еслибы русскіе революціонеры смогли проникнуться той мыслью, что въ передачѣ рабочимъ идей научнаго соціализма заключается все ихъ служеніе народу, все, что могутъ они для него сдѣлать, и если бы они отдались этому дѣлу съ той любовью, съ тѣмъ увлеченіемъ, какое вкладывали въ былые годы въ то, что считали своей главной цѣлью, они несомнѣнно имѣли бы успѣхъ. Русскій рабочій не глупѣе и не тупѣе отъ природы никакого другого.

Той же передачей рабочимъ идей соціализма они выполнили бы и свою долю работы въ политическомъ освобожденіи страны. Только разбудивши рабочихъ, можно звать ихъ на борьбу за политическую свободу, а безъ рабочихъ невозможна и самая борьба.

Только этимъ революціонеры могли бы создать и такія условія, при которыхъ были бы возможны серьезныя мѣры въ пользу крестьянъ. На эти мѣры способно только смѣлое, идейное правительство, а подобное правительство мыслимо лишь въ медовые мѣсяцы послѣ побѣдоносной революціи, которую совершитъ пробужденный соціализмомъ рабочій.

„Соціалъ-Демократъ" № 1, 1890 г.

Черезъ 16 лѣтъ.

Статья „Револ. изъ буржуаз. среды“, одна изъ первыхъ моихъ литературныхъ попытокъ. Нашимъ читателямъ, очень малочисленнымъ, въ ту пору глубокой реакціи и почти сплошь принадлежавшимъ къ учащейся молодежи, статья говорила нѣчто для нихъ тогда новое, а именно, что революціонное движеніе русской молодой интеллигенціи не представляетъ собой небывалаго въ исторіи явленія, что подобныя движенія существовали въ Западной Европѣ и выражали собой революціонность буржуазіи, „дѣлавшей буржуазную революцію“. Это было и остается конечно совершенно вѣрнымъ, но какъ же насмѣялась исторія надъ моимъ тогдашнимъ представленіемъ о размѣрахъ будущей русской революціи и о тѣхъ препятствіяхъ, которыя она встрѣтитъ. Тѣхъ элементарныхъ, всенародныхъ силъ, которыя поднялись во Франціи XVIII вѣка, у насъ, казалось мнѣ, уже не будетъ. Реформы 60-хъ г.г. модернизировали наши учрежденія и вслѣдъ за крѣпостнымъ правомъ устранили изъ цѣлаго ряда другихъ сферъ старые способы воздѣйствія мѣстныхъ властей, замѣнивъ ихъ формами, заимствованными у конституціоннаго запада.

Во всей своей безграничности осталась центральная власть, сразу же внѣ закона было поставлено слово — печатное и устное, какъ и всѣ „права человѣка“, но для массы русскихъ обывателей всѣ эти права были въ то время не касаемой до нея вещью. Мучительно чувствовала ихъ отсутствіе только интеллигенція, непосредственно и сознательно нуждавшаяся въ этихъ правахъ. Она одна и была революціонна, но въ 80-хъ г.г. притихла и интеллигенція, придя въ отчаяніе отъ своего безсилія.

Въ концѣ 80-хъ г.г. тишина господствовала полнѣйшая, а между тѣмъ правительство уже сдѣлало къ этому времени очень многое, чтобы подготовить такой великій, повсемѣстный, полный героическихъ эпизодовъ народный подъемъ, шире котораго не знала и Франція XVIII в. Подготовляло оно его съ двухъ концовъ. Совершался гигантскій единственный въ мірѣ опытъ страны, гдѣ рядомъ съ развивающимся капиталистическимъ производствомъ, не только сохранялся, но оживлялся и умножалъ свои проявленія такой безграничный абсолютизмъ, какого никогда не знала ни одна страна западной Европы, а съ другой стороны не знали и монархіи азіатскаго типа, гдѣ размахъ произвола ограничивала косность самихъ властей, не выходившихъ за предѣлы традиціи.

У насъ со старыми традиціями было давно покончено и всю свою свободную отъ всякихъ стѣсненій мощь правительство направило на то съ одной стороны, чтобы, зажавъ ротъ „испорченной интеллигенціи", держать народъ на томъ умственномъ уровнѣ, на какомъ застали его реформы, сохранять въ цѣлости его „исконное міросозерцаніе", т. е. тотъ его психическій типъ, который всюду складывается при натуральномъ хозяйствѣ. Съ другой стороны, какъ ускоренной постройкой желѣзныхъ дорогъ, такъ и всей своей финансовой системой правительство искусственно ускоряло неизбѣжную гибель этого хозяйства. Процессъ перехода отъ стараго натуральнаго хозяйства къ новому, сопровождаясь уничтоженіемъ домашняго производства предметовъ потребленія крестьянской семьи, уничтоженіемъ старыхъ подсобныхъ промысловъ и громаднымъ увеличеніемъ необходимости въ деньгахъ, не можетъ не быть критическимъ при всякихъ условіяхъ. Необходимый переходъ къ интенсивному хозяйству, приспособленіе его къ рынку совершается тѣмъ легче, чѣмъ въ большей степени вторженіе въ деревню новыхъ хозяйственныхъ условій сопровождается вторженіемъ въ нее новыхъ знаній, культуры во всѣхъ ея видахъ, уничтоженіемъ всякой опеки, гарантіями отъ всякаго произвола, всѣмъ тѣмъ, словомъ, безъ чего невозможно развитіе напряженной энергіи, умственной подвижности и предпріимчивости, необходимыхъ для приспособленія къ новымъ условіямъ. Неизвѣстно, справилось

ли бы крестьянство съ этими условіями безъ увеличенія своего землевладѣнія даже и на полной свободѣ, но несомнѣнно, что при всѣхъ тѣхъ путахъ, которыми оно было такъ крѣпко стянуто, не помогло бы ему и увеличеніе.

Всю силу власти правительство употребляло на то, чтобы не допускать въ деревни ничего новаго кромѣ раззоренія. И даже тогда, когда результаты этой ужасной комбинаціи двухъ системъ сказались для крестьянъ въ общихъ голодовкахъ, перемежающихся частичными—правительство и тутъ позаботилось прежде всего объ обезпеченіи безмолвія и бездѣйствія интеллигенціи, о томъ, чтобы не попадало въ печать слово „голодъ", чтобы не было „преувеличенныхъ" свѣдѣній о „недородѣ", чтобы интеллигенція не занесла голодающимъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ книжку и во избѣжаніе этой книжки мѣшало доставлять хлѣбъ. Дальше и дальше ширилось и росло раззореніе, и по мѣрѣ его роста пріумножались заботы правительства объ увеличеніи безправія крестьянъ, произвола начальниковъ, объ усиленіи борьбы съ школой, съ книгой, потребность въ которой несмотря ни на что росла въ деревнѣ,—съ интеллигенціей въ особенности, пытавшейся такъ или иначе прійти на помощь крестьянамъ.

Заставляя ребенка переходить къ твердой пищѣ, ему систематически выдергивали прорѣзывавшіеся зубы.

Одна только безнадежность изолированныхъ деревень, не знающихъ, что думаетъ и дѣлаетъ страна, мѣшала возстаніямъ крестьянъ начаться гораздо раньше и первая же надежда, занесенная въ деревни борьбой въ городахъ, подняла и ихъ, а старательно культивированная первобытность повела на разгромъ помѣстій.

Заботясь о первобытной чистотѣ крестьянской души съ одной стороны, и о ростѣ бюджета съ другой — правительство не хотѣло видѣть, что при такомъ ростѣ первобытность то именно и гарантируетъ крестьянамъ голодъ и отчаяніе, а помѣщикамъ разгромы при первомъ же лучѣ блеснувшей надежды.

Не предвидѣло вѣроятно правительство, что его двойственныя заботы о духѣ и матеріи приведутъ къ неожиданнымъ результатамъ также и въ другой области. Нагромождая рельсы, машины, мастерскія, всячески вызывая къ

жизни фабрики и заводы, оно не думало вѣроятно, что эти бездушныя вещи соберутъ воедино такую массу горячихъ душъ, которая своимъ пламенемъ обратитъ въ ничто всѣ результаты многолѣтнихъ трудовъ надъ замораживаніемъ Россіи съ ея духовнаго конца: книгъ, школъ, всякихъ объединеній людей для какихъ бы то ни было общественныхъ цѣлей.

А эти именно труды давно уже сосредоточивали на себѣ всѣ заботы правительства. Имъ были подчинены всѣ функціи государственной власти за исключеніемъ финансовъ. Полицейско-охранительный аппаратъ накладывалъ свою печать на все и вся.

Понятно, что при преобладаніи такихъ функцій правительство не могло удержать и не удержало законовъ и учрежденій „эпохи великихъ реформъ“. Не вернулось оно и къ старому. Оно издавало новые законы, приноровленные къ минутнымъ потребностямъ или фантазіямъ, нагромождало всякія временныя правила и циркуляры, отбрасывая ихъ въ сторону, какъ только они въ чемъ бы то ни было стѣсняли начальственную распорядительность. Все болѣе и болѣе устраняло правительство всякія обязательныя для себя нормы. Личная воля, не стѣсняемая никакими правилами, личная фантазія—вотъ что развивалось и разросталось въ послѣднія десятилѣтія и дошло до апогея при „конституціи“.

Личный произволъ, личная изобрѣтательность надъ жизнью цѣлаго великаго народа... и чья? „Чьего духа дѣти“ эти сверхъ правители? Въ какой лабораторіи они вырабатывались?

Министерство внутреннихъ дѣлъ, въ особенности со времени своей побѣды въ 80-хъ г.г. надъ юной „крамолой“, призвало себѣ на помощь, подчинило своимъ цѣлямъ народное образованіе, юстицію, духовное вѣдомство, — съ военнымъ оно составило неразрывное цѣлое.

Центръ этого громаднаго аппарата составляетъ политическая полиція, охрана во всемъ ея развѣтвленіи, а живую душу такой полиціи, ея самую активную, творческую часть, составляетъ несомнѣнно провокація.

А провокація—это та область, гдѣ по самой сущности дѣла „все дозволено“, гдѣ нѣтъ ничего святого, какъ нѣтъ для людей этой области и ничего позорнаго, или преступнаго,

гдѣ все то, что считается позоромъ и преступленіемъ во всѣхъ чистыхъ отъ нея областяхъ человѣческихъ отношеній личныхъ или общественныхъ, здѣсь составляетъ профессію, въ которой, какъ въ аду лица цѣнятся по своему искусству, по своимъ успѣхамъ въ томъ, что отвратительно и ненавистно въ глазахъ людой. Быстро возвысился при жизни и удостоился великихъ почестей послѣ смерти первый виртуозъ провокаціи Судейкинъ. Въ цѣлости пронесли его сподвижники духъ высшей провокаціи черезъ весь періодъ затишья, когда зачастую всю карательную энергію „охраны" приходилось упражнять надъ лицами „вреднаго образа мыслей", которыя приводились къ дѣйствіямъ лишь искусными маневрами провокаціи.

Когда вновь началось движеніе, распространившееся теперь на рабочій классъ, предъ провокаціей открылось безграничное поле дѣятельности. Росла борьба, разросталась, расширялась и та область, гдѣ „все дозволено". Духъ провокаціи окрылялся, изощрялся, дерзалъ. Кишеневъ былъ первымъ крупнымъ изобрѣтеніемъ этого духа, 9-ое января— вторымъ.

Одновременное избіеніе въ цѣломъ рядѣ городовъ вслѣдъ за манифестомъ 17 октября, долженствовавшое симулировать взрывъ народной преданности самодержавію, было новымъ сложнымъ проявленіемъ той же изобрѣтательности. Съ тѣхъ поръ этотъ духъ полной свободы дѣлать населенію все то зло, какое придетъ въ голову, справляетъ свои оргіи по всей странѣ, раздѣленной на куски между наиболѣе кровожадными рыцарями этого духа.

Населеніе собиралось въ толпы. слушало, пѣло, во всякомъ случаѣ оно чуть не поголовно обрадовалось свободѣ, оно все виновато, къ нему сплошь примѣнимо все то, что съиздавна примѣнялось къ „крамолѣ" и даже гораздо большее.

Не однѣ только муки и раззореніе несетъ каждый лишній день современнаго режима. но что всего хуже также и привычку къ злодѣйству. Страшное чувство „все дозволено" человѣку противъ человѣка, бывшее прежде принадлежностью только правящихъ сферъ, теперь точно гангрена расползается въ разныя стороны среди населенія. Съ одной стороны, съ вершинъ „охраны" военной и штатской изъ сферы политической полиціи съ ея развѣтвленіями „право на зло-

дѣйство, щедро распространяется на каждаго, кто заявитъ себя ея единомышленникомъ. Стоитъ теперь любому Смердякову сказать, что убитая имъ жертва непочтительно отзывалась о „престолъ-отечествѣ“ и его наградятъ, расцѣлуютъ начальственными устами, поставятъ въ примѣръ войскамъ. Стоитъ ему записаться въ соотвѣтствующій „союзъ“, и онъ получаетъ прочное право всячески измываться надъ людьми, обращаясь къ полиціи въ случаѣ ихъ сопротивленія. Но еще печальнѣе другой результатъ карательныхъ эксцессовъ правительства.

Чистымъ и гордымъ, дорожащимъ своей чистотою вышло на свѣтъ, на улицу освободительное движеніе. Ни одной умышленной жестокостью не запятнали его безчисленные ряды борцовъ во время всеобщихъ стачекъ, многотысячныхъ шествій и митинговъ. Тщательно избѣгали они даже простыхъ неудобствъ для обывателей, поскольку эти неудобства не вытекали изъ самой сущности борьбы. И такимъ оставалось движеніе тамъ, гдѣ длились нѣкоторое время „дни свободы“ и пока они длились, такимъ оставалось оно и на московскихъ баррикадахъ, и во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ на время достигало полнаго торжества. Но когда „карательная“ политика прекратила открытую жизнь массъ— ихъ многолюдные митинги и широкія организаціи; когда властная сила массового общественнаго мнѣнія перестала подчинять себѣ единицы, а безмѣрная жестокость правительственной мстительности притупила чувства, тогда язва безразличія ко злу замутила и окраины освободительнаго движенія. Военная юстиція расширяетъ эту язву[1])—вылѣчить ее радикально можетъ теперь уже только свобода.

* *
*

[1]) Правительство думаетъ, что военно-полевыми казнями оно борется съ единичными убійствами и „экспропріаціями“, на самомъ же дѣлѣ, оно ихъ поддерживаетъ. Исключительная жестокость преслѣдованій, исключительная опасность такихъ дѣйствій сообщаетъ ихъ участникамъ ореолъ исключительнаго безстрашія. *Смерть*, стоящая за спиною „экспропріатора“ освящаетъ его, допускаетъ присоединеніе къ грабителямъ такихъ юныхъ существъ, которыхъ сама по себѣ ни въ какомъ случаѣ не соблазнила бы по крайней мѣрѣ одна изъ отраслей этой дѣятельности: вооруженное вымогательство у частныхъ лицъ. Та же вѣрная смерть пойманнаго „экспропріатора“ заставляетъ огромное большинство населенія, даже

Относительно сопротивленія, которое встрѣтитъ русская революція, я ошибалась, какъ оказывается еще сильнѣе, чѣмъ относительно размѣровъ самаго возстанія. Обманула меня исторія. „Буржуазныя революціи“, вызывавшіяся несоотвѣтствіемъ между устарѣвшимъ политическимъ строемъ страны и ея измѣнившимся общественнымъ состояніемъ, всюду въ новѣйшей Европѣ совершались въ своемъ первомъ фазисѣ (низверженіе стараго строя) сравнительно легко, стоили сравнительно мало крови. У насъ — теперь уже — можно назвать десятки губерній, изъ которыхъ въ каждой народной крови пролито несравненно больше. И не потому, конечно, легко доставались эти побѣды, что въ то время вооруженіе не было достаточно усовершенствовано. Войска правительства и тогда были вооружены все-таки несравненно лучше народной толпы. Правящимъ сферамъ революціоннаго періода въ Зап. Европѣ недоставало другого. Онѣ жили обыкновенно въ иной нравственной атмосферѣ, чѣмъ остальное населеніе страны, но все же не на чужбинѣ и не на лунѣ. А живя въ стремящейся къ освобожденію странѣ онѣ сами не были застрахованы отъ убѣжденія въ неизбѣжности переворота въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, отъ сомнѣній, во всякомъ случаѣ, относительно возможности прочной побѣды надъ начавшейся революціей. Защитникамъ стараго порядка недоставало поэтому рѣшимости бороться до конца, чего бы это ни стоило странѣ, они не были закованы въ достаточно толстую броню, чтобы не могло проникнуть сквозь нея отвращеніе къ длительному кровопролитію, когда всѣми потоками крови можно въ лучшемъ случаѣ достигнуть лишь нѣкоторой отсрочки неизбѣжнаго конца своего владычества.

Такую приблизительно психологію предполагала я и у нашего правительства [1]). Мнѣ казалось, что я о немъ далеко

многихъ и многихъ изъ самихъ ограбленныхъ тщательно избѣгать самомалѣйшаго содѣйствія поимкѣ грабителей, какъ о томъ свидѣтельствуютъ г.г. Скалонъ и Васильевъ въ своихъ грозныхъ циркулярахъ. Отвращеніе къ экспропріаціямъ у массы мирныхъ людей тонетъ безъ остатка въ безграничномъ отвращеніи къ бойнѣ, устраиваемой правительствомъ вслѣдъ за каждой поимкой.

[1]) Я допускала даже—считала очень нежелательнымъ, но все же допускала тогда возможность постепеннаго перехода самодержавія къ нѣкоторому подобію конституціонализма.

не высокаго мнѣнія, а на самомъ дѣлѣ я его идеализировала, предполагая у него обыкновенныя человѣческія свойства.

Десятки лѣтъ борьбы съ душой своего народа, десятки лѣтъ усиленной работы надъ подавленіемъ его ума и чувства; многолѣтняя привычка игнорировать всѣ законы, не знать преградъ своему произволу — ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ—выработали въ средѣ русскихъ властителей необычайныя свойства, „сверхъ-человѣческія" — что-ли? — во всякомъ случаѣ нечеловѣческія.

Въ концѣ концовъ то, что дѣлало правительство въ послѣднія десятилѣтія для сохраненія безграничнаго произвола было—разъ цѣль поставлена — вполнѣ цѣлесообразно: только этими убійственными средствами оно и могло отсрочивать неизбѣжный переходъ страны къ учрежденіямъ, соотвѣтствующимъ уровню ея развитія. Необходимо было также все нечеловѣческое коварство, сопровождавшее „дарованіе" конституціи и всѣ послѣдовавшія неистовства, чтобы сохра-

---

Теперь ясно, что длящееся существованіе у насъ такой конституціи, которая оставляетъ правящимъ сферамъ матеріальную возможность дѣйствовать по прежнему, менѣе возможно у насъ, чѣмъ что бы то ни было другое. Оно невозможно уже по тому одному, что требуетъ отъ властителей самого серьезнаго уваженія къ закону, самой прочной привычки считать его ненарушимымъ, нравится онъ имъ или пересталъ нравиться, и примѣнять его не чувствуя никакого соблазна плевать на законъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ стѣсняетъ. А мы знаемъ, что при обратной привычкѣ стѣсняетъ рѣшительно всякое подобіе закона, всякое общее правило, независимо отъ его содержанія. Военно-полевые суды, напримѣръ, являются, по опредѣленію ихъ собственнаго панегириста Гучкова, простой легализаціей карательныхъ экспедицій. Тѣмъ не менѣе уже эта „легализація", предписывая при убійствахъ соблюденіе нѣкоторыхъ правилъ, оказывается стѣснительной и нарушается при каждомъ поводѣ. Приговоры военно-полевыхъ судовъ не могутъ быть отмѣняемы, гласитъ убійственное правило, заранѣе устраняющее всякія попытки спасти жизнь приговоренныхъ мольбами и ходатайствами или доказательствами ихъ невинности. Но среди сотенъ смертныхъ приговоровъ въ единичныхъ случаяхъ военно-полевые судьи оправдываютъ или приговариваютъ къ каторгѣ. При малѣйшей привычкѣ сообразоваться съ законами, каждый генералъ-губернаторъ разсудилъ бы, что, какъ ни досадны такіе случаи, но при ежедневныхъ казняхъ нарушать законъ изъ-за единичныхъ уклоненій отъ висѣлицы все же не стоитъ. При обратной привычкѣ получается обратное разсужденіе: не стоитъ стѣсняться съ закономъ, если при его соблюденіи нѣсколько человѣкъ могутъ остаться неповѣшенными.

нить и пріумножить въ теченіе „конституціоннаго“ года безграничность владычества, какъ черносотенныхъ героевъ, между которыми подѣлена Россія, такъ и ихъ вдохновителей. Теперь дѣло уже такъ далеко зашло, что всякое продленіе ихъ всевластія должно оплачиваться частичнымъ умерщвленіемъ страны.

* * *

Кромѣ повсемѣстнаго и глубокаго потрясенія всей страны, правительство добивается и, мнѣ кажется добьется, еще одного сходства между Россіей XX вѣка и Франціей XVIII.

Упраздненіе стараго строя и водвореніе „царства разума“ представлялось для людей XVIII вѣка какимъ-то жизненнымъ элексиромъ, исцѣляющимъ всѣ болѣзни. Водворившись въ XIX вѣкѣ во всемъ цивилизованномъ мірѣ, новый политическій строй оказался не элексиромъ, а простой водой. Гдѣ воды достаточно, никакого энтузіазма, никакихъ пѣснопѣній она не вызываетъ, хотя жить безъ нея невозможно.

Гонимая и истребляемая — наша революціонная (сперва народническая, затѣмъ соціалистическая) интеллигенція, даже ведя по мѣрѣ силъ борьбу противъ самодержавнаго правительства, долго противилась теоретическому признанію ближайшаго историческаго смысла своей борьбы. Но и признавши, наконецъ, законность, необходимость борьбы за тѣ политическія условія, въ которыхъ ростутъ и борятся соціалистическія рабочія партіи всѣхъ націй, наша соціалистическая интеллигенція пыталась... пытается по возможности уже заранѣе такъ относиться къ нашему будущему, какъ относится къ своему настоящему международный соціалистическій міръ, для котораго наши теперешнія условія являются далекимъ прошлымъ, покрывшимся исторической пылью.

Правительство дѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы придать „правамъ человѣка“ всю ту безграничную цѣнность какую они имѣли болѣе 100 лѣтъ тому назадъ. Заставить насъ забыть ихъ дѣйствительные размѣры, придать въ нашихъ глазахъ политической свободѣ свойства жизненнаго элексира не можетъ и правительство, но оно сдѣлало, что могло, придавъ ей безмѣрную цѣнность воды въ безводной

пустынѣ. Безъ нея, помимо нея уже ничто невозможно, все превращается въ сплошную муку. Правительству удалось приглушить громкія проявленія общественной жизни, какъ рабочихъ массъ, такъ и всѣхъ другихъ слоевъ населенія. Ревутъ и завываютъ на поверхности жизни только черныя сотни, зарабатывая казенныя пособія. Но въ своемъ торжествѣ правительство выжгло въ сердцахъ и выжигаетъ все глубже и глубже такую ненависть къ старому режиму, какой, годъ тому назадъ, несмотря на всю ширь подъема, очевидно еще не хватало. Быть можетъ, при безпримѣрной трудности нашей борьбы, сосредоточеніе всей жажды, всей ненависти на одномъ пунктѣ является необходимымъ условіемъ прочной побѣды.

Ноябрь, 1906 года.

Наши современныя литературныя противорѣчія.

Наши современныя литературныя противорѣчія.

I.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, во время поднятаго газетой Суворина спора объ *„интеллигенціи“*, г. Михайловскій, въ отвѣтъ на замѣчаніе своихъ противниковъ, что нигдѣ въ Европѣ подобное слово не употребляется въ смыслѣ опредѣленія особой общественной силы, возражалъ, что въ Европѣ интеллигенція и не являлась никогда самостоятельной общественной силой, какою является у насъ; что тамъ, поэтому, въ подобномъ словѣ нѣтъ и не было надобности. Къ тому времени, когда тамъ восторжествовала буржуазія, интеллигенція находилась съ ней въ полномъ единеніи, она утопала въ буржуазіи, и для ея опредѣленія не требовалось особаго термина. Теперь въ Европѣ „такъ называемое четвертое сословіе выставило свою интеллигенцію“, но и у нея нѣтъ своихъ особыхъ интересовъ и для нея не нужно особаго названія. Наша интеллигенція въ другомъ положеніи: „Ей извѣстно то, что не было въ свое время извѣстно интеллигенціи европейской... Мы не можемъ призывать къ себѣ буржуазію не то, что съ энтузіазмомъ, а даже просто безъ угрызеній совѣсти, ибо знаемъ, что торжество ея равносильно систематическому отобранію у народа его хозяйственной самостоятельности“... Съ другой стороны и наша буржуазія, „Колупаевы и Разуваевы“, враждебны свободѣ мысли и слова, необходимой интеллигенціи. „Логически онѣ (буржуазія и интеллигенція) у насъ прирожденные враги, и въ этомъ именно состоитъ если не самобытность наша, то особенность нашей исторіи“... Наша интеллигенція (оппозиціонная, народническая, о которой говоритъ г. Михайловскій), богатая чужимъ историческимъ опытомъ, должна служить народу, оберегать отъ

буржуазіи его хозяйственную самостоятельность, стоять на стражѣ его интересовъ. „Сердцемъ и разумомъ" она отдается на служеніе народу, но „слѣпымъ историческимъ процессомъ мы оторваны отъ народа, мы—чужіе ему, какъ и всѣ такъ называемые цивилизованные люди"...

Такимъ образомъ, враждебная буржуазіи, чужая народу и, по меньшей мѣрѣ, не своя ни дворянству, ни духовенству, какъ таковымъ, оппозиціонная интеллигенція оказалась „самостоятельной общественной силой". Для малочисленнаго, политически угнетеннаго слоя признаніе необходимости „служить народу" безъ него и помимо его содѣйствія равнялось въ сущности признанію своего полнаго общественнаго *безсилія*, полной невозможности оказать народу какую бы то ни было услугу. „Самостоятельность" или, вѣрнѣе, изолированность интеллигенціи ото всѣхъ слоевъ населенія устраняла самую мысль о какой бы то ни было политической борьбѣ. Правительство постепенно оттѣсняло эту интеллигенцію ото всѣхъ сферъ общественной дѣятельности, а оставшаяся ей на долю словесная борьба со стихійнымъ, слѣпымъ и глухимъ экономическимъ процессомъ, т е. съ работой Колупаевыхъ и Разуваевыхъ надъ „лишеніемъ народа его хозяйственной самостоятельности", могла такъ же мало помѣшать этой работѣ, какъ молитва „отъ червя" можетъ помѣшать червю ѣсть капусту.

Но въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ ни оппозиціонная, ни революціонная интеллигенція, тоже признавшая себя, незадолго передъ тѣмъ, самостоятельной отъ народа общественной силой, еще не подозрѣвала всей безвыходности подобной „самостоятельности" для угнетенной партіи, всей невозможности для нея какой бы то ни было систематической общественной дѣятельности при такомъ сознаніи.

Въ то время народническая литература еще чувствовала себя большой силой. На ея теоріяхъ, подкрѣпленныхъ открытіемъ г. В. В. относительно невозможности развитія у насъ капитализма, воспитывалось все молодое поколѣніе, ихъ раздѣляло большинство оппозиціонно настроенной части нашихъ образованныхъ классовъ. Несмотря на стѣсненія и преслѣдованія, народничество тогда еще бодро смотрѣло въ будущее, но восьмидесятые годы постепенно измѣнили это настроеніе.

Вотъ какъ характеризуетъ литературный обозрѣватель „Русской Мысли“ [1]), органа болѣе другихъ охраняющаго старыя традиціи, состояніе „передовой части общества литературы“ въ моментъ вступленія въ новое десятилѣтіе: „Чувства сиротливости, растерянности и сожалѣнія о прошломъ . . . составляли отличительную черту нашей журнальной литературы въ истекшемъ году. Съ ними же она вступаетъ и въ годъ девяностый. Насталъ во-истину странный моментъ. Все самое живое и отзывчивое въ нашемъ обществѣ, все, что хочетъ движенія, а не застоя, все это смотритъ назадъ, а не впередъ, не привѣтствуетъ грядущее, не ставитъ ему новыхъ задачъ, а оплакиваетъ недавнее прошедшее... И намъ кажется, что подобному настроенію передовой части общества и связанному съ нимъ направленію литературы врядъ-ли предвидится близкій конецъ... Освѣщать совокупность прогрессивнаго движенія общества... вглядываться, по выраженію Щедрина, „въ свѣтящіяся точки, которыя мерцаютъ въ перспективахъ будущаго“, творить впередъ, дальше отъ того мѣста, на которомъ оставили насъ мысль и чувство прежнихъ дѣятелей, не укрѣплять только, а развивать ихъ идеи, — для всѣхъ этихъ задачъ врядъ-ли теперь литература найдетъ въ себѣ достаточно мощи“... Оставаясь вѣренъ „мыслямъ прежнихъ дѣятелей“, авторъ не можетъ, конечно, видѣть причину безнадежности, охватившей нашу оппозиціонную литературу и связанную съ нею часть общества, въ безнадежносли ея ученія, при свѣтѣ котораго не возможно замѣтить въ Россіи ни тѣни „прогрессивнаго движенія“, ни одной „свѣтящейся точки“ въ ея будущемъ. Онъ убѣжденъ, наоборотъ, что наша литература и впредь должна „противостоять вліянію буржуазно-капиталистическаго чада на нашу жизнь“ и „твердо стоять за пріобрѣтенныя руководящія начала“. По его наблюденію литература именно съ этими „скромными, но твердыми желаніями“ и вступаетъ въ новое десятилѣтіе. Въ его глазахъ, виновникомъ паденія нашей литературы, на ряду съ тяжелыми условіями русской жизни, является также Западъ.

Мы вернемся еще къ этому характерному обвиненію.

[1]) Февраль 1890 года.

Пока насъ занимаетъ, такъ сказать, внутреннее положеніе нашей оппозиціонной литературы. Оно, въ сущности, еще печальнѣе, чѣмъ можно было думать, судя по характеристикѣ критика „Русской Мысли“. Такъ долго господствовавшіе въ ней взгляды и настроеніе потеряли свою притягательную силу для молодого поколѣнія. Не то, чтобы молодые писатели, выступившіе къ концу 80-хъ годовъ, отнеслись критически къ господствовавшей оппозиціонной теоріи и противопоставили ей другую. Нѣтъ, они просто махнули рукой на всякія теоріи, идеи и идеалы. Молодые писатели, говоритъ г. Михайловскій въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, „или ударяются въ мрачный (можетъ, быть иногда напускной) пессимизмъ... или такъ опытны, трезвенны, такъ умѣренны и аккуратны, что ни о какихъ запросахъ и взмахахъ и рѣчи быть не можетъ“... И это вдобавокъ не просто себѣ узкіе практики-спеціалисты, зачѣмъ-то затесавшіеся въ литературу и мирно бесѣдующіе въ ней каждый о своей спеціальности, — между ними есть цѣлая группа (съ которою полемизировалъ г. Шелгуновъ въ „Русской Мысли“), возводящая политическій и общественный индифферентизмъ въ принципъ, въ программу, видящая въ немъ новое слово, нѣкоторымъ образомъ знамя молодого поколѣнія, пришедшаго на смѣну отцамъ. Жалобами на „замиранье умственныхъ интересовъ“, на „охлажденіе нравственной температуры“, на „уменьшеніе спроса на стыдъ и совѣсть“ въ особенности среди молодаго поколѣнія полна наша оппозиціонная литература. Вотъ какъ рекомендуютъ себя публикѣ сами господа индифферентисты устами критика „Недѣли“: „Новое поколѣніе (80-хъ годовъ) родилось скептикомъ и идеалы отцовъ и дѣдовъ оказались надъ ними безсильными. Оно не чувствуетъ ненависти и презрѣнія къ обыденной человѣческой жизни, не признаетъ обязанности быть героемъ, не вѣритъ въ возможность идеальныхъ людей. Всѣ эти идеалы — сухія, логическія произведенія индивидуальной мысли, и для новаго поколѣнія осталась только дѣйствительность, въ которой ему суждено жить, и которую оно потому и признало. Оно приняло свою судьбу спокойно и безропотно, оно прониклось сознаніемъ, что все въ жизни вытекаетъ изъ одного и того же источника—природы, все являетъ одну и ту же тайну бытія“...

Можно, конечно, лишь поздравить благонравныхъ „восьмидесятниковъ“ съ тѣмъ, что изъ ихъ „природы“ для нихъ „вытекаетъ“ такое удобное и пріятное настроеніе. Но вѣдь въ современной Россіи имѣются двѣ, стоящія между собою въ полнѣйшемъ противорѣчіи дѣйствительности, причемъ старая дѣйствительность самодержавія тѣснитъ и калѣчитъ новую—развившуюся въ прошлое царствованіе. Противъ одного изъ элементовъ этой новой дѣйствительности, противъ всего небогатаго, разночинскаго слоя болѣе или менѣе образованныхъ людей, разросшагося въ Россіи лишь за послѣдніе тридцать лѣтъ, старая дѣйствительность въ лицѣ правительства ведетъ прямую истребительную войну, изгоняя его постепенно изо всѣхъ сферъ общественной дѣятельности, стараясь сократить его численность затрудненіями для небогатыхъ людей доступа къ среднему и высшему образованію, ссылая по малѣйшему поводу, и даже безъ всякихъ поводовъ, возможно большее количество молодежи, кое какъ добившейся образованія. Въ этомъ всячески истребляемомъ слоѣ, къ которому принадлежитъ большинство какъ русскихъ читателей, такъ и русскихъ писателей, вражда къ правительству, стремленіе къ протесту и самые „идеалы“, неизбѣжные при всякомъ широкомъ освободительномъ движеніи, прямо „вытекали изъ того же источника природы, какъ и все въ жизни“, какъ и самая свирѣпость нашего самодержавнаго правительства. За то „тайна бытія“ литературнаго направленія, не причисляющаго себя къ торжествующему реакціонному лагерю и въ то же время заявляющаго, что представляемое имъ „поколѣніе“ живетъ „спокойно и безропотно“, не чувствуя ни вражды, ни ненависти, далеко не такъ прямо и непосредственно вытекаетъ изъ „природы“ соціальнаго и политическаго состоянія Россіи, хотя имѣетъ, конечно, свое естественное объясненіе.

Въ „Очеркахъ русской жизни“ конца прошлаго и начала нынѣшняго года г. Шелгуновъ высказалъ не мало горькихъ истинъ „безропотнымъ“ восьмидесятникамъ (являющимся безропотными, впрочемъ, только по отношенію къ „обыденной дѣйствительности“; на литературныхъ противниковъ, вѣроятно не причисляемыхъ ими къ дѣйствительности, они наоборотъ сильно ропщутъ и относятся къ нимъ далеко не спокойно). „Безсильные“, „бездушные“, „неспо-

собные ни на какой протестъ, даже умственный, проповѣдники „теоріи оглупѣнія"... не мало надавалъ онъ имъ такихъ, хотя и не лестныхъ, но вполнѣ заслуженныхъ эпитетовъ. Чтобы выступить въ современной Россіи съ проповѣдью безропотности и примиренія, надо быть дѣйствительно и слабымъ и бездушнымъ. Но такихъ людей всегда много на бѣломъ свѣтѣ; хотя въ литературѣ ихъ голоса слышны лишь тогда, когда молчатъ люди другого настроенія. Намъ кажется, что гораздо интереснѣе вопроса о бездушіи пишущихъ „восьмидесятниковъ", является вопросъ о томъ, почему восьмидесятые годы не выставили писателей съ „душой?"

Тѣ условія, которыя вкладывали въ нашу интеллигенцію ея „душу", т. е. ея безпокойное, протестующее настроеніе, сочувствіе всѣмъ жертвамъ, ненависть ко всякаго рода угнетателямъ и поиски за выходомъ изъ современнаго положенія,—условія, порождавшія въ нашей интеллигенціи всѣ эти качества, не только не исчезли въ восьмидесятые годы, а еще усилились. Молодое поколѣніе нашего средняго образованнаго класса не могло вырости все сплошь спокойнымъ, довольнымъ и счастливымъ; за это ручаются намъ тѣ политическіе тиски, въ которыхъ оно зажато. Почему же люди съ „душой", не спокойные и не безропотные, не находятъ ничего сказать своимъ соотечественникамъ и уступаютъ слово тѣмъ членамъ своего поколѣнія, которые не признаютъ иныхъ вопросовъ кромѣ спеціально-практическихъ, касающихся лишь ихъ „повседневной жизни?" Не виновата-ли тутъ наша „душевная", оппозиціонная, народническая литература, составлявшая почти единственную умственную пищу молодого поколѣнія?

II.

Не литература, конечно, а сама жизнь создаетъ безпокойное, протестующее настроеніе. Но литература даетъ опредѣленное выраженіе этому, не ею созданному, настроенію, находитъ соотвѣтствующую ему систему взглядовъ, помогаетъ вырабатывать программу дѣятельности. И если проповѣдуемые литературой взгляды и вытекающія изъ нихъ

стремленія соотвѣтствуютъ тому направленію, въ которомъ дѣйствуетъ и объективный, безсознательный процессъ, совершающійся въ странѣ, она можетъ стать силой, вліяніе которой отразится на всемъ ходѣ освободительнаго движенія, перейдя далеко за предѣлы слоя людей, спеціально числящихся ея благосклонными читателями. Но для того, чтобы имѣть хоть какое-нибудь вліяніе на своихъ читателей, чтобы наталкивать этихъ читателей на какую бы то ни было общественную дѣятельность, ведущую или не ведущую къ цѣли, оппозиціонная литература угнетенной страны необходимо нуждается въ соціальной теоріи, дающей представленіе о благѣ народныхъ массъ, съ интересами которыхъ такъ или иначе понимаемыми, инстинктивно стремится слить свои интересы угнетенная и безъ поддержки народа совершенно безсильная часть образованныхъ классовъ, создающая оппозиціонную литературу и воспитывающая на ней свои молодыя поколѣнія.

Чистый либерализмъ не могъ выставить въ Россіи такой соціальной теоріи; потому то онъ и не привлекалъ у насъ значительныхъ литературныхъ силъ и не пользовался вліяніемъ [1]) Теорію „народнаго блага" давало за послѣднія десятилѣтія народничество. Въ то время, когда выступало на литературное поприще большинство защитниковъ этого направленія, имъ могли увлекаться люди съ „душой", умомъ и талантомъ. Въ народничествѣ живо сказывалось тогда не выступавшая наружу и, тѣмъ не менѣе, проникшая его струя соціалистическаго и революціоннаго теченія. Ни сама послѣреформенная жизнь, ни ея изученіе не подвинулись еще въ то время настолько, чтобы разсѣять розовый туманъ, сквозь который глаза интеллигенціи могли видѣть въ деревнѣ лишь смутные образы, подтверждавшіе ея идеи. Съ тѣхъ поръ ни отъ тумана, ни отъ образовъ не осталось въ сущности и слѣда.

Вѣрные своей теоріи, но въ то же время правдивые и

---

[1]) „Вѣстникъ Европы" считается нѣкоторыми органомъ чистаго либерализма. Онъ, правда, мало занимается вопросами народнаго хозяйства, но когда ему случается высказываться по этимъ вопросамъ, онъ требуетъ, вмѣстѣ съ остальными оппозиціонными журналами, охраненія общины, уничтоженія 165 ст. Положенія о выкупѣ и пр. Словомъ, стремится вмѣстѣ съ народниками къ охраненію русской самобытности.

искренніе изслѣдователи народной жизни, никогда не подгибавшіе подъ теорію фактовъ дѣйствительности, писатели-народники сами сдѣлали все, чтобы показать, что съ тѣми особенностями этой жизни, на которыхъ основывается, которыя идеализируетъ ихъ теорія, связано не народное благо, а лишь избытокъ народнаго страданія. Теорія говоритъ о прелестяхъ общиннаго землевладѣнія, о свойственномъ земледѣльцу-общиннику духѣ-братства и справедливости, а народники, хотя и разсказываютъ о передѣлахъ, при которыхъ земля измѣряется лаптями и „носокъ упирается въ пятку", но рядомъ съ этимъ, изображаютъ страшную борьбу за существованіе, ведущуюся внутри общины при условіяхъ, допускающихъ массу жестокостей и несправедливостей, которыя были бы невозможны безъ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, отдающаго побѣжденныхъ подъ власть и подъ розги побѣдителей, которые распоряжаются по праву сильнаго всѣми дѣлами общины. Теорія говоритъ о нашихъ преимуществахъ передъ Западомъ и объ обязанности охранять „хозяйственную самостоятельность народа", основанную на самобытности нашего земледѣльческаго строя. А талантливые изобразители крестьянскаго быта, исповѣдующіе эту теорію, рисуютъ современное положеніе нашей деревни такими мрачными красками, передъ которыми всѣ бѣдствія „лишеннаго хозяйственной самостоятельности" западнаго пролетарія кажутся благоденствіемъ, а не знающіе общины и никѣмъ не „охраняемые" крестьяне Франціи или Германіи чуть не Крезами. Даже положеніе русскаго пролетарія оказывается по свидѣтельству самихъ народниковъ слишкомъ обезпеченнымъ и свободнымъ, слишкомъ хорошимъ для русскаго крестьянина: оно его „избаловываетъ". Побывавшему на фабрикѣ крестьянину уже трудно помириться со своимъ прежнимъ „самостоятельнымъ" положеніемъ; онъ испыталъ лучшее [1]). Разсказы, очерки и замѣтки, являющіеся результатомъ на-

[1]) Свидѣтельства объ этомъ встрѣчаются на каждомъ шагу въ нашей народнической литературѣ. Приведемъ на удачу два изъ „Русской Мысли" нынѣшняго года. Въ апрѣльской книжкѣ, въ статьѣ „Крестьянскія Женщины", г. Успенскій цитируетъ статью г. Свѣта въ „Этнографическомъ журналѣ", гдѣ въ числѣ проявленій „неблаговиднаго настроенія" побывавшей на фабрикахъ деревенской молодежи приводятся такія: „пища, которую ѣдятъ отцы, кажется (только кажется?) имъ скудной", они „не удовлетворяются уже одеждой домашняго приготовленія... а глав-

блюденія народниковъ надъ жизнью къ деревнѣ, рисуютъ картину страданій крестьянъ, говорятъ объ интенсивности народнаго бѣдствія, а статистика отмѣчаетъ своими голыми цифрами постоянное увеличеніе числа страдающихъ, распространеніе бѣдствій.

Но какъ бы быстро ни раззорялись крестьяне, какъ бы ни была тяжела ихъ жизнь при настоящемъ экономическомъ и гражданскомъ строѣ нашей деревни, теорія народниковъ, являющаяся идеализаціею этого самаго строя, вынуждаетъ ихъ отстаивать, несмотря ни на что, его основную черту: прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. Это прикрѣпленіе является краеугольнымъ камнемъ народнической программы. „Роковая", „несчастная", „разрушающая вѣковѣчные устои народнаго быта" 165 ст. Положенія, дозволявшая продажу выкупленныхъ надѣловъ, оставалась въ ихъ глазахъ главнѣйшей погрѣшностью нашего поземельнаго законодательства: сохранись, только эта статья и вмѣстѣ съ окончаніемъ выкупной операціи крестьяне освободились бы отъ прикрѣпленія. А народники давно не вѣрятъ въ сохраненіе нашихъ самобытныхъ „устоевъ" безъ ограниченія гражданской свободы крестьянства. Высказаться противъ этого ограниченія было бы равносильно для нихъ отреченію отъ самаго народничества. Посмотрите же, какой смыслъ придала постепенно жизнь этому требованію народниковъ. Въ былые годы за прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ признавалась способность гарантировать Россію отъ размноженія пролета-

---

ное, не хотятъ быть хозяевами, какъ ихъ отцы"... Еще бы хотѣть! „Розга была и покамѣстъ будетъ" констатируется относительно деревни во внутреннемъ обозрѣніи мартовской книжки Р. М. Но нѣсколькими строками ниже говорится, что для избавленія отъ розги крестьянину стоитъ только уйти изъ селенія и поступить на фабрику, тамъ другое дѣло, тамъ его не высѣкутъ. Теперь не высѣкутъ, а за плохую работу прогонятъ. Во времена крѣпостного права, на тѣхъ заводахъ, гдѣ работали крѣпостные они были „гарантированы" отъ изгнанія, и ихъ сѣкли.. Крестьянинъ, не „гарантированный отъ обращенія въ пролетарія за неисполненіе своихъ денежныхъ обязательствъ можетъ лишиться земли, но не будетъ высѣченъ. Нашъ гарантированный крестьянинъ остается при землѣ и лежащихъ на ней налогахъ, хотя бы однѣ накопившіяся на ней казенныя недоимки въ нѣсколько разъ превышали ея стоимость. Уплата податей гарантируется у насъ, слѣдовательно, не имуществомъ крестьянина, а его личностью. И ради этой именно гарантіи онъ лишенъ части своихъ гражданскихъ правъ и подлежитъ унизительнымъ наказаніямъ.

ріата. Но давно уже въ литературѣ начали появляться свѣдѣнія о его размноженіи. А вотъ какіе выводы приходится дѣлать теперь нашимъ журналамъ изъ данныхъ земской статистики: „Въ виду приведенныхъ данныхъ (цифръ земской статистики) мы, вѣроятно, не ошибемся, говоритъ авторъ статьи въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ [1]), если весь разрядъ домохозяевъ, которые совсѣмъ прекратили хозяйство и не имѣютъ инвентаря или не обладаютъ достаточнымъ количествомъ рабочаго скота для обработки какъ собственныхъ надѣловъ, такъ и арендной земли, — опредѣлимъ въ 60 % всѣхъ домохозяевъ, включая и безземельныхъ“... „И съ каждымъ годомъ благосостояніе народа падаетъ, говорится въ той же статьѣ, уменьшается количество скота, понижается производительность почвы, сокращается земледѣліе, увеличивается количество безхозяйнаго и безлошаднаго пролетаріата и происходитъ постепенное сокращеніе народнаго потребленія“...

Жизнь, какъ нельзя нагляднѣе, доказала народникамъ, что прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ не мѣшаетъ самому быстрому размноженію пролетаріата. Но оно вредно вліяетъ на судьбу этого пролетаріата, ставитъ его различными стѣсненіями въ самое невыгодное положеніе по отношенію къ нанимателю, выпускаетъ его изъ деревни пріученнымъ систематической голодовкой къ самому низкому уровню потребностей, вліяющему и на уровень заработной платы,— выпускаетъ съ долгами на шеѣ и вынуждаетъ уплачивать изъ своего заработка поземельный налогъ во всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ мѣстностяхъ, гдѣ платежи превышаютъ доходность земли [2]), и оставляетъ подъ вѣчнымъ унизитель-

[1]) Іюнь 1890 г. Крестьянскій банкъ К. Ч—въ.

[2]) „Платежи, превышающіе доходность надѣла, дѣлаютъ его буквально постылымъ, говоритъ внутренній обозрѣватель Вѣстника Европы (іюль 1890 г.) и доказываетъ, что превышаютъ они эту доходность въ очень многихъ мѣстностяхъ даже черноземныхъ губерній, потому въ особенности, что доходность крестьянскихъ земель всегда ниже доходности частновладѣльческихъ. Свои выводы онъ основываетъ на данныхъ земской статистики и тутъ же, по поводу одного изъ этихъ данныхъ меньшаго количества недоимокъ, за бѣднѣйшими общинниками по сравненію съ болѣе зажиточными однодворцами, онъ дѣлаетъ комплименты общинному землевладѣнію. Хорошо-то оно хорошо, только ужъ, конечно, не для крестьянъ, а для правительства, облегчая его самобытную задачу: высѣкать изъ общинниковъ громадныя поземельныя подати.

нымъ опасеніемъ быть вытребованнымъ въ деревню и высѣченнымъ за недоимки.

Тому изъ молодыхъ читателей оппозиціонныхъ журналовъ, который интересуется не одной своей „обыденной жизнью“, который принимаетъ тѣ или другіе взгляды не просто потому, что надо же имѣть какіе-нибудь, а эти первые попались подъ руку, который думаетъ надъ тѣмъ, что читаетъ, — словомъ читателю съ задатками „души“, не можетъ, намъ кажется, не приходить иной разъ въ голову, что для всего этого безлошаднаго, безхозяйнаго и „отсутствующаго люда“,—въ положеніи котораго вся необезпеченность пролетаріевъ соединяется съ безправіемъ крѣпостныхъ,—право владѣть или не владѣть „постылыми“ надѣлами и развязаться съ властью деревенскаго общества было бы въ настоящее время большимъ облегченіемъ. Облегченіемъ было бы, конечно, уравненіе ихъ гражданскихъ правъ съ правами другихъ сословій и для тѣхъ крестьянъ, которые еще крѣпко держатся за землю. Вѣдь это уравненіе неминуемо повело бы за собою также и уравненіе въ обложеніи всѣхъ земель въ чьемъ бы ни находились онѣ владѣніи. Но молодому читателю приходится гнать отъ себя такія мысли. Это разрушеніе народничества, а съ оппозиціоннымъ народничествомъ связаны всѣ лучшія воспоминанія послѣднихъ десятилѣтій; его и теперь придерживаются всѣ самые любимые писатели. Внѣ его читатель встрѣчаетъ лишь безсмысленную развязность и реакціонное человѣконенавистничество. И вотъ онъ успокаиваетъ себя тою мыслею, что если прикрѣпленіе къ землѣ и тяжело ложится въ настоящемъ на крестьянина, оно необходимо ради будущаго. Оно сохраняетъ общинныя традиціи и права на землю забросившихъ хозяйство и отсутствующихъ крестьянъ, права, „постылыя“ въ настоящемъ, но драгоцѣнныя въ будущемъ. когда различныя мѣры снова превратятъ этихъ крестьянъ въ хозяйственныхъ, многолошадныхъ членовъ процвѣтающихъ общинъ.

„На зарѣ туманной юности“ народничества, когда не выяснились ни размѣры крестьянскаго раззоренія, ни степень безсилія интеллигенціи, еще можно было подыскивать кое какія оправданія требованію ограниченія правъ крестьянъ въ настоящемъ, ради благъ, ожидающихъ ихъ въ бу-

дущемъ. А какое необузданное воображеніе въ состояніи представить себѣ теперь всю громадность „мѣръ“ способныхъ вернуть эти 60 % страшно задолжавшаго, забросившаго хозяйство или не имѣющаго достаточно скота для полной обработки своихъ надѣловъ крестьянства, хотя бы лишь въ то положеніе, въ какомъ оно вышло изъ нѣдръ дореформенной, крѣпостной Россіи? Во всякомъ случаѣ, тутъ нельзя уже серьезно говорить о частныхъ мѣрахъ въ родѣ кредита, переселеній и проч. Чтобы уничтожить задолженность и возстановить утраченную „хозяйственную самостоятельность“ большинства крестьянъ, мало самаго крайняго напряженія всѣхъ силъ государства и самыхъ громадныхъ пожертвованій со стороны всѣхъ другихъ сословій. А какія основанія у нашей современной интеллигенціи разсчитывать на какія бы то ни было, большія или малыя, государственныя мѣры въ желательномъ ей направленіи?

Правительство, правда, имѣетъ претензію на усиленное народолюбіе. Даже и интеллигенцію-то оно преслѣдуетъ, по увѣренію реакціонной печати, преимущественно вслѣдствіе своей чрезвычайной нѣжности къ мужику. Оно питаетъ также искреннюю привязанность ко всѣмъ нашимъ самобытнымъ учрежденіямъ отъ деспотизма до общины и розги включительно, и если вѣренъ слухъ, сообщенный „С.-Петербургскими Вѣдомостями“, „вопросъ о неотчуждаемости крестьянскихъ земель рѣшенъ, наконецъ, въ утвердительномъ смыслѣ“ и „роковая“ статья Положенія не будетъ больше огорчать народниковъ. Но вѣдь и народники не скажутъ, конечно, чтобы самое „безусловное запрещеніе“ продажи выкупленныхъ надѣловъ могло принести крестьянамъ какое бы то ни было облегченіе. Оно только успокаиваетъ народниковъ, отнимая у нетерпѣливыхъ крестьянъ послѣднюю возможность избавляться при случаѣ (когда скупщику понадобятся надѣлы) отъ земли, кабалы и розогъ и искать себѣ, какъ знаютъ и какъ могутъ, лучшей доли, не дождавшись уготованнаго имъ въ воображеніи ихъ заботливыхъ друзей блаженнаго будущаго. Запрещеніе продавать выкупленные надѣлы открываетъ также радужныя перспективы и передъ правительствомъ, гарантируя ему возможность, по окончаніи выкупныхъ платежей, возобно-

вить ихъ подъ тѣмъ или другимъ названіемъ. Но едва ли кто ожидаетъ отъ правительства какихъ нибудь мѣръ, способныхъ улучшить положеніе крестьянъ въ настоящемъ или въ будущемъ. Ему едва подъ силу обезпечить „будущность“ снабженныхъ бездонными карманами дворянскихъ „фамилій“. А главное,—прошли тѣ времена, когда антипатія къ „участку“ и всевозможныя либеральныя, прогрессивныя и благожелательныя поползновенія мирно уживались у насъ съ предпочтеніемъ самодержавія инымъ формамъ правленія. Само правительство положило конецъ этой двойственности. Раздѣляй взгляды правительства, или убирайся — требуетъ оно отъ всякаго „общественнаго дѣятеля“. Намъ кажется, что восьмидесятые годы не могли не вытравить изъ каждаго, серьезно относящагося къ своимъ убѣжденіямъ, противника „участка“ послѣднюю охоту разсчитывать на „благія мѣры“ самодержавнаго правительства. Вѣдь ожидать отъ него осуществленія своихъ идеаловъ значитъ признавать полную правомѣрность его существованія, а слѣдовательно и правомѣрность всѣхъ дѣйствій (до истребленія недовольной интеллигенціи включительно), которыми оно ограждаетъ это существованіе. А далѣе сама логика требуетъ,—разъ мы надѣемся на правительство, — помочь ему въ осуществленіи нашихъ надеждъ: пойти на службу, заявивши предварительно о своей благонамѣренности, и принять участіе въ торжествующемъ хорѣ побѣдителей.

Одно предположеніе о такомъ концѣ не можетъ не вызвать въ каждомъ „не бездушномъ“ интеллигентѣ такого же взрыва негодованія, какой вызвало въ Кустаревѣ и Благомировѣ [1]) сопоставленіе ихъ съ покаявшимся Тихомировымъ: въ комъ не вызоветъ, кто можетъ, не смотря ни на что, возлагать надежды на самодержавное правительство, тотъ находится на прямомъ пути къ реакціонному народничеству Побѣдоносцевыхъ, Тихомировыхъ и проч., а мы говоримъ о томъ настроеніи, которое должно вызываться столкновеніемъ жизни съ теоріей въ оппозиціонной интеллигенціи.

Какія же основанія у этой интеллигенціи надѣяться на мѣры, въ ожиданіи которыхъ слѣдуетъ „потерпѣть“ прикрѣпленному крестьянину?

---

[1]) Въ романѣ „На ущербѣ“—г. Боборыкина.

Со всякими помыслами о народной революціи она давно разсталась гораздо полнѣе и основательнѣе, чѣмъ съ вѣрой въ благодѣтельную монархію. У нея мелькаетъ впереди только одна надежда: на конституцію. Мелькаетъ не потому, чтобы интеллегенція видѣла передъ собою какой-нибудь путь для пріобрѣтенія этой конституціи или хотя бы признаки ея приближенія. Надежда порождена въ ней ея горячимъ желаніемъ, а желаніе навязано ей самой жизнью—слишкомъ яркимъ противорѣчіемъ, въ которое стала монархическая власть со всѣми условіями существованія небогатой части образованныхъ классовъ. Это желаніе вполнѣ законно и совпадаетъ съ дѣйствительными интересами громаднаго большинства русскаго населенія, но оно не только не вытекаетъ изъ соціальныхъ воззрѣній, господствующихъ среди нашей интеллегенціи, а находится съ ними въ полнѣйшемъ противорѣчіи Народническая интеллигенція твердо знала объ этомъ противорѣчіи и долго боролась, прежде чѣмъ отдалась своему неудержимому желанію конституціи. Она знала (хотя теперь быть можетъ старается забыть это), что представительное правленіе не только не поможетъ „отстаивать Россію отъ капиталистическаго чада" и удерживать ее „на пути самобытнаго развитія", а окажется наоборотъ „торжествомъ буржуазіи". Этой „торжествующей" буржуазіи уже не придется, правда, „лишать народъ его хозяйственной самостоятельности",—о такомъ лишеніи слишкомъ усердно позаботилось и продолжаетъ заботиться самодержавное правительство при помощи не „торжествующихъ" Колупаевыхъ и Разуваевыхъ. Русскій парламентъ можетъ оказать и, навѣрное, окажетъ крестьянству громадную услугу, уравнявши его гражданскія права и лежащія на немъ податныя тягости съ правами и тягостями другихъ сословій, но никто не ждетъ отъ него, конечно, возстановленія утраченной хозяйственной самостоятельности большинства крестьянскаго населенія. Откуда-же могутъ ждать народники улучшенія въ положеніи *прикрѣпленнаго* крестьянина? Отъ дѣйствія отвлеченнаго „прогресса"? Но 30 лѣтъ конкретнаго регресса крестьянскаго хозяйства отнимаютъ у народниковъ всякое право прилагать эту отвлеченную фикцію по крайней мѣрѣ къ данному явлені

Въ № 209 „Русскихъ Вѣдомостей" нынѣшняго года г.

Михайловскій говоритъ о печальномъ положеніи современнаго русскаго читателя, не просто пробѣгающаго кое-что отъ скуки, а приступающаго къ чтенію „съ цѣлями просвѣщенія своего ума и сердца“. Затруднительность его положенія г. Михайловскій видитъ въ безшабашности реакціонной прессы и въ той особаго рода „широтѣ мысли“, характерной представительницей которой служитъ „Недѣля“. Эту „въ общемъ почтенную газету время отъ времени точно муха какая-то укуситъ: „новое слово“ ей хочется сказать...“ а слова по большей части выходятъ пустыя, а иногда и вовсе не новыя, давно заѣзжанныя реакціонной прессой. Мы также думаемъ, что очень печально положеніе русскаго читателя, молодаго въ особенности, ищущаго просвѣщенія и ищущаго его не ради украшенія своей особы, а ради выработки убѣжденій, являющихся для него серьезнымъ, жизненнымъ вопросомъ, опредѣляющимъ его будущую дѣятельность. Но намъ кажется, что главная бѣда такого читателя лежитъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ видитъ ее г. Михайловскій. Плохія качества реакціонной прессы могутъ огорчить читателя лишь въ томъ случаѣ, если, обладая тонкимъ вкусомъ, онъ въ тоже время склоняется на сторону реакціи, а насъ, да и г. Михайловскаго тоже, больше интересуетъ оппозиціонно-настроенный юноша. Можетъ, конечно, разсердить такого юношу новое словечко „Недѣли“ „о кругломъ эстетическомъ невѣжествѣ“ Добролюбова и „неинтересности“ его „незрѣлыхъ мыслей“. Но разсердить — и только, а въ лучшемъ случаѣ можетъ вызвать въ немъ желаніе перечитать Добролюбова. Вѣдь слыхалъ же онъ, что каковы бы тамъ ни были мысли Добролюбова, онѣ вызывали въ читателяхъ такой громадный интересъ, какого никогда не дождаться мыслямъ „Недѣли“.

Не въ томъ бѣда молодого читателя, что „Недѣля“ говоритъ „новыя слова“, — ни помочь, ни помѣшать ему эти слова не въ состояніи,—а въ томъ бѣда его, что „старыя слова“, составлявшія единственную пищу ума и сердца оппозиціонвой интеллигенціи, продолжаютъ раздаваться въ своемъ старомъ, неизмѣнномъ видѣ, хотя жизнь давно вложила новый, жестокій смыслъ, въ вытекающія изъ этихъ словъ основныя практическія требованія. Бѣда его въ томъ, что добрые люди и искренніе друзья народа (дѣйствительно

и добрые, и искренніе, это-то и увеличиваетъ бѣду), проповѣдующіе прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ и тѣмъ самымъ берущіе на себя нравственную отвѣтственность за всѣ лишнія тягости, вытекающія для народа изъ этого прикрѣпленія, не только не могутъ указать своимъ послѣдователямъ никакой общественной дѣятельности, ведущей къ облегченію крестьянскихъ тягостей, но не могутъ указать даже въ будущемъ никакой опредѣленной надежды на такое облегченіе. Печально положеніе „небездушнаго" русскаго читателя потому, что вложенное въ него самой жизнью политическое настроеніе и политическія требованія находятся въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ соціальной программой, до сихъ поръ отстаиваемой почти всей оппозиціонной прессой.

Честные люди не идутъ на государственную службу, честные люди стыдятся служить самодержавному правительству, не разъ повторяетъ на разные лады г-жа Цебрикова въ своихъ заграничныхъ брошюрахъ. Честный народникъ Кустаревъ въ романѣ г. Боборыкина, поколебавшійся было: не поступить ли ему на государственную службу, чтобы не жить для одного „огражденія своего либеральнаго обличія", съ отвращеніемъ говоритъ потомъ, устыдившись этого колебанія, что „чуть-чуть одну ногу не завязилъ". И эти же честные люди, такъ брезгливо, съ такимъ недовѣріемъ относящіеся къ правительству, вынуждены своей теоріей, разъ дѣло касается народа, вдругъ проникаться безграничнымъ довѣріемъ къ тому же правительству и требовать, чтобы оно держало не въ политической только, а въ гражданской, въ крѣпостной отъ себя зависимости любимыхъ ими крестьянъ. Научившись, наконецъ, желать для себя не *доброты* самодержавнаго правительства, а ограниченія самодержавія, *гарантій* отъ его произвола, они вынуждены, разъ дѣло идетъ о самыхъ существенныхъ интересахъ крестьянъ, требовать для нихъ увѣковѣченія произвола въ обложеніи, отказываться за нихъ отъ всякихъ гарантій — невозможныхъ при прикрѣпленіи — и заключающихся при свободѣ землевладѣнія въ простой экономической невозможности взять съ земли больше извѣстнаго, умѣреннаго процента ея доходности.

Да, тяжело положеніе честныхъ, впечатлительныхъ юно-

шей, которымъ приходится теперь вырабатывать свои убѣжденія и выбирать программу дѣятельности. Пожилымъ людямъ все таки легче: они повторяютъ отжившія формулы, бывшія живыми и увлекательными идеями, когда они впервые встрѣтились съ ними въ молодости. Идеи старились и умирали такъ постепенно, что носители этихъ идей могли и не замѣтить ихъ одряхлѣнія. Въ иномъ положеніи находятся юноши конца восьмидесятыхъ годовъ, впервые ознакомившіеся съ нашей „самобытной" программой во всей ея современной безнадежности, жестокости, и противорѣчивости. Они не могутъ полюбить этой программы и съ горячимъ убѣжденіемъ развивать связанныя съ ней идеи: „творить впередъ", какъ выражается критикъ „Русской Мысли". Но имъ трудно, очень трудно и круто порвать съ этими идеями и найти себѣ новую программу, новое міросозерцаніе. Они прикрѣплены, какъ крестьяне къ землѣ, къ нашимъ самобытнымъ теоріямъ. Эти теоріи такъ долго господствовали надъ умами русской интеллигенціи, что проникли во всѣ изгибы ея умственнаго склада, отражаются на всѣхъ ея взглядахъ, затуманиваютъ ея глаза и окрашиваютъ ея сужденія о самыхъ отдаленныхъ предметахъ, не имѣющихъ, повидимому, ничего общаго съ „самобытными путями" русскаго развитія.

Въ качествѣ общественной теоріи, объединявшей и направлявшей когда-то движеніе нашей оппозиціонной интеллигенціи, народничество умерло окончательно и безповоротно. Но le mort saisit le vif. Оно мѣшаетъ и будетъ еще мѣшать развитію новыхъ теорій, новой программы, новаго движенія, открывая тѣмъ самымъ полный просторъ людямъ, живущимъ въ мирѣ съ нашей дѣйствительностью и не нуждающимся, поэтому, ни въ какомъ объединяющемъ ученіи, ни въ какой программѣ, ни въ какомъ движеніи, ни въ старомъ, ни въ новомъ.

Но если трудно ожидать появленія новыхъ защитниковъ либеральнаго, оппозиціоннаго народничества, такіе защитники появляются и, вѣроятно, будутъ появляться въ ближайшемъ будущемъ у реакціоннаго, болѣе послѣдовательнаго и свободнаго отъ противорѣчій, народничества.

III.

Не знаемъ, многіе-ли изъ читателей обратили вниманіе на статью г. Побѣдоносцева[1]) заключающую, такъ сказать, обоснованіе реакціоннаго народничества, и предвѣщавшую новое (теперь рѣшенное, по сообщенію С. П. Вѣдомостей) насиліе надъ крестьянами. Надо думать, что рецензентъ „Русской мысли“ прочелъ ее очень невнимательно: иначе онъ не сталъ бы поддразнивать ею „нашихъ охранителей“ и увѣрять, что „рѣчи“ оберпрокурора св. синода, „должны были произвести“ на нихъ „непріятное впечатлѣніе“ [2]). На него самаго онѣ видимо произвели самое пріятное впечатлѣніе. Съ одной стороны это пріятное впечатлѣніе совершенно понятно: тѣ страницы (66—69), гдѣ говорится о грозящей Россіи „опасности“ и о необходимости предотвратить ее посредствомъ отмѣны 165 ст. Полож. о выкупѣ, которою пользовались „почти исключительно самые неимущіе домохозяева“, выкупая надѣлы на деньги скупщиковъ, съ тѣмъ, чтобы перепродать ихъ скупщикамъ, не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что не было бы множество разъ высказано въ нашихъ оппозиціонныхъ журналахъ. Реакціонный авторъ даже на земства ссылается: они, молъ, давно уже заявляютъ ходатайства объ отмѣнѣ упомянутой статьи. Читая эти страницы, любой либеральный народникъ могъ почувствовать себя совершенно дома: въ „Русской Мысли“ или въ „Вѣстникѣ Европы“.

За то въ общихъ историческихъ взглядахъ, предпосланныхъ реакціоннымъ авторомъ своимъ практическимъ требованіямъ, встрѣчаются очень интересныя, но едва-ли пріятныя либеральнымъ народникамъ мысли и сближенія.

„Для государства въ высшей степени важно, говоритъ г. Побѣдоносцевъ, существованіе и умноженіе благоустроенныхъ семейныхъ союзовъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе связанныхъ съ хозяйственно устроенной земельной дачей“. Недурны для него и очень крупныя дачи, какъ показываетъ ссылка на Англію: еще лучше мелкія; „крестьянское сосло-

[1]) „Семейные участки“, „Русскій Вѣстникъ“, Сентябрь 1889 года.

[2]) „Русская Мысль“, Ноябрь 1889 г.

віе составляетъ главную охранительную силу въ государствѣ". Важно, вообще, чтобы возможно большее число семей было такъ или иначе „изъ поколѣнія въ поколѣніе" привязано къ землѣ. Для такого привязыванія существуетъ нѣсколько способовъ.

„1) Устройство сельской общины[1]). Община всѣхъ своихъ членовъ снабжаетъ землею и всѣмъ запрещаетъ ея отчужденіе. Ей принадлежитъ собственность; каждому члену ея— пользованіе.

„2) Устройство *феодальное*. Собственность принадлежитъ высшему владѣющему классу, который низшему классу служитъ тѣмъ же, чѣмъ община — каждому изъ своихъ членовъ". Оно также обезпечиваетъ за крестьяниномъ пользованіе землею безъ права ея отчужденія и точно такъ же, прибавимъ отъ себя, какъ и наше самобытное устройство, лишаетъ крестьянина права отдѣлываться отъ „пользованія" своимъ участкомъ, хотя бы лежащіе на землѣ поборы дѣлали его „постылымъ". Совершенно такъ же феодальное устройство дозволяетъ увеличивать эти поборы до размѣровъ, немыслимыхъ при свободѣ землевладѣнія. Наконецъ, оно также лишаетъ крестьянина его гражданской полноправности и дозволяетъ подвергать его унизительнымъ наказаніямъ за неисправное выполненіе насильственно наложенныхъ на него непосильныхъ обязанностей.

Упомянувъ далѣе, въ качествѣ третьяго способа обезпечивать устойчивость поземельнаго владѣнія, китайскій законъ VII столѣтія, г. Побѣдоносцевъ переходитъ къ четвертому способу, входящему въ употребленіе „въ новѣйшее время подъ началомъ *гражданской свободы*". При этомъ способѣ владѣлецъ земли, не лишаясь свободы продать или завѣщать свой участокъ, получаетъ право формально объявить его неотвѣтственнымъ за долги и запретить раздѣлъ его послѣ своей смерти.

Этотъ послѣдній, не противорѣчащій „началамъ гражданской свободы", способъ обезпеченія устойчивости землевладѣнія авторъ рекомендуетъ русскому дворянству, причемъ редакція добавляетъ отъ себя, что „заповѣдныя" помѣстья должны имѣть размѣры достаточныя „для освобожденія дво-

---

[1]) „Семейные участки". Побѣд. „Р. Вѣстн." Сент., стр. 58.

рянскаго дома отъ угнетающихъ жизнь мелочныхъ заботъ о насущномъ существованіи". Комбинація двухъ первыхъ *несовмѣстимыхъ съ гражданской свободой* „способовъ" (при чемъ роль феодала играетъ самодержавное правительство) остается на долю русскаго крестьянства. Относительно его нѣтъ и рѣчи объ обезпеченіи, не то что отъ „заботъ", а хотя бы отъ голода. Для „самыхъ неимущихъ домохозяевъ" требуется лишь обезпеченіе отъ возможности пріобрѣтать „гражданскую свободу" посредствомъ продажи надѣловъ. Сходясь,—какъ въ этомъ требованіи, такъ и въ своемъ отношеніи къ капитализму и пролетаріату, къ городамъ и фабричной промышленности—съ либеральными народниками, логичный народникъ-реакціонеръ совершенно расходится съ ними въ оцѣнкѣ порядковъ, господствовавшихъ въ дореволюціонной Европѣ. Онъ принципіальный противникъ „начала" равенства и свободы, какъ гражданской, такъ и политической, какъ въ Россіи, такъ и на Западѣ. У него нѣтъ двухъ мѣрокъ для однородныхъ явленій. Феодализмъ, являющійся чуть не ругательнымъ словомъ для народника-либерала, приводитъ его въ положительное умиленіе. Все шло прекрасно въ Европѣ, пока не „овладѣло умами" „отвлеченное начало *равенства*". „Во Франціи до революціи поземельная собственность охранялась и закономъ, и обычнымъ правомъ, и экономическимъ бытомъ того времени... Узы феодальныхъ порядковъ задерживали крестьянскую землю въ обращеніи лишь между крестьянами. Революція новыми своими законами разорвала прежнюю связь землевладѣльца съ землею..." Деревенское населеніе уменьшилось, городское увеличилось, восторжествовали „отвлеченныя начала" равенства и свободы, и все это имѣло самыя скверныя (для французскихъ реакціонеровъ) послѣдствія.

Въ Россіи „узы" не были разорваны при „освобожденіи" крестьянъ, а лишь надорваны 165 ст. Положенія. Стоитъ уничтожить эту лазейку, да обезпечить за дворянскими семьями заповѣдныя имѣнія,—и все будетъ спасено. Легко-ли въ этихъ „узахъ" крестьянамъ, это не имѣетъ большой важности съ точки зрѣнія принципіальнаго сторонника несвободы и неравенства. Пусть крестьянинъ благоденствуетъ, если можетъ,—это очень хорошо, но не въ этомъ его спеціальное назначеніе. Оно заключается въ его „охранитель-

ныхъ“ свойствахъ, въ той политической неподвижности, которую надѣется придать Россіи одинъ изъ главныхъ столповъ нашей реакціи посредствомъ привиллегій дворянству и порабощенія крестьянства. Бѣдствія связаннаго феодальными узами французскаго крестьянина передъ революціей, по всеобщему свидѣтельству, почти равнялись бѣдствіямъ современнаго русскаго крестьянина. Но г. Побѣдоносцевъ даже не упоминаетъ объ этомъ слишкомъ хорошо засвидѣтельствованномъ фактѣ. Сельское населеніе Франціи девятнадцатаго вѣка сравнительно благоденствуетъ, но не составляетъ достаточной „охранительной силы“, не могло помѣшать установленію во Франціи „новѣйшей демократіи“, не увеличивается въ числѣ, а растетъ, наоборотъ, городское населеніе, пользующееся заслуженной ненавистью каждаго реакціонера; поэтому законы революціи относительно землевладѣнія оказываются въ глазахъ г. Побѣдоносцева „разрушительными и въ экономическомъ, и въ политическомъ отношеніи“. Голодай, живи какъ звѣрь, питайся корой, какъ французскій крестьянинъ подъ „феодальными узами“, или мякиной, какъ современный русскій крестьянинъ, но составляй „охранительную силу въ государствѣ“. Только это и нужно.

Г. Побѣдоносцевъ черезъ чуръ увлекается, конечно, своими „отвлеченными началами“. Лишеніе крестьянъ „гражданской свободы“, и примѣненіе къ нимъ „начала“ неравенства сравнительно съ другими сословіями не спасутъ русскаго самодержавія. Господство реакціонныхъ „началъ“ не мѣшаетъ у насъ даже тому явленію, которое г. Побѣдоносцевъ приписываетъ лишь новѣйшимъ демократіямъ. И у насъ сельское населеніе „бѣжитъ изъ деревни въ городъ, гдѣ увеличиваетъ массу бездомныхъ пролетаріевъ“. Этому не помѣшаетъ и закрѣпленіе „узъ“ уничтоженіемъ 165 статьи; вѣдь уходятъ въ города и не продавши надѣловъ. И у насъ крестьянское населеніе не уменьшается только на бумагѣ. Бѣда реакціонеровъ въ томъ, что „узы“ не останавливаютъ промышленнаго развитія страны, не устраняютъ его вліянія на связанную ими часть населенія, а лишь стѣсняютъ и извращаютъ это развитіе, осложняя его при этомъ безчисленными страданіями для всѣхъ, бьющихся въ „узахъ“. Но развитіе идетъ таки впередъ, и такъ или иначе разры-

ваетъ „узы“, и гражданскія, и политическія: разорвало ихъ во Франціи,—несомнѣнно разорветъ и въ Россіи.

Реакціонное народничество сильно ошибается, но въ противоположность либеральному народничеству остается логичнымъ и послѣдовательнымъ въ своихъ ошибкахъ. Народники-реакціонеры не требуютъ, подобно либеральнымъ народникамъ, одновременно свободы и неволи, равенства и неравенства, благосостоянія крестьянъ, уваженія къ нимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такихъ учрежденій, которыя даютъ деспотическому правительству полнѣйшую возможность высѣкать изъ „уважаемыхъ“ крестьянъ какія угодно подати. Не требуютъ они и политической свободы, отстаивая гражданскую неволю. Поборники деспотизма увлекаются, возлагая на „узы“ неосновательныя надежды относительно будущаго; но въ настоящемъ „узы“ представляютъ безъ сомнѣнія не малыя удобства для защищаемаго реакціонерами „начала“. При свободѣ крестьянскаго землевладѣнія пришлось бы обложить дворянскія земли налогомъ наравнѣ съ крестьянскими. Такая мѣра не замедлила бы вызвать въ почтенномъ дворянскомъ сословіи новый взрывъ либерализма и конституціонныхъ пожеланій. А это очень невыгодно для „началъ“ г. Побѣдоносцева. Наоборотъ, заботливое охраненіе благодѣтельныхъ „узъ“ даетъ полную возможность подогрѣвать вѣрноподданническія чувства дворянъ подарками изъ государственнаго казначейства, пополняемаго на счетъ терпѣливаго крестьянства. Къ тому же при свободѣ землевладѣнія всякое превышеніе нормальныхъ размѣровъ обложенія немедленно дало бы себя почувствовать путемъ постоянныхъ недоборовъ, противъ которыхъ можно было бы бороться только посредствомъ продажи принадлежащихъ недоимщикамъ земель. А это опять таки повело бы къ сильнымъ неудовольствіямъ и вообще къ неустойчивости народнаго хозяйства. Теперь же, благодаря „узамъ“, спасительная и дешевая розга безъ хлопотъ улаживаетъ всѣ наши финансовыя затрудненія. Отъ нея, конечно, не легко приходится крестьянину. Но...

Не бѣда, что потерпитъ мужикъ,
Такъ ведущее насъ провидѣніе
Указало, да онъ же привыкъ...

Народникъ-реакціонеръ отстаиваетъ прикрѣпленіе крестьянъ ради охраненія нашего реальнаго, существующаго въ дѣйствительности, деревенскаго строя. Для его цѣли,— продленія самодержавія,—строй этотъ и такъ не дуренъ, онъ и такъ облегчаетъ задачи правительства. Для народника-либерала и демократа крестьянинъ не можетъ служить средствомъ для постороннихъ цѣлей, да и цѣли гг. охранителей не представляютъ для него ничего привлекательнаго. Народникъ-реакціонеръ отлично знаетъ, чего хочетъ, и дѣйствуетъ цѣлесообразно. Либеральный народникъ самъ не знаетъ, чего желаетъ, ибо желаетъ двухъ одна другую исключающихъ вещей, причемъ народничество мѣшаетъ ему быть логичнымъ либераломъ, а либерализмъ—логичнымъ народникомъ.

Отъ всей души желая реакціонному народничеству возможно быстраго крушенія всѣхъ его плановъ, всѣхъ любезныхъ ему учрежденій, мы, въ ожиданіи этого крушенія, желаемъ ему и нѣкоторыхъ успѣховъ, а именно: литературныхъ успѣховъ. Мы желали-бы, чтобы народники-реакціонеры какъ можно больше писали, а народники-либералы какъ можно прилежнѣе читали ихъ произведенія. Встрѣчая свою собственную программу подъ крѣпкимъ реакціоннымъ соусомъ, вмѣсто обычнаго либерально-благожелательнаго, они волей неволей осмѣлятся, наконецъ, отнестись къ ней критически. А разъ начавшаяся работа мысли въ конецъ разрушитъ народническое міросозерцаніе, и можетъ быть приведетъ ихъ къ инымъ взглядамъ, дающимъ возможность плодотворной работы.

IV.

Кромѣ отстаиванія своей общей соціальной программы, кромѣ словесной борьбы за охраненіе Россіи отъ капитализма, буржуазіи и пролетаріата, у нашей оппозиціонной литературы есть и другая сторона, особенно выдвинувшаяся за послѣдніе годы: проповѣдь индивидуальнаго, личнаго служенія народу на различныхъ поприщахъ непосредственно полезной практической дѣятельности. Этому служенію литература начала придавать все большее и большее значеніе,

по мѣрѣ того какъ исчезала постепенно ея способность „освѣщать совокупность прогрессивнаго движенія“ и „всматриваться въ свѣтящіяся точки, мерцающія въ перспективахъ будущаго“. Въ этой области она чувствовала себя въ полной безопасности. Чтобы ни скрывалось въ перспективахъ будущаго, какъ бы ни были печальны выводы статистики,— все это ни мало не вліяетъ на полезность медицинской помощи, сельскихъ школъ и проч. Вмѣсто того, чтобы вѣчно „плакать надъ цифрами“ (выраженіе Г. И. Успенскаго) интеллигенція должна посвятить свои силы удовлетворенію текущихъ нуждъ настоящей минуты. Такъ говорятъ люди стараго настроенія, но индифферентизмъ новаго поколѣнія вытѣсняетъ старую „идейность“ также и изъ этой области. Даже здѣсь-то именно ея положеніе и оказывается всего слабѣе. Дѣло въ томъ, что „восьмидесятники“ не только не отрицаютъ необходимости практической дѣятельности интеллигентовъ на пользу деревни, а, наоборотъ, только ее и признаютъ, усиленно подчеркивая свою практичность и дѣловитость въ противоположность непрактичному идеальничанію отцовъ. Они ставятъ „свое время“ въ примѣръ всякимъ прочимъ непрактичнымъ временамъ за то именно, что теперь и школъ, и больницъ, и хорошихъ дорогъ гораздо больше чѣмъ, въ шестидесятыхъ годахъ, и всѣ земскіе рукомойники лудятся чище, чѣмъ въ семидесятыхъ. Разногласіе съ людьми стараго настроенія сводится, такимъ образомъ, лишь къ тому, что эти послѣдніе требуютъ отъ учителей, докторовъ, агрономовъ и вообще отъ интеллигентныхъ дѣятелей, чтобы они смотрѣли на свою дѣятельность, какъ на подвижничество и служеніе, предавались ей съ энтузіазмомъ и увлеченіемъ, руководились любовью къ людямъ и идеей общественнаго блага, не внося въ свое дѣло принижающей „идеи купли и продажи“. Практичные „восьмидесятники“ собираются, наоборотъ, дѣйствовать на тѣхъ же, рекомендуемыхъ литературой поприщахъ, безъ всякихъ „подвиговъ“, безъ „энтузіазма“ и всего прочаго. Для нихъ такая дѣятельность не „служеніе“, а служба, должность, полезная работа, отлично уживающаяся съ „идеей куплипродажи“ и противопоставляемая всякаго рода „порывамъ“ и „идеаламъ“.

При такой постановкѣ вопроса, когда споръ идетъ не о

томъ, что слѣдуетъ дѣлать, а о томъ, въ какомъ настроеніи должны находиться дѣятели, положеніе защитниковъ стараго настроенія оказывается чрезвычайно затруднительнымъ. Очеркъ г. Шелгунова[1]), направленный противъ распространяющагося въ печати мнѣнія, что простыя дѣла „надо дѣлать просто, не напуская на себя ни миссіонерства, ни подвижничества", и трудъ доктора, напримѣръ, слѣдуетъ оплачивать, какъ всякій обыкновенный трудъ, заставилъ даже одного толстовца пригласить г. Шелгунова перейти въ его вѣру, захвативши кстати и г. Михайловскаго съ г. Скабичевскимъ. „Желанія ваши прелестны, и я ихъ раздѣляю отъ всей души и чистаго сердца, пишетъ толстовецъ[2]). Зачѣмъ спорить о словахъ, когда сущность одна и та же?" И дѣйствительно, въ прельстившемъ толстовца очеркѣ все сводится главнымъ образомъ къ той „любви", которая играетъ такую громадную роль и въ ученіи графа Толстаго. Всѣ мы добры, говоритъ г. Шелгуновъ, „мы хотимъ любить и хотимъ, чтобы насъ любили. Другой и нѣтъ нравственности. А что эта нравственность не трудна, мы тоже это знаемъ на своихъ повседневныхъ, ну, хотя бы домашнихъ, отношеніяхъ". Трудъ доктора не такъ простъ, какъ трудъ печника, говоритъ дальше г. Шелгуновъ, „чтобы и печку сложить хорошо, нужно любить печное дѣло (печникъ возразилъ бы вѣроятно, что ежели при умѣніи, да за хорошую плату, то можно сложить отличную печку и безъ всякой любви, но толстовецъ долженъ былъ отъ „чистаго сердца" согласиться съ г. Шелгуновымъ). Никакого дѣла нельзя дѣлать безъ любви къ нему; въ человѣческихъ отношеніяхъ безъ любви къ людямъ и ровно ничего нельзя дѣлать. Внѣ любви къ людямъ нельзя найти ни нравственнаго удовлетворенія, ни душевнаго спокойствія и довольства. И потому-то печать, подставляющая, вмѣсто идеи общественнаго и личнаго доброжелательства, идею купли и продажи едва-ли оказываетъ обществу, въ особенности растущей его части, нравственно-просвѣтительную услугу".

Ну какъ было толстовцу не воскликнуть: „бросьте свои постыдныя препирательства и протяните руку"? Но что могъ

---

[1]) Мартъ „Русской Мысли" 1890 г.

[2]) Письмо приведено въ „Очеркахъ русской жизни" г. Шелгунова Августъ „Русск. Мысли" 1890 г.

вынести изъ очерка г. Шелгунова обыкновенный, не „просвѣтленный“ графскимъ ученіемъ членъ подростающей части общества? Ему говорятъ, что ровно ничего нельзя дѣлать, не полюбивши людей той самой любовью, которою онъ любитъ своихъ домашнихъ. Но, вопервыхъ, какъ это сдѣлать? Любовь въ простомъ, не переносномъ, смыслѣ слова—чувство совершенно непроизвольное, не поддающееся никакимъ разсужденіямъ и тутъ безъ божьей благодати (а слѣдовательно и безъ Толстого) ничего не подѣлаешь. А во вторыхъ, читатель не можетъ не знать, въ какомъ непримиримомъ антагонизмѣ находится „служеніе“ интересамъ своихъ „домашнихъ“ со всякимъ инымъ слишкомъ усерднымъ и безкорыстнымъ служеніемъ, и въ какія роковыя приходятъ они столкновенія. Правда, рѣчь идетъ о докторской и иныхъ подобныхъ же, безобидныхъ профессіяхъ, допускающихъ разнообразныя комбинаціи этихъ двухъ родовъ „служенія“. Но, ужъ изъ однѣхъ повѣстей нашихъ оппозиціонныхъ журналовъ читатель, навѣрное, знаетъ, что и въ этихъ мирныхъ профессіяхъ излишнее доброжелательство къ посторонпимъ (къ даровымъ паціентамъ, напр.), при неимѣніи наслѣдственныхъ капиталовъ, очень часто вступаетъ въ борьбу съ семейной любовью и дѣйствуетъ на нее самымъ разрушительнымъ образомъ. А вѣдь въ этой-то личной любви, „накапливающейся“, по увѣренію г. Шелгунова, въ домашнемъ быту и затѣмъ уже распространяющейся на постороннихъ, и заключается вся нравственность? Не выпутаешься изъ этого противорѣчія безъ графа Толстого съ его извѣстной домашней *практикой* „непротивленія злу насиліемъ“. Обыкновенный читатель, остановившійся, по словамъ г. Шелгунова, въ недоумѣніи передъ идеей „любви и доброжелательства“, такъ и остается въ этомъ недоумѣніи. Едва-ли помогутъ ему и приводимые г. Шелгуновымъ примѣры „идеальныхъ людей, подвижниковъ общественнаго труда и общественнаго служенія“, добрыхъ докторовъ, интеллигентовъ, „садившихся на землю“, людей отдававшихъ свои силы народному образованію и въ особенности примѣръ нѣкоего г. У., „піонера культурнаго земледѣлія“ въ Приамурскомъ краѣ. Этотъ г. У. пробылъ нѣсколько лѣтъ сельскимъ учителемъ въ русской деревнѣ, перешелъ потомъ къ изученію сельскаго хозяйства и уѣхалъ хозяйничать на

Амуръ, получивъ для этого отъ генералъ-губернатора 100 десятинъ земли, а отъ военнаго губернатора Амурской области 600 рублей на обзаведеніе. Такой примѣръ можетъ, пожалуй, вмѣсто разрушенія недоумѣній восьмидесятниковъ ввергнуть въ подобное же недоумѣніе иныхъ не слишкомъ твердыхъ толстовцевъ. Какъ понимать одобренный начальствомъ подвигъ г. У? И гдѣ въ немъ „любовь"? Возлюбилъ-ли онъ, сидя учителемъ въ русской деревнѣ, тунгусовъ Приамурскаго края, которыхъ и приходится-то въ добавокъ всего по одному на 17 слишкомъ квадратныхъ километровъ? А если возлюбилъ онъ не тунгусовъ, а просто на просто „культурное земледѣліе", то вѣдь подобная любовь какъ разъ въ духѣ практичныхъ „восьмидесятниковъ". Почему же г. Шелгуновъ съ торжествомъ указываетъ имъ, для ихъ вящаго обличенія, на подвигъ г. У.?

Тотъ же вопросъ о горячемъ подвижничествѣ и хладнокровной практичности, только съ другой стороны и безъ всякой толстовщины, затрогиваетъ также г. Протопоповъ въ статьѣ, написанной по поводу романа г. Эртеля „Гардении" [1]).

Въ этомъ романѣ молодая дѣвушка, Вѣра Турчанинова, поступившая въ сельскія учительницы „съ идеальными стремленіями, съ желаніемъ послужить общему благу", съ готовностью „отдать" крестьянину „все, все", „посвящать ему безраздѣльно знанія, мысли, чувства", ушла впослѣдствіи изъ деревни, съ горькимъ сознаніемъ, что ей нечего тамъ дѣлать, что „жизнь осмѣяла ея разсчеты", что крестьянинъ не таковъ, какимъ она воображала его, что въ немъ много „подлости, лжи, притворства", что „нѣтъ эгоиста, безсердечнѣе мужика".

Г. Протопоповъ относится очень строго къ этой шедшей „съ беззавѣтнымъ увлеченіемъ", но не выдержавшей деревни дѣвушкѣ. По его мнѣнію, ея разочарованіе есть лишь личная неудача легкомысленнаго человѣка, который, не разсчитавши своихъ силъ, взвалилъ на плечи непосильную тяжесть. Еще строже относится онъ къ другому герою того же романа, Николаю Рахманному, составляющему прямую противоположность съ Турчаниновой. Этотъ никакихъ тяже-

---

[1]) „Тенденціозный романъ", „Сѣверный Вѣстникъ", Февраль 1890 г.

стей на свои плечи не взваливалъ, въ немъ никогда не было замѣтно ни „горячности къ планамъ“, ни „беззавѣтнаго увлеченія“. Тѣмъ не менѣе, онъ дѣйствуетъ, на пользу деревни, правда, ничѣмъ особеннымъ для этого не жертвуя, но никогда и не отказываясь сдѣлать для крестьянъ „что-нибудь“ полезное, по скольку такое дѣло не вредитъ его интересамъ. Это типъ практичнаго, удовлетвореннаго „восьмидесятника“. Онъ никогда не разочаруется. „Рахменный говоритъ г. Протопоповъ, не способенъ сомнѣваться, онъ никогда не придетъ въ уныніе, потому что ищетъ утѣшенія и находитъ его въ первомъ „отрадномъ“ фактикѣ, въ какомъ-нибудь „свѣтломъ“ явленіи, которому въ сущности грошъ цѣна, но которое для грошеваго человѣка—цѣлый кладъ“. Онъ и самъ признаетъ, что въ деревнѣ „избытокъ всякой гнусности чрезмѣрный... Нищета, пьянство, нравственное оскудѣніе“, но все это заслоняется въ его глазахъ первымъ попавшимся „отраднымъ фактомъ“, грамотнымъ парнемъ, или исправнымъ мужикомъ. „Двухъ съ половиною свѣтлыхъ явленій“ совершенно достаточно для полнѣйшаго примиренія Рахменныхъ съ дѣйствительностью. „Оппортюнисты мысли и оппортюнисты жизни—они почти неуязвимы“. Въ ихъ „благоразуміи есть что-то невыразимо противное, что-то банальное до тошноты...“ сердится г. Протопоповъ, и онъ, конечно, правъ, а все таки Рахменные „кое-что“ дѣлаютъ въ деревнѣ, а Турчанинова ушла... У нея, положимъ, были слабыя плечи. За то у Ефрема, у Лизы Гардениной (революціонеры романа Эртеля) относительно личныхъ невзгодъ были крѣпкія плечи, но и они, или вѣрнѣе, ихъ реальные прототипы ушли изъ деревни, убѣдившись, что она не соотвѣтствуетъ ихъ мечтѣ, и ушли никакъ не для облегченія своихъ плечъ: ушли на поиски за новой тяжестью. А Рахменные остаются и производятъ время отъ времени по парѣ „свѣтлыхъ явленій“: парня выучатъ, мужика вылѣчатъ, что нибудь въ земствѣ выхлопочутъ. Почему же это? Г. Протопоповъ не задается такимъ вопросомъ. Онъ только сердится и на Рахменнаго, и на Турчанинову, и на декабриста, говорящаго про народника Кустарева (въ романѣ Боборыкина „На ущербѣ“): до сихъ поръ ни онъ, ни другіе, подобные ему, не хотятъ понять, что простой народъ — противъ нихъ; а они то его „обсахариваютъ...“

„Будемъ продолжать „обсахаривать" мужика, отвѣчаетъ на эти слова г. Протопоповъ, не боясь ничьихъ насмѣшекъ. Насмѣшкамъ этимъ—грошъ цѣна... Народъ не за насъ, но неужели сострадать можно только тому, кто „за насъ?" Неужели въ своихъ человѣческихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ нужно руководствоваться не совѣстью и не чувствомъ справедливости, а временными партійными соображеніями?" Рѣчь прекрасная, но къ декабристу вовсе не относится. Изъ его словъ, что простой народъ (деревенскій, конечно,—ушедшихъ въ города не „обсахаривали" народники) не за народниковъ, слѣдуетъ не тотъ выводъ, что народу нужно отказать за это въ сочувствіи, а тотъ, что *народники безъ народа* не могутъ оказать никакой помощи ни ему, ни себѣ, никому на свѣтѣ, и только самихъ себя обманываютъ. Въ послѣднемъ декабристъ ошибается. Народники давно помирились съ тѣмъ фактомъ, что „народъ не за нихъ", помирился съ этимъ и г. Протопоповъ. „Въ прогрессивномъ смыслѣ, говоритъ онъ, народъ сила только потенціальная... Но если не все черезъ народъ, то все—для народа..." Весь вопросъ теперь въ томъ, какого рода это „все", которое народники сдѣлаютъ для народа помимо его содѣйствія, и какіе для этого „всего" нужны люди.

Если бы Вѣра Турчанинова шла въ деревню не на „подвигъ и служеніе", а просто на мѣсто и не задавалась никакими цѣлями, кромѣ обученія ребятъ грамотѣ, то открывши, что реальный крестьянинъ вовсе не похожъ на „обсахаренное" существо, полное разныхъ (дедуктивно выведенныхъ изъ общиннаго землевладѣнія) добродѣтелей, она, вѣроятно, огорчилась бы своимъ открытіемъ, но оно не лишило бы ее возможности оставаться въ деревнѣ и продолжать свою педагогическую дѣятельность. Но она хотѣла гораздо большаго. У нея были кое-какіе принципы, состоявшіе изъ всевозможной доброты, любви и справедливости, которые—называя или не называя ихъ соціализмомъ—она, навѣрное, считала чѣмъ-то въ родѣ новаго ученія, ведущаго къ общему счастью. Воображаемыя свойства и идеалы воображаемаго крестьянина давали ей право надѣяться на плодотворную работу для приближенія этого счастья, и она несла на такую работу всѣ свои „помыслы, чувства и знанія". При такихъ цѣляхъ, при такомъ настроеніи, она но

могла не прійти въ отчаяніе отъ своего открытія, не могла и удовольствоваться однимъ „грамотнымъ парнемъ“, приводящимъ въ восторгъ Рахменнаго. Потому-то она и ушла изъ деревни, что у нея было много той „горячности“, которой не имѣлось у Рахменнаго.

Народникъ, помирившійся съ фактомъ, что „народъ не за насъ“, что онъ сила только „потенціальная“, черезъ посредство которой ничего нельзя сдѣлать, долженъ помириться также и съ полнѣйшей невозможностью работать надъ измѣненіемъ общихъ условій, порождающихъ въ деревнѣ „избытокъ нищеты и гнусности“, долженъ помириться съ тѣмъ, что *„все“*, чего онъ добьется *„для народа“* своими единичными усиліями, не можетъ, ни въ какомъ случаѣ, превосходить тѣхъ самыхъ „двухъ съ половиною“ единичныхъ „свѣтлыхъ явленій“, надъ которыми иронизируетъ г. Протопоповъ: грамотнаго парня, вылѣченной бабы, разстроенной плутни какого-нибудь Колупаева. Это все доброе, хорошее дѣло, но горячность и увлеченіе могутъ помѣшать его дѣлать, а качества Рахменнаго, наоборотъ, очень полезны для него. Заниматься этимъ дѣломъ цѣлые годы, цѣлую жизнь сможетъ только тотъ, кто, при видѣ кусочка пластыря на одной изъ безчисленныхъ ранъ, которыя въ громадномъ количествѣ, систематически и безостановочно паноситъ крестьянину историческая палка, тотчасъ же забываетъ и о ранахъ и о самой палкѣ. Люди „горячности“ и „беззавѣтнаго увлеченія“, въ глазахъ которыхъ единичный „отрадный фактъ“ безслѣдно пропадаетъ въ общей картинѣ страданій, не выдерживаютъ такого дѣла. Они неизбѣжно стремятся къ работѣ надъ устраненіемъ самой причины страданій, стремятся переломить палку. Потерявши надежду переломить ее вмѣстѣ съ крестьяниномъ—*черезъ народъ*, болѣе слабые изъ этихъ горячихъ людей приходятъ въ отчаяніе; люди сильные, какими были старые народники-революціонеры, бросаются на палку въ одиночку и погибаютъ, не нанося ей никакого вреда. Но назначеніе такихъ людей именно въ борьбѣ и ни въ чемъ иномъ. Лишь для этой борьбы въ нихъ вложена и горячность и беззавѣтное увлеченіе. Въ значительномъ количествѣ подобные люди и появляются въ исторіи лишь въ тѣ времена, когда она собирается уничтожить ту или иную изъ своихъ палокъ.

Какъ для филантропической дѣятельности, такъ и для исполненія тѣхъ или иныхъ полезныхъ должностей гораздо пригоднѣе Рахменные, - люди, безъ горячности и увлеченія, ищущіе службы и „дѣловъ", а не служенія и подвиговъ. Для людей „беззавѣтныхъ увлеченій" нужна, если не увѣренность, то хоть надежда, что ихъ дѣятельность подготовляетъ уничтоженіе общихъ условій, порождающихъ нищету и гнусность.

На самомъ дѣлѣ, какъ только наша оппозиціонная мысль перестала давать такую надежду, какъ только изъ круга идей интеллигенціи исчезло представленіе о переходѣ подъ ея вліяніемъ общины въ соціализмъ и о борьбѣ вмѣстѣ съ народомъ за свободныя условія этого перехода, въ литературѣ—рядомъ съ проповѣдью личнаго „служенія" въ деревнѣ — начали появляться различные проекты обманыванья исторіи. Исторія порождала въ среднемъ русскомъ классѣ элементы беззавѣтныхъ увлеченій: безпокойную совѣсть и потребность борьбы. Ей требовалось все это, какъ одно изъ орудій для переломленія своей палки. Въ этомъ ей помогала и оппозиціонная литература, продолжая будить безпокойную совѣсть изображеніемъ народныхъ бѣдствій. Но тутъ же рядомъ немедленно предлагались рецепты притупленія вызваннаго возбужденія и усыпленія проснувшейся совѣсти. Что, если не такіе рецепты, представляютъ толстовщина и всякіе проекты земледѣльческихъ колоній изъ интеллигентныхъ людей? Вотъ какъ изображаетъ такія колоніи Г. И. Успенскій въ цитированной[1]) уже статьѣ „Крестьянскія женщины": „Поле, соха, а за нею идетъ пахарь. Достоинство этого пахаря заключается въ томъ, что онъ добываетъ хлѣбъ своими трудами, чужого не ѣстъ, чужимъ трудомъ не пользуется,—слѣдовательно, совѣсть у него спокойна, а въ этомъ-то самая суть и есть... Есть и еще школа, руководствующаяся въ желаніи идти въ деревню уже чисто практическими цѣлями: оградить свою впечатлительную душу отъ золъ городской цивилизаціи, устроить себѣ уголъ, гдѣ-бы мысль (о будущемъ, конечно), работала безъ стѣсненія и не ощущалась бы необходимость

[1]) Рус. Мысль, Апрѣль. 1890 годъ.

безплодной борьбы за идею, чего невозможно избѣжать въ городѣ".

Здѣсь г. Успенскій видимо иронизируетъ надъ интеллигентными поселеніями, но и онъ писывалъ рецепты жизни „трудами рукъ своихъ". При томъ же и въ этихъ поселеніяхъ онъ видитъ ошибку въ томъ, что въ нихъ не достигается широта размѣровъ трудового обихода народной жизни. Въ особенности же узокъ трудовой обиходъ интеллигентной крестьянки: она и въ поселеніи только и дѣлаетъ, что дѣтей рожаетъ. Но и при предлагаемыхъ г. Успенскимъ улучшеніяхъ въ устройствѣ поселеній, ими все же, если что-нибудь и достигнется, то не что иное, какъ облегченіе участи нѣсколькихъ интеллигентныхъ паръ, которымъ разстроило нервы противорѣчіе между „городской цивилизаціей", вызывающей „ощущеніе необходимости борьбы", и народнической теоріей, дѣлающей всякую борьбу безплодной.

Не естественно ли послѣ этого появленіе проповѣдниковъ полной безъидейности и примиренія съ дѣйствительностью, предлагающихъ гигіеническія мѣры противъ заболѣванія „потребностью идейной борьбы", вмѣсто рецептовъ для ея излеченія?

Безнадежная русская идейность, не могущая ничего предложить своимъ послѣдователямъ, кромѣ филантропической дѣятельности или благочестивыхъ земледѣльческихъ упражненій, очевидно, нуждается въ обновленіи. Это чувствуютъ почти всѣ, это слышится въ писаніяхъ самихъ народниковъ, при чемъ многіе посматриваютъ на Западъ: не найдется-ли въ его жизни явленій, способныхъ возвратить нашей литературѣ утраченную бодрость и энергію?

Мы упоминали уже объ обвиненіи, взведенномъ на Европу литературнымъ обозрѣвателемъ „Русской Мысли": „Какъ ни тяжелы были, говоритъ онъ, условія 40-хъ гг. (не помѣшавшія появленію замѣчательныхъ произведеній русскаго слова), они были, такъ сказать, только мѣстнаго характера. Идеи не имѣютъ отчизны и, какъ электричество, невидимо передаются во всѣ мѣста, пробивая кору самой тщательной опеки и заставляя всѣ сердца горѣть надеждой и стремленіемъ къ зиждительной работѣ. Такимъ нравственнымъ стимуломъ для русской литературы 40-хъ гг. служило, какъ всѣмъ извѣстно, умственное и политическое броженіе Фран-

ціи, да и не одной Франціи. Но укажите теперь хоть одинъ уголокъ Европы, гдѣ бы ярко горѣлъ костеръ такого возбужденія, откуда уставшіе почерпали бы бодрость, а начинающіе—надежду. Напротивъ, отъ многихъ бывшихъ костровъ идетъ только удушливый чадъ и нигдѣ пока не открывается перспектива свѣжаго, обновляющаго воздуха". Невольно раждается вопросъ: съ какими уставшими и съ какими начинающими такъ жестоко поступаетъ современная Европа, и какая именно Европа?

Мы знаемъ, какое „броженіе" заставляло „горѣть сердца" нашихъ западниковъ 40-хъ годовъ. Послушаемъ, однако, Бѣлинскаго, самаго авторитетнаго изъ этихъ западниковъ. Въ критической (Отеч. Зап. 1844 г.) статьѣ о романѣ Сю „Парижскія Тайны" Бѣлинскій, охарактеризовавши умственное и нравственное паденіе французской буржуазіи и необезпеченное положеніе парижскаго пролетарія, говоритъ: „Но искры добра еще не погасли во Франціи... Народъ—дитя; но это дитя растетъ и обѣщаетъ сдѣлаться мужемъ, полнымъ силы и разума. Онъ уже не вѣритъ говорунамъ и фабрикантамъ законовъ и не станетъ больше проливать своей крови за слова, которыхъ значеніе для него темно, и за людей, которые любятъ его только тогда, когда имъ нужно загрести жаръ чужими руками, чтобы воспользоваться некупленнымъ тепломъ. Въ народѣ уже быстро развивается образованіе... Онъ еще слабъ, но онъ одинъ хранитъ въ себѣ огонь національной жизни и свѣжій энтузіазмъ убѣжденія, погасшій въ слояхъ „образованнаго" (вносные знаки Бѣлинскаго) общества. Но и теперь еще у него есть истинные друзья: это люди, которые слили съ его судьбой свои обѣты и надежды, и которые добровольно отреклись отъ всякаго участія на рынкѣ власти и денегъ".

Мы видимъ, что въ главномъ кострѣ тогдашняго возбужденія, въ Парижѣ, Бѣлинскій находилъ *ободреніе* только въ „народѣ" (рѣчь идетъ, конечно, о городскихъ рабочихъ: во французскомъ крестьянствѣ 40-хъ годовъ такъ же мало можно было подмѣтить огня и энтузіазма убѣжденія, какъ и въ современномъ). Въ немъ одномъ, да въ немногихъ, слившихся съ нимъ, друзьяхъ видѣлъ онъ и „огонь" и „энтузіазмъ убѣжденія, погасшій въ слояхъ образованнаго общества". Въ этихъ слояхъ онъ съ тѣхъ поръ окончательно

застылъ, но „народъ", тогда еще „дитя", выросъ и сдѣлался „мужемъ, полнымъ силы и разума". Онъ вполнѣ оправдалъ всѣ возлагавшіяся на него надежды. Парижскій народъ утратилъ, правда, свое первенствующее мѣсто во главѣ рабочаго движенія; но не потому же восхищался имъ Бѣлинскій, что онъ народъ парижскій, а потому, что въ немъ всего ярче горѣлъ тогда привлекавшій его огонь. Теперь этотъ огонь разлился по всему цивилизованному міру. Въ то время рабочій народъ былъ сознательной, разумной силой лишь въ своихъ самыхъ развитыхъ слояхъ, едва насчитывавшихъ нѣсколько тысячъ на всю Европу; въ общемъ же онъ былъ тогда лишь легко воспламеняющейся „толпой", увлекаемой время отъ времени „героями" на арену исторіи, въ качествѣ какой-то стихійной силы. Теперь вмѣсто этой толпы существуютъ громадныя рабочія партіи со своимъ вполнѣ выработаннымъ общественнымъ мнѣніемъ, единодушно дѣйствующія по опредѣленной, сознательно принятой программѣ, объединяясь постепенно въ единую многомилліонную рабочую партію всего цивилизованнаго міра.

Страннымъ кажется на первый взглядъ, почему наша демократическая „интеллигенція", чувствуя потребность въ надеждѣ и ободреніи съ Запада, не находитъ этого ободренія въ быстромъ ростѣ и постоянно усиливающейся борьбѣ съ буржуазіей европейскаго пролетаріата, первые, еще дѣтскіе шаги котораго такъ восхищали Бѣлинскаго и его друзей. Вѣдь она считаетъ борьбу съ буржуазіей своимъ призваніемъ... Правда, рабочее соціалистическое движеніе 40-хъ гг., о которомъ пишетъ Бѣлинскій, больше говорило фантазіи, чѣмъ современное. Неизмѣримо больше и писалось, и говорилось тогда, и въ стихахъ, и въ прозѣ, хорошихъ волнующихъ словъ о геройствѣ, о подвигахъ и о самопожертвованіи. Объ этомъ заботилась сравнительно многочисленная въ то время богема-интеллигенція. Но мы не думаемъ, чтобы одно отсутствіе такого декоративнаго элемента, необходимаго для начинающагося движенія и излишняго для развившагося и окрѣпшаго, мѣшало нашей интеллигенціи понять строгую поэзію этой—по выраженію Либкнехта — „опирающейся на науку религіи рабочихъ массъ и всѣхъ угнетенныхъ". Она слишкомъ громко говоритъ сама за себя, чтобы нуждаться въ подчеркиваньяхъ.

Наша интеллигенція считаетъ себя заклятымъ, прирожденнымъ врагомъ буржуазіи, и какъ это ни странно, а именно вражда-то къ буржуазіи и мѣшаетъ ей понять поэзію рабочаго движенія, принять живое, сердечное участіе въ борьбѣ непобѣдимаго противника западной буржуазіи. Этотъ противникъ ведетъ борьбу съ буржуазіей, такъ сказать, не съ того конца. Онъ борется съ ней, какъ съ представительницей и охранительницей господствующаго теперь экономическаго и политическаго строя, но ровно ничего не имѣетъ противъ ея разрушительной работы надъ остатками стараго, до-революціоннаго строя и быта. Эта сторона дѣятельности буржуазіи только усиливаетъ пролетаріевъ. Наши же самобытные враги буржуазіи боятся не иного чего, какъ именно ея разрушительнаго вліянія на господствующій въ настоящую минуту экономическій и гражданскій строй русской деревни, который кажется имъ достойнымъ охраненія. Они борются (словами, конечно) съ развитіемъ буржуазіи только потому, что съ нимъ неразрывно связано развитіе пролетаріата. Западнымъ врагамъ буржуазіи, рабочимъ, та „хозяйственная самостоятельность“ мелкаго крестьянина, кустаря, ремесленника, о сохраненіи которой мечтаетъ русская интеллигенція, показалась бы неизмѣримо хуже ихъ настоящаго положенія. Сами пролетаріи, они ничего такъ не желаютъ, какъ возможно быстраго развитія пролетаріата—единственной въ мірѣ силы, способной уничтожить и пролетаріатъ, и буржуазію.

Западные враги буржуазіи борются съ ней за будущее; наши мечтаютъ охранить отъ нея остатки прошедшаго. Поэтому-то, обращаясь къ Европѣ, они и на нее невольно смотрятъ сквозь свои консервативные очки и не могутъ уже находить надежды и ободренія въ тѣхъ явленіяхъ западной жизни, зачатки которыхъ вызывали эти чувства у Бѣлинскаго и его друзей, смотрѣвшихъ на Западъ съ точки зрѣнія самого революціоннаго Запада, не затуманивая себѣ глазъ никакой предвзятой самобытной теоріей. Для этихъ западниковъ европейская жизнь представляла совершенно самостоятельный интересъ. Они такъ же свободно оріентировались среди ея разнообразныхъ партій и умственныхъ теченій, и такъ же твердо и горячо становились на одну опредѣленную сторону какъ и лучшіе изъ современныхъ имъ

европейцевъ. Но именно этотъ-то живой, самостоятельный интересъ, который представляла для нихъ западная жизнь, и далъ имъ возможность сдѣлать такъ много для русскаго развитія, внести столько мысли и знанія во всѣ отрасли русской литературы.

Для нашей современной интеллигенціи западная жизнь, даже при близкомъ знакомствѣ съ тѣмъ или другимъ ея отдѣломъ, съ той или другой, отраслью знанія, остается въ большинствѣ случаевъ совершенно постороннимъ вѣдомствомъ, во внутреннія дѣла котораго она не мѣшается, и кто тамъ правъ, кто виноватъ, особенно пристально не разбираетъ. Вообще, конечно, виноватъ капитализмъ, но мѣшаться въ частности не наше дѣло. Не мѣшаясь серьезно въ дѣла Запада, мы съ своей стороны не позволяемъ и Западу серьезно мѣшаться въ наши. Не для того знакомимся мы съ жизнью и мыслью западной Европы, чтобы выяснять свое міросозерцаніе и освѣщать для себя, при помощи вынесеннаго знанія, нашу русскую жизнь и наши собственныя задачи. Кому нужны такія вещи, тотъ получаетъ ихъ готовыми изъ русскихъ журналовъ. Мы возлагаемъ на Европу совсѣмъ иныя обязанности. Великая книга западной жизни необходима для насъ въ качествѣ сборника примѣровъ и иллюстрацій къ нашему собственному, заранѣе составленному, тексту; мы подъискиваемъ въ ней подходящія басни къ своей давно написанной морали. Съ этой цѣлью мы выхватываемъ изъ западной жизни то или другое явленіе, разсматриваемъ его внѣ всякой перспективы, безъ всякой связи съ остальными явленіями, и въ такомъ очищенномъ видѣ легко приспособляемъ его къ задуманному поученію. Не много „ободренія“ можетъ дать подобная работа, не „загорится“, конечно, ничье сердце отъ такихъ притянутыхъ за уши поученій. Но ихъ-то, главнымъ образомъ, и ищетъ на Западѣ наша народническая литература.

Вполнѣ подходящіе примѣры и поученія встрѣчаются положимъ, довольно рѣдко; по большей части приходится довольствоваться лишь отдаленными намеками и сближеніями, но иногда попадаются за то такіе перлы, что лучше и не выдумаешь. Что можетъ быть лучше, напримѣръ, какъ найти въ самой Англіи народническую интеллигенцію, чтобы была совсѣмъ какъ наша: такая же добрая и занималась бы

„подвижничествомъ“, но чтобы этой интеллигенціи все удавалось, чтобы никто ее не обижалъ, а всѣ ободряли. И правительству былъ бы намекъ: вотъ, молъ, какъ въ просвѣщенныхъ странахъ съ хорошими людьми обращаются, и какая отъ этого выходитъ польза; и самому народнику получилось бы ободреніе, дескать: подожди немного, отдохнешь и ты... Трудно, казалось бы, выудить изъ западной жизни подобный примѣръ, и однако же онъ оказался на лицо.

Тотъ же литературный обозрѣватель „Русской Мысли“, такъ горько жаловавшійся на Европу въ февральской книжкѣ журнала, въ мартовской находитъ уже тамъ нѣчто способное „вселить вѣру въ человѣческій прогрессъ даже въ закоренѣлаго пессимиста“. Разыскать это „свѣтлое явленіе“ помогла ему статья г. Янжула въ февральской книжкѣ „Вѣстника Европы“: „Практическая филантропія въ Англіи“, въ особенности же сообщеніе объ „университетскомъ поселеніи въ Восточной части Лондона“.

Въ этомъ благочестивомъ поселеніи гг. англійскіе студенты занимаются подъ руководствомъ викарія церкви св. Луки отца Барнетта и пастора Гарднера „поднятіемъ нравственности“ лондонскихъ бѣдняковъ посредствомъ развлеченій, лекцій, устройства различныхъ кооперативныхъ обществъ, а главнымъ образомъ, посредствомъ своего личнаго общенія. Они стремятся, по преимуществу, разсѣять очень сильное въ Англіи „предубѣжденіе бѣдныхъ противъ богатыхъ“. Вѣковой опытъ доказалъ, что одна матеріальная помощь не уменьшаетъ этого „предубѣжденія“,—необходимы личныя сношенія съ благодѣтельствуемыми бѣдняками. Поселившись среди бѣднѣйшаго квартала Лондона, въ нарочно устроенномъ великолѣпномъ зданіи, господа студенты даютъ вечера своимъ нищимъ сосѣдямъ и занимаютъ гостей музыкой, а благотворительныя дамы поютъ имъ романсы.

Въ духѣ и по завѣту умершаго филантропа Тойнби, въ память котораго основано учрежденіе, члены университетскаго поселенія убѣждены, говоритъ г. Янжулъ, что „разрѣшеніе соціальнаго вопроса должно заключаться не въ переворотахъ, сопровождаемыхъ насиліемъ, а въ мирномъ, поступательномъ, реформаторскомъ движеніи *сверху внизъ*“. О благѣ низшихъ классовъ, заключающемся, главнымъ обра-

зомъ, въ ихъ нравственномъ усовершенствованіи, позаботятся сами высшіе классы. „Обратно съ тѣми утопистами, которые предполагаютъ устранить существующія соціальныя невзгоды *путемъ ломки учрежденій*, оставивъ людей такими, какими они до сихъ поръ были“, — студенты-филантропы „убѣждены, что всякая ломка составляетъ прежде всего зло... и что истинный ходъ великой реформы этого рода долженъ состоять отнюдь не въ приниженіи высшихъ классовъ до умственнаго и нравственнаго уровня низшихъ,... а совершенно наоборотъ. По ихъ мнѣнію, мирный, нормальный, а потому единственно желательный путь къ разрѣшенію всякаго соціальнаго вопроса долженъ прежде всего выразиться въ стремленіи образованныхъ классовъ поднять до своей высоты бѣдную массу двумя путями: увеличеніемъ ея образованія и культуры, и затѣмъ личнымъ примѣромъ искренней, безкорыстной человѣческой симпатіи, доказываемой на дѣлѣ улучшеніемъ и поднятіемъ уровня ея нравственности“.

Видите, какъ все это будетъ просто: родители будутъ эксплуатировать рабочихъ, а сынки, получая отъ нихъ приличное содержаніе, будутъ поднимать нравственный уровень этихъ рабочихъ „личнымъ примѣромъ *безкорыстной* симпатіи“. Лишь бы рабочіе „положились“ на высшіе классы и не стремились къ разрѣшенію своего вопроса *снизу вверхъ*, къ уничтоженію всякихъ классовъ, все будетъ отлично: волки будутъ сыты, а овцы, если и не совсѣмъ цѣлы, то культурны, нравственны и будутъ питать нѣжную симпатію къ альтруистамъ волкамъ.

Можетъ быть самъ Тойнби, умолявшій рабочихъ „положиться“ на представителей „средняго класса въ Англіи“, которые „начинаютъ измѣняться къ лучшему“, и искренно вѣрилъ въ грядущій волчій альтруизмъ; можетъ быть не совсѣмъ сознательно дѣйствуютъ и нѣкоторые изъ студентовъ; тѣмъ не менѣе очевидно, что въ основѣ попытокъ этого рода лежитъ опасеніе надвигающагося на Англію рабочаго движенія *снизу вверхъ*. Помощь бѣднымъ, вошедшая въ государственныя учрежденія, испоконъ вѣку практиковалась въ Англіи въ такихъ размѣрахъ, какъ нигдѣ на континентѣ, и приносила не малую пользу англійской буржуазіи, поддерживая въ полуживомъ состояніи громадныя

арміи рабочихъ, полезныя и даже необходимыя для предпринимателей въ моменты оживленія производства. При этомъ точно также испоконъ вѣку благодѣтельствуемые и общественной и частной благотворительностью всей душой ненавидѣли своихъ благодѣтелей. Это было въ порядкѣ вещей и никого не безпокоило. Буржуазія не нуждалась въ сердцахъ рабочихъ и довольствовалась ихъ руками. Теперь, въ виду приближающагося введенія всеобщей подачи голосовъ въ Англіи, а также и быстраго распространенія соціалистическаго и вообще умственнаго движенія среди рабочаго класса этой страны, буржуазія начинаетъ стремиться къ пріобрѣтенію вмѣстѣ съ руками сердецъ и умовъ рабочихъ. Не даромъ американскій профессоръ Адамсъ, а съ нимъ и г. Янжулъ, совершенно увѣрены, что населеніе Истъ-Энда пошлетъ въ парламентъ любезныхъ джентельменовъ, живущихъ въ его средѣ.

Нельзя не признать, что англійскіе филантропы борются въ данномъ случаѣ, такъ сказать, законнымъ оружіемъ, что ихъ дѣятельность никакого вреда рабочимъ принести не можетъ, а собственно лекціи, хотя бы даже „о краснорѣчіи“ или „объ итальянскомъ искусствѣ“, могутъ и пригодиться; но во всякомъ случаѣ—это попытка борьбы отживающаго буржуазнаго порядка съ растущею силою соціализма.

Какъ отнесся бы къ этой дѣятельности Бѣлинскій, мы можемъ узнать изъ той же, уже цитированной нами, статьи о романѣ Эженя Сю. „Изображая французскій народъ, говоритъ Бѣлинскій, Эженъ Сю, какъ истинный мѣщанинъ (bourgeois) смотритъ на него очень просто—какъ на голодную, оборванную чернь, невѣжествомъ и нищетою осужденную на преступленія. Онъ не знаетъ ни истинныхъ пороковъ, ни истинныхъ добродѣтелей народа, не подозрѣваетъ, что у него есть будущее, котораго уже нѣтъ у торжествующей и преобладающей партіи, потому что въ народѣ есть вѣра, есть энтузіазмъ, есть сила нравственности. Эженъ Сю сочувствуетъ бѣдствіямъ народа: зачѣмъ отнимать у него благородную способность состраданія... Но какъ сочувствуетъ—это другой вопросъ. Онъ желалъ бы, чтобы народъ не бѣдствовалъ, и, переставъ быть голодною, оборванною и часто поневолѣ преступною чернью, сдѣлался сытою, опрятною и прилично себя ведущею чернью, а мѣщане, теперешніе

фабриканты законовъ во Франціи, оставались бы по прежнему господами Франціи". Бѣлинскій допускаетъ даже, что романъ, заставившій „общество потолковать нѣсколько времени о народѣ", можетъ вызвать ту или другую законодательную мѣру, клонящуюся къ улучшенію участи бѣдняковъ, и все же его сочувствіе вовсе не на сторонѣ этихъ благодѣтелей „сверху внизъ". Никогда не повѣрилъ бы онъ въ волчью идилію и смѣшной показалась бы ему претензія юныхъ буржуа поднимать народъ до своего „нравственнаго уровня". Бѣлинскій сочувствовалъ въ Европѣ ея революціоннымъ теченіямъ снизу вверхъ. Изъ людей, вышедшихъ изъ высшихъ классовъ, онъ признавалъ „друзьями" народа лишь тѣхъ, „которые слили съ его судьбой свои обѣты и надежды"; но вѣдь тѣ никогда не сказали бы подобно Тойнби, рабочимъ: „положитесь на *насъ*, представителей средняго класса, *мы* ужъ о васъ позаботимся, поднимемъ, исправимъ и поведемъ". Тѣ „друзья", о которыхъ говоритъ Бѣлинскій, не говорили отъ имени „средняго класса", а боролись съ этимъ классомъ въ рядахъ рабочихъ.

Литературнаго обозрѣвателя „Русской Мысли" „духовное общеніе интеллигенціи съ народомъ"—какъ онъ величаетъ филантропію нѣсколькихъ десятковъ англійскихъ студентовъ—приводитъ, наоборотъ, въ полнѣйшій восторгъ. Ему кажется, что все движеніе русской интеллигенціи за послѣдніе тридцать лѣтъ: воскресныя школы 60-хъ годовъ, хожденіе въ народъ въ семидесятыхъ годахъ, возникновеніе обширной народнической литературы, дѣятельность земскихъ учителей и врачей, и, наконецъ, современное стремленіе въ деревню и идеализація мужика,—все это движеніе кажется ему совершенно аналогичнымъ по своимъ мотивамъ съ движеніемъ, выразившимся въ дѣятельности „Университетскаго поселенія". Онъ отдаетъ даже предпочтеніе англійскому движенію „въ смыслѣ логичности и стройности", потому что „въ лицѣ своихъ піонеровъ оно прямо взяло на себя роль руководителя во всѣхъ вопросахъ народной жизни"... „Трудно и сравнивать русское и англійское движеніе по ихъ внѣшней обстановкѣ", меланхолически продолжаетъ авторъ. У послѣдняго и „огромные капиталы", и „попутный вѣтеръ", и „матеріальная и нравственная поддержка всѣхъ свѣтилъ науки". Еще бы, на то оно и движеніе „сверху

внизъ"! Ни капиталовъ, ни поддержки университетскихъ свѣтилъ науки не было, конечно, у соціалистовъ, приходившихъ изо дня въ день, подъ дождемъ и туманомъ, проповѣдывать чернорабочимъ въ томъ же Истъ-Эндѣ, у входа въ доки, освобожденіе *снизу вверхъ* (см. корреспонденцію м-съ Эвелингъ въ 1-мъ № нашего журнала). Правда, русскіе народники въ восьмидесятыхъ годахъ рѣшили двигаться сверху внизъ; но, во первыхъ, это одно недоразумѣніе: они и сами то—или, вѣрнѣе,—тотъ слой, настроеніе котораго они выражаютъ, находится, благодаря преслѣдованіямъ правительства, далеко не на верху и двигаться въ избранномъ направленіи либеральные народники не имѣютъ никакой возможности, а во вторыхъ, движеніе сверху внизъ встрѣчаетъ и „попутный вѣтеръ", и „огромные капиталы" только въ тѣхъ случаяхъ, когда является противовѣсомъ движенію снизу вверхъ.

Въ той же мартовской книжкѣ „Русской Мысли", въ цитированномъ уже нами очеркѣ, такъ восхитившемъ толстовца, г. Шелгуновъ тоже обращается къ Европѣ и извлекаетъ изъ нея примѣръ интеллигентнаго народничества. Но что это за примѣръ! Глухо сказавши, что народничество составляетъ въ настоящее время идеалъ всѣхъ культурныхъ народовъ и въ Германіи, Франціи и Англіи выражается въ заботахъ объ улучшеніи положенія пролетаріата, а въ Скандинавскихъ государствахъ—крестьянства, онъ по необходимости ограничивается указаніемъ на героя одного переводнаго романа, какъ на образецъ „энтузіаста-идеалиста" изъ высшихъ классовъ. Замѣчательно, что романъ переведенъ со шведскаго: только въ беллетристикѣ скандинавскихъ странъ г. Шелгуновъ и могъ встрѣтить подходящаго героя. Буржуазія отсталыхъ скандинавскихъ государствъ переживаетъ теперь свой запоздалый періодъ литературнаго свободомыслія, и ея беллетристы изображаютъ ее въ геройскихъ позахъ. Чтобы найти „интеллигентнаго" энтузіаста въ нѣмецкихъ или французскихъ романахъ, г. Шелгунову пришлось бы обратиться лѣтъ на 30, на 40 назадъ, къ первымъ романамъ Шпильгагена для Германіи, къ Жоржъ Зандъ для Франціи. Да и тамъ не много нашлось бы героевъ, которые могли бы составить компанію шведскому народнику. Идеалисты этихъ старыхъ романовъ были неизмѣримо умнѣе

и революціоннѣе кислосладкаго героя, плѣнившаго г. Шелгунова. Теперь во Франціи и въ Германіи всѣ идеалисты сосредоточились въ рабочихъ партіяхъ. Здѣсь за то,—по заявленію самихъ противниковъ рабочаго движенія,—„безчисленное множество идеалистовъ“ [1]). Но наша интеллигенція ищетъ для своего ободренія лишь такихъ героевъ, которые напоминали бы ей ея собственныя черты, и находитъ ихъ то въ лагерѣ противниковъ революціоннаго рабочаго соціализма, то въ произведеніяхъ фантазіи шведскихъ беллетристовъ. Но подобнымъ ободреніямъ—грошъ цѣна, скажемъ мы любимыми словами г. Протопопова. И не „загорятся сердца интеллигенціи надеждой и стремленіемъ къ зиждительной работѣ“ отъ такихъ грошевыхъ ободреній. Только виновата въ этомъ не западная Европа, а современное русское непониманіе общественныхъ отношеній западной Европы. И пока мы не разстанемся съ этимъ непониманіемъ, до тѣхъ поръ не перестанутъ бродить въ потемкахъ наши оппозиціонные писатели и читатели, до тѣхъ поръ теоретическое безсиліе ихъ мысли необходимо будетъ вести за собою практическое безсиліе ихъ въ жизни.

„1892“.

---

[1]) Заявленіе члена консервативной партіи, принца Каролата Шейнаха, въ германскомъ рейхстагѣ.

О РОМАНАХЪ СТЕПНЯКА

(„Карьера нигилиста“.—„Штундистъ Павелъ Руденко“).

Сергѣй Михайловичъ Кравчинскій.

КАРЬЕРА НИГИЛИСТА.

The career of a nihilist. A novel, by Stepniak. London 1889 [1]).

Написанный по англійски и для англійской публики романъ Степняка является, тѣмъ не менѣе, первымъ беллетристическимъ произведеніемъ, рисующимъ жизнь русскихъ революціонеровъ съ знаніемъ изображаемой среды, ея обстоятельствъ и настроенія.

Дѣйствіе романа охватываетъ лишь одинъ годъ быстро мѣнявшей свой характеръ жизни и дѣятельности революціонеровъ; эта жизнь изображена въ немъ, въ большинствѣ случаевъ, довольно бѣгло, крупными штрихами и въ то же время далеко не всесторонне, и все таки изъ него одного читатель неизмѣримо лучше узнаетъ революціонеровъ, чѣмъ изъ всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ беллетристическихъ произведеній русской литературы бравшихся изображать людей революціоннаго движенія.

Какъ мы уже сказали, дѣйствіе романа охватываетъ одинъ годъ. Авторъ не обозначаетъ этого года, но его легко опредѣлить: это конецъ 1878 и первая половина 1879 года—послѣдній годъ существованія общества „Земля и Воля“, къ

---

[1]) Въ вышедшемъ уже послѣ смерти автора переводѣ романъ озаглавленъ „Андрей Кожуховъ“.

которому принадлежитъ герой и большинство дѣйствующихъ лицъ романа. Было бы, впрочемъ, большой ошибкой искать въ немъ матеріала для фактической исторіи движенія. Мы встрѣчаемся здѣсь только съ однимъ историческимъ событіемъ: съ покушеніемъ на жизнь Александра II; но и тутъ изъ дѣйствительности заимствованы лишь подробности самого факта покушенія. Въ героѣ никто, навѣрное, не узналъ бы Соловьева; не соотвѣтствуютъ также дѣйствительности и происшествія, повліявшія на его рѣшеніе. Тѣмъ не менѣе, каждый, знакомый съ движеніемъ того времени, узнаетъ въ романѣ этотъ переходной годъ, когда терроръ уже захватилъ значительную часть революціонныхъ силъ, но къ нему не была еще подыскана общая программа, и четыре сошедшихся террориста дѣйствительно имѣли очень много шансовъ оказаться, какъ это описано въ одной сценѣ романа, обладателями четырехъ различныхъ взглядовъ какъ на значеніе террора, такъ и на то мѣсто, которое онъ долженъ занимать въ дѣятельности ихъ организаціи. Это годъ самой напряженной и разносторонней, хотя и не систематической дѣятельности революціонеровъ. Къ этому году относятся самыя сложныя, требовавшія наибольшей затраты силъ и средствъ, предпріятія съ цѣлью освобожденія заключенныхъ, большинство политическихъ убійствъ и громадное большинство вооруженныхъ сопротивленій при арестахъ. Но въ то же время организація продолжаетъ еще работать и въ прежнемъ направленіи. Половина членовъ „Земли и Воли“ еще дѣйствуетъ въ деревнѣ, рабочее движеніе въ Петербургѣ, связанное съ „Землей и Волей“, начинаетъ быстро развиваться; въ прочно и хорошо устроенной типографіи печатается журналъ, и на все это, благодаря прекрасной организаціи, состоящей почти исключительно изъ нелегальныхъ, съ избыткомъ хватаетъ силъ и средствъ революціонеровъ. На сценѣ романа мы видимъ изъ революціонной дѣятельности только попытки освобожденій и покушеніе на жизнь царя, да различные связанные съ этой дѣятельностью эпизоды, вродѣ яркой, прямо изъ жизни выхваченной сцены тайнаго перехода черезъ границу, свиданія родственниковъ съ заключенными и проч. Но какъ изъ разговоровъ дѣйствующихъ лицъ, такъ и со словъ самого автора мы узнаемъ, что ведется пропаганда среди ра-

бочихъ, происходятъ сопротивленія при арестахъ, упоминается и о тайной типографіи.

Дѣйствіе романа распадается на двѣ чередующіяся между собою въ изложеніи части. Въ одной, происходящей въ Петербургѣ, революціонная дѣятельность составляетъ лишь фонъ картины. Большинство дѣйствующихъ лицъ—нелегальные революціонеры, за сценой случаются обыски, аресты, идетъ революціонная работа, о которой упоминается въ разговорахъ, но на первомъ планѣ остается любовь тайкомъ вернувшагося эмигранта Андрея Кожухова къ молоденькой дочери либеральнаго адвоката, Танѣ, въ началѣ романа еще мирно живущей въ родительскомъ домѣ, а затѣмъ принятой въ революціонную организацію. Здѣсь мы заняты, главнымъ образомъ, исторіей этой любви, недоразумѣніями, заставляющими Андрея вообразить, будто Таня любитъ его друга Георга, а затѣмъ разъясненіемъ этихъ недоразумѣній и соединеніемъ влюбленныхъ.

Другая часть романа происходитъ въ провинціальномъ городѣ Дубравникѣ, гдѣ содержится въ тюрьмѣ другъ Кожухова, Борисъ. Въ этой части весь интересъ сосредоточенъ на ходѣ слѣдующихъ одна за другой попытокъ освобожденія Бориса, которыя предпринимаетъ его жена, Зина при помощи нѣсколькихъ революціонеровъ, и въ ихъ числѣ пріѣхавшаго изъ Петербурга Кожухова. Сперва ведется подкопъ. Онъ открытъ, и тотчасъ-же составляется новый планъ освобожденія арестантовъ вооруженной силой на улицѣ, когда ихъ поведутъ на допросъ. Сцена нападенія на конвой—одна изъ самыхъ яркихъ и живыхъ въ романѣ. Революціонеровъ снова постигаетъ неудача: двое изъ арестованныхъ освобождены, но Борисъ остается въ рукахъ жандармовъ. Зина съ нѣсколькими друзьями рѣшаются продолжать свои попытки освобожденія, Кожуховъ-же, сильно разыскиваемый, такъ какъ онъ игралъ главную роль въ нападеніи на конвой, возвращается въ Петербургъ.

Черезъ нѣсколько времени попадаются въ руки жандармовъ и сами освободители. Они отстрѣливались при арестѣ, присоединены къ процессу Бориса и имъ грозитъ смертная казнь. Мѣстные революціонеры рѣшаютъ освободить ихъ всѣхъ вмѣстѣ съ Борисомъ и избираютъ Кожухова своимъ предводителемъ въ этомъ предпріятіи. Слѣдующія главы:

судъ надъ революціонерами, подготовленіе освобожденія, неудача и казнь заключенныхъ составляютъ содержаніе довольно цѣльнаго отрывка, напечатаннаго во 2-ой книжкѣ „Соціалъ-Демократа“.

Такое распаденіе романа на два повѣствованія, связанныя лишь личностью героя, переѣзжающаго изъ Петербурга въ Дубравникъ и обратно, при чемъ въ Петербургѣ мы не слышимъ о Дубравникѣ, а въ Дубравникѣ забываемъ о любви героя, ослабляетъ отчасти цѣльность интереса и художественное впечатлѣніе романа. Но этотъ недостатокъ выкупается послѣдними главами, гдѣ оба сюжета: любовь и борьба сливаются въ одно цѣлое.

Какъ читатель помнитъ, вѣроятно, напечатанный нами отрывокъ заканчивается намекомъ Кожухова на зародившееся въ немъ намѣреніе убить царя. Черезъ нѣсколько дней онъ является въ Петербургъ съ установившимся уже планомъ, и теперь петербургская идиллія сталкивается, наконецъ, съ революціонной горячкой Дубравника, приведшей Андрея къ его рѣшенію.

Это положительно лучшія главы романа. До нихъ авторъ является прекраснымъ разсказчикомъ, ярко и живо рисующимъ сцены и происшествія въ военной, происходящей въ Дубравникѣ, части своего повѣствованія. Часть, происходящая въ Петербургѣ—это граціозная любовная повѣсть, въ ней встрѣчаются очень вѣрныя психологическія черты, напримѣръ: зарожденіе ревности въ душѣ героя, но такихъ повѣстей не мало и въ русской, и въ европейскихъ литературахъ. За то послѣднія главы: душевное состояніе Кожухова во время приготовленій къ цареубійству, въ особенности же сцены между Таней и ея мужемъ, открывшимъ ей свое рѣшеніе, показываютъ въ авторѣ способность къ болѣе высокому художественному творчеству, Въ этихъ сценахъ онъ выказалъ, по нашему мнѣнію, черты сильнаго драматическаго таланта, съумѣвши въ немногихъ, самыхъ простыхъ словахъ Тани показать намъ весь трагизмъ душевнаго состоянія этой молодой женщины, у которой любимый человѣкъ добровольно идетъ на вѣрную смерть, и она не можетъ ни помѣшать этому, ни раздѣлить его участь, и вынуждена, сложа руки, ждать цѣлыя недѣли, пока длятся приготовленія къ покушенію.

Сперва она еще не вѣритъ въ невозвратность рѣшенія и пытается спорить противъ него. Для нея въ эти минуты дѣло не въ царѣ, а въ неизбѣжно связанной съ выстрѣломъ въ него казни любимаго человѣка. Но она революціонерка, членъ „Земли и Воли". Она привыкла къ мысли, что все личное, всѣ индивидуальныя страданія ничто передъ дѣломъ; поэтому, хотя все существо ея противится ужасному рѣшенію, она совершенно искренно хватается для борьбы съ нимъ за доводы чисто дѣлового характера. Ей надо страшно спѣшить убѣдить своего Андрея, пока онъ не успѣлъ еще сообщить плана товарищамъ. Разъ тѣ примутъ его (а они навѣрно примутъ, ужасалась про себя Таня), спорить будетъ уже поздно, рѣшеніе Андрея станетъ обязательнымъ для него самого. Но ея аргументы, первые попавшіеся аргументы, за которые она хватается, какъ утопающій за соломенку, производятъ на мужа скорѣе обратное дѣйствіе. Онъ одушевляется, горячо защищая свое рѣшеніе.

„Она чувствовала, что теряетъ почву. Она не знала, что сказать, что дѣлать. А замолчать, уступить, было слишкомъ ужасно.

— „Погоди минуту, Андрей, дорогой, сказала она, удерживая его за руки, какъ будто онъ собирался тотчасъ же уйти отъ нея. Одну минуту. Я хочу еще сказать тебѣ что-то... очень убѣдительное. Но не могу вспомнить... Все это такъ ужасно, что у меня голова кружится... Дай мнѣ подумать...

„Она стояла подлѣ него, опустивши глаза и нагнувши голову.

— „Я буду ждать сколько хочешь, сказалъ Андрей, цѣлуя ея поблѣднѣвшій лобъ. Не будемъ больше говорить объ этомъ сегодня...

„Она отрицательно покачала головой. Нѣтъ, она должна сейчасъ же отыскать свой забытый аргументъ.—Крестьяне вѣрятъ въ царя...—Нѣтъ, это не то! Та часть общества, которая теперь остается нейтральной...—Не то, опять не то!

„Вдругъ она вздрогнула всѣмъ тѣломъ и ея губы побѣлѣли; она нашла свой великій аргументъ, свой послѣдній оплотъ и увидѣла, какъ слабъ онъ былъ и въ то же время какъ ужасенъ.

— „Что будетъ со мною, когда они убьютъ тебя!.."

II.

Центральной фигурой романа, около которой группируются всѣ остальныя, является Андрей Кожуховъ. Авторъ съ видимой любовью рисуетъ его съ различныхъ сторонъ, въ различныхъ положеніяхъ. Онъ часто очень тонко, очень вѣрно отмѣчаетъ тѣ или другія душевныя движенія своего героя и, тѣмъ не менѣе, фигура этого героя остается неясной, не складывается для насъ въ живую, конкретную личность.

Мы видимъ изъ романа, что Кожуховъ способенъ сильно любить. Онъ глубоко страдаетъ, когда думаетъ, что любимая имъ дѣвушка влюблена въ другого, а когда эта дѣвушка стала его женой, онъ говоритъ ей такія поэтическія любовныя рѣчи, что, взятыя отдѣльно, онѣ составили бы положительно прекрасный любовный гимнъ. Онъ храбрый изъ храбрыхъ, хладнокровный въ опасности предводитель и организаторъ труднѣйшихъ нападеній. Въ послѣднихъ главахъ, наконецъ, онъ является страстнымъ, безгранично самоотверженнымъ фанатикомъ.

Всѣ эти черты характера героя обрисованы довольно ярко, но онѣ все же не сливаются въ одинъ цѣльный образъ, изъ нихъ не выходитъ опредѣленной живой индивидуальности. Какъ мы только что сказали, авторъ часто дѣлаетъ, говоря о Кожуховѣ, очень вѣрныя, иногда очень глубокія въ психологическомъ отношеніи замѣчанія, но эти замѣчанія вѣрны вообще по отношенію къ сильно любящему человѣку или испытанному революціонеру въ положеніи Кожухова, и вовсе не дорисовываютъ для насъ *его индивидуальной личности*. То же можно сказать почти о всѣхъ женскихъ лицахъ романа: онѣ слабо индивидуализированы. Потрясающе живо и естественно изображено душевное состояніе Тани въ послѣднихъ главахъ, но она является въ нихъ все таки не индидуальнымъ характеромъ, а олицетвореніемъ молодой, любящей революціонерки, мужъ которой идетъ добровольно на вѣрную смерть. Но изъ того же романа видно, однако, что автору далеко не чужда способность создавать живыя, индивидуальныя личности. Нѣкоторыя изъ второстепенныхъ лицъ романа являются передъ нами совершенно живыми

людьми со своей индивидуальной физіономіей. Это по преимуществу не эффектные, не блестящіе герои (хотя тѣмъ не менѣе настоящіе герои, въ общемъ, не романическомъ смыслѣ этого слова), а тѣ, въ изображеніе которыхъ авторъ вкладываетъ немножко ласковой, добродушной насмѣшки, тѣ, которые отличаются отъ остальныхъ лицъ своими привычками, манерами или спеціальностью, въ которыхъ замѣтенъ нѣкоторый элементъ чудачества. Герои же безукоризненно блестящіе и изящные остаются для насъ туманными образами.

Какъ извѣстно, идеальные герои вообще рѣдко удавались въ литературѣ. Мы вовсе не думаемъ, однако, чтобы неполная удача автора зависѣла отъ излишней идеализаціи, вложенной имъ въ обрисовку своихъ героевъ, отъ его неумѣнья подмѣтить тѣневыя стороны ихъ характеровъ, или отъ умышленнаго умалчиванья объ этихъ сторонахъ. Вѣдь онъ рисуетъ людей, принадлежавшихъ къ дѣйствующей революціонной организаціи, являвшейся руководящимъ центромъ всего движенія. Не могли эти люди не быть храбрецами, всецѣло преданными своему дѣлу—иначе они не попали бы въ эту организацію, пополнявшуюся лишь революціонерами, уже доказавшими свою способность съ успѣхомъ служить дѣлу. Не могло проявляться въ ихъ характерахъ и тѣхъ, если не дурныхъ, то во всякомъ случаѣ будничныхъ чертъ обычной житейской пошлости, мелкаго житейскаго эгоизма, личнаго или семейнаго,—тѣхъ мелкихъ черточекъ, которыя почти неизбѣжно накладываются на характеръ даже очень блестящихъ людей обстоятельствами, со всѣхъ сторонъ опутывающими ихъ среди обычныхъ житейскихъ отношеній. Изображенный въ обычной средѣ идеальный герой не можетъ не явиться ходульной личностью. Здѣсь самыя достоинства, переходя за извѣстные предѣлы, слишкомъ превышая обычный въ данной средѣ уровень, необходимо ведутъ за собою соотвѣтствующіе этимъ достоинствамъ недостатки, непремѣнно проявляютъ свою оборотную сторону. И правдивый художникъ, рисуя своего героя въ обычной средѣ, долженъ отмѣтить обѣ стороны взятаго имъ характера.

Въ другомъ положеніи находится художникъ, взявшій своихъ героевъ изъ міра нелегальныхъ, организованныхъ революціонеровъ Этотъ. крошечный по численности, мірокъ,

съумѣвшій создать для себя, среди всеобщаго пассивнаго прозябанія, широкое поприще свободной общественной дѣятельности, захватывающей всѣ силы и помыслы человѣка, тѣмъ самымъ уничтожилъ въ своей средѣ почти всѣ обычныя условія и отношенія, а слѣдовательно и всякую возможность проявленія личныхъ недостатковъ, обусловливаемыхъ этими отношеніями.

Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Тургеневскій Рудинъ—это оченъ умный, образованный человѣкъ и талантливый пропагандистъ, умершій смертью героя. Его умственная живость, богатство инициативы, жажда общественной дѣятельности заставили его цѣлую жизнь заниматься тѣмъ же, чѣмъ занимался некрасовскій герой, который „по свѣту рыщетъ, дѣла себѣ исполинскаго ищетъ“, будя мимоходомъ умъ и общественное чувство попадавшейся на его дорогѣ чуткой молодежи. Герценъ совершенно правъ, когда говоритъ, что слово Рудина было его дѣломъ и очень важнымъ дѣломъ. Но, раздаваясь среди практичныхъ, благоразумныхъ людей, занятыхъ своими „дѣлами“, оно казалось полнѣйшимъ бездѣльемъ—казалось не только другимъ, даже самому Рудину. Дѣлами онъ считалъ свои, постоянно кончавшіяся неудачами, попытки вліять на богатыхъ помѣщиковъ въ смыслѣ преобразованій въ ихъ имѣніяхъ (ради устраненія крѣпостного труда, по всему вѣроятію), на начальство гимназій для измѣненія преподаванія и т. п. Но такъ какъ эти дѣла не удавались, а рѣчи Рудина не казались, не считались дѣломъ, передъ нимъ могли кичиться всѣ мелкіе, окружавшіе его, практики. При этомъ, въ противоположность некрасовскому герою, его никакое „наслѣдство богатыхъ отцовъ“ не „освободило отъ малыхъ трудовъ“. Невозможность посвятить себя этимъ малымъ трудамъ, необходимость всегда „жертвовать своими личными выгодами, не пускать корней въ недобрую почву, какъ бы жирна она ни была“ (слова примирившагося съ нимъ Лежнева), вытекала для него изъ его „политической натуры“, по опредѣленію того же Лежнева. Жирной и вмѣстѣ доброй почвы для такихъ натуръ не было тогда въ Россіи, да нѣтъ и теперь. Но эта неспособность настойчиво заботиться о своихъ личныхъ выгодахъ, при отсутствіи богатаго наслѣдства, часто ставила его въ фальшивое, унизительное положеніе какого-то приживальщика „ли-

зоблюда", какъ отзывается о немъ взяточникъ Пигасовъ, заставляла занимать безъ отдачи деньги у своихъ богатыхъ знакомыхъ. И въ первой части, гдѣ Рудинъ является еще полнымъ силъ, не сломленнымъ жизнью человѣкомъ, авторъ не поскупился на щелчки своему герою. Всѣ окружающіе его, глубоко сидящіе въ „жирной почвѣ" практичные люди, дѣлаютъ о немъ *презхидныя и преосновательныя* замѣчанія. Восхищаются имъ и подпадаютъ подъ его вліяніе только очень юные и уже поэтому одному совершенно непрактичные люди.— „Этотъ человѣкъ не только умѣлъ потрясти тебя, онъ съ мѣста тебя сдвигалъ, онъ до основанія переворачивалъ, зажигалъ тебя!" говоритъ про него Басистовъ. Но, зажегши этихъ юныхъ людей, Рудинъ оставлялъ ихъ горѣть и зажигать другихъ, какъ знаютъ и могутъ. Ему некуда было вести ихъ за собою, онъ не могъ дать имъ никакого опредѣленнаго дѣла. Его задача,—задача того времени—заключалась лишь въ томъ, чтобы разбудить въ людяхъ стремленіе къ общему и великому, внушить имъ первую мысль о томъ, что есть, что могутъ быть на свѣтѣ иные интересы и иныя дѣла кромѣ личныхъ, что „все великое совершается черезъ людей", а не только черезъ царей и генераловъ. Но людей даже съ такими неопредѣленными стремленіями было еще слишкомъ мало, никакое практическое дѣло еще не было возможно, а если бы и было, самъ Рудинъ совсѣмъ не годился въ организаторы. Онъ былъ прекрасный пропагандистъ, но не имѣлъ ни малѣйшихъ способностей практическаго вождя: *онъ не умѣлъ узнавать людей.* А между тѣмъ проснувшіеся и именно поэтому ставшіе „лишними", чужими въ родной средѣ молодые люди оставались неудовлетворенными и начинали горько жаловаться на Рудина. Жалкую роль разыгралъ онъ также предъ однимъ изъ этихъ молодыхъ существъ, Натальей, испугавшись отвѣтственности, которую налагала на него ея готовность „идти за нимъ". Хотя, съ другой стороны, вся дальнѣйшая судьба Рудина доказала какъ нельзя лучше, что онъ хорошо поступилъ относительно Натальи, побоявшись связать ея судьбу со своею. Въ то время внѣ семьи для женщины не было мѣста, а ему ли было брать на себя отвѣтственность за семью, за чужія жизни, когда онъ и со своею-то не могъ справиться? Вѣдь онъ навсегда остался

„безпріютнымъ скитальцемъ“, мы и черезъ много лѣтъ встрѣчаемъ его съ продранными локтями, ѣдущимъ въ метель и вьюгу на перекладныхъ, даже не зная путемъ, куда ѣхать?

А вообразите себѣ того же Рудина, съ его умомъ, съ его характеромъ, членомъ такой революціонной организаціи, какія существовали у насъ въ семидесятыхъ годахъ. Разумѣется, содержаніе его рѣчей было бы другое. „Бѣсъ общественныхъ заботъ“ успѣлъ къ этому времени вселиться во всѣ слои русскаго общества. Отвлеченное „дѣло“ и гражданская скорбь успѣли превратиться въ ходячую фразу. Тѣ слишкомъ туманныя и неопредѣленныя рѣчи, которыя въ началѣ сороковыхъ годовъ такъ сильно волновали молодыхъ слушателей Рудина, въ семидесятыхъ не имѣли бы никакой силы. Онъ долженъ бы звать теперь на опредѣленное дѣло; но революціонеръ семидесятыхъ годовъ могъ звать на такое дѣло. Его могла дать революціонная организація. Въ организаціи всѣ слабыя, тѣневыя стороны характера Рудина отступили бы на задній планъ, а на виду остались бы однѣ блестящія. Его самолюбіе, его бросавшееся въ глаза сознаніе собственнаго превосходства потеряли бы свои наиболѣе шокирующія стороны. Товарищи по организаціи легко прощали бы ему это превосходство, такъ какъ оно являлось бы нѣкоторымъ образомъ, ихъ общимъ достояніемъ. Да и въ немъ самомъ усиленное сознаніе своего „я“ („скажетъ: „я“, и съ умиленіемъ остановится. . .“ „я, молъ, я. . .“, ехидничалъ на его счетъ Пигасовъ), неизбѣжное при его одиночествѣ, не могло бы не превратиться хотя отчасти въ „мы“, въ гордость значеніемъ своей организаціи. Въ ней и дѣятельность, и самое существованіе отдѣльнаго лица находились въ тѣснѣйшей зависимости отъ дѣятельности всѣхъ остальныхъ. Сознавая свое превосходство въ одномъ отношеніи, онъ не могъ бы не сознать своихъ недостатковъ во многихъ другихъ. Прекрасный пропагандистъ въ средѣ образованной молодежи, Рудинъ навѣрное былъ бы никуда не годнымъ организаторомъ, плохимъ конспираторомъ, и въ этихъ областяхъ не могъ бы не признать превосходства многихъ товарищей и своей полнѣйшей отъ нихъ зависимости. Потеряли бы всякое значеніе и тѣ стороны его характера, изъ-за которыхъ онъ становился въ положеніе, дозволявшее Пигасову называть его „лизоблюдомъ“. Поглощеніе всѣхъ

силъ и средствъ организаціи общимъ дѣломъ и тѣсное товарищество, способное на такія жертвы другъ для друга, на какія, при обычномъ опутанномъ тысячью сѣтей существованіи, неспособна и самая близкая дружба, устраняли изъ этого мірка всякую тѣнь личной борьбы за существованіе, безпечность которой ставила Рудина въ унизительныя положенія.

Другой примѣръ: Бѣлинскій въ одной изъ своихъ статей о Пушкинѣ дѣлаетъ, между прочимъ, такую характеристику современныхъ ему русскихъ „идеальныхъ дѣвъ". „Онѣ обыкновенно страшныя любительницы чтенія, и читаютъ много и скоро, ѣдятъ книги . . . Все, что въ ходу, о чемъ пишутъ и говорятъ въ настоящее время, все это сводитъ ихъ съ ума. Но во всемъ этомъ онѣ видятъ свою любимую мысль, оправданіе своей настроенности, т. е. идеальность,— видятъ ее даже и тамъ, гдѣ ея вовсе нѣтъ. . . Онѣ питаютъ непримиримую ненависть ко всему матеріальному. Эта ненависть у нихъ часто простирается до желанія вовсе отрѣшиться отъ матеріи. Для этого онѣ морятъ себя голодомъ, не ѣдятъ иногда по цѣлой недѣлѣ, жгутъ на свѣчкѣ пальцы, кладутъ себѣ на грудь подъ платье снѣгу, отучаютъ себя отъ сна". Въ такой острой формѣ идеальничанье не можетъ, конечно, долго длиться и при упорствѣ заканчивается той или другой болѣзнью; но слѣды прежняго настроенія навсегда лишаютъ этихъ женщинъ спокойствія и счастья. Это,— разумѣется, ни съ чѣмъ несообразное настроеніе, какой-то совершенно отвлеченный протестъ. По „какъ винить ихъ въ томъ, говоритъ Бѣлинскій, что вмѣсто живыхъ существъ, изъ нихъ выходятъ нравственные уроды? Окружающая ихъ положительная дѣйствительность въ самомъ дѣлѣ очень пошла, и ими невольно овладѣваетъ неотразимое убѣжденіе, что хорошо только то, что не похоже, что діаметрально противоположно этой дѣйствительности".

Знаніе иностранныхъ языковъ въ среднемъ провинціальномъ дворянствѣ было въ то время гораздо сильнѣе распространено среди женщинъ, чѣмъ среди мужчинъ, а „идеальныя дѣвы" были страстныя читательницы. Онѣ зачитывались художественными произведеніями европейской литературы, по преимуществу романтической, отражавшей въ себѣ умственное движеніе европейскаго общества того времени.

Ничего положительнаго не давало и не могло давать имъ это чтеніе, но оно отрывало ихъ отъ родной среды, оно ставило ихъ во враждебное отношеніе къ окружавшимъ ихъ гоголевскимъ типамъ, лишало возможности интересоваться безконечными разговорами:

„О сѣнокосѣ, о винѣ,
„О псарнѣ, о своей роднѣ".

Разумѣется, у немногихъ серьезно страдавшихъ, искренно протестовавшихъ противъ окружающей пошлости, дѣвушекъ были многочисленныя подражательницы изъ моды, изъ кокетства, чтобы казаться „интереснѣе", но не о нихъ рѣчь. Для тѣхъ же, которымъ дѣйствительно не было полнаго возврата въ мирное, сытое и сонное существованіе окружающей среды, была лишь одна надежда, одно спасеніе: бракъ съ какимъ-нибудь „идеальнымъ героемъ". Немудрено, что бѣдная Татьяна, въ которой Бѣлинскій тоже видитъ „идеальную дѣву", только снабженную исключительно глубокой и страстной натурой, рѣшается писать человѣку, не подавшему ей ни малѣйшаго повода заподозрить его въ любви, и котораго она и видѣла-то всего одинъ разъ: „я твоя".

Твоей защиты умоляю...
Вообрази: я здѣсь одна
Никто меня не понимаетъ;
Разсудокъ мой изнемогаетъ;
И молча гибнуть я должна.

Защитить ее онъ могъ, конечно, не иначе, какъ женившись на ней—и, какъ извѣстно, не защитилъ.

Но вообразите такихъ же дѣвушекъ съ ихъ напряженною внутренней работой въ одиночку среди апатичной семьи, съ той же тоской, но съ инымъ умственнымъ содержаніемъ, въ атмосферѣ 70-хъ годовъ. Силуэтовъ такихъ дѣвушекъ попадалось не мало въ повѣстяхъ и романахъ русскихъ журналовъ. Такова, напримѣръ, Лиза въ романѣ Эртеля „Гарденины". Такова Надя въ прелестной повѣсти Стернъ „Изъ Гнѣзда", забравшейся по какому-то недоразумѣнію въ „Русскій Вѣстникъ". Мѣсто слишкомъ неопредѣленнаго и по преимуществу эстетическаго понятія „пошлости", пугавшей „идеальныхъ дѣвъ", у дѣвушекъ 70-хъ го-

довъ заняло болѣе опредѣленное нравственное понятіе „несправедливости“. Несправедливы источники дохода семьи, несправедливо, преступно ихъ собственное сытое безделье, ихъ привилегированное положеніе по отношенію къ низшимъ классамъ. Этимъ дѣвушкамъ не могло уже придти въ голову спеціально заняться самомучительствомъ. Имъ виднѣлся впереди иной выходъ, кромѣ замужества съ идеальнымъ героемъ. Онѣ слыхали о происходящемъ вдали движеніи, рвались къ нему и при достаточной энергіи обыкновенно попадали въ его сферу. Чтобы помочь имъ, новѣйшимъ Рудинымъ, не было никакой надобности непремѣнно влюбиться и жениться на нихъ. Мѣсто болѣзненной экзальтаціи и безцѣльнаго самомучительства, до котораго могли бы дойти и дѣвушки 70-хъ годовъ, не будь для нихъ никакого выхода, заняла горячая дѣятельность ради опредѣленной общественной цѣли. Вмѣсто уродливыхъ, почти смѣшныхъ (хотя очень серьезно несчастныхъ) „идеальныхъ дѣвъ“ явились женщины, на характеры которыхъ сами враги не могли набросить тѣни, не прибѣгая къ самой наглой клеветѣ.

За исключеніемъ моментовъ возстанія, когда женщины рабочей среды не разъ играли довольно значительную роль, самостоятельная общественная дѣятельность рѣдко выпадала на долю женщинъ, и эти рѣдкія женщины составляли, въ большинствѣ случаевъ, исключительныя явленія, по своимъ талантамъ или по своему положенію. Ни по талантамъ, ни по положенію русскія революціонерки 70-хъ годовъ не были исключеніями. Въ ихъ лицѣ обыкновенныя женщины—сотни такихъ женщинъ—добились рѣдкаго въ исторіи счастья дѣйствовать не въ качествѣ вдохновительницъ, женъ или матерей мужчинъ, а въ качествѣ вполнѣ самостоятельныхъ, равныхъ мужчинамъ общественныхъ дѣятелей. И какъ ни велики тѣ страданія, которыми правительство мститъ этимъ женщинамъ за ихъ недолгую дѣятельность, онѣ навѣрное никому не позавидуютъ. Онѣ были очень счастливы.

Но вотъ теперь, въ 80-хъ годахъ, ослабѣло революціонное движеніе, и—какъ вамъ кажется читатель?—не воскресаютъ-ли въ иныхъ формахъ различныя видоизмѣненія „идеальныхъ дѣвъ“ и юношей иныхъ временъ? Съ одной стороны. они возрождаются, какъ намъ кажется, въ неопре-

дѣленномъ разочарованіи *во всемъ* современныхъ любимыхъ поэтовъ. Съ другой, на видъ совершенно противоположной, стороны, они воскресаютъ въ дѣятельности толстовцевъ, во всевозможныхъ земледѣльческихъ и иныхъ упражненіяхъ ради личнаго успокоенія и совершенствованія. Общее съ идеальными барышнями здѣсь только одно, но это одно составляетъ самую суть дѣла. А суть заключается въ томъ, что дѣятельность тенденціозныхъ земледѣльцевъ направлена на самихъ себя, что — въ противоположность революціонерамъ—ихъ цѣлью является не измѣненіе тѣхъ или иныхъ общихъ условій существованія ихъ согражданъ, а измѣненіе своего собственнаго настроенія, свое личное совершенствованіе. Вѣдь бѣдныя барышни, о которыхъ говоритъ Бѣлинскій, тоже думали своимъ голоданьемъ себя усовершенствовать. Ужъ очень опротивѣлъ имъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ, который только и дѣлалъ, что кушалъ, очень ужъ хотѣлось не походить на него.

III.

Пора, однако, вернуться къ роману.

Итакъ, если въ характерахъ десятка революціонеровъ, обрисованныхъ Степнякомъ, мы не видимъ ни одной положительно дурной черты, это не говоритъ еще о его тенденціозномъ пристрастіи къ своимъ героямъ. Ихъ личнымъ недостаткамъ не было возможности проявляться именно въ тотъ періодъ жизни, въ которомъ беретъ ихъ авторъ. Въ это время у нихъ не было ни личныхъ заботъ, ни отдѣльной личной жизни; она поглощалась жизнью организаціи и подчинялась тому дѣлу, которое вела эта организація. Ихъ личные характеры могли проявляться въ своихъ существенныхъ чертахъ лишь по отношенію къ этому дѣлу, а люди, не относившіеся къ нему безукоризненно, имѣли очень мало шансовъ попасть въ хорошо выработавшуюся организацію. Не было между революціонерами большой разницы и въ нравахъ, манерахъ, обычаяхъ. Попадались, конечно, чудаки, но въ общемъ, манеры и нравы революціонеровъ, поскольку они не обусловливались паспортомъ, той ролью, которую приходилось играть въ интересахъ дѣла, были просто-напросто нравами лучшей части нашего студенчества.

Мы не думаемъ, конечно, заняться разрѣшеніемъ совершенно безплоднаго вопроса о томъ, почему именно не удались автору тѣ или другія изъ его дѣйствующихъ лицъ, но всматриваясь въ его произведеніе, нельзя не замѣтить какъ не пропорціонально мало отведено въ немъ мѣста одному изъ важныхъ элементовъ въ жизни изображеннаго мірка, а именно умственной, идейной сторонѣ этой жизни. А между тѣмъ, въ умственныхъ физіономіяхъ революціонеровъ, въ ихъ способахъ мыслить и аргументировать было гораздо больше разнообразія, чѣмъ въ ихъ нравственныхъ физіономіяхъ, чѣмъ въ ихъ привычкахъ и манерахъ. Къ тому же, именно въ тотъ годъ, къ которому относится дѣйствіе романа, въ послѣдній годъ существованія „Земли и Воли“ предъ ея раздѣленіемъ, теоретическіе „програмные“ вопросы усиленно обсуждались въ средѣ революціонеровъ и чаще обыкновеннаго давали поводъ къ самымъ горячимъ спорамъ. О спорахъ такого рода упоминаетъ и авторъ. Онъ даже рисуетъ въ началѣ романа картину одного изъ такихъ споровъ и передаетъ намъ изъ него нѣкоторые отрывки, но въ дальнѣйшемъ повѣствованіи едва касается этого элемента въ жизни своихъ героевъ. А между тѣмъ, отрывки спора вышли у него очень удачно и умственная физіономія того изъ собесѣдниковъ, которому онъ позволилъ говорить больше другихъ, оказалась довольно рельефно очерченной на какихъ-нибудь двухъ-трехъ страницахъ. Мы приведемъ цѣликомъ этотъ споръ, являющійся отдѣльной, законченной сценкой въ романѣ.

Возвращаясь изъ Швейцаріи, Кожуховъ встрѣчается въ пограничномъ прусскомъ мѣстечкѣ со своимъ старымъ товарищемъ Давидомъ, спеціалистомъ по революціонной контрабандѣ, который знакомитъ его съ тремя только что переправленными имъ черезъ границу соотечественниками: съ Зацѣпинымъ, молодымъ человѣкомъ двадцати трехъ лѣтъ, членомъ „Земли и Воли“, отправляющимся на время въ Европу переждать усиленные розыски полиціи; съ Острогорскимъ—господиномъ среднихъ лѣтъ, навсегда переселяющимся за границу изъ долговременной ссылки въ провинціальномъ городкѣ европейской Россіи и со студенткой Вуличъ, скомпрометированной въ университетскихъ безпорядкахъ и ѣдущей учиться въ Швейцарію. Для Андрея

интереснѣе другихъ было знакомство Зацѣпина, какъ сочлена по организаціи. Они разговаривали между собой отдѣльно отъ остальной компаніи, пока Зацѣпинъ не выразилъ своего мнѣнія объ одномъ встрѣченномъ имъ въ провинціи кружкѣ:

— Это скопище болтуновъ, колеблющихся между политикой и соціализмомъ, объявилъ онъ со своей обычной прямолинейностью. — Они пытаются сидѣть на двухъ стульяхъ, а это не годится по нынѣшнему времени.

Это замѣчаніе заставило Острогорскаго, бывшаго страстнымъ спорщикомъ, навострить уши. Маленькій человѣчекъ началъ, заложивъ руки за спину, потихоньку приближаться къ собесѣдникамъ. У него было уже дорогой нѣсколько стычекъ съ Зацѣпинымъ, но онъ жаждалъ еще сразиться. Съ легкой саркастической улыбкой онъ попросилъ позволенія предложить Зацѣпину вопросъ: что именно не годится по его мнѣнію для нынѣшняго времени: сидѣть на двухъ стульяхъ или оставаться соціалистомъ?

Зацѣпинъ рѣзко отвѣтилъ, что онъ ужъ знаетъ, что говоритъ, и нисколько не сомнѣвается въ томъ, что всѣ называющіе себя революціонерами и уклоняющіеся отъ участія въ настоящемъ революціонномъ дѣлѣ, не болѣе какъ болтуны, если не хуже!

Съ этимъ Острогорскій былъ совершенно согласенъ, но у него было свое собственное опредѣленіе *настоящаго дѣла*. Пренія заинтересовали также Вуличъ, и она подвинулась на край дивана поближе къ спорящимъ. Сперва она слушала, затѣмъ стала вмѣшиваться, и разговоръ сдѣлался всеобщимъ. Одинъ Давидъ остался на своемъ мѣстѣ и лѣниво болталъ ногами, сидя на подоконникѣ.

Начавшійся споръ становился все горячѣе и шумнѣе. И не мудрено,— такъ какъ скоро стало очевидно, что изъ пяти присутствующихъ революціонеровъ-соціалистовъ, каждый былъ въ чемъ-нибудь не согласенъ со всѣми остальными и ни одинъ не былъ склоненъ къ уступкамъ. Зацѣпинъ былъ отъявленнымъ террористомъ, отличавшимся простотой и прямолинейностью своихъ воззрѣній на всѣ вопросы какъ практики, такъ и теоріи, а также счастливымъ отсутствіемъ малѣйшаго сомнѣнія въ чемъ бы то ни было. Аня Вуличъ была тоже террористкой,—въ теоріи, конечно,—хотя и не шла такъ далеко, какъ Зацѣпинъ, съ которымъ она кромѣ того совершенно расходилась въ вопросѣ о соціалистической пропагандѣ среди рабочаго класса. Острогорскій и Давидъ оба склонялись къ эволюціонному соціализму, но рѣзко расходились между собою по вопросамъ о соціалистическомъ государствѣ въ будущемъ и политической дѣятельности въ настоящемъ. Что касается до Андрея, онъ не могъ вполнѣ согласиться ни съ однимъ изъ четырехъ, но пробывши такъ долго внѣ революціоннаго теченія, онъ не имѣлъ, казалось, опредѣленной системы и немного колебался. Онъ возражалъ то одному изъ спорящихъ, то его противнику, и въ слѣдующую минуту оба набрасывались на него съ различныхъ сторонъ и кричали ему въ оба уха свои разнорѣчивыя возраженія. Зацѣпинъ былъ сильно раздраженъ поведеніемъ Андрея. Человѣкъ съ

такимъ прошлымъ долженъ бы имѣть болѣе здравыя понятія и безъ пустыхъ околичностей тотчасъ же присоединиться къ настоящему дѣлу.

Прислонившись къ камину, Зацѣпинъ твердо отстаивалъ свою позицію. Онъ долженъ былъ защищаться противъ всѣхъ остальныхъ, старавшихся внушить ему ту мысль, что вѣра въ одинъ терроръ слишкомъ узка для соціалиста.

— Такъ я вамъ скажу, что я *не соціалистъ*, объявилъ Зацѣпинъ, наступая на своихъ противниковъ и произнося каждый слогъ отдѣльно, для пущей выразительности.

— Вотъ, именно, вскричалъ Острогорскій торжествующимъ фальцетомъ,—слѣдовательно вы буржуа, сторонникъ угнетенія рабочаго класса капиталистами. Quod erat demonstrandum!

Онъ отвернулся отъ своего противника и принялся ходить взадъ и впередъ, напѣвая сквозь зубы, чтобы показать безполезность дальнѣйшаго разговора.

— Нѣтъ не буржуа! выкрикивалъ ему вслѣдъ ни мало не смущенный Зацѣпинъ.—Соціализмъ не для нашего времени, вотъ что я говорю. Мы должны бороться съ деспотизмомъ и завоевать политическую свободу. Вотъ и все. А о соціализмѣ я забочусь, какъ о выѣденномъ яйцѣ!

— Извините, Зацѣпинъ, вмѣшался Андрей,—но это безразсудно. Вся наша нравственная сила заключается въ томъ, что мы соціалисты. Отбросьте соціализмъ, и наша сила пропадетъ.

— А какое будете вы имѣть право звать рабочихъ присоединиться къ вамъ, если вы не соціалисты? вскричала вскакивая съ мѣста Вуличъ.

— Э, толкуйте! протянулъ Зацѣпинъ, презрительно махнувъ рукой.— Все это одна метафизика.

Метафизикой онъ называлъ все то, что не заслуживало по его мнѣнію ни минуты вниманія.

— Наша задача, продолжалъ онъ, покрывая своимъ громкимъ голосомъ всѣ остальные голоса,— побороть политическій деспотизмъ, это необходимо прежде всего. Всякій, кто любитъ Россію, долженъ къ намъ присоединиться, а кто не присоединяется, тотъ измѣнникъ народному дѣлу!

При этомъ онъ посмотрѣлъ въ упоръ на Острогорскаго, чтобы тотъ хорошенько замѣтилъ, о комъ именно идетъ рѣчь...

Споръ продолжался въ томъ же родѣ, но по мѣрѣ того, какъ спорящіе уставали, онъ дѣлался спокойнѣе. За это время всѣ по нѣскольку разъ перемѣнили свои мѣста. Теперь Зацѣпинъ стоялъ у стола, а Острогорскій держалъ его за пуговицу сюртука.

— Дайте мнѣ сказать два слова, чтобы доказать вамъ, Зацѣпинъ, говорилъ онъ сладкимъ убѣдительнымъ тономъ.— Исторія Европы учитъ насъ, что всѣ великія революціи... и онъ принялся пространно развивать свой тезисъ.

Зацѣпинъ слушалъ, слегка нахмуривъ брови и смотря прямо предъ собою; судя по его физіономіи, можно было съ вѣроятностью заключить, что сѣмя мудрости Острогорскаго падало на каменистую почву.

Когда Острогорскій ушелъ, Андрей обрадовался возможности изложить свои взгляды, которые, казалось ему, будутъ приняты всѣми, лишь бы

ихъ поняли, такъ какъ въ его старательно выработанной предъ отъѣздомъ программѣ было мѣсто для всего и для всѣхъ. Зацѣпинъ внимательно выслушалъ его.

— Это никуда не годится! отрѣзалъ онъ безъ малѣйшаго колебанія, энергично встряхнувъ головой.

— Почему? спросилъ Андрей.

Зацѣпинъ медлилъ отвѣтомъ. Онъ думалъ, пріискивая слова, которыя ясно передали бы его мысль. Его полемическій жаръ остылъ. Андрей былъ товарищъ и намѣревался дѣйствовать. Съ нимъ слѣдовало говорить о сути дѣла, а не просто препираться. Онъ вдругъ покраснѣлъ и на лицѣ его выразилось негодованіе.

— Вы предлагаете, чтобы мы шли рука объ руку съ либералами, сказалъ онъ, мрачно смотря на Андрея.—Но предположите, что они захотятъ, чтобы мы притихли? Что же, мы согласимся? Боже сохрани! Мы будемъ бить, колоть и стрѣлять, а всѣхъ трусовъ пошлемъ къ чорту!

При послѣднихъ словахъ онъ такъ ударилъ кулакомъ по столу, что чуть не разбилъ его.

— Нѣтъ, Андрей, добавилъ онъ спокойнѣе, — вашъ эклектизмъ не годится.

Вотъ почти все, что мы узнаемъ о Зацѣпинѣ и почти всѣ произнесенныя имъ слова. Послѣ этого онъ исчезаетъ со сцены и появляется на одно мгновеніе лишь въ послѣдней главѣ, гдѣ ничѣмъ особеннымъ себя не заявляетъ. Тѣмъ не менѣе этихъ немногихъ строкъ оказалось достаточно, чтобы обрисовать намъ умственный складъ Зацѣпина, отчасти потому, конечно, что это ужъ очень простой, очень элементарный складъ.

Зацѣпинъ (онъ бывшій военный) навѣрное зналъ еще въ корпусѣ, что съ врагами должно сражаться, а сражаться значитъ бить, колоть, стрѣлять. Сдѣлавшись революціонеромъ, онъ понялъ, что его враги не турки или нѣмцы, а русское деспотическое правительство. Но понятіе о борьбѣ у него ни мало не расширилось, осталось буквально то же самое, какое было въ то время, когда онъ воображалъ себѣ врага въ видѣ турка. Бороться съ врагомъ, значитъ „бить, колоть, стрѣлять“,—а то что же еще? Все, кромѣ этого — болтовня или метафизика, не стоющая ни малѣйшаго вниманія. Дѣлать дѣло, значитъ бить, колоть и стрѣлять, а кто этого не дѣлаетъ, тотъ трусъ или измѣнникъ. Въ спорѣ, поскольку онъ переданъ авторомъ, Зацѣпинъ могъ съ полнымъ правомъ чувствовать себя побѣдителемъ. Онъ вѣритъ въ физическую силу выстрѣловъ, а ему говорятъ, что безъ „болтовни“ о соціализмѣ пропадетъ какая-то нравственная

сила. Зацѣпинъ чувствуетъ, что можетъ отлично бить и стрѣлять, ровно ничего не зная ни о какомъ соціализмѣ. Можетъ онъ—могутъ и другіе, если только они не трусы и не измѣнники. Никто изъ его противниковъ, ни самъ наиболѣе усердный изъ нихъ, Острогорскій, не отрицаетъ возможности побѣдить деспотизмъ единичными убійствами отдѣльныхъ личностей, а разъ допускается эта возможность—Зацѣпинъ правъ, и всѣ аргументы его противниковъ попадаютъ мимо цѣли. Въ особенности же не можетъ задѣть его кажущееся Острогорскому столь побѣдоноснымъ, заключеніе, что Зацѣпинъ буржуа. Всякому слишкомъ ясно, что это неправда. Ну, какой онъ буржуа! Его „вѣра“ слишкомъ „узка“ не то что для соціалиста, но и для всякаго, кому необходимо думать, разсуждать и рѣшать. Она слишкомъ узка даже для офицера, и тотъ можетъ попасть въ такое положеніе, когда долгъ заставитъ его обдумать и рѣшить: слѣдуетъ ли напасть на врага, не обязательно ли, наоборотъ, въ настоящій моментъ, укрѣпившись хорошенько, звать подкрѣпленіе? Только для простого солдата нужна именно такая узкая вѣра, какъ у Зацѣпина. Тому не полагается ни считать силъ, своихъ или вражьихъ, ни разсуждать, ни рѣшать. И Зацѣпинъ, конечно, не буржуа, а солдатъ—и хорошій солдатъ. Не его дѣло размышлять и рѣшать: можно ли съ малѣйшей надеждой на успѣхъ дать сраженіе? Но разъ сраженіе рѣшено, онъ будетъ однимъ изъ лучшихъ его участниковъ.

Зацѣпинъ единственное лицо въ романѣ, взглядъ котораго на дѣло очерченъ болѣе или менѣе цѣльно. Но такихъ, какъ Зацѣпинъ было немного въ движеніи, по крайней мѣрѣ, въ ту эпоху, къ которой относится дѣйствіе романа. „—Это одинъ изъ немногихъ оригиналовъ“, говоритъ про него Давидъ, оставшись наединѣ съ Андреемъ.—„У остальныхъ другой пунктъ помѣшательства, и ихъ пророкомъ является Георгъ“ (другъ Андрея, редакторъ революціоннаго органа). Зацѣпинъ не можетъ, слѣдовательно, служить представителемъ революціонной мысли того времени или, во всякомъ случаѣ, можетъ служить лишь образчикомъ минимума идейности въ средѣ революціонеровъ.

Одной изъ самыхъ удачныхъ, всего живѣе рисующихся предъ воображеніемъ читателя личностей романа, является

самъ Давидъ. Мы узнаемъ его цѣликомъ съ его манерами, съ его увлеченіемъ своей спеціальностью, съ его умственнымъ складомъ, узнаемъ кое что и о его взглядахъ.

Но по своимъ общимъ взглядамъ, Давидъ не только „одинъ изъ немногихъ“, а совершенно исключительная личность. Андрей говоритъ про него, что онъ единственный космополитъ среди революціонеровъ.

Другимъ изъ наиболѣе удачныхъ лицъ романа является Василій Вербицкій. Давидъ—оригинальный характеръ. Василій—типъ, не рѣдко встрѣчавшійся среди нигилистовъ. Мы не могли бы указать никакой опредѣленной личности во всемъ похожей на Василія, и тѣмъ не менѣе намъ знакома въ немъ каждая черта, каждое движеніе. Мы ничего не знаемъ объ его общихъ взглядахъ, но мы чувствуемъ, что наше незнаніе происходитъ не вслѣдствіе умалчиваній со стороны автора, а просто потому, что Василій никогда и не принималъ участія въ разговорахъ и спорахъ общаго характера. И не только не говорилъ онъ объ общихъ вопросахъ, онъ ими и не интересовался. Своимъ товарищамъ, своей организаціи, вообще революціонному движенію онъ былъ преданъ безгранично, но его, разъ навсегда, составленныя революціонныя убѣжденія состояли изъ краткихъ аксіомъ, не требовавшихъ по самому характеру его ума ни дальнѣйшаго развитія, ни разъясненія. Этому отсутствію интереса къ общимъ програмнымъ вопросамъ содѣйствовала его безграничная скромность. Отдавая всѣ помыслы и заботы практическимъ подробностямъ тѣхъ дѣлъ, которыя ему поручались, онъ во всемъ остальномъ полагался на рѣшеніе и авторитетъ товарищей, которыхъ ставилъ неизмѣримо выше себя. Люди такого типа обыкновенно лишены инициативы. Чтобы попасть въ революціонное движеніе, имъ необходимо столкнуться съ революціонерами, привязаться къ нимъ и подпасть подъ ихъ вліяніе. Но разъ попавши въ движеніе, они остаются вѣрны до конца. По своей добротѣ, по привязчивости, не требующей никакой взаимности, по неспособности цѣнить свою личность, такіе люди, оставаясь въ обычной средѣ, заслуживаютъ, обыкновенно, названіе добряковъ, пожалуй, простаковъ. Кто-нибудь ихъ непремѣнно эксплуатируетъ, кто-нибудь ими да помыкаетъ. На то и

щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ, а люди этого типа слишкомъ удобные караси. Въ революціонной организаціи, отдаваясь общему дѣлу, подчиняясь людямъ, не преслѣдующимъ никакихъ личныхъ цѣлей, они могутъ сдѣлаться героями.

Вполнѣ законное при изображеніи Василія, такое же полное опущеніе всего, касающагося до отношенія личности къ общимъ вопросамъ революціоннаго движенія, кажется намъ вопіющимъ нарушеніемъ всякой перспективы при обрисовкѣ Георга, котораго Давидъ называетъ „пророкомъ“ революціонной молодежи. Съ одной стороны, а именно со стороны его отношенія (самаго рыцарскаго) къ женщинамъ, Георгъ обрисованъ довольно живо и симпатично. Если бы мы могли представить себѣ, что эта сторона является самой выдающейся въ его характерѣ, что его рыцарскія увлеченія составляютъ поглощающій интересъ его жизни, мы легко дорисовали бы себѣ остальныя черты его характера. Но намъ говорятъ, что это „пророкъ“, умственный руководитель большинства революціонеровъ. Онъ главный писатель партіи, редакторъ ея органа. Авторъ сообщаетъ намъ, что онъ блестящимъ образомъ ведетъ теоретическіе диспуты (но не даетъ и кусочка такого диспута). Все это не позволяетъ уже намъ живо представить себѣ Георга даже и съ той стороны, которая обрисована, и дѣлаетъ всю его фигуру неясной и какой-то однобокой.

Главный герой романа, Кожуховъ, постоянно остающійся на сценѣ, тогда какъ другіе то появляются, то исчезаютъ, говоритъ въ общей сложности больше кого бы ни было изъ другихъ дѣйствующихъ лицъ. Но то, что мы слышимъ изъ его рѣчей, въ большинствѣ случаевъ, не соотвѣтствуетъ тому, что авторъ говоритъ отъ себя о своемъ героѣ, которому онъ приписываетъ трезвый умъ, отсутствіе слишкомъ живого воображенія, положительность и хладнокровіе. Между тѣмъ изъ разговоровъ самого героя, когда авторъ даетъ ему слово по сколько-нибудь общему вопросу, мы могли бы вывести скорѣе обратное заключеніе, — что это человѣкъ, живущій исключительно чувствомъ, съ такимъ преобладаніемъ воображенія надъ разсудкомъ, что образы и сравненія играютъ выдающуюся роль въ его аргументаціи, замѣняютъ для него резоны и основанія. Но можно сдѣлать и

другое предположеніе. Два спора, отчасти общаго характера, въ которыхъ авторъ даетъ поговорить своему герою (намъ придется еще вернуться къ одному изъ этихъ споровъ), велись при такихъ обстоятельствахъ, когда Кожухову было совершенно естественно не хотѣть серьезно спорить и стараться лишь о томъ, чтобы отдѣлаться отъ своего собесѣдника. Они приведены, очевидно, больше для характеристики не его, а этихъ собесѣдниковъ, и ихъ они дѣйствительно характеризуютъ до нѣкоторой степени, но въ то же время скорѣе затемняютъ, чѣмъ выясняютъ личность самого героя. Его разговоръ съ женой о цареубійствѣ тоже ведется въ слишкомъ исключительномъ положеніи и настроеніи, чтобы характеризовать что-нибудь кромѣ именно этого положенія и настроенія.

Авторъ не сообщаетъ намъ размышленій, сужденій Кожухова даже по вопросу о цареубійствѣ, сыгравшему такую роковую роль въ судьбѣ героя. Онъ и тутъ знакомитъ насъ лишь съ его чувствами. Но въ данномъ случаѣ мы легко могли бы удовольствоваться представленіемъ о неодолимой жаждѣ мести и самопожертвованія, зародившейся въ душѣ Андрея подъ впечатлѣніемъ казни друзей. Эти чувства достаточно мотивировали бы для насъ его рѣшеніе. Но авторъ не дозволяетъ читателю остановиться на такомъ представленіи. Онъ увѣряетъ насъ, что Андрей строго и безпристрастно обсудилъ вопросъ о пользѣ и своевременности цареубійства для освобожденія страны. А самъ герой говоритъ, что жизнь дорога ему, дороже чѣмъ когда либо, и лишь долгъ предъ страной, предъ народомъ, заставляетъ его идти на царя. Все это возбуждаетъ въ читателѣ желаніе узнать: какихъ именно результатовъ для страны, для народа ждетъ Андрей отъ цареубійства? Но вопросъ остается безъ отвѣта. Андрею нельзя приписать того простого, Зацѣпинскаго представленія, по которому всякое убійство во вражьемъ лагерѣ несомнѣнно полезно, потому что это борьба, а борьба ведетъ къ побѣдѣ. Онъ убѣдился уже въ полнѣйшемъ безсиліи террора, направленнаго на генераловъ и чиновниковъ. „Сколько бы ихъ ни перебили, думаетъ онъ, гнусное зданіе деспотизма отъ этого не пошатнется. На каждый ударъ правительство всегда можетъ отвѣтить десятью, и революція

выродится въ мелкую борьбу между полиціей и конспираторами". Онъ, очевидно, не ждетъ паденія гнуснаго зданія и отъ убійства царя, такъ какъ увѣренъ, что за этимъ убійствомъ послѣдуютъ казни, много казней, слѣдовательно, борьба будетъ продолжаться. Чѣмъ же будетъ она, какъ не борьбой между полиціей и конспираторами? Читатель остается въ недоумѣніи, и это недоумѣніе вредитъ до нѣкоторой степени даже полнотѣ впечатлѣнія трагической развязки, какою является покушеніе на царя въ личной судьбѣ Андрея и Тани. Мы не чувствуемъ роковой, безусловной необходимости для Андрея его рѣшенія. У насъ остается смутное ощущеніе произвола съ его стороны, представленіе о томъ, что онъ могъ бы, пожалуй, и не ходить, могъ бы и уступить Танѣ...

IV.

Мы отмѣтили уже всѣ стороны романа, показавшіяся намъ слабыми, но не говорили еще достаточно о его главнѣйшемъ достоинствѣ. Если автору и не вполнѣ удались нѣкоторыя изъ его дѣйствующихъ лицъ, за то въ романѣ ярко отпечатлѣлось нѣчто болѣе важное и интересное, чѣмъ типы и характеры отдѣльныхъ личностей. Въ немъ есть такой коллективный герой, ни одной черты котораго не было еще отмѣчено въ русской литературѣ. Это тотъ революціонный духъ, различными проявленіями котораго проникнуто все содержаніе романа.

Въ чемъ заключается суть этого духа? По нашему мнѣнію не въ чемъ иномъ, какъ въ жаждѣ дѣятельности, для осуществленія общихъ цѣлей, вытекающихъ изъ усвоенныхъ человѣкомъ воззрѣній—въ Thatlust, какъ говорятъ нѣмцы.

Мы не скажемъ, разумѣется, вмѣстѣ съ Зацѣпинымъ, что революціонеромъ можетъ считаться лишь тотъ, кто идетъ бить и стрѣлять. Во время возстанія, въ моменты массовой, открытой борьбы съ правительствомъ мѣсто каждаго революціонера, конечно, на улицѣ, впереди толпы и съ оружіемъ въ рукахъ.—Только Россія еще не переживала такихъ моментовъ.

Но ужъ во всякомъ случаѣ не имѣетъ права считать себя революціонеромъ человѣкъ, прекрасно усвоившій самые вѣрные и самые революціонные взгляды, отлично понимающій, какого рода дѣятельность необходима въ данный моментъ, но считающій лично для себя всякую дѣятельность невозможной или откладывающій ее въ неопредѣленное будущее. У кого при мысли о дѣятельности тотчасъ же выростаютъ предъ глазами тысячи неодолимыхъ препятствій, невозможностей и затрудненій, тотъ еще не революціонеръ, а мирный обыватель; какъ бы революціонны ни были его взгляды. Нѣтъ человѣка, который не могъ бы *ничего* сдѣлать при дѣйствительномъ горячемъ желаніи дѣйствовать. Разъ всякія личныя и частныя обстоятельства мѣшаютъ человѣку дѣлать хоть что-нибудь для общихъ цѣлей, въ немъ нѣтъ еще серьезной потребности дѣйствовать, нѣтъ того революціоннаго духа, малѣйшей искры котораго достаточно, чтобы уничтожить всѣ личныя препятствія къ дѣятельности.

Въ романѣ Степняка мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ этой жаждой дѣятельности, выражающейся какъ въ самыхъ скромныхъ, невидныхъ и неслышныхъ, такъ и въ самыхъ яркихъ и громкихъ фактахъ. Революціонный духъ живетъ несомнѣнно въ сестрахъ Дудоровыхъ, отдавшихъ на дѣло все свое имущество до послѣдней копѣйки, и отправляющихся съ цѣлью пропаганды въ деревню въ качествѣ сельскихъ учительницъ. Подъ вліяніемъ этого духа поступилъ студентъ, къ которому по ошибкѣ вошли жандармы, имѣвшіе приказъ арестовать жившаго этажемъ выше нелегальнаго революціонера. Догадавшись въ чемъ дѣло, студентъ постарался поддержать ошибку жандармовъ и пожертвовалъ свободой (у него нашли рукопись революціоннаго содержанія) ради спасенія человѣка, котораго считалъ полезнѣе себя, хотя и чувствовалъ къ нему личную антипатію. Этотъ духъ двигалъ десятками молодыхъ революціонеровъ, рѣшившихся освободить нечаяннымъ нападеніемъ приговоренныхъ къ смерти и онъ же побудилъ рабочихъ отдать свои паспорта, чтобы облегчить бѣгство разыскиваемыхъ революціонеровъ. Съ начала и до конца романъ переполненъ этими все болѣе и болѣе интенсивными проявленіями революціоннаго духа, заканчивающимися покушеніемъ

на жизнь царя. Но онъ все же не захватываетъ всей области проявленій этого духа. Въ немъ не затронуты первые, самые элементарные шаги, говорящіе о пробужденіи жажды дѣла въ молодежи, находящейся, такъ сказать, еще въ подготовительномъ классѣ революціи.

Съ чего начинали въ былыя времена молодые нигилисты, будущіе революціонеры, усвоившіе такъ или иначе, въ одиночку, или въ кружкахъ самообразованія революціонные взгляды и симпатіи? Съ того, что отдавали на дѣло какому-нибудь товарищу, уже вступившему въ сношенія съ революціонерами, свои маленькіе гроши, даже не зная точно и не считая себя въ правѣ узнавать, на что именно они будутъ употреблены; съ того, что бѣгали на посылкахъ у своихъ болѣе близкихъ къ дѣйствующимъ кружкамъ товарищей—„служили революціи ногами", какъ выражалась одна моя молоденькая пріятельница, бѣгавшая верстъ по десяти въ сутки по разнымъ порученіямъ, которыя непремѣнно показались бы каждому благоразумному юношѣ, предназначенному судьбою въ благополучные россіяне, слишкомъ мелкими для его особы. И рѣдкіе, очень рѣдкіе изъ прославившихся впослѣдствіи видныхъ дѣятелей, не начинали своей революціонной карьеры именно съ такой очень мелкой дѣятельности. Тотъ, кто считалъ себя выше ея, кто, отказываясь отъ мелочей, готовилъ себя, какъ ему казалось, къ будущимъ крупнымъ дѣламъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ никогда не доходилъ—ни до какихъ, кромѣ личныхъ — ни до крупныхъ, ни до мелкихъ дѣлъ. Кто не способенъ на мелкія жертвы, едва ли будетъ когда либо способенъ на крупныя. Впрочемъ, ни въ мелкомъ, ни въ крупномъ: *жертва*, *самопожертвованіе*—слова, въ сущности, не соотвѣтствующія дѣйствіямъ революціонеровъ. И въ маленькомъ, и въ большомъ, то, что могло казаться жертвой для спокойныхъ и мирныхъ обывателей, для нихъ составляло наслажденіе. Не жертву приносилъ молоденькій студентъ или дѣвушка, отдавшая на дѣло тѣ деньги, которыя раньше употребляла на лучшій обѣдъ, на театръ, на лишнее платье, а обмѣнивала эти обѣды и платье на безконечно большее наслажденіе чувствовать, что сдѣлалъ нѣчто, хотя и очень, очень маленькое, для того великаго и общаго, которому еще не умѣетъ, но стремится отдать всѣ свои силы будущій революціонеръ.

Жажда дѣятельности, получавшая все большее и большее удовлетвореніе по мѣрѣ того, какъ юноша пріобрѣталъ больше умѣнья и опытности, дѣлала революціонеровъ счастливѣйшими людьми въ Россіи, какъ ни казалось ужаснымъ ихъ положеніе людямъ, смотрѣвшимъ со стороны. Прямо изъ жизни выхвачена сцена въ романѣ Степняка, гдѣ нѣсколько нелегальныхъ революціонеровъ, собравшихся у либеральнаго адвоката, не могутъ удержаться отъ веселаго хохота, когда хозяинъ начинаетъ изображать сострадательнымъ тономъ ихъ печальную судьбу.

Въ моментъ, изображенный въ романѣ, революціонное настроеніе молодой русской интеллигенціи вторично достигло, послѣ небольшого перерыва въ 74 году, высшаго предѣла, какой только возможенъ для подобнаго движенія. Ни по интенсивности революціоннаго настроенія, ни по разливу его среди молодежи, ничтожный по численности слой, высылавшій революціонныя силы, не могъ дать ничего большаго. И, въ противоположность движенію 73-го года, на этотъ разъ неопытной молодежью руководила сильная организація испытанныхъ нелегальныхъ конспираторовъ.

Куда же дѣвалась эта сила? Отчего, такъ быстро оправившееся послѣ массового погрома 74-го года и вынесшее изъ этого погрома безцѣнное пріобрѣтеніе *нелегальныхъ* организацій, революціонное движеніе съ каждымъ годомъ все полнѣе и полнѣе утрачиваетъ на этотъ разъ самое воспоминаніе о такихъ организаціяхъ, въ которыхъ только и заключалась вся его практическая, конспиративная сила? Отчего исчезаетъ среди русской образованной молодежи самая жажда дѣла — тотъ революціонный духъ, естественнымъ концомъ котораго могъ бы быть лишь разливъ его въ рабочей массѣ и побѣда надъ самодержавіемъ?

V.

„Отъ пораженія къ пораженію оно (дѣло, за которое умеръ герой) идетъ впередъ къ окончательной побѣдѣ, которая въ этомъ печальномъ мірѣ не можетъ быть пріобрѣтена иначе, какъ страданіями и жертвами немногихъ избранныхъ“. Таково размышленіе, которымъ заканчивается

романъ,—очень парадоксальное размышленіе, или недосказанное. Ни пораженія, ни гибель избранныхъ сами по себѣ еще не ведутъ къ побѣдѣ. Отъ пережившихъ зависитъ, чтобы эти пораженія и эта гибель не остались безплодными, а послужили для нихъ полезнымъ урокомъ, научили избѣгать прежнихъ ошибокъ и бороться успѣшнѣе.

Изъ самого содержанія романа Степняка видна вся неизбѣжность общаго пораженія революціоннаго движенія, даже при цѣломъ рядѣ удачъ во всѣхъ частныхъ предпріятіяхъ, именно вслѣдствіе „избранности" — изолированности революціонеровъ и полной невозможности дальнѣйшаго роста силъ на томъ пути, на который вступали они въ изображенный имъ моментъ.

Герой романа пріѣхалъ изъ-за границы съ намѣреніемъ идти рука объ руку съ либералами, и вотъ что говорилъ ему предъ концомъ его жизни одинъ изъ лучшихъ людей этого рода, либеральный адвокатъ Рѣпинъ (отецъ Тани), находившійся въ прекрасныхъ личныхъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ нелегальныхъ революціонеровъ и не разъ оказывавшій имъ услуги.

Недовольный отказомъ Андрея уѣхать на время съ женой за границу, Рѣпинъ даетъ волю своему недовольству терроромъ вообще:

„Онъ говорилъ о безплодности ихъ усилій, о безразсудности вызововъ правительству, усиливающихъ деспотизмъ, противъ котораго они направлены, о томъ что революціонеры дѣлаютъ совершенно невыносимой жизнь всей образованной Россіи, которая, утверждалъ Рѣпинъ, тоже имѣетъ право на существованіе.

„Вначалѣ Андрей защищался полушутя. Онъ привыкъ къ нападкамъ Рѣпина, но предметъ разговора былъ слишкомъ близокъ, чтобы не волновать его, и послѣднее обвиненіе его взорвало.

— „Я знаю, сказалъ онъ, — что ваша образованная, либеральная Россія очень заботится о своемъ правѣ на существованіе, а также и о своемъ комфортѣ. Было бы гораздо лучше для страны, если бы она поменьше объ этомъ заботилась.

— „Такъ вы бы хотѣли, чтобы мы всѣ вышли на улицу и начали бросать бомбы всѣмъ проходящимъ полицейскимъ? спросилъ иронически Рѣпинъ.

— „Что за безсмыслица! горячился Андрей.—Вамъ нѣтъ надобности бросать бомбы; боритесь своимъ собственнымъ оружіемъ. Но боритесь же, если вы люди. Будемъ бороться сообща. Мы будемъ тогда достаточно сильны, чтобы низвергнуть деспотизмъ. Но пока вы ползаете и хныкаете, вы не имѣете права упрекать насъ за то, что мы не лижемъ бьющей

насъ руки. Если въ своемъ слѣпомъ бѣшенствѣ правительство распространяетъ и на васъ преслѣдованія, можете разодрать свои одежды и посыпать головы пепломъ, но помните, что вамъ достается по заслугамъ. Нечего жаловаться, это и недостойно, и совершенно безполезно, хотя бы вы охрипли отъ проклятій, упрековъ и жалобъ, мы не обратимъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія.

— „Кто говоритъ объ упрекахъ? сказалъ Рѣпинъ, нетерпѣливо махнувъ рукой.—Лично вы, быть можетъ, и правы, теряя разсудокъ вслѣдствіе исключительныхъ преслѣдованій. Но это могло бы служить оправданіемъ для отдѣльнаго преступника предъ судомъ присяжныхъ, а не для политической партіи предъ общественнымъ мнѣніемъ. Если вы хотите служить своей странѣ, вы должны умѣть сдерживать свои страстные порывы, если они не могутъ привести ни къ чему, кромѣ пораженій и бѣдствій.

— „Пораженій и бѣдствій! воскликнулъ Андрей.—Увѣрены ли вы въ этомъ? Отъ копѣечной свѣчи Москва сгорѣла, а мы бросили въ сердце матушки Россіи цѣлую головню. Никто не можетъ предвидѣть будущаго, или быть отвѣтственнымъ за то, что въ немъ скрывается. Мы дѣлаемъ, что можемъ, въ настоящемъ; мы показали примѣръ мужественной борьбы, который никогда не пропадаетъ для порабощенной страны. Мы возвратили русскимъ самоуваженіе, спасли честь русскаго имени, которое перестало быть синонимомъ раба.

— „Тѣмъ, что показали отсутствіе въ русскихъ способности къ чему бы то ни было, кромѣ такихъ жалкихъ нападеній на отдѣльныя личности? Этимъ что ли?

— „А кто виноватъ? отпарировалъ Андрей, раздраженный тономъ Рѣпина.—Никакъ не мы, а либеральная Россія, которая держится въ сторонѣ отъ борьбы за свободу, тогда какъ мы, ея дѣти, боремся и погибаемъ тысячами.

„Андрей не относилъ своихъ словъ лично къ Рѣпину, который составлялъ исключеніе изъ общаго правила. Но по той или другой причинѣ Рѣпинъ живо почувствовалъ упрекъ.

— „Допустимъ, что это такъ, сказалъ онъ уже другимъ тономъ.—Мы, такъ называемое общество, всѣ трусы. Но такъ какъ вамъ насъ не передѣлать, вы должны признать это за существующій фактъ. Тѣмъ болѣе для васъ причинъ не разбивать головы о стѣну.

— „Наше положеніе не такъ безнадежно, отвѣчалъ смягчившійся Андрей.—Мы разсчитываемъ не на одно общество и надѣемся, что оно тоже исправится со временемъ, когда въ него вольется новая кровь".

Надо признаться, что если Андрей и недурно нападаетъ на либерала, то отражаетъ его нападенія какъ нельзя хуже. Невозможно, однако, ставить ему этого въ вину. Разговоръ происходитъ за нѣсколько дней до покушенія. При такихъ обстоятельствахъ совершенно естественно отдѣлываться туманными фразами отъ человѣка, съ которымъ нельзя пускаться въ откровенности.

Въ разговорѣ съ женой онъ, конечно, совершенно откровененъ. Но хотя авторъ и говоритъ намъ, что Андрей сообщилъ Танѣ всѣ основанія своего рѣшенія и даже повліялъ на ея умъ, но приводитъ онъ относительно цареубійства лишь слѣдующія строки изъ ихъ разговора: „Что выиграла бы страна, спрашиваетъ Андрей, если бы мы не отвѣчали ударами на удары и продолжали учить и проповѣдовать по закоулкамъ, какъ предлагаетъ Лена? (горячая сторонница пропаганды). Они, правда, не вѣшали бы насъ. Но какая была бы изъ этого польза? Насъ арестовывали бы, ссылали въ Сибирь, оставляли бы гнить по тюрьмамъ и этимъ также точно прерывали бы нашу работу на пользу народа, какъ и теперь. Намъ не дадутъ свободы въ награду за хорошее поведеніе. Мы должны бороться за нее тѣмъ оружіемъ, какое имѣемъ. Разъ намъ приходится страдать, то чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Наши страданія будутъ для насъ новымъ оружіемъ Пусть они вѣшаютъ, разстрѣливаютъ, убиваютъ насъ въ своихъ подземныхъ казематахъ! Чѣмъ жесточе будутъ поступать съ нами, тѣмъ больше будетъ у насъ послѣдователей. Я желалъ бы заставить ихъ разорвать меня на части или сжечь живого на медленномъ огнѣ среди площади“.

Это, конечно, не результатъ безпристрастнаго размышленія, а скорѣе выраженіе той жажды мученичества, которая охватила Андрея въ моментъ безмолвнаго прощанья съ идущими на казнь друзьями. Но, не зная его размышленій, мы все же имѣемъ право вывести, какъ изъ этихъ словъ, такъ и изъ его разговора съ Рѣпинымъ, то заключеніе, что пользу террористическихъ фактовъ, цареубійства въ особенности, онъ видитъ въ примѣрѣ борьбы, въ впечатлѣніи на публику, какъ самихъ фактовъ, такъ и казней революціонеровъ.

Но на кого могли дѣйствовать эти примѣры и впечатлѣнія?

Ужъ, конечно, не на либераловъ, хотя бы и самыхъ лучшихъ. Съ политической стороны, либералы радовались убійствамъ разныхъ ненавистныхъ „столповъ отечества“, пока не чуяли реакціи со стороны правительства. При реакціи— огорчались. Со стороны эстетической, какъ люди съ развитымъ вкусомъ, понимающіе „прекрасное“, гдѣ бы и въ чемъ

бы оно не проявлялось, они могли любоваться энергіей революціонеровъ, могли, какъ Рѣпинъ, чувствовать уваженіе и симпатію къ ихъ личностямъ. Но и только. Они, во всякомъ случаѣ, самые безнадежные. Все они знаютъ, обо всемъ слышали и все пережили въ своемъ представленіи; ихъ ужъ не передѣлаешь никакими примѣрами и никакими страданіями. Этого не могъ не чувствовать знавшій ихъ Андрей. Неизвѣстно, что подразумѣвалъ онъ подъ „вливаніемъ“ въ нихъ „новой крови“, но при той крови, какая имѣлась, самые разительные примѣры и самыя лютыя казни могли вызывать въ либералахъ лишь самый лютый страхъ и горячее желаніе запрятаться какъ можно подальше.

На кого же разсчитывалъ Андрей подѣйствовать своимъ примѣромъ и своими страданіями?

Очевидно, не на ту толпу, которая „упившись вполнѣ и лихорадочной дрожью ожиданія, и замираніемъ ужаса, и тѣмъ оцѣпенѣлымъ недоумѣніемъ и грустью, которыя наступаютъ послѣ подобныхъ зрѣлищъ...“, возвращалась съ казни революціонеровъ съ тѣмъ равнодушнымъ видомъ, который заставилъ Андрея спросить себя: „сколько въ толпѣ людей, которые вынесли изъ зрѣлища только лучшій аппетитъ къ ожидающему ихъ обѣду“? Не могъ же онъ предполагать, что причина равнодушія толпы заключается въ недостаточной мучительности казни. Онъ слышалъ разговоры этой толпы, доказывавшіе ея полнѣйшее незнаніе, въ чемъ тутъ дѣло?

Господа съ господами ссорятся... Казнятъ колдуновъ, которые умѣютъ въ котовъ оборачиваться... Что кромѣ любопытства могла вызвать въ толпѣ казнь людей до такой степени ей невѣдомыхъ, хотя бы, сама по себѣ, эта толпа и была способна къ горячему сочувствію людямъ, преслѣдуемымъ за извѣстное и понятное ей дѣло?

По всему вѣроятію, съ мыслями о мужественномъ примѣрѣ, никогда не пропадающемъ для порабощенной страны, о страданіяхъ революціонеровъ, увеличивающихъ число ихъ послѣдователей, у Андрея связывалось чисто отвлеченное представленіе о силѣ примѣра и страданія. Быть можетъ, во время его горячей защиты предъ Таней своего рѣшенія, у него мелькнуло воспоминаніе о фанатизмѣ, вызываемомъ религіозными преслѣдованіями, о казняхъ христіанскихъ

мучениковъ, такъ сильно содѣйствовавшихъ распространенію христіанства. Но онъ не подумалъ при этомъ, что въ толпѣ, смотрѣвшей на тѣ казни, были разсыпаны многочисленные проповѣдники и исповѣдники, говорившіе ей о той вѣрѣ, за которую казнили мучениковъ. Тамъ же, гдѣ христіанство еще недостаточно распространилось и проповѣдниковъ было мало, казни христіанъ производили на толпу того времени точно такое же дѣйствіе и такъ же нравились ей, какъ и гладіаторскіе бои.

Примѣръ террористическихъ подвиговъ могъ дѣйствовать лишь на людей уже проникнутыхъ революціоннымъ духомъ: все на ту же, и безъ того возбужденную революціонную молодежь, да на немногихъ рабочихъ, уже успѣвшихъ сдѣлаться революціонерами. Но борьба не въ рядахъ и строю, не рука объ руку съ товарищами, а убійства въ одиночку не могутъ привлечь много силъ, какою бы ни пользовались они популярностью. Это слишкомъ мрачный родъ борьбы. Какой бы восторгъ ни возбуждалъ онъ со стороны,—чтобы пойти самому на такое убійство, нужно обладать исключительной силой воли, или находиться въ исключительномъ настроеніи: въ припадкѣ болѣзненнаго славолюбія Гольденберга, или въ такомъ состояніи, когда жизнь потеряла для человѣка всякую привлекательность, но онъ предпочитаетъ отдѣлаться отъ нея не безъ пользы для партіи. И на самомъ дѣлѣ, за все время популярности такихъ одиночныхъ нападеній охотниковъ до нихъ нашлось не болѣе десятка.

Что же касается до различныхъ приготовленій къ цареубійству: динамитныхъ мастерскихъ, подкоповъ и пр., то эти дѣла требовали такой ловкости, умѣнья и выдержки, что ими почти исключительно занималась одна и та же небольшая группа старыхъ (не по годамъ, конечно, а по революціонной опытности) конспираторовъ.

Въ остальной массѣ революціонеровъ политическія убійства возбуждали не подражаніе, а лишь страстныя, но неосуществимыя мечты и восторги. Но въ то же время предъ блескомъ террористическихъ подвиговъ тускнѣли въ ея глазахъ всѣ другія отрасли революціонной дѣятельности, все кромѣ террора теряло постепенно всякую привлекательность, переставало считаться революціоннымъ. Такимъ образомъ, самою силою производимаго впечатлѣнія терроръ еще

болѣе суживалъ и безъ того узкій потокъ революціоннаго движенія, самою интенсивностью проявленій борьбы подкапывалъ почву подъ дальнѣйшимъ развитіемъ этой борьбы.

А между тѣмъ, изъ того же романа Степняка видно, что у революціоннаго теченія были уже хотя еще и слабые, шансы выбиться на широкій просторъ, найти неисчерпаемый источникъ новой силы.

„Вокругъ зданія суда, разсказываетъ намъ авторъ, въ день произнесенія приговора надъ казненными потомъ революціонерами собиралась толпа. Полицейскіе разгоняли ее, но она снова собиралась и все увеличивалась. Вечеромъ, послѣ закрытія фабрикъ, къ ней присоединились рабочіе. Усталые полицейскіе уже не были въ состояніи разгонять народъ, и предоставили, наконецъ, толпу самой себѣ. Тутъ собрались самые безпокойные элементы населенія, а передній рядъ былъ почти сплошь занятъ нигилистами.

— „Всѣмъ смертная казнь“, закричали этой толпѣ изъ залы суда.

„Въ отвѣтъ послышался угрожающій ревъ... Полицейскій офицеръ, охранявшій зданіе снаружи, вбѣжалъ въ залу и бросился къ предсѣдателю. Послѣдній отдалъ приказъ двинуть войска и разогнать толпу во что бы то ни стало. Кровавое столкновеніе казалось неизбѣжнымъ. Но его не случилось. Самые крайніе элементы,—организованные революціонеры, не желали вооруженнаго столкновенія, которое могло только помѣшать успѣху ихъ болѣе серьезной попытки отбить приговоренныхъ нечаяннымъ нападеніемъ.

„Манифестація произошла сама собой и была сдѣлана, главнымъ образомъ, посторонними людьми подъ впечатлѣніемъ минуты. Это было хорошо, но не надо было заходить далеко“.

Революціонеры сдержали толпу и столкновеніе не произошло.

Мы не знаемъ точь въ точь такого случая въ дѣйствительности. Безпорядки около зданія суда произошли въ Одессѣ въ Іюлѣ 1878-го года, при произнесеніи смертнаго приговора надъ Ковальскимъ. Но при этихъ безпорядкахъ не было, да и быть не могло, по настроенію того момента, сдерживающаго вліянія со стороны революціонеровъ. Тѣмъ не менѣе авторъ вовсе не погрѣшилъ противъ духа истины

своимъ разсказомъ. Лѣтомъ 78-го года терроръ былъ еще въ зародышѣ, а въ непосредственно предшествовавшее ему время демонстраціи пользовались значительной популярностью среди революціонеровъ. Но по мѣрѣ того, какъ политическія убійства и вообще чисто конспиративная, изолированная дѣятельность начала сосредоточивать на себѣ всѣ симпатіи революціонеровъ, когда они постепенно увѣровали въ свою отдѣльную отъ народа и отъ всякой толпы матеріальную, военную силу и, будучи по природѣ своей дрожжами, вообразили себя опарой, такое предпочтеніе лишняго шанса для своего конспиративнаго предпріятія движенію толпы на ихъ защиту стало вполнѣ возможнымъ.

Въ сущности же, самое ничтожное движеніе уличной толпы за революціонеровъ гораздо террористичнѣе, страшнѣе для правительства—для системы, если не для отдѣльныхъ личностей—всякаго политическаго убійства. Убитые рядовые, уличные люди страшнѣе казненныхъ революціонеровъ, хотя первые могли бы быть самыми пустыми людьми, а революціонеры представлять каждый въ отдѣльности значительную силу по своимъ личнымъ качествамъ. Они страшнѣе потому, что разъ они появились, ихъ возможнаго завтра же числа не выдастъ никакой Гольденбергъ, не выслѣдитъ и не вычислитъ никакой Судейкинъ. Они страшнѣе потому, что съ ними противъ правительства встаетъ нѣчто невѣдомое и могущее рости до безконечности. Рядовые улицы, погибшіе въ кровавомъ столкновеніи съ казаками, были бы гораздо понятнѣе и большой, безсмысленной, по изображенію автора, толпѣ, смотрѣвшей на казнь. Улица, участвовавшая въ столкновеніи, объяснила бы ей ихъ значеніе. Нашлись бы разсказчики, за которыми не услѣдишь, которымъ не завяжешь рта именно по ихъ неизвѣстности и незначительности.

Другимъ еще болѣе важнымъ шансомъ для революціоннаго движенія пріобрѣсти такую широкую основу, при которой его уже не могли бы уничтожить никакія преслѣдованія правительства, было развитіе рабочаго дѣла въ Петербургѣ.

Въ романѣ эта сторона движенія остается на самомъ заднемъ планѣ. Ни одинъ рабочій не появляется на сценѣ,—о нихъ только говорится. Даже на собраніи кружка, спеціаль-

но обсуждающаго рабочее дѣло, не присутствуетъ ни одинъ рабочій. Вообще, насколько упоминается о рабочихъ, они являются лишь пассивнымъ объектомъ воздѣйствія пропагандистовъ. На самомъ дѣлѣ, въ эпоху, изображенную въ романѣ, т. е. въ первое время террора рабочее движеніе въ Петербургѣ было гораздо самостоятельнѣе и уже выставило не мало выдающихся людей, никакъ не уступавшихъ лучшимъ революціонерамъ изъ высшихъ классовъ.

Но даже и изъ того, что говорится въ романѣ, все таки оказывается, что отъ революціонеровъ ничего не требовалось, кромѣ желанія и настойчивости для того, чтобы росло и развивалось движеніе въ рабочей средѣ. Въ романѣ нѣсколько разъ упоминается о пропагандѣ и всегда оказывается, что она идетъ очень успѣшно, сообщается о рабочихъ центрахъ въ различныхъ концахъ Петербурга, говорится объ образованіи нѣсколькихъ новыхъ много обѣщающихъ рабочихъ кружковъ, и ни разу не слышно объ арестахъ на этомъ дѣлѣ.

Не фактическое положеніе дѣла, не невозможность или хотя бы трудность сношеній съ рабочими, а одно увлеченіе планомъ цареубійства заставляетъ Андрея спрашивать: „что выиграла бы страна, если бы революціонеры продолжали учить и проповѣдывать по закоулкамъ?“ Предъ интенсивностью впечатлѣнія террористической борьбы эта проповѣдь начала казаться революціонерамъ „хорошимъ“, въ дурномъ смыслѣ этого слова, т. е. не революціоннымъ „поведеніемъ“. А страстные борцы стремились къ самому лучшему, къ самому революціонному поведенію. Все революціонное олицетворилось, наконецъ, для нихъ въ одномъ цареубійствѣ. И послѣ двухлѣтнихъ гигантскихъ усилій они добились намѣченной цѣли. Царь былъ убитъ. Но дальше въ избранномъ направленіи идти было некуда, дѣлать нечего и движеніе быстро пошло подъ гору. Погибли сильные люди, воспитавшіеся на иномъ дѣлѣ, ошибавшіеся относительно общихъ результатовъ своей террористической дѣятельности, но способные добиваться ближайшихъ намѣченныхъ цѣлей, умѣвшіе дѣйствовать. Осталась лишь та окружавшая ихъ среда, которой восторгъ предъ терроромъ не дозволялъ дѣлать съ увлеченіемъ ничего другаго, но которая къ террору-то именно и была совершенно неспособна.

На этотъ разъ, въ противоположность погрому 74 года, съ арестомъ дѣйствовавшихъ революціонеровъ исчезла самая возможность возобновленія сильнаго движенія. У оставшейся молодежи не было въ виду никакого привлекательнаго дѣла, никакой сколько-нибудь выполнимой программы, никакихъ цѣльныхъ воззрѣній—ничего, кромѣ мечты о подражаніи террористамъ. Но мечта не можетъ поддерживать организацій, на ней не могутъ вырабатываться практическіе дѣятели. Въ этомъ отношеніи самое незамѣтное дѣло безконечно важнѣе самой грандіозной мечты. И организаціи постепенно разстроились, дѣятелей появлялось все меньше и меньше. У былыхъ богатырей осталось много поклонниковъ, но не нашлось послѣдователей, такъ какъ повторять ихъ слова или даже пытаться подражать тѣмъ дѣйствіямъ, которыми они закончили свою революціонную карьеру, еще не значитъ быть ихъ послѣдователями.

Степнякъ рисуетъ намъ движеніе въ моментъ полнаго развитія его силы. Хотя онъ не дѣлаетъ никакихъ выводовъ, кромѣ приведенныхъ нами выше заключительныхъ словъ, но все содержаніе романа, отношеніе къ дѣйствующимъ лицамъ, самый тонъ разсказа убѣждаетъ насъ въ томъ, что авторъ стоитъ на точкѣ зрѣнія своихъ героевъ-террористовъ; что онъ всей душой на сторонѣ вступленія въ прямую матерьяльную борьбу съ правительствомъ крошечной группы „избранныхъ“ конспираторовъ; что онъ самъ вмѣстѣ съ героемъ готовъ признать „хорошимъ“, недостаточно революціоннымъ „поведеніемъ“ продолженіе работы надъ вовлеченіемъ въ борьбу народныхъ массъ. Тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ оставляемое романомъ общее впечатлѣніе полной, роковой безнадежности борьбы, въ которую вступаетъ выведенная въ немъ горсть революціонеровъ, одиноко стоящихъ между незнающимъ ихъ народомъ, дрожащимъ отъ страха обществомъ и освирѣпѣвшимъ правительствомъ. Тѣмъ настойчивѣе напрашивается выводъ, что въ этомъ, если и „печальномъ“, то во всякомъ случаѣ единственномъ изъ міровъ, въ которомъ намъ, волей-неволей, приходится и жить и дѣйствовать, *побѣда* достается лишь силѣ, а сила революціоннаго движенія не можетъ заключаться ни въ чемъ иномъ, какъ въ его распространеніи на народную массу, и „гибель немногихъ избранныхъ“ приближаетъ побѣду лишь въ томъ

случаѣ, если возбуждаетъ злобу и жажду мести и оставляетъ по себѣ память не въ сердцахъ лишь нѣсколькихъ товарищей, а въ сердцахъ все большей и большей части народной массы.

Русскимъ людямъ необходимо выйти изъ круга идей, дозволившихъ имъ забыть совершенно азбучную для каждаго европейца истину, что безъ рабочей массы не мыслима никакая революція; необходимо убѣдиться разъ навсегда, что всякое революціонное движеніе, не направляющее всѣхъ усилій на то, чтобы распространиться въ народной массѣ, является ненормальнымъ, заранѣе осужденнымъ на гибель движеніемъ.

Но это не можетъ и не должно уменьшить любви и уваженія въ памяти людей, дѣятельностью которыхъ закончился предыдущій періодъ движенія. На нихъ не можетъ пасть и тѣни упрека. Практики и борцы, они стояли на высотѣ русской мысли своего времени, а это все, чего можно требовать отъ практическихъ дѣятелей. Они понимали положеніе вещей ничуть не хуже своихъ интеллигентнѣйшихъ соотечественниковъ, проповѣдывавшихъ какъ революціонныя, такъ и оппозиціонныя теоріи. Они вполнѣ, безукоризненно правы. Ихъ дѣятельность не привела къ тѣмъ результатамъ, которыхъ они ожидали. Но они хотѣли и умѣли, несмотря на всѣ препятствія, дѣйствовать сообразно со своими убѣжденіями и отдавали на дѣло всѣ свои силы, всѣ помыслы и самую жизнь, а такіе люди, каковы бы ни были ихъ ошибки, безконечно, внѣ всякаго сравненія, выше благоразумныхъ мудрецовъ, которые вполнѣ гарантированы отъ самомалѣйшей ошибки въ своей политической дѣятельности тѣмъ именно, что ровно ничего не дѣлаютъ.

Главная заслуга романа Степняка заключается именно въ томъ, что онъ возстановляетъ предъ читателями все рѣже и рѣже встрѣчающіеся въ русской жизни типы прежнихъ нелегальныхъ революціонеровъ.

Теперь нельзя уже повторять слова этихъ революціонеровъ въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ говорили ихъ они,— жизнь уничтожила этотъ смыслъ. Нельзя походить на нихъ, стремясь подражать ихъ отдѣльнымъ дѣйствіямъ, уже хотя бы по тому одному, что они-то вѣдь никому не подражали, а самостоятельно прокладывали свой путь. Но, съ другой сто-

роны, нельзя и стать серьезнымъ революціонеромъ, нельзя дѣйствовать при русскихъ условіяхъ, если дорожить хоть чѣмъ-нибудь: своей легальностью, своимъ будущимъ, семейными привязанностями—чѣмъ бы то ни было, кромѣ удобствъ для дѣятельности. Нельзя, словомъ, дѣйствовать, не относясь къ дѣлу такъ же точно, какъ относились къ нему прежніе революціонные дѣятели. Съ этой стороны они останутся образцами для подражанія, пока Россія будетъ нуждаться въ такихъ революціонерахъ, а она будетъ нуждаться въ нихъ до той поры, когда разливъ революціоннаго движенія въ рабочей массѣ обезпечитъ побѣду.

До сихъ поръ у прежнихъ борцовъ было мало послѣдователей. Но они еще явятся. Россіи не миновать революціоннаго движенія противъ деспотизма, и начнется ли оно прямо въ рабочей средѣ, а недовольная современнымъ режимомъ часть высшихъ классовъ лишь воспользуется имъ въ рѣшительный моментъ, или молодежи этихъ классовъ еще суждено сыграть революціонную роль,—во всякомъ случаѣ, успѣшно дѣйствовать въ первомъ періодѣ этого новаго движенія будутъ въ состояніи только люди, такъ же всецѣло отдавшіеся своему дѣлу, какъ отдавались ему прежніе революціонеры. И только такіе люди, которые съумѣютъ, какъ умѣли они, дѣйствительно дѣлать свое дѣло, какъ бы ни были велики препятствія, будутъ вправѣ считать себя ихъ настоящими пріемниками и продолжателями. Они будутъ вѣрны ихъ духу, какъ бы ни отличались новые взгляды и новая дѣятельность отъ того, что говорилось и дѣлалось тогда. И разъ пойдетъ успѣшно эта новая дѣятельность, разъ движеніе пуститъ корни въ рабочей массѣ, она узнаетъ и о прежнихъ дѣятеляхъ. Ихъ гибель, ихъ страданія еще принесутъ свои плоды. Въ рѣшительный моментъ они припомнятся старому режиму.

„Соціалъ-Демократъ" 1892 г.

Штундистъ Павелъ Руденко.

Издательница этого романа, г-жа Степнякъ, сообщаетъ намъ въ своемъ предисловіи тѣ обстоятельства, при которыхъ онъ возникъ. Степнякъ взялся доставить одной англійской писательницѣ историческія и бытовыя данныя для произведенія, имѣющаго своимъ сюжетомъ жизнь русскихъ сектантовъ. „Однако же, когда онъ засѣлъ за работу, то скоро почувствовалъ, что не въ состояніи ограничиться сухимъ изложеніемъ фактовъ и историческихъ данныхъ, какъ-то само собою „матеріалъ" вылился у него въ форму стройнаго разсказа съ опредѣленной фабулой, характерами и бытовыми сценами".

Изъ самаго разсказа видно, чѣмъ именно увлекъ Степняка этотъ матеріалъ, состоявшій, конечно, главнымъ образомъ изъ результатовъ разслѣдованій и преслѣдованій разнаго рода „оказательствъ" распространенія новой ереси. Онъ встрѣтился тутъ съ знакомымъ ему явленіемъ нравственнаго подъема, охватывающаго цѣлыя группы людей, вызывая въ нихъ потребность дѣятельности, „оказательства", чего бы это ни стоило, и горячее братство преслѣдуемыхъ за то, что они считаютъ самымъ высшимъ, лучшимъ, должнымъ.

Тотъ же массовой подъемъ душевнаго строя, но въ другой средѣ и съ совершенно инымъ идейнымъ содержаніемъ, составляетъ существенную особенность также перваго и пожалуй единственнаго значительнаго беллетристическаго произведенія Степняка—его романа „Андрей Кожуховъ". Степнякъ могъ бы и про себя сказать извѣстную фразу „mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre".

Онъ не только не великъ, онъ плохо отшлифованъ, недодѣланъ и все-таки въ немъ есть кое что, чего вы не найдете ни у кого другого. Его первый романъ—это картина, въ которой замѣчательно только выраженіе лицъ изображенной на ней группы людей; выраженіе, у однихъ проявляющееся сильнѣе, у другихъ слабѣе, но очевидно, вызванное одной общей причиной, дѣйствующей на всѣхъ. Только это и замѣчательно въ картинѣ, но безъ этого та же группа, изображенная другими живописцами, оставалась непонятной, нелѣпой, а за ея изображенія брались, между прочимъ, наши величайшіе мастера; но и у нихъ, не смотря на все совершенство второстепенныхъ деталей и постороннихъ лицъ, центральная группа оставалась невѣроятной, каррикатурной, иногда неумышленно (во всякомъ случаѣ въ Нови Тургенева) каррикатурной. О многочисленныхъ каррикатурахъ (подчасъ тоже не умышленныхъ: „Знаменіе Времени" напр.) третьестепенныхъ писателей и говорить нечего. Чтобы стать естественнымъ и понятнымъ, изображенію не доставало именно того, что смогъ показать одинъ Степнякъ. Чтобы придать, хотя бы только внѣшнее, механическое, такъ сказать, вѣроподобіе своимъ произведеніямъ, всѣмъ приходилось рисовать исключительныя или обманутыя существа.

Герои Степняка обыкновенные люди, ихъ героизмъ—ихъ преступность съ административной точки зрѣнія—вытекали не изъ ихъ личныхъ, необычайныхъ, исключительныхъ свойствъ, а изъ общаго подъема, охватившаго цѣлый слой населенія въ его молодыхъ представителяхъ. Въ революціонерахъ этотъ подъемъ только выразился съ наибольшей интенсивностью и устойчивостью, они были гребнемъ общественной волны, которая поднималась все выше благодаря ихъ же сознательнымъ усиліямъ, но въ то же время создала и ихъ самихъ и ихъ усилія, превратила въ безстрашныхъ борцовъ хорошихъ людей, которымъ, во время общественнаго отлива, предстояло бы, при русскихъ условіяхъ, пропасть однимъ изъ тѣхъ прозаическихъ, медленныхъ и тоскливыхъ способовъ, которые такъ обстоятельно, и подъ часъ, художественно изображены въ безчисленныхъ произведеніяхъ русской беллетристики.

Вотъ этотъ-то массовый, независимый какъ отъ исключительныхъ свойствъ отдѣльныхъ личностей, такъ и отъ

чего бы то ни было случайнаго или искусственнаго, характеръ революціоннаго движенія отразился, какъ намъ кажется, въ романѣ Степняка и навѣрное не отразился ни въ одномъ изъ беллетристическихъ произведеній на ту же тему. Быть можетъ эту одностороннюю силу таланту Степняка дало то самое обстоятельство, которое помѣшало его развитію. Революціонеръ Степнякъ, долго и сильно переживалъ самъ тотъ душевный подъемъ, который выразился въ его романѣ; но если „служеніе музъ не терпитъ суеты", то еще нетерпимѣе, быть можетъ, относятся музы къ продолжительному и сильному сосредоточенію душевной энергіи своего служителя на чемъ бы то ни было внѣ этого служенія, а Степняку „борьба мѣшала быть поэтомъ", и онъ никогда не допускалъ, чтобы „пѣсни мѣшали" ему „быть борцомъ". Орудія же борьбы онъ въ беллетристикѣ никогда не видѣлъ, работа надъ ней была для него наслажденьемъ, но когда нужно было изобличать, разъяснять, доказывать, онъ писалъ статьи.

Въ посмертномъ романѣ Степняка, заглавіе котораго мы выписали, революціонеръ является лишь эпизодически, главныя же дѣйствующія лица—крестьяне штундисты.

Трудно теперь гдѣ бы то ни было пострадать за проповѣдь евангелія, но въ Россіи еще можно принять за нее даже мученическую смерть; не на кострѣ, правда, а просто въ острогѣ, отъ побоевъ сторожей, или отъ продолжительнаго пребыванія въ тюремномъ карцерѣ за упорство. Не „ревность о Господѣ", конечно, тому причиной. Едва ли когда бывало на свѣтѣ духовенство болѣе формально относящееся къ религіи, болѣе равнодушное ко всему на свѣтѣ, кромѣ собственнаго хозяйства, чѣмъ православные батюшки. Сектанство можетъ безпокоить ихъ единственно съ точки зрѣнія уменьшенія доходовъ. Но при нашемъ общемъ беззаконіи и безправіи устроить гоненіе слишкомъ легко, чтобы этой легкостью не соблазнялись люди, которымъ гоненіе выгодно. А съ другой стороны, всякое движеніе, одушевленіе, объединеніе, хотя бы и подъ знаменемъ евангелія, дѣйствительно вредно для нашего государственнаго строя, держащагося разъединеніемъ обывателей, ихъ апатіей ко всему не чисто личному.

Романъ рисуетъ первое гоненіе, выдержанное небольшой

штундистской общиной, недавно образовавшейся среди православнаго населенія. Живо обрисовано пробужденіе чувства и мысли крестьянъ при переходѣ отъ формальнаго, казеннаго христіанства къ евангелію, съ которымъ они впервые знакомятся, лишь становясь врагами поповскаго, обрядоваго православія.

Чувствуется мѣстами, что романъ не додѣланъ, что если бы авторъ самъ готовилъ его къ печати, онъ кое что выбросилъ бы, кое что развилъ. Но то, что составляетъ главный мотивъ произведенія, что увлекало въ немъ самаго автора, заражаетъ и чувство читателя. Въ особенности удачно обрисована личность перваго распространителя секты, нехозяйственнаго мужика Лукьяна, у котораго въ обыкновенныхъ дѣлахъ слишкомъ много „простоты" и не хватаетъ ловкости, но есть даръ „ловца людей", даръ убѣдительной, полной чувства рѣчи, обращающей ихъ въ его вѣру. Его героизмъ на слѣдствіи и его мученичество глубоко трогательны именно по своей безграничной простотѣ и безпритязательности. Мы указывали рядомъ съ достоинствами романовъ Степняка и на ихъ несовершенство въ художественномъ отношеніи. Но мѣркой для сравненія мы брали при этомъ тѣ истинно художественныя произведенія, которыхъ не такъ ужъ много на свѣтѣ. Берясь же за другую мѣрку, мы скажемъ, что русскіе журналы переполнены несравненно слабѣйшими беллетристическими произведеніями, которыя забываются тотчасъ по прочтеніи, не заражая читателя никакимъ чувствомъ, никакимъ настроеніемъ, потому именно, что въ нихъ не вложено ничего подобнаго. Этого съ читателемъ романовъ Степняка случиться не можетъ. А, впрочемъ, смотря по читателю! Это чтенье не для сонныхъ, довольныхъ людей—ничего они въ немъ не поймутъ; не для эстетовъ, не для поклонниковъ „злой красоты" и вычурныхъ героевъ Минскаго или Гиппіусъ,—красота героевъ Степняка для нихъ слишкомъ проста и „добра". Не такихъ читателей желали бы мы романамъ Степняка.

Теперь, когда Россія снова переживаетъ общественный подъемъ, захватившій болѣе глубокій и широкій слой, чѣмъ предыдущій, въ которомъ участвовалъ Степнякъ, мы желали бы его романамъ,—какъ „Андрею Кожухову", слишкомъ мало проникшему въ Россіи, такъ и „Штундисту"—побольше

читателей именно изъ этого новаго слоя. Рабочіе, „на психологію“ которыхъ „указываетъ“ авторъ письма, помѣщеннаго въ № 8 Рабочей Мысли, „зачитывавшіе до дыръ“ „Подпольную Россію“ Степняка, „жившіе вмѣстѣ съ ея героями, забывая всякія опасности и трудности настоящаго“, съ наслажденіемъ прочтутъ и эти романы. Ни террористами, ни штундистами они отъ нихъ не сдѣлаются, но переживутъ вмѣстѣ съ ихъ героями, зарождающіяся уже и въ нихъ самихъ чувства людей, отдавшихся великому, общему дѣлу отъ котораго не могутъ отказаться ни подъ какой грозой

„Заря“ 1902 г.

Сергѣй Михайловичъ Кравчинскій (Степнякъ).

28-го декабря 1895 г. громадная толпа жителей Лондона собралась на площади передъ вокзаломъ, чтобы проводить останки умершаго русскаго изгнанника-революціонера, Сергѣя Михайловича Кравчинскаго, писавшаго подъ именемъ Степняка. По отзывамъ англійской прессы, такого широкаго и торжественнаго выраженія общественнаго сочувствія давно не видалъ Лондонъ.

— Я зналъ Степняка и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ пользовался его дружбой и добрыми совѣтами, говорилъ въ своей прощальной рѣчи членъ англійскаго парламента, рабочій соціалистъ Джонъ Бернсъ. Я зналъ его за добраго, вѣрнаго друга угнетенныхъ всѣхъ національностей... Онъ соединилъ въ себѣ сердце льва и добродушіе ребенка. Это былъ великодушный человѣкъ и крупная личность въ революціонномъ движеніи Европы. И вотъ, чтобы засвидѣтельствовать это передъ цѣлымъ свѣтомъ, мы сошлись здѣсь, въ самомъ сердцѣ Лондона, гдѣ свободно пользуемся тѣмъ, чего такъ страстно добиваются и за что борются всѣ русскіе, подобные Степняку...

„Великодушный человѣкъ"... „Сердце льва и добродушіе ребенка"... Бернсъ указалъ дѣйствительно характерныя черты погибшаго изгнанника.

Джону Бернсу, какъ и всѣмъ своимъ многочисленнымъ заграничнымъ знакомымъ и читателямъ послѣдняго десятилѣтія покойный былъ извѣстенъ подъ именемъ Степняка. Но въ революціонной, „подпольной Россіи" семидесятыхъ годовъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ, самыхъ любимыхъ именъ было имя Сергѣя Кравчинскаго. Оно тѣсно срослось съ самыми первыми шагами революціоннаго движенія.

Кравчинскій какъ будто лишь вмѣстѣ съ этимъ движеніемъ появился на свѣтъ божій. О его дѣтствѣ почти ничего неизвѣстно самымъ близкимъ его людямъ. Онъ о немъ никогда не разсказывалъ. Гдѣ родился—онъ, кажется, и самъ не зналъ. Отецъ былъ военнымъ докторомъ и, слѣдуя за полкомъ, семья часто переѣзжала съ мѣста на мѣсто. Учился онъ въ Орловскомъ кадетскомъ корпусѣ, затѣмъ въ петербургскомъ артиллерійскомъ училищѣ; былъ произведенъ въ офицеры, но скоро вышелъ въ отставку и поступилъ студентомъ въ Лѣсной институтъ.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, незабвенныхъ для каждаго, кто принималъ тогда участіе въ движеніи, Кравчинскому было около двадцати лѣтъ. Онъ участвовалъ въ самыхъ первыхъ шагахъ образовавшагося въ Петербургѣ въ 1872 г. кружка молодежи, ставшаго потомъ извѣстнымъ подъ именемъ кружка „Чайковцевъ", и былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и несомнѣнно самымъ талантливымъ его членомъ.

Занявшись сперва распространеніемъ хорошихъ легальныхъ книгъ среди учащейся молодежи, кружокъ скоро перешелъ къ пропагандѣ среди рабочихъ, и Кравчинскій читалъ имъ популярныя лекціи за Невской заставой.

Въ 1873—74 гг. кружокъ Чайковцевъ, а за нимъ и вся захваченная движеніемъ интеллигентная молодежь принимается за пропаганду среди крестьянъ и однимъ изъ первыхъ отправляется „въ народъ" Кравчинскій. Чтобы имѣть предлогъ для своего появленія въ деревнѣ и не возбудить подозрительности крестьянъ, пропагандисты считали нужнымъ знать деревенскія работы или какое-нибудь обычное въ деревнѣ ремесло. Для большинства интеллигентовъ, не привычныхъ ни къ какому ручному труду, это представляло почти непреодолимыя трудности. Сергѣй Кравчинскій, кромѣ желѣзнаго здоровья и большой физической силы, отличался еще необыкновенной способностью ко всякому ручному труду. Онъ какъ то сразу выучивался всему, за что брался, и при этомъ очень любилъ физическую работу. Это пристрастіе осталось у него на всю жизнь. Даже здѣсь, въ Лондонѣ, заваленный литературной работой, онъ самъ прокладывалъ газовыя трубы въ своей квартирѣ, дѣлалъ мебель, красилъ полы, двери и проч. Благодаря этой спо-

собности, Кравчинскій былъ однимъ изъ немногихъ пропагандистовъ, ничуть не отстававшихъ въ работѣ отъ настоящихъ рабочихъ.

Еще недавно, незадолго до смерти, вспоминая объ этомъ времени, Сергѣй съ оживленіемъ, съ видимымъ удовольствіемъ увѣрялъ, что „былъ, право же, хорошимъ рабочимъ. Всѣ хвалили. Работалъ лучше самого Рогачева (разгибавшаго подковы силача-товарища, съ которымъ онъ вмѣстѣ ходилъ „въ народъ"). Тотъ, конечно, былъ сильнѣе, сразу больше подниметъ, но не такъ выносливъ. Къ вечеру бывало совсѣмъ раскиснетъ, а я ничего".

Одно время онъ жилъ у молоканъ, разспрашивалъ ихъ объ ихъ вѣрѣ и разсказывалъ имъ о „своей". Ему не разъ случалось вспоминать о томъ голодѣ, который онъ тамъ добровольно переносилъ. Молокане часто постятся, и постъ у нихъ заключается въ томъ, чтобы ничего не ѣсть по цѣлымъ суткамъ, при чемъ работа продолжается, какъ обыкновенно. „Можно бы, конечно, на сторонѣ достать чего-нибудь поѣсть: никто бы не замѣтилъ,—разсказывалъ онъ,—но по моему это было бы безсовѣстно".

Во все, за что ни брался Сергѣй, онъ всегда вкладывалъ всю свою душу и все дѣлалъ „по совѣсти".

Для той же пропаганды Кравчинскій написалъ и свои первыя литературныя произведенія: „Мудрицу Наумовну" и сказку „о копѣйкѣ", въ которыхъ поэтически изложилъ свои соціалистическія идеи. Странныя это вышли сказки. Черезъ 3—4 года ихъ авторъ дѣлалъ уже самыя презрительныя гримасы, когда ему упоминали о нихъ. Но въ отмѣстку заставлялъ свою близкую пріятельницу Эпштейнъ [1]), любившую дразнить его этими сказками, немедленно сознаться, что какъ онѣ ни были плохи, а все же многія, и она въ томъ числѣ, проливали надъ ними слезы. И въ самомъ дѣлѣ, хотя въ этихъ юношескихъ произведеніяхъ авторъ не успѣлъ еще справиться ни съ собственной фантазіей, ни съ идеями, ни со способомъ ихъ изложенія, онъ все же выразилъ что то, соотвѣтствовавшее восторженному настроенію части его

---

[1]) Анна Михайловна Эпштейнъ, когда-то дѣятельный членъ того же кружка „Чайковцевъ", ведшая въ теченіи многихъ лѣтъ контрабандную переправу людей и книгъ черезъ русскую границу, умерла отъ болѣзни въ Вѣнѣ въ ноябрѣ того же 1895 года.

товарищей и способное, при первомъ чтеніи, вызвать слезы наиболѣе впечатлительныхъ изъ женщинъ.

Полный жизни, которою заражалъ всѣхъ окружающихъ, художникъ по складу ума, идеализировавшій, преувеличивавшій хорошія качества своихъ пріятелей и безмѣрно восхищавшійся ими, въ то же время искренній, простой и ласковый, какъ ребенокъ, въ своихъ личныхъ сношеніяхъ съ людьми, Кравчинскій былъ общимъ любимцемъ и гордостью товарищей.

Не мудрено, что когда начались аресты, всѣмъ хотѣлось отправить заграницу именно его. Но въ то время осѣсться въ Европѣ онъ еще не могъ. Воинственныя стороны его натуры, жажда практической революціонной дѣятельности брали въ немъ слишкомъ сильный перевѣсъ надъ задатками литературнаго таланта. Удержать его подольше вдали отъ родины могла только перспектива вооруженной борьбы за симпатичную ему цѣль. Участіе въ такой борьбѣ, кромѣ своей непосредственной привлекательности, давало также возможность пріобрѣсти военную опытность, которая, по его убѣжденію, могла пригодиться на службѣ будущей русской народной революціи.

Такъ, онъ участвовалъ въ Герцеговинскомъ возстаніи, предшествовавшемъ русско-турецкой войнѣ, и ему, какъ бывшему артиллеристу, была тамъ поручена баттарея.

Въ 1876 г. онъ былъ въ Петербургѣ, гдѣ движеніе казалось сравнительно затихшимъ. Вновь образовавшаяся организація, прославившаяся впослѣдствіи подъ именемъ „Земли и Воли“, еще не успѣла тогда пріобрѣсти преобладающаго вліянія, а остатки Чайковцевъ были заняты, главнымъ образомъ, помощью многочисленнымъ заключеннымъ въ тюрьмахъ пропагандистамъ. Наиболѣе живымъ дѣломъ представлялось устройство побѣговъ изъ тюремъ; въ немъ Кравчинскій и принялъ дѣятельное участіе.

Начало 1877 г. снова застаетъ его заграницей, въ Италіи, куда онъ взялся сопровождать одну больную пріятельницу. Здѣсь онъ сошелся съ группой итальянской молодежи, воспитавшейся подъ вліяніемъ Бакунина и походившей во многомъ на русскихъ революціонеровъ того времени. Вмѣстѣ со своими итальянскими пріятелями онъ составилъ планъ вооруженнаго возстанія, написалъ для нихъ статью о пріе-

махъ партизанской войны и вмѣстѣ съ ними отправился въ итальянскую провинцію Беневенто, гдѣ рѣшено было начать возстаніе въ надеждѣ, что къ нему присоединится мѣстное населеніе. Эта надежда, однако, не оправдалась, и пріѣзжіе революціонеры были почти тотчасъ же арестованы. Вмѣстѣ съ другими, Кравчинскій просидѣлъ десять мѣсяцевъ въ итальянской тюрьмѣ, изъ которой былъ освобожденъ въ январѣ 1878 г. въ силу амнистіи, послѣдовавшей за смертью короля Виктора Эммануила.

Переселившись въ Женеву, онъ тотчасъ же принялъ самое дѣятельное участіе въ журналѣ „Община", а затѣмъ съ первыми номерами этого журнала и съ предложеніемъ издавать подобный органъ въ самой Россіи онъ появился въ послѣдній разъ на „жгучей мостовой Петербурга", какъ назвалъ онъ ее въ какомъ то изъ своихъ произведеній.

Это было въ маѣ 1878 г. Кравчинскій пріѣхалъ въ самомъ радостномъ настроеніи и съ твердымъ намѣреніемъ, ни за что на свѣтѣ не покидать русской борьбы „до конца".—„То есть, до ареста", замѣчали ему пріятели, которымъ онъ заявлялъ о своемъ рѣшеніи.—„Нѣтъ, до побѣды"! возражалъ онъ съ самой искренней увѣренностью.

То, что засталъ онъ въ Петербургѣ, могло,—въ особенности, при его складѣ ума,—лишь усилить до послѣднихъ предѣловъ его увѣренность въ близкой побѣдѣ. По сравненію съ Чайковцами, революціонеры представляли теперь дѣйствительно значительную силу, отличаясь отъ нихъ и въ многихъ другихъ отношеніяхъ.

Мы говорили о способности Кравчинскаго къ идеализаціи. Но мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, чтобы онъ видѣлъ въ восхищавшихъ его людяхъ совсѣмъ не существовавшія въ нихъ качества. Онъ обладалъ, наоборотъ, своеобразнымъ, но чрезвычайно тонкимъ и быстрымъ чутьемъ, указывавшимъ ему вѣрныя черты, которыя онъ затѣмъ лишь освѣщалъ такимъ яркимъ свѣтомъ своего художественнаго восхищенія, что онѣ являлись преображенными и отчасти преувеличенными. Онъ былъ убѣжденъ при этомъ, что онъ то именно и видитъ своихъ современниковъ въ томъ настоящемъ свѣтѣ, въ какомъ они появятся въ исторіи, а отъ другихъ самая близость людей и событій скрываетъ ихъ настоящіе размѣры. Въ разговорахъ съ самыми скептиче-

скими пріятелями онъ не разъ ссылался на мемуары одной изъ женщинъ французской революціи, жаловавшейся, что между ея современниками нѣтъ крупныхъ людей, соотвѣтствующихъ громадности совершающихся событій. „А, вѣдь, теперь, прибавлялъ онъ, при свѣтѣ исторіи, современники госпожи Ролланъ кажутся намъ гигантами“. Въ письмахъ близкимъ пріятелямъ за-границу, сообщая впечатлѣнія перваго знакомства съ новыми для него въ большинствѣ людьми, стоявшими теперь во главѣ русскаго движенія, онъ проводилъ параллель между ними и его прежними товарищами, Чайковцами. Его новые знакомые кажутся ему суше, уже, одностороннѣе Чайковцевъ, но за то же они и крѣпче ихъ, насколько закаленная сталь крѣпче тонкаго фарфора. По преданности дѣлу они никому не уступятъ, а по упорству въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей, по практичности, опытности они настолько же превосходятъ Чайковцевъ, какъ взрослые люди дѣтей.

Параллель была въ общихъ чертахъ несомнѣнно вѣрна. Но главную силу этихъ крѣпкихъ и практичныхъ людей, въ большинствѣ случаевъ нелегальныхъ, т. е. скомпрометированныхъ въ прежнихъ дѣлахъ и жившихъ подъ фальшивыми паспортами, составляло то обстоятельство, что, среди общаго броженія молодежи, не менѣе сильнаго, чѣмъ во времена Чайковцевъ, они образовали изъ себя прекрасно организованный тайный центръ, пріобрѣвшій надъ этой молодежью почти безграничное вліяніе. Организація имѣла также связи и пользовалась хорошей репутаціей среди нѣкоторой части рабочихъ Петербурга, съ одной стороны, и въ либеральномъ обществѣ,—съ другой.

Разсылая своихъ членовъ по провинціямъ, она стремилась подчинить своему вліянію всѣ разсыпанные по Россіи революціонные кружки и успѣвала въ этомъ. Она имѣла правильно дѣйствовавшую тайную типографію, безпрестанно дававшую знать о себѣ какой-нибудь брошюркой, листкомъ, прокламаціей, и теперь приступившую къ изданію газеты „Земля и Воля“. Это названіе, перешедшее на всю организацію и пріобрѣвшее такую громкую извѣстность, было предложено Кравчинскимъ.

Положеніе, занятое организаціей, могло дѣйствительно производить впечатлѣніе значительной силы даже на чело-

вѣка болѣе скептическаго, чѣмъ былъ тогда Кравчинскій. Революціонная партія достигала теперь всей той, правда, хрупкой, призрачной,—какъ показали послѣдствія, силы, какой только могла достигнуть партія, опиравшаяся по необходимости почти исключительно на интеллигентную молодежь и имѣвшая возможность расчитывать на рабочихъ лишь какъ на второстепенный, вспомогательный отрядъ.

Время послѣдняго пребыванія въ Россіи едва ли не было также самымъ сильнымъ, яркимъ, самымъ богатымъ впечатлѣніями временемъ въ жизни самого Кравчинскаго.

Его статьи этого года въ „Общинѣ", а затѣмъ въ „Землѣ и Волѣ" совсѣмъ не похожи на обыкновенныя газетныя статьи. Это—„стихотворенія въ прозѣ", поэзія, настоящая, сильная поэзія революціи. За три года, прошедшихъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ писалъ свои сказки, Кравчинскій сдѣлалъ громадные успѣхи: формою онъ владѣлъ теперь прекрасно. Отъ этихъ статей никто не могъ бы, конечно, расплакаться. Не слезы вызывали онѣ: это были клики торжества, предвкушеніе побѣды. При малѣйшей неискренности статьи въ такомъ поднятомъ тонѣ неизбѣжно производятъ непріятное впечатлѣніе фразерства. Но въ томъ то и была сила Кравчинскаго, что этотъ тонъ былъ въ тотъ моментъ его естественнымъ тономъ, что его вѣра въ близкое торжество партіи была вполнѣ искренняя и производила, поэтому, бодрое, хорошее впечатлѣніе.

Поэтъ и вмѣстѣ воинъ, рыцарь по натурѣ, Кравчинскій жилъ въ это время всѣми фибрами своей души, всѣми сторонами своего существа. Среди революціонеровъ въ это время все болѣе и болѣе зрѣла мысль о томъ способѣ борьбы, который сталъ впослѣдствіи извѣстенъ подъ именемъ „террористическаго", о вооруженныхъ нападеніяхъ на наиболѣе вредныхъ и жестокихъ слугъ деспотизма. Первое такое дѣло, предпринятое организаціей,—противъ Мезенцева, шефа жандармовъ и, слѣдовательно, главнаго преслѣдователя революціонеровъ—было поручено Кравчинскому.

Блистательно выполнивъ его среди бѣла дня на людной улицѣ Петербурга и избѣжавъ немедленныхъ преслѣдованій, онъ продолжалъ жить въ томъ же городѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Теперь дѣло шло о его головѣ. Приближенные Мезенцева открыли даже общественную подписку въ пользу

предателя, который выдастъ, или шпіона, который выслѣдитъ убійцу. Ни доноса, ни спеціальнаго выслѣживанья бояться было нечего, отъ этого вполнѣ охраняла организація, но она не могла охранить отъ случайнаго ареста, отъ послѣдствій собственной неосторожности, а особенной осторожностью Кравчинскій никогда не отличался. Опять явилось у всѣхъ сильнѣйшее желаніе выпроводить его изъ Россіи. На этотъ разъ говорило не одно личное, а также и общественное чувство. За послѣднее время все удавалось революціонерамъ и ничего не удавалось полиціи: ихъ тайная организація въ этотъ моментъ была, очевидно, лучше жандармской. Никто изъ прогремѣвшихъ за послѣднее время людей не былъ арестованъ. Дѣйствовавшая болѣе года типографія, несмотря на большія суммы, назначенныя на ея поимку, была цѣла, и на „Землю и Волю", почти открыто продававшуюся въ Петербургѣ, была даже объявлена подписка „въ мѣстахъ и черезъ лицъ, публикѣ извѣстныхъ". И это не было пустымъ хвастовствомъ. Благодаря организаціи каждый изъ „публики", имѣющій сколько-нибудь значительный кругъ знакомыхъ, могъ дѣйствительно добраться до лицъ, имѣющихъ отношеніе къ „Землѣ и Волѣ", но ни въ какомъ случаѣ, ни умышленно, ни по неосторожности не могъ никого выдать. При такихъ условіяхъ арестъ, казнь такого виднаго человѣка, какъ Кравчинскій, была бы слишкомъ большой удачей для правительства, подкосила бы радостную гордость партіи. Всѣмъ хотѣлось успокоиться на этотъ счетъ. Но уговорить Кравчинскаго уѣхать добровольно въ такой моментъ было немыслимо. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, пока для него придумали, наконецъ, порученіе заграницу, повидимому, очень важное, и выполнить которое всего лучше могъ именно онъ. Кравчинскій поѣхалъ въ полной увѣренности вернуться къ выходу слѣдующаго номера „Земли и Воли", недѣли черезъ три, черезъ мѣсяцъ самое большее... и уже не вернулся.

Разъ онъ оказался въ Швейцаріи, друзья сумѣли создать ему тысячу препятствій для возвращенія, обѣщая позвать его, когда условія будутъ благопріятны. Онъ ждалъ. Условія не улучшались, а становились, наоборотъ, все труднѣе.

Разъ, впрочемъ, уже въ царствованіе Александра III,

когда большія потери, понесенныя организаціей „Народной Воли",—замѣнившей „Землю и Волю",—сдѣлали очень важнымъ для нея присутствіе такого „стараго" революціонера, какъ Кравчинскій, его позвали, обѣщая прислать все необходимое для возвращенія. Онъ отвѣтилъ радостнымъ согласіемъ; но пока онъ ждалъ обѣщаннаго, въ Россіи послѣдовала новая катастрофа, разбившая остатки старой организаціи и всякую надежду для Сергѣя скоро увидать родину.

Потянулись долгіе, сѣрые годы изгнанія. Онъ употребилъ ихъ на упорный, непрерывный литературный трудъ. Въ числѣ его многихъ выдающихся способностей была необыкновенная способность къ языкамъ. Познакомившись съ итальянскимъ языкомъ еще въ тюрьмѣ, онъ теперь написалъ на немъ самое извѣстное изъ своихъ произведеній „Подпольная Россія"—рядъ характеристикъ выдающихся революціонеровъ, а также нѣкоторыхъ сторонъ ихъ дѣятельности, переведенную почти на всѣ европейскіе языки.

Онъ изучилъ потомъ англійскій языкъ и съ 1884 г., переселившись въ Лондонъ, началъ писать почти исключительно по англійски. Въ цѣломъ рядѣ книгъ [1]) публицистическаго характера онъ старался ознакомить англійскую публику съ различными сторонами политической и общественной жизни Россіи. Много упорнаго, добросовѣстнаго труда вкладывалъ онъ въ эти книги, но не увлекался, не удовлетворялся ими: онъ въ сущности насиловалъ для нихъ свой талантъ, который тянулъ его въ другую сторону. Эта работа казалась ему обязательной въ виду поставленной имъ себѣ задачи: создать въ общественномъ мнѣніи Англіи теченіе, враждебное русскому деспотизму и сочувственное русскому освободительному движенію. Для этого же онъ читалъ лекціи о Россіи и писалъ статьи въ газеты. И его усилія далеко не пропали даромъ. Въ безчисленныхъ статьяхъ о Степнякѣ, наполнявшихъ англійскія газеты, въ теченіи 10—15 дней послѣ его смерти, не разъ было указано на то, что своей дѣятельностью онъ повліялъ на мнѣніе о Россіи нѣкоторой

[1]) „Россія подъ царями", „Русскія грозовыя тучи", „Русское крестьянство" и, наконецъ, послѣдняя, недавно вышедшая книга, начатая авторомъ тотчасъ послѣ смерти Александра III, изображающая бѣдствія, причиненныя Россіи этимъ царствованіемъ.

части англійскаго общества. Успѣшности его усилій содѣйствовали также многочисленныя знакомства, дружескія связи, пріобрѣтенныя имъ въ различныхъ слояхъ лондонскаго населенія. Подъ вліяніемъ дошедшихъ изъ Сибири ужасныхъ извѣстій объ избіеніи ссыльныхъ въ Якутскѣ, о казни неоправившихся отъ ранъ жертвъ этого избіенія, и наказаніи розгами политической заключенной на Карѣ, Сигиды, Кравчинскому удалось даже въ 1890 г. образовать изъ англичанъ небольшое общество „Друзей русской свободы", издающее до сихъ поръ газету, посвященную русскимъ дѣламъ. Онъ писалъ также небольшія брошюры и предисловія для русскаго „Фонда Вольной Прессы въ Лондонѣ".

Вся эта обязательная работа мѣшала ему сосредоточиться на той литературной дѣятельности, которая доставляла ему наслажденіе и гдѣ, навѣрное, онъ могъ бы достичь очень многаго.

По крайней мѣрѣ, его первое и единственное крупное произведеніе этого рода, романъ изъ жизни русскихъ революціонеровъ, русскій переводъ котораго издается теперь его вдовой подъ заглавіемъ „Андрей Кожуховъ", является несомнѣнно самымъ значительнымъ его произведеніемъ. Это въ сущности единственное во всей русской литературѣ художественное воспроизведеніе жизни русскихъ революціонеровъ, сдѣланное человѣкомъ, знавшимъ эту жизнь. Дѣйствіе романа схватываетъ именно тотъ моментъ революціонной борьбы, который Кравчинскій такъ ярко пережилъ во время своей послѣдней поѣздки въ Россію.

Хотя въ каждой строчкѣ романа чувствуется горячая нѣжность автора къ его героямъ, но тѣхъ слишкомъ сгущенныхъ красокъ, того восторженнаго лиризма, который замѣчался въ его юношескихъ произведеніяхъ, здѣсь уже нѣтъ. И люди, и событія являются въ этомъ романѣ въ ихъ настоящемъ свѣтѣ и размѣрахъ. Это хорошее произведеніе, хотя ему и пришлось писать его въ самыхъ трудныхъ условіяхъ: на чужомъ языкѣ, воображая передъ собою чужихъ читателей, всѣ привычки которыхъ такъ рѣзко отличаются отъ русскихъ.

Послѣ этого романа ему удалось издать лишь небольшой разсказъ, да осталась неизданной одна драма. Но плановъ относительно этого рода произведеній у него было

множество. Онъ все мечталъ выгодать какъ-нибудь промежутокъ времени, свободный отъ всякихъ текущихъ обязанностей, чтобы цѣликомъ посвятить его художественному творчеству.

Хотя его жизнь была полна дѣятельности, хотя онъ достигъ многаго, тѣмъ не менѣе онъ еще не исчерпалъ, не развилъ до конца всѣхъ способностей, лежавшихъ въ его богато одаренной натурѣ, когда, по ужасной случайности, былъ убитъ, переходя полотно желѣзной дороги, наскочившимъ поѣздомъ [1]).

* *
*

Мы отлично знаемъ, что этотъ краткій перечень событій его жизни не даетъ въ сущности никакого понятія о всей величинѣ утраты, понесенной нашей революціонной партіей, еще меньше говоритъ онъ о живой прелести его личности. Чтобы дать ее почувствовать читателю на нѣсколькихъ страницахъ, нѣсколькими штрихами, для этого нужно бы его перо, перо самого Сергѣя.

„Работникъ", № 1 и 2-й, 1896 г.
Женева.

---

[1]) Чтобы пояснить эту случайность, замѣтимъ, что непосредственно передъ открытымъ проходомъ, на которомъ произошло несчастіе, желѣзная дорога дѣлаетъ крутой поворотъ, и въ ту минуту, когда Кравчинскій переходилъ рельсы, поѣздъ подошелъ къ нему сзади, такъ сказать, изъ-за угла. Свистокъ былъ данъ слишкомъ поздно, а шумъ поѣзда не могъ предостеречь Сергѣя. Этотъ шумъ такъ часто слышенъ въ той мѣстности, что при малѣйшей разсѣянности не доходитъ до сознанія, а Сергѣй „шелъ, глубоко задумавшись", какъ показали на слѣдствіи видѣвшіе катастрофу рабочіе.

Крѣпостная подкладка прогрессивныхъ рѣчей.

Крѣпостная подкладка „прогрессивныхъ“ рѣчей.

(Критическій этюдъ).

„Не угашайте духа“... „Истинный умъ, не показной, не фольговый, въ томъ и состоитъ, чтобы все оживить собою, всему подыскать и надлежащее мѣсто, и надлежащую роль. Въ томъ же состоитъ и истинная человѣчность. Они провозвѣстники мира и счастія, *они ободряютъ* и *успокаиваютъ*, они даютъ надежду, *они вносятъ единеніе*“. (Курсивъ нашъ). Истинный умъ „не съ ироніей, а съ радостнымъ участіемъ встрѣтитъ всякое начинаніе, клонящееся къ торжеству свѣта, истины и любви“. Но зато „какая... предательская, опасная, обоюдоострая вещь“ противоположный этому истинному уму „голый разсудокъ, не вдохновляемый и не направляемый живымъ участливымъ человѣческимъ чувствомъ. „Человѣкъ, обладающій такимъ разсудкомъ, относится къ вопросамъ жизни и къ вопросамъ личности, какъ къ какимъ-то научнымъ задачамъ... съ рѣшеніемъ которыхъ можно дѣйствительно не торопиться. Томленія живой души онъ понять не въ состояніи и поэтому „угашаетъ духъ“. „Хитроумный резонеръ“, онъ ничѣмъ не лучше „того метафизика, который никакъ не хотѣлъ просто вылѣзть изъ ямы, въ которую попалъ случайно“...

Кто этотъ зловредный человѣкъ? Не правда ли, кажется, что это послѣдователь „экономическаго матеріализма“ въ изображеніи гг. В. В., Михайловскаго, Кривенко и проч.? На самомъ же дѣлѣ эти слова написаны въ 1888 г., когда вышеупомянутое несимпатичное направленіе еще не трево-

жило кошмарами мирнаго сна нашихъ добрыхъ писателей. Они взяты нами изъ статьи г. Протопопова „По поводу одной повѣсти“ [1]), а сама повѣсть—„Трудное время“ Слѣпцова была въ первый разъ напечатана въ „Современникѣ“ за 1865 годъ. Какъ приведенныя нами строчки, такъ и вся статья г. Протопопова направлены противъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти злого писателя, Рязанова, представителя отрицательнаго и разъединяющаго направленія 60-хъ гг., и въ то же время въ защиту другого героя повѣсти—добраго помѣщика Щетинина, представителя тогдашняго положительнаго, объединяющаго и практическаго направленія.

Время дѣйствія художественно-правдивой и полной глубокаго смысла повѣсти Слѣпцова — лѣто 1864 года, мѣсто дѣйствія—усадьба Щетининыхъ; сущность содержанія исчерпывается въ главныхъ чертахъ разговорами между вышеупомянутыми лицами повѣсти и еще третьимъ собесѣдникомъ, молоденькой женой Щетинина, для которой эти разговоры—страшно серьезные, несмотря на характерный для 60-хъ гг. шутливый тонъ Рязанова,—имѣли рѣшающее значеніе, совершенно перевернувъ ея внутреннюю, а затѣмъ и внѣшнюю жизнь. Такихъ, рѣшающихъ судьбу людей, споровъ и разговоровъ велось не мало въ 60-хъ и 70-хъ годахъ по дворянскимъ усадьбамъ и по церковнымъ домамъ самыхъ захолустныхъ селъ и деревень.

Все содержаніе повѣсти Слѣпцова выхвачено прямо изъ жизни того момента, подслушаны тѣ разговоры, которые велись именно тогда, и въ то же время въ этой старой повѣсти есть что-то болѣе современное, чѣмъ въ повѣстяхъ и романахъ, наполняющихъ книжки журналовъ за 1897 годъ. И это впечатлѣніе современности еще усиливается, когда къ тремъ главнымъ дѣйствующимъ лицамъ повѣсти въ нашемъ воображеніи присоединяется еще четвертый собесѣдникъ.

Статья г. Протопопова написана съ большимъ чувствомъ. Въ спорахъ Щетинина съ Рязановымъ ея авторъ принимаетъ самое дѣятельное участіе; онъ то подсказываетъ Щетинину аргументы, то, устранивъ своего неnаходчиваго друга, самъ

[1]) „Сѣверный Вѣстникъ“ 1888 г., № 5.

говоритъ отъ его имени, то набрасывается на Рязанова отъ своего собственнаго, пытаясь пристыдить его текстами изъ священнаго писанія. Содержаніе статьи такъ тѣсно связывается въ нашемъ представленіи съ содержаніемъ повѣсти, что при всѣхъ разговорахъ ея дѣйствующихъ лицъ для насъ непремѣнно присутствуетъ и самъ г. Протопоповъ въ качествѣ одного изъ нихъ. Онъ намъ представляется то старымъ родственникомъ Щетинина, то самимъ Щетининымъ, ставшимъ съ годами рѣчистѣе, развязнѣй и усвоившимъ себѣ чувствительный, полный піетизма, жаргонъ, выработавшійся лишь въ 80-хъ гг. и совершенно чуждый не только злымъ отрицателямъ, но и самымъ добрымъ, мирнымъ прогрессистамъ 60-хъ годовъ.

Повѣсть застаетъ Щетинина уже три года хозяйничающимъ въ деревнѣ. Предъ отъѣздомъ изъ Петербурга онъ былъ, очевидно, подъ вліяніемъ людей, охваченныхъ самымъ крайнимъ настроеніемъ того времени. Изъ деревни онъ, по словамъ Рязанова, сперва писалъ ему „чортъ знаетъ что..., куда-то все меня призывалъ... исполнить долгъ честнаго гражданина... объ алтарѣ тамъ... опасный человѣкъ". То же пѣлъ тогда Щетининъ и своей будущей женѣ:

— Когда ты хотѣлъ на мнѣ жениться, что ты мнѣ сказалъ тогда? Вспомни!—упрекаетъ она мужа черезъ нѣсколько недѣль послѣ рокового для ихъ спокойствія пріѣзда Рязанова, котораго Щетининъ пригласилъ на свою бѣду полѣчиться воздухомъ.

— Что я сказалъ?

— Ты мнѣ сказалъ: мы будемъ вмѣстѣ работать, мы будемъ дѣлать великое дѣло, которое, можетъ быть, погубитъ насъ, и не только насъ, но и всѣхъ нашихъ; но я не боюсь этого. Если вы чувствуете въ себѣ силы, пойдемте вмѣстѣ. Я и пошла... я не совсѣмъ понимала... я только чувствовала, я догадывалась. И я пошла бы куда угодно... И чѣмъ же все это кончилось? Тѣмъ, что ты ругаешься съ мужиками изъ-за каждой копѣйки, а я огурцы солю да слушаю, какъ мужики бьютъ своихъ женъ, и хлопаю на нихъ глазами...

Она сперва рѣшила было, что онъ обманулъ ее, но потомъ поняла, что обманъ былъ безсознателенъ. Своихъ фразъ Щетининъ и самъ не понималъ, т. е. не вкладывалъ въ нихъ никакого опредѣленнаго смысла, но въ то время онъ тоже

что-то „чувствовалъ“. Это видно изъ того, что въ моментъ освобожденія онъ предложилъ своимъ бывшимъ крѣпостнымъ ту землю, которой они владѣли, безъ выкупа, но съ условіемъ, „чтобы у нихъ все было общее“. Земледѣльческую артель, должно быть, хотѣлъ завести, а когда крестьяне заупрямились, онъ уступилъ имъ землю даже и безъ этого условія. Тѣмъ не менѣе недоразумѣнія съ крестьянами длились у него цѣлыхъ три года и кончились лишь при содѣйствіи мирового посредника („отличный, братъ, человѣкъ!“ говоритъ о немъ Щетининъ Рязанову).

Тѣмъ временемъ Щетининъ принялся хозяйничать на своей остальной землѣ, представлявшей, очевидно, довольно крупное имѣніе, и постепенно втянулся въ хозяйство, въ чемъ и старается оправдаться предъ Рязановымъ въ первый же день его пріѣзда. Нужно приготовить кое-что для будущихъ дѣтей, говоритъ онъ... „нужно гнѣздо свить“.

— Какого же тебѣ еще гнѣзда?... Или ты, можетъ быть, намѣреваешься для каждаго по курятнику выстроить?—недоумѣваетъ плебей Рязановъ, сынъ сельскаго священника, обремененнаго, какъ многочисленнымъ семействомъ, такъ и страстью къ спиртнымъ напиткамъ. Онъ тутъ же разсказываетъ, какъ его мать, попадья, для каждой дочки въ отдѣльный коробъ приданое копила, изъ-за чего у сестеръ выходили „неимовѣрныя драки! Только одинъ отецъ и помиритъ, бывало: возьметъ да у всѣхъ трехъ приданое-то и пропьетъ“...

— А все-таки, братъ, что ты тамъ ни толкуй, а безъ этого нельзя,—говоритъ Щетининъ.

— Безъ чего нельзя?

— Да безъ того, чтобы не копить.

— Ну, это кому какъ. Одному нельзя не копить, а другому нельзя не пропить...—Щетининъ и на слѣдующій день все продолжаетъ твердить: „нельзя, братъ“, не хозяйничать, „никакъ нельзя“. Но злой Рязановъ никакъ не хочетъ успокоить его подтвержденіемъ, что дѣйствительно молъ нельзя.

— Да,—какъ будто размышляя, сказалъ онъ и потомъ прибавилъ: „звѣрь такой есть—боберъ (слѣдуетъ комическое описаніе бобра)... И теперь куда хочешь ты его посади, хоть на колокольню, дай ему хворостку, онъ сейчасъ начнетъ

плотину строить. Вотъ онъ можетъ о себѣ сказать, что ему безъ этого ужъ никакъ нельзя.

Но, посвящая всѣ свои будничные помыслы хозяйству, Щетининъ сохранилъ—очень смутное, правда—праздничное убѣжденіе, что онъ не просто хозяйничаетъ, а пользу крестьянамъ приноситъ, какое-то соціальное дѣло не то дѣлаетъ, не то собирается дѣлать, хотя въ чемъ оно собственно состоитъ, и самъ не знаетъ. Разсказавъ Рязанову исторію своихъ недоразумѣній съ крестьянами, изъ которой онъ вынесъ убѣжденіе, что тѣ своей выгоды совершенно не понимаютъ, онъ на вопросъ своего собесѣдника:

— Ну, такимъ манеромъ, стало быть, ты совершилъ въ предѣлѣ земномъ все земное?—отвѣчаетъ:

— Какое! Нѣтъ братъ, это еще только начало.

— А еще-то что же?

— А тутъ-то вотъ и начинается настоящее дѣло.

— Уголовное?

— Соціальное, любезный другъ, соціальное.

— Мм—да. Вотъ оно что!.. теперь я начинаю понимать, что ты мнѣ тогда писалъ въ Петербургъ. Да. Ну, такъ какъ же соціальная-то пропаганда...

— Все ты вздоръ городишь... Я знаю, что ты думаешь... Никакихъ я теорій не провожу, я дѣлаю только то, что всякій изъ насъ обязанъ дѣлать... Щетининъ всталъ съ дивана, провелъ рукою по волосамъ и сейчасъ же опять сѣлъ: онъ, повидимому, затруднялся, съ чего начать, и царапалъ клеенку на диванѣ.

— Прежде всего,—заговорилъ Щетининъ, всякое общественное дѣло тогда только можетъ быть прочно, когда оно основано на чисто народныхъ началахъ... Пока народъ не подалъ своего голоса, никакая пропаганда не поведетъ ни къ чему.

— Ну такъ что же?

— А то, что, слѣдовательно, мы должны всѣ наши силы направить на то... Да ты, можетъ быть, спать хочешь?!

Рязановъ выводитъ его изъ затрудненія, подтвердивши, что дѣйствительно хочетъ. На другой день, однако, Щетининъ снова пытается показать себя Рязанову съ праздничной стороны. Онъ, правда, перемѣнился въ противоположность Рязанову, оставшемуся прежнимъ („съ чего мнѣ мѣняться"—

подтверждаетъ гость), но перемѣнился къ лучшему, узналъ дѣйствительность, сталъ практичнѣе.

— Петербургъ,—разсуждаетъ Щетининъ, отучаетъ смотрѣть на вещи прямо, въ васъ исчезаетъ чувство дѣйствительности.

— Да ты это на счетъ выкупныхъ операцій, что ли? — спросилъ Рязановъ.

— Нѣтъ, братъ, я о другомъ говорю. Я говорю о той грубой дѣйствительности, которая насъ окружаетъ... Поживи-ка, братъ, здѣсь, да погляди на насъ, чернорабочихъ, какъ мы тутъ съ сырымъ матеріаломъ управляемся... Вотъ я тебѣ покажу, что это за люди, съ которыми намъ приходится имѣть дѣло... мы должны, мало того, что помогать имъ, но еще убѣждать и упрашивать, чтобы они намъ позволили имъ же быть полезными.

— Какъ это Гамлетъ говоритъ: „нынче добродѣтель должна униженно молить порокъ, чтобы онъ позволилъ ей“...

— Да, братъ, — перебилъ Щетининъ, униженно молить порокъ. Я серьезно говорю. Если взяться за дѣло, такъ ужъ не до ироніи.

— Какая тутъ иронія!—сказалъ Рязановъ:—это ужъ филантропія, а не иронія.

Г. Протопоповъ чувствуетъ сильнѣйшее негодованіе на Рязанова за то, что тотъ такъ холодно отнесся къ „изліяніямъ души“ Щетинина, въ особенности же за то, что, узнавъ о безвозмездной уступкѣ крестьянамъ земли, не обнялъ Щетинина, не пришелъ въ восторгъ, а только спросилъ: „ну, такимъ манеромъ, стало быть, ты совершилъ въ предѣлѣ земномъ все земное?“ „Вотъ это-то именно и значитъ угашать духъ. Это именно мы и называемъ ненужною, а потому безсмысленною жестокостью“ [1]).

Если разсматривать поведеніе Рязанова въ предѣлахъ повѣсти, такъ надо вспомнить, что вѣдь онъ разстался со Щетининымъ въ такой моментъ, когда тотъ былъ не помѣщикомъ, а недавно кончившимъ курсъ студентомъ, собиравшимся „дѣлать великое дѣло“ и „погибнуть“. Въ томъ міркѣ, гдѣ они оба тогда вращались, не могло быть ни ма-

---

[1]) „Сѣверный Вѣстникъ“ 1888 г. № 5. „По поводу одной повѣсти“, стр. 7.

лѣйшаго сомнѣнія относительно принадлежности крестьянамъ той земли, которою они владѣли, да и остальное-то имущество Щетинина находилось, по всему вѣроятію, въ нѣкоторомъ подозрѣніи. Если бы въ то время кто-нибудь вздумалъ расхваливать Щетинина за такой поступокъ, онъ долженъ бы обидѣться. Похвалы намекали бы на предположеніе, что онъ могъ поступить и иначе. Къ Щетинину-помѣщику Рязановъ еще только присматривался. Иронія его фразы относилась, конечно, не къ факту уступки земли крестьянамъ, а къ новому положенію Щетинина, къ его превращенію въ бобра. Щетининъ такъ и понялъ Рязанова и тотчасъ же принялся увѣрять его, что не просто хозяйничаетъ, а „соціальное дѣло" дѣлаетъ. Онъ не понялъ только, что съ точки зрѣнія Рязанова ему дѣйствительно слѣдовало, разъ онъ превратился въ помѣщика, отбросить фразы о „соціальномъ дѣлѣ" и ужъ въ особенности всякія претензіи знать пользу крестьянъ лучше ихъ самихъ. Но г. Протопоповъ говоритъ, что его статья „не этюдъ по индивидуальной психологіи. Не характеры нашихъ героевъ интересуютъ насъ, а ихъ относительное положеніе, ихъ взаимная группировка и общественные результаты, отсюда вытекающіе" [1]). То же самое интересуетъ и насъ.

Но неужели же г. Протопопову и съ этой болѣе общей точки зрѣнія кажется, что просвѣщенные помѣщики того времени получили недостаточно похвалъ и ободренія? Полную дань всѣхъ этихъ благъ получила уступившая землю безъ выкупа дюжина людей 40-хъ годовъ и та горсть юныхъ дворянъ, которыхъ реформа застала добрыми студентами и въ то же время самостоятельными владѣльцами имѣній. Но не только эта капля въ помѣщичьемъ морѣ, дѣйствительно совершившая „въ предѣлѣ земномъ все земное", а все наше образованное общество, „вынесшее на своихъ плечахъ великую идею освобожденія крестьянъ съ землею" и получившее по повышенной оцѣнкѣ за плохую землю великолѣпнѣйшій выкупъ, прославлялось безъ конца и ставилось въ примѣръ всѣмъ Европамъ за свою „безкорыстную преданность народному благу", хотя и представить себѣ невоз-

---

[1]) Ibid, стр. 20.

можно, на какихъ бы это еще болѣе выгодныхъ условіяхъ можно было освободить крестьянъ?

О преданности образованнаго общества того времени благу народа сложилась, и до сихъ поръ живетъ, не смотря на начинающую подтачивать ее историческую критику, цѣлая легенда. Неужели было такъ плохо, что въ этотъ самодовольный хоръ вмѣшалась насмѣшливая, истребляющая фразы нотка отрицателей? Но вернемся къ повѣсти.

Сейчасъ же вслѣдъ за разговоромъ о недостаткахъ сырого матеріала, съ которымъ „намъ приходится имѣть дѣло", одинъ изъ представителей этого сырого матеріала приходитъ выпрашивать свою загнанную телушку. Щетининъ требуетъ 2 р. 20 к. штрафу за потраву, показываетъ мужику таксу и заявляетъ, что штрафъ на него самъ законъ накладываетъ. „Пойми, что мнѣ твоихъ денегъ не нужно", внушаетъ онъ кланяющемуся въ ноги собственнику взятой въ плѣнъ телушки, „я отъ этого не разбогатѣю. Я беру съ тебя штрафъ для того, чтобы ты былъ впередъ осмотрительнѣе, зря не распускалъ бы скотины. Сами же вы благодарить будете, что васъ уму-разуму учатъ...

— И такъ много довольны. Благодарю покорно,—лицемѣрилъ мужикъ, но телушки такъ-таки и не выпросилъ. Загонянье крестьянской скотины получило тотчасъ же послѣ освобожденія громадное распространеніе среди какъ либеральныхъ, такъ и реакціонныхъ помѣщиковъ. Первые украшали это занятіе фразами о пользѣ самихъ крестьянъ, о внушеніи имъ уваженія къ закону и собственности. Послѣдніе откровенно руководствовались, которые побогаче—желаніемъ показать крестьянамъ, что при волѣ имъ стало хуже, а побѣднѣе просто видѣли въ этомъ лишнюю статью дохода.

Загнанная скотина играетъ немалую роль и въ дѣятельности Щетинина. У него имѣется письмоводитель. „Да что письмоводитель? Чорта ли тутъ? — характеризуетъ этотъ послѣдній свою дѣятельность Рязанову: „Дѣла... Какія дѣла?.. Теленокъ въ огородъ зашелъ, на грошъ потравы, на четвергакъ навозу одного накладетъ. Дѣло!.. Посредникъ... Судитъ... Я говорю, Александръ Васильевичъ (имя Щетинина): палкой ихъ... У него обыкновенно одинъ разговоръ—изъ газетъ... Гуманность"!..

Этотъ письмоводитель большой скептикъ, и немудрено.

Результаты педагогическихъ порывовъ Щетинина гораздо виднѣе ему, чѣмъ барину. Тотъ же мужикъ, который, упрашивая Щетинина, кланяется ему и благодаритъ за науку, въ разговорѣ съ письмоводителемъ не стѣсняется въ выраженіи своихъ чувствъ по поводу загнанной телушки. Пусть только зайдетъ къ нему щетининская скотина—онъ и загонять не станетъ.

— Это тягайся тамъ съ вами еще! А не замай же, я ей ноги переломаю, она лучше ходить не станетъ.

— Вотъ ты поговори еще!

— Право слово, переломаю.

— Нѣтъ, я вижу, ты еще не умѣешь молить порокъ, чтобы онъ тебѣ позволилъ оштрафовать себя, — замѣчаетъ Рязановъ по удаленіи мужика.

— Такая дрянь — мужиченка, — принимается пояснять свое поведеніе Щетининъ:—когда ему нужно что-нибудь, такъ клянчитъ, а случись, что понадобится купить у него десятокъ яицъ, такъ готовъ рубашку снять. Не лучше и другіе.—Тутъ Щетининъ говоритъ не газетныя, а свои собственныя слова, но тотчасъ же спохватывается и снова переходитъ къ газетнымъ.

— Нужно внушить имъ побольше довѣрія, — говоритъ онъ:—нужно, чтобы мы сами къ себѣ были построже, тогда и они будутъ...

— Дешевле брать за яйца, вѣроятно,—подсказываетъ Рязановъ.

— Нѣтъ, будутъ строже къ себѣ...

— Съ какой стати?

— А съ такой стати, что сами увидятъ.

— Что?

— Да что такъ лучше...

— А самъ-то ты вѣришь, что такъ лучше будетъ?

Вопросъ, въ сущности, какъ нельзя болѣе серьезный, но Щетининъ, не вкладывавшій опредѣленнаго смысла въ свои газетныя рѣчи, считавшій ихъ аксіомами, не требующими доказательства, не понялъ вопроса и отвѣтилъ газетной же фразой о томъ, что всякій дѣятель вѣритъ въ свое дѣло.

Бѣдный Щетининъ скоро потерялъ всякую надежду показать Рязанову, въ чемъ же заключается его работа надъ „сырымъ матеріаломъ“.

Недѣли черезъ двѣ Рязановъ спросилъ его:

— Что ты такое началъ разсказывать, когда я пріѣхалъ, помнишь? Про какое-то соціальное дѣло...

— Нѣтъ, оставь это—прошу я тебя: сдѣлай милость, оставь,—отвѣтилъ Щетининъ.

Не меньше сосѣднихъ крестьянъ доставляли Щетинину огорченій и его собственные рабочіе и прислуга. Нанятые имъ плотники „не перемѣтили нижніе вѣнцы въ постройкѣ, перепутали, вышло скверно".

— Ужъ я ихъ ругалъ, ругалъ, — говоритъ Щетининъ женѣ, но, замѣтивъ Рязанова, начинаетъ пояснять ему весь размѣръ вины плотниковъ. Пришли оборванные, умоляли взять на работу. Онъ такую плату назначилъ, которой они нигдѣ бы не получили, задатки выдалъ, а они вмѣсто благодарности убытку ему рублей на 50 сдѣлали, хорошо ли это? Рязановъ соглашается, что нехорошо.

— Ну, не имѣлъ ли я права называть ихъ мошенниками?—подхватываетъ ободренный Щетининъ.

Рязановъ отвѣчаетъ, что не имѣлъ ни малѣйшаго. Они не крѣпостные, ругательство это личное оскорбленіе, а вотъ убытки съ нихъ взыскать черезъ мирового посредника—это онъ можетъ.

— А что бы ты сказалъ, — спросилъ Щетининъ, — если бы я въ самомъ дѣлѣ такъ поступилъ?

— Сказалъ бы, что ты примѣрный хозяинъ и человѣкъ послѣдовательный,—отвѣтилъ Рязановъ.

Щетининъ возражаетъ, что въ практическихъ дѣлахъ нельзя требовать послѣдовательности.

— Ну, да. Съ насъ нельзя требовать, а съ плотниковъ можно. Это такъ.

— Нѣтъ, неправда. Этого и сравнивать нельзя,—возразилъ Щетининъ.

— Почему же?

— А потому, что прежде всего у нихъ нѣтъ никакой опредѣленной цѣли, къ которой бы они стремились. Они только о томъ и стараются, чтобы работать какъ можно меньше, а получать какъ можно больше.

— Мм... Что же, это, по моему, цѣль довольно опредѣленная. Какой же тебѣ еще? Ты вѣдь, кажется, говорилъ, что у нихъ нѣтъ никакой.

— Да развѣ это цѣль?

— Что же это такое?

— Это такъ, чортъ знаетъ что, какое-то безсознательное стремленіе.

— Стремленіе! Стремленіе, обыкновенно, предполагаетъ и цѣль. Ну, да хорошо, положимъ, стремленіе, и при томъ безсознательное. Къ чему же они стремятся? Къ тому вотъ, какъ ты говоришь, чтобы какъ можно меньше работать и какъ можно больше получать. Ты находишь, что это стремленіе нехорошее. Ну, а теперь позволь тебя спросить, ты самъ-то къ чему же стремишься? Къ тому, чтобы какъ можно больше работать и какъ можно меньше получать? Такъ что ли?

— Н—нѣ...

— Ну, такъ что же тутъ разговаривать еще! Стало быть, стремленія-то у насъ съ ними одни и тѣ же; разница только въ томъ, что мы сознательно желали бы ихъ приспособить къ нашему хозяйству, они же, какъ всѣ глупорожденные, безсознательно упираются и всячески стараются схитрить. Ну, а на этотъ случай у насъ средства такія имѣются для понужденія ихъ... Вотъ и хороводимся мы такимъ маперомъ, и долго еще будемъ хороводиться, доколѣ мѣра беззаконій нашихъ не исполнится. Только зачѣмъ же тутъ церемониться-то ужъ очень, нюни-то разводить зачѣмъ, я не понимаю. Штука эта самая простая, и весь вопросъ въ томъ, кто кого; стало быть, главная вещь—не конфузься...

То же старается Рязановъ выяснить своимъ собесѣдникамъ и въ другихъ разговорахъ на подходящія темы. Онъ постоянно сводитъ просвѣщенное дворянство на одинъ уровень съ тѣмъ, якобы „сырымъ матеріаломъ", надъ которымъ оно имѣетъ претензію трудиться. Цѣли у васъ съ нимъ однѣ, а интересы противоположны, и между вами идетъ борьба, въ которой вы, гг. дворяне, вооружены и прямо и косвенно неизмѣримо лучше своихъ противниковъ. Получать при этомъ еще и нравственные барыши, въ видѣ претензіи знать интересы своихъ противниковъ лучше ихъ самихъ, и чувствовать себя заслуживающими ихъ благодарности—это ужъ отъ лукаваго.

У Щетинина это лукавство безсознательно, въ истинности усвоенной имъ фразеологіи онъ не сомнѣвается, но

сама безсознательность-то до извѣстной степени умышленна, онъ не хочетъ разставаться съ ней, онъ защищается противъ того сознанія, которымъ быстро проникается не заинтересованная въ безсознательности Марья Николаевна.

Еще одинъ образчикъ разговоровъ на ту же тему.

Посланный за покупками слуга Щетинина пропилъ три рубля. Щетининъ, конечно, разсерженъ, обиженъ. Онъ предлагаетъ Рязанову представить себя на его мѣстѣ и сказать, какъ бы онъ поступилъ. Рязановъ отказывается: дѣло идетъ о томъ, какъ отомстить за обиду, а онъ никакой обиды не чувствуетъ. Въ положеніи Щетинина онъ никогда не будетъ, и какъ поступилъ бы на его мѣстѣ,—не знаетъ.

— Я одного только не понимаю,—разсуждаетъ не добившійся отвѣта Щетининъ,—почему не сказать прямо. Если бы онъ мнѣ сказалъ: „я ѣду на ярмарку, я хочу пьянствовать". Я бы ему, не говоря ни слова, цѣлковый въ руки,— ступай, батюшка... Объ одномъ прошу только, скажи прямо! Нѣтъ, обманомъ, видишь-ли, лучше. „Помилуйте, я, говоритъ, теперь закаялся, капли въ ротъ не беру". Согласись, что это подло?

— Что подло? Закаиваться?

— Нѣтъ, обманывать.

— Соглашаюсь, что вообще, въ принципѣ, обманывать подло.

— Ну, вотъ. Я только объ этомъ и говорю. Скажи прямо.

— Да, я вотъ буду къ тебѣ въ карты смотрѣть. Это ничего; а ты ко мнѣ не смотри,—это подло. А то я, пожалуй, и смотрѣть не буду: скажи прямо, какія у тебя карты. Это прелестно.

— Совсѣмъ не то. Играть, такъ, по моему, играть на чести.

— Я не знаю, зачѣмъ ты тутъ такія слова примѣшиваешь. На чести! Врагъ всегда поступаетъ подло; и чѣмъ подлѣе, тѣмъ больше ему чести.

— Ну, нѣтъ, братъ, я не желаю придерживаться такихъ правилъ...

— Ты, можетъ быть, желаешь уподобиться Аристиду и побѣждать враговъ великодушіемъ. Такъ это ты можешь,— говоритъ потомъ Рязановъ.

— Что же такое? Ну, желаю,—подтверждаетъ Щетининъ.

— Да. Оно, конечно, съ одной стороны и возвышенно... да только, въ хозяйскомъ то дѣлѣ, я полагаю, не безубыточно.

— Это мое дѣло.

— Разумѣется. Никто тебѣ и не мѣшаетъ. Ну, а вотъ разсчитывать на великодушіе противника,—это ужъ, братъ, по моему штука рискованная.

Надо замѣтить, что этотъ разговоръ происходитъ ужъ послѣ объясненій Щетинина съ женой и брошеннаго ею обвиненія, что вмѣсто великаго дѣла и всякихъ жертвъ, на которыя онъ ее звалъ, онъ ругается съ мужиками изъ-за копѣекъ, и что они—„помѣщики, какъ помѣщики“.

Бѣднягѣ Щетинину хочется показать, что, если онъ и ругается съ пропившимъ три рубля Ѳедькой Скворцовымъ, такъ виноватъ же не онъ, а Ѳедька, и ругается онъ не изъ-за денегъ собственно, а ему обидно отсутствіе въ Ѳедькѣ прямоты и откровенности.

Г. Протопоповъ пытается помочь въ этомъ Щетинину, выразивъ его чувства болѣе высокимъ слогомъ. Дѣло идетъ не объ обидѣ, возражаетъ онъ Рязанову, а „о принципѣ, объ установленіи правильныхъ отношеній между хозяиномъ—и его рабочими“.

Надѣленный лишь „голымъ разсужденіемъ“ безъ всякаго чувства, Рязановъ „не понимаетъ, что въ лицѣ своего пріятеля, онъ имѣетъ не злобнаго и хищнаго эксплуататора... а, наоборотъ, имѣетъ человѣка, который жаждетъ внести въ свои отношенія къ подчиненнымъ людямъ правду и справедливость“ [1]).

Но возраженія г. Протопопова попадаютъ мимо цѣли: Рязановъ, конечно, не считаетъ своего пріятеля ни злостнымъ, ни хищнымъ эксплуататоромъ, а добродушнымъ помѣщикомъ, желающимъ воображать, будто примѣняетъ на практикѣ какіе-то обрывки привезенныхъ изъ Петербурга хорошихъ словъ. Но онъ видитъ тоже, что подъ неотразимымъ вліяніемъ его помѣщичьяго положенія хорошія слова превратились у него въ самыя лживыя и нелѣпѣйшія претензіи, только увеличивающія необходимость для него безпрерывно ругаться изъ-за копѣекъ.

---

1) Ibid, 9, 10.

Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ хоть требованіе отъ рабочихъ прямоты и откровенности, „Объ одномъ прошу, говори прямо“. Просилъ ихъ объ этомъ Щетининъ, вѣроятно, въ самой общей формѣ, не иллюстрируя своей просьбы никакими конкретными примѣрами, а рабочіе, по всему вѣроятію, такъ же мало обращали вниманія на эти просьбы, какъ и на всѣ прочіе „разговоры изъ газетъ о гуманности“.

Но если бы онъ ясно растолковалъ рабочимъ, что стоитъ кому-нибудь изъ нихъ „прямо сказать“: „хочу пьянствовать“, чтобы получить рубль, охотниковъ нашлось бы не мало, въ особенности, если бы рубль выдавался не въ счетъ заработной платы. Почувствовали бы учащенное желаніе выпить даже и тѣ, которые раньше не пили. Чтобы не воспользоваться такимъ предложеніемъ, найти его ниже своего достоинства, нужно такое развитіе самосознанія, такая классовая гордость, которой не могло еще быть у вчерашнихъ крѣпостныхъ. „Прямоту“ Щетининъ получилъ бы, но что сталось бы съ его хозяйствомъ? и не счелъ ли бы онъ откровенность рабочихъ еще большей „подлостью“, чѣмъ ихъ прежнюю непрямоту? Но не такая картина мелькала, конечно, въ воображеніи Щетинина при мысли о „прямотѣ“. Ему хотѣлось бы, чтобы сырой матеріалъ отдалъ на его усмотрѣніе свои помыслы и желанія. Никогда бы не напивался, не лѣнился и проч. безъ его разрѣшенія. И тогда—Щетининъ обѣщаетъ это Рязанову и своей женѣ—онъ будетъ, смотря по заслугамъ, позволять рабочимъ иной разъ и выпить, и полѣниться.

Какъ Щетинину, такъ и г. Протопопову (по крайней мѣрѣ, въ томъ преисполненномъ христіанской любви настроеніи, въ какомъ онъ писалъ свою статью) такія отношенія между хозяиномъ и его рабочими, представляющія идеализированную копію съ крѣпостныхъ отношеній, могли показаться правильными. Для Рязанова же, представителя отрицательнаго, плебейскаго направленія, они не могли не представляться самыми неправильными—при наемномъ трудѣ, какія только можно вообразить себѣ. Мечта же о такихъ отношеніяхъ, при своей полнѣйшей неосуществимости, вела только къ лишнему раздраженію и „распусканію нюнь“ со стороны Щетинина. Къ тому же вели и другія фразы, при помощи которыхъ онъ полусознательно пытался

подняться на пьедесталъ по сравненію съ сырымъ матеріаломъ.

Что, если бы, напримѣръ, вмѣсто нелѣпыхъ фразъ о собственной пользѣ крестьянина, о благодарности и наукѣ, Щетининъ откровенно заявилъ бы хозяину загнанной телушки, что неукоснительно пользуется своимъ правомъ взять съ него 2 руб. 20 коп. за то, что тотъ такъ же неукоснительно воспользовался возможностью сорвать съ него въ три-дорога за яйца? Такимъ правдивымъ образомъ мотивированный отказъ былъ бы, конечно, точно также огорчителенъ для мужика, но раздраженія вызвалъ бы, вѣроятно, гораздо меньше. Такъ поступить могъ бы онъ самъ съ насолившимъ ему сосѣдомъ: какъ аукнется, такъ и откликнется. Такой мотивъ былъ бы понятенъ крестьянину. Но чтобы кто-нибудь сталъ дѣлать человѣку пакость не по злобѣ и не для своей пользы, а для его же собственной—этого нельзя понять, этому невозможно повѣрить. Съ бариномъ, несущимъ такіе „сумасшедшіе пустяки", нельзя говорить серьезно, съ нимъ нельзя разсчитать заранѣе, что онъ сдѣлаетъ, чего не сдѣлаетъ, остается только, хочешь, не хочешь, врать ему на каждомъ шагу и ловить случай получить съ него какую-нибудь выгоду.

Простое объясненіе своей неумолимости въ вопросѣ о телушкѣ, сорвавшееся у Щетинина въ разговорѣ съ Рязановымъ, ставило его на одинъ нравственный уровень съ обыкновеннымъ „буржуазнымъ" хозяиномъ, но открывало возможность болѣе резонныхъ и спокойныхъ отношеній съ крестьянами. Помня свойства своей телушки, мужикъ могъ поостеречься заламывать въ другой разъ непомѣрную цѣну за яйца. Съ другой стороны, неприкрашенная фразерствомъ охота за телушками могла бы опротивѣть и самому Щетинину. Вѣдь онъ, дѣйствительно, не хищный.

Но взаимное раздраженіе, война и неурядица шли въ хозяйствѣ не однихъ Щетининыхъ, а представляли и продолжаютъ представлять обычное явленіе по всему лицу помѣщичьей Россіи. Не фразы, слѣдовательно, причинили его? Конечно, нѣтъ, такъ какъ и сами фразы-то на почвѣ хозяйства тотчасъ выродились въ одно изъ видоизмѣненій болѣе общаго явленія.

Щетининъ ищетъ отъ своего хозяйства не одной мате-

ріальной, а также и нравственной выгоды. Ему хочется воображать, что онъ не просто хозяйничаетъ, а не то дѣлаетъ, не то собирается дѣлать какое-то соціальное дѣло. Во всѣхъ столкновеніяхъ съ крестьянами, съ батраками его раздражаютъ не одни убытки, а отсутствіе съ ихъ стороны довѣрія, откровенности, благодарности и проч., разсчитывать на которыя онъ чувствуетъ себя въ правѣ. У него эти претензіи являются слѣдствіемъ видоизмѣнившихся подъ вліяніемъ хозяйства остатковъ вывезенныхъ имъ изъ университета прогрессивныхъ идей. Но это требованіе отъ „меньшихъ братьевъ" не однихъ матеріальныхъ, а также и нравственныхъ выгодъ раздѣляла со Щетининымъ почти вся масса хозяйничавшихъ дворянъ. Только основанія для требованій были различны. Одни требовали „преданности и уваженія" во имя своей дворянской бѣлой кости, своего потомственнаго превосходства, другіе на томъ основаніи, что дворянство является наиболѣе культурнымъ классомъ, и у всѣхъ, не исключая и Щетинина, подкладкой этихъ капризныхъ требованій является психическій складъ, выработанный крѣпостнымъ правомъ. Несомнѣнно, что помѣщики дворянскаго типа, хотя и не пренебрегали самыми разнообразными способами пріобрѣтенія дешеваго труда, никогда не могли выжать изъ этого труда столько пользы, сколько выжимаютъ хозяева буржуазнаго типа, и тѣмъ не менѣе „воевать" со всей окружающей бѣднотой первымъ всегда приходилось гораздо больше, чѣмъ послѣднимъ.

Дѣло въ томъ, что крестьянину нетрудно изучить простую, такъ сказать, хозяйственную душу буржуа и рѣшить, что можно съ него взять, чего нельзя и насколько возможно на его работѣ щадить свою силу. Но для того же крестьянина нѣтъ ни малѣйшей возможности приноровиться къ капризной, сложенной изъ двухъ частей, хозяйственной душѣ барина—въ особенности же къ хозяину щетининскаго типа, который и самъ-то не знаетъ, чего ему именно нужно.

Отсюда безпрерывный соблазнъ безустанно пробовать, насколько можно „отлынивать" отъ ихъ работы, что можно получить съ нихъ на такой или иной манеръ, а отсюда и неизбѣжность безпрерывной, острой войны.

Народники горько жалуются на возрастающій переходъ

дворянскихъ земель въ руки буржуазіи, и нѣтъ сомнѣнія, что буржуазныя руки умѣютъ лучше эксплуатировать крестьянскій трудъ. Но что значатъ тѣ немногія выгоды, которыя доставляла крестьянамъ двойственность барской души и ея капризы, по сравненію съ тѣми бѣдствіями, которыя накликали на деревни баре, нуждающіеся въ сверхэкономической помощи своей экономической безпомощности?

Г. Протопоповъ очень недоволенъ „ненаходчивостью“ Щетинина въ его спорахъ съ Рязановымъ; знай онъ только тѣ слова, которыя знаетъ г. Протопоповъ, и все дѣло было бы въ шляпѣ. Поэтому онъ беретъ на себя трудъ „сдѣлать то, чего не сумѣлъ сдѣлать Щетининъ“, рѣшаетъ „присмотрѣться къ логикѣ Рязанова“.

„Идеалу „какъ можно меньше работать и какъ можно больше получать“ онъ (Рязановъ) противопоставляетъ идеалъ „какъ можно больше работать и какъ можно меньше получать“ и, такъ какъ нелѣпость этого послѣдняго идеала очевидна, то ясно, что „стремленія у насъ съ ними одни и тѣ же“. Кому ты это, мой мудрый другъ, говоришь? могъ бы спросить Щетининъ. Отдавши крестьянамъ даромъ землю, я, надѣюсь, доказалъ по крайней мѣрѣ хоть то, что мой идеалъ состоитъ не въ возможно большей получкѣ [1])...

Г. Протопоповъ приготовилъ для своего друга довольно длинную рѣчь, и мы приведемъ ее всю, но позволимъ себѣ теперь же прервать эту рѣчь нѣсколькими замѣчаніями. Въ качествѣ союзниковъ Рязанова намъ нечего бояться упрека въ невѣжливости, такъ какъ, по мнѣнію г. Протопопова, „поведеніе Рязанова относительно Щетинина идетъ въ разрѣзъ не только съ условными человѣческими правилами общежитія, но и съ нравственной правдой, съ божественными заповѣдями и завѣтами“. Такъ ужъ одно къ одному!

Итакъ, „идеаломъ“ Щетинина, тѣмъ идеаломъ, о которомъ онъ вспоминалъ по праздникамъ, были, конечно, не „получки“, а все тѣ же земледѣльческія артели („чтобы у крестьянъ все было общее“), которыя и теперь еще служатъ

---

[1]) Ibid., стр. 10.

утѣшеніемъ для всѣхъ благочестивыхъ душъ народничества. Возможно большія (при отсутствіи всякихъ сверхштатныхъ притѣсненій или жестокостей) получки были для Щетинина не идеаломъ, а цѣлью его неустанныхъ будничныхъ стремленій, его ежедневныхъ хлопотъ по хозяйству. По праздникамъ онъ, правда, смутно связывалъ эти хлопоты съ будущимъ приготовленіемъ почвы для посѣва идеала; но прямо и непосредственно эти хлопоты освящались для него наложенной имъ на себя обязанностью копить деньги и вить гнѣзда для своихъ будущихъ дѣтей. Это-то реальное стремленіе Щетинина Рязановъ и ставитъ на одну доску съ стремленіемъ рабочихъ Щетинина получить отъ него за свой трудъ какъ можно больше. А затѣмъ: однимъ поступкомъ нельзя разъ навсегда доказать отсутствіе или присутствіе въ себѣ тѣхъ или иныхъ стремленій или качествъ. Это во-первыхъ, а во-вторыхъ: щедрость ничуть не противорѣчитъ самому интенсивному стремленію къ возможно большимъ получкамъ. Англійская буржуазія, напримѣръ, жертвуетъ огромныя суммы на различныя филантропическія цѣли, но ни ей самой, ни другому кому не приходитъ въ голову заподозрить ее въ равнодушіи къ большимъ получкамъ. Щедрость, подарки и пожертвованія относятся къ области расходованія уже имѣющихся у человѣка средствъ. Это одинъ изъ видовъ потребленія, могущій, смотря по вкусу, доставить не меньше удовольствія, чѣмъ пріобрѣтеніе предметовъ роскоши или упражненія за зеленымъ столомъ. На ряду съ другими потребностями высшихъ классовъ оно можетъ служить даже лишнимъ стимуломъ къ усиленному пріобрѣтательству.

Но пора возвратить слово Щетинину конца 80-хъ годовъ: „я именно хлопочу о справедливости", говоритъ этотъ Щетининъ въ статьѣ г. Протопопова, „ищу той нормы труда и той нормы вознагражденія за трудъ, которыя, по возможности, были бы безобидны для обѣихъ сторонъ. Кромѣ идеала „поменьше труда и побольше вознагражденія" и другого, тобою, мой иронической другъ, сочиненнаго на смѣхъ идеала „побольше труда и поменьше вознагражденія", существуетъ у порядочныхъ людей стремленіе къ установленію правильнаго отношенія между трудомъ и заработкомъ.

„Вотъ объ этомъ-то я и хлопочу, изъ-за этого-то и „це-

ремонюсь" и „нюни развожу": церемонюсь обирать другихъ и развожу нюни отъ стыда и печали, когда обираютъ меня. Въ моихъ отношеніяхъ къ рабочимъ много лжи и несправедливости, но не какой-нибудь спеціальной, а той общей лжи, которая проникаетъ всѣ современныя экономическія отношенія и условія. Не мнѣ реформировать эти общія условія — „дѣла вѣковъ поправлять не легко"; но я человѣкъ честный, и по крайней мѣрѣ въ своей бѣдной сферѣ, на своей узкой аренѣ хотѣлъ бы сдѣлать все, что возможно для того, чтобы сберечь свое право и не посягнуть неосторожно на чужое. Дѣло это не шуточное, жизненное, и зубоскалить тутъ не надъ чѣмъ.

„Такъ могъ бы отвѣтить каждый на мѣстѣ Щетинина, но такъ не сумѣлъ отвѣтить нашъ бѣдный герой, потому что гдѣ же ему тягаться съ Рязановымъ, словесныхъ дѣлъ мастеромъ, и угоняться за его софизмами! Но вы видите все-таки, что это не „галопирующая корова" (мнѣніе Писарева о Щетининѣ), а ищущій и не обрѣтающій человѣкъ. Вмѣсто хлѣба онъ получаетъ камень—его ли въ этомъ вина?" [1]) Г. Протопоповъ думаетъ, что это вина Рязанова. „Представь себя въ моемъ положеніи" проситъ его Щетининъ, а онъ не хочетъ, тогда какъ, по мнѣнію г. Протопопова, „представить себя трудящемуся человѣку въ положеніи хозяина или въ положеніи рабочаго нисколько не мудрено. Больше того: при условіяхъ современной культурной жизни работнику физическаго, такъ же какъ и работнику умственнаго труда, гораздо больше шансовъ играть только одну изъ этихъ ролей — работника или хозяина — нежели совмѣстить въ своемъ лицѣ оба эти амплуа". (Совершенно вѣрно, но именно потому, что эти амплуа исключаютъ другъ друга, нельзя представить себя сразу въ обоихъ—надо выбирать). „Умные люди, продолжаетъ г. Протопоповъ, тѣмъ и умны, что могутъ и должны судить о явленіяхъ, о положеніяхъ на основаніи общихъ своихъ воззрѣній, а не одного личнаго опыта" [2]). Опять таки вѣрно, но и на основаніи общихъ воззрѣній нельзя судить о положеніяхъ нанимаемыхъ и нанимателей (хотя бы самыхъ добрыхъ) и объ ихъ

[1]) Ibid. стр. 11.
[2]) Ibid. 9, 10.

взаимныхъ отношеніяхъ, въ особенности же о наилучшихъ условіяхъ для установленія „нормы труда и вознагражденія“, не ставши на опредѣленную точку зрѣнія, на ту или другую сторону. Мы знаемъ, правда, что не только г. Протопопову, а многимъ изъ его товарищей по разнымъ журналамъ, людямъ съ гораздо большими теоретическими претензіями, кажется, что при помощи такихъ словъ, какъ „справедливость, добро, любовь, истина“, а въ особенности „народъ“ и „общество“—словъ, затасканныхъ ими до полной потери опредѣленнаго смысла—имъ удается взглянуть „шире“, объединить въ своемъ представленіи весь народъ, все общество и все человѣчество. Но это имъ только такъ кажется. На самомъ же дѣлѣ они смотрятъ на „весь народъ“ изнутри самой маленькой части „общества“, они разсматриваютъ его съ точки зрѣнія очень добраго интеллигентнаго барина. И нравственные интересы этого барина, его сила и красота загораживаютъ отъ нихъ истинные размѣры и соотношеніе всѣхъ остальныхъ силъ, борящихся въ дѣйствительномъ мірѣ.

Что слѣдуетъ понимать подъ „справедливостью“, о которой „хлопочетъ“ Щетининъ? Слово „справедливость“ часто употребляется такъ, какъ будто бы имѣло одинъ общій для всѣхъ смыслъ. Но уже изъ самой рѣчи Щетинина оказывается, что въ отношеніяхъ, о которыхъ тамъ говорится, существуетъ по меньшей мѣрѣ двѣ справедливости или, вѣрнѣе, двѣ несправедливости (и двѣ „лжи“): одна „общая“, которая проникаетъ всѣ современныя экономическія отношенія и условія, а другая „спеціальная“. Общей несправедливостью Щетининъ пользоваться согласенъ, но не желаетъ учинять спеціальной. Поэтому онъ „ищетъ нормы труда и нормы вознагражденія“. Говоритъ „ищу“, но тотчасъ же оказывается, что эту „норму“ онъ уже нашелъ и, „церемонясь“ нарушать ее въ свою пользу, „разводитъ нюни отъ стыда и печали“, когда другая сторона стремится нарушить ее въ свою. Свои „права“ Щетининъ тоже отлично знаетъ и желаетъ „оберечь“ ихъ, не „посягая“ на чужія. Чего же ему собственно надо? О чемъ онъ ноетъ? Оберегай себѣ на здоровье и не посягай! Однако, при нашихъ условіяхъ, поводъ для нытья у добраго барина дѣйствительно имѣется.

„Современныя отношенія и условія“ даютъ хозяину право

стремиться получить на свой капиталъ (въ землѣ, скотѣ и орудіяхъ труда, въ щетининскомъ случаѣ) возможно большую прибыль. Съ точки зрѣнія хозяина, какъ таковаго, „справедливость“ требуетъ, чтобы процентъ этой прибыли былъ не меньше средняго. Съ этимъ сообразуются и его представленія о „правильномъ отношеніи между трудомъ и заработкомъ“. При буржуазныхъ отношеніяхъ между хозяиномъ и рабочими, основанныхъ на вольнонаемномъ трудѣ (въ противоположность барскимъ, основаннымъ на крѣпостномъ трудѣ) нанимаемые тоже имѣютъ право стремиться, безъ всякихъ постороннихъ препятствій, къ возможно большему заработку за возможно меньшій трудъ, и тѣмъ самымъ вносить практическія поправки въ хозяйскую идею о „справедливой нормѣ труда и вознагражденія“. При развитомъ буржуазномъ строѣ это стремленіе, хотя бы самое напряженное и систематическое, никому уже не кажется вреднымъ, Сами просвѣщенные защитники буржуазныхъ интересовъ признаютъ состязательный характеръ установленія „нормальной“ (средней) платы за средній трудъ совершенно правильнымъ. Но все это въ развитыхъ буржуазныхъ странахъ. Въ странѣ же, недавно перешедшей отъ крѣпостного труда къ наемному, остается еще цѣлая масса переживаній. Какъ въ самомъ экономическомъ, такъ и во всемъ надъ-экономическомъ строѣ еще живы остатки той эпохи, когда отношеніе между трудомъ и получками крѣпостного зависѣло отчасти отъ обычая, отчасти отъ воли помѣщика, но тогда за то помѣщикъ былъ лично и непосредственно заинтересованъ въ томъ, чтобы благосостояніе его *собственныхъ* крестьянъ не спускалось ниже обычнаго уровня и не препятствовало ихъ размноженію. Для вольнаго труда этой гарантіи не существуетъ. Никто теперь, кромѣ самого трудящагося, лично и непосредственно въ его благосостояніи не заинтересованъ; жизнь наложила на него такимъ образомъ суровую обязанность: не надѣясь на барина, котораго у него уже нѣтъ, изъ всѣхъ силъ стремиться получать какъ можно больше, надрываясь какъ можно меньше. Эта возможность такъ мала, что большинству освобожденныхъ рабовъ и при самомъ напряженномъ стремленіи не хватаетъ силъ даже на то, чтобы удержать свое благосостояніе на прежнемъ крѣпостномъ уровнѣ, а между тѣмъ все и

вся — учрежденія, нравы и понятія — [1]) ставятъ препятствія его стремленіямъ и помогаютъ стремленіямъ хозяевъ получать возможно больше труда за возможно меньшую плату. При такихъ условіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго, если человѣкъ, не забывшій еще объ *общей* лжи и несправедливости, цѣликомъ направленной въ пользу его хозяйственныхъ интересовъ, не желаетъ учинять *специальныхъ* несправедливостей, хотя бы и могъ сдѣлать это на законномъ основаніи. Противоположное поведеніе, при продолжающейся болтовнѣ о соціальномъ дѣлѣ и сыромъ матеріалѣ было бы *спеціально* омерзительно, и Щетининъ въ подобномъ омерзительномъ поведеніи неповиненъ. Онъ не только не станетъ пытаться выплачивать вознагражденіе ниже средней платы въ данной мѣстности, а можетъ еще и прикинуть противъ другихъ. Не станетъ онъ и взыскивать съ плотниковъ убытковъ за перепутанные нижніе вѣнцы при постройкѣ, хотя и могъ бы это сдѣлать при помощи своего пріятеля, мирового посредника. Все это очень хорошо, но за то, что онъ не пользуется всѣмъ арсеналомъ того оружія, которое даетъ ему его положеніе, онъ считаетъ себя въ правѣ требовать, чтобы противная сторона сложила передъ нимъ всякое оружіе, прониклась благодарностью, довѣріемъ, преданностью и проч., и, не видя съ ея стороны всего этого, раздражается и распускаетъ нюни. Всю лживость, всю несообразность этой претензіи и показываетъ ему Рязановъ своими ироническими вопросами и замѣчаніями. Г. Протопоповъ находитъ, что такимъ образомъ онъ даетъ ему камень вмѣсто хлѣба. Но какого же именно хлѣба нужно Щетинину?

Для его нравственнаго благополучія требуется, чтобы, какъ тѣ крестьяне, съ которыми ему приходится имѣть дѣло,

---

[1]) Какъ сильно переживаніе прежнихъ отношеній въ понятіяхъ, видно изъ самаго спора между Щетининымъ и г. Протопоповымъ, съ одной стороны, и Рязановымъ съ другой. Ни одинъ изъ нихъ не принадлежитъ къ крѣпостникамъ, а между тѣмъ на точкѣ зрѣнія условій вольнонаемнаго труда стоитъ одинъ Рязановъ. Щетинину кажется, что обязательное для наемнаго труда стремленіе получать какъ можно больше, а работать какъ можно меньше, „это не цѣль, а чортъ знаетъ что", а г. Протопоповъ черезъ 27 лѣтъ послѣ отмѣны крѣпостного права обижается за Щетинина, когда Рязановъ приравниваетъ это, при новыхъ экономическихъ отношеніяхъ единственное законное стремленіе къ хозяйственнымъ стремленіямъ самого Щетинина.

такъ, въ особенности, его батраки признали его нравственное превосходство надъ собою, чтобы они повѣрили, что онъ лучше ихъ самихъ знаетъ ихъ интересы (а на самомъ то дѣлѣ онъ зналъ ихъ гораздо хуже) и ими руководствуется, чтобы вмѣсто противника они увидѣли въ немъ отца и, вполнѣ положившись на его волю, дѣйствительно превратились въ тотъ сырой матеріалъ, какимъ желали воображать ихъ добрые господа. Въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ это было бы идеальнымъ воспроизведеніемъ „тихихъ прелестей крѣпостного права", болѣе полнаго, чѣмъ бывшее реальное, такъ какъ охватывало бы весь психическій складъ рабовъ, что, въ дѣйствительности, случалось только съ привилегированными слугами изъ дворовыхъ. Но какъ шатко, какъ непрочно было бы положеніе этихъ добровольныхъ, *некупленныхъ* рабовъ, видно на самомъ Щетининѣ. Еще неизвѣстно, когда появятся у него дѣти, а онъ—ничего-то не видя—уже чувствуетъ обязанность для нихъ гнѣзда вить. Что же будетъ, когда онъ разведетъ дѣйствительныхъ дѣтей и окончательно забудетъ петербургскія слова? Прельстить Рязанова такая идиллія, конечно, не могла. Но даже прельстившись ею, какія мѣры могъ бы онъ посовѣтовать для ея осуществленія? Г. Протопоповъ думаетъ, что осуществить ее могла бы Марья Николаевна. Онъ расхваливаетъ ее словами поэта:

„Кому судьба вѣнецъ готовитъ, (терновый или лавровый),
Того вопросъ—куда идти?
Не устрашитъ, не остановитъ"...

Но онъ думаетъ, что ходить ей никуда не слѣдовало, а надо было остаться доброй барыней, поддерживать горѣніе духа своего мужа и лѣчить крестьянъ, какъ это дѣлало большинство помѣщицъ при крѣпостномъ правѣ.

Она, бѣдная, горячо защищается:

— Не могу я огурцы солить, не могу лѣчить. Даю пластырь, а сама не знаю... можетъ быть, ему еще хуже будетъ отъ этого. Я вѣдь не училась... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, подумай: что мы такое дѣлаемъ? Помѣщики, какъ помѣщики. Меня это мучитъ ужасно. Ну, положимъ, ты (мужъ) вотъ все говоришь, что ты тамъ примѣръ, что-ли, имъ хочешь показать, ну, я не знаю. Нѣтъ, а я то что же тутъ?

Но г. Протопоповъ объясняетъ ей, что для народа, „живущаго какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи", ея пребываніе въ деревнѣ все-таки очень отрадно, хотя и не приноситъ осязательныхъ результатовъ. „Они, узники жизни, видѣли на себѣ человѣческое участіе, они испытали отраду любовнаго и нѣжнаго прикосновенія чужой руки къ ихъ физическимъ и душевнымъ ранамъ, они чувствовали себя не вовсе покинутыми тѣми, кто живетъ не въ тюрьмѣ, какъ они, а на вольномъ свѣтѣ Божіемъ" [1]).

Собственно въ повѣсти-то нѣтъ ни тѣни данныхъ для того, чтобы наговорить все это. Г. Протопоповъ увѣряетъ, что Марья Николаевна *„умѣетъ* приласкать, умѣетъ ободрить, обнадежить", а изъ повѣсти скорѣе видно, что ничего этого она не умѣетъ, и въ двухъ приведенныхъ разговорахъ ея съ бабами онѣ другъ друга не понимаютъ. И это не случайность. Она впослѣдствіи вѣроятно возвратилась въ деревню и говорить съ бабами научилась, да только не въ качествѣ помѣщицы. И никакихъ такихъ „отрадъ" не видно и со стороны „узниковъ жизни". Да и не бываетъ ихъ. Подаяніе они, конечно, возьмутъ, и еще попросятъ, но всякими нѣжностями со стороны „узниковъ жизни" могутъ себя лишь хорошіе господа обманывать. А Марья Николаевна не принадлежала къ хорошимъ господамъ. До встрѣчи съ Рязановымъ она во всемъ полагалась на Щетинина. Онъ старше ея лѣтъ на восемь, онъ университетъ кончилъ, а она мало училась, онъ первый наговорилъ ей волнующихъ словъ о подвигахъ. Она все ждала отъ него чего-то. Сказалъ онъ ей: хозяйничай—хозяйничала, лѣчи—лѣчила.

— Я не разсуждала...—говоритъ она:—я просто вѣрила, что такъ нужно.

Она могла такъ жить, пока смотрѣла на Щетинина снизу вверхъ, но „примѣромъ и поддержкой" ему, какъ желалъ бы г. Протопоповъ, она никогда не могла бы служить, довольной собою дамой-благотворительницей никогда не могла бы сдѣлаться. Такія, какъ она, тоже обманывались (Рязановы въ то время могли гораздо яснѣе показать имъ, куда *не* ходить, чѣмъ куда идти), но онѣ никогда не обманывались въ свою пользу. На дешевыхъ распродажахъ онѣ никогда не

---

[1]) Ibid. стр. 14.

покупали себѣ нравственнаго удовлетворенія. Вообразивъ себѣ Марью Николаевну какимъ-то благочестивымъ ангеломъ, г. Протопоповъ показываетъ на ней всю силу злого духа, заключающагося въ рязановскихъ „урокахъ". „Васъ я разлюбила за то,—пишетъ между прочимъ Марья Николаевна на прощанье мужу,—что вы (сознательно или безсознательно, все равно) заставили меня играть глупую роль въ вашей глупой комедіи"...

„И это писала милая, кроткая женщина, еще такъ недавно любящая жена" [1]), справедливо возмущается г. Протопоповъ. Но ужъ милая она тамъ или немилая—это дѣло вкуса, но „кроткой" она никогда не была. Она, наоборотъ, гораздо воинственнѣе, способнѣе на горячую вражду, чѣмъ самъ злой духъ, Рязановъ.

Не понявъ перваго изъ происходившихъ при ней споровъ между Рязановымъ и Щетининымъ, вообразивъ, что тотъ серьезно совѣтуетъ ея мужу не церемониться и взыскивать судомъ убытки съ плотниковъ, она „готова была его убить", какъ разсказывала потомъ.

Когда впослѣдствіи Рязановъ уѣхалъ, не простясь, отъ либеральнаго мирового посредника, убѣждавшаго въ чемъ-то крестьянъ посредствомъ пощечинъ (для ихъ же пользы) Марья Николаевна очень довольна:

— Вы это отлично сдѣлали, что уѣхали отъ него.

— Что же тутъ особенно хорошаго?

— Понимаете, теперь весь уѣздъ про это узнаетъ. Скандалъ. Вотъ что хорошо.

— Я вовсе объ этомъ и не думалъ, — сознается Рязановъ.

А Щетининъ три года отнялъ у нея. Три года, которыхъ она стыдится, которые „мучатъ ужасно". При ея юной горячности это страшно много. Во время своихъ объясненій съ нимъ она допускаетъ, что онъ самъ не понималъ своего положенія, что онъ ошибся, какъ и она. Щетининъ не возражаетъ, соглашается, что ошибся, лишь бы она не сердилась. Если бы послѣ этого онъ измѣнился, она простила бы ему постыдные три года. Но онъ остался, какъ былъ, и въ ея глазахъ превратился изъ бывшаго ментора въ про-

---

[1]) Ibid. 18.

тивника. А она изъ тѣхъ „безжалостныхъ до себя“ (выраженіе квартирной хозяйки Рахметова) людей, которые нежалостливы и по отношенію къ противникамъ. Къ тому же она слишкомъ молода, чтобы понять характеръ щетининскаго *непониманія* и увидѣть, что, не смотря ни на что, онъ лично очень добрый и хорошій человѣкъ. Подъ конецъ она уже недовольна и Рязановымъ за то, что тотъ относится къ „комедіи“ съ насмѣшкой, а не съ ея пылкимъ негодованіемъ. Нѣтъ, въ добрыя барыни она рѣшительно не годилась, и помочь осуществить идилліи не могла.

Въ заключеніе, на послѣдней страницѣ своей статьи г. Протопоповъ говоритъ:

„Проповѣдывать любовь враждебнымъ словомъ отрицанія“—можно, но только для немногихъ. Языкъ любви ясенъ и простъ. „Придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и я успокою васъ“. Кто умѣетъ такъ говорить, тому нечего опасаться недоразумѣній. Но кто, какъ Рязановъ, говоритъ: „не вѣрьте никому, въ томъ числѣ и мнѣ“, тотъ рискуетъ остаться однимъ въ полѣ воиномъ“ [1]). Въ одну эпоху, напр., въ 60-е годы рисковалъ, въ другую нѣтъ, но, во всякомъ случаѣ, ни тогда, ни теперь не рисковалъ обмануть тѣхъ, кому желалъ уменьшенія бремени. Другое дѣло „языкъ любви“. Предположимъ, что г. Протопоповъ выучилъ бы Щетинина говорить такія слова тѣмъ, съ кѣмъ Щетининъ вступилъ въ договорныя отношенія. Щетининъ добрый человѣкъ и, разумѣется (при прочихъ равныхъ условіяхъ), желаетъ своимъ контрагентамъ всего хорошаго. Но вѣдь онъ же чувствуетъ свою обязанность копить деньги и вить гнѣзда, а эта цѣль можетъ быть достигнута лишь посредствомъ труда, а никакъ не успокоенія его контрагентовъ. То же самое, когда г. Южаковъ [2]) (а также гг. Н.—онъ, С. Кривенко, и проч., и проч.) говорили такого рода слова отъ имени „руководящихъ классовъ“. Въ этихъ классахъ, конечно, „достаточно разума и совѣсти, знанія и патріотизма“, чтобы желать „нашему народу“ всего хорошаго, но у нихъ вообще, какъ у Щетинина въ частности, есть свои конкретныя, ежедневныя и ежечасныя неотложныя

---

[1]) Ibid. стр. 20.

[2]) „Русск. Бог.“ 1896 г., № 12.

дѣла, требующія труда и обремененія. Разумѣется, Щетининъ можетъ отпустить иную телушку и не взявши штрафа; разумѣется, руководящіе классы могутъ устроить нѣсколько артелей; однако Рязановъ не можетъ не замѣтить, что все это хорошо, но съ пышными словами не имѣетъ ничего общаго.

„Вотъ это-то именно и значитъ „угашать духъ". Это мы и называемъ ненужною, а потому и безсмысленной жестокостью", гремитъ г. Протопоповъ. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ—спроситъ читатель—спорить противъ словъ, доставляющихъ Щетининымъ нравственное спокойствіе и наслажденіе? А затѣмъ, между прочимъ, что, являясь для Щетинина лишь самообманомъ, такія слова, услышанныя людьми, не нуждающимися въ самообманѣ (Марьей Николаевной, Ѳедькой... мало ли кѣмъ), превращаются въ *обманъ*.

„Новое Слово"—№ 9. 1897 г.

Плохая выдумка.

Плохая выдумка.

(По поводу романа г. Боборыкина „По другому").

Г. Боборыкинъ любитъ вводить въ свои большіе романы изъ жизни интеллигенціи нашихъ столицъ самыя животрепещущія новости. Темой для собесѣдованія его дѣйствующихъ лицъ служатъ иной разъ такія происшествія, разговоры о которыхъ еще не успѣваютъ замолкнуть ко времени напечатанія романа. Въ „На ущербѣ", напечатанномъ въ первой половинѣ 1890 года, рѣчь идетъ, напримѣръ, объ одномъ любопытномъ происшествіи изъ области ренегатства, огласившемся лишь въ предыдущемъ году и еще занимавшемъ публику. Этотъ романъ кажется намъ едва ли не лучшимъ произведеніемъ г. Боборыкина въ этомъ родѣ. О художественномъ впечатлѣніи тутъ не можетъ быть и рѣчи. Г. Боборыкинъ не художникъ, а такіе романы, какъ „На ущербѣ", даже и не романы. Если выкинуть изъ него растянутыя и на нашъ вкусъ очень скучныя и немного противныя описанія любовныхъ ощущеній и размышленій двухъ почтенныхъ „чувственниковъ" Ермилова и Гремушина, все остальное читается съ интересомъ, и самое интересное представляетъ собою нѣчто въ родѣ подробнаго картиннаго „обозрѣнія" не то, чтобы „внутренняго", а интеллигентно-столичнаго. По крайней мѣрѣ, интересъ, возбуждаемый такимъ романомъ, сродни интересу „обозрѣнія". Такія вещи интересны потому, что тутъ говорится съ красками, съ деталями о томъ самомъ, о чемъ слыхалъ, читалъ, знаешь изъ другихъ фактическихъ источниковъ. Знаешь, что дѣйствительно, пріуныли и растерялись гуманные и либеральные люди стар-

шаго поколѣнія и утѣшаютъ себя лишь безчисленными юбилеями, о которыхъ безпрестанно читаешь въ газетахъ. Про ихъ дѣтей всего чаще слышно, что спортомъ увлекаются, стишки пописываютъ. Что бодро ходятъ ренегаты, что весело суетятся карьеристы, избавленные на время отъ скучной обязанности бормотать „хорошія слова“,—объ этомъ можно и a priori заключить: вѣдь на ихъ улицѣ праздникъ. Все это также точно и въ романѣ описано. Онъ интересенъ, какъ иллюстрація къ тому представленію о данномъ моментѣ, которое составилось у насъ по другимъ источникамъ.

Послѣдній романъ г. Боборыкина „По другому“ написанъ несравненно небрежнѣе, отдѣланъ гораздо хуже, чѣмъ „На ущербѣ“, но задуманъ онъ въ томъ же обозрѣвательномъ родѣ. Только на этотъ разъ г. Боборыкинъ, какъ намъ кажется, страшно пересолилъ, поставивъ свой романъ въ условія настоящей фактической хроники, или, если хотите, въ условія историческаго романа, но только изъ текущей, совершающейся исторіи. Онъ сдѣлалъ это, взявши въ качествѣ новости дня, въ качествѣ „гвоздя“ романа, литературную полемику между народниками и экономическими матеріалистами.

Это еще незаконченная глава изъ исторіи русской общественной мысли. Она началась въ извѣстное время, опредѣленными литературными произведеніями, всѣ ея перипетіи еще живы въ памяти читателей. Если разсѣянныя по журналамъ полемическія статьи и замѣтки народниковъ слишкомъ многочисленны, чтобы быть у всѣхъ на перечетъ, то произведенія ихъ противниковъ, вынужденныхъ по внутреннимъ условіямъ нашей журналистики, за все то время, къ которому можетъ относиться дѣйствіе романа, довольствоваться лишь неповоротливымъ оружіемъ толстыхъ книгъ, навѣрное извѣстны, хотя бы только по полемическимъ отзывамъ противниковъ всѣмъ, кто читаетъ не одну только беллетристику.

Вводить въ беллетристическое произведеніе какія бы то ни было несодѣянности изъ исторіи такой всѣмъ извѣстной борьбы такъ же неудобно, какъ вводя, напримѣръ, въ романъ событіе крымской кампаніи, описывать походъ союзниковъ во внутреннія губерніи, хотя бы называя полковод-

цевъ вымышленными именами и оставляя безъ именъ тѣ степныя и лѣсистыя губерніи, по которымъ шли союзники. Всякому, знакомому съ исторіей, твердое знаніе, что ничего этого не было, на каждомъ шагу мѣшало бы отдаться во власть вымысла. Уклоненіе отъ фактической истины при беллетристической обработкѣ историческихъ сюжетовъ можетъ не мѣшать впечатлѣнію лишь относительно такихъ событій, которыя по своей отдаленности или незначительности потеряли для читателей всякій историческій интересъ, интересъ дѣйствительности. Задача же г. Боборыкина тѣмъ труднѣе, тѣмъ деликатнѣе, такъ сказать, что та исторія, которую онъ взялъ въ качествѣ гвоздя для своего романа, имѣетъ для части читателей не историческій только, а самый жизненный интересъ, что въ вопросѣ о томъ, какъ было дѣло, заинтересована не одна ихъ любознательность, а цѣлый рядъ живыхъ и сложныхъ чувствъ, потому что эта исторія является для нихъ не только незаконченной главой изъ исторіи общественной мысли, а въ то же время и главой изъ исторіи ихъ собственной умственной жизни... Да и только ли умственной?

Посмотримъ же, какъ выполнилъ г. Боборыкинъ свою рискованную задачу.

Фабула той части романа, въ которой фигурируетъ полемика между народниками и экономическими матеріалистами, такова. „Прямолинейный народникъ“ Разсудинъ, писавшій въ восьмидесятыхъ годахъ („лѣтъ десять тому назадъ“) „не лишенныя таланта“ публицистическія статьи, былъ на четыре съ лишкомъ года сосланъ въ Якутскую область, побывалъ потомъ въ Западной Сибири, пожилъ въ Калужской губ. и, наконецъ, дождался давно желаннаго возвращенія въ Петербургъ. Во время ссылки у него развился сильный беллетристическій талантъ, сказавшійся въ цѣломъ рядѣ художественныхъ очерковъ, обратившихъ на себя общее вниманіе.

Начало романа застаетъ его на дачѣ, гдѣ онъ встрѣчается съ экономическимъ матеріалистомъ Шемадуровымъ и ведетъ съ нимъ злой споръ. Здѣсь встрѣчаются между собой и другія лица романа: учитель Дроздовъ, добродушный народникъ, относящійся очень ласково также и къ Шемадурову; блистательная декадентка Студенцова, въ кото-

рую Разсудинъ влюбляется, и, наконецъ, знакомый Тургенева „маститый беллетристъ“ Токаревъ, который „часто откликался“ на жизнь и какъ мыслитель, и какъ критикъ и публицистъ. У него тридцать лѣтъ работы на плечахъ, и тѣмъ не менѣе, какъ мы узнаемъ изъ его же размышленій, „всего горячѣе желалъ онъ остаться на брешп—все съ тѣмъ же пониманіемъ міра, съ тою же ясностью и терпимостью оцѣнокъ людей, событій, страданій и недуговъ въ долгой вереницѣ поколѣній, которыя раньше, и вмѣстѣ съ нимъ, и позднѣе входили въ жизнь“ [1]). Разсудинъ когда-то нападалъ на него въ печати, но теперь подружился, найдя, что на старости лѣтъ тотъ „сильно покраснѣлъ“. По возвращеніи Разсудина въ Петербургъ начинается полемика. О ея первомъ дѣйствіи мы разскажемъ словами самого Разсудина, повѣряющаго свое горе бывшему антагонисту, а теперь сожителю и другу Токареву [2]).

— Помилуйте! — почти крикнулъ Разсудинъ и сталъ блѣднѣть.—Развѣ такъ можно поступать?.. Вотъ позвольте, я сейчасъ вамъ покажу!..

Не договоривъ, онъ быстро вышелъ изъ комнаты и вернулся съ книжкой журнала.

— Вотъ, извольте полюбоваться!—Онъ присѣлъ къ столу и сталъ искать страницу. Его пальцы вздрагивали.

— Прежде долженъ вамъ сообщить, Нилъ Петровичъ, что тамъ на штрандѣ, гдѣ мы съ вами познакомились, у меня съ господиномъ Шемадуровымъ вышелъ разговоръ довольно таки даже крупный... такой, что къ соглашенію трудно было придти. И что же, безъ всякаго съ моей стороны повода, въ статьѣ, имѣющей претензію на серьезность, вдругъ, въ самомъ извращенномъ видѣ, изображенъ нашъ споръ въ юмористическомъ вкусѣ. Нужды нѣтъ, что я выставленъ какимъ-то дурачкомъ и психопатомъ—это еще куда бы ни шло! Но неблаговидно, прямо таки гнусно пользоваться такой выдуманной сценкой для того, чтобы свысока вышучивать все то, что люди моего стана дѣлали, къ чему стремились, во что клали свою душу!.. Вотъ извольте прослушать, если это васъ можетъ интересовать.

---

[1]) „В. Евр.“ 1897 г. Янв. стр. 121.
[2]) „В. Евр.“ 1897 г. Февр стр. 596—597.

— Пожалуйста! Читайте!

Разсудинъ торопливо и связно прочелъ тѣ страницы, гдѣ приводился разговоръ автора съ „обломкомъ народничества"—какъ онъ былъ названъ.

— У него есть талантикъ и нѣкоторая злость, — мягко замѣтилъ Токаревъ, когда Разсудинъ захлопнулъ книжку журнала.

— Это при немъ и останется! Но какъ же не стыдно—пускать въ ходъ такіе пріемы? Если у этихъ господъ есть хоть капля любви къ истинѣ и къ судьбамъ нашего народа,—они въ первую голову должны были бы поддерживать все то, что было въ нашихъ стремленіяхъ и идеяхъ здороваго и самоотверженнаго. Развѣ у насъ не одни идеалы? Такъ думалъ я, когда тамъ, въ Сибири, читалъ то, что они теперь переживываютъ. А выходитъ, что мы жалкіе иллюминаты, сентиментальщики, мистики, которыхъ нужно вытурить поскорѣе, осмѣять въ глазахъ молодежи. И выходитъ, стало быть, что этимъ господамъ рѣшительно все равно—не любятъ они никого и ничего, кромѣ своихъ педантскихъ пунктиковъ [1]).

Статья Шемадурова заставила Разсудина провести нѣсколько безсонныхъ ночей и вызвала „общее раздраженіе, душевное безвкусіе... родъ „психической тошноты"... Онъ написалъ отвѣтъ, но Шемадуровъ не унялся и возражалъ. „Не въ немъ одномъ тутъ сила. Тамъ цѣлый совѣтъ, и они его настраиваютъ",—говоритъ Дроздовъ, прежде благоволившій къ Шемадурову, а теперь заявившій ему, что „такъ щупять людей, какъ Разсудина—это отступничество!"

Другія, самыя мудрыя лица романа, Токаревъ и Студенцова, называютъ эту полемику „травлей" народниковъ. Дѣйствіе этой „травли" на Разсудина вызываетъ живѣйшее опасеніе въ его друзьяхъ, они уговариваютъ его бросить полемику, уѣхать изъ Петербурга. Но самыя сожалѣнія и уговоры еще пуще раздражаютъ его.

— Что же это значитъ—скажите на милость?—спрашиваетъ онъ. Развѣ не то, что я достойный жалости строчила? Надо мной, видите ли, издѣваются въ печати! Я не умѣю заставить замолчать тѣхъ, кто меня допекаетъ. Вѣдь да?..

---

[1]) „В. Евр." Янв. 1897 г. стр. 161.

Нилъ Петровичъ, батюшка! Жалости достойную фигуру изображаетъ изъ себя вашъ бывшій антагонистъ. Но тогда мы норовили бить, а теперь насъ хлещутъ. И кто? Ха, ха!..

Смѣхъ раздался болѣзненный, и Токарева онъ хватилъ за сердце.

Немножко полегчало больному самолюбію, которымъ такъ щедро одѣлилъ своего героя г. Боборыкинъ, отъ оваціи молодежи на вечерѣ, гдѣ Разсудинъ прочелъ свой очеркъ. Но окончательно спасли его отъ когтей Шемадурова послѣдовавшія за этими оваціями „независящія обстоятельства", которыя заставили Разсудина снова уѣхать изъ Петербурга на этотъ разъ не очень далеко: на Волгу. Съ нимъ и его сестрой добровольно отправляется туда же и Токаревъ, а на лѣто обѣщаютъ пріѣхать и другіе друзья. Всѣ рады, всѣ ждутъ для Разсудина возрожденія силъ и художественнаго таланта.

Словомъ, добродѣтель, если не вознаграждена, то хоть спасена, и порокъ тоже получилъ нѣкоторое возмездіе: симпатичные люди отъ него отвернулись, а молодежь хотѣла освистать Шемадурова и удержалась лишь вслѣдствіе предположенія, что это будетъ непріятно Разсудину.

Такъ какъ читатели журналовъ за все то время, къ которому можетъ относиться дѣйствіе романа, полемическихъ статей, писаныхъ „экономическими матеріалистами", не встрѣчали и достовѣрно знаютъ, что тайкомъ отъ нихъ затравить талантливаго художника въ журналахъ невозможно, то подъ картиной травли сама собой выступаетъ подпись: *неправда*. Можно сказать, однако, хотя по обстоятельствамъ дѣла это будетъ и неосновательно, что неправда тутъ чисто формальная. Ну, не травили въ журналахъ, могли въ книгахъ затравить. Это не имѣетъ значенія, если только характеръ борьбы и ея внутреннія условія намѣчены вѣрно.

Вѣрно ли? Чѣмъ именно возбуждаютъ противъ себя негодованіе Шемадуровъ и „настраивающій" его „совѣтъ"? Самъ Разсудинъ обвиняетъ Шемадурова въ томъ, что для своихъ полемическихъ цѣлей онъ воспользовался происхо-

дившимъ между ними споромъ, изобразивъ его въ извращенномъ видѣ. Пользоваться спорами, разговорами и т. п. потому и нехорошо, что извращенie слишкомъ легко.

Какъ нарочно, г. Боборыкинъ заставилъ своихъ спорщиковъ помѣняться ролями. Не „русскимъ ученикамъ", которыхъ символизируетъ въ романѣ Шемадуровъ, а корифеямъ народнической литературы пришлось пользоваться: г-ну В. В.—спорами, а г-ну Михайловскому—письмами, правда, не для „вышучиванія" (г. В. В. лишенъ дара шутки, г-нъ же Михайловскій былъ тогда слишкомъ грозенъ), а для пристыженія „учениковъ", для выраженія своего этическаго негодованія по поводу ихъ взглядовъ, не имѣвшихъ тогда возможности проникнуть въ печать. А когда „ученики" дорвались, наконецъ, до печатныхъ станковъ, имъ и въ голову не могло прійти пользоваться разговорами своихъ противниковъ для полемическихъ цѣлей. Накопившіяся за четверть вѣка горы ихъ печатныхъ произведеній представляли настоящее „embarras de richesse".

Но это лишь частная причина негодованія, высказываемая однимъ Разсудинымъ. Другія лица указываютъ намъ болѣе общую причину, придающую особый характеръ всему дѣлу.

Учителю Дроздову предъ началомъ полемики оба противника „были достолюбезны, и Разсудинъ, котораго онъ глубоко почиталъ, какъ человѣка *пострадавшаго*, и Шемадуровъ, къ которому онъ начиналъ чувствовать особое, нѣжное влеченіе, точно къ своему собственному чаду [1])".

Но статьи Шемадурова его взорвали. Онъ пошелъ къ „тѣмъ господамъ" и „отдѣлалъ ихъ подъ воскъ". Сказалъ имъ: „Вы можете быть убѣждены въ истинѣ вашего ученія; но такъ щунять людей, какъ Разсудина—это отступничество [2])!"

— Вамъ вообще нечего опасаться—саркастически замѣчаетъ Шемадурову и равнодушная къ политикѣ декадентка Студенцова:—Вы, господа, весьма ловко обѣгаете всякіе подводные камни.

— Въ какихъ же это смыслахъ?—спросилъ Шемадуровъ...

---

[1]) „В. Евр." 1897 г., янв., стр. 103.

[2]) Ibid., мартъ, стр. 23.

— А въ такихъ, что въ тѣхъ сферахъ, гдѣ Разсудиныхъ считаютъ неблагонадежными—на васъ съ вашими научными законами и травлей народниковъ, вѣроятно, смотрять гораздо снисходительнѣе.

— Не знаю-съ!

Пухлыя щеки Шемадурова начали вздрагивать.

— Иначе и быть не можетъ,—увѣренно сказала Студенцова [3]).

Не случайно, какъ видите, въ противники Шемадурову данъ человѣкъ съ такимъ прошлымъ, какъ у Разсудина. Солидные, спокойно засѣдающіе по редакціямъ козырные тузы нашей журналистики сознательно подмѣнены бубновой тройкой, которая „звенитъ, гремитъ и улетаетъ"... чтобы возбудить справедливое сочувствіе и негодованіе... противъ Шемадурова.

Почувствовавъ на склонѣ лѣтъ приливъ дружбы къ народникамъ и живѣйшее соболѣзнованіе по случаю огорченій, причиняемыхъ этимъ почтеннымъ людямъ „экономическими матеріалистами", г. Боборыкинъ пожелалъ въ своемъ очередномъ „обозрѣніи" злобы дня перелить это соболѣзнованіе въ сердца читателей. Но очерченное сообразно съ дѣйствительностью положеніе его кліентовъ оказалось бы недостаточно жалостнымъ, ихъ „душевная тошнота" недостаточно мотивированной.

Представьте, въ самомъ дѣлѣ, сонмъ писателей, давно привыкшихъ безраздѣльно властвовать на всемъ полѣ русской не спеціально реакціонной общественной мысли, грозно выступающимъ противъ новаго, глухо-пробивающагося направленія. Развязно читаетъ почтенный сонмъ высокомѣрныя нотаціи безъименнымъ и безпріютнымъ въ литературѣ защитникамъ этого напрарленія... И вдругъ оказывается „затравленнымъ", безпомощно рыдающимъ на груди „маститаго беллетриста" послѣ первыхъ же двухъ, трехъ произведеній своихъ противниковъ!

Какъ хотите, а хорошей слезливой драмы на такую тему не выкроишь—все будетъ смахивать на комедію.

Мы вовсе и не думаемъ, чтобы въ дѣйствительности противники экономическихъ матеріалистовъ, были такъ „за-

---

3) В„. Евр." 1897 г., апр., стр. 477.

травлены“, больны и проч. Въ своей тревожной заботливости г. Боборыкинъ просто „пристаетъ“ къ нимъ, какъ въ его романѣ Анохина пристаетъ со своими опасеніями къ любимому брату, Разсудину.

Почтенный романистъ, быть можетъ, и самъ, подобно Анохиной, чувствуетъ, что „худо глупо любить“, что постороннему человѣку своихъ опасеній не передать. Быть можетъ, именно потому-то онъ и рѣшается, вводя въ свой романъ полемику между народниками и экономическими матеріалистами, подмѣнить въ качествѣ одной изъ борющихся сторонъ своего слишкомъ прозаическаго друга человѣкомъ настрадавшимся и растратившимъ силы въ другой области, если и имѣющей отношеніе къ предметамъ полемики, то едва ли не обратное...

А и то сказать: развѣ мало на Руси читателей, а въ особенности читательницъ, ничего не разрѣзывающихъ въ журнальныхъ книжкахъ, кромѣ беллетристики? Такіе могутъ и не замѣтить. Развѣ сама Студенцова не ненавидитъ какъ „мертвые приговоры науки“, такъ и всякую пропаганду путемъ публицистики. „Да пишите вы—уговариваетъ она:—художественные очерки, какіе угодно... ими вы будете производить ту же пропаганду, но гораздо сильнѣе и ярче проникнете въ огромный кругъ читателей“ [1]).

И Токаревъ увѣряетъ—а онъ 30 лѣтъ беллетристикой занимается, какъ ему не знать?—что „сто полемическихъ статей не стоятъ для защиты идей вашихъ одного очерка... беллетристическаго очерка—это онъ Разсудина отъ публицистики отговариваетъ:—такого, однако, „въ которомъ трепещетъ живая жизнь“ [2]).

Трепещетъ ли что-нибудь въ беллетристической „злобѣ дня“ г. Боборыкина? Посмотримъ.

II.

Приведемъ знаменитый споръ между Разсудинымъ и Шемадуровымъ, имѣвшій уже извѣстныя намъ послѣдствія.

— За Шемадуровымъ водилась замашка—Дроздовъ уже

---

[1]) „В. Евр.“ 1897 г., мартъ, стр. 72.

[2]) „В. Евр.“ 97 г., январь, стр. 157.

замѣчалъ ему это—какъ только передъ нимъ человѣкъ, не признающій его „коньковъ",—сейчасъ пускать „тоны"—съ оттѣнкомъ ироніи. И голосъ у него дѣлается непріятный, фистулой, и усмѣшка является особенная. А глаза подмигиваютъ, и въ нихъ противнику предоставляется читать: „какъ, молъ, ты, братецъ, отсталъ и сколь мнѣ твои радеи кажутся затхлыми" [1]).

Очень недурно. Мы нарочно привели это мѣсто, такъ какъ оно кажется намъ самымъ удачнымъ въ той части романа, гдѣ дѣло идетъ о полемикѣ между народниками и экономическими матеріалистами. Судя по отдѣльнымъ мѣстамъ въ статьяхъ гг. Михайловскаго (изображеніе „гуся", напримѣръ), Кривенко и другихъ, можно представить себѣ, что, если они надѣлены сильнымъ воображеніемъ, то г. Бельтовъ, а, быть можетъ, и вообще собирательный „экономическій матеріалистъ" рисуется имъ въ этакомъ родѣ.

— Полноте, Павелъ Ѳедоровичъ [2]),—Шемадуровъ всталъ посреди комнаты:—это все жалкія слова: святая община, крестьянская душа, идеалъ кустарной культуры—во вкусѣ жителей Вандименовой земли. Пора это бросить!

— То есть, какъ же это бросить?—глухо спросилъ Разсудинъ и всталъ на ноги:—другими словами—оставить народъ на произволъ судьбы, смотрѣть на него высокомѣрно, какъ на инертную массу, которая должна пройти чрезъ извѣстный экономическій фазисъ? Не хотимъ мы такого возмутительнаго фатализма. Если западная Европа нажила разныя язвы и болячки, то и намъ ихъ надо прививать къ себѣ?

— Никто этого не проповѣдуетъ, Павелъ Ѳедоровичъ! Но къ тому идетъ дѣло и не можетъ не идти. И чѣмъ скорѣе этотъ періодъ будетъ сданъ въ архивъ, тѣмъ лучше!..

До сихъ поръ г. Боборыкинъ является въ роли собирателя документовъ. Фразы, которыми перекинулись противники, достаточно характерны, чтобъ послужить подписью подъ изображенными фигурами. Всякій тотчасъ видитъ, что предъ нимъ желаютъ вывести „русскаго ученика", по-

1) „В. Евр." 97 г., янв. 163.

2) Ibid. 164.

лемизирующаго съ народникомъ. Но затѣмъ г. Боборыкинъ переходитъ къ творчеству, и съ каждой послѣдующей фразой творчество становится все неудачнѣе и неудачнѣе.

— Цѣлую четверть вѣка находились въ служеніи у естествознанія, а выводовъ науки все-таки не хотятъ признавать—продолжаетъ Шемадуровъ:—чуть что—и сейчасъ затягиваютъ свой акаѳистъ мужицкой общинѣ, крестьянской душѣ, завѣтамъ той правды, которая дается, видите ли, только нашимъ носителямъ народолюбія!—Такого аргумента г. Боборыкинъ не могъ наблюсти ни въ книгахъ „учениковъ", ни въ передачѣ ихъ взглядовъ противниками. Можно бы подумать, что онъ напуталъ и приписалъ Шемадурову старанія „соціологовъ"—г. Южакова, напримѣръ, притягивать за уши выводы естествознанія въ защитѣ завѣтовъ крестьянской души. Но дѣло проще. Тотъ же аргументъ (только вмѣсто общины говорится вообще о „гуманно-либеральной канители" ничего общаго не имѣющей съ законами природы) былъ уже сочиненъ г. Боборыкинымъ лѣтъ восемь тому назадъ для ренегата Сохина (На ущербѣ. „В. Ев." 1890 г., № 1, стр. 181—82), пытающагося уязвить имъ естествоиспытателя Симбирцева, принадлежащаго къ кружку московскихъ „хорошихъ людей". Въ романѣ 1890 г. народникъ Кустаревъ (слабую и искаженную копію съ котораго представляетъ во многихъ отношеніяхъ Разсудинъ), выведенный изъ терпѣнія хитроумнымъ аргументомъ Сохина, выгоняетъ его за дверь. Разсудинъ же ограничивается тѣмъ, что, оставивъ аргументъ безъ возраженія (сказалъ только: „это вы напрасно! такъ нельзя-съ!"), въ спорѣ затѣмъ начинаетъ говорить вещи, сперва невѣроятныя въ устахъ народника, а потомъ вообще человѣка. На замѣчаніе Дроздова, старающагося примирить противниковъ, что молъ Шемадуровъ и его единомышленники тоже „мечтаютъ о другихъ порядкахъ", Разсудинъ отвѣчаетъ, что они мечтаютъ „о казармѣ съ нестерпимымъ деспотизмомъ регламентаціи".

— И, наконецъ, я скажу вамъ прямо, Шемадуровъ,—продолжаетъ Разсудинъ,—лучше ужъ на чистоту выступать, чѣмъ пускать въ ходъ разныя шпильки... исподтишка!

— Кто же это дѣлаетъ?—спросилъ Шемадуровъ и брезгливо выпятилъ губы.

— Вы знаете, Шемадуровъ, кто!—отвѣтилъ Разсудинъ, и щеки его вздрогнули.

— Во всякомъ случаѣ—не я.

— Не вы, такъ тѣ, на кого вы молитесь!

— Я ни на кого не молюсь, Павелъ Ѳедоровичъ. Кумировъ мы не желаемъ имѣть. Если геніальный мыслитель съ научнымъ методомъ указалъ впервые на незыблемые законы, мы признаемъ его авторитетъ, и только.

— Законы, законы!—глухо крикнулъ Разсудинъ и отошелъ къ двери.—Мы всѣ, сколько насъ ни есть, должны быть не книжниками, а мучениками во благо народа. Такъ-то! У насъ врагъ одинъ [1]).

Этимъ сверхъестественнымъ возвѣщеніемъ, что *благо народа* заключается въ томъ, чтобы насъ всѣхъ, „сколько насъ ни есть“, врагъ мучилъ, творчество г. Боборыкина достигаетъ своего зенита. Вслѣдъ за тѣмъ онъ сразу спускается на землю и заставляетъ бѣднаго Разсудина перескочить, какъ ни въ чемъ не бывало, къ слѣдующему совершенно прозаическому позаимствованію у г. Михайловскаго: „Да и не вѣрю я, господа, въ вашу преданность наукѣ и точному знанію. Вашъ методъ, это—переодѣтая метафизика!.. Почему же вы такъ носитесь съ гегеліанской діалектикой?...“

Ужъ лучше бы г. Боборыкину ни на шагъ не отступать въ данномъ случаѣ отъ печатныхъ документовъ.

Онъ, по всему вѣроятію, достаточно хорошо продумалъ тѣ французскія книжки, изъ которыхъ декаденты почерпаютъ рецепты для искусственнаго вызыванія въ себѣ различныхъ „трепетаній“, чтобы позволить своимъ героямъ этого направленія говорить „отъ себя“. Поэтому-то декадентка Студенцова, несмотря на всю узость и искусственность своихъ интересовъ, одна во всемъ романѣ производитъ впечатлѣніе человѣка мыслящаго, хотя всѣ ея мысли были уже вкратцѣ изложены въ романѣ „На ущербѣ“ декадентомъ Загоринымъ, а имъ, по утвержденію знатока декадентской литературы, „чувственника“ Ермилова, взяты прямехонько изъ французскихъ брошюръ. Но барышнѣ декаденткѣ нѣтъ и надобности имѣть хоть сколько-нибудь цѣльные и послѣдовательные взгляды. Декаденты стоятъ

[1]) „В. Евр.“ 1897 г. янв., стр. 165.

лишь на томъ, чтобы быть какъ можно дальше отъ „здраваго смысла“. За исключеніемъ всѣхъ этихъ „банальностей“, выдумай, что хочешь, лишь бы почуднѣе, оно не можетъ противорѣчить декадентству.

Но въ Разсудинѣ г. Боборыкинъ взялся изобразить писателя съ глубокими общественными интересами, „прямолинейнаго народника“, всей душой преданнаго своимъ идеямъ. Для такого человѣка нѣкоторая цѣльность взглядовъ обязательна, а между тѣмъ, отступивъ отъ печатнаго образца, творецъ Разсудина на одной и той же страницѣ успѣваетъ взвести на свое творенье цѣлый рядъ напраслинъ.

Начать хоть съ „шпилекъ исподтишка“, въ которыхъ, какъ видно изъ дальнѣйшаго обмѣна репликъ, обвиняется Марксъ. Ни малѣйшей склонности взводить на Маркса подобныя обвиненія народники не выказывали. За этотъ неблагодарный трудъ, едва ли не первымъ, взялся у насъ г. Слонимскій, да и то въ февральской книжкѣ „Вѣстника Европы“, а споръ происходитъ въ январьской. Народники наоборотъ (за „письмо къ Михайловскому“, въ особенности) ставили Маркса въ примѣръ хорошихъ качествъ, отсутствующихъ, по ихъ мнѣнію, у его русскихъ учениковъ. Про шпильки, однако, они хоть и не говорили, но могли бы говорить (такъ же неосновательно, какъ и г. Слонимскій), оставаясь народниками. О нестерпимомъ же деспотизмѣ „регламентаціи“ въ качествѣ „мечты“ марксистовъ они не только не говорили, но и *говорить, оставаясь народниками, не могутъ и не будутъ.* Суть ихъ спора съ „экономическими матеріалистами“ *въ этой области* заключается именно въ томъ, что сохранившіеся у насъ остатки старой регламентаціи могутъ, по мнѣнію народниковъ, послужить основаніемъ для дальнѣйшаго развитія регламентаціи. Нестерпимость этой старой регламентаціи заслоняется отъ ихъ глазъ, съ одной стороны, представленіемъ, будто сама „крестьянская душа (единая и нераздѣльная) эволюціонируетъ“ въ сторону регламентаціи, съ другой—убѣжденіемъ въ существующей или имѣющей наступить нравственной красотѣ „интеллигенціи“, „общества“ или вообще „руководящихъ классовъ“. Экономическихъ матеріалистовъ они обвиняютъ въ пристрастіи не къ „регламентаціи“, а, наоборотъ, къ западно-европейскимъ порядкамъ, основаннымъ на отсут-

ствіи регламентаціи. И экономическіе матеріалисты дѣйствительно утверждаютъ, что остатки старой регламентаціи, выросшей на основѣ натуральнаго хозяйства, становятся съ каждымъ днемъ все „нестерпимѣе“ въ странѣ, перешедшей къ денежному хозяйству, вызывающему безчисленныя измѣненія какъ въ фактическомъ положеніи, такъ и въ умственной и нравственной физіономіи различныхъ слоевъ ея населенія. Они убѣждены поэтому, что условія, необходимыя для возникновенія новой благодѣтельной „регламентаціи“ экономической жизни страны могутъ развиться не изъ остатковъ регламентаціи, приноровленной къ натуральному хозяйству и крѣпостному праву, а лишь въ атмосферѣ такого же широкаго и всесторонняго отсутствія этой старой регламентаціи, какое существуетъ въ передовыхъ странахъ Западной Европы и Америки. Въ такомъ положеніи находится вопросъ о „регламентаціи“ въ спорѣ между народниками и ихъ противниками. Съ нимъ болѣе или менѣе тѣсно связаны и другія разногласія (хотя бы относительно сущности „руководительства“ классовъ), но во всякомъ случаѣ фальшивую пѣсню „о казармѣ“ и „деспотизмѣ“, въ качествѣ мечтаній „геніальнаго мыслителя“ или его учениковъ, у насъ будутъ пѣть и уже запѣваютъ, но не народники. Она входитъ, какъ неотъемлемая составная часть въ совсѣмъ другую оперу.

Г. Боборыкинъ, прекрасно изучившій духъ декадентства, не успѣлъ, очевидно, толкомъ ознакомиться съ духомъ народничества и перепуталъ поэтому разнаго сорта ругань, посылаемую людьми *разныхъ направленій* по адресу „учениковъ“ или учителей. Это тѣмъ легче, что у насъ о святости „общины“, т.-е. ограниченія имущественныхъ, а, слѣдовательно, и гражданскихъ правъ „крестьянской души“, съ умиленіемъ поговариваютъ и такіе люди, которые считаютъ частную собственность и jus utendi et abutendi ею священнѣйшимъ и вѣковѣчнымъ правомъ всякой „души“, имѣющей счастье не принадлежать къ крестьянскому („податному“ по старой терминологіи) сословію. Г. Боборыкинъ могъ встрѣчать такихъ „*тоже* (auch)“ народниковъ среди чиновниковъ, профессоровъ и проч., которыхъ изобразилъ въ „На ущербѣ“. Только зачѣмъ же взялъ онъ на этотъ разъ въ *герои своего романа* человѣка съ прошлымъ Разсудина?

Но, если по вопросу о регламентаціи г. Боборыкинъ, быть можетъ, слышалъ звонъ и только не разобралъ, откуда онъ, то можно головой поручиться, что отъ человѣка (а не отъ сороки) онъ не могъ слышать о необходимости для „блага народа", чтобы мы всѣ были мучениками. Можетъ, конечно, сказать что-нибудь подобное Калломейцевъ изъ „Нови" Тургенева, но не въ первомъ же лицѣ, а во второмъ или третьемъ. Всѣхъ, молъ, васъ (или ихъ) нужно для блага народа въ бараній рогъ свернуть. Въ устахъ же объекта такой операціи эта фраза совершенно противоестественна. Но, безсмысленная сама по себѣ, она становится еще вдвое безсмысленнѣе въ качествѣ аргумента противъ книгъ и законовъ. Пусть для блага народа нужно превратить „насъ" въ мучениковъ. Но вѣдь быть мученикомъ, во всякомъ случаѣ, состояніе пассивное, профессіональная болѣзнь, такъ сказать, а не профессія. Не наше это дѣло, а Калломейцева. Ему за хлопотами, конечно, не до законовъ. Но насъ-то его дѣятельность и то обстоятельство, что со временемъ мы заболѣемъ, ни на волосъ не избавляетъ, — пока что,—отъ обязанности работать какъ можно производительнѣе на почвѣ той дѣйствительности, среди которой мы живемъ, а слѣдовательно, и отъ необходимости какъ можно лучше ознакомиться съ тѣми законами, которые въ ней проявляются.

Намъ замѣтятъ, быть можетъ, что не слѣдуетъ искать смысла въ фразѣ Разсудина, что она предназначена г. Боборыкинымъ для выраженія не мыслей, а *чувствъ* героя, его *личной жажды мученичества*. Если таково, дѣйствительно, было намѣреніе автора, то его промахъ еще значительнѣе и доказываетъ ту истину, что если художники могутъ подниматься воображеніемъ даже въ такія области, гдѣ никогда не бывали, то простымъ беллетристамъ этого не полагается.

Вышеупомянутое болѣзненное чувство встрѣчается въ жизни. Отъ нормальнаго здороваго презрѣнія опасности оно такъ же отличается, какъ рискъ для риска, какъ поиски за смертью отъ военной доблести. Хорошее войско стремится не къ опасности, а къ побѣдѣ, несмотря на опасность. Эта послѣдняя для него на второмъ планѣ—побѣда на первомъ.

Но въ короткіе, печальные моменты, говорящіе о зарождающейся безнадежности, объ утомленіи, предвѣщающемъ

реакцію, опасность выступаетъ иногда на первый планъ и для отдѣльныхъ личностей подъ вліяніемъ индивидуальныхъ условій (потеря друзей, внутренній разладъ, недовольство собою и проч.) гибель, „мученичество“ [1]) становятся желательными.

Мы не припомнимъ въ литературѣ ни одного *художественнаго* образа этого чувства, какіе встрѣчаются въ жизни, но несомнѣнно, что въ дѣйствительно художественномъ изображеніи оно должно производить трагическое впечатлѣніе.

Другое дѣло—въ нехудожественномъ. Не такое это, во-первыхъ, чувство, чтобы люди могли его такъ себѣ, походя, при всякихъ условіяхъ и обстоятельствахъ высказывать. За того, кто лишній разокъ его безъ толку выскажетъ, можно не опасаться. А во-вторыхъ, нѣтъ на свѣтѣ такихъ трагическихъ словъ, которыя не превращались бы въ комическія, будучи вставлены въ неподходящій контекстъ. Какъ же поступаетъ г. Боборыкинъ? Рѣшивъ на скорую руку передѣлать въ фанатика одну изъ знакомыхъ ему и уже изображенныхъ фигуръ умѣренныхъ народниковъ изъ отставныхъ профессоровъ, вяло огорчающихся тѣмъ, что находятся не у дѣлъ, онъ сочиняетъ для выраженія этого фанатизма фразу, случайно оказавшуюся самой безсмысленной, какую только можно придумать, и помѣщаетъ эту фразу въ середину безтолковаго спора, завязавшагося у его героя при дачной встрѣчѣ съ едва знакомымъ и заранѣе непріятнымъ ему противникомъ. При этомъ Разсудинъ у него въ сущности даже не споритъ, а просто выбрасываетъ одну за другою тѣ сердитыя фразы по адресу марксистовъ, какія случалось слышать г. Боборыкину.—И идеалъ-то у васъ прескверный, и отецъ былъ мошенникъ... — Вдругъ среди этого довольно низменнаго занятія предполагаемый фанатикъ изрекаетъ заповѣдь всеобщаго мученичества и затѣмъ тотчасъ же продолжаетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, договаривать тѣ совершенно прозаическія шпильки, которыя припомнилъ тѣмъ временемъ г. Боборыкинъ:—Да и въ вашу преданность наукѣ я не вѣрю, и методъ вашъ переодѣтый...

Ахъ, право, лучше бы г. Боборыкину не браться за такія темы. Бѣдный Разсудинъ жалуется, что Шемадуровъ вос-

[1]) Ни одинъ порядочный человѣкъ въ примѣненіи къ себѣ самому такого слова не употребитъ.

пользовался выдуманнымъ разговоромъ, чтобы въ журнальной статьѣ изобразить его дурачкомъ и психопатомъ. Мы достовѣрно знаемъ, что Шемадуровъ этого не сдѣлалъ, а вотъ г. Боборыкинъ, такъ тотъ дѣйствительно изобразилъ... дурачка.

И вѣдь притомъ—съ самыми добрыми намѣреніями!

По отношенію къ Шемадурову его намѣренія были злыя, но этотъ продуктъ вышелъ все же удачнѣе, въ особомъ родѣ. Шемадуровъ не лицо, а просто кукла, но кукла, въ которой всѣ части подогнаны одна къ другой, не расползаются въ разныя стороны. Для современнаго романа такая кукла не годится, но она была бы у мѣста въ извѣстныхъ contes, бывшихъ въ такой модѣ въ XVIII вѣкѣ. Эти „сказки" предназначались не для изображенія жизни, а для доказательства того или иного положенія философовъ, для разрушенія того или иного предразсудка. Если въ выводимыхъ условныхъ фигурахъ: іезуита, философа, китайца, дикаря, оптимиста и проч. проскальзывали индивидуальныя живыя черты, то дѣло было вовсе не въ этихъ чертахъ, а въ той опредѣленной роли, для которой предназначались фигуры, написанныя въ большинствѣ случаевъ по опредѣленному, соотвѣтствующему роли рецепту.

Роль Шемадурова заключается въ томъ, чтобы быть противникомъ Разсудина, „травить", огорчать его. Типа, условій фигуры „русскаго ученика" создаться еще не могло, но рецепты для приготовленія нужной фигуры были готовы въ краткихъ характеристикахъ [1]), попадавшихся чуть не въ

---

[1]) Слѣдующая страничка Громеки, напечатанная въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1861 года, наводитъ насъ на мысль о нѣкоторой общей психической иллюзіи, порождающей подобныя характеристики, (предполагая ихъ полную искренность). „Пусть бы гг. свистуны оскорбляли лица, - пишетъ Громека, — но когда они бросаютъ грязью въ лучшія человѣческія вѣрованія, когда они осмѣиваютъ всякое благородное увлеченіе и когда, наконецъ, знаешь, что это дѣлается изъ одного только фокусничества... И есть люди, которые простодушно вѣрятъ, что въ этомъ фиглярствѣ скрывается глубокая, недосказанная мудрость!.. А между тѣмъ эта мудрость систематически убиваетъ вѣру въ людей, въ ихъ честность и великодушіе, въ ихъ любовь и дружбу, въ возможность безкорыстнаго съ ихъ стороны самопожертвованія... Можно быть увѣрену, что она никого не подвинетъ ни на какое общественное дѣло: для этого требуется вѣра въ человѣка, пламенная вѣра и увлеченіе, а не холодная, бездушная

каждой книжкѣ каждаго „уважающаго себя“ журнала. Г. Боборыкинъ не исчерпалъ имѣвшагося подъ руками матеріала—онъ взялъ изъ него лишь то, что было необходимо для роли. Его Шемадуровъ, хотя и купеческаго происхожденія, ни кабачка, ни лавочки не открываетъ. Зато почтенный романистъ дополняетъ вышеупомянутыя характеристики одною неумѣстной въ полемикѣ, но нужной въ романѣ чертой, проницательно выведенной имъ прямо изъ теоріи экономическаго матеріализма.

Дѣло идетъ объ отношеніи Шемадурова къ браку. Въ числѣ второстепенныхъ лицъ романа имѣется Арина Полканова, уже не разъ и всегда удачно изображенная подъ различными именами въ различныхъ произведеніяхъ г. Боборыкина. Она чуть не съ дѣтства играетъ на биржѣ, эгоистична до послѣдней степени, развращена до конца ногтей, но при этомъ очень разсчетливо и осторожно выбираетъ

насмѣшка, все разъединяющая и оскорбляющая и способная только подвинуть на бросанье изъ-за угла камешковъ и грязи... У нашихъ свистуновъ нѣтъ сердца... они никого и ничего не любятъ“.

Хотя „ученики“ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоятъ гораздо ближе къ „свистунамъ“, чѣмъ къ современнымъ писателямъ народническаго и этико-соціологическаго направленія, тѣмъ не менѣе, ихъ „мудрость“ и мудрость свистуновъ далеко не тождественны. Но „убиваютъ“ онѣ „систематически“—по выраженію Громеки почти одно и то же: „лучшія человѣческія вѣрованія“, превратившіяся... въ громкія слова. Сходство характеристики „свистуновъ“ у Громеки и пр. и „учениковъ“ у гг. народниковъ въ общемъ поразительно. Оно объясняется, какъ намъ кажется, одинаковостью положенія и вытекающей изъ него специальной задачей, неизбѣжной для новаго теченія общественной мысли, встрѣчающагося съ системой взглядовъ, идеологической, гуманитарной, прогрессивной (въ смыслѣ желанія улучшеній, „Отеч. Записки“ считали себя хранителями завѣтовъ Бѣлинскаго), но давно сказавшей со своей точки зрѣнія все, что она могла сказать. Въ такой застоявшейся литературной атмосферѣ необходимо накапливается множество словъ, потерявшихъ отъ частаго и безразборчиваго употребленія всякій опредѣленный конкретный смыслъ, и потому самому очень удобно становящихся всюду, гдѣ недостаетъ понятій. Новому направленію необходимо установить свою точку зрѣнія и объяснить съ нея общественную дѣйствительность, а именно эти-то затерявшія опредѣленный смыслъ слова (и все самыя „хорошія“, любимыя) мѣшаютъ всякому выясненію. Ихъ отбрасываютъ, а противникамъ кажется, что истребляются всѣ тѣ хорошія вещи, которыя подъ ними скрываются. Само собою понятно, что и сами истребители оказываются лишенными всякаго подобія любви, истины, самоотверженія, справедливости, критической мысли, и проч., и проч.

себѣ мужа, „дѣйствуя на началахъ спроса и предложенія". У нея имѣется дядя сановникъ и значительное приданое. Шемадуровъ намѣревается сдѣлать ей предложеніе и обращается къ Студенцовой съ просьбой узнать заранѣе, какъ оно будетъ принято.

— А рисковать не хотите прямо? Ха, ха! основательный вы молодой человѣкъ! — язвитъ Студенцова. Шемадуровъ сообщаетъ ей, что Полканова могла замѣтить его намѣренія.

— И навѣрное замѣтила въ надлежащій моментъ,—отвѣчаетъ Студенцова:—моя Ариша по этой части дрессирована.

— Вы такъ о ней говорите?

— Да вамъ-то чего же бояться? Вы, вѣроятно, и на бракъ-то смотрите съ экономической точки зрѣнія.

Съ внѣшней стороны манера писать у г. Боборыкина очень объективна. Онъ ограничивается почти однимъ только описаніемъ наружности своихъ дѣйствующихъ лицъ, а затѣмъ оставляетъ ихъ разговаривать и размышлять о себѣ самихъ и другъ о другѣ. Но правомъ размышленія пользуются только лица, стоящія на первомъ планѣ. Шемадуровъ, къ счастью, имъ не пользуется (то-то бы поразмышлялъ!); поэтому ни авторъ, ни самъ претендентъ на руку Ариши не говорятъ намъ прямо, съ какой именно „точки" зрѣнія смотритъ этотъ послѣдній на свое сватовство, но вѣроятность остается за „экономической".

Будь Шемадуровъ просто влюбленъ, не сталъ бы онъ обращаться къ Студенцовой, незадолго передъ тѣмъ почти отказавшей ему отъ дому и вообще относящейся къ нему очень неблагосклонно.

Мы отмѣтили эту черту, какъ единственную, самостоятельно найденную г. Боборыкинымъ. Цѣльности полемической куклы она не нарушаетъ. Все, что говорится о Шемадуровѣ, не противорѣчитъ ни одно другому, ни его дѣйствіямъ. Самъ онъ говоритъ довольно прилично, никакихъ экстраординарныхъ нелѣпостей авторъ ему не навязываетъ.

Въ изображеніи Разсудина все, наоборотъ, противорѣчитъ одно другому. Какъ будто человѣкъ, взявъ клочекъ бумаги, чертитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ контуры различныхъ фигуръ, не доканчивая ни одной и не обращая вниманія на проведенныя раньше черты, въ безпорядкѣ перекрещивающіяся съ позднѣйшими.

Компетентныя лица романа говорятъ намъ о достоинствахъ Разсудина, какъ писателя. „У васъ настоящій талантъ художника, — твердитъ ему Токаревъ, — въ публицистѣ это большая рѣдкость!“ Глубиной и свѣжестью его таланта восхищается и Студенцова. Онъ является авторитетомъ для студенчества, пристально изучающаго „общіе вопросы“. Сочувствіе и уваженіе этого студенчества можетъ, конечно, относиться не къ одной его литературной дѣятельности, а также къ судьбѣ, но, судя по образцу, представленному намъ г. Боборыкинымъ, такая молодежь компетентна до извѣстной степени судить и объ умственномъ уровнѣ „уважаемаго“ писателя. Въ этомъ образцѣ, студентѣ Михайловѣ, мозговая страсть была какая-то безусловная. Ему хотѣлось все обнять: и природу, и красоту, и точное знаніе, и полетъ метафизической мысли. И когда онъ разспрашивалъ (Разсудина) о какой-нибудь книгѣ или теоріи, глаза его еще болѣе углублялись, худоба дѣлалась еще болѣе „духовной“, и весь онъ трепетно порывался куда-то“ [1]).

Всѣмъ этимъ г. Боборыкинъ, очевидно, хотѣлъ намъ сказать, что Разсудинъ выдающаяся литературная сила, умственный вожакъ. Но, съ другой стороны, просмотрите все, что говоритъ Разсудинъ, а, кромѣ Студенцовой, онъ всѣхъ чаще на сценѣ—и вы увидите, что авторъ не снабдилъ его ни однимъ словечкомъ, въ которомъ сквозила бы хоть тѣнь талантливости, которое хоть намекало бы на работу мысли или воображенія. Мы привели его споръ съ Шемадуровымъ и два разговора съ Токаревымъ. Кромѣ того, мы имѣемъ цѣлый рядъ длинныхъ разговоровъ между Разсудинымъ и Студенцовой, но эти разговоры сводились въ большинствѣ случаевъ къ лекціямъ декадентства, преподаваемымъ Студенцовой ея поклоннику; на его же долю остаются безцвѣтныя реплики, служащія лишь къ пущему возсіянію его собесѣдницы. Онъ пытается по временамъ вставить словечко о „любви къ человѣку“, о „добрѣ“, о „дѣлѣ“, но она одной, двумя фразами точно отъ мухъ отмахивается отъ этихъ словъ, и онъ умолкаетъ. Такая умственная безпомощность можетъ до извѣстной степени объясняться его влюбленностью, но, во всякомъ случаѣ, противорѣчіе между

---

[1]) „В. Евр.“ 1897 г. Февр. стр. 581.

тѣмъ, что намъ говорятъ о Разсудинѣ, и тѣмъ, что показываютъ, остается во всей силѣ.

Если по той или иной причинѣ читатель заинтересовывается такими произведеніями искусства, какъ попытка г. Боборыкина изобразить Разсудина, то у него невольно возникаютъ вопросы: зачѣмъ понадобилось автору приписать герою ту или другую черту? Такіе вопросы психологически невозможны по отношенію къ истинно художественнымъ образамъ. Ихъ правдѣ, ихъ внутренней необходимости вѣришь такъ же непосредственно, какъ собственнымъ впечатлѣніямъ отъ дѣйствительности и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ иногда даже больше, чѣмъ собственнымъ. Невозможные по отношенію къ истинно-художественнымъ произведеніямъ, такіе вопросы не являются и тогда, когда не художникъ, а простой беллетристъ хорошо изучилъ среду, изъ которой беретъ изображаемое лицо и тщательно продумалъ тѣ мысли, которыми снабжаетъ его. Они не являются, напримѣръ, по отношенію къ Студенцовой—самому удачному лицу въ этомъ неудачномъ романѣ.

Но какъ не спросить себя, зачѣмъ понадобилось г. Боборыкину приписать своему герою слѣдующую черту:

„Больше всего боялся онъ, чтобы его не заподозрили въ непониманіи тѣхъ, кто пришелъ послѣ его поколѣнія. Ему было бы слишкомъ обидно послѣ долгихъ лѣтъ, проведенныхъ тамъ, на краю свѣта, въ вѣчной тьмѣ и вѣчныхъ снѣгахъ, прослыть „старичкомъ“, застывшимъ въ своихъ „прописяхъ“ [1]).

Говорится это по поводу взглядовъ Шемадурова и никакъ не въ томъ смыслѣ, чтобы Разсудинъ былъ не увѣренъ въ своемъ пониманіи народившагося безъ него движенія общественной мысли. Такое сомнѣніе было бы вполнѣ естественно для мыслящаго человѣка, пробывшаго нѣсколько лѣтъ вдали отъ центровъ умственной жизни. Оно говорило бы только о его способности понять это новое, такъ какъ мозги, неспособные понять что-либо, выходящее изъ круга ихъ установившагося міровоззрѣнія, не замѣчаютъ въ большинствѣ случаевъ и своего непониманія.

Но на той же страницѣ, на которой намъ сообщается о страхѣ Разсудина, мы узнаемъ отъ него же самого, что онъ

---

[1]) „В. Евр.“ 1897 г., янв., 161 стр.

давно знаетъ и понимаетъ взгляды Шемадурова. Онъ боится только, какъ бы другіе (въ данномъ случаѣ Дроздовъ) не заподозрили его въ непониманіи. Онъ имѣетъ свои опредѣленныя убѣжденія и боится прослыть старичкомъ, застывшимъ на своихъ прописяхъ, въ глазахъ тѣхъ, кто назоветъ эти убѣжденія „прописями",—боится заранѣе, еще до столкновенія съ Шемадуровымъ.

Ну, скажите на милость, вѣроятенъ ли такой страхъ въ мыслящемъ человѣкѣ вообще и тѣмъ болѣе въ человѣкѣ „прямолинейномъ", какимъ не разъ называютъ въ романѣ Разсудина, въ человѣкѣ, всей душой преданномъ своимъ „идеямъ", о чемъ не разъ говоритъ и самъ Разсудинъ. Убѣжденный, преданный своимъ идеямъ человѣкъ будетъ негодовать, можетъ раздражаться, огорчаться (это зависитъ отъ состоянія его нервовъ), когда его убѣжденія назовутъ прописями, а его самого заподозрятъ въ непониманіи того, что онъ понимаетъ. Но бояться — бояться заранѣе, да еще больше всего!.. Не служитъ ли, наоборотъ, преобладаніе такого страха признакомъ отсутствія серьезныхъ и искреннихъ убѣжденій и присутствія мелкаго тщеславія?

Намъ кажется, что г. Боборыкинъ хотѣлъ соединить на головѣ Разсудина всевозможныя „жалости". А ужъ какъ же не жалко: человѣкъ съ преобладаніемъ подобнаго страха въ душѣ сразу натыкается на такого звѣря, какъ Шемадуровъ, осуществляющаго всѣ его страхи. И дѣйствительно, такая личность, если бы была дорисована, могла бы возбудить жалость—одну жалость, а не сочувствіе, то-есть нѣчто почти обидное.

Но тѣмъ же духомъ, на той же бумажкѣ, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ начатъ образъ этой фигуры, г. Боборыкинъ проводитъ два, три совершенно противоположные образа. Тутъ есть и фанатикъ, самосожигатель конца XVII-го вѣка, вдругъ очутившійся среди населенія, носящагося съ книжками гражданской печати и интересующагося законами развитія земной, грѣшной дѣйствительности, надѣющагося при помощи знанія добиться лучшаго будущаго. А онъ-то знаетъ, что уже родился антихристъ, что ничего не нужно, кромѣ костра, что сгорѣть надо всѣмъ, всѣмъ—иначе антихристъ наложитъ свою печать. Если бы нашелся художникъ, который смогъ бы изобразить такую личность, ея положеніе

представилось бы намъ глубоко трагическимъ, хватало бы за сердце. Тутъ уже не въ личномъ качествѣ Шемадурова дѣло: будь онъ кротче ангела небеснаго, его противнику отъ этого было бы не легче. Противъ него не отдѣльные люди, а сила самаго развитія, измѣнившаяся историческая среда.

Сквозь эти два противоположные образа виднѣется еще третій: какой же Разсудинъ фанатикъ? Неизвѣстно зачѣмъ его и прямолинейнымъ народникомъ-то зовутъ. Онъ вовсе не стремится цѣликомъ отстаивать всѣ свои идеи, а лишь то, что было въ нихъ „здороваго и самоотверженнаго". Если бы Шемадуровъ съ компаніей поддержали это здоровое и самоотверженное, все было бы ладно. У него одни съ ними идеалы. Бѣда лишь въ скверныхъ личныхъ качествахъ этихъ господъ, „не любятъ они никого и ничего, кромѣ своихъ педантскихъ пунктиковъ", и поэтому ругаются. Дѣло, какъ видите, поправимое. Хотя, конечно, вопросъ о томъ, что именно считать „самоотверженной идеей", а что „педантскимъ пунктикомъ" [1]), остается открытымъ.

Во всякомъ случаѣ, каждая изъ трехъ тѣней, отдѣльно обработанная и законченная, могла бы возбудить то или другое чувство: простую жалость, живое состраданіе или сочувствіе. Тѣмъ болѣе—что всѣ онѣ вмѣстѣ не пользуются хорошимъ здоровьемъ и всѣ влюблены въ декадентку Студенцову, что уже и само-то по себѣ порядочное несчастье. А предъ пестрой путаницей линій, именуемой Разсудинымъ. читатель, не зная кому именно и на какой манеръ сочувствовать, успокаивается на томъ, что и Разсудина-то такого никогда не было и не обижалъ его никто, что все это г. Боборыкинъ хотѣлъ было выдумать, да не сумѣлъ.

„Новое Слово" № 12. 1897 г.

---

[1]) А могутъ быть и самоотверженные „педантскіе пунктики". Взять хоть бы ту же святость общины: чтобы жертвовать ея охраненію гражданскими правами одного только крестьянскаго сословія, самоотверженія. конечно, не требуется. При полномъ непониманіи соотношеній между различными сторонами „регламентаціи", святость общины остается простымъ педантскимъ пунктикомъ въ умѣ не служащей интеллигенціи, не заинтересованной лично въ крестьянскомъ безправіи. Но при первомъ проблескѣ пониманія этого соотношенія, пунктикъ интеллигенціи принимаетъ *самоотверженный оттѣнокъ*, оставаясь въ то же время педантскимъ пунктикомъ.

Д. И. Писаревъ
и
Н. А. Добролюбовъ.

Д. И. Писаревъ.

Передъ нами три произведенія по исторіи русской литературы. Во первыхъ, заслуженная, выдержавшая нѣсколько изданій „Исторія новѣйшей русской литературы“ г. Скабичевскаго, затѣмъ „Русскій романъ и русское общество“ г. К. Головина и, наконецъ, третье—это „Исторія русской критики“ г. Ив. Иванова. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ Писаревъ противопоставляется Добролюбову и осуждается съ большей или меньшей строгостью. Г. Ив. Ивановъ такъ и говоритъ, что Писаревъ подлежитъ у него строгому и всестороннему суду...

Несмотря на различіе направленій гг. Головина и Скабичевскаго (первый—открытый противникъ движенія 60-хъ годовъ, второй—его умѣренный и аккуратный сторонникъ), ихъ отношеніе къ Писареву тождественно. Г. Ив. Ивановъ приписываетъ, наоборотъ, дѣятельности Писарева результаты, совершенно несовмѣстимые съ тѣмъ, что видятъ въ ней два первыхъ историка. Наглядно эту разницу можно бы выразить такъ: г. Ив. Ивановъ признаетъ Писарева—кромѣ крайней глупости—виновнымъ еще и въ появленіи у насъ Маркелова; по г. Скабичевскому, онъ былъ выразителемъ и представителемъ Стивы Облонскаго. Остановимся сперва на послѣднемъ, наиболѣе распространенномъ (въ литературѣ, но не среди читателей) взглядѣ на Писарева.

Въ сферѣ выработки новыхъ нравственныхъ идеаловъ г. Скабичевскій видитъ въ эпоху 60-хъ годовъ „два совершенно противоположныхъ полюса, находившіеся по отношенію другъ къ другу въ полномъ антагонизмѣ“. Съ одной стороны, разночинцы стремятся „къ строгому обузданію личности во всѣхъ ея низменныхъ прихотяхъ и похотяхъ“. Съ другой, — дво-

ряне ищутъ оправданія своей распущенности въ „сенсуализмѣ". „Подобно тому, какъ во Франціи въ эпоху регентства версальскіе щеголи... зачитывались Вольтеромъ и энциклопедистами и находили въ ихъ сочиненіяхъ полное оправданіе легкомысленнаго поведенія, ведшаго ихъ къ крайнему раззоренію, а затѣмъ и подъ ножъ гильотины [1]), нѣчто подобное видимъ мы и у насъ въ шестидесятые годы... Масса барскихъ сынковъ, заявляя себя новыми людьми, все новаторство выказывали въ цитатахъ изъ любимыхъ авторовъ... и въ полной разнузданности какихъ бы то ни было похотей и прихотей"... Эти люди не имѣли никакихъ общественныхъ цѣлей, „а напротивъ того, принципіально отрицали всякое служеніе обществу". Въ литературѣ выразители „сенсуальнаго теченія" сгруппировались вокругъ „Русскаго Слова", причемъ „наиболѣе яркимъ послѣдователемъ и полнымъ выразителемъ сенсуальнаго теченія былъ, какъ мы говорили выше, Д. И. Писаревъ" [2]).

Характеризуя затѣмъ дѣятельность Писарева, какъ проповѣдника „сенсуальнаго теченія", г. Скабичевскій говоритъ: „Мы видѣли, что и Добролюбовъ, и Чернышевскій выводили нравственность изъ эгоизма и ратовали противъ насильственнаго подчиненія человѣка нравственному долгу. Но тѣмъ не менѣе высшимъ нравственнымъ идеаломъ все таки они считали самопожертвованіе личности общей пользѣ, требуя лишь, чтобы это самопожертвованіе проистекало изъ свободнаго стремленія къ нему человѣка, безъ приневоливаній. У Писарева-же, какъ сенсуалиста, на первомъ планѣ стоитъ стремленіе къ наслажденію, къ тому, чтобы провести жизнь какъ можно пріятнѣе, въ чемъ онъ и полагаетъ свою теорію эгоизма... Основа нравственнаго идеала, выставляемаго Писаревымъ, это—личность, самоосвободившаяся отъ всѣхъ нравственныхъ законовъ и принциповъ и свободно отдавшаяся своимъ страстямъ и похотямъ..." [3]).

---

[1]) Замѣтимъ мимоходомъ, что хотя Вольтеръ и началъ уже писать въ эпоху регентства, но зачитаться имъ было тогда очень трудно; изъ энциклопедистовъ-же одни еще не родились, другіе едва начинали учиться чистописанію; также и подъ ножъ гильотины, навѣрное, ни одинъ изъ щеголей временъ регентства за древностью лѣтъ не попалъ.

[2]) „Исторія новой русской литературы" Скабичевск. стр. 85, 86, 87.

[3]) Ibidem, стр. 99, 100.

Это подтверждается цитатами, взятыми исключительно изъ статей („Стоячая вода“ и „Базаровъ“), писанныхъ двадцатилѣтнимъ Писаревымъ до его заключенія въ крѣпость. Нѣсколькими страницами раньше самъ г. Скабичевскій сообщаетъ намъ, что „четыре года, проведенные въ заключеніи, были годами большей части его (Писарева) литературной дѣятельности. До того времени онъ только-что успѣлъ выступить на литературное поприще и лишь расправлялъ свои крылья; послѣ заключенія, въ послѣдніе два года своей жизни, онъ писалъ мало и не написалъ ничего замѣчательнаго; такъ что изъ Петропавловской крѣпости вышло все, чѣмъ Писаревъ прославился и въ чемъ выразилось его значеніе“.

Дѣйствительно: „только-что успѣлъ выступить“ и ко времени этого выступленія онъ только успѣлъ справиться съ вынесенными изъ дѣтства „гипотезами величественнѣе Казбека и Монблана“. У Писарева не нашлось любящаго учителя, какимъ былъ Чернышевскій для Добролюбова. Ему пришлось выбиваться собственными силами и „періодъ перехода и умственной борьбы“ былъ для него „тяжелъ и мучителенъ“, какъ разсказываетъ онъ самъ въ статьѣ „Наша университетская наука“. „У меня, говоритъ онъ, напряженіе ума во время переходной борьбы было такъ болѣзненно сильно, что оно повело за собою напряженіе всего организма“. Изъ этой борьбы съ вершинами Казбека и Монблана онъ вышелъ матеріалистомъ, но всѣ его земные взгляды находились еще въ полномъ хаосѣ, ихъ приведеніе въ гармонію съ новой основой міровоззрѣнія еще не совершилось. Надъ всѣмъ преобладало чувство освобожденія, „взрывъ юношеской самостоятельности“, какъ характеризуетъ впослѣдствіи Писаревъ этотъ моментъ своего развитія,—и его-то беретъ г. Скабичевскій для характеристики всей нравственной физіономіи Писарева. Одинъ только этотъ моментъ, очевидно, замѣтилъ въ Писаревѣ и г. Головинъ, утверждающій, что „ему особенно было дорого то, что освобождало отъ стѣсненій, что сулило легкую безшабашную жизнь; подвиги ему были не по плечу... Въ числѣ представителей движенія 60-хъ годовъ, Писаревъ преимущественно олицетворялъ въ себѣ его оптимистическую струю, которая прежде всего несла съ собою

освобожденіе отъ долга, а стало быть, и отъ совѣсти"[1]. Такъ же, какъ и г. Скабичевскій, г. Головинъ противопоставляетъ въ этомъ отношеніи Писарева Чернышевскому и Добролюбову. По своимъ основнымъ взглядамъ всѣ они были „матеріалисты", всѣ „пытались обосновать нравственность помимо всякой обязательности" и проповѣдывали, что человѣкъ созданъ для счастья. Но Чернышевскій, и въ особенности Добролюбовъ, не были послѣдовательны, по мнѣнію г. Головина, и въ сущности являлись идеалистами; Чернышевскій—въ своемъ Рахметовѣ, Добролюбовъ—въ проповѣди, что „достойное содержаніе могутъ дать человѣческой жизни только—чистота и возвышенность ея задачи, т. е. опять таки не погоня за личнымъ счастьемъ, а подчиненіе его общему благополучію. Съ этой точки зрѣнія, право каждой человѣческой личности на полную самостоятельность обусловлено ея готовностью воспользоваться этой самостоятельностью для общественнаго служенія"[2]. Послѣдовательнымъ оказался Писаревъ. Г. Головинъ не приводитъ въ подтвержденіе этого противопоставленія никакихъ цитатъ, но могъ бы привести ихъ лишь изъ тѣхъ-же цитируемыхъ г. Скабичевскимъ статей перваго года сотрудничества Писарева въ „Русскомъ Словѣ", когда, по выраженію самого Писарева въ одномъ изъ позднѣйшихъ его писемъ къ матери, онъ „толковалъ о жизни, какъ совершенный ребенокъ".

Какая громадная разница между „нравственнымъ идеаломъ" Писарева въ началѣ 62-го и его взглядами 64-го года,—всего нагляднѣе видно изъ его двукратнаго изображенія Базарова, въ которомъ онъ оба раза видитъ представителя лучшаго типа молодого поколѣнія, но рисуетъ при этомъ двухъ совершенно различныхъ людей. Въ 1862 году, предвосхищая Ницше, онъ, подъ именемъ Базарова, рисуетъ какую-то Blonda Bestia и любуется ею. „Базаровъ ни въ комъ не нуждается, никого не боится, никого не любитъ и, вслѣдствіе этого, никого не щадитъ". Ни для кого онъ „не смягчитъ ни одной ноты въ своемъ суровомъ голосѣ, не пожертвуетъ ни одной рѣзкой шуткой, ни однимъ краснымъ словцомъ. Поступаетъ онъ такимъ образомъ не во имя принципа,

---

1) „Русскій романъ и русское общество" стр. 215.

2) Ibidem. стр. 191.

не для того, чтобы въ каждую данную минуту быть вполнѣ откровеннымъ, а потому, что считаетъ совершенно излишнимъ стѣснять свою особу въ чемъ бы то ни было... Онъ такъ полонъ собою и такъ непоколебимо высоко стоитъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, что дѣлается почти совершенно равнодушнымъ къ мнѣнію другихъ людей. Дядя Кирсанова... называетъ его самолюбіе сатанинской гордостью. Это выраженіе очень удачно выбрано и совершенно характеризуетъ нашего героя".

Таковы общія черты, которыми Писаревъ обрисовываетъ своего Базарова. Въ особенности напираетъ Писаревъ на то, что его Базаровъ не признаетъ для себя никакихъ резоновъ, кромѣ „мнѣ нравится, мнѣ хочется". У него нѣтъ никакой руководящей идеи. „Ни надъ собой, ни внѣ себя, ни внутри себя онъ не признаетъ никакого регулятора, никакого нравственнаго закона, никакого принципа. Впереди — никакой высокой цѣли; въ умѣ—никакого высокаго помысла..." Эта свобода отъ всякихъ руководящихъ идей и высшихъ цѣлей мила Писареву, потому что съ нею, по его мнѣнію, „личность достигаетъ полнаго самоосвобожденія, полной особности и самостоятельности".

Не романъ Тургенева подсказалъ Писареву эти строки. Ту же свободу отъ всякихъ руководящихъ идей, отъ нравственныхъ идеаловъ и высокихъ цѣлей, онъ проповѣдуетъ. уже раньше въ своей статьѣ „Стоячая вода", тѣ же нотки слышатся и въ „Схоластикѣ XIX вѣка". Таково, очевидно, было въ это время преобладающее настроеніе самого Писарева. Базаровъ далъ ему только поводъ подробнѣе и ярче выразить это настроеніе.

Въ статьѣ „Реалисты", появившейся въ концѣ 64 года, Писаревъ предлагаетъ своему читателю припомнить, какъ онъ учился и воспитывался, какъ сперва папаша тратилъ на него превращенные въ деньги возы пшеницы, соотвѣтствующіе извѣстному количеству рабочихъ дней; какъ съ поступленіемъ въ университетъ часть этой пшеницы перешла въ собственныя руки читателя, и онъ принялся поглощать ее въ видѣ сукна, полотна, дѣльныхъ книгъ, профессорскихъ лекцій, умныхъ мыслей и высокихъ стремленій. „Дальше вы оказываетесь кандидатомъ, и передъ вами раскрывается жизнь... Чѣмъ захочу, думаете вы, тѣмъ и зай-

мусь; куда захочу, туда и поѣду; что захочу, то и сдѣлаю. Я самъ себѣ баринъ, и никому не намѣренъ отдавать отчета въ своемъ образѣ жизни. Мое образованіе изощрило во мнѣ способность наслаждаться всѣмъ, что затрагиваетъ мысль и ласкаетъ чувство; поэтому я намѣренъ извлекать себѣ наслажденіе изъ любви, изъ науки, изъ искусства, изъ живой природы; все — мое, а самъ я не принадлежу рѣшительно никому".

Нельзя не узнать въ этихъ мысляхъ предполагаемаго читателя собственныхъ мыслей окончившаго въ 61 году университетскій курсъ, кандидата Писарева, излагавшаго ихъ въ „Стоячей водѣ", въ „Схоластикѣ XIX в." и въ особенности въ „Базаровѣ".

„Такой взрывъ юношеской самостоятельности, продолжаетъ авторъ „Реалистовъ", очень обыкновенное, быть можетъ, даже *неизбѣжное явленіе въ жизни каждой мыслящей и развивающейся личности* (курсивъ нашъ). Но первый трезвый взглядъ на экономическую прозу жизни кладетъ конецъ этому взрыву. Вы начинаете соображать, что вы поглотили цѣлыя сотни четвертей видоизмѣненной пшеницы и что каждая четверть пшеницы соотвѣтствуетъ извѣстному количеству рабочихъ дней, конныхъ и пѣшихъ, мужскихъ и женскихъ. А я то, думаете вы, такъ радовался обилію моихъ знаній; а я-то такъ гордился силой моего ума и тонкостью моего эстетическаго вкуса! Вѣдь смѣшно даже подумать, къ чему приводится эта радость и эта гордость. Какой я въ самомъ дѣлѣ молодецъ! Какую гору пшеницы я съѣлъ и переварилъ. А что-же я теперь собираюсь дѣлать? Наслаждаться прелестями молодой жизни, т. е., опять ѣсть и опять переваривать? Вѣдь надо же и честь знать... Я взялъ взаймы чужой трудъ; теперь надо же уплачивать этотъ долгъ. А чѣмъ его уплачивать? Деньгами, что-ли? Очевидная нелѣпость. Это значитъ занимать у Ивана, чтобы отдавать Петру. За трудъ можно платить только трудомъ. Сначала другіе люди работали для меня, а теперь я долженъ работать для другихъ. Я весь принадлежу тому обществу, которое меня сформировало. Всѣ силы моего ума составляютъ результатъ чужого труда, и если я буду разбрасывать эти силы на раз-

ныя пріятныя глупости, то я окажусь несостоятельнымъ должникомъ и злостнымъ банкротомъ... врагомъ того самаго общества, которому я обязанъ рѣшительно всѣмъ.

„Когда вы придете къ такимъ серьезнымъ заключеніямъ, тогда безцѣльное наслажденіе жизнью, наукой, искусствомъ окажется для васъ невозможнымъ. Остается только одно наслажденіе,—то, которое выходитъ изъ яснаго сознанія, что вы приносите людямъ дѣйствительную пользу, что вы уплачиваете понемногу накопившуюся массу вашихъ долговъ и что вы твердыми шагами, не сворачивая ни вправо, ни влѣво, идете впередъ къ общей цѣли всей вашей жизни“ („Реалисты“ § XXX).

Теперь же отмѣтимъ, что въ той же статьѣ „Реалисты“, какъ и въ другихъ статьяхъ, писанныхъ по окончаніи краткаго „взрыва юношеской самостоятельности“, цѣль жизни, цѣль „всего мышленія и всей дѣятельности каждаго честнаго человѣка“ Писаревъ видитъ „въ томъ, чтобы разрѣшить навсегда неизбѣжный вопросъ о голодныхъ и раздѣтыхъ людяхъ; внѣ этого вопроса нѣтъ рѣшительно ничего, о чемъ бы стоило заботиться, размышлять и хлопотать“ (Ibid., XXVII).

Можно-ли усомниться въ томъ, что „Базаровъ“ и „Стоячая вода“, цитатами изъ которыхъ такъ упорно характеризуется нравственная физіономія всей литературной дѣятельности Писарева, были лишь результатомъ краткаго взрыва юношеской самостоятельности, и возмужавшій юноша отрекается самымъ рѣшительнымъ образомъ отъ всего того, что наговорилъ онъ тогда подъ вліяніемъ этого взрыва? Взрывъ былъ, дѣйствительно, непродолжителенъ. „Первый трезвый взглядъ на экономическую прозу“ былъ, вѣроятно, брошенъ уже во время обдумыванія первой же статьи, писанной въ заключеніи: „Зарожденіе культуры“. Во всякомъ случаѣ, Blonda Bestia, сильная личность, не стѣсняющая своихъ прихотей никакими руководствующими идеями, такъ сильно привлекавшая Писарева въ моментъ его „взрыва“, уже не встрѣчается въ его произведеніяхъ. Въ статьѣ-же „Реалисты“, имѣвшей всего больше вліянія на молодежь, всего больше читавшейся и перечитывавшейся также и въ 70-хъ годахъ, Писаревъ, какъ нарочно,—и мы думаемъ, что дѣйствительно

нарочно—шагъ за шагомъ опровергаетъ все, что наговорилъ объ этой „личности“ въ первый годъ своего сотрудничества въ „Русскомъ Словѣ“, хотя не упоминаетъ о своихъ статьяхъ того времени.

Начнемъ съ частностей, наглядно показывающихъ, какъ измѣнилось, смягчилось, очеловѣчилось общее настроеніе Писарева, вкладывающаго теперь въ тѣ же сцены любимаго романа совершенно противоположный смыслъ.

Въ началѣ 1862 года, показавши полное отсутствіе всякихъ точекъ соприкосновенія между Базаровымъ и его родителями, Писаревъ сообщаетъ намъ, что „родители Базарова страдаютъ отъ этого разлада, а Базаровъ и въ усъ не дуетъ“. Онъ говоритъ далѣе, что и умирая, Базаровъ „къ родителямъ своимъ остается по прежнему равнодушнымъ“. И это неправда: почти послѣдними словами Тургеневскаго Базарова передъ потерей сознанія была просьба къ Одинцовой приласкать его стариковъ. „Вѣдь такихъ людей, какъ они, въ вашемъ большомъ свѣтѣ днемъ съ огнемъ не сыскать“. Да и вообще: у Базарова нѣтъ почтительности къ родителямъ, которой они и не требуютъ, а ласкаться онъ не способенъ, но любитъ онъ ихъ не меньше, чѣмъ Аркадій своихъ стариковъ. Особенно жестокій видъ имѣетъ лишь кратковременность его перваго визита къ нимъ, тотчасъ послѣ разрыва съ Одинцовой. Но вѣдь онъ полонъ злости на свою боль, а отецъ ни на шагъ не отходитъ отъ него и пристаетъ съ разговорами. Но въ 1862-мъ году Писареву хотѣлось, чтобы Базаровъ рѣшительно никого не любилъ. Это лучше гармонировало съ созданной имъ „личностью“.

Тургеневскій Базаровъ навсегда остался любимымъ художественнымъ образомъ для Писарева. Въ немъ онъ искалъ своего собственнаго отраженія. Онъ самъ хотѣлъ быть такимъ, какимъ рисовалъ его въ мартѣ 62 г. Въ концѣ 1864 г. онъ былъ, по своему настроенію, по своимъ идеаламъ и симпатіямъ, совсѣмъ другимъ и почувствовалъ потребность передѣлать и своего Базарова, очеловѣчить его характеръ и обратить его въ свою новую вѣру. Онъ и теперь видитъ, что Базаровъ не можетъ доставить родителямъ того удовольствія, котораго они вполнѣ заслуживаютъ, но теперь Базаровъ глубоко страдаетъ отъ этой невозможности, страдаетъ больше

самихъ родителей [1]). „И начинаетъ онъ высказываться отрывочными предложеніями, такъ, какъ всегда высказываются люди сильные и сильно измученные.., Совѣстно какъ-то, ну и мать тоже вздыхаетъ за стѣнкой, а сказать ей нечего... умный человѣкъ понялъ бы, что Базаровъ особенно заслуживаетъ въ эту минуту сочувствія, потому что быть мучителемъ, и мучителемъ роковымъ, для каждаго разумнаго существа гораздо тяжелѣе, чѣмъ быть жертвой". И именно за непониманіе этого, за обвиненіе Базарова въ жестокосердіи, Писаревъ подноситъ Антоновичу знаменитое „лукошко россійскаго глубокомыслія!" („Реалисты", § V).

Неукротимый, демоническій Базаровъ 62 г. не можетъ быть ни хорошимъ мужемъ, ни нѣжнымъ отцомъ семейства, и Писаревъ успокаиваетъ читателя лишь тѣмъ, что его Базаровъ навсегда останется бобылемъ.

Базаровъ конца 64-го года выражаетъ свой самый искренній взглядъ на отношенія между мужчиной и женщиной въ своемъ отвѣтѣ на слова Одинцовой: „По моему все или ничего. Жизнь за жизнь. Взявъ мою, отдай свою, и тогда уже безъ сожалѣнія и безъ возврата". Базаровъ отвѣчаетъ, что „это условіе справедливое". А затѣмъ Писаревъ горячо доказываетъ, что реалистъ и не можетъ не быть вѣрнѣйшимъ изъ мужей. Онъ презрительно улыбнется, если вы скажете ему, что за обладаніемъ слѣдуетъ охлажденіе. Такъ, дѣйствительно, бываетъ у бездѣльныхъ людей, видящихъ въ женской любви высшую цѣль жизни. У нихъ вслѣдъ за достиженіемъ цѣли является чувство внутренней пустоты, для наполненія которой ставится новая цѣль въ такомъ же родѣ.

„Цѣль моей жизни была всегда одна и та же..." говоритъ Писаревскій реалистъ своимъ противникамъ. Съ этой настоящей цѣлью моей жизни обладаніе любимой женщиной никогда не имѣло ничего общаго... Поэтому я никогда не составлялъ себѣ преувеличеннаго понятія о наслажденіяхъ

[1]) У самого Писарева во время „взрыва его юношеской самостоятельности" шелъ непрерывный, то смягчавшійся, то обострявшійся разладъ съ матерью. Арестъ прекратилъ этотъ разладъ. Мать осталась единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ у Писарева были постоянныя, то личныя, то письменныя сношенія. Статья „Реалисты" посвящена „Моему лучшему другу—моей матери".

любви и, слѣдовательно, я былъ совершенно застрахованъ противъ всякихъ разочарованій и охлажденій. Мнѣ нравится наружность моей жены, но я бы никогда не рѣшился сдѣлаться ея мужемъ, если бы я не былъ вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что она во всѣхъ отношеніяхъ способна быть для меня самымъ лучшимъ другомъ... Охладѣть къ такому другу потому, что онъ десять лѣтъ былъ другомъ... есть ли человѣческій смыслъ въ подобномъ предположеніи? На это способны только эстетики" (§ XIX).

Это частности, но такое же полное перерожденіе постигло прежнюю „личность" и въ другихъ отношеніяхъ.

Мы уже видѣли, что жизнь „реалиста" имѣетъ одну общую цѣль. Базаровъ 62 г. ея не имѣлъ, и это вовсе не было его личной особенностью. Въ „Схоластикѣ XIX в." (§ VIII) Писаревъ горячо уговариваетъ свою „личность" не спрашивать себя о „цѣли жизни", а стараться жить полной жизнью, положившись на „непосредственный инстинктъ", который натолкнетъ на прямую дорогу вѣрнѣе самаго тщательнаго анализа.

Теперь жить такимъ образомъ свойственно лишь „эстетикамъ", и съ точки зрѣнія автора „Реалистовъ", придававшаго слову „эстетикъ" очень обширный смыслъ, Базаровъ, не имѣвшій „никакой цѣли" [1]) и, самъ его творецъ Писаревъ, оказываются настоящими эстетиками.

---

[1]) Это первое мнѣніе Писарева о Базаровѣ раздѣляется почти всѣми, писавшими о знаменитомъ романѣ, вопреки утвержденію самого Тургенева въ извѣстномъ письмѣ къ Случевскому, что нигилизмъ надо понимать въ особомъ смыслѣ, подразумѣвающемъ явную *цѣль*. Въ доказательство отсутствія у Базарова общественныхъ цѣлей и помысловъ, приводится обыкновенно его фраза о ненависти къ будущему счастливому Ивану или Сидору, для котораго онъ „долженъ изъ кожи лѣзть". Но эта фраза, вырванная изъ длиннаго разговора, въ которомъ Базаровъ то высказывалъ на разные лады свои горькія мысли, то просто дразнилъ Аркадія (Пушкинымъ, дядею, предложеніемъ подраться, наконецъ), говоритъ прежде всего лишь о настроеніи Базарова тотчасъ послѣ разрыва съ Одинцовой. Описывая дорогу отъ Одинцовой къ роднымъ Базарова, Тургеневъ говоритъ о своемъ героѣ: „Предшествовавшую ночь онъ всю не спалъ и не курилъ, и почти ничего не ѣлъ уже нѣсколько дней. Сумрачно и рѣзко выдавался его исхудалый профиль изъ-подъ нахлобученной фуражки". Первую ночь дома Базаровъ тоже „не заснулъ до утра; широко раскрывъ глаза онъ злобно смотрѣлъ въ темноту... не успѣвъ отдѣлаться отъ послѣднихъ горькихъ впечатлѣній". Утромъ послѣ этой второй безсонной

Въ томъ-то и состоитъ пошлость всякихъ эстетическихъ приговоровъ, говоритъ Писаревъ („Реалисты" § XV), что они произносятся не вслѣдствіе различенія, а по вдохновенію, по внушенію того, что называется голосомъ инстинкта". А наши инстинкты, наши безсознательныя влеченія, симпатіи и антипатіи захвачены нами изъ прошедшаго, изъ той среды, въ которой мы выросли (прежде они были внушеніемъ „здоровой натуры"). Существенная разница (между эстетиками и реалистами),—разсуждаетъ онъ дальше,—заключается не въ томъ, что одни признаютъ, а другіе отрицаютъ искусство; это только второстепенные выводы. Можно быть эстетикомъ, не выходя изъ сферы чисто практическихъ интересовъ; и можно быть реалистомъ, съ любовью изучая Шекспира и Гейне, какъ геніальныхъ и великихъ людей. Существенная разница лежитъ гораздо глубже; эстетики всегда останавливаются на аргументѣ: *потому что это мнѣ нра-*

ночи происходитъ разговоръ, въ которомъ Базаровъ на разныя манеры, сперва серьезно, а затѣмъ въ видѣ злыхъ дразнящихъ парадоксовъ, вертитъ передъ Аркадіемъ все одну и ту же „мысль о тщетѣ всего человѣческаго" („Довольно"). Сперва въ самой общей формѣ: среди безконечнаго пространства и времени онъ, Базаровъ со своими мыслями и желаніями занимаетъ ничтожную точку неуловимое мгновеніе... Затѣмъ, послѣ различныхъ переливовъ, разговора, онъ, окольнымъ путемъ, опять приходитъ къ той же мысли о ничтожности для него, живущаго лишь одно мгновеніе индивидуума Базарова, всѣхъ его интересовъ, въ томъ числѣ и судьбы того мужика, который будетъ жить въ бѣлой избѣ. У Базарова нѣтъ „ощущенія" удовольствія при мысли о вылѣзаніи изъ кожи для этого будущаго мужика, а вѣдь „все зависитъ отъ ощущеній", „глубже этого люди никогда не проникнутъ". Въ данную минуту все повертывается къ Базарову той стороной, которая говоритъ о ничтожности, безсиліи относительности.

Но вѣдь это теперь. Не всегда же ничто не интересно Базарову или интересны лишь размышленія о тщетѣ всего человѣческаго. Не онъ написалъ „Довольно". Мысли о быстротечности индивидуальнаго существованія, объ относительности знанія и проч. давно знакомы, конечно, Базарову, но онѣ не торчали безпрерывно передъ его умомъ и до встрѣчи съ Одинцовой спокойно уживались съ планами будущаго („Думалъ: обломаю дѣлъ много, не умру, когда задача есть, вѣдь я гигантъ!"), съ возней съ людьми, съ интересомъ къ наукѣ и проч. Жилъ онъ всѣми этими интересами, но вотъ захватила его страсть. Пока онъ разговаривалъ съ Одинцовой, а въ промежуткахъ разговоровъ ругалъ самого себя, онъ, быть можетъ, и не обратилъ еще вниманія на то, что эта бурная, сильная страсть вытѣснила изъ его души всѣ другіе интересы. Произошелъ разрывъ: Базаровъ злится на свою боль, онъ хотѣлъ бы тотчасъ-же вернуться

вится (также поступала и былая „личность"). Реалисты находятъ нужнымъ разсмотрѣть, что за штука это *я*, такъ отважно произносящее свои приговоры. Оно сложилось подъ различными вліяніями; были дурныя, были и хорошія: умныхъ людей и умныхъ книгъ. Но дерзко было бы утверждать, что послѣднія вліянія на столько очистили его отъ первыхъ, что всякое безотчетное пожеланіе или симпатія у него будетъ непремѣнно хорошей. Поэтому реалистъ не полагается на нихъ, а подчиняетъ свою жизнь одной общей руководящей идеѣ. „Ясно теперь, что именно существованіе этой высшей руководящей идеи у послѣдовательнаго реалиста и отсутствіе такой идеи у эстетика составляетъ основное различіе между этими двумя группами людей. Какая же это идея? Это идея общей пользы или общечеловѣческой солидарности". Для реалиста эта идея есть одинъ изъ основныхъ законовъ человѣческой природы, изъ нару

къ прежнимъ интересамъ, но не можетъ: боль слишкомъ сильна, а подъ ея вліяніемъ умъ подсказываетъ знакомыя мысли о ничтожности всего человѣческаго, по сравненію съ вѣчностью, въ качествѣ аргументовъ противъ значительности всѣхъ интересовъ и задачъ... „въ математической точкѣ мозгъ работаетъ, чего-то хочетъ тоже... Что за безобразіе! Что за пустяки!... Будетъ Сидоръ жить въ бѣлой избѣ, а изъ меня лопухъ рости будетъ;—ну, а дальше?" Въ сущности-то все это ничтожно не передъ вѣчностью, а передъ неудовлетворенной страстью, передъ болью, передъ злостью, наполняющей индивидуума Базарова, чего онъ вовсе и не скрываетъ отъ Аркадія (а Тургеневъ отъ насъ).

— „Мои родители заняты и не безпокоятся о собственномъ ничтожествѣ, а я... я чувствую только скуку да злость.

— Почему же злость,—спрашиваетъ Аркадій.

— Почему? Какъ почему? Да развѣ ты забылъ?... Э! да ты, я вижу Аркадій Николаевичъ, понимаешь любовь, какъ всѣ новѣйшіе молодые люди... Но довольно объ этомъ. Чему помочь нельзя, о томъ и говорить стыдно"... Но черезъ минуту онъ опять говоритъ и опять возвращается къ мысли о ничтожествѣ... Не будь ему знакомы эти мысли, не онѣ, а какія-нибудь другія явились бы подъ дѣйствіемъ той боли, которая подавляетъ всѣ прежніе интересы Базарова, но будь эти мысли его всегдашнимъ, основнымъ интересомъ, это былъ бы совсѣмъ другой Базаровъ. Это былъ бы чистокровный Гамлетъ. Но Гамлеты не способны и къ страсти... Тургеневъ навѣрно не смогъ бы изобразить Базарова дѣйствующимъ, но въ томъ-то, мнѣ кажется, и заключается загадочность, исключительность для Тургенева базаровскаго типа, что въ немъ онъ встрѣтилъ гамлетовскую способность къ безпощадному анализу вмѣстѣ съ силой воли и страсти, которыя, по наблюденію Тургенева, обыкновенно встрѣчаются лишь у вѣрующихъ, но не анализирующихъ Донъ-Кихотовъ.

шенія котораго вытекаютъ почти всѣ хроническія страданія нашей породы, т.-е. существованіе голодныхъ и раздѣтыхъ, трудящихся безъ наслажденія и потребляющихъ безъ труда. Реалистами могутъ въ настоящее время быть лишь представители умственнаго труда. Мысль и трудъ разъединены въ настоящее время, въ этомъ-то и заключается главнѣйшее нарушеніе закона солидарности. Но позволителенъ и полезенъ лишь тотъ умственный трудъ, который прямо или косвенно клонится къ уничтоженію этого нарушенія. Вѣдь „внѣ этого вопроса о голодныхъ и раздѣтыхъ нѣтъ рѣшительно ничего, о чемъ бы стоило заботиться, размышлять и хлопотать“. Въ § XVI Писаревъ опредѣляетъ поведеніе реалиста, руководящагося своей высшей идеей, какъ „проведеніе дѣятельной общечеловѣческой любви (у Чернышевскаго „невѣста“ Лопухова, являющаяся во снѣ Вѣрѣ Павловнѣ, называется „любовью къ людямъ“) во всѣ мельчайшіе поступки собственной жизни“). Это же слово онъ повторяетъ въ заключительной формулѣ своей статьи.

Кстати, объ этой формулѣ. „Реалисты“ оканчиваются слѣдующими словами: „Статья моя кончена. Читатель видитъ изъ нея, что всѣ стремленія нашихъ реалистовъ, всѣ ихъ радости и надежды, весь смыслъ и все содержаніе ихъ жизни пока исчерпываются тремя словами: „*Любовь, знаніе и трудъ*“. Послѣ всего, что сказано выше, эти слова не нуждаются въ комментаріяхъ“.

Эта формула крѣпко срослась съ памятью Писарева. Ее часто приводятъ, упоминая мимоходомъ его имя, и въ послѣднее время при такихъ упоминаніяхъ почти всегда оказывается, что первое изъ трехъ словъ „любовь“ принимается въ смыслѣ любви мужчины къ женщинѣ. Въ громадной статьѣ „Реалисты“ (146 стр. въ изд. Павленкова) защитѣ реалистовъ противъ обвиненія въ отрицаніи семьи и проповѣди разврата посвящено 4 страницы, изъ которыхъ 2 занимаетъ защитительная рѣчь реалиста, суть которой мы привели выше, а затѣмъ страницъ 15 наполнены цитатами и подробнымъ анализомъ всѣхъ разговоровъ между Одинцовой и Базаровымъ и изобличеніемъ критиковъ вообще и Антоновича въ частности въ томъ, что они опростоволосились, обвиняя Базарова въ цинизмѣ и неуваженіи къ женщинѣ. Самостоятельнымъ, а не въ видѣ самозащиты, раз-

смотрѣніемъ вопроса о любви между мужчиной и женщиной статья „Реалисты“ вовсе не занимается; а вѣдь именно изъ нея читатель долженъ былъ увидѣть, что словами „любовь, знаніе и трудъ“ исчерпывается весь смыслъ и все содержаніе жизни реалистовъ. Для друзей-читателей, которыхъ было такъ много у Писарева, формула дѣйствительно не нуждалась въ комментаріяхъ. Не обманулся, впрочемъ, и читатель-врагъ. За эту самую статью „Реалисты“ Антоновичъ обвинилъ Писарева въ аскетическомъ взглядѣ на половую любовь. Въ отвѣтѣ Антоновичу Писаревъ рѣшительно отрицаетъ основательность такого обвиненія.

„Весь мой аскетизмъ,—говоритъ онъ,—сводится къ тому, что я говорилъ и говорю до сихъ поръ, что ни мужчина, ни женщина не должны видѣть въ любви главную цѣль и единственный смыслъ своего существованія“ („Посмотримъ“ § XII). И дѣйствительно, именно таковъ смыслъ того немногаго, что говорится въ „Реалистахъ“ о любви между мужчиной и женщиной, и нигдѣ въ сочиненіяхъ Писарева вы не найдете ничего, оправдывающаго тотъ индивидуалистическій личный смыслъ, который придается формулѣ Писарева.

Писаревъ и въ „Реалистахъ“ не говоритъ о „самопожертвованіи“, какъ никогда не говорятъ о немъ также ни Чернышевскій, ни Добролюбовъ.

„Реалистъ“ такъ же эгоистиченъ, какъ и эстетикъ, но эгоизмъ эстетика—это эгоизмъ ребенка, готоваго объѣсться всякимъ попавшимся лакомствомъ, изъ всего дѣлающаго себѣ игрушку. Реалистъ же, съ разсчетливостью зрѣлаго человѣка, отдавшись своей руководящей идеѣ, заготовляетъ себѣ одно счастье на цѣлую жизнь („Реалисты“, § XV). Этого счастья не могутъ разрушить даже тяжелыя ощущенія, порождаемыя неудачами. „Если мнѣ приходится пережить кое-какія непріятности, то я все-таки знаю, что я изъ многихъ золъ выбираю меньшее. Если я пойду въ разрѣзъ съ естественнымъ закономъ, если я уклонюсь отъ него въ сторону, то въ общемъ результатѣ жизнь моя пойдетъ еще хуже“. Хуже потому, что тогда онъ сдѣлается злостнымъ банкротомъ, потеряетъ право на самоуваженіе, а это великое благо, всѣ его желаютъ и теряютъ лишь по неразсчетливости. Выбирая себѣ то или другое поприще, необходимо

безусловно подчинить высшей руководящей идеѣ тѣ различныя соображенія, которыя обыкновенно называютъ практическими. Жертвой это можетъ показаться только на видъ, на самомъ же дѣлѣ этого требуетъ эгоистическій разсчетъ. Если бы, стоя на распутьи между *выгоднымъ*, но противорѣчащимъ интересамъ большинства занятіемъ и, повидимому, невыгоднымъ, но имъ соотвѣтствующимъ, юноша могъ увидѣть себя же самого послѣ пятнадцатилѣтняго шествованія по выгодному пути, онъ съ отвращеніемъ отвернулся бы отъ такого будущаго. Многіе приходятъ къ полному паденію, но идуть обыкновенно не туда; если бы могли предвидѣть, не пошли бы. Слѣдовательно, происходитъ ошибка въ разсчетѣ, предохранить отъ которой можетъ лишь подчиненіе высшей идеѣ. Но между отраслями труда, соотвѣтствующими интересамъ большинства, слѣдуетъ выбирать ту, которая вамъ пріятна. Лишь наслаждаясь собственнымъ трудомъ, можно принести всю ту пользу, на которую способенъ. Идея общечеловѣческой солидарности часто „нравится" также и эстетикамъ, но для нихъ „эта великая идея", деспотически господствовавшая надъ умами міровыхъ геніевъ, становится милой бездѣлушкой, которую пріятно поставить на письменный столъ... Эстетики вообще восторгаются, умиляются и человѣколюбствуютъ гораздо чаще и шумнѣе, чѣмъ реалисты, которые обыкновенно обнаруживаютъ упорную антипатію ко всякому порывистому энтузіазму. Но эстетики считаютъ совершенно невозможнымъ дѣломъ провести идею дѣятельной любви во всѣ мельчайшіе поступки собственной жизни. Для нихъ эта идея—блестящій мундиръ, который можно и даже слѣдуетъ надѣвать по табельнымъ днямъ, но который при всей своей красотѣ превратится въ орудіе пытки, если вы станете таскать его каждый день, съ ранняго утра до поздней ночи (Такимъ эстетикомъ въ мундирѣ или „коровой подъ кавалерійскимъ сѣдломъ" изображаетъ Писаревъ Щетинина въ своемъ разборѣ „Труднаго времени" Слѣпцова). Когда имъ говорятъ, что это даже не мундиръ, а очень просторное домашнее платье, то они этому рѣшительно не вѣрятъ, и людей, высказывающихъ подобныя мысли, называютъ фантазерами или лицемѣрами" (§ XVI).

Герои Чернышевскаго, поступая,—по общепринятой тер-

минологіи,—самоотверженно, руководствуются, по увѣренію своего творца, простымъ разсчетомъ. Уйти, подавить свое чувство, конечно тяжело, но эта боль пройдетъ, спокойствіе возстановится. „А если я разъ поступлю не такъ хорошо, какъ могъ бы, я навсегда утрачу возможность довольства собою, отравлю всю свою жизнь". Выбирая меньшее для себя зло, „я поступаю не глупо, вотъ и вся похвала мнѣ". Этотъ же разсчетъ Писаревъ примѣняетъ ко всей жизни „реалиста" и въ полномъ согласіи съ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ утверждаетъ, что трудъ на пользу большинства даетъ величайшее счастье въ мірѣ.

Именно этого счастья ищетъ онъ теперь и для себя. Разъ оставивъ позади „эмансипацію личности" средняго класса ради ея собственнаго всесторонняго развитія и счастья, онъ уже къ ней не возвращался и всѣми своими статьями преслѣдовалъ, какъ зналъ и какъ умѣлъ, одну и ту-же цѣль: доставить какъ можно больше работниковъ той единственной работѣ, которую онъ считалъ достойной честныхъ людей.

Мы надѣемся дальше показать, что и борьба съ эстетикой, и проповѣдь естествознанія, и педагогическія статьи Писарева — все это *въ его глазахъ, съ его точки зрѣнія* служило именно этой цѣли, а вѣдь:

„Wer den Dichter will versteh'n
„Muss im Dichter's Lande geh'n"

вѣрно не только относительно поэта, но и всякаго писателя, имѣвшаго свои опредѣленныя, ему дорогія убѣжденія, и отдѣленнаго отъ насъ извѣстнымъ промежуткомъ времени. Онъ жилъ на землѣ, успѣвшей съ тѣхъ поръ уже нѣсколько измѣниться. Чтобы дѣйствительно понять, что именно хочетъ онъ сказать намъ и что говорилъ своимъ землякамъ, надо сумѣть перенестись на его точку зрѣнія, попытаться взглянуть на міръ его глазами, разглядѣть, что ему дорого, что ненавистно.

Въ первый періодъ своей дѣятельности Писаревъ не имѣлъ еще вліянія на молодежь. Онъ былъ тогда начинающимъ писателемъ въ только что формировавшемся журналѣ, когда „Современникъ" находился на вершинѣ своего зна-

ченія и въ немъ не смолкли еще голоса Чернышевскаго и Добролюбова. Любимцемъ молодежи Писаревъ сдѣлался лишь позднѣе, когда опустѣлый „Современникъ" въ сравнительно-бездарныхъ, а главное — недостаточно убѣжденныхъ рукахъ Антоновича сталъ клониться къ упадку. И во всякомъ случаѣ тотъ Писаревъ, котораго цитируетъ г. Скабичевскій въ качествѣ „моралиста и проповѣдника" разнузданности, точно также уничтоженъ, стертъ съ лица земли самимъ же Писаревымъ въ его дальнѣйшемъ развитіи, какъ былъ уничтоженъ Бѣлинскій — проповѣдникъ примиренія съ русской дѣйствительностью дальнѣйшими статьями того же Бѣлинскаго. А тотъ Писаревъ, которымъ зачитывались и шестидесятники, и семидесятники, ни на волосъ не расходился въ этомъ вопросѣ съ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ. Г. Скабичевскій придаетъ невѣрный оттѣнокъ взглядамъ Чернышевскаго и Добролюбова, говоря, что хотя они и выводили нравственность изъ эгоизма, „но *тѣмъ не менѣе* высшимъ нравственнымъ идеаломъ *все-таки* они, считали самопожертвованіе личности общей пользѣ". Всѣ они—какъ Чернышевскій и Добролюбовъ, такъ и Писаревъ—утверждали и доказывали, что для „новыхъ людей", то самое, что другимъ кажется „жертвой", представляется счастьемъ, а слѣдовательно, дѣлается ими изъ эгоизма.

Не они, конечно, выдумали эту теорію эгоизма. Съ различными оттѣнками, смотря по мѣсту и времени, она не разъ уже всплывала на поверхность жизни, и становилась предметомъ горячихъ обсужденій, чтобы затѣмъ снова отступить на полки съ рѣдко читаемыми книгами. Мы не намѣрены говорить о ней по существу: замѣтимъ только, что въ тѣ моменты, когда она распространялась, въ моменты переработки міросозерцанія, пробужденія къ умственной жизни и общественнымъ интересамъ новыхъ слоевъ населенія, въ ней было много *психологической* правды относительно данныхъ людей, въ данное время. Много было такой правды и у насъ въ томъ оттѣнкѣ этой теоріи, въ какомъ она распространилась въ тѣ годы, когда жажда полезной (по собственному убѣжденію) общественной дѣятельности, мучившая сливки всѣхъ поколѣній русскихъ образованныхъ людей въ теченіе почти всего XIX вѣка, спустившись въ болѣе широкій кругъ, сказалась здѣсь съ такою силою, что

люди, забывая о всякихъ иныхъ видахъ „эгоизма", рвались къ ней, искали ее, какъ несомнѣннаго счастья.

Итакъ, не въ вопросахъ нравственности разошелся Писаревъ со своими ближайшими предшественниками. Мы думаемъ, наоборотъ, что именно Чернышевскій своимъ романомъ помогъ ему разобраться въ этихъ вопросахъ и что Писаревъ примѣнялъ и развивалъ точку зрѣнія автора „Что дѣлать" совершенно въ духѣ своего учителя.

Однако Писаревъ правъ, утверждая, что если бы онъ могъ „съ глазу на глазъ и съ полной откровенностью" поговорить съ Добролюбовымъ, то между ними оказались бы серьезныя разногласія. Они, дѣйствительно, расходятся между собою въ такомъ важномъ пунктѣ, который придаетъ особую окраску всей ихъ литературной дѣятельности. Говоря, что онъ разошелся съ Добролюбовымъ „во взглядѣ на Катерину, т. е. въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ оцѣнка свѣтлыхъ явленій нашей народной жизни", Писаревъ намекаетъ, въ чемъ это расхожденіе. Не въ оцѣнкѣ, конечно, индивидуальнаго характера Катерины, обрисованнаго Островскимъ,— ничего „основного" въ такомъ разногласіи не было бы. Но и для Добролюбова Катерина была такъ важна, вызвала такія восторженныя рѣчи лишь какъ символъ цѣлаго народа.

Народъ—та „многоводная рѣка", которая, встрѣтивъ препятствія въ своемъ теченіи, бурлитъ и прорываетъ ихъ не потому, чтобы водѣ захотѣлось пошумѣть, „а просто потому, что ей это необходимо для выполненія ея естественныхъ требованій" (Сочин. Доброл. стр. 474, т. III). „Крайности отражаются крайностями, и самый сильный протестъ бываетъ тотъ, который поднимается, наконецъ, изъ груди самыхъ слабыхъ и терпѣливыхъ" (461)

Катерина приводитъ въ восторгъ Добролюбова своимъ восклицаніемъ: „Коли очень мнѣ здѣсь опостылитъ, такъ не удержать меня никакой силой. Въ окно выброшусь, въ Волгу кинусь. Не хочу здѣсь жить, такъ не стану, хоть ты меня рѣжь". „Вотъ высота, восклицаетъ Добролюбовъ, до которой доходитъ наша народная жизнь въ своемъ развитіи". Сравненіе съ „рѣкой, пробивающейся черезъ всѣ преграды и не могущей остановиться въ своемъ теченіи", встрѣчается и въ статьѣ „Черты для характеристики рус-

скаго простонародія", и на этотъ разъ съ рѣкой сравнивается самъ народъ въ своемъ стремленіи къ удовлетворенію своихъ естественныхъ потребностей (стр. 365—366).

Въ послѣдніе годы дѣятельности Добролюбова ожиданія и опасенія этихъ наводненій [1]) стояли въ воздухѣ, и для Добролюбова были, повидимому, почти единственнымъ лучемъ свѣта. Царствомъ самодуровъ и ихъ жертвъ, ползкомъ пробирающихся въ самодуры или забитыхъ до полнаго отупѣнія, представляется ему все наше купечество, чиновничество, дворянство, поскольку оно не усвоило европейской цивилизаціи. А наши европейцы сплошь Обломовы. Обломовы, суетящіеся или лежащіе на спинѣ, но одинаково относящіеся къ своимъ идеямъ, совершающіе подвиги лишь въ мечтахъ, желающіе дѣйствовать лишь на словахъ. Илья Ильичъ еще лучше другихъ, онъ хоть никого не морочитъ. А какое презрѣніе возбуждаетъ въ немъ сама прогрессивная литература съ ея блаженнымъ самодовольствомъ, съ отведенной ей ролью обличать самыхъ мелкихъ изъ взяточниковъ, карать въ общихъ выраженіяхъ такія злоупотребленія, которыя въ это время уже искореняетъ само начальство, поднимать вопросы приблизительно черезъ годъ послѣ того, какъ они уже подняты и разрѣшаются въ опредѣленномъ направленіи правительствомъ! Онъ знаетъ, что литература и не можетъ иначе дѣйствовать, но его возмущаетъ ея готовность дѣлать видъ, будто она дѣйствительно борется съ общественнымъ зломъ и поднимаетъ вопросы.

Онъ вѣритъ только въ „простонародье". Именно вѣритъ. Въ литературѣ еще очень мало данныхъ „для характеристики простонародья". Нѣтъ изслѣдованій его быта, нѣтъ и такихъ художественныхъ произведеній, изъ которыхъ можно бы узнать его подлинныя черты. А потребность идеализировать народъ такъ сильна, что до появленія Катерины Островскаго, Добролюбову приходится брать матеріалъ для идеализаціи изъ воздушныхъ силуэтовъ женскихъ головокъ въ „разсказахъ" Марка Вовчка. Эти нѣжные, трогательные образы до такой степени лишены плоти и крови, что перенеси ихъ куда угодно и только приставь къ нимъ достаточное количество угнетателей—они останутся все также тро-

[1]) Цензурный псевдонимъ возстаній.

гательны. Добролюбовъ и самъ знаетъ и говоритъ, что характеры у Марка Вовчка едва намѣчены, а факты случайны и не связаны съ обычнымъ строемъ жизни. Въ добавокъ и чуть-чуть-то намѣчены у Марка Вовчка только женскіе силуэты, — мужчины остаются совсѣмъ въ тѣни. Но въ литературѣ не имѣется мужскихъ образовъ одинаковой красоты, подъ которыми было бы подписано „крестьянинъ", и Добролюбовъ убѣждаетъ себя, что въ женщинахъ истинная природа крестьянина даже виднѣе, чѣмъ въ мужчинѣ. Женщина меньше сталкивается съ людьми другихъ сословій, она будто бы и трудится меньше мужчины и поэтому имѣетъ больше свободнаго времени предаваться своимъ мыслямъ. Самый родъ ея занятій, пряжа, тканье,—таковъ, что при немъ удобнѣе думать и мечтать, чѣмъ при мужскихъ работахъ и т. д.

Не изъ Марка Вовчка, не изъ Островскаго черпалъ Добролюбовъ свою вѣру въ народъ, а наоборотъ, ихъ образы служили ему лишь предлогомъ для исповѣданія его твердой вѣры въ красоту и силу скораго разлива народной рѣки. Писарева эта вѣра, видимо, миновала. Онъ на 6 лѣтъ моложе Добролюбова и ко времени смерти знаменитаго критика не успѣлъ еще выработать себѣ никакихъ серьезныхъ общественныхъ взглядовъ. Его умъ уже горячо работалъ надъ замѣной опрокинутыхъ гипотезъ величественнѣе Казбека и Монблана матеріалистической теоріей, по которой „невозможность очевиднаго проявленія исключаетъ дѣйствительность существованія". Въ этомъ онъ сходится съ „Современникомъ", но общественные вопросы его тогда еще не захватили, въ сферу притяженія „Современника" онъ не попалъ, и свои общественные взгляды вырабатывалъ уже въ полнѣйшемъ одиночествѣ. Намъ кажется, что вѣра, сказывающаяся въ статьяхъ Добролюбова, посвященныхъ свѣтлымъ явленіямъ нашей народной жизни, могла вырости только на людяхъ, размышленія въ одиночествѣ породить ее не могли, ей тутъ нечѣмъ было питаться, нечѣмъ обороняться отъ сомнѣній, она нуждается въ соотвѣтствующей общественной атмосферѣ, въ подтвержденіяхъ со стороны другихъ вѣрующихъ, а одинъ изъ сильнѣйшихъ источниковъ этой вѣры, чужія опасенія стихійнаго разлива, около времени смерти Добролюбова и вообще начали падать.

Въ послѣднемъ произведеніи Чернышевскаго, если въ глубинѣ и можно усмотрѣть прежнія стихійныя надежды, то на первомъ планѣ мы видимъ во всякомъ случаѣ совсѣмъ иной „лучъ свѣта" въ лицѣ „сильныхъ и добрыхъ, честныхъ и знающихъ" новыхъ людей, представителей новаго міросозерцанія, новой нравственности. Этотъ романъ,—несомнѣнная проповѣдь, но вмѣстѣ и свидѣтельское показаніе. Люди изображаются въ немъ такими, какими желалъ ихъ видѣть авторъ, но по образцамъ, которые уже встрѣчалъ. Шесть лѣтъ тому назадъ (т. е. въ 1857 г.), говоритъ авторъ, такихъ людей еще не видали, три года тому назадъ ихъ презирали... Быть можетъ, Добролюбову и не пришлось наблюдать ихъ въ значительномъ количествѣ. Три года тому назадъ, когда, по свидѣтельству Чернышевскаго, они только-что появились, Добролюбовъ жилъ за-границей, а возвратившись, скоро слегъ и умеръ. Но онъ горячо желалъ появленія такихъ людей, у которыхъ убѣжденіе и знаніе слились бы съ чувствомъ и волею. „Такое знаніе, если оно относится къ области практической, непремѣнно выразится въ дѣйствіи, и не перестанетъ тревожить человѣка, пока не будетъ удовлетворено. Это своего рода жажда, незаглушимая, неотлагаемая. Найдите же хоть въ какомъ-нибудь изъ добрыхъ юношей нашей литературы (т. е. изображенныхъ въ литературѣ) такую рѣшительность и полноту убѣжденій. Не найдете ни въ одномъ" (т. III. стр. 328. „Благонамѣренность и дѣятельность"). Статья, изъ которой взяты эти строки, написана въ томъ же 1860 г. Не находя жажды дѣятельности, вытекающей изъ убѣжденія, въ знакомой ему образованной средѣ, онъ помѣстилъ всѣ свои надежды въ ту, тогда еще невѣдомую нашей литературѣ страну, гдѣ течетъ народная рѣка.

Активность, способность къ дѣятельности, является и для Чернышевскаго главной отличительной чертой его „новыхъ людей". Но слово „дѣятельность" онъ обставляетъ такими прилагательными, которыхъ исторія не могла оправдать. Такого рода люди, говоритъ онъ, были и раньше, но ихъ было такъ мало, что они „чувствовали себя одинокими, безсильными, и отъ этого бездѣйствовали или унывали, или экзальтировались, романтизировали, фантазировали, т. е. не могли имѣть главной черты этого типа, не могли имѣть хладнокровной практичности, ровной и разсчетливой дѣя-

тельности, дѣятельной разсудительности". И его „новыхъ людей" оказалось слишкомъ мало... Но на первыхъ-то порахъ размѣры новаго проснувшагося слоя не могли быть извѣстны, его ростъ долженъ былъ казаться безграничнымъ.

Вотъ это-то размноженіе людей со знаніями и убѣжденіями, перешедшими въ чувство и волю, сдѣлались для Писарева, когда сложились его общественные взгляды, единственнымъ лучемъ свѣта въ темномъ царствѣ. Самобытный, стихійный разливъ народной рѣки не игралъ въ его надеждахъ на будущее почти никакой роли. Не то, чтобъ онъ не считалъ такой разливъ желательнымъ или возможнымъ, но Писаревъ находилъ, что его индивидуальная работа тутъ не причемъ, что тутъ онъ ничѣмъ помочь не можетъ, что у него, какъ и у его читателей, есть другая задача, выполненіе которой во всякомъ случаѣ безусловно необходимо. „Если этотъ путь къ счастью, говоритъ онъ, („Цвѣты невиннаго юмора"), путь умственнаго развитія оказывается необходимымъ, единственнымъ вѣрнымъ путемъ, то это вовсе не значитъ, чтобы слѣдовало исключить изъ исторіи всѣ двигатели событій, кромѣ опытной науки. Народное чувство, народный энтузіазмъ остаются при всѣхъ своихъ правахъ; если они могутъ привести къ цѣли быстро, пускай приводятъ. Но литература тутъ не причемъ: она ничего не можетъ сдѣлать ни для охлажденія, ни для разогрѣванія народнаго чувства и энтузіазма; тутъ дѣйствуютъ только историческія обстоятельства... Литература можетъ приносить пользу только посредствомъ новыхъ идей, это ея настоящее дѣло, и въ этомъ отношеніи она не имѣетъ соперниковъ. — Если даже чувство и энтузіазмъ приведетъ къ какому-нибудь результату, то упрочить этотъ результатъ могутъ только люди, умѣющіе мыслить. Стало быть, размножать мыслящихъ людей — вотъ альфа и омега всякаго разумнаго общественнаго развитія".

Онъ отграничиваетъ поле дѣятельности литературы—той части литературы, въ которой онъ работаетъ, также и въ другія стороны.

Говоря въ „Реалистахъ" о громадномъ значеніи общественнаго мнѣнія, которое дѣйствуетъ на исторію иногда „открыто механическимъ путемъ", но, кромѣ того, вліяетъ еще и незамѣтнымъ „химическимъ образомъ" онъ, въ другомъ мѣстѣ той-же статьи вставляетъ такое замѣчаніе:

самымъ могущественнымъ средствомъ для правильнаго развитія общественнаго мнѣнія служитъ сама общественная дѣятельность жизни, т. е. самый процессъ „механическаго“ воздѣйствія этого мнѣнія на исторію. „Но такъ какъ развитіе общественной жизни зависитъ не отъ литературы, а отъ историческихъ обстоятельствъ, *то мнѣ незачѣмъ и распространяться объ этомъ щекотливомъ предметѣ.*“ [1]) Гораздо болѣе слабымъ, „но все таки не совсѣмъ ничтожнымъ“ средствомъ является литература, помогая образованію химически дѣйствующаго общественнаго мнѣнія.

Другое ограниченіе: Мы бѣдны, потому что глупы, и мы глупы, потому что бѣдны, утверждаетъ Писаревъ, пробить этотъ заколдованный кругъ можно въ двухъ мѣстахъ. Если бы уменьшилась та доля продукта, которая изъ рукъ рабочаго населенія переходитъ въ руки непроизводительныхъ потребителей, то съ увеличеніемъ доли производителя у него явились бы средства для дальнѣйшаго развитія. „Въ этомъ мѣстѣ, говоритъ Писаревъ, заколдованный *кругъ можетъ быть пробитъ только дѣйствіемъ законодательной власти и потому, мы объ этой сторонѣ дѣла распространяться не будемъ*“. Не его, конечно, дѣло сочинять проекты законовъ. Литература можетъ, по мнѣнію Писарева, подтачивать заколдованный кругъ въ другомъ мѣстѣ, дѣйствуя посредствомъ живыхъ идей на тѣхъ изъ непроизводящихъ потребителей, которые могутъ работать умомъ, могутъ полюбить полезный и увлекательный трудъ, но не знаютъ, къ чему приспособить свои силы.

Г. Скабичевскій неправъ, утверждая, что Писаревъ сводитъ весь общественный прогрессъ къ простому количественному размноженію трезвыхъ реалистовъ базаровскаго типа (стр. 102). Но свою то задачу — задачу русскаго писателя, преданнаго интересамъ большинства, Писаревъ въ данный моментъ дѣйствительно видѣлъ въ количественномъ размноженіи мыслящихъ работниковъ; у него вырабатывается постепенно цѣлый планъ уловленія „рабочихъ мозговъ“. Вырабатывается не сразу. Первые полтора года (вторая половина 1862 и 1863 г.) невольнаго отшельничества заняты статьями, въ которыхъ по самому ихъ сюжету не могли отчетливо выразиться об-

[1]) „Реалисты“, курсивъ нашъ.

щественные взгляды автора. Это популярныя статьи по исторіи, затѣмъ обширная критика нашего гимназическаго и университетскаго образованія, которую Писаревъ иллюстрируетъ исторіей своего собственнаго развитія или, вѣрнѣе, неразвитія, подъ дѣйствіемъ этого преподаванія. Энергическимъ призывомъ „рабочихъ мозговъ“ на общественный трудъ наполнены статьи Писарева, начиная со второй половины 1864 года; переходными являются въ этомъ отношеніи двѣ статьи начала 1864 года: „Цвѣты невиннаго юмора“ и „Мотивы русской драмы“. Въ этотъ моментъ вѣра Писарева въ перерождающую силу мысли и въ способность науки будить въ людяхъ эту силу не имѣетъ предѣловъ, и на нее одну возлагаетъ онъ всѣ надежды.

„Отрѣшаясь отъ школьныхъ фантазій, наука, въ высшемъ и всеобъемлющемъ значеніи этого слова, получаетъ, наконецъ, въ мірѣ свое полное право гражданства, она формируетъ не спеціальнаго изслѣдователя, а человѣка; она закаляетъ его умъ, она пріучаетъ его дѣйствовать этимъ умомъ во всѣхъ обстоятельствахъ вседневной его жизни... она входитъ въ кровь человѣка и перерабатываетъ его темпераментъ; она создаетъ величайшихъ поэтовъ, тѣхъ людей, у которыхъ живая мысль проникнута насквозь горячей струей чувства“ и т. д. описываетъ Писаревъ, какихъ прекрасныхъ людей должна создавать наука, заставляя ихъ жить милліонами жизней и тѣмъ самымъ уничтожая ихъ маленькое *я*, дѣлая ихъ эгоизмъ равносильнымъ всеобъемлющей любви. Всѣ эти чудеса, говоритъ онъ далѣе, „она совершаетъ не тѣмъ, что открываетъ человѣку интересныя тайны, а тѣмъ, что, вовлекая его въ преслѣдованіе этихъ тайнъ, усиливаетъ и регулируетъ дѣятельность (мысли), необходимую для его счастья и затѣмъ, когда дѣятельность эта доведена до сильной степени возбужденія и обратилась въ обычное отправленіе организма, позволяетъ ему (человѣку) обратить ее (дѣятельность) на ежедневное обсужденіе и совершенствованіе всѣхъ междучеловѣческихъ отношеній. Словомъ, наука создаетъ мыслящихъ людей...“ [1]). Объ этой же великой заслугѣ науки, заключающейся не въ сообщеніи знаній, а въ созданіи мыслящихъ людей, говоритъ онъ и въ слѣдующей статьѣ:

---

[1]) „Цвѣты невиннаго юмора“, стр. 273.

„Мотивы русской драмы". Русскій человѣкъ, разсуждаетъ онъ далѣе, принадлежитъ къ высшей кавказской рассѣ, и всѣ милліоны русскихъ людей, вѣрнѣе—русскихъ дѣтей, не искалѣченныхъ элементами нашей народной жизни, могутъ сдѣлаться и мыслящими людьми, и здоровыми членами цивилизованнаго общества. Въ собственныхъ нѣдрахъ русская жизнь не заключаетъ, по мнѣнію Писарева, рѣшительно никакихъ задатковъ самостоятельнаго обновленія, она представляетъ лишь сырые матеріалы, которые должны быть оплодотворены и переработаны вліяніемъ общечеловѣческихъ идей" [1]).

Но патріотическое сердце Писарева все же замѣтило въ русской жизни такую особенность, которая облегчала общечеловѣческимъ идеямъ ея переработку и обновленіе. Эта особенность заключается въ томъ, что наша цивилизація „находится еще въ утробѣ матери; у нея нѣтъ укоренившихся преданій школы; нѣтъ въ каждомъ городкѣ легіона филистеровъ; нѣтъ фанатической рутины средневѣковой науки; передъ нами вся европейская наука: переводи, читай и учись! Не будемъ же мы, въ самомъ дѣлѣ, такими дураками, чтобы брать у другихъ то, что они выкидываютъ за негодностію? Нѣтъ, не будемъ" [2]).

Остановимся еще на тѣхъ же двухъ статьяхъ начала 64 года. Здѣсь Писаревъ высказываетъ свое „идиллическое предположеніе", что размноженіе на Руси мыслящихъ людей захватитъ молодыхъ капиталистовъ и помѣщиковъ, превратитъ ихъ въ Лопуховыхъ, Базаровыхъ, Рахметовыхъ. Ихъ капиталы не будутъ увозиться за границу и тратиться на безумную роскошь, а обратятся на тѣ отрасли производства, которыя въ нихъ всего больше нуждаются. „Хорошая ферма и хорошая фабрика, при раціональной организаціи труда, составляетъ лучшую и единственную возможную школу для народа, во-первыхъ, потому, что эта школа кормитъ своихъ учениковъ и учителей, а во-вторыхъ, потому, что она сообщаетъ знаніе не по книгѣ, а по явленіямъ живой дѣйствительности. Книга придетъ въ свое время,

---

[1]) „Мотивы русской драмы", стр. 306.

[2]) „Цвѣты невиннаго юмора", стр. 274.

устроить школы при фабрикахъ и фермахъ будетъ такъ легко, что это уже сдѣлается само собою" [1]).

Предполагается, конечно, что Лопуховъ раздѣляетъ взглядъ своей жены на раціональную организацію труда· черезъ нѣсколько строкъ упоминается, въ связи съ вопросомъ о народномъ трудѣ, и „мастерская".

Но эти идиллическія мечты не долго держались у Писарева на такой ступени. Еще осенью 64 г. въ своихъ „Реалистахъ" онъ продолжаетъ утверждать, что умный человѣкъ, будь онъ милліонеръ или пролетарій, узнавши счастье мыслить и трудиться для общей пользы, предпочтетъ его всякимъ „жидовскимъ процентамъ". Но, какъ мы уже видѣли, чтобы засадить мыслящаго человѣка за общеполезный трудъ, въ „Реалистахъ" на помощь мысли призывается понятіе долга и единой руководящей идеи общечеловѣческой солидарности.

Никакая школа, не исключая и университета, не создаетъ мыслящихъ людей, думаетъ Писаревъ; настоящее развитіе начинается за стѣнами школы. Пусть же каждый человѣкъ, мыслящій и желающій служить обществу, дѣйствуетъ своимъ непосредственнымъ вліяніемъ на тѣхъ людей, съ которыми находится въ ежедневныхъ сношеніяхъ. „Учитесь сами и вовлекайте въ сферу вашихъ умственныхъ занятій вашихъ братьевъ, сестеръ, родственниковъ, товарищей, всѣхъ тѣхъ людей, которыхъ вы знаете лично..." Умѣете писать—пишите, а нѣтъ—такъ говорите о томъ, что васъ интересуетъ, съ тѣми молодыми людьми, на которыхъ можете имѣть прочное вліяніе. Эта дѣятельность внутри собственнаго кружка многимъ нетерпѣливымъ людямъ покажется мизерною,- но тѣмъ-то она и хороша, что по своей мизерности не возбуждаетъ филистерскихъ стенаній, а подъ конецъ и окажется, что младшіе братья и дѣти филистеровъ сдѣлались реалистами и прогрессистами, и выработается прогрессивное общественное мнѣніе."

Всякій, кто имѣетъ понятіе о жизни молодежи 60-хъ и 70-хъ годовъ, знаетъ, что именно это и дѣлалось во всѣхъ углахъ Россіи,—не потому, конечно, что Писаревъ посовѣтовалъ. И погромче его витія не могъ бы создать въ другое

---

[1]) „Мотивы русской драмы", стр. 306.

время этого одушевленнаго „самообразованія". Но мы думаемъ, что несмотря на свое уединеніе, на то, что по недостатку матеріаловъ для наблюденія онъ обо многомъ „по себѣ судилъ", Писаревъ 64—65 годовъ былъ едва-ли не самымъ полнымъ представителемъ и выразителемъ только-что пробуждающейся, готовящейся молодежи, въ особенности провинціальной.

Цѣль всего этого „мышленія", всѣхъ фабрикъ Лопуховыхъ и всего самообразованія заключается лишь въ томъ, чтобы заразить этимъ мышленіемъ трудящееся большинство. Въ этомъ альфа и омега всей Писаревской программы. Пока наука не перестанетъ быть барскою роскошью, пока мысль не проникнетъ въ головы ремесленниковъ, рабочихъ и крестьянъ, бѣдствія трудящейся массы будутъ только усиливаться, „несмотря ни на проповѣди моралистовъ, ни на подаянія филантроповъ, ни на выкладки экономистовъ, ни на теоріи соціалистовъ", говоритъ онъ въ „Реалистахъ" (§ XXXI), и эту же мысль онъ предлагаетъ читателямъ во всевозможныхъ формахъ, начиная съ первой же статьи, писанной въ крѣпости: „Зарожденіе культуры". Всякій иной прогрессъ полезенъ лишь постольку, поскольку ведетъ къ этому основному прогрессу, безъ него онъ обращается во вредъ трудящемуся большинству, какъ обращается техническій прогрессъ. Машины — „это практическое приложеніе научнаго открытія—увеличиваетъ массу человѣческихъ страданій! И такія трагическія недоразумѣнія между наукой и жизнью будутъ повторяться до тѣхъ поръ, пока не прекратится гибельный разрывъ между трудомъ мозга и трудомъ мускуловъ" (Ibid).

Тѣмъ не менѣе Писареву казалось, что въ тотъ моментъ, когда онъ писалъ свои статьи, при отсутствіи запроса на знанія со стороны народа, при ничтожномъ количествѣ мыслящихъ людей въ Россіи, эти немногіе мыслящіе люди больше сдѣлаютъ для народнаго просвѣщенія, если займутся на первое время, такъ сказать, саморазмноженіемъ, собираніемъ арміи рабочихъ мозговъ среди образованныхъ и полуобразованныхъ слоевъ, чѣмъ если сосредоточатъ свои силы на филантропическомъ обученіи грамотѣ въ народныхъ школахъ. Такія школы будутъ каплей въ морѣ и при отсутствіи у народа побудительной причины искать знанія

не дадутъ ему ровно ничего. А когда явится эта побудительная причина и народъ самъ начнетъ искать знанія, обученіе пойдетъ очень быстро. Всего важнѣе, слѣдовательно, создать эту побудительную причину, т.-е. сдѣлать такъ, чтобы во всей русской жизни усилился запросъ на умственную дѣятельность. А для этого слѣдуетъ какъ можно энергичнѣе будить умы не школьнымъ обученіемъ, а вліяніемъ на окружающихъ. „Разбудить же общественное мнѣніе и сформировать мыслящихъ руководителей народнаго труда,— значитъ открыть трудящемуся большинству дорогу къ широкому и плодотворному умственному развитію".

На фабрики и фермы Лопуховыхъ, на молодыхъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ („руководителей народнаго труда") въ „Реалистахъ" возлагаются еще большія надежды. Но въ слѣдующей же статьѣ „Промахи незрѣлой мысли" Писаревъ уже указываетъ то особое препятствіе, черезъ которое долженъ перешагнуть капиталистъ или землевладѣлецъ для того, чтобы стать на путь полезной для трудящагося большинства дѣятельности. Чтобы такая дѣятельность сдѣлалась для него возможной, онъ долженъ прежде всего самъ выйти изъ крѣпостной зависимости отъ своего капитала, долженъ выучиться прокармливать себя безъ его помощи, какимъ-нибудь ремесломъ, профессора или сапожника, механика или медика,—это ужъ зависитъ отъ его способностей. Но пока онъ знаетъ, что его сила лежитъ внѣ его личности, въ капиталѣ, съ утратой котораго эта личность превращается въ нуль, у него не можетъ быть смѣлой предпріимчивости. Лишь работникъ, владѣющій капиталомъ, сможетъ спокойно рисковать имъ изъ любви къ идеѣ (стр. 237).

Въ томъ же духѣ читаетъ онъ проповѣдь и Щетинину въ статьѣ „Подростающая гуманность".

Въ статьѣ „Посмотримъ", написанной, очевидно, при болѣе благопріятныхъ цензурныхъ условіяхъ, онъ уже окончательно отказывается отъ всякихъ надеждъ на привлеченіе сколько-нибудь значительнаго числа капиталистовъ и землевладѣльцевъ къ „общественному труду".

По поводу все того же вопроса о Катеринѣ Островскаго (или вѣрнѣе Добролюбова) Писаревъ говоритъ, что наша „народная жизнь нуждается не въ сильныхъ характерахъ,

которыхъ у нея за глаза довольно, а только и исключительно въ одной *сознательности*" (курсивъ Писарева). Въ подтвержденіе этой мысли онъ ссылается на карту Россіи и ея исторію. Существенный смыслъ этой исторіи заключается въ постоянной исполинской колонизаціи, расчисткѣ и обработкѣ земель отъ Балтійскаго моря до Тихаго океана. Энергія американскихъ піонеровъ, борящихся съ природой во всеоружіи современной техники, ничто по сравненію съ энергіей и терпѣніемъ нашего колонизатора-мужика, который шелъ и теперь идетъ чуть не съ голыми руками. Разъ эти неутомимые, неустрашимые труженики ясно поймутъ, что—ложь и что—правда, кто—врагъ и кто—другъ, они пойдутъ такими же твердыми шагами къ разумной и счастливой жизни, не останавливаясь передъ трудностями, не пугаясь опасностей, не слушая лживыхъ обѣщаній и спокойно устраняя всѣ рогатки и шлагбаумы. Желѣзнымъ характеромъ въ преслѣдованіи намѣченной цѣли отличается, съ другой стороны, и Молчалинъ, выбивающійся изъ ничтожества къ степенямъ извѣстнымъ. Цѣль его низкая, даже глупая, но если бы всѣ наши прогрессисты (т.-е. люди съ хорошими цѣлями) обладали такой силой характера, то лучшаго и желать нельзя. Я, дѣйствительно, признаю,—продолжаетъ Писаревъ, — что тѣмъ изъ нашихъ прогрессистовъ, которыхъ наслѣдство богатыхъ отцовъ освобождаетъ отъ тяжелыхъ трудовъ, недоставало и недостаетъ именно силы характера. Относительно этихъ прогрессистовъ онъ считаетъ такой недостатокъ непоправимымъ. Характеръ закаляется лишь трудомъ: кто никогда не добывалъ имъ насущнаго хлѣба, тотъ въ большинствѣ случаевъ останется слабымъ и безхарактернымъ человѣкомъ. „Это значитъ, что вся наша надежда покоится на тѣхъ людяхъ, которые сами себя кормятъ", т.-е. въ данный моментъ,—на работникахъ умственнаго труда. Лишь они, по убѣжденію Писарева, могутъ послужить тѣмъ ферментомъ, который заразитъ сознательностью народную жизнь. „Типъ, рѣшающій общественную задачу, воплощенъ самымъ блестящимъ и самымъ глубокимъ мыслителемъ „Современника", Чернышевскимъ, въ личности Рахметова [1]). Но теперь происхожденіе Рахметова

[1]) „Посмотримъ", стр. 170—171—172. Г. К. Головинъ говоритъ, что Писаревъ находитъ Рахметова „до крайности смѣшнымъ", что онъ глу-

изъ богатой семьи уже не внушаетъ Писареву надежды на изобиліе такихъ энергичныхъ прогрессистовъ изъ высшихъ классовъ. Рѣшеніе общественной задачи сильно затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что люди, наслаждающіеся сытостью и искусствомъ, не только не питаютъ къ этому рѣшенію никакой нѣжности, но видятъ, наоборотъ, въ каждой новой идеѣ, говорящей о такомъ рѣшеніи, дерзкое посягательство на ихъ сытость и на ихъ эстетическія наслажденія. Успѣхъ новыхъ идей ускоряется лишь приливомъ въ ряды образованнаго общества людей, проведшихъ свою молодость безъ сытости и наслажденій. Поэтому на обязанности людей, которые берутся быть руководителями общественнаго сознанія, рядомъ съ разъясненіемъ основныхъ началъ разумной экономической и общественной доктрины, должна лежать забота о томъ, чтобы „всѣми возможными средствами усиливать притокъ новыхъ людей изъ низшихъ классовъ въ образованное общество; другими словами, надо вербовать агентовъ найденнаго разумнаго ученія, и надо увеличивать массу мыслящаго пролетаріата“ (Ibid. 202—203).

Мы изложили эти взгляды Писарева въ нѣкоторой связи и въ той послѣдовательности, въ которой они у него складывались и выражались въ его литературной дѣятельности съ начала 64 г. и до конца 65 г. Въ его статьяхъ они всегда излагаются отрывочно, въ связи съ другими темами,—то съ проповѣдью воспитанія умовъ посредствомъ изученія точныхъ наукъ, то съ защитой молодого поколѣнія, то—и это всего чаще—въ видѣ аргумента, въ борьбѣ съ эстетикой. Такъ напр., только-что приведенныя нами слова объ обязан-

---

мится надъ Рахметовымъ по той же причинѣ, по которой издѣвается надъ Катериной Островскаго, и смотритъ на него „отрицательно“ („Русскій романъ и русское общество“, стр. 205, 206). Не знаемъ, гдѣ вычиталъ все это г. Головинъ: онъ не дѣлаетъ ссылки на опредѣленную статью, но мы головой ручаемся, что въ шести томахъ полнаго собранія сочиненій Писарева нѣтъ ни слова насмѣшки надъ Рахметовымъ, нѣтъ ни одного отрицательнаго о немъ отзыва, а наоборотъ, каждый разъ, когда упоминается это имя, Рахметовъ выставляется высшимъ типомъ и образцомъ для подражанія. Правда, тотъ Писаревъ, котораго изображаютъ намъ гг. Головинъ и Скабичевскій, долженъ бы насмѣхаться надъ Рахметовымъ, но такъ какъ онъ не тотъ, онъ и не насмѣхается.

ности руководителей общественнаго сознанія вставлены въ отвѣтъ Антоновичу, заявившему, что хотя въ настоящее время наслажденіе искусствомъ недоступно для трудящагося большинства, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что искусство безполезно, а „слѣдовало бы только, что голодныхъ людей нужно кормить и всѣхъ вообще обезпечить такъ, чтобы всѣ могли пользоваться удовольствіемъ, даваемымъ произведеніями искусства“.

„Это *только* очаровательно“, восклицаетъ Писаревъ и затѣмъ на нѣсколькихъ страницахъ доказываетъ, что на осуществленіе этого *только* мало всѣхъ силъ нѣсколькихъ поколѣній, и заканчиваетъ возвращеніемъ къ Антоновичу, сравнивая его съ сердобольной десятилѣтней дѣвочкой, мечтающей о томъ, какъ ее папаша съ мамашей всѣхъ накормятъ конфектами, обезпечатъ изюмомъ и поведутъ смотрѣть волшебную оперетку. Пойди онъ въ пониманіи общественныхъ вопросовъ сколько-нибудь дальше десятилѣтней невинности, для него было бы ясно, что для публициста, имѣющаго въ виду интересы большинства, возможенъ въ настоящее время только одинъ вопросъ, поглощающій всѣ остальные: *какъ* накормить голодныхъ людей? какъ обезпечить всѣхъ вообще? У Антоновича же на первомъ планѣ опасенія, какъ бы антиэстетическія статьи Писарева не помѣшали облагодѣтельствованному человѣчеству наслаждаться чудесами искусства.

По всему вѣроятію, иначе излагать свои мысли по этому единственному вопросу, поглощающему остальные, дѣлать его въ своихъ статьяхъ поглощающимъ не только по существу, но и по формѣ, Писаревъ и не могъ бы. Въ мірѣ писателей, въ глазахъ литературныхъ противниковъ (но не въ глазахъ молодыхъ читателей) оскорбленія, наносимыя вандаломъ Писаревымъ Рафаэлю, Бетховену,—Пушкину въ особенности,—совершенно заслоняли другія стороны его взглядовъ и, по всему вѣроятію, это было счастливымъ обстоятельствомъ для его постоянно висѣвшей на волоскѣ литературной дѣятельности. „Филистерскія стенанія“ въ защиту красоты не могли такъ повредить ему, какъ какія-нибудь иныя. Но съ точки зрѣнія самого Писарева, его борьба противъ искусства ни въ какомъ случаѣ не была балластомъ въ его статьяхъ и ни на волосъ не отвлекала его отъ един-

ственнаго вопроса, возможнаго для публициста. Съ его точки зрѣнія всѣ отрасли искусства, за исключеніемъ содержательной „истинной“ поэзіи, дѣйствительно представлялись очень серьезной помѣхой собиранія арміи „рабочихъ мозговъ“.

Если-бы Писаревъ былъ дѣйствительно тѣмъ сенсуалистомъ и проповѣдникомъ идеала личности, свободно отдающейся своимъ страстямъ и похотямъ, съ цѣлью извлечь изъ жизни возможно больше наслажденій, какъ утверждаетъ г. Скабичевскій; если-бы ему было дорого все то, что сулило легкую, безшабашную жизнь и освобожденіе отъ долга, а стало быть, и отъ совѣсти, какъ говоритъ г. Головинъ; если бы такова была литературная физіономія Писарева, то его упорная борьба съ эстетикой, его рѣзко отрицательное отношеніе ко всѣмъ отраслямъ искусства, кромѣ содержательной поэзіи, было бы совершенно непонятной безсмыслицей. Неудивительно, что надъ этой безсмыслицей не останавливается г. Головинъ, которому Писаревъ кажется просто легкомысленнымъ шалуномъ, утрирующимъ каждую мысль для краснаго словца. Г. Скабичевскій въ своей исторіи избѣгаетъ всякаго упоминанія объ этомъ противорѣчіи просто тѣмъ, что разбиваетъ дѣятельность Писарева на совершенно самостоятельные отдѣлы и, говоря о его проповѣди наслажденія и стремленія провести жизнь какъ можно пріятнѣе, совсѣмъ не упоминаетъ о его стремленіи вычеркнуть изъ жизни своего поколѣнія образованныхъ людей то огромное, по собственному мнѣнію Писарева, наслажденіе, которое доставляетъ искусство. Говоря же въ другомъ отдѣлѣ о его борьбѣ съ эстетикой, совсѣмъ не упоминаетъ о проповѣди проведенія жизни какъ можно пріятнѣе.

На самомъ-то дѣлѣ, пока Писаревъ заботился объ „эмансипаціи личности“ своего читателя изъ среднихъ классовъ ради него самого, пока онъ совѣтовалъ ему не стѣснять себя никакими цѣлями въ жизни, онъ не только не старался отогнать его отъ наслажденія искусствомъ, но считалъ, наоборотъ, способность наслаждаться „тѣмъ волненіемъ, которое возбуждаютъ въ насъ истинно художественныя произведенія“, принадлежностью хорошаго (такого, какого онъ желалъ людямъ) эгоизма, а нечувствительность къ этому наслажденію—какъ и ко всѣмъ другимъ—считалъ возмож

нымъ объяснить лишь „худосочіемъ“ [1]. Мы взяли первую попавшуюся фразу этого рода, но ихъ можно найти не мало въ статьяхъ перваго періода. Его выговоръ Базарову за стремленіе предписывать людямъ, какъ и чѣмъ имъ наслаждаться, цитируетъ и г. Скабичевскій, но только по отношенію къ наслажденію природой; Писаревъ же говоритъ, что Базаровъ завирается также и тогда, когда говоритъ, что поэзія ерунда, читать Пушкина—смѣшно, заниматься музыкой—потерянное время. И объясняетъ онъ это „завиранье“ лишь тѣмъ, что, хотя Базаровъ и успѣлъ при содѣйствіи естественныхъ наукъ выбить изъ своей головы всѣ предразсудки, но остался человѣкомъ крайне необразованнымъ, не имѣющимъ понятія ни о поэзіи, ни объ искусствѣ. Въ немъ способность къ наслажденію искусствомъ не развита, а онъ сплеча осмѣиваетъ ее въ другихъ, впадая, такимъ образомъ, въ узкій умственный деспотизмъ [2]).

Также и во второмъ періодѣ своей дѣятельности, уже похѣривъ свой ребяческій „эгоизмъ“, Писаревъ продолжаетъ видѣть въ искусствѣ источникъ огромнаго наслажденія. Намъ кажется, что онъ скорѣе преувеличиваетъ, чѣмъ уменьшаетъ значеніе искусства, его роль въ жизни общества. Только различныя отрасли искусства, говоритъ онъ, напр., въ статьѣ „Посмотримъ“, „дѣлаютъ праздность сносной и пріятной для такихъ людей (т. е. именно для лучшихъ, по мнѣнію Писарева, людей зажиточнаго класса), для которыхъ голая праздность и грубая роскошь, необлагороженная печатью изящества, превратилась бы очень скоро въ невыносимое мученіе“ [3]). Въ этомъ-то и заключается для Писарева вредъ отъ искусства.

Теперь онъ горячо любитъ своего воображаемаго читателя, а прежде былъ онъ къ нему равнодушенъ—„писалъ для собственнаго удовольствія“,—но любитъ онъ его лишь въ качествѣ товарища въ возможности. Поэтому онъ желаетъ ему только одного наслажденія,—правда, величайшаго въ мірѣ, по убѣжденію Писарева,—наслажденія дѣятельностью на пользу трудящагося большинства. Предварительно, читатель долженъ, конечно, еще насладиться пробужденіемъ и

[1]) I-й томъ, стр. 431.
[2]) Т. II, стр. 393.
[3]) Т. V, стр. 205.

укрѣпленіемъ своей способности мыслить, но никакихъ иныхъ наслажденій онъ своимъ читателямъ не только не желаетъ, а старается по мѣрѣ силъ и возможности содѣйствовать тому, чтобы жизнь безъ „обаятельнаго труда“ поскорѣе превратилась для нихъ въ „невыносимое мученіе“.

Первые кадры активной арміи для борьбы съ нашей „глупостью и бѣдностью“ могутъ быть, по мнѣнію Писарева, взяты лишь изъ образованныхъ классовъ, и среди этихъ классовъ вліянію публициста, журналиста, доступенъ лишь одинъ сортъ людей, на пробужденіи котораго онъ и долженъ сосредоточить всѣ усилія. „На чемъ спятъ наши соотечественники, или, выражаясь яснѣе, что ихъ утѣшаетъ и успокоиваетъ, что маскируетъ пустоту ихъ жизни и избавляетъ ихъ отъ необходимости умирать со скуки или заниматься полезной работой?“ спрашиваетъ себя Писаревъ, и, перечисливъ разныя чисто житейскія услады и занятія—донжуанство, охота, карты и проч.—онъ находитъ, что надъ этими тюфяками мысль безсильна. Они будутъ отодвинуты лишь тогда, когда реалистовъ будетъ уже очень много, когда они будутъ вліять на общественную жизнь. Но среди тѣхъ же досужихъ соотечественниковъ имѣется меньшинство, усладой для котораго служитъ чтеніе. Эти соотечественники много читаютъ, читаютъ даже серьезныя статьи и все-таки спятъ. Слѣдуетъ художественное изображеніе читателя, котораго всѣ задушевнѣйшія симпатіи влекутъ къ романамъ или стихотвореніямъ, а составившееся убѣжденіе, что слѣдуетъ читать серьезныя статьи, заставляетъ успокоивать свою совѣсть предварительнымъ исполненіемъ этой тяжелой обязанности. Дѣйствительно тяжелой. „Читать серьезныя сочиненія безъ общаго плана, узнавать отдѣльныя подробности, не видя въ нихъ общаго смысла, проводить черезъ свою голову чужія мысли, не имѣя понятія о живыхъ явленіяхъ, породившихъ эти идеи, напрягать свое вниманіе, не отыскивая никакого отвѣта на вопросы и сомнѣнія своей собственной жизни и мысли,—это... все равно, что читать лексиконъ или приходо-расходную книгу совершенно неизвѣстнаго намъ человѣка. И что же выходитъ изъ этого чтенія? Запоминаются слова и факты, но въ тѣхъ мысляхъ, которыя управляютъ жизнью самого читателя, не происходитъ ни малѣйшаго передвиженія“.

Вотъ этихъ то усердныхъ читаталей можно будить рѣзкимъ нападеніемъ на привычные для нихъ авторитеты. Противорѣчіемъ тѣмъ чужимъ мыслямъ, которыя они привыкли проводить черезъ свои головы, можно вызвать въ этихъ головахъ вопросы и сомнѣнія. „Вамъ нравится Пушкинъ?—Извольте, полюбуйтесь на вашего Пушкина... Вы благоговѣете передъ Гегелемъ?—Попробуйте сначала понять его изреченія.—Вамъ хочется уснуть подъ сѣнью „общихъ авторитетовъ поэзіи и философіи?"—Докажите сначала, что эти авторитеты существуютъ и на что-нибудь годятся". Надо будить читателя, „какъ бы ни закутывалъ онъ голову теплыми иллюзіями и темными фразами".

„Если идеи и чувства лириковъ, эстетиковъ, романтиковъ, педантовъ, фразеровъ сдѣлаются смѣшными для общества, то общество перестанетъ ими увлекаться и направитъ свои симпатіи въ другую сторону. Результатъ получится осязательный... потому что въ настоящее время всего необходимѣе превращать чувствительныхъ тунеядцевъ въ мыслящихъ работниковъ" („Реалисты", стр. 73 74—75).

По отношенію къ поэзіи взгляды Писарева не особенно рѣзко отличаются отъ взглядовъ Чернышевскаго и Добролюбова,—отличаются, пожалуй, лишь горячностью какъ нападеній на поэзію „букашекъ, копающихся въ цвѣточной пыли... для удовольствія паразитовъ", такъ и горячностью диөирамбовъ въ честь истинной поэзіи, писанной „кровью сердца и сокомъ нервовъ", „потрясающей горы вѣкового зла", или поэзіи, будящей мысль, какъ произведенія Гёте и Гейне. Прибавимъ, что много разъ Писаревъ горячо говоритъ и о пользѣ, приносимой современными повѣстями и романами, если они „ярко рисуютъ передъ нами тѣ стороны человѣческой жизни, которыя намъ необходимо знать для того, чтобы основательно размышлять и дѣйствовать".

Во всякомъ случаѣ, художниковъ, дѣйствующихъ на людей посредствомъ книгъ, Писаревъ считаетъ возможнымъ обратить въ полезныхъ союзниковъ. Его спеціальной особенностью было отрицательное и притомъ нападающее, воинственное отношеніе ко всѣмъ остальнымъ отраслямъ искусства. Отъ всякихъ разсужденій о нихъ по существу онъ рѣшительно отказывается. Ему дѣла нѣтъ до ихъ происхожденія, до ихъ прошлаго или будущаго. Онъ упорно

сосредоточиваетъ свою полемику объ этихъ непригодныхъ для распространенія идей искусствахъ на вопросѣ о „голодныхъ и раздѣтыхъ людяхъ", существующихъ въ настоящее время. Антоновичъ, защищая нравственную законность эстетическихъ наслажденій, предлагаетъ Писареву вообразить земледѣльца, сдѣлавшаго себѣ въ свободное отъ работы время сопѣлку, и спрашиваетъ своего противника: „примѣняется-ли къ этому случаю ваше разсужденіе и не сильно-ли оно компрометируетъ вашу мыслительную способность?"— „Охота вамъ, г. Антоновичъ, говорить такія безполезности!",—отвѣчаетъ Писаревъ, „вѣдь мы съ вами пишемъ не для земледѣльца, сдѣлавшаго сопѣлку, а для джентельменовъ, слушающихъ оперу и выписывающихъ себѣ рояли". Но если законность искусства опирается на сопѣлку, то Антоновичъ и долженъ, по мнѣнію Писарева, стараться привести своихъ читателей къ этой сдѣланной собственными руками сопѣлкѣ, которая, конечно, безобиднѣе купленныхъ на чужія деньги роялей. А такъ какъ сопѣлка съ эстетической точки зрѣнія гораздо ниже рояля или оперы, то въ въ своей защитѣ сопѣлки Антоновичу придется сойти съ эстетической точки зрѣнія и стать приблизительно на ту-же, на какой стоитъ самъ Писаревъ [1]).

Incognito въ „Отечественныхъ Запискахъ" пытается относительно музыки и танцевъ урезонить Писарева исторіей. У всѣхъ народовъ мы находимъ пѣсни и хороводныя круженія, чего не могло бы быть, если бы они не вызывались потребностями человѣческой природы. Эта аргументація,—отвѣчаетъ Писаревъ,—страдаетъ тѣмъ, что, доказывая слишкомъ много, не доказываетъ по этому самому ровно ничего. У всѣхъ историческихъ народовъ мы встрѣчаемъ также рабство, войну, проституцію и проч., и всѣ эти явленія вызываются различными потребностями человѣческой природы. Для Писарева весь вопросъ въ томъ, *какъ* удовлетворяются существующія потребности различныхъ группъ населенія. Историческій прогрессъ состоитъ въ томъ, чтобы возвращать трудящимся массамъ тотъ насущный хлѣбъ, который въ темныя времена насилія и невѣжества былъ у нихъ отнятъ для удовлетворенія слишкомъ широко развернувшихся

[1]) «Посмотримъ», стр. 205—206.

потребностей меньшинства. Никакіе хороводы ничего не говорятъ съ его точки зрѣнія въ пользу оперы и балета.

Въ пользу живописи Incognito пытается подкупить Писарева тѣмъ соображеніемъ, что можетъ-же „новѣйшій реалистъ“ пожелать имѣть портретъ своей „трудолюбивой и начитанной подруги“. Но Писаревъ неподкупенъ. „Бѣды не будетъ никакой, если новѣйшій реалистъ останется безъ портрета“, когда многіе по недостатку средствъ остаются безъ подругъ, а другіе—не только безъ подругъ, но даже безъ куска хлѣба и теплаго платья [1]). И такъ далѣе, все въ томъ же родѣ. Съ какой бы вы стороны ни завели съ нимъ разговоръ, онъ сводилъ его на существованіе „голодныхъ и раздѣтыхъ“.

Въ литературномъ мірѣ статьи Писарева разсматривались главнымъ образомъ, съ ихъ противохудожественной стороны и возбуждали шумъ лишь въ качествѣ хулы на святое искусство, но для смѣнявшихся поколѣній его молодыхъ читателей 60-хъ и 70-хъ годовъ, онѣ являлись лишь энергичной проповѣдью долга передъ трудящимся большинствомъ, ученья и труда ради уплаты этого долга. Пропаганда была прямолинейна, умышленно съужена, умышленно била все въ одну и ту-же точку, съ какой-бы стороны ни направлялся ударъ. Писаревъ и самъ отлично зналъ, что все, что онъ говоритъ объ искусствѣ, истинно лишь съ данной точки зрѣнія, въ данное время и въ данномъ мѣстѣ. Онъ и не скрывалъ этого отъ своихъ читателей. Нападая на искусство, во имя долга народу, онъ вовсе не мечталъ уничтожить искусство или нанести ему какой нибудь ущербъ, онъ хотѣлъ только отвоевать у него всѣ тѣ „рабочіе мозги“ и сердца, которые могли пригодиться для дѣла. Когда вся литература стояла на колѣняхъ передъ святымъ искусствомъ, говоритъ онъ въ той-же статьѣ, сотни и тысячи юношей средняго класса тянулись всѣми своими помышленіями къ искусству. Нарисуетъ юноша двѣ березы или подыщетъ музыку къ какому-нибудь куплету, онъ уже воображаетъ себѣ, что долженъ развивать свой талантъ, чтобы ѣхать въ Италію, а потомъ въ храмъ славы. Въ храмъ не попадало и одного изъ тысячи, а остальные, потративъ силы и время

[1]) „Прогулка по садамъ россійской словесности“, стр. 369—370.

на такія упражненія, которыя ни на какомъ иномъ поприщѣ никуда не годятся, оставались несчастными, разочарованными и праздношатающимися, безъ дѣла, безъ интересовъ въ жизни, которымъ осталось только спиваться. Если „святая наука“ займетъ въ мечтахъ юношей мѣсто „святого искусства“, въ храмъ славы попадаетъ тотъ-же ничтожный процентъ, но остальные превратятся по пути въ лѣкарей, химиковъ, агрономовъ, механиковъ и прочихъ полезныхъ людей. Посредственный художникъ даже по мнѣнію эстетиковъ величина отрицательная; искусству, слѣд., отъ ихъ обращенія на иной путь ущерба не произойдетъ. „Что же касается до геніальныхъ натуръ, то ихъ не остановитъ и не собьетъ съ толку никакая реалистическая критика. Геніальныя натуры преодолѣваютъ самыя серьезныя препятствія... и несмотря ни на что, идутъ туда, куда ихъ тянетъ преобладающая страсть. Если у насъ народится какой-нибудь Рафаэль или Моцартъ, то онъ ни за какія коврижки не пойдетъ въ машинисты или въ медики и наплюетъ на всякія реалистическія проповѣди“.

Добролюбовъ пережилъ себя на цѣлыхъ два десятилѣтія отчасти статьями 1859 г. („Обломовъ“, „Литературныя мелочи“, „Темное царство“), но, главнымъ образомъ, своими статьями 1860 г. Мы говоримъ не о значеніи Добролюбова какъ одного изъ нашихъ классиковъ, знакомство съ которымъ необходимо для пониманія нашего общественнаго развитія: трудно представить себѣ такое время, когда онъ потерялъ бы это значеніе. Но для смѣнявшихся рядовъ той части молодежи 60-хъ и въ особенности 70-хъ годовъ, которая въ произведеніяхъ любимыхъ писателей искала отвѣтовъ на важнѣйшіе для нея вопросы: что дѣлать, какъ жить, чтобы приносить пользу большинству своихъ соотечественниковъ? статьи Добролюбова, и именно статьи 60-го года, имѣли совсѣмъ иное жизненное значеніе.

Соотвѣтствующимъ періодомъ въ литературной дѣятельности Писарева—и въ томъ-же возрастѣ (24 лѣтъ) — былъ конецъ 64-го и 65-ый годъ. И Писаревъ того времени тоже на долго остался не то, чтобы учителемъ—это имя какъ-то не идетъ къ нему,—а любимымъ, вліятельнымъ товарищемъ, съ которымъ та же молодежь совѣтовалась на счетъ своихъ жизненныхъ вопросовъ. Къ Добролюбову, къ Чернышевско-

му въ особенности, молодежь относилась прямо съ благоговѣніемъ; этого чувства Писаревъ не возбуждалъ, но любила его та-же молодежь не меньше, хотя и нѣсколько иной, болѣе простой, товарищеской любовью. Такъ какъ всѣ его надежды на лучшее будущее родной страны, ея голодныхъ и раздѣтыхъ массъ были основаны на томъ, чтобы завербовать на службу этимъ массамъ „рабочіе мозги“ молодежи, то онъ съ ней то именно и говоритъ, ее безпрерывно имѣетъ въ виду, когда пишетъ свои статьи. Въ воображеніи автора рисуется тотъ невѣдомый, но горячо любимый товарищъ, который „читаетъ мою статью гдѣ-нибудь въ глуши, который еще меньше моего жилъ на свѣтѣ и очень мало знаетъ, а между тѣмъ, желалъ бы что-нибудь узнать. И вотъ когда мнѣ представляется такой читатель, то мною овладѣваетъ горячее желаніе наговорить ему какъ можно больше хорошихъ вещей“ (изъ письма къ матери). И Писаревъ сознательно стремился и дѣйствительно сумѣлъ стать доступнымъ и интереснымъ очень мало знавшимъ людямъ, самому широкому слою изъ возможныхъ тогда читателей. Въ глухой провинціи онъ попадался юношѣ, окончившему образованіе въ какомъ-нибудь уѣздномъ училищѣ, дѣвушкѣ съ соотвѣтствующей степенью познаній, и они находили у него „хорошія вещи“, обращенныя именно къ нимъ. Онъ умѣлъ вызвать „передвиженіе въ тѣхъ мысляхъ, которыя управляли ихъ жизнью“, возбуждая прежде всего стремленіе учиться во что бы то ни стало, чтобы стать „мыслящими людьми“ и тотчасъ-же приняться будить то же стремленіе во всѣхъ окружающихъ. Для всѣхъ „рабочихъ мозговъ“ найдется общеполезное дѣло, лишь бы ихъ было какъ можно больше.

Учиться и учить, будить мысль все дальше, шире, пока она не проникнетъ въ „самые темные подвалы общественнаго зданія“, которые уже сами разрѣшатъ вопросъ о голодныхъ и раздѣтыхъ людяхъ,—въ этомъ весь паѳосъ произведеній Писарева, этимъ однимъ ограничивается все то нужное и важное, что онъ сказалъ своимъ читателямъ. Но въ качествѣ первыхъ услышанныхъ словъ, это и были самыя ободряющія, самыя нужныя слова.

Въ статьяхъ Добролюбова много поэзіи, много глубоко напряженнаго, полнаго тоски чувства, выраженнаго въ боль-

шинствѣ случаевъ чудными метафорами и аллегоріями. Какъ художественныя произведенія, лучшія статьи Добролюбова выше таковыхъ-же статей Писарева. Но въ качествѣ перваго зовущаго голоса, Добролюбовъ могъ разбудить лишь смутную тоску по какому-то далекому краю, и въ сущности остаться непонятымъ въ своихъ самыхъ задушевныхъ стремленіяхъ. Писаревъ-же говорилъ простыя, понятныя, бодрыя рѣчи и сейчасъ же засаживалъ за работу. Мы не ошибаемся, если скажемъ, что многихъ неподготовленныхъ читателей статьи Писарева подготовляли къ пониманію Добролюбова. Писаревъ расходился со своимъ предшественникомъ въ оцѣнкѣ „той высоты, которой достигла наша народная жизнь", а читатели дополняли ихъ одного другимъ, брали у каждаго изъ юношей-вождей то, что было ему всего дороже, и соединяли все это во-едино.

Мы уже говорили, что Писаревъ былъ яркимъ выразителемъ, представителемъ новаго нароставшаго круга читателей не только своего, но и послѣдующаго десятилѣтія. И въ то же время это писатель въ высшей степени субъективный. Всѣ его самыя задушевныя убѣжденія тѣсно связаны съ его собственной жизнью, съ его личнымъ опытомъ. Онъ по себѣ судитъ, давая совѣты своимъ друзьямъ читателямъ. Нечего и говорить о его статьяхъ о воспитаніи и школьномъ ученіи,—здѣсь личный опытъ на каждомъ шагу, онъ-то и придаетъ такую живость его критикѣ и убѣдительность неизмѣнному выводу изъ этой критики: наше развитіе начинается лишь за стѣнами школы, дѣйствительное образованіе есть самообразованіе.

Но возьмемъ его вѣру въ перерождающую силу мысли. Эта вѣра не составляетъ, конечно, его личной особенности. Она лежитъ въ основѣ той теоріи эгоизма, о которой была рѣчь выше, и ею проникнуты всѣ взгляды Чернышевскаго, а дальше стоитъ вспомнить, какъ сильна была эта вѣра въ половинѣ XVIII вѣка во Франціи. На спеціальное-же пристрастіе Писарева къ естествознанію, какъ лучшему средству будить и воспитывать мысль, повліяли несомнѣнно громадные успѣхи опытныхъ наукъ въ періодъ, непосредственно предшествовавшій его умственному пробужденію. Все это такъ, и тѣмъ не менѣе въ его статьяхъ слышится та особая сила непосредственнаго убѣжденія, которую даетъ

личный опытъ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ балованный ребенокъ, недавно жаждавшій всевозможныхъ наслажденій, попадаетъ въ абсолютное уединеніе, проводитъ годъ за годомъ въ крѣпости не только безъ всякихъ развлеченій, но безъ всякихъ какихъ-бы то ни было внѣшнихъ впечатлѣній, и находитъ наслажденіе въ умственномъ трудѣ и сознаніи приносимой пользы. Онъ и кричитъ съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ, что каждый умный человѣкъ (а умнымъ, по его мнѣнію, могъ сдѣлаться каждый здоровый человѣкъ, лишь бы проснулась его мысль), разъ узнавши счастье мыслить и трудиться для общей пользы, предпочтетъ это счастье всему другому.

Что Писаревъ не напускалъ на себя свое „счастье", видно не столько изъ писемъ къ матери, наполненныхъ увѣреніями, что ему хорошо,—увѣренія могли быть вызваны желаніемъ успокоить ее—сколько изъ общаго бодраго тона его статей. Мы видѣли, что г. Головинъ считаетъ Писарева въ движеніи 60-хъ годовъ олицетвореніемъ оптимистической струи, которая несла освобожденіе отъ долга и совѣсти. Насчетъ долга и совѣсти,—это простая неправда, но вѣрно, что, по сравненію съ Добролюбовымъ, Писаревъ былъ оптимистомъ, и въ основѣ его оптимизма лежала глубокая вѣра въ возможность плодотворнаго труда для каждаго мыслящаго человѣка. Намъ кажется весьма вѣроятнымъ, что этимъ оптимизмомъ—этимъ „счастьемъ"—Писаревъ въ значительной степени былъ обязанъ одиночному заключенію. Достоевскій говоритъ, что обитателямъ „Мертваго дома" „воля кажется вольнѣе", чѣмъ она есть въ дѣйствительности. Но Достоевскій, хотя и безъ воли, жилъ все-таки съ людьми, Писаревъ-же только съ мыслями людей въ проглатываемыхъ имъ книгахъ. Не только воля должна была казаться ему вольнѣе, но и та единственная сила, съ которой онъ имѣлъ дѣло,—сила мысли,—должна была казаться ему всесильнѣе, чѣмъ въ дѣйствительности.

Главнѣйшимъ преступленіемъ Писарева, какъ критика, считаются его статьи о Пушкинѣ. И статьи, дѣйствительно, производятъ самое странное впечатлѣніе своимъ задорно-полемическимъ тономъ по отношенію къ произведеніямъ писателя, умершаго 28 лѣтъ тому назадъ. Писаревъ зналъ, что, вообще-то говоря, такое отношеніе не нормально и, со-

общая читателямъ, что въ слѣдующей книжкѣ появится его статья о Пушкинѣ, онъ заранѣе предупреждаетъ ихъ, что исторической точки зрѣнія они въ ней не найдутъ. „Я очень хорошо знаю, что „Евгеній Онѣгинъ“ гораздо лучше „Фелицы“ Державина и что „Капитанская Дочка“ стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ выше „Бѣдной Лизы“ Карамзина. Я нисколько не обвиняю Пушкина въ томъ, что онъ не былъ проникнутъ тѣми идеями, которыя въ его время не существовали или не могли быть ему доступны. Я задамъ себѣ и рѣшу только одинъ вопросъ, слѣдуетъ ли намъ читать Пушкина въ настоящую минуту или же мы можемъ поставить его на полку“. Заняться разрѣшеніемъ этого вопроса подстрекали Писарева противники направленія „Современника“ и „Русскаго Слова“. Добролюбовъ говорилъ, что двѣнадцатый годъ и Пушкинъ являются у насъ неисчерпаемымъ источникомъ самохвальства и замѣною всѣхъ добродѣтелей. Въ шестидесятыхъ годахъ двѣнадцатый годъ отошелъ на задній планъ, на Пушкина-же была возложена обязанность служить противоядіемъ противъ такъ-называемой тенденціозной поэзіи и беллетристики, противъ „Что дѣлать“, противъ Некрасова, Помяловскаго. Писаревъ надумалъ устроить надъ произведеніями Пушкина нѣчто вродѣ состязательнаго процесса, въ которомъ взялъ на себя роль обвинителя. Пусть, молъ, „обожатели Пушкина докажутъ, что представленія, вызываемыя его стихами, дѣйствуютъ на умы и сердца читателей болѣе благотворнымъ образомъ, чѣмъ представленія „Параднаго подъѣзда“, „Молотова“ и „Что дѣлать?“, а я буду доказывать, что въ нихъ нѣтъ ровно ничего благотворнаго, судьей-же явится читающая публика [1]).

Въ другомъ мѣстѣ Писаревъ говоритъ, что прочесть „Евгенія Онѣгина“ въ числѣ другихъ выдающихся произведеній нашей классической литературы необходимо для того, чтобы знать, что пережили и передумали наши предшественники, такъ какъ безъ этого знанія намъ не будутъ вполнѣ понятны наши современныя задачи [2]). Но въ своихъ статьяхъ о Пушкинѣ онъ беретъ Онѣгина и Татьяну, какъ

[1]) Т. IV, стр. 366. „Прогулка по садамъ россійской словесности“,

[2]) „Кукольная комедія“, т. IV, стр. 194.

типы, выставляемые противниками въ качествѣ образцовъ для подражанія современной молодежи и третируетъ этихъ соперниковъ Лопухова, Базарова, Вѣры Павловны соотвѣтствующимъ образомъ.

Мы не думаемъ, конечно, ни рекомендовать ни оправдывать такого отношенія къ дѣятелямъ прошлаго даже въ томъ случаѣ, когда живые современники злоупотребляютъ ихъ именемъ. Мы хотѣли только отмѣтить тотъ фактъ, что, принявъ условно Пушкина за то, что хотѣли сдѣлать изъ него литературные противники, отнесясь къ давно умершему поэту, какъ къ живому, не сошедшему со сцены писателю враждебнаго лагеря, Писаревъ зналъ, что дѣлалъ и дѣлалъ это открыто, не только не принимая на себя личины безпристрастнаго судьи—историка, а прямо предупредивъ читателей о своемъ полнѣйшемъ пристрастіи.

Прошло больше 30-ти лѣтъ со смерти Писарева, а г. Ив. Ивановъ въ своей „Исторіи русской критики“ набрасывается на него съ такой безшабашной полемикой, передъ которой остановился бы самъ г. Антоновичъ въ моментъ наибольшаго раздраженія за „лукошко россійскаго глубокомыслія“. Правда, лучшіе перлы этой полемики заимствованы втихомолку именно у г. Антоновича, но то, что г. Антоновичъ говорилъ по недоразумѣнію, своевременно разъясненному Писаревымъ, или ради остраго словца для приданія перцу той или другой страницѣ, повторяется теперь въ видѣ несомнѣннаго факта съ важнымъ видомъ судьи, творящаго съ высоты историческаго трибунала „строгій и всесторонній судъ“ надъ Писаревымъ. Мы приведемъ потомъ образчики полемическихъ пріемовъ г. Ив. Иванова, но прежде взглянемъ на его великолѣпный приступъ къ расправѣ съ Писаревымъ [1]).

Въ этомъ приступѣ г. Ив. Ивановъ поднимается на высоту всемірной исторіи, бѣглымъ взглядомъ обозрѣваетъ „времена глубокихъ преобразовательныхъ теченій“, тѣ времена, „когда умѣренность является въ высшей степени рѣдкой, въ полномъ смыслѣ культурной и политической добродѣтелью, когда средній образъ мыслей дѣйствительно ста-

[1]) „Исторія русской критики“. Части третья и четвертая. 1900 годъ. Приступъ отъ стр. 597 до 610.

новится золотымъ и чрезвычайно трудно достижимымъ" и съ грустью видитъ, что именно въ эти-то времена всегда появлялись нигилисты со своими крайними выводами. Нигилизмъ-же, какъ умственный процессъ, это, по опредѣленію г. Ив. Иванова, „ни болѣе, ни менѣе, какъ доведенная до послѣднихъ *полярныхъ* предѣловъ борьба чистой мысли съ нагляднымъ фактомъ дѣйствительности". Много зла и огорченія причинилъ онъ людямъ средняго образа мыслей. Одновременно съ умѣренно либеральной реформой Лютера явился Карльштадъ, „подлинный представитель реформаціоннаго нигилизма", за нимъ послѣдовали практики. „И Лютеру до конца дней пришлось страдать, глубоко, невыносимо страдать отъ прямыхъ дѣтищъ собственной реформы.., и даже послать проклятіе... тому самому разуму, который двигалъ имъ самимъ, но только умѣренно и осторожно!" Та же исторія повторилась два съ половиною вѣка спустя съ Вольтеромъ и его друзьями. „Они искали Бога, разрушая его видимые алтари... такимъ же среднимъ путемъ шли они и въ борьбѣ съ отжившимъ общественнымъ строемъ... Это либерализмъ и златая середина. Но опять нашлись люди..." Появились Гольбахъ и Гельвецій и привели въ ужасъ Вольтера и его друзей. Еще ужаснѣе былъ Руссо, воздвигнувшій „грандіозный образъ даже не дикаря, а миѳическаго существа человѣческой породы, но вполнѣ ангелоподобной природы. Это означало—смертный приговоръ и наукѣ и гражданскому обществу, и даже... способности думать и словамъ выражать свои думы". „И это не бредъ безумнаго, а только извѣстное звено логическаго процесса", иронизируетъ надъ логическимъ процессомъ г. Ив. Ивановъ. Способность мыслить и говорить—основа цивилизаціи, т. е. зло. „А такъ какъ всякое зло надлежитъ пресѣкать въ корнѣ, то вполнѣ послѣдовательно начать идеализаціей естественнаго состоянія, т. е. безоглядно прямолинейнымъ и непримиримымъ нигилизмомъ. Ничего другого по существу не дѣлали и русскіе нигилисты шестидесятыхъ годовъ... Человѣческая психологія въ своихъ основныхъ законахъ всегда и всюду одинакова. Логическое развитіе какой угодно идеи совершается тождественными путями во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ. Это правило остается неизмѣннымъ, къ сожалѣнію, во всѣхъ подробностяхъ и частностяхъ. Къ сожалѣнію, потому что уроки

исторіи должны бы производить извѣстное дѣйствіе на позднѣйшихъ путниковъ одного и того-же культурнаго пути" И т. д. и т. д.

Мы взяли изъ этого расплывающагося витійства лишь тѣ пункты, въ которыхъ уловили хоть какой-нибудь опредѣленный смыслъ. Наше изложеніе не даетъ понятія о всей претенціозности полета г. Ив. Иванова, но все-же видно, какимъ орломъ онъ притворяется и на какую поднимается высоту, чтобы броситься съ нея на Писарева, котораго онъ назначилъ въ духовные отцы русскимъ нигилистамъ и въ отвѣтственное лицо (передъ трибуналомъ исторіи) за ихъ появленіе. Ибо по философіи г. Ив. Иванова: „Практическая дѣятельность этой породы людей можетъ выразиться въ крайне отталкивающихъ формахъ... но все это только *послѣдующее и производное* [1]); предшествующее и истинно дѣятельное, принципіально творческое—идея, какъ логическое умозаключеніе и въ то-же время какъ настоящій *философскій догматъ*". Разнести Писарева, видимо, представляется г. Ив. Иванову „либерализмомъ и золотой срединой", такъ какъ тѣмъ самымъ онъ опровергнетъ заднимъ числомъ самого Каткова, который старался „разукрашивать чудовище (нигилизмъ) въ что ни на есть яркіе колеры". Г. Ив. Ивановъ чувствуетъ обязанность „свести этихъ героевъ къ ихъ подлинному историческому уровню и опредѣлить ихъ ростъ независимо отъ галлюцинацій не по разуму усердныхъ враговъ. Задача—нехитрая".

Переходомъ къ опредѣленію роста Писарева служитъ „Новь" [2]) Тургенева. Г. Ив. Иванову „невольно припоминается нигилистъ, созданный всепроникающимъ творчествомъ геніальнаго художника. Неждановъ гибнетъ жалкой, вынужденной смертью, унося въ могилу нестерпимо горькое разочарованіе въ жизненности и силѣ своего идеала. Неждановъ, правда, слабъ отъ природы, но и болѣе одаренные у вдумчивой и сердечной героини вызываютъ впечатлѣніе нелестное для ихъ нравственнаго и практическаго могущества.

„Несчастный онъ человѣкъ, неудачливый!..—говоритъ Ма-

---

[1]) Курсивъ г. Ив. Иванова.

[2]) Стр. 610.

ріанна о Маркеловѣ, и въ этихъ словахъ звучитъ будто погребальное напутствіе не надъ отдѣльной личностью, а надъ цѣлымъ теченіемъ. Оно шумно и бурно ворвалось въ русскую жизнь и неожиданно быстро разлетѣлось въ мелкія брызги, оставивъ у большинства современниковъ и у потомства впечатлѣніе какого-то случайно налетѣвшаго вихря, столь-же порывистаго, сколько и безплоднаго въ вѣковой положительной культурной работѣ русскаго народа и общества.

„И эту безплодность можно было предвидѣть съ самаго начала. Ни одно умственное направленіе въ XIX вѣкѣ не начиналось столь легкомысленно и слѣпо, въ противорѣчіи со всѣми ранними и ближайшими указаніями европейскаго и русскаго просвѣщенія. Ни одно радикальное теченіе, во всѣ эпохи европейской культуры, не явилось до такой степени ненужнымъ и завѣдомо фантастическимъ, какъ русскій нигилизмъ...“ Г. Ив. Ивановъ не будетъ спрашивать у этихъ легкомысленныхъ людей, „почему они, столь усердно занимаясь французскими революціями, не отдали себѣ отчета во французскихъ реакціяхъ?“ Ужъ гдѣ имъ! Но одинъ вопросъ безусловно долженъ быть имъ поставленъ: зачѣмъ устремились они куда-то въ сторону, по ихъ мнѣнію—впередъ, съ пути Чернышевскаго и Добролюбова, тогда какъ имъ оставалось только охранять эти пути и сбрасывать съ нихъ соръ? Онъ признаетъ, что „радикальныя слѣдствія всякой идеи теоретически возможны и естественны“. Но въ томъ именно и заключалась задача молодыхъ наслѣдниковъ Чернышевскаго и Добролюбова, чтобы удержаться отъ такихъ слѣдствій. „Ради крайняго и логическаго заключенія отвергать идею въ ея болѣе умѣренныхъ, но за то болѣе жизнеспособныхъ выводахъ—значитъ работать какъ разъ въ ущербъ прогрессу и подрывать нравственный авторитетъ и практическую цѣнность всей идеи вообще“ И все это произвелъ легкомысленный Писаревъ по наущенію Благосвѣтлова!

Но прежде чѣмъ идти дальше, не можемъ не отмѣтить любопытнѣйшаго доказательства собственнаго легкомыслія г. Ив. Иванова, которое онъ съ невѣроятною любезностью поставилъ въ самомъ центрѣ своей филиппики. Доказательство это въ глаза кидается, но именно по своей невѣроят-

ности можетъ быть все-таки не замѣчено читателями. „Несчастный онъ человѣкъ, неудачливый!“ говоритъ вдумчивая Маріанна г. Ив. Иванова, высказывая свое нелестное мнѣніе о Маркеловѣ и погребальное напутствіе надъ цѣлымъ теченіемъ. А вѣдь Маріанна-то Тургенева ничего подобнаго не говоритъ, а говоритъ Машурина Нежданову:

— „Жаль мнѣ Сергѣя Михайловича... Несчастный онъ человѣкъ, неудачливый! Ужъ на что лучше его... анъ нѣтъ! Не годится!

Неждановъ посмотрѣлъ на свою спутницу.

— Да вамъ развѣ что-нибудь извѣстно?

— Ничего мнѣ не извѣстно... а всякій чувствуетъ по себѣ. Прощайте, Алексѣй Дмитріевичъ“.

Не всякій съумѣетъ въ маленькой цитатѣ сдѣлать такой сложный, трехъэтажный промахъ при такихъ высокомѣрныхъ претензіяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ: и говоритъ-то не Маріанна, и рѣчь идетъ не о нравственномъ и матеріальномъ безсиліи Маркелова (въ его нравственной силѣ, замѣтимъ мимоходомъ, не сомнѣвался и самъ Тургеневъ), а о его неудачной любви, въ сущности-же даже вовсе не о немъ, такъ какъ весь разговоръ относится къ характеристикѣ не его, а Машуриной съ ея безнадежной любовью, которую она пытается на прощанье (это ихъ послѣднее свиданіе) высказать Нежданову. Всего удачнѣе, конечно, тотъ погребальный звонъ надъ цѣлымъ теченіемъ, который слышится г. Ив. Иванову въ робкой жалобѣ бѣдной Машуриной.

Отношеніе г. Ив. Иванова къ Писареву, пріемы расправы надъ нимъ всего яснѣе въ части статьи, посвященной личности Писарева [1]). Занимается-же онъ этой личностью на томъ основаніи, что [2]) „всякое направленіе мысли неразрывно связано съ нравственной личностью человѣка и именно крайне отрицательное, нигилистическое, какъ наиболѣе простое, почти схематическое, обусловливается непосредственной исторіей души. Этотъ законъ (?) имѣетъ въ высшей степени важное общее культурное значеніе, онъ

---

[1]) Стр. 623 и слѣдующія.

[2]) Стр. 622.

раскроется передъ нами въ личности даровитѣйшаго проповѣдника русскихъ новыхъ словъ“.

„Мы только что сказали—*исторія души*,—спохватывается г. Ив. Ивановъ—и готовы взять назадъ это выраженіе: такъ мало оно подходитъ къ характеристикѣ Писарева“. Исторіи души у него не было, а дальше окажется, какъ увидимъ, что не было въ сущности и собственной души, такъ какъ онъ былъ загипнотизированъ и черезъ него проявлялась лишь душа Благосвѣтлова. Тѣмъ не менѣе г. Ив. Ивановъ рѣшается попробовать.

Писаревъ дворянскаго происхожденія, его предки были помѣщиками и владѣли крѣпостными. Больше о нихъ ничего неизвѣстно, но по теоріи г. Ив. Иванова, „кое-какіе отголоски наслѣдственности отъ цѣлаго ряда поколѣній подобнаго склада не могли не перейти въ потомство, и будущій разрушитель явился на свѣтъ со всѣми задатками маленькаго балованнаго паразита“. Вотъ тебѣ и разъ! Вѣдь въ дурную сторону предки Писарева ровнехонько ничѣмъ не отличались отъ другихъ дворянскихъ родовъ, слѣд., если, по болѣе чѣмъ сомнительнымъ, но признаваемымъ г. Ив. Ивановымъ законамъ наслѣдственности, Писаревъ *не могъ* не явиться на свѣтъ мелкимъ [3]) паразитомъ, то не могутъ не являться ими всѣ другіе потомки дворянскихъ родовъ. Приговоръ столь „безоглядно прямолинейный“, такъ „полярно“ противорѣчащій „нагляднымъ фактамъ дѣйствительности“, что подписаться подъ нимъ усумнилась бы сама Машурина.

Мы просимъ извиненія у читателя, мы допустили на минуту, что г. Ив. Иванова можно заподозрить въ „чистой мысли“, или въ „логическомъ процессѣ“. Но онъ въ этихъ вещахъ совершенно неповиненъ и считаетъ ихъ злѣйшими врагами „средняго, умѣреннаго образа мыслей“.

Въ азартѣ своей умѣренности онъ поспѣшилъ выругать Писарева въ первый же моментъ его появленія на свѣтъ,

---

[3]) Слово „маленькій“ относится, конечно, не къ размѣрамъ новорожденнаго Писарева, а къ будущимъ свойствамъ его личности. Вѣдь размѣры новорожденныхъ дѣтей одинаковы во всѣхъ сословіяхъ, и также точно во всѣхъ сословіяхъ дѣти, пока они совсѣмъ „маленькіе“, не могутъ не быть „паразитами“, т. е. существами, живущими на счетъ другихъ организмовъ.

а если при этомъ выругалъ невзначай всѣхъ потомственныхъ дворянъ, такъ только потому, что ругаться просто, безъ затѣйливаго фразерства, онъ считаетъ ниже своего достоинства.

„Благовоспитанному юному джентльмену,—продолжаетъ г. Ив. Ивановъ,—пресѣчены были всякія сношенія съ крѣпостнымъ народомъ: эта исключительность остается у будущаго радикальнаго публициста на всю жизнь. Въ самыхъ отважныхъ полетахъ его мысль никогда не зацѣпится за плебейское сословіе и будетъ парить въ высшихъ областяхъ просвѣщенной публики". Опять можно лишь руками развести передъ полярностью борьбы, — мы уже не скажемъ: „чистой мысли"—но чистой злости г. Ив. Иванова, съ фактомъ дѣйствительности. Онъ и въ дальнѣйшемъ своемъ издѣвательствѣ надъ Писаревымъ (во всей статьѣ нѣтъ ни одной страницы, написанной безъ ужимки, долженствующей изображать иронію) будетъ утверждать, что „вопросъ о народѣ" былъ совершенно чуждъ интересамъ Писарева въ такое время, когда онъ „создавалъ партіи даже среди прирожденныхъ обломовцевъ" и вызвалъ столько горячихъ страницъ у Добролюбова.

Что Писаревъ не зналъ народа, какъ не зналъ его и Добролюбовъ, какъ не знали и спеціалисты по разсужденіямъ о народной душѣ и красотѣ: славянофилы и почвенники—это вѣрно. Писатели шестидесятыхъ годовъ, идеализировавшіе народъ, до такой степени не знали его, что даже не замѣчали еще своего незнанія. Они были убѣждены, что народъ — это хорошій человѣкъ, и писали его характеристики, соображаясь со своимъ представленіемъ о хорошемъ человѣкѣ. Такихъ художественныхъ наблюденій надъ подлиннымъ крестьяниномъ, *правда* которыхъ съ повелительной силой втѣснилась бы въ головы читателей, какъ это случилось во второй половинѣ 70-хъ годовъ съ очерками Гл. Успенскаго, тогда еще не было. Появлявшіяся повѣсти изъ народнаго быта не могли поколебать убѣжденія, что вѣрныя наблюденія надъ крестьянами должны подтверждать, — не могутъ не подтверждать имѣющагося представленія. Не это ли убѣжденіе слышится въ приговорѣ Добролюбова надъ „Горькой Судьбиной" Писемскаго? Ананій Яковлевъ представляется ему „клеветой на русскую натуру",

потому что поступаетъ не такъ, какъ поступилъ бы хорошій человѣкъ, жившій въ воображеніи Добролюбова. Если Ананій—типъ, а не малодушное исключеніе, если онъ точно сильная натура, „онъ гнѣвъ свой долженъ обратить прямо на причину своего несчастья, либо совсѣмъ преодолѣть себя по соображенію, что тутъ никто не виноватъ“ [1]).

Жгучая потребность провѣрки наступила лишь позднѣе, вмѣстѣ съ первыми проблесками знанія, и она совершилась цѣлой массой безымянныхъ, добывавшихся чуть не цѣною жизни, но оставшихся незаписанными наблюденій. Мы не хотимъ сказать, что по этой провѣркѣ народъ не оказался „хорошимъ человѣкомъ“. О нѣтъ! Иванъ Ермоловичъ хорошій человѣкъ, но онъ не тотъ человѣкъ, за котораго, какъ за друга, готовъ былъ ручаться Добролюбовъ, не тотъ человѣкъ, который не могъ поступать иначе, чѣмъ поступилъ бы на его мѣстѣ самъ Добролюбовъ.

Добролюбовъ возлагалъ всѣ свои надежды на поступки народа, каковъ онъ есть въ данный моментъ. Поэтому у него не могло не быть потребности создавать себѣ подробныя характеристики народа. У Писарева этой потребности не было и быть не могло. Ему было достаточно знать, что упорный, энергичный русскій народъ принадлежитъ къ даровитѣйшей въ мірѣ кавказской расѣ и можетъ достигнуть высшихъ предѣловъ развитія, а слѣдовательно, и силы и счастья.

Онъ замѣнялъ знаніе вѣрою никакъ не меньше Добролюбова, только въ другой области. Вмѣсто данныхъ качествъ народа, онъ идеализировалъ самостоятельную силу мысли, воспитанной и укрѣпленной научнымъ знаніемъ и вѣрилъ въ ея способность,—переродивъ, превративъ въ мыслящихъ людей чуть ли не всю поголовно молодежь образованныхъ классовъ, проникнуть черезъ нее въ народъ и стать первичнымъ самостоятельнымъ двигателемъ народнаго возрожденія.

Итакъ, характеристики народа Писаревъ не дѣлалъ, но кто же это „голодные и раздѣтые“, вопросъ о которыхъ онъ сдѣлалъ центромъ своей литературной дѣятельности, какъ не то же „простонародье“, благо котораго занимало и Добро-

[1]) „Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ“. Т. III. (изд. V-е), стр. 457—458.

любова? Г. Ив. Ивановъ вправѣ, конечно, находить, что Писаревъ говоритъ объ этомъ вопросѣ не золотыя, не среднія,—словомъ, непріятныя ему вещи. Но сказать, что мысль Писарева „никогда не зацѣплялась за плебейскій классъ“, что вопросъ о немъ его не интересовалъ, — это даже не борьба съ фактомъ дѣйствительности, а просто утвержденіе противоположнаго тому, что было. Мы не намѣрены слѣдить за всѣми столкновеніями г. Ив. Иванова съ фактами дѣйствительности, — они безчисленны,—и будемъ отмѣчать лишь наиболѣе затѣйливыя.

„Благосвѣтлова,—сообщаетъ намъ г. Ив. Ивановъ,—слѣдуетъ признать вдохновителемъ и первоисточникомъ нигилизма, насколько это направленіе выразилось въ публицистикѣ шестидесятыхъ годовъ. Особенно Писаревъ по своимъ идеямъ и общему умственному развитію находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ Благосвѣтлова: можно сказать,—онъ созданъ или, по крайней мѣрѣ, перерожденъ,—редакторомъ „Русскаго Слова“, имъ направленъ и богато снабженъ самымъ эффектнымъ и съ ногъ сшибательнымъ оружіемъ разрушенія [1]... Благосвѣтловъ подчинилъ его своей волѣ и своему уму съ первой же встрѣчи, и мать Писарева въ письмѣ къ Некрасову заявляла, что ея сынъ видѣлъ въ Благосвѣтловѣ своего друга, учителя и руководителя,—ему онъ обязанъ своимъ развитіемъ и въ его совѣтахъ онъ нуждался и позже. Это значитъ,—Писаревъ превратился въ точный и покорный отголосокъ Благосвѣтловскихъ взглядовъ. Овечья [2]) природа критика не исчезла безслѣдно и послѣ кризиса: произошла только смѣна авторитетовъ, и новый авторитетъ налегъ на природу Писарева, пожалуй, еще тяжелѣе, чѣмъ старые“...

[1]) 632 стр.

[2]) Стр. 634. Эта „овечья“ природа Писарева представляетъ образчикъ одного изъ остроумнѣйшихъ полемическихъ пріемовъ нашего историка. Въ статьѣ „Наша университетская наука“ Писаревъ характеризуетъ два разряда учащейся молодежи: прилежныхъ овецъ и лѣнивыхъ шаловливыхъ козлицъ. Отдавая предпочтеніе послѣднимъ, онъ говоритъ, что самъ то принадлежалъ въ гимназіи къ разряду овецъ. Сокративъ это въ сообщеніе, что словомъ овца самъ „Писаревъ очерчиваетъ свой юношескій образъ“ (стр. 624), г. Ив. Ивановъ дразнитъ Писарева этой овцой на протяженіи десяти страницъ: „овечья психологія“, „овечьи свойства“, „овца Писаревъ“ и даже просто „вчерашняя овца“...

Г. Ив. Ивановъ, кажется, и самъ чувствуетъ, что повѣрить этому не легко и пытается предупредить сомнѣнія. „Надо помнить,—проситъ онъ читателя,—въ удостовѣреніе всѣхъ этихъ фактовъ передъ нами признанія самого Писарева, его матери и историческое развитіе его таланта. Мы, дѣйствительно, имѣемъ дѣло съ любопытнымъ психологическимъ и культурнымъ фактомъ полной и непосредственной идейной зависимости одного изъ самыхъ отважныхъ публицистовъ отъ внѣшняго учительскаго авторитета" [1]).

На самомъ дѣлѣ, вмѣсто всѣхъ удостовѣреній имѣется одно лишь письмо Писарева къ Некрасову, безъ котораго никому, конечно, никогда и въ голову не пришло бы говорить о руководительствѣ Благосвѣтлова по отношенію къ Писареву. Письмо это написано въ отвѣтъ на слѣдующее печатное обращеніе Антоновича къ Благосвѣтлову: „Много чести для васъ, если вы ихъ (гг. Писарева и Зайцева) называете *своими* сотрудниками; гораздо точнѣе назвать васъ ихнимъ прихвостнемъ, или, лучше, человѣкомъ, загребающимъ жаръ ихними руками". Нечего и говорить, что такое оскорбленіе Благосвѣтлова посредствомъ приниженія его передъ его сотрудниками должно было вызвать Писарева на отпоръ, на защиту оскорбленнаго товарища по журналу. И онъ выполнилъ этотъ долгъ, не разсчитывая неизбѣжныхъ послѣдствій, не торгуясь съ собственнымъ самолюбіемъ, пересаливая, соотвѣтственно нанесенному оскорбленію, въ превознесеніи надъ собою Благосвѣтлова. Не прихвостнемъ, а другомъ, учителемъ и руководителемъ былъ для него Благосвѣтловъ, въ совѣтахъ котораго онъ и до сихъ поръ нуждается. Чтобы показать, до какой степени нуждался онъ въ этихъ совѣтахъ въ первый годъ своего сотрудничества въ „Русскомъ Словѣ", разсказывается, что, пожелавъ „помѣстить куда-нибудь переводъ XI пѣсни Мессіады, сдѣланный лѣтомъ 1860 г., онъ отнесъ рукопись въ редакцію „Странника" и передалъ ее г. В. Головину".

Въ той же статьѣ [2]) Антоновичъ распространяется о холопствѣ Благосвѣтлова передъ издателемъ „Русскаго Слова", графомъ Кушелевымъ-Безбородко. Писаревъ и тутъ солидаризируется съ Благосвѣтловымъ, защищая коллективную

---

[1]) Стр. 634.

[2]) „Современникъ" 1865 г., февраль. „Глуповцы въ Русскомъ Словѣ".

честь журнала. Холопства не было и тѣни, но если бы обвиненіе было справедливо, оно падало бы и на него самого. „*Позорить* Благосвѣтлова и въ то же время выгораживать Писарева—невозможно: или оба они—честные люди или оба—негодяи. Такое глубокое убѣжденіе моего сына“, говорится въ заключеніе письма. Письмо подписано матерью Писарева, но Некрасову было объяснено, почему не могъ подписать его самъ авторъ, да и по содержанію письма очевидно, что написать его могъ только самъ Писаревъ, а никакъ не его мать.

Таково единственное основаніе „любопытнаго психологическаго и культурнаго факта“, внушеннаго г. Ив. Иванову его политическимъ азартомъ. Всякому свободному отъ такого азарта читателю письмо говоритъ гораздо больше въ пользу характера Писарева, чѣмъ противъ его умственной самостоятельности.

Много полемическаго наслажденія извлекъ г. Ив. Ивановъ и изъ сообщенія Писарева о своей попыткѣ помѣстить въ „Странникѣ“ переводъ XI пѣсни Мессіады.

„Въ апрѣлѣ 1861 г. Писаревъ искалъ сотрудничества въ журналѣ „Странникъ“,—говоритъ г. Ив. Ивановъ. „Онъ думалъ начать свою карьеру въ „Странникѣ“, повторяетъ онъ черезъ нѣсколько страницъ, но судьбѣ угодно было столкнуть его съ личностью безусловно сильной и авторитетной (т.-е. съ Благосвѣтловымъ) — и этимъ безповоротно рѣшить вопросъ о направленіи легкомысленнаго библіографа“ [1]).

Въ самомъ-то дѣлѣ въ апрѣлѣ 1861 г. карьера Писарева была уже начата, съ Благосвѣтловымъ онъ былъ знакомъ и уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ состоялъ постояннымъ сотрудникомъ „Русскаго Слова“, какъ это хорошо извѣстно и г. Ив. Иванову изъ той самой 162-й стр. статьи „Посмотримъ“, на которую онъ неоднократно ссылается. Не карьеры и не сотрудничества, а только помѣщенія давно сдѣланнаго но ненужнаго „Русскому Слову“ перевода, искалъ Писаревъ въ „Странникѣ“. Благосвѣтловъ доказалъ ему, что обязанности честнаго литератора несовмѣстимы съ помѣщеніемъ въ чужихъ по направленію изданіяхъ хотя бы и безразличныхъ переводовъ, и Писаревъ выражаетъ ему за это свою

---

[1]) Стр. 632.

благодарность. Но сообщи г. Ив. Ивановъ этотъ „совсѣмъ даже нелиберальный фактъ“ изъ жизни Писарева въ его настоящемъ видѣ, куда же излилъ бы онъ то благородное негодованіе, которымъ дышетъ слѣдующая тирада:

„Его идеи нисколько не сходились съ направленіемъ „Странника“. Слѣдовательно, одно изъ двухъ, — или молодой писатель ни въ грошъ не ставилъ своихъ идей, или не понималъ ихъ общаго смысла и представлялъ изъ себя сладкогласный кимвалъ звучащій... такъ относиться можно къ наскоро заимствованнымъ чужимъ мыслямъ, лично непродуманнымъ и въ сущности нравственно безразличнымъ“ [1]).

Антоновичъ не замедлилъ, конечно, воспользоваться неразсчетливой горячностью Писарева въ защитѣ Благосвѣтлова и прозвалъ его „цвѣткомъ въ саду реализма, посаженнымъ и взрощеннымъ г. Благосвѣтловымъ“, но онъ не захотѣлъ отказаться отъ раньше задуманной шутки [2]) о ключѣ, полученномъ Писаревымъ въ лицѣ Базарова, къ механическому рѣшенію всѣхъ вопросовъ, и увѣрялъ, что въ саду Благосвѣтлова Писаревъ взращивался до появленія романа Тургенева, а затѣмъ превратился въ ученика Базарова.

Г. Ив. Ивановъ присваиваетъ себѣ обѣ шутки г. Антоновича и серьезно вѣщаетъ ихъ своими словами съ высоты исторіи.

Онъ даже видитъ нѣкоторое признаніе со стороны самого обвиняемаго въ томъ обстоятельствѣ, что „Писаревъ пространно возражалъ противъ своей идейной зависимости отъ Базарова, но на счетъ механизма умолчалъ“.

Приведемъ еще одинъ примѣръ зависимости г. Ив. Иванова и на этотъ разъ зависимости именно механической.

Въ статьѣ „Нерѣшенный вопросъ“, напечатанной въ новомъ собраніи сочиненій подъ заглавіемъ „Реалисты“, Писаревъ дѣлаетъ характеристику Рахметова, въ которой по-

---

[1]) Стр. 628.

[2]) Что въ „Современникѣ“ вовсе не были такого низкаго мнѣнія о Писаревѣ, какъ можетъ казаться изъ полемики, показываетъ самый поводъ къ письму въ защиту Благосвѣтлова, показываетъ и то обстоятельство, что еще при Чернышевскомъ приглашали сотрудничать въ „Современникѣ“, а потомъ, какъ только разошелся съ нимъ Благосвѣтловъ, Некрасовъ пригласилъ его писать въ „Лучѣ“, а потомъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“.

падается, между прочимъ, такая фраза: „Рахметовъ можетъ обходиться безъ того, что называется личнымъ счастьемъ, ему нѣтъ надобности освѣжать свои силы любовью женщины или хорошей музыкой... У него есть только одна слабость: хорошая сигара, безъ которой онъ не можетъ вполнѣ успѣшно размышлять“ [1]). Но въ сентябрѣ 1864 г., когда печаталось въ „Русскомъ Словѣ“ начало статьи, какъ имя Рахметова, такъ и заглавіе романа, въ которомъ онъ появляется, отовсюду вычеркивались и замѣнялись какимъ-нибудь псевдонимомъ, „Никитушкой Ломовымъ“, напр.. Писаревъ объ этомъ, очевидно, не зналъ, а цензору или самой редакціи вздумалось имя Рахметова, гдѣ оно встрѣчалось въ рукописи, замѣнять словами *реалистъ и человѣкъ вполнѣ реальный*. Такимъ образомъ, характеристика личности Рахметова превратилась въ характеристику реалиста вообще, но сигара осталась въ цѣлости. Получилась вопіющая нелѣпость! Сигара получила какое-то общее догматическое значеніе. „Сигара превращена въ единственную слабость, возможную или позволительную для всѣхъ реалистовъ“, говоритъ самъ Писаревъ, объясняя впослѣдствіи происхожденіе этой нелѣпости, въ которой онъ-то лично былъ виноватъ лишь тѣмъ, что, сидя въ крѣпости, не могъ участвовать въ редактированіи своихъ статей и просматривать корректуры. Но разъяснить эту нелѣпость ему удалось лишь черезъ годъ въ статьѣ „Посмотримъ“, напечатанной при сравнительно-льготныхъ условіяхъ. Тѣмъ временемъ г. Антоновичъ, конечно, воспользовался сигарой и обвинилъ въ непроходимой глупости Писаревскаго „вполнѣ реальнаго человѣка“, предпочитающаго эту сигару Шекспировскимъ драмамъ, женской любви и проч. Онъ догадался, что рѣчь идетъ о Рахметовѣ, но уличалъ Писарева въ томъ, что тотъ возводитъ въ принципъ случайное свойство Никитушки Ломова и навязываетъ его всѣмъ реалистамъ. Антоновичъ имѣлъ, конечно, право наслаждаться посланной ему судьбой сигарой, пока она не была отнята у него объясненіемъ Писарева. Но въ первомъ же сдѣланномъ еще при жизни автора собраніи сочиненій Писарева статья, въ которой, кромѣ сигары, было много и другихъ цензурныхъ искаже-

[1]) Реалисты, стр. 6, 7.

ній, была возстановлена по рукописи, и съ тѣхъ поръ подъ заглавіемъ „Реалисты“ печатается въ этомъ исправленномъ видѣ. Въ изданіи Павленкова, по которому дѣлаетъ цитаты г. Ив. Ивановъ, „вполнѣ реальнаго человѣка“ съ его сигарой можно найти только въ статьѣ „Посмотримъ“, гдѣ онъ фигурируетъ въ качествѣ „вопіющей нелѣпости“, происхожденіе которой изъ независящихъ отъ автора обстоятельствъ разъясняется самымъ убѣдительнымъ образомъ [1]).

Тѣмъ не менѣе, г. Ив. Ивановъ находитъ и цитируетъ въ качествѣ „краснорѣчивыхъ упражненій“ Писарева „въ стоическомъ направленіи“ фразу о вполнѣ реальномъ человѣкѣ, у котораго можетъ быть только одна слабость, сигара, безъ которой онъ не можетъ успѣшно размышлять [2]).

Предположить, что фраза взята г. Ив. Ивановымъ именно изъ „Посмотримъ“, именно изъ разъясненій Писарева о случайности ея происхожденія, мы не рѣшаемся даже относительно г. Ив. Иванова. Мы думаемъ, что онъ списалъ ее съ цитаты г. Антоновича. Это подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что сигара вызываетъ у г. Ив. Иванова ту же иронію: „Именно таково свойство Рахметова, значитъ, безъ него нельзя представить настоящаго мыслящаго человѣка“, какой наслаждался въ свое время и г. Антоновичъ.

Статью „Посмотримъ“ г. Ив. Ивановъ, несомнѣнно, читалъ; объясненіе Писарева ему извѣстно, но онъ, очевидно, рѣшилъ не принимать отъ осужденнаго никакихъ оправданій, подобно тому офицеру, который говорилъ, что если бы его назначили судьей Дрейфуса, онъ прежде всего заткнулъ бы себѣ уши, изъ уваженія къ авторитету генераловъ. И если бы еще непреклонность г. Ив. Иванова по отношенію къ Писареву можно было объяснить такимъ же уваженіемъ къ его противнику! Но нѣтъ! Уши онъ затыкаетъ, а уваженія къ Антоновичу не проявляетъ и тѣни.

Покончивъ въ общихъ чертахъ съ Писаревымъ и перейдя къ его „врагу“, онъ третируетъ этого послѣдняго съ такимъ же изысканнымъ презрѣніемъ, какъ и самого Писарева. Единственное смягчающее вину обстоятельство онъ находитъ для Антоновича лишь въ томъ, что „Антоновича

---

[1]) Стр. 194—5, т. V Сочин. Писарева.

[2]) Стр. 647. Исторія русской критики.

быстро забыли его же читатели... Врядъ ли кто когда-либо рѣшится издать сочиненія Антоновича, а Писаревъ числится едва ли не среди *обязательныхъ*, въ извѣстномъ смыслѣ, классическихъ авторовъ". Поэтому именно Писаревъ „подлежитъ строгому и всестороннему суду", а Антоновича можно и отпустить [1]).

Невысокаго, повидимому, мнѣнія г. Ив. Ивановъ и о безпристрастіи Антоновича. Разсказывая о его полемикѣ съ Писаревымъ, онъ говоритъ, что Антоновичъ „постарался докапать врага всяческими средствами. На сцену выступилъ уже вообще Писаревъ, какъ человѣкъ, и его сильнѣйшій авторитетъ—Благосвѣтловъ. Его признанія на счетъ ранняго невѣжества и неразвитія, письмо его матери объ его зависимости отъ поученій и руководства Благосвѣтлова—все пущено въ ходъ съ самыми откровенными поясненіями и толкованіями". Все это, правда, пущено въ ходъ и г. Ив. Ивановымъ въ его статьѣ, посвященной Писареву, но, тѣмъ не менѣе, со стороны Антоновича это признается стараніемъ „докапать врага всякими средствами" [2]).

Всяческими средствами старается г. Ив. Ивановъ докапать врага также и тогда, когда притворяется излагающимъ его взгляды.

Одни изъ этихъ средствъ таковы, что защитой противъ нихъ можетъ служить Писареву лишь полное собраніе его сочиненій, другіе допускаютъ болѣе краткій отвѣтъ, но всѣ направлены къ одной цѣли: возбудить сильнѣйшее отвращеніе къ Писареву въ каждомъ, кто его не читалъ или забылъ. Вотъ характеристика отношенія къ Бѣлинскому и Добролюбову, какъ къ людямъ „всю жизнь искавшимъ истины". „Жалкіе люди!" — восклицаетъ отъ имени ихъ „молодыхъ наслѣдниковъ" г. Ив. Ивановъ. „—Дѣло такъ просто, и еще проще долженъ быть нашъ приговоръ надъ несчастными Гамлетами русской публицистики. Бѣлинскій—все его несчастіе въ томъ, что онъ былъ настоящимъ жрецомъ искусства... Если бы вы знали, что такое этотъ культъ, вообще эстетическій принципъ! Ничто иное, какъ „раздражительная чувственность", „irritatio spinalis", возведенная въ перлъ

---

[1]) Стр. 680.

[2]) Стр. 676.

созданія“, „стариковская похотливость“, „гаденькій безсильный развратъ“ [1]. И такой-то принципъ воодушевляетъ всѣ двѣнадцать томовъ сочиненій Бѣлинскаго: какое ужъ тутъ „значеніе его въ литературѣ и обществѣ!“ Если на эту тему новый мыслящій человѣкъ считаетъ нужнымъ написать нѣсколько страницъ, — онъ дѣлаетъ это крайне неумѣло, въ видимое противорѣчіе со своими основными воззрѣніями. Очевидно, ему просто неловко и боязно сразу произнести прямой смертный приговоръ надъ несомнѣнно благороднѣйшимъ человѣкомъ и сильнымъ свободнымъ писателемъ“ [2].

Ловкій пріемъ! Чтобы убѣдиться въ томъ, что это ложь, нужно перечитать всѣ сочиненія Писарева. Вѣдь въ ковычки взятъ только рядъ словечекъ, безъ обозначенія, откуда они взяты; все остальное г. Ив. Ивановъ говоритъ отъ себя. Это результатъ изученія произведеній „новаго мыслящаго человѣка“. Но впечатлѣніе произведено. „Стариковская похотливость“, „гаденькій развратъ“, въ связи съ именемъ Бѣлинскаго!—нѣтъ того грамотнаго русскаго человѣка, въ которомъ такое сопоставленіе не вызвало бы дрожи отвращенія.

„Подобная исторія и съ Добролюбовымъ“,—продолжаетъ и г. Ив. Ивановъ. Приведя затѣмъ заявленіе Писарева о его расхожденіи съ Добролюбовымъ, г. И. Ивановъ спрашиваетъ себя: „Въ самомъ дѣлѣ, что общаго между людьми, изъ которыхъ одинъ чувство художества признаетъ источникомъ нравственнаго возмущенія противъ беззаконной дѣйствительности, а другому это именно чувство кажется противоестественнымъ и матерью лжи?“—„Поэтъ на то и поэтъ, чтобы замазывать дѣйствительность фантастическимъ колоритомъ или, говоря проще, привирать“. Вотъ эстетика новыхъ критиковъ: можетъ ли она родственно примыкать къ мнѣнію Добролюбова! Конечно, и Писаревъ правъ въ своемъ отреченіи отъ горячихъ чувствъ по отношенію къ Добролюбову“ [3]. Въ текстѣ, какъ видите, говорится объ отношеніи Писарева къ Добролюбову, въ текстѣ имя Зайцева еще ни разу не упомянуто, но къ взятой въ ковычки фразѣ

[1]) Нигдѣ и никогда такими словами „эстетическаго принципа“ вообще Писаревъ не опредѣлялъ.

[2]) Стр. 615.

[3]) Стр. 617.

„поэтъ на то и поэтъ, чтобы... привирать“ сдѣлана подстрочная ссылка на статью Зайцева: „Взбаламученный романистъ“. Надо еще провѣрить, въ какомъ смыслѣ говоритъ это Зайцевъ, но что Писаревъ-то никогда ничего подобнаго не говорилъ и много разъ говорилъ совершенно обратное [1]), это несомнѣнно. Но фраза вклеена, и въ своемъ дальнѣйшемъ доканываніи врага г. Ив. Ивановъ получаетъ возможность ссылаться на нее, какъ на опредѣленіе сущности поэта Писаревской критикой и удивляться его похваламъ Гейне. „Какъ это возможно? Вѣдь мы слышали,—поэтъ обязательно лжетъ и привираетъ“...! [2]).

Приведемъ еще одинъ примѣръ. Перечисливъ съ милой шутливостью враговъ, съ которыми воюетъ Писаревъ, г. Ив. Ивановъ говоритъ: „Дальше слѣдуютъ цѣлыя науки, во главѣ ихъ исторія, потому что „стыдно и предосудительно уходить мыслью въ мертвое прошедшее“... [3]). На этотъ разъ взятая въ ковычки фраза принадлежитъ, дѣйствительно, Писареву, и тѣмъ не менѣе, приведенная въ качествѣ мнѣнія Писарева объ исторіи, она представляетъ лишь одно изъ „всяческихъ средствъ“, такъ какъ относится-то она вовсе не къ исторіи, а къ романамъ Вальтеръ-Скотта и Купера. Эти писатели очень даровиты, говоритъ Писаревъ, „ихъ произведенія читаются съ удовольствіемъ и создаютъ цѣлыя школы подражателей. А что выноситъ читатель изъ этихъ романовъ? Ничего, ни одной новой идеи. Рядъ картинъ и арабесковъ. То же самое, что ребенокъ изъ волшебной сказки. Въ наше время, когда надо смотрѣть въ оба глаза и работать обѣими руками, стыдно и предосудительно уходить мыслью въ мертвое прошедшее“ [4]).

Въ той же статьѣ, изъ которой выхвачена послѣдняя фраза, Писаревъ выражаетъ также и свой основной взглядъ на исторію, тотъ взглядъ, на которомъ онъ настаиваетъ, который повторяетъ и развиваетъ тоже и въ другихъ статьяхъ. „Ни физіологія, ни анатомія,—говоритъ Писаревъ,—„не даютъ намъ никакого понятія о томъ, какъ человѣкъ устраиваетъ свою жизнь и какъ онъ постепенно подчиняетъ себѣ силы природы

---

[1]) Ср., напр., 99 стр. „Реалистовъ“.

[2]) Стр. 620. Ист. Р. К.

[3]) Стр. 647.

[4]) „Реалисты“, стр. 119.

силой своего ума. Оба эти вопроса имѣютъ для насъ капитальную важность; но тѣ отрасли знанія, отъ которыхъ мы должны ожидать себѣ на нихъ отвѣта,—исторія и статистика, — до сихъ поръ еще не достигли научной твердости и опредѣленности. Исторія до сихъ поръ не что иное, какъ огромный арсеналъ, изъ котораго каждая литературная партія выбираетъ себѣ годные аргументы для пораженія своихъ противниковъ"[1]). Въ прекрасной статьѣ: „Историческія идеи Огюста Конта" онъ на самомъ Контѣ показываетъ, какъ и для этого предполагаемаго основателя соціологіи исторія служитъ арсеналомъ, изъ котораго онъ черпаетъ аргументы для обоснованія своего pouvoir spirituel. Въ этомъ пунктѣ взгляды Писарева совпадаютъ съ тѣми посылками, изъ которыхъ г. Михайловскій выводитъ необходимость „субъективнаго метода". Писаревъ дѣлаетъ изъ нихъ лишь тотъ выводъ, что исторіей могутъ съ пользой заниматься люди, уже развившіеся; для преподаванія же въ учебныхъ заведеніяхъ съ цѣлью образованія молодыхъ умовъ она не пригодна. Изъ самаго лучшаго курса исторіи такіе умы ничего не вынесутъ, кромѣ простого перечисленія непонятныхъ событій. „Вѣдь исторія не наука,—твердитъ Писаревъ; это—приложеніе всѣхъ наличныхъ знаній и всего наличнаго ума человѣка къ пониманію прошедшей жизни". Для того, чтобы гимназисту, краснорѣчиво изложившему по учебнику исторію Гракховъ, стало понятно, почему Тиберію вдругъ вздумалось осчастливить бѣдныхъ и отчего именно землею, а не деньгами, и откуда взялись эти бѣдные, и отчего сенату было выгодно, чтобы они оставались бѣдными и проч.—чтобы понять все это, гимназисту нужна такая степень развитія и такая масса знаній, какія рѣдко совмѣщаются въ надлежащей полнотѣ въ почтенной головѣ профессора исторіи. Краснорѣчіе же безъ пониманія ведетъ лишь къ вялости мысли и къ безсознательному фразерству"[2]).

Но приложеніе мыслящимъ умомъ взрослаго человѣка возможно большаго запаса знаній къ пониманію прошедшей жизни людей Писаревъ считалъ необходимымъ, причемъ твердо *вѣровалъ* въ то, что „естественныя науки даютъ ту

---

[1]) „Реалисты", стр. 146.

[2]) „Наша университетская наука", стр. 81, 82.

подготовку, при помощи которой онъ... можетъ слѣдить въ теченіе всей своей жизни за развитіемъ и разработкой различныхъ соціальныхъ вопросовъ".

Относительно превращенія въ науку текущей исторіи, т.-е. изученія современныхъ отношеній между людьми, онъ возлагалъ большія надежды на статистику.

Кромѣ вышеуказанныхъ нами героическихъ средствъ г. Ив. Ивановъ пользуется въ борьбѣ съ Писаревымъ и многими другими; но всего не передать, да и не зачѣмъ. И такъ ясно, что если это и судъ, то происходитъ онъ не въ области исторіи, а въ той странѣ, о которой разсказываетъ странница Ѳеклуша въ „Грозѣ" Островскаго. „Судьи тамъ все неправедные. И не могутъ они, милая дѣвушка, ни одного дѣла разсудить праведно,—такой ужъ имъ предѣлъ положенъ". Именно предѣлъ. Плохо приходится умершему писателю, если его не взлюбитъ г. Ив. Ивановъ, но едва ли не хуже тому покойнику, который заслужитъ его благоволеніе, какъ это случилось съ Добролюбовымъ. Его избралъ г. И. Ивановъ въ представители той умѣренности и золотой средины, соотвѣтствующей Лютеру въ реформаціонный періодъ, Вольтеру въ движеніи XVIII вѣка, которая является „въ полномъ смыслѣ культурной и политической добродѣтелью... во всѣ времена глубокихъ преобразовательныхъ теченій". Объ этомъ мы узнаемъ изъ приступа къ разгромленію Писарева, но уже въ предыдущихъ главахъ, говоря о Добролюбовѣ г. Ив. Ивановъ обдѣлываетъ его соотвѣтствующимъ образомъ и приготовляетъ къ роли человѣка средняго образа мыслей.

Въ чемъ именно заключаются гражданскія заслуги Добролюбова, г. Ив. Ивановъ высказываетъ ясно лишь при помощи Тургенева, котораго опять-таки, какъ и въ дѣлѣ съ Писаревымъ, нельзя не признать въ этомъ пособничествѣ совершенно неповиннымъ.

Все то, что г. Ив. Ивановъ говоритъ отъ себя объ общихъ взглядахъ Добролюбова, — такъ неопредѣленно, что подъ сочиненный имъ „краткій символъ добролюбовской вѣры", можно подставить самые разнородные взгляды. Приведемъ, однако, этотъ символъ цѣликомъ:

„Во главѣ стоитъ плодотворнѣйшая, могущественная идея всякаго прогрессивнаго движенія въ наукѣ и въ обще-

ственной мысли — *понятіе факта* (курсивъ здѣсь, какъ и дальше, г. Ив. Иванова). Добролюбовъ положитъ это понятіе въ основу всѣхъ своихъ литературныхъ и политическихъ разсужденій и воздвигнетъ стройную систему эстетики и общественнаго идеализма. *Фактъ*,—это значитъ добросовѣстно и безкорыстно раскрытая дѣйствительность, отсутствіе фантастическихъ мечтательныхъ украшеній жизненной правды, вражда къ безпочвенной риторикѣ, праздному фантазерству, чисто-религіозный культъ *дѣла*, положительныхъ настоятельно-потребныхъ задачъ личности и общества. *Фактъ* въ наукѣ—значитъ опытное изслѣдованіе и выводы, совершенно свободные отъ предвзятыхъ теорій и метафизическихъ внушеній, *фактъ* въ общественной дѣятельности—честное, прямое отношеніе къ современности, умѣнье соразмѣрять силы личности съ нуждами общаго блага, работать на данной почвѣ, при данныхъ обстоятельствахъ, не улетать въ надзвѣздныя сферы и не тѣшить себя мнимо-идеальными призраками среди тупого непониманія или преступнаго равнодушія къ жестокой правдѣ земли. Вотъ краткій символъ Добролюбовской вѣры, все остальное только выводъ и частности. При талантѣ критика эти частности стоятъ общихъ истинъ: до такой степени блестяще и мощно ихъ развитіе! Прежде всего насъ поражаетъ удивительно ясная, невозмутимая *трезвость взгляда*" [1]).

Г. Ив. Иванову кажутся „вполнѣ ясными" слѣдующіе „выводы", сдѣланные имъ изъ Добролюбовской характеристики обломовцевъ.

„Долой теоріи: одна чистая неограниченная правда дѣйствительности! Прочь доктринеровъ, на сцену—практиковъ, дѣятелей, хотя бы въ самой ограниченной, но жизненной области. Слѣдуетъ разъ навсегда покончить съ шумомъ и блескомъ, оставить несбыточныя надежды по произволу передѣлывать исторію"... Намъ, однако, все еще не ясно, чего именно хочетъ отъ Добролюбова г. Ив. Ивановъ. Переводъ всего этого на болѣе конкретный языкъ будетъ данъ намъ отъ имени Тургенева, который, разсердившись на какихъ-то „лицедѣйствующихъ младенцевъ", желающихъ однимъ взмахомъ руки... опрокинуть ветхій міръ и возсоз-

---

[1]) Стр. 566, 570.

дать новый, отвѣтить этимъ младенцамъ „той же рѣчью, *какую они могли слышать гораздо раньше отъ Добролюбова*“ (курсивъ нашъ). Эту рѣчь г. Ив. Ивановъ заимствуетъ изъ своей собственной книги о Тургеневѣ. Рѣчь такова:

„Мы вступаемъ въ эпоху только *полезныхъ* (курсивъ и многоточіе до конца цитаты принадлежатъ г. Ив. Иванову) людей... и это будутъ лучшіе люди... Стремленія къ *общему* идеалу безплодны, надо ограничить кругъ дѣйствій, надо выбрать малое *спеціальное* дѣло въ уровень со способностями и наклонностями, хотя бы, напримѣръ, учить мужика грамотѣ, лѣчить его, и этотъ *частный* идеалъ дастъ жизнь общему. „Въ норку, въ норку, молодые люди“! взывалъ Тургеневъ къ самозваннымъ Базаровымъ, залетавшимъ подъ седьмое небо теорій и плановъ, и на его языкѣ это означало: „впередъ, молодое поколѣніе!“ [1]).

И эта мозаичная рѣчь должна выражать взгляды не только Тургенева, но и Добролюбова. Въ ней выражено то же самое, что уже раньше было сказано въ статьяхъ Добролюбова!

Не характерна она и для Тургенева. Ему знакомо, правда, чувство холоднаго отчаянія человѣка, въ голову котораго закралась мысль о „*безплодности стремленія къ общему идеалу*“, закралось сомнѣніе въ возможности общаго счастливаго будущаго для человѣчества. Но для Тургенева эта мысль равносильна мысли „о тщетѣ всякой дѣятельности, ставящей себѣ болѣе высокую задачу, чѣмъ добываніе насущнаго хлѣба“.

Люди въ настроеніи, изображенномъ въ „Довольно“, могутъ быть глубоко убѣждены въ прогрессѣ медицины или педагогіи, но „чѣмъ заставить ихъ стряхнуть свою нѣмую лѣнь, свое унылое недоумѣніе, чѣмъ привлечь ихъ опять на поле битвы...?“ Они могутъ, конечно, ради куска хлѣба или изъ жалости лѣчить голодный тифъ усовершенствованными способами, но кому же вздумается считать это стремленіемъ къ „частному идеалу“?—Конечно, не Тургеневу.

Мы не читали книги г. Ив. Иванова о Тургеневѣ и не знаемъ, какими средствами вынудилъ онъ тамъ всегда

---

[1]) Ивановъ, И. Р. К., страницы 570, 571.

умнаго, всегда изящнаго Тургенева произнести этакую рѣчь. Но взятая въ ковычки фраза: „въ норку, въ норку“ намъ знакома. Она вырвана изъ слѣдующихъ словъ Потугина въ „Дымѣ“: „Нынѣшняя молодежь ошиблась въ разсчетѣ. Она вообразила, что время прежней темной, подземной работы прошло, что хорошо было старичкамъ-отцамъ рыться на подобіе кротовъ, а для насъ-де эта роль унизительна, мы на открытомъ воздухѣ дѣйствовать будемъ, мы будемъ дѣйствовать. Голубчики! и ваши дѣтки еще дѣйствовать не будутъ; а вамъ не угодно ли въ норку, въ норку опять по слѣдамъ старичковъ“?

Говоритъ это Потугинъ вслѣдъ за комическимъ разсказомъ объ огорченіи одного молодого человѣка, котораго онъ въ насмѣшку назвалъ идеалистомъ. Относится эта рѣчь именно къ слову идеалистъ. Намъ кажется, что въ тонѣ этой рѣчи слышится упрекъ молодому поколѣнію за старичковъ-идеалистовъ, за тѣхъ поневолѣ „лишнихъ людей“, которыхъ корили за бездѣйствіе и называли обломовцами. То же, только другимъ тономъ, говоритъ Потугинъ и своимъ разсказомъ о Васькѣ Буслаевѣ и валяющейся въ пыли мертвой головѣ. Васька ее ногой пихнулъ, а она ему говоритъ: „и тебѣ то же будетъ“.

Потугинское предсказаніе относительно „открытаго воздуха“ сбылось и продолжаетъ сбываться. Но на какомъ же языкѣ констатированіе ошибки въ разсчетѣ и неизбѣжности возвращенія въ норку по слѣдамъ старичковъ можетъ означать: „впередъ, молодое поколѣніе“? Ужъ никакъ не на языкѣ Тургенева, въ словахъ котораго всегда есть смыслъ.

Тургеневъ для г. Ив. Иванова „всепроникающій, геніальный художникъ“, а между тѣмъ г. Ивановъ обращается со смысломъ выхваченыхъ у него фразъ такъ же безцеремонно, какъ и съ фразами Писарева или Зайцева. Какъ объяснить такую всестороннюю безцеремонность?

Разбирая романъ Станицкаго, герой котораго изучаетъ литературу, Писаревъ замѣчаетъ, что произведенія нашей классической литературы необходимо переработать въ своемъ умѣ, чтобы знать, что пережили и передумали наши предшественники, такъ какъ безъ этого для насъ во многихъ отношеніяхъ останутся непонятными потребности и задачи нашей собственной эпохи, но что изучать ихъ, т. е. вспа-

триваться въ индивидуальныя особенности языка и манеры повѣствованія, нѣтъ никакой надобности. Это, молъ, область школьной піитики. Ихъ нужно читать, „какъ мы читаемъ журнальную статью, какъ пробѣгаемъ отдѣлъ иностранныхъ извѣстій въ газетѣ“, обращая все вниманіе на тѣ явленія жизни, которыми вызваны литературныя произведенія.

Г. Ив. Ивановъ обратилъ вниманіе на это мѣсто и, выхвативъ послѣднія фразы, неоднократно и съ великимъ отвращеніемъ ихъ цитируетъ, напирая на слово „пробѣгаемъ“. У насъ является предположеніе, что отвращеніе къ Писареву внушило г. Ив. Иванову желаніе представить изъ себя его полную противоположность. Онъ, вѣроятно, изучаетъ литературныя произведенія со стороны языка, слога и проч., но вовсе не затрудняется ихъ содержаніемъ, тѣми „явленіями жизни“, которыя въ нихъ отражаются. Эта гипотеза объяснила бы намъ ту свободу, съ какою, схвативъ въ художественномъ произведеніи нужную ему фразу, онъ не обращаетъ уже ни малѣйшаго вниманія на то, кѣмъ, въ какомъ смыслѣ и при какихъ обстоятельствахъ она сказана, и такимъ образомъ получаетъ возможность дѣлать изъ фразы какое угодно употребленіе. Съ художественныхъ произведеній г. Ив. Ивановъ распространяетъ это правило и на журнальныя статьи [1]),—про газеты не знаю.

Но вернемся къ общей для Добролюбова и Тургенева „рѣчи“. Если относительно послѣдняго еще можно спорить, заслуживаетъ онъ или не заслуживаетъ того, чтобы существенные пункты рѣчи (проповѣдь „малыхъ спеціальныхъ дѣлъ“ и отрицаніе „общихъ идеаловъ“) проповѣдывались отъ его имени, то всякій, кто читалъ Добролюбова не одними глазами, кто, призывая его на судъ исторіи, не при-

[1]) Приведемъ еще одинъ, хотя и не относящійся къ предмету нашей статьи, но ужъ очень курьезный примѣръ свободнаго обращенія г. Ив. Иванова съ фактами дѣйствительности. В. Майковъ и Милютинъ, сообщаетъ онъ намъ въ „Исторіи русской критики“ (стр. 301, 302), ученики одной экономической школы. „Школа эта, очевидно, преобладала въ преподаваніи политической экономіи на юридическомъ факультетѣ петербургскаго университета. Это школа Маркса, по крайней мѣрѣ, ея весьма существенные отголоски“. Валеріанъ Майковъ умеръ лѣтомъ 1847 г., а юридическій факультетъ петербургскаго университета онъ кончилъ въ 1842 или 1843 году. Соблазнило г. Ив. Иванова, очевидно, слово „экономическое“, попадающееся въ статьяхъ Вал. Майкова и Милютина.

несъ заранѣе составленнаго приговора въ карманѣ, тотъ скажетъ, что такой похвальный аттестатъ является по отношенію къ Добролюбову еще несправедливѣе обвинительнаго приговора Писареву.

У Тургенева нашлись образы, которыми Добролюбовъ смогъ воспользоваться для своей рѣчи: это Инсаровъ, Елена. И въ чемъ же главная мысль статьи: „Когда же придетъ настоящій день?", какъ не въ противопоставленіи Инсарова съ его великимъ общимъ дѣломъ русскимъ спеціалистамъ, сидящимъ по норкамъ? Самые умные, лучшіе изъ нихъ, Берсеневъ, Шубинъ, посвящаютъ себя различнымъ музамъ, устраняясь отъ общества. „Но что же имъ дѣлать тутъ въ этомъ обществѣ?... Починивать кое-что, отрѣзывать и отбрасывать понемножку разныя дрязги общественнаго устройства? Да не противно ли у мертвыхъ зубы вырывать и къ чему это поведетъ? На это способны только герои, въ родѣ господъ Паншиныхъ и Курнатовскихъ".

Героями являются въ Россіи лишь люди не размышляющіе, но и ихъ немного. „Гораздо многочисленнѣе въ нашемъ образованномъ обществѣ другой разрядъ людей... которые путемъ долгихъ сомнѣній и исканій дошли до того же единства и ясности идей, съ какими является передъ нами, безъ всякихъ особенныхъ усилій, Инсаровъ". Эти люди знаютъ, что надо дѣлать, но нѣтъ въ нихъ силы для дѣятельности. Да и русское дѣло—не болгарское. У Инсарова не было никогда ничего общаго съ турками. „Русскій же герой, являющійся обыкновенно изъ образованнаго общества, самъ кровно связанъ съ тѣмъ, на что долженъ возставать. Онъ находится въ такомъ положеніи, въ какомъ былъ бы, напр., одинъ изъ сыновей турецкаго аги, вздумавшій освобождать Болгарію отъ турокъ". Ему пришлось бы отречься отъ всего, что его связывало съ турками, ото всѣхъ выгодъ своего положенія,

Такихъ русскихъ людей пока нѣтъ. „Не знаемъ, какъ развиваются и разовьются новыя поколѣнія, но тѣ, которыя мы видимъ теперь дѣйствующими, развивались вовсе не такъ, чтобы могли уподобиться Инсарову; на развитіе каждаго отдѣльнаго человѣка имѣютъ вліяніе не только его частныя отношенія, но и вся общественная атмосфера, въ

которой суждено ему жить. Иная развиваетъ героическія тенденціи, другая—мирныя"...

„Въ Еленѣ сказалась та смутная тоска по чемъ-то, почти безсознательная, но неотразимая потребность новой жизни, новыхъ людей, которая охватываетъ теперь все русское общество, и даже не одно только такъ называемое образованное".

„Теперь каждый ждетъ, каждый надѣется, и дѣти теперь подростаютъ, напитываясь надеждами и мечтами лучшаго будущаго... Когда придетъ ихъ чередъ приняться за дѣло, они уже внесутъ въ него ту энергію, послѣдовательность и гармонію сердца и мысли, о которыхъ мы едва могли пріобрѣсти теоретическое понятіе" [1]).

Статья „Когда же придетъ настоящій день?" кажется намъ лучшей статьей Добролюбова, всего полнѣе обрисовывающей самого автора, его настроеніе, его неудовлетворенную потребность въ новыхъ людяхъ и тревожную надежду на ихъ появленіе. Но что именно эта статья и „Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ" имѣли наибольшее вліяніе на читателей,—на тѣхъ выросшихъ „въ атмосферѣ надеждъ и ожиданій читателей", для которыхъ статьи имѣли серьезное значеніе,—это фактъ.

Г. Ив. Ивановъ благоразумно игнорируетъ содержаніе статьи „Когда же придетъ настоящій день?", упоминая о ней лишь по поводу замѣчанія Добролюбова, что общественная сторона романа Писемскаго „Тысяча душъ" насильно пригнана къ заранѣе сочиненной идеѣ. Г. Ив. Ивановъ возражаетъ Добролюбову, что романъ „Наканунѣ" тенденціознѣе „Тысячи душъ" и что на *всякій* непредубѣжденный взглядъ въ фигурахъ Елены и Инсарова идея несравненно болѣе придумана, чѣмъ въ герояхъ Писемскаго. Не на всякій! У г. К. Головина, напр., невозможно предположить одинаковаго предубѣжденія съ Добролюбовымъ, для этого слишкомъ различны ихъ убѣжденія. Между тѣмъ, г. Головинъ находитъ, что Писемскій, выведя въ противовѣсъ Калиновичу чиновника Бѣлавина, тоже сдѣлавшаго карьеру и сохранившаго при этомъ незапятнанную честность, какъ будто хотѣлъ сказать читателямъ: можно, и слѣдуетъ, оста-

[1]) Соч. Добролюбова, т. III, изд. пятое, стр. 275—299.

ваться вполнѣ хорошимъ человѣкомъ, не становясь мученикомъ и не жертвуя благами жизни. Для этого, правда, нужно много ума и много стойкости, но, вѣдь, тѣ только люди и годятся на что-нибудь, которые способны разомъ вывозить и себя и свои принципы, потому что какая же польза для самихъ принциповъ, когда изъ-за нихъ безплодно погибаютъ честные люди?“ [1]). Такова идея Писемскаго, а изъ сопоставленія, которое дѣлаетъ г. Головинъ, между торжествующими, практичными героями Писемскаго и Гончарова и неудачниками идеалистами: Бельтовымъ, героями Тургенева и проч., можно заключить, что также и по его мнѣнію общественная сторона романа „насильственно“ пригнана къ вышеупомянутой идеѣ. Онъ находитъ, и по нашему мнѣнію въ высшей степени справедливо, что превосходство героевъ практиковъ надъ остававшимися не у дѣлъ идеалистами заключалось не въ ихъ умѣ или стойкости—вѣдь умны и герои Тургенева—и не въ одной практичности или энергіи, а главнымъ образомъ въ томъ, что Бѣлавины могли „писать очень дѣловыя бумаги, не кривя при этомъ душой, но *оставаясь равнодушными къ ихъ содержанію*“ [2]) (курсивъ нашъ). Бельтовымъ же и героямъ Тургенева для дѣятельности не хватало именно того равнодушія къ ея содержанію, которымъ отличались Бѣлавины, Адуевы, Штольцы и проч. Г. Головинъ говоритъ о дореформенномъ времени; но намъ кажется, что для непрерывной, успѣшной дѣятельности, связанной съ личнымъ благополучіемъ, извѣстная степень равнодушія къ ея содержанію необходима у насъ всегда и почти на всѣхъ поприщахъ.

Что Инсаровъ очерченъ слабо, что въ этомъ главный недостатокъ повѣсти, это говоритъ и самъ Добролюбовъ. Онъ допускаетъ, что Тургеневъ не могъ (по цензурнымъ условіямъ) изобразить его дѣятельности, но жалуется на то, что изъ повѣсти мы не узнаемъ Инсарова, какъ человѣка, не узнаемъ его внутренняго міра, не знаемъ, что онъ думаетъ, на что надѣется, какъ смотритъ на жизнь.

Намъ кажется, наоборотъ, что на палитрѣ Тургенева не было красокъ для изображенія положительнаго героя, о ко-

---

[1]) „Русскій романъ и русское общество“, стр. 102.

[2]) Ibid, стр. 95.

торомъ мы узнаемъ изъ дневника Елены, что онъ „весь отдался своему дѣлу, своей мечтѣ... Кто отдался весь... весь... весь... тотъ уже ни за что не отвѣчаетъ. Не *я* хочу, *то* хочетъ".

Анализируя въ статьѣ „Гамлетъ и Донъ-Кихотъ" (напечатанной въ томъ же 1860 г., какъ и „Наканунѣ") типъ энтузіаста, живущаго „внѣ себя, для другихъ... для истребленія зла", представителя „преданности и жертвы, освѣщеннаго комическимъ свѣтомъ—чтобы гусей не раздразнить",—Тургеневъ ставитъ его чрезвычайно высоко. „Когда переведутся такіе люди, пускай закроется книга исторіи: въ ней нечего будетъ читать". И это вездѣ такъ: находятъ изобрѣтаютъ Донъ-Кихоты (Фурье, напр.,), безъ нихъ „не надъ чѣмъ было бы размышлять Гамлетамъ", представляющимъ „анализъ прежде всего и эгоизмъ, а потому безвѣріе". Способность Донъ-Кихотовъ вѣрить въ достоинство Дульцинеи—своего идеала, не разсчитывая послѣдствій, Тургеневъ горячо защищаетъ, какъ великую силу; отрицательныхъ сторонъ, неразрывно связанныхъ, по его мнѣнію, съ положительными чертами такого типа, онъ едва касается, но онѣ таковы: „Постоянное стремленіе къ одной и той же цѣли придаетъ нѣкоторое однообразіе его мыслямъ, односторонность его уму; онъ мало знаетъ, да ему и не нужно много знать: онъ знаетъ, въ чемъ его дѣло, зачѣмъ онъ живетъ на свѣтѣ, а это—главное знаніе". Онъ можетъ казаться „ограниченнымъ, потому что онъ не умѣетъ ни легко сочувствовать, ни легко наслаждаться". Именно потому, что онъ совсѣмъ не занятъ собою, своимъ *я*, что его мысль сосредоточена на его дѣлѣ, ему совершенно недоступна „сила своеобразнаго и мѣткаго выраженія, сила, свойственная всякой размышляющей и разрабатывающей себя личности".

Вотъ и всѣ типичные, неизбѣжные, по мнѣнію Тургенева, недостатки человѣка, который „отдался весь... весь... весь". Но въ художественномъ образѣ такого человѣка, взятаго въ моментъ бездѣйствія, поставленнаго въ обычныя, будничныя условія, эти отрицательныя черты неизбѣжно выступили бы на первый планъ, потушили бы тотъ свѣтъ, которымъ озаряетъ Инсаровъ его цѣль, уменьшили бы наше сочувствіе полной энтузіазма любви Елены къ этому свѣту, блеснувшему ей въ личности Инсарова и съ нею слившемуся. А

вѣдь вся суть романа именно въ Еленѣ, въ ея настроеніи, создавшемъ почву для такой любви. Поэтому для полноты художественнаго впечатлѣнія было бы, быть можетъ, лучше, чтобы Инсаровъ еще меньше появлялся на сценѣ, чтобы мы въ первый разъ встрѣтились съ нимъ лишь во время болѣзни, а до тѣхъ поръ знали его только изъ дневника Елены.

Но Добролюбову не пришлось бы ничего измѣнить въ своей статьѣ, если бы Инсаровъ и дѣйствительно появлялся только въ дневникѣ. Онъ нуженъ ему лишь какъ представитель полной гармоніи между общей цѣлью и личными интересами, для противопоставленія его русскимъ людямъ, у которыхъ либо нѣтъ этой гармоніи, а слѣдовательно и энергіи, либо есть энергія, но тратится на частности за отсутствіемъ общей цѣли.

Статья „Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ" и сочувственный разборъ пѣсенъ „бонапартиста" [1]) Беранже,—это „слабѣйшія произведенія Добролюбовскаго пера", по мнѣнію г. Ив. Иванова. Вмѣстѣ съ отрицательнымъ отношеніемъ къ произведеніямъ Писемскаго, эти статьи представляютъ лишь нѣсколько отдѣльныхъ увлеченій Добролюбова. „Мы подчеркиваемъ *отдѣльныхъ*, потому что *принципы* у Добролюбова непоколебимы отъ начала до конца и намъ не представило ни малѣйшихъ затрудненій выдѣлить ихъ въ самой ясной и полной формѣ изъ неудовлетворительныхъ и смутныхъ частностей" [2]). Мы уже знакомы съ этимъ „выдѣленіемъ" и охотно вѣримъ, что ни малѣйшаго умственнаго труда г. Ив. Ивановъ на него не потратилъ...

Яснаго и всѣми понятнаго когда-то символизма статьи „Лучъ свѣта" онъ тоже не потрудился понять. „Ничего не было бы жалче нашего народа, если бы онъ не ушелъ дальше натуры Катерины и ея способности утопиться", благоразумно замѣчаетъ г. Ив. Ивановъ на восторгъ Добролюбова и находитъ даже возможнымъ прибавить, что, несмотря на симпатичность Катерины, „нѣтъ никакихъ нравственныхъ и психологическихъ основаній признавать какое-либо влія-

---

[1]) Трудно назвать поэта, который въ періодъ между островомъ св. Елены и второй имперіей не былъ бы затронутъ такимъ бонапартизмомъ.

[2]) Стр. 595 И. Р. К.

ніе этой личности на просвѣщеніе темнаго царства" [1]). Точно рѣчь идетъ о „просвѣщеніи"! Въ этомъ самомъ вѣрующемъ изъ произведеній Добролюбова, онъ видитъ приливъ скептицизма: „Приливъ захватилъ критика на цѣлую длинную статью и заставилъ его наговорить вещей, идущихъ въ разрѣзъ съ его истинными убѣжденіями" [2]).

Этотъ разрѣзъ онъ видитъ въ превознесеніи инстинктивныхъ стремленій Катерины надъ „азартомъ въ пользу идеи" людей образованныхъ. Въ своемъ настоящемъ міросозерцаніи Добролюбовъ всегда признавалъ, молъ, пользу образованія, а въ статьѣ „Благонамѣренность и дѣятельность" только-что „воздвигъ алтарь убѣжденіямъ, принципамъ, сознательному, идейному подвижничеству" и теперь разрушаетъ его своимъ восхваленіемъ Катерины. Но г. Ив. Ивановъ забываетъ, что въ статьѣ „Благонамѣренность и дѣятельность" вслѣдъ за изображеніемъ человѣка съ истиннымъ живымъ убѣжденіемъ, стремящимся выразиться въ дѣйствіи, говорится, что среди русскихъ просвѣщенныхъ юношей такой жажды дѣйствія не существуетъ: „Не найдете ни въ одномъ". „Въ Лучѣ свѣта" противопоставляется имъ Катерина, которая, „не нося великихъ идей ни на языкѣ, ни въ головѣ", вступаетъ въ неравную борьбу со зломъ самодурства [3]) въ силу инстинктивнаго, неотразимаго влеченія къ удовлетворенію своихъ прямыхъ естественныхъ требованій.

Въ „Благонамѣренности и дѣятельности" онъ тѣмъ же служителямъ идеи, останавливающимся передъ препятствіями, противопоставляетъ человѣка, не существующаго въ Россіи, но живущаго въ представленіи Добролюбова, русскаго Инсарова, который руководствуется убѣжденіями, знаніями; но они такъ слились съ его чувствомъ и волею, что „присутствуютъ въ немъ постоянно, даже *безсознательно*, когда онъ вовсе о томъ и не думаетъ. Такое знаніе, если оно относится къ области практической, непремѣнно выразится въ дѣйствіи, и не перестанетъ тревожить человѣка, пока не будетъ удовлетворено. Это своего рода жажда, не-

---

[1]) Стр. 583.

[2]) Стр. 584.

[3]) Ibid. Стр. 473—474.

заглушаемая, неотлагаемая. Когда я мучусь жаждой въ безводной равнинѣ и вдругъ вижу ручеекъ, то я брошусь къ нему, несмотря на то, что онъ окруженъ колючими кустами, изъ которыхъ выглядываютъ змѣи. Самое худое, что я могу потерпѣть въ этихъ кустахъ,—это смерть: но вѣдь я все равно умру же отъ жажды, стало быть, я ничѣмъ не рискую...". Какъ въ этомъ образѣ, такъ и въ Катеринѣ, Добролюбовъ „воздвигаетъ алтарь" одному и тому же. Но въ Катерину (символъ народа) онъ вѣровалъ. Она лично страдаетъ отъ самодурства, ей не нужно никакихъ идей, никакихъ разсужденій, чтобы инстинктивно почувствовать его невыносимость. И въ своей оптимистической слѣпой вѣрѣ Добролюбовъ рѣшилъ, что она чувствуетъ. Она могла еще терпѣть, пока не слыхала о возможности удовлетворенія своихъ естественныхъ потребностей, но теперь, чтобы жить, „ей бы нужно было не то, чтобъ ей что-нибудь уступили и облегчили, а то, чтобы свекровь, мужъ, всѣ окружающіе— сдѣлались способными удовлетворить тѣмъ живымъ стремленіямъ, которыми она проникнута, признать законность ея природныхъ требованій, отречься отъ всякихъ принудительныхъ правъ на нее и переродиться до того, чтобы сдѣлаться достойными ея любви и довѣрія. Нечего и говорить о томъ, въ какой мѣрѣ возможно для нихъ это перерожденіе". Поэтому Добролюбовъ видитъ рѣшительную необходимость характера, который бы при данномъ положеніи готовъ былъ къ такому концу. „За то какой же отрадной, свѣжей жизнью вѣетъ" на Добролюбова отъ этого конца [1]). О трупѣ Катерины онъ и думать забылъ: народъ утопиться не можетъ [2]).

Въ чемъ же, однако, соотношеніе между „Новью" и Писаревымъ.

Кто познакомился съ этимъ писателемъ только изъ статей г. Ив. Иванова, тотъ увидитъ, что Писаревъ былъ какой-то невѣжественный, безсмысленно ухмылявшійся Митрофанушка, никогда не думавшій, а лишь механически повторявшій—на пяти листахъ въ мѣсяцъ — чужія слова и нагово-

---

[1]) Стр. 480, 489.

[2]) Въ этомъ мѣстѣ цензурой (или редакціей „Н. О." ради цензуры), что то выброшено, такія же пропуски встрѣчаются и на слѣдующихъ страницахъ, дѣлая изложеніе отрывочнымъ. Примѣч. 1906 г.

рившій цѣлую уйму отрывочнаго сквернословія противъ искусства. При чемъ же, однако, тутъ „Новь“? Правда, и онъ былъ плохъ, и она плоха, но въ совершенно различныхъ областяхъ. Вѣдь не противъ же искусства воевалъ „неудачливый“ Маркеловъ! Онъ нарисовалъ, наоборотъ, портретъ Маріанны, а Неждановъ стихи писалъ, Маріанна же ихъ наизусть читала и говорила, что „надо такіе писать стихи, какъ Пушкинъ“. Словомъ, на отрицаніе искусства въ романѣ нѣтъ и намека. А что же, кромѣ этого отрицанія, могъ внушить ивановскій Писаревъ?

Кромѣ карикатурной біографіи, онъ даетъ такое же карикатурное издѣвательство надъ взглядами Писарева, но рѣчь идетъ почти исключительно о его взглядахъ на искусство. Къ иной области относится развѣ лишь вышеупомянутая искаженная цитата изъ характеристики Рахметова. За нее г. Ив. Ивановъ черезъ голову Писарева набрасывается на Чернышевскаго. „Лишь въ кошмарѣ, въ припадкѣ бреда, можно принять за идеальный типъ, за личность „вывѣсочную фигуру, созданную чисто теоретически, безъ малѣйшихъ признаковъ жизненной правды“. Писаревъ, „рисуя реалиста, снялъ копію съ придуманнаго, преднамѣренно сочиненнаго *набора* новыхъ словъ и мнимо-реальныхъ поступковъ, объединеннаго фамиліей Рахметова“ [1]).

На самомъ-то дѣлѣ Рахметовъ, конечно, не художественный образъ, но ни въ какомъ случаѣ и не вывѣсочная фигура, не преднамѣренно сочиненный наборъ новыхъ словъ и поступковъ, а всего скорѣе просто свидѣтельское показаніе объ опредѣленномъ, знакомомъ автору индивидуумѣ. „Поступки“ Рахметова: его обращеніе съ людьми, его опыты надъ самимъ собою, говорятъ, конечно, объ избыткѣ молодой энергіи, еще не нашедшей себѣ полнаго приложенія, объ огромной силѣ воли, но иные изъ нихъ такъ эксцентричны, другіе—излишни (лежать на гвоздяхъ ради испытанія своей способности вынести пытку), или наивны (отказъ, даже въ гостяхъ, отъ сардинокъ или персиковъ на томъ основаніи, что ихъ никогда не ѣстъ народъ), что никому не можетъ придти въ голову „придумать“ ихъ „чисто-теоретически“ для изображенія идеальной, небывалой, а

---

[1]) Стр. 648.

лишь желательной автору личности. Иные изъ этихъ поступковъ даже и возможны-то вдобавокъ только для зажиточнаго человѣка. Бѣдная часть студенчества питалась подчасъ много хуже средняго крестьянина въ неголодный годъ, но по необходимости—совершенно иначе, и разбирать, что онъ тамъ ѣстъ, чего не ѣстъ, было бы для нея недоступной роскошью. Да авторъ и разсказываетъ о „поступкахъ" Рахметова, добродушно усмѣхаясь и заставляя усмѣхаться другихъ дѣйствующихъ лицъ. Рахметовъ—это грубо набросанный углемъ портретъ и потому-то онъ все-таки оставляетъ больше впечатлѣнія жизни, чѣмъ Лопуховъ или Кирсановъ. Въ романъ, какъ о томъ предупреждаетъ и самъ авторъ, портретъ вставленъ „преднамѣренно", ради одной рѣдкой въ то время черты, отчетливо вырисовывающейся изъ-за всѣхъ остальныхъ.

„Я встрѣтилъ до сихъ поръ только восемь образцовъ этой породы,—говоритъ Чернышевскій,—они не имѣли сходства ни въ чемъ, кромѣ одной черты. Между ними были люди мягкіе и суровые, люди мрачные и люди веселые, люди хлопотливые и люди флегматическіе, люди слезливые и люди, ни отъ чего не перестававшіе быть спокойными. Сходства не было ни въ чемъ, кромѣ одной черты, но она одна уже соединяла ихъ въ одну породу и отдѣляла отъ всѣхъ остальныхъ людей". Это та самая черта, которую взялъ Добролюбовъ, возсоздавая въ своей статьѣ образъ Инсарова.

Ее одну отмѣчали и тѣ читатели, для которыхъ Рахметовъ долго оставался высшимъ типомъ, изображеннымъ въ литературѣ. Никто изъ нихъ не пытался подражать его „поступкамъ" (вѣдь въ романѣ онъ только подготовляетъ, воспитываетъ себя и другихъ — своихъ стипендіатовъ, своихъ знакомыхъ—къ будущей дѣятельности), а хотѣли походить на него лишь своимъ отношеніемъ къ дѣлу. Только эту черту беретъ и Писаревъ, говоря о Рахметовѣ. Но Ив. Ивановъ находитъ очень плохимъ, что иногда бываютъ на свѣтѣ такіе поглощенные одной идеей люди, и полагаетъ, что въ ихъ появленіи всегда виноватъ какой-нибудь писатель, доведшій какую-нибудь умѣренную идею до крайнихъ выводовъ: въ Сенъ-Жюстѣ, который, по его увѣренію, „какъ истинный нигилистъ" заявляетъ, что покончитъ самоубійствомъ, если убѣдится въ невозможности возрожденія фран-

цузскаго народа, виноватъ былъ, кажется, Руссо, въ другихъ —другіе. Взглядъ г. Ив. Иванова на причины появленія этихъ неудачныхъ, слишкомъ неравнодушныхъ къ содержанію своей дѣятельности экземпляровъ человѣческой породы, по нашему мнѣнію, невѣренъ, но вѣдь онъ же не отрицаетъ, однако, что они все-таки бывали на свѣтѣ? Онъ говоритъ о нихъ. Можно, слѣдовательно, и другимъ говорить о нихъ, не будучи въ бреду.

Мы высоко ставимъ художественный талантъ Тургенева, но „*все* проникающимъ“ онъ, конечно, не былъ, и „Новь“ кажется намъ самымъ слабымъ изъ его крупныхъ произведеній. Въ статьѣ по поводу „Отцовъ и дѣтей“ онъ самъ говоритъ, что обыкновенно отправлялся не отъ идеи, а отъ наблюденія. „Не обладая большой долей свободной изобрѣтательности, я всегда нуждался въ данной почвѣ, по которой я бы могъ твердо ступать ногами“. Вотъ этой-то почвы подъ ногами въ „Нови“ у него и не было. Характеры того рода, какіе являются въ „Нови“, онъ могъ, конечно, наблюдать, но для него оставалось совершенно невѣдомымъ, какъ они проявляются въ томъ особомъ настроеніи, которое онъ попытался изобразить. Изъ наблюденія это ему не было извѣстно, а самый складъ его собственнаго ума и характера мѣшалъ перенестись въ ихъ душу воображеніемъ. Здѣсь онъ „отправлялся отъ идей“, и мнѣ кажется, главнымъ образомъ, отъ идеи „Донъ-Кихота“. Что его собственная характеристика Донъ-Кихота вспоминалась ему при изображеніи Маркелова, въ этомъ, мнѣ кажется, не можетъ быть сомнѣнія. Это доказывается уже тѣмъ однимъ, что Тургеневъ заставляетъ Маркелова пояснять Неждановy свое рѣшеніе почти тѣми же словами, какими самъ Тургеневъ говоритъ о Донъ-Кихотѣ. Тургеневъ же, поясняя скрытый подъ комической оболочкой смыслъ образа Донъ-Кихота, говоритъ: „Кто, жертвуя собою, вздумалъ бы сперва разсчитывать и взвѣшивать всѣ послѣдствія, всю вѣроятность пользы своего поступка, тотъ едва ли способенъ на самопожертвованіе. Съ Гамлетомъ ничего подобнаго случиться не можетъ... онъ не вѣритъ въ великановъ... но онъ бы и не напалъ на нихъ, если бы они точно существовали“. Маркелову онъ и наружность придалъ Донъ-Кихота: горбоносый, угловатый, съ впалыми щеками и втянутымъ животомъ. Донъ-Кихота (Alon-

so el buono) напоминаетъ и доброта, о которой говорятъ крестьяне и въ началѣ и въ концѣ исторіи Маркелова, и много другихъ черточекъ. Самые побои отъ крестьянъ, объ освобожденіи которыхъ старается Маркеловъ, для Тургенева необходимая черта въ судьбѣ Донъ-Кихотовъ, тогда какъ нравственныя раны, наносимыя самимъ себѣ „обоюдоострымъ мечомъ анализа", неразлучны съ гамлетизмомъ.

Умышленнаго приниженія Донъ-Кихотовъ со стороны Тургенева мы не предполагаемъ. Стоитъ вспомнить, какъ высоко поднимаетъ онъ въ нравственномъ отношеніи наиболѣе чистокровныхъ представителей этого типа, чтобы отбросить такое предположеніе. Вспомните сцену у губернатора и безграничное приниженіе, по сравненію съ Маркеловымъ, самаго умнаго изъ представителей гамлетизма—Паклина. Вспомните отношеніе Маркелова къ Неждакову и сцену между Машуриной и Маріанной, въ которой Машурина, болѣе чистая представительница типа, оказывается выше Маріанны по глубинѣ и безкорыстію своей любви.

Способность любить искренно и съ безкорыстной преданностью—это по Тургеневу тоже принадлежность Донъ-Кихотовъ, какъ и жажда дѣятельности, и энтузіазмъ. За все это они лишены у него всякой способности размышлять, анализировать. Такая предвзятая схема Донъ-Кихотства, при полнѣйшемъ отсутствіи наблюденій, заставила Тургенева написать въ этомъ романѣ не мало совсѣмъ не художественныхъ, анти-художественныхъ страницъ. Въ особенности мгновенныя одурѣнія, нападающія на неглупаго Нежданова, производятъ самое жалкое впечатлѣніе относительно рессурсовъ художника. Чрезмѣрно наивной становится также и Маріанна, какъ только откроетъ ротъ о „дѣлѣ". Это слегка скрадывается только тѣмъ, что она хорошенькая барышня. Но вообразите вмѣсто барышни молодого человѣка или дѣвицу, такъ же мало одаренную красотой, какъ Машурина, и ея глупость въ этихъ случаяхъ, несоразмѣрная съ ея остальными рѣчами, тотчасъ бросится въ глаза. Разница между Маріанной и Машуриной лишь въ томъ, что послѣдняя, не размышляя, исполняетъ разныя порученія Василія Николаевича, а Маріанна, точно такъ же ни на волосъ не размышляя, пристаетъ съ вопросами: „Когда начнется?" „Когда пошлете?" А вѣдь ни Маріанну, ни Гамлета-Нежданова Тур-

геневъ не хотѣлъ изобразить тупыми и ограниченными людьми.

Дѣло въ томъ, что Паклинъ, повидимому, ошибся, сообщая Машуриной, будто Соломинъ, отойдя отъ Фалеева послѣ смерти скрывавшагося у него Нежданова, поѣхалъ въ Пермскую губернію открывать вмѣстѣ съ Павломъ и другими рабочими артельный заводъ. На самомъ-то дѣлѣ онъ поѣхалъ, быть можетъ, и въ Пермскую губернію, но не фабрику заводить, а просто на просто проживать въ уѣздномъ городѣ въ качествѣ „неудачника, безплоднаго въ вѣковой положительной культурной работѣ русскаго народа и общества“. Онъ не былъ достаточно равнодушенъ къ содержанію своей работы, чтобы заниматься ею безъ перерывовъ. Говорятъ, онъ былъ хитеръ, но степень необходимой хитрости зависитъ не отъ человѣка а отъ обстоятельствъ. Если бы въ качествѣ „частнаго идеала“, въ качествѣ задушевной прибавки къ соблюденію интересовъ купца Фалеева, Соломинъ согласился ограничиться причесываніемъ волосъ маленькимъ дѣтямъ, тогда, пожалуй, онъ еще могъ бы остаться удачникомъ. Только удивительно, что побывавшему въ бурсѣ сыну дьячка, Соломину, пришло въ голову, что такое причесываніе есть „жертва, и большая жертва, на которую немногіе способны“. Немногимъ, конечно, придетъ въ голову, чтобы, при прочихъ равныхъ условіяхъ, крестьянскимъ дѣтямъ было важно ходить причесанными, но это дѣло другое.

Закончивъ эту статью и вспомнивъ, какъ много мѣста удѣлили мы въ ней г. Ив. Иванову, мы могли бы, пожалуй, повторить самимъ себѣ ту рѣчь, съ которою г. Ив. Ивановъ обращается къ „Русскому Слову“, защищавшему Базарова и его автора отъ нападеній Антоновича. „Изъ за чего же было ломать оружіе съ подобнымъ героемъ? Доказывать ему, что Тургеневъ не Аскоченскій, (что Писаревъ не Митрофанушка, а Добролюбовъ не проповѣдникъ „малыхъ дѣлъ“ и „средняго образа мыслей“)—не имѣло смысла: человѣкъ, усвоившій эту идею, этимъ самымъ доказывалъ полную безнадежность своего ума и нравственнаго чувства. Поднимать брошенную имъ перчатку—значило цѣнить не по достоинству его особу и его дѣйствіе“ [1]).

[1]) Ивановъ, И. Р. К. стр. 666, 667.

Но дѣло, конечно, не въ особѣ г. Ив. Иванова, не въ его умѣ или чувствѣ, а лишь въ тѣхъ искаженіяхъ, которымъ онъ подвергъ образы Добролюбова и Писарева [1]).

Онъ пишетъ теперь. Онъ—плодовитѣйшій сотрудникъ журнала, въ общемъ заслуживающаго признанія. Его пробѣгаютъ въ настоящее время, а Писарева и Добролюбова, быть можетъ, не всѣ и читали, а изъ читавшихъ не многіе помнятъ настолько ярко и живо, чтобы тотчасъ же противопоставить свое воспоминаніе неправдѣ г. Ив. Иванова.

Мы охотно допускаемъ, что г. Ив. Ивановымъ руководило не отвращеніе къ правдѣ, а самое доброе намѣреніе преподать какой-нибудь „урокъ исторіи“, что онъ возложилъ на Писарева лишь роль той кошки, которую бьютъ, чтобы дать наиполезнѣйшій намекъ какой-то невѣсткѣ, а Добролюбова—для полноты урока, онъ обладилъ въ примѣрнаго мальчика изъ нравоучительной книжки.

Но каковы бы ни были эти благія цѣли, мы и вникать то въ нихъ считаемъ излишнимъ... Мы думаемъ, что нѣтъ той цѣли, которая могла бы оправдать искаженіе прошлаго, что исторія служитъ не для нотацій настоящему, не для уроковъ или темныхъ намековъ, которые еще никогда и никого ни отъ чего не предостерегали и не предостерегутъ, а для пониманія настоящаго при помощи прошлаго.

Читатели наши, вѣроятно, и сами замѣтили, что авторъ не задавался въ ней никакой иной цѣлью, кромѣ возстановленія той стороны писательской физіономіи Писарева и отчасти Добролюбова, которая подвергается искаженію въ текущей литературѣ. Мы не пытались даже, излагая ихъ взгляды, пропагандировать, по пути, свои собственныя воззрѣнія на тѣ же предметы, что можно, правда, дѣлать, ни

---

1) „Исторія русской критики“ г. Ив. Иванова была прислана мнѣ редакціей журнала „Начало“ для рецензіи. Книга вызвала желаніе писать не рецензію на нее, а статью въ защиту Писарева и Добролюбова, тѣмъ болѣе, что противъ Писарева встрѣчались столь же невѣрныя, на мой взглядъ, обвиненія другого рода, образчики которыхъ я взяла у Скабичевскаго. „Начало“ скоро закрыли, и статья попала въ подцензурное „Научное Обозрѣніе“, гдѣ ей урѣзали конецъ. Ея дополненіемъ, что касается Добролюбова, можетъ служить помѣщенная ниже статья изъ „Искры“, писанная по поводу сороколѣтней годовщины смерти Добролюбова. Прим. 1906 г.

на волосъ не искажая чужихъ. Но мы не задавались и этой цѣлью, не говоря уже объ „урокахъ исторіи“.

Въ этомъ смыслѣ мы, кажется, были объективны. Но охотно сознаемся, что не умственное только отвращеніе вызываютъ въ насъ тѣ искаженія, о которыхъ идетъ рѣчь въ статьѣ, а задѣваютъ также и чувство. Намъ дороги образы этихъ двухъ юношей, едва мелькнувшихъ вслѣдъ за Бѣлинскимъ и Чернышевскимъ на порогѣ исторіи. Рано сошли со сцены и ихъ великіе предшественники, но они все-таки успѣли встать передъ нами во весь ростъ; эти оба еще росли; ихъ нельзя даже представить себѣ остановившимися на томъ пониманіи, какого они достигли передъ смертью. Въ нихъ все еще было im Werden.

„Научное Обозрѣніе“
1900 годъ.

Н. А. Добролюбовъ.

Прошло 40 лѣтъ со смерти Добролюбова. Въ нашихъ легальныхъ газетахъ о немъ печатаются статьи. Всегда вѣрныя себѣ „Московскія Вѣдомости" пытаются ругаться надъ его памятью, утверждая, что Добролюбовъ проповѣдывалъ, „что лгать, измѣнять супружескому, сыновнему, гражданскому долгу можно, что это, во всякомъ случаѣ, лучше и пріятнѣе, чѣмъ умирать за вѣрность этому и всякому другому долгу", что онъ... „вообще разрѣшалъ своимъ послѣдователямъ *на все и на вся*". А доказательство: онъ не признавалъ въ мірѣ ничего абсолютнаго (въ Бога не вѣровалъ) и былъ „утилитаристомъ".

Такой способъ уничтоженія революціонеровъ давно въ обычаѣ. „Моск. Вѣд." полѣнились придумать для этого случая что-нибудь новое. Но Добролюбовъ былъ вліятельнымъ и страстнымъ врагомъ всего того, чему служитъ эта газета. Почтить его память какимъ-нибудь, хотя бы самымъ затасканнымъ, ругательствомъ она была обязана. Большинство же органовъ нашей легальной печати отнеслись и относятся къ памяти Добролюбова очень почтительно. Но о самыхъ завѣтныхъ его убѣжденіяхъ, о самой сущности его взглядовъ они говорить не будутъ. Промолчитъ цензуры ради— даже тотъ, кто помнитъ, а большинство его поклонниковъ давнымъ давно забыло его завѣты; многіе же, вѣроятно, и никогда ихъ не понимали Мы напомнимъ здѣсь читателямъ только эти революціонныя, недоступныя легальной прессѣ мысли Добролюбова, которыми черезъ 10, черезъ 15 лѣтъ послѣ своей смерти онъ неизмѣримо сильнѣе вліялъ на текущую жизнь, чѣмъ живые публицисты 70-хъ годовъ, ежемѣсячно печатавшіе свои статьи въ журналахъ. Немного

страницъ занимаютъ эти мысли въ полномъ собраніи сочиненій Добролюбова. Нужно было счастливое вдохновеніе, подходящій сюжетъ, наконецъ, просто удача, чтобы провести свои революціонныя мысли сквозь цензурныя рогатки, но эти немногія страницы объясняютъ и освѣщаютъ настоящимъ свѣтомъ всѣ остальныя произведенія Добролюбова.

„Современникъ“ неуклонно преслѣдовалъ злыми сарказмами „безсмысленныя мечтанія“ того времени, относительно водворенія всеобщаго благополучія путемъ мирнаго прогресса при системѣ „самодурства“ (читай: самодержавія). Самодовольный восторгъ прессы передъ дарованной ей „свободой“ обличать тѣхъ мелкихъ воришекъ, которыхъ городовой уже взялъ за шиворотъ, и критиковать тѣ учрежденія, которыя въ правительственныхъ канцеляріяхъ обречены на сломъ, возбуждалъ въ Добролюбовѣ величайшее отвращеніе, и онъ не уставалъ осмѣивать и освистывать его на всѣ лады. Но во имя чего? Благонамѣренные поклонники Добролюбова иногда пытаются увѣрить насъ, что, осмѣивая громкія фразы и пустую болтовню, онъ проповѣдывалъ скромную, „положительную работу“. Какую? Въ серьезныхъ критическихъ статьяхъ онъ всячески подчеркивалъ полнѣйшую невозможность при нашей системѣ не потонуть въ грязи, если примешь участіе въ „положительной работѣ“, и глупую жестокость преслѣдовать въ унисонъ съ высшимъ начальствомъ грубыя формы беззаконія на низшихъ ступеняхъ той системы, при которой „чѣмъ выше, тѣмъ самодурство становится наглѣе внутренно и гибельнѣе для общаго блага, но благообразнѣе и величавѣе въ своихъ формахъ“. Высшій начальникъ (въ „Доходномъ мѣстѣ“) „говоритъ такимъ достойнымъ тономъ, что нужно только благоговѣть“, тѣмъ не менѣе онъ-то и есть настоящій самодуръ, а за нимъ уже и всѣ другіе. Въ его вѣдомствѣ „законовъ никакихъ никто не признаетъ, честности никто въ толкъ взять не можетъ“, да она и невозможна тамъ, гдѣ все зависитъ отъ воли начальства и „главною добродѣтелью признаютъ смиреніе передъ этой волей“.

„Гдѣ же выходъ?“, спрашиваетъ Добролюбовъ отъ имени читателя? „Мы остаемся при неразрѣшимой диллемѣ: или умереть съ голоду, броситься въ прудъ, сойти съ ума, — или же *убить въ себѣ мысль и волю, потерять всякое нрав-*

ственное достоинство и сдѣлаться раболѣпнымъ исполнителемъ чужой воли, взяточникомъ, мошенникомъ, для того, чтобы безмятежно провести жизнь свою".—„Печально, правда", соглашается Добролюбовъ со своимъ огорченнымъ читателемъ, но отказывается утѣшить его указаніемъ выхода. „Впрочемъ,—говоритъ онъ, заканчивая рядъ статей о „Темномъ царствѣ",— тѣ выводы и заключенія, которыхъ мы не досказали здѣсь, должны сами собою придти на мысль читателю".

Должны, конечно... но эти статьи, въ которыхъ Добролюбовъ стремился внушить читателямъ непримиримую вражду къ самодержавію, какія бы „благообразныя и величавыя" формы оно ни принимало, нерѣдко хвалятъ, какъ талантливыя обличенія дореформенныхъ порядковъ и нравовъ, отъ которыхъ остались, правда, слѣды... Въ первые годы литературной дѣятельности Добролюбова въ немъ можно лишь угадывать революціонера. Но въ 60-мъ, предпослѣднемъ году своей недолгой жизни ему удалось въ яркихъ символахъ выразить свою вѣру въ близкое народное возстаніе („Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ") и написать съ недопускающей сомнѣній ясностью свое революціонное завѣщаніе подростающей молодежи образованныхъ классовъ. Въ послѣднемъ ему помогъ Тургеневъ своею повѣстью „Наканунѣ". Озаглавивъ статью объ этой повѣсти вопросомъ: „Когда же придетъ настоящій день"? Добролюбовъ взялъ эпиграфомъ къ ней стихъ Гейне: „Стучи въ барабанъ и не бойся"! Герой Тургенева, Инсаровъ, — болгаринъ, заговорщикъ, ѣдущій на родину поднимать возстаніе противъ турокъ. Сочувствовать угнетаемымъ турками христіанамъ у насъ всегда разрѣшалось. Добролюбовъ къ тому же заранѣе подчеркнулъ всѣ обстоятельства, отличающія насъ отъ болгаръ. Они—завоеванный народъ, а мы, наоборотъ, еще другихъ завоевываемъ. У болгаръ отнимаютъ церкви, а у насъ не только не отнимаютъ, а еще поощряютъ ревность къ обличенію заблудшихъ. Въ Болгаріи у всѣхъ одна цѣль, одно желаніе—освобожденіе. „Такой монотонности нѣтъ въ русской жизни... при существующемъ у насъ благоустройствѣ общественномъ каждому остается только упрочивать собственное благосостояніе, для чего вовсе не нужно соединяться съ цѣлой націей въ одной об-

щей идеѣ, какъ это происходитъ въ Болгаріи". Наконецъ, русскій Инсаровъ оказался бы просто на просто бунтовщикомъ, „представителемъ противуобщественнаго элемента", знакомаго публикѣ по изслѣдованіямъ г. Соловьева. Отъ такого героя съ ужасомъ убѣжитъ всякая благовоспитанная барышня, а въ Инсарова влюбилась Елена. Показавши такимъ образомъ, невозможность русскаго Инсарова, Добролюбовъ тѣмъ съ большимъ жаромъ проповѣдуетъ его необходимость.

Инсаровъ страстно желаетъ освободить свою родину: въ этомъ цѣль его жизни. Онъ не думаетъ ставить свое личное благо въ противоположность съ этой цѣлью. Напротивъ, онъ потому-то и стремится къ свободѣ родины, что въ этомъ видитъ свое счастье. У него, говоритъ Елена въ своемъ дневникѣ, „оттого такъ ясно на душѣ, что онъ весь отдался своему дѣлу, своей мечтѣ. Кто отдался весь... весь... весь... тому горя мало, тотъ ужъ ни за что не отвѣчаетъ".

Есть и среди русскихъ отважные люди, энергичныя натуры, способные выступать на защиту угнетенныхъ, но они растрачиваютъ силы на борьбу съ частными, мелкими проявленіями зла, не думая о его источникѣ. „Намъ разсказывали—говоритъ Добролюбовъ—объ одномъ подобномъ героѣ". Онъ еще въ гимназіи проявлялъ склонность обличать неправду. Кончивши медицинскій факультетъ, онъ былъ назначенъ въ госпиталь, но не смогъ спокойно прописывать лекарствъ, видя, что больные не доѣдаютъ и не допиваютъ, благодаря экономіи тѣхъ, отъ кого зависитъ ихъ продовольствіе. Онъ говорилъ, уличалъ, жаловался — его перевели на худшее мѣсто. Онъ и тамъ продолжалъ упорно отстаивать голодающихъ по милости начальства, былъ, наконецъ, разжалованъ въ фельдшерскіе помощники и, не выдержавъ нарочито звѣрскаго обращенія съ нимъ, застрѣлился. „Во всѣхъ его поступкахъ, говоритъ Добролюбовъ, нѣтъ ничего такого, что бы не составляло прямой обязанности всякаго честнаго человѣка на его мѣстѣ; а ему нужно, однако, много героизма, чтобы поступать такимъ образомъ, нужна рѣшимость гибнуть за добро. Спрашивается теперь: если ужъ въ немъ есть эта рѣшимость, то не лучше-ли воспользоваться ею для дѣла большого, которымъ бы достигалось что-нибудь существенно-полезное? Но въ томъ-то и бѣда, что онъ не

сознаетъ надобности и возможности такого дѣла... не хочетъ видѣть круговой поруки во всемъ, что дѣлается передъ его глазами"... Русскіе герои ограничиваются мизерными частностями, „тогда какъ Инсаровъ, напротивъ, частное всегда подчиняетъ общему, въ увѣренности, что и то не уйдетъ".

Героевъ, какъ этотъ докторъ, немного, ими являются въ Россіи лишь люди не размышляющіе. Въ нашемъ образованномъ обществѣ многочисленнѣе другой разрядъ людей, дошедшихъ, путемъ долгихъ размышленій, до той же ясности идеи, какъ и Инсаровъ. Они не пойдутъ на службу. Что имъ тамъ дѣлать? „Починивать кое-что, отрѣзывать и отбрасывать понемногу разныя дрязги общественнаго устройства? Да не противно-ли у мертваго зубы вырывать и къ чему это поведетъ"?

„Эти люди понимаютъ, гдѣ корень зла, знаютъ, что надо дѣлать, чтобы зло прекратить; они глубоко и искренно проникнуты мыслью, до которой добились наконецъ. Но въ нихъ нѣтъ силы для практической дѣятельности".

Въ другихъ статьяхъ того-же 60-го года Добролюбовъ сурово относится къ этимъ знающимъ и не дѣйствующимъ людямъ. Онъ отказывается признать ихъ знанія, ихъ убѣжденіе истинными. Истинное убѣжденіе, говоритъ онъ въ статьѣ „Благонамѣренность и дѣятельность", „когда оно относится къ области практической, непремѣнно выразится въ дѣйствіи и не перестанетъ тревожить человѣка, пока не будетъ удовлетворено. Это своего рода жажда, незаглушимая, неотлагаемая. Когда я мучусь жаждой въ безводной равнинѣ и вдругъ вижу ручеекъ, то я брошусь къ нему, несмотря на то, что онъ окруженъ колючими кустами, изъ которыхъ выглядываютъ змѣи. Самое худое, что я могу потерпѣть въ этихъ кустахъ,—это смерть; но вѣдь я все равно умру же отъ жажды, стало быть, я ничѣмъ не рискую"...

Но въ статьѣ по поводу „Накануне" онъ допускаетъ искренность убѣжденій этихъ „лишнихъ" людей, которымъ „рвать у мертваго зубы противно", а на революціонную иниціативу не хватаетъ рѣшимости. Берсеньевъ (лучшій изъ русскихъ, выведенныхъ въ „Накануне"), готовъ отказаться отъ личнаго счастья въ пользу родины, свободы, справедливости, но онъ смотритъ на это, какъ на долгъ и противопоставляетъ этотъ долгъ своему счастью. Онъ по-

хожъ, по мнѣнію Добролюбова, на великодушную дѣвушку, которая рѣшается для спасенія отца на бракъ безъ любви. Она будетъ рада, если что-нибудь помѣшаетъ браку. Инсаровъ, напротивъ, для своей дѣятельности „ждетъ страстно и нетерпѣливо, какъ влюбленный юноша ждетъ дня свадьбы съ любимой дѣвушкой“. Поэтому, именно Берсеньевъ „можетъ многое перенести, многимъ пожертвовать, вообще выказать благородное поведеніе, когда приведетъ къ тому случай; но онъ не сумѣетъ и не посмѣетъ опредѣлить себя на широкую и смѣлую дѣятельность, на вольную борьбу, на самостоятельную роль“. Для этого нужны люди, такъ относящіеся къ своему дѣлу, какъ Инсаровъ. Но отъ русскаго героя для этого требуется больше, чѣмъ отъ болгарина. „Инсаровъ именно тѣмъ и беретъ, что... притѣснители его отечества турки, съ которыми онъ не имѣетъ ничего общаго... Русскій же герой, являющійся обыкновенно изъ образованнаго общества, самъ кровно связанъ съ тѣмъ, на что долженъ возставать. Онъ находится въ такомъ положеніи, въ какомъ былъ бы, напр., одинъ изъ сыновей турецкаго аги, вздумавшій освободить Болгарію отъ турокъ“. Этотъ сынъ аги долженъ былъ бы „отречься ужъ отъ всего, что связывало его съ турками:—и отъ вѣры, и отъ національности, и отъ *круга родныхъ и друзей, и отъ житейскихъ выгодъ своего положенія*“. „Немного легче дается геройство и русскому образованному человѣку“, и ему необходимо „отреченіе отъ цѣлой массы понятій и практическихъ отношеній, которыми онъ связанъ съ общественной средой“. Такихъ людей не было среди современниковъ Добролюбова, но онъ былъ убѣжденъ, что ихъ выставитъ подростающее поколѣніе.

„На развитіе каждаго отдѣльнаго человѣка имѣютъ вліяніе не только его частныя отношенія, но и вся общественная атмосфера, въ которой суждено ему жить. Иная развиваетъ героическія тенденціи, другая—мирныя“... Но общественная атмосфера мѣняется, еще недавно она подавляла развитіе личностей, подобныхъ Инсарову, но скоро она сама же поможетъ этому развитію. „Въ повѣсти Тургенева сказалась та смутная тоска по чемъ-то, та почти безсознательная, но неотразимая потребность новой жизни, новыхъ людей, которая охватываетъ теперь все русское общество, и

даже не одно только такъ называемое образованное"... „Теперь каждый ждетъ, каждый надѣется, и дѣти теперь подростаютъ, напитываясь надеждами и мечтами лучшаго будущаго... Когда придетъ ихъ чередъ приняться за дѣло, они уже внесутъ въ него ту энергію, послѣдовательность и гармонію сердца и мысли, о которыхъ мы едва могли пріобрѣсти теоретическое понятіе" (Соч. Добролюбова, изд. пятое, т. III, стр. 275—299).

Ближайшая задача, которую возлагаетъ Добролюбовъ на это подростающее поколѣніе, была помощь народному возстанію, въ близость котораго онъ глубоко вѣрилъ. Народъ страдаетъ непосредственно, ему не нужно никакихъ идей, никакихъ разсужденій, чтобы почувствовать невыносимость страданія. Онъ могъ еще терпѣть, пока не слыхалъ о возможности удовлетворенія своихъ естественныхъ потребностей, но теперь (т. е. съ началомъ реформы) онъ уже не удовлетворится кое-какими уступками и облегченіями, онъ возьметъ все. Его инстинктивное возстаніе будетъ неодолимо, какъ разливъ рѣки, встрѣтившей препятствіе въ своемъ теченіи. Добролюбовъ боялся только, что крестьяне возстанутъ раньше, чѣмъ подростетъ поколѣніе, способное придти имъ на помощь въ городахъ, въ центрахъ. Это опасеніе онъ выражаетъ въ слѣдующемъ обращеніи къ революціи:

О подожди еще, желанная, святая!
Помедли приходить въ нашъ боязливый кругъ!
Теперь на твой призывъ отвѣтитъ тишь нѣмая,
И лучшіе друзья не приподнимутъ рукъ.

Возстанія ждали въ то время не одни друзья народа, его боялись и враги. Мы знаемъ теперь, что эти надежды и опасенія оказались напрасными. Крестьяне терпѣли и терпѣли, вытерпятъ, къ несчастію, и нынѣшній годъ, голодая подъ бдительнымъ надзоромъ начальства, тщательно охраняющаго ихъ отъ всякой помощи, не прошедшей черезъ казенный карманъ.

Вѣра въ крестьянъ обманула Добролюбова. Но его завѣтъ и вмѣстѣ предвидѣніе относительно подростающаго поколѣнія образованнаго общества оправдалось вполнѣ. Оно выросло революціоннымъ и выдѣлило изъ себя контингентъ людей, всецѣло отдавшихся своему дѣлу. Жажда дѣятельно-

сти была въ нихъ неизмѣримо сильнѣе личныхъ соображеній относительно ядовитости жандармскихъ и полицейскихъ змѣй, выглядывающихъ изъ за колючихъ кустовъ, но та же жажда дѣйствовать какъ можно дольше и успѣшнѣе научила ихъ соединяться въ нелегальныя организаціи и тѣмъ самымъ „отрекаться уже отъ всего, что ихъ связывало съ турками... отъ круга родныхъ и друзей, отъ житейскихъ выгодъ своего положенія“ и отъ всякихъ разсчетовъ когда-либо вернуться въ ту среду, гдѣ, чтобы жить и дѣйствовать, „нужно убить въ себѣ мысль, волю и нравственное достоинство“. Они ошиблись въ надеждѣ разбудить своею проповѣдью крестьянскія массы и погибли, дорого продавъ свою жизнь *царскимъ* змѣямъ, и послѣ ихъ гибели ночь, отдѣлявшая Россію отъ „настоящаго дня“, стала еще темнѣе.

Существуетъ мнѣніе, раздѣляемое не только поклонниками „благообразнаго“ самодержавія, но даже такимъ сторонникомъ конституціи, какъ авторъ „Россія наканунѣ XX-го столѣтія“, что именно „Современникъ“ виноватъ въ реакціи, быстро смѣнившей мимолетное „благообразіе“. Своей отрицательной проповѣдью Чернышевскій и Добролюбовъ раздражали правительство и посѣяли сѣмена дальнѣйшихъ поводовъ къ раздраженію. Выходитъ, что если бы не раздражать самодержавное правительство, оно не только не отняло бы дарованныхъ послабленій, а еще, пожалуй, прибавило бы. Странное это мнѣніе. Да, разумѣется, не отняло бы, если бы оказалось, что реформы никому не нужны, что послабленіями рѣшительно никто не пользуется. Если бы вся пресса всегда придерживалась направленія, охарактеризованнаго Щедринымъ въ названіи газеты: „Чего изволите?“ пресса не подверглась бы періодическимъ избіеніямъ оппозиціонныхъ органовъ и, чего добраго, даже цензура была бы уничтожена. Если бы какъ присяжные, такъ и мировые судьи всегда постановляли приговоры, сообразуясь не со своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, а съ видами начальства, компетенція суда присяжныхъ не была бы сокращена, а мировой судъ—почти уничтоженъ. Если бы всѣ наши учебныя заведенія никогда не выпускали людей другого типа, кромѣ Молчалинскаго, они не были бы превращены въ какія-то полицейско-исправительныя учрежденія и т. д. и т. д. Но для такого „единенія Царя съ народомъ“

нужно было бы, чтобы Россія была населена не людьми, а существами какой-то низшей, нигдѣ и никогда не существовавшей породы. Нигдѣ и никогда — такъ какъ для мирнаго существованія деспотіи чисто азіатскаго типа нужно совсѣмъ другое. Азіатскій деспотъ можетъ учинять частныя злодѣйства: отнять жену или понравившуюся часть имущества, но отъ его произвола въ общественныхъ дѣлахъ гарантируетъ стародавняя рутина застывшей полуварварской цивилизаціи, неподвижность одинаковыхъ сверху до низу понятій о добрѣ и злѣ, о дозволенномъ и недозволенномъ, занесенныхъ въ какое-нибудь „священное писаніе". Тамъ „единеніе" дѣйствительно существуетъ, и службу начальству, пока оно не знаетъ ничего кромѣ „Корана", трудно отличить отъ службы отечеству.

Но въ Россіи, которую два вѣка само правительство дергаетъ взадъ и впередъ, гдѣ вырабатываемыя въ канцеляріяхъ реформы и контръ-реформы безпрерывно слѣдуютъ однѣ за другими; гдѣ весь экономическій строй страны находится въ интенсивномъ процессѣ измѣненія; куда уже два вѣка, спускаясь сверху внизъ, проникаютъ всѣ идеи, вырабатываемыя европейской цивилизаціей,—чтобы въ такой странѣ всѣ подданные сообразовались съ волею начальства,—вмѣсто религіозной неподвижности восточной нравственности—необходимо ея полнѣйшее отсутствіе, полнѣйшее равнодушіе къ тому, добро или зло повелѣваетъ начальство—лишь бы деньги платило.

Чтобы въ такой странѣ никто не „раздражалъ" правительства, недостаточно, чтобы люди „убивали въ себѣ мысль и волю и нравственное достоинство",—это дѣлается въ громадныхъ размѣрахъ. Надо, чтобы имъ убивать то было нечего.

Многіе изъ волнующихся студентовъ дѣлаются потомъ „раболѣпными исполнителями чужой воли для того, чтобы безмятежно провести жизнь свою". Даже изъ людей, принимавшихъ участіе въ „политическихъ преступленіяхъ", иные дослуживаются потомъ до „степеней извѣстныхъ". Но и этимъ людямъ, мысль, воля и нравственность которыхъ не живучи и могутъ быть убиты отдѣльно отъ остальныхъ функцій организма, на убійство все же нужно время, а пока что,—будущій сановникъ „раздражаетъ" правительство.

За послѣднее время правительство снова подвергается самымъ усиленнымъ раздраженіямъ. Снова у значительнаго процента образованной молодежи жажда честной дѣятельности пересиливаетъ благоразумныя соображенія объ ядовитости и бдительности мундирныхъ змѣй. Но рядомъ съ вторично поднявшимся слоемъ образованныхъ разночинцевъ встаетъ теперь нѣчто, чего не предвидѣлъ Добролюбовъ. Въ горячей „атмосферѣ надеждъ и ожиданій“ выростаетъ теперь все большій и большій кругъ рабочей молодежи. Ей не отъ чего отрекаться. У нея, какъ у Инсарова, никогда не было ничего общаго съ нашими внутренними турками. Рабочіе непосредственно страдаютъ отъ произвола въ его самой грубой формѣ, они сами—просыпающаяся часть того „простонародья“, на инстинктивное возстаніе котораго расчитывалъ Добролюбовъ. Но въ то же время они рвутся къ знанію, они вырабатываютъ въ себѣ тѣ „истинныя убѣжденія“, которыя толкаютъ къ дѣятельности, несмотря на всѣхъ „змѣй“. Ихъ непосредственное возмущеніе, соединяясь съ знаніемъ, можетъ только развиваться все шире и шире.

Свою статью „Когда же придетъ настоящій день?“ Добролюбовъ заканчиваетъ страстнымъ призывомъ къ революціонному подъему, къ „русскому Инсарову“. „Онъ необходимъ для насъ, безъ него вся наша жизнь идетъ какъ то не въ зачетъ, а служитъ только кануномъ другого дня. Придетъ же онъ, наконецъ, этотъ день! И во всякомъ случаѣ канунъ недалекъ отъ слѣдующаго за нимъ дня: всего-то какая-нибудь ночь раздѣляетъ ихъ“!

Ночь была страшно длинна. Революціонное движеніе разночинцевъ, освѣщавшее ее своими молніями, было только очищавшей воздухъ ночной грозой, безъ которой мы задохлись бы въ міазмахъ „темнаго царства“. Лишь теперь наступаетъ разсвѣтъ „настоящаго дня“, но теперь ужъ— „Стучи въ барабанъ и не бойся“ — ночь не можетъ вернуться.

„Искра“ № 13.
20 декабря 1901 г.

Элементы идеализма въ соціализмѣ.

Элементы идеализма въ соціализмѣ.

I.

„XIX вѣкъ создалъ въ своихъ нѣдрахъ оппозицію буржуазному обществу. И вотъ оппозиція заразилась буржуазностью“, говоритъ г. Бердяевъ въ своей „Борьбѣ за идеализмъ“ [1]). „Я настойчиво это утверждаю“, прибавляетъ онъ къ своему показанію, хотя въ устахъ г. Бердяева это „я утверждаю“ звучитъ довольно комично для каждаго, читавшаго его книгу „Субъективизмъ и индивидуализмъ“. Въ ней утверждалось и тоже довольно „настойчиво“ какъ разъ противоположное. За полгода, отдѣляющіе статью отъ книги, подсудимый пролетаріатъ въ Западной Европѣ ничѣмъ спеціально не провинился, а у насъ ярче, чѣмъ когда-либо, проявилъ, выражаясь языкомъ г. Бердяева, „тотъ соціально-политическій романтизмъ, который сопровождается мученичествомъ и кладетъ на борцовъ рѣзко антибуржуазный отпечатокъ“. Поэтому какъ ни „настойчиво“ свидѣтельское показаніе г. Бердяева, ни на какомъ судѣ оно не могло бы имѣть цѣны, такъ какъ основано лишь на слухахъ (Струве сказалъ) и косвенныхъ внушеніяхъ (Ницше). Помогло также по всему вѣроятію г. Бердяеву и болѣе послѣдовательное проникновеніе въ сущность бернштейновскаго соціализма, необходимо предполагающаго „буржуазность“ пролетаріата.

Такой же процессъ обуржуазиванія пролетаріата произошелъ нѣсколько раньше въ головѣ самого Струве. Въ своей статьѣ въ „Архивѣ“ Брауна [2]) онъ возстаетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ противопоставленія соціализма

---

[1]) „Міръ Божій“, іюнь 1901 г.

[2]) Die Marxsche Theorie der socialen Entwicklung, „Archiv für sociale Gesetzgebung“.

капитализму. Для него соціализмъ есть безличный процессъ постепеннаго усовершенствованія капиталистическаго общества и совершенно немыслимъ, какъ результатъ направленнаго къ опредѣленной цѣли дѣйствія реальнаго, имѣющаго объединенную волю историческаго субъекта-пролетаріата. Но уничтоживъ всякую грань между соціализмомъ и капитализмомъ, г. Струве въ своей статьѣ въ „Архивѣ“ еще сохраняетъ ее между буржуазіей и пролетаріатомъ. Онъ упрекаетъ Бернштейна, какъ это онъ не понимаетъ, что несмотря на свою теоретическую нереальность, „конечная цѣль“, достигаемая борьбой класса, это не Cant, не условныя фразы, а религія организованнаго въ партію класса—морально-политическаго субъекта—выступающаго объединенно въ своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ отношеніяхъ. Безъ этой цѣли партія не могла бы существовать, она должна имѣть ее или распасться.

Г. Струве предсказываетъ, правда, что со временемъ идеи соціалдемократіи утратятъ свою опредѣленность, но пока-что, въ архивной статьѣ, пролетаріатъ имѣетъ свою религію и могучую религію, дающую ему единство морально- политическаго субъекта.

Не можемъ не замѣтить, что въ этомъ пунктѣ статья г. Струве представляетъ изъ себя величайшую психологическую несообразность, къ которой не безынтересно присмотрѣться, хотя это и можетъ показаться отклоненіемъ отъ нашей темы.

Я знаю, что именно эта благосклонная отсрочка нашей гибели, вслѣдъ за теоретическимъ ниспроверженіемъ идей, безъ которыхъ ни отдѣльный соціалистъ, ни соціалистическая партія существовать не могутъ, вызывала у всѣхъ знакомившихся съ ней сторонниковъ революціоннаго соціализма непосредственное чувство той „нетерпимости“, о которой говоритъ г. Струве въ іюньской книжкѣ „Міра Божьяго“. Вызывала и не могла не вызывать—такимъ безпримѣрнымъ высокомѣріемъ, такимъ презрѣніемъ къ толпѣ она звучала. Что это, въ самомъ дѣлѣ, за мудрецъ, вѣщающій съ высоты Олимпа свою истину и въ то же время заявляющій, что несмотря на ея оглашеніе, мы, толпящіеся подъ горой бѣдные смертные, останемся при своей „Lebenslüge“, пока она сама не вывѣтрится изъ нашихъ головъ? И хотя бы мудрецъ, сидя

на далекомъ Олимпѣ и созерцая настоящее глазами историка, изслѣдующаго процессъ исчезновенія давно погибшей расы, дѣйствительно отрѣшился отъ нашихъ земныхъ дѣлъ. Но этого нѣтъ и слѣда. Несмотря на свое квази-историческое отношеніе къ текущей дѣйствительности, какъ къ погребенному прошлому, онъ остается среди живой толпы, считаетъ возможнымъ пытаться вліять на эту приговоренную имъ жизнь и вліять не въ качествѣ врага и разрушителя,—это было бы понятно,—такъ нѣтъ же: въ качествѣ благосклоннаго участника.

Это совершенно невозможное отношеніе къ жизни вызвано, однако, какъ мнѣ кажется, не безграничнымъ высокомѣріемъ—не имъ однимъ по крайней мѣрѣ, а особаго рода психологическимъ дальтонизмомъ, явившимся, быть можетъ (разумѣется—это мое личное предположеніе), результатомъ гносеологическихъ упражненій надъ „отдумываніемъ“ (Wegdenken) всего на свѣтѣ, кромѣ своего „я“.

Обратите вниманіе на слѣдующее мѣсто въ той же статьѣ: „Я опасаюсь, говоритъ г. Струве, что мое теоретическое отрицаніе понятія соціальной революціи навлечетъ на меня упрекъ въ реакціонномъ, не соціалистическомъ образѣ мыслей. Въ этомъ упрекѣ было бы столько же остроумія, какъ въ извѣстномъ обвиненіи теоретическаго идеалиста въ томъ, что онъ отрицаетъ существованіе дома, въ которомъ живетъ.

Теоретическій идеалистъ признаетъ міръ,—а въ томъ числѣ и домъ,—продуктомъ своего собственнаго сознанія, но практически относится къ дому точно такъ же, какъ и его сосѣдъ, никогда не сомнѣвавшійся во внѣшнемъ, матеріальномъ существованіи своего жилища. И если идеалистъ обратитъ своего сосѣда въ свою философскую вѣру, никакого ущерба ни его дому, ни остальному его имуществу онъ не принесетъ, и даже „лошади останутся въ конюшнѣ“, какъ утѣшалъ еще Берклей своихъ встревоженныхъ читателей.

Г. Струве находитъ, повидимому, аналогію, между отношеніемъ теоретическаго идеалиста къ дому и своимъ собственнымъ къ революціонному соціализму. Онъ отрицаетъ не фактическое существованіе соціалистовъ съ ихъ стремленіями, а лишь опредѣленное теоретическое воззрѣніе. Съ

нашей точки зрѣнія, эта аналогія ровно ничего не говоритъ въ огражденіе г. Струве отъ „упрека“, котораго онъ опасался. Теоретическій идеалистъ могъ выучить сосѣда „отдумывать“ свой домъ лишь въ качествѣ объекта гносеологическихъ упражненій, но какъ только вниманіе нашихъ гносеологовъ обращается непосредственно на домъ, тотъ тотчасъ-же возстановляетъ свое внѣшнее существованіе, не дозволяя ни на одно мгновеніе дѣйствительно усумниться въ немъ. Другое дѣло система воззрѣній, убѣдительность которой опирается на нѣчто безконечно болѣе сложное, чѣмъ непосредственное и непобѣдимое никакими доводами свидѣтельство внѣшнихъ чувствъ. Если бы статья г. Струве могла убѣдить соціалдемократовъ,—а вѣдь онъ-то считаетъ ее убѣдительной—она дѣйствительно лишила бы ихъ „дома“: разрушила бы партію,—онъ и самъ говоритъ это. Соціалдемократы не могутъ не считать его своимъ противникомъ. Но г-ну Струве дѣло представляется въ другомъ видѣ. Онъ борется противъ „научной“ теоретической допустимости соціалистическаго строя, какъ цѣли, достигаемой объединеннымъ въ партію пролетаріатомъ, захватившимъ политическую власть. Онъ старается доказать, что этого быть не можетъ, что это утопія. Но вѣдь въ той же статьѣ онъ признаетъ за соціализмомъ „божественное право на порядочный кусокъ (ein gut Stück) утопіи“. Онъ говоритъ, что для каждаго, чувствующаго себя соціалистомъ, утопическая, революціонная сторона соціализма такъ же дорога или даже еще дороже, чѣмъ реалистическая“.

Мы знаемъ, что это невѣрно: завѣдомо утопическая, недостижимая никакими усиліями соціалистовъ цѣль не можетъ оставаться цѣлью, она уничтожается, какъ цѣль, она не можетъ быть „дорогою“. Или, если ее можно нѣкоторое время продолжать любить, то лишь той любовью, какую чувствуютъ къ любимымъ людямъ послѣ ихъ смерти. Но, вѣдь, это любовь пассивная, съѣдающая того, кто ее чувствуетъ. Она не можетъ вызвать никакихъ дѣйствій, кромѣ самоубійства,—если очень сильна. Г. Струве этого, повидимому, не понимаетъ и его психологическая слѣпота находится въ несомнѣнной связи съ его гносеологіей.

Кантъ говорилъ, что долженъ былъ разрушить знаніе, чтобы дать мѣсто вѣрѣ. Но онъ его не далъ. То, что онъ

создалъ, есть cant, не имѣющій ничего общаго съ той вѣрой, которая была и теперь еще кое-гдѣ существуетъ, какъ сила, вліяющая на жизнь людей, способная толкнуть ихъ на тѣ или другія дѣйствія. Та вѣра есть знаніе и не можетъ сохраняться безъ знанія... Крестьянинъ, вѣрующій въ Бога, знаетъ, что Богъ есть, по меньшей мѣрѣ такъ же твердо, какъ и то, что есть царь, и гораздо тверже и непреложнѣе, чѣмъ то, что есть море-океанъ и городъ Парижъ. И знаетъ онъ все это одинаковымъ образомъ, изъ одного и того же источника. Съ ранняго дѣтства онъ слышитъ объ этомъ отъ всѣхъ окружающихъ, узнаетъ потомъ, что болѣе подробныя свѣдѣнія о Богѣ имѣются въ священныхъ книгахъ, писанныхъ святыми людьми, которымъ Богъ самъ являлся, самъ сказалъ. По мѣрѣ того, какъ разрушается это знаніе, находящееся въ неразрывной связи со всѣмъ традиціоннымъ знаніемъ, вытекающимъ изъ неподвижности быта, разрушается и вѣра, исчезаетъ ея объектъ, и не метафизическимъ суррогатамъ воспроизвести этого „живого" Бога.

Изъ предисловія [1]) къ книгѣ г. Бердяева мы узнаемъ, что для г. Струве такъ же, какъ и для Канта, совершенно ясна полнѣйшая невозможность вѣрить въ объективную доказуемость бытія Божія. Но это бытіе нужно ему для его душевнаго обихода. Безъ этого для него невозможно „убѣжденіе въ существованіи объективнаго и разумнаго міропорядка". А безъ „міропорядка" нѣтъ „абсолютнаго добра", и невозможенъ „абсолютизмъ въ этикѣ". Не установивши же всѣхъ этихъ абсолютностей, ему пришлось бы сдѣлаться въ этикѣ „либо абсолютнымъ скептикомъ (или, что то же циникомъ въ вульгарномъ смыслѣ слова), либо, по меньшей мѣрѣ, крайнимъ субъективистомъ". Къ тому же безъ вѣры въ міропорядокъ г. Струве не имѣлъ бы ручательства въ томъ, что въ міровомъ процессѣ осуществляется его идеалъ.

Для обыкновеннаго человѣка изъ всѣхъ этихъ надобностей никакого міропорядка еще не вышло бы. Въ сознаніи вѣрующихъ старый Богъ существовалъ не потому, что былъ нуженъ. Наоборотъ, онъ потому только и могъ удовлетворять—посредствомъ загробнаго рая—потребность въ надеждѣ на лучшее будущее, потому только и могъ повелѣвать

[1]) „Субъективизмъ и индивидуализмъ", стр. LIII и LIV и слѣдующія, предисловіе г. Струве.

людямъ дѣйствовать такъ или иначе, что его существованіе было внѣ всякаго сомнѣнія для ихъ познающаго разума. Богъ, въ доказательство существованія котораго сами его проповѣдники не могутъ привести ни одного аргумента, кромѣ того, что онъ имъ нуженъ, есть лишь выраженіе ихъ потребности. Намъ не понятно, какъ можетъ онъ удовлетворять ее? Но, быть можетъ, пріобрѣтенная посредствомъ гносеологическихъ упражненій способность мыслить (пока обдумываешь статью) внѣшній міръ, какъ продуктъ дѣятельности собственнаго сознанія, вызываетъ у гносеологовъ дополнительную способность снабжать завѣдомые продукты собственной выдумки, завѣдомые „Undinge“ силою служить основаніемъ для дальнѣйшихъ выводовъ. Все, что я знаю, не даетъ мнѣ ни малѣйшихъ основаній предположить существованіе Бога, но не даетъ также ни абсолютной нравственности, ни ручательства за прогрессъ. Я такимъ образомъ впаду въ цинизмъ и пессимизмъ, а это дурно и тяжело. Чтобы избавиться отъ дурныхъ послѣдствій моего знанія и его недостаточности, постулирую Бога и изъ него выведу и прогрессъ и абсолютный, общеобязательный нравственный законъ [1]).

Такая покорность разума своимъ же собственнымъ завѣдомымъ фантазіямъ для насъ непонятна. Но допустивъ, что г. Струве ее дѣйствительно ощущаетъ, становится понятнымъ, какъ это онъ можетъ стараться разрушить живую душу соціалдемократіи (ея коллективное „я“ или, вѣрнѣе, „мы“), тѣ идеи, безъ которыхъ она не можетъ существовать, и въ то же время не считаетъ себя ея врагомъ. Онъ только ложность этихъ идей старается доказать, но не мѣшаетъ соціалистамъ имѣть ихъ въ качествѣ утопіи. Его самодѣльный (или у Канта позаимствованный) Богъ не менѣе утопиченъ, а, вѣдь, спасаетъ же его отъ пессимизма и цинизма.

Въ статьѣ, напечатанной въ „Архивѣ“ Брауна, на міропорядокъ нѣтъ еще и намека. „Реализмъ“ еще господствуетъ

---

[1]) Какимъ образомъ, не постулировавши одновременно съ Богомъ еще и «откровеніе», можно заставить своего лишеннаго всякаго эмпирическаго содержанія Бога дать общеобязательный нравственный законъ,— я все таки не вижу. Не издавшій заранѣе кодекса нравственности Богъ не будетъ въ состояніи приказать ничего иного, кромѣ того, что вы же сами сознательно поручите ему приказать вамъ.

тамъ безраздѣльно, и постепенныя „пятикопеечныя", по выраженію г. Бердяева, улучшенія буржуазной лавки служатъ еще достаточнымъ ручательствомъ за прогрессъ. Свой „реализмъ" г. Струве и теперь сохраняетъ въ цѣлости, но уже не видитъ въ немъ достаточнаго ручательства. Теперь для спасенія отъ пессимизма ему нужно, чтобы въ капиталистической лавкѣ невидимо присутствовалъ Богъ и направлялъ торговлю въ сторону идеала.

Итакъ, въ архивной статьѣ пролетаріатъ еще сильно отличался отъ буржуазіи и въ своей конечной цѣли имѣлъ могучую религію, объединявшую его въ сплоченную партію.

Въ предисловіи къ книгѣ г. Бердяева и въ статьѣ, помѣщенной въ январской книжкѣ „Міра Божія" за этотъ [1]) годъ, пролетаріатъ уже не таковъ. По своей нравственной физіономіи онъ идентиченъ съ буржуазіей, онъ отъ нея ничѣмъ не отличается.

„Соціальная борьба нашего времени,—говоритъ г. Струве въ статьѣ въ „Мірѣ Божіемъ",—задается освобожденіемъ человѣка отъ рабскаго подчиненія матеріальнымъ условіямъ его бытія, освобожденіемъ отъ голода, холода и всяческой нужды. Если въ этомъ—счастье, то, конечно, соціальная борьба есть борьба за счастье. Буржуазное міровоззрѣніе и жизнепониманіе видитъ въ этомъ счастьѣ предѣлъ и высшую точку всѣхъ желаній. Ея излюбленная цѣль—довольство. Буржуазность есть культъ довольства." Довольство необходимо, какъ средство для дальнѣйшаго подъема человѣка и человѣчества, „буржуазность начинается тамъ, гдѣ это средство становится объектомъ культа, превращается въ верховную цѣль и въ высшую цѣнность, словомъ заполняетъ религіозное сознаніе людей". И этой буржуазностью „одинаково поражены какъ удовлетворенные, такъ и неудовлетворенные современностью"... „они одинаково буржуазны по духу". Изъ этихъ строкъ не видно еще, кажется ли г. Струве, что пролетаріатъ уже утратилъ свою „религію", или она сама ему представляется теперь лишь „культомъ наживы", равноцѣннымъ въ нравственномъ отношеніи стремленію буржуа къ своей личной наживѣ. Вѣроятнѣе послѣднее. „Къ самымъ мощнымъ разрушителямъ культа

[1]) 1901 г.

довольства,—продолжаетъ г. Струве,—принадлежитъ Ницше, и въ этомъ отношеніи нѣтъ ему равнаго среди борцовъ съ культурной буржуазностью".

А изъ предисловія къ книгѣ г. Бердяева видно, въ чемъ заключается, по мнѣнію г. Струве, —главная заслуга Ницше въ борьбѣ съ буржуазностью:

„Огромную заслугу Ницше, какъ моралиста, говоритъ онъ [1]), я вижу въ художественномъ развѣнчаніи эвдемонизма. Онъ произвелъ это развѣнчаніе, какъ извѣстно, съ точки зрѣнія, которая не имѣетъ ничего общаго ни съ идеей долга, ни съ альтруизмомъ — тѣмъ цѣннѣе оно для насъ". Г. Струве цитируетъ затѣмъ начало извѣстной выходки Ницше противъ „послѣднихъ", самыхъ „презрѣнныхъ" людей:

„Что есть любовь? Что есть твореніе? Что есть тоска? такъ спрашиваетъ послѣдній человѣкъ и мигаетъ.

„Земля сдѣлается тогда маленькой, а на ней скачетъ послѣдній человѣкъ, который умаляетъ все. Его родъ неистребимъ, какъ земляная блоха. Послѣдній человѣкъ живетъ всѣхъ дольше.

„Мы изобрѣли счастье, говорятъ послѣдніе люди и мигаютъ".

Все это не выражаетъ ровно ничего, кромѣ отвращенія и ненависти Ницше къ его „послѣднимъ людямъ", — это просто наборъ проклятій, которыми онъ ихъ награждаетъ. Но изъ той же рѣчи Заратустры, изъ той же страницы, которую цитируетъ г. Струве, ясно видно, что именно вызвало ненависть Ницше, чему въ современной дѣйствительности пытается онъ надавать пощечинъ въ лицѣ этихъ „послѣднихъ людей, выдумавшихъ счастье". Среди нихъ, говоритъ Заратустра: „никто уже не хочетъ ни бѣдности, ни богатства... и кто захотѣлъ бы еще властвовать и кто подчиняться?.. Пастуховъ нѣтъ, и всего на всего одно стадо! Каждый желаетъ себѣ равной съ другими доли, и всѣ равны: кто чувствуетъ себя иначе, самъ отправляется въ сумасшедшій домъ".

Вотъ за это-то и „моргаютъ" послѣдніе люди.

---

[1]) Стр. LXI и LXII.

Не эвдемонизмъ „развѣнчиваетъ" здѣсь Ницше [1]) а стремленіе къ равенству, къ прекращенію господства людей надъ людьми. Всѣ тенденціи въ этомъ направленіи были ему противны, такъ что нѣкоторый непріятный запахъ [2]) онъ почуялъ бы (и чуялъ у Канта) даже въ „формальныхъ условіяхъ осуществленія въ человѣкѣ абсолютнаго добра", выставленныхъ на слѣдующей же страницѣ самимъ г. Струве. Противопоставляя далѣе мораль „долга" (невозможную, по его мнѣнію, безъ идеи „міропорядка") морали „воли" (которая можетъ быть при этомъ или „низко-животной" или „святой", если совпадаетъ съ требованіемъ „закона"), г. Струве говоритъ (стр. LXX), что „не въ книгахъ, а въ жизни и буржуазія и пролетаріатъ Западной Европы оба давно уже недвусмысленно склонились въ пользу морали воли, а не долга, кстати сказать, въ формѣ, которая не имѣетъ ничего общаго съ духомъ ученія Ницше" [3]). А въ примѣчаніи г. Струве добавляетъ, что „западно-европейскій пролетаріатъ, осуществляя свою небуржуазную задачу, въ то же время глубоко проникнутъ моральной буржуазностью (или буржуазной моралью, [4]). Это исторически вполнѣ понятное явленіе ставитъ

---

[1]) Ницше, конечно, противникъ счастья массъ: оно не совмѣстимо съ ихъ рабствомъ, безусловно необходимымъ для совершенства господъ. Но, господа,—эти „танцующія звѣзды"—должны быть счастливы, должны говорить „да" жизни. Счастье входитъ въ программу ихъ совершенствованія.

[2]) „Stinkt" любимое слово Ницше для характеристики тенденціи этого рода.

[3]) Немного выше сказано, что, проповѣдуя мораль воли, Ницше желалъ „святости" (!).

[4]) Казалось бы: разъ пролетаріатъ такъ же охотно осуществляетъ свою пролетарскую задачу, какъ излюбленные Ницше господа осуществляли свою господскую, онъ тоже не лишенъ той „святости воли", которую г. Струве находитъ въ господской морали, проповѣдуемой Ницше. Тѣмъ болѣе, что „формальныя условія осуществленія абсолютнаго добра", признаваемыя г. Струве, имѣютъ нѣчто общее съ „задачей" пролетаріата, а „задача" господъ имъ какъ разъ противоположна. Но дѣло, повидимому, въ томъ, что у Ницше его „господа", занимаясь въ теченіе ряда поколѣній терзаніемъ рабовъ, борьбой за увеличеніе власти и за ея охраненіе тѣмъ самымъ, на вкусъ Ницше, совершенствовались, становились все болѣе Vornehm—важнѣе, знатнѣе. Вотъ этотъ то формальный моментъ совершенствованія, независимо отъ его содержанія, и прельщаетъ г. Струве. Въ идеалѣ же пролетаріата онъ его не замѣчаетъ и готовъ повѣрить Ницше, что массы, „изобрѣтя счастье", пожалуй заморгаютъ.

передъ теоретиками новаго общества великую идеологическую задачу создать въ пролетаріатѣ моральное настроеніе и міровоззрѣніе, стоящее на высотѣ, во-первыхъ, его политическаго настроенія, во-вторыхъ, его историческаго общественнаго призванія, иначе говоря, вложить цѣнное моральное содержаніе въ его общественно-политическій идеалъ".

Вотъ эту-то программу и бросился выполнять перепуганный г. Бердяевъ. И нельзя было не перепугаться: „Буржуазія, говоритъ онъ въ статьѣ „Борьба за идеализмъ", „обратила жизнь въ лавку", выдвинула взглядъ лавочника, „не знающій болѣе высокаго нравственнаго маяка, чѣмъ приходо-расходная книга". Вся ея нравственная жизнь вращается вокругъ наживы и проч. Все совершенно справедливыя вещи, которыя буржуазія слышитъ съ тѣхъ поръ (и даже раньше), какъ стала современной буржуазіей и будетъ слышать, пока не исчезнетъ. Такою же была она и въ то время, когда г. Бердяевъ писалъ свою книгу, но тогда совсѣмъ иначе обстояло дѣло въ трудящихся слояхъ современнаго общества. „Тутъ *мы видимъ* (курсивъ нашъ), говорилъ онъ, такую солидарность, такой альтруизмъ, которые стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ духомъ нашего вѣка". Въ то время психологія пролетаріата была „результатомъ приспособленія къ требованіямъ общечеловѣческаго соціальнаго прогресса". Нравственность и тогда уже не

Г. Струве называетъ Ницше „честно-дерзкимъ". Это правда: Ницше откровененъ до конца. Насъ, „рабовъ", „тарантуловъ", проповѣдниковъ равенства, онъ вовсе не желаетъ примирять со своимъ идеаломъ. Но наши любители Ницше лишаютъ его этой честной дерзости. Стать цѣликомъ на его сторону—на сторону „господъ"—они еще не въ состояніи. Имъ пришлось бы для этого отдѣлаться отъ всего, что въ нихъ осталось „тарантульскаго", и забыть многое, чего никогда не зналъ Ницше. Зато отдѣльныя камешки въ его зданіи возбуждаютъ ихъ мародерскіе (эклектическіе—тожъ) инстинкты и они раскладываютъ это зданіе (операція, которую г. Струве давно грозится продѣлать надъ Марксомъ), чтобы унести для своего обихода подходящіе куски, а все неподходящее затушевываютъ. Но вставленные въ чужую оперу ницшеанскіе мотивы звучатъ фальшиво, чего у самаго Ницше никогда не бываетъ. Наши полу-ницшеанцы (г. Невѣдомскій—въ особенности) дѣлаютъ своего любимца въ десять разъ мельче, чѣмъ онъ былъ. Здѣсь не мѣсто приводить этому доказательства. Ницше слишкомъ богатъ содержаніемъ, слишкомъ цѣленъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ послѣдняго періода, чтобы говорить о немъ мимоходомъ.

могла быть классовой, но исторически она принимала классовую форму, и носителемъ ея былъ прогрессивный классъ—въ нашу эпоху пролетаріатъ [1]).

Кантъ и „абсолютное добро“ свирѣпствовали уже и тогда, но въ исторію не вмѣшивались. „Торжество высшаго типа нравственности“ въ то время ни въ какомъ случаѣ не могло быть достигнуто нравственнымъ совершенствованіемъ личностей, оно могло быть лишь результатомъ устраненія классовъ посредствомъ установленія опредѣленной формы общежитія, въ которой только и можетъ нормально развиваться человѣческая личность [2]).

Кантъ нуженъ былъ въ то время г. Бердяеву, чтобы знать объективно, навѣрняка, почему именно „демократическій идеалъ выше буржуазнаго, почему лучше, чтобы сердце пріятно билось (оно и такъ бьется, но г. Бердяеву надо знать, почему это лучше) при словахъ—справедливость и благо народа, чѣмъ при словахъ—кнутъ и обузданіе? Почему субъективная нравственность той общественной группы, которой мы сочувствуемъ, выше и человѣчнѣе нравственности другихъ группъ, которая теперь господствуетъ, но не возбуждаетъ въ насъ особеннаго сочувствія“ [3]). Г. Бердяеву нужна была въ то время объективная, общеобязательная санкція его субъективнаго сочувствія высокой и человѣчной нравственности, но дать это сочувствіе, вложить такую нравственность Кантъ въ то время ни въ кого не могъ. Пролетаріатъ и безъ Канта самъ себѣ сочувствовалъ, сочувствовалъ ему и г. Бердяевъ, а для господствующаго класса, имѣющаго свою низшаго типа нравственность, чужая оставалась „психологически недоступной“ (хоть сто разъ ему по Канту доказывай, что она „общеобязательна“).

Такъ было въ то время, когда г. Бердяевъ изо всѣхъ силъ старался согласить Маркса съ Кантомъ. Онъ и тогда уже отбросилъ революціонный соціализмъ, уже подмѣнилъ Бернштейномъ (или Струве) и предсказывалъ, что „поправки, создаваемыя самимъ капиталистическимъ развитіемъ, до тѣхъ поръ будутъ штопать дыры существующаго общества, пока вся общественная ткань не сдѣлается сплошь

---

[1]) „Субъективизмъ и индивидуализмъ, стр. 77, 78 и слѣдующія.

[2]) Стр. 176.

[3]) Стр. 67—68.

новой" [1]). Но онъ не видѣлъ еще всѣхъ послѣдствій какъ привлеченія Канта, такъ и теоріи „штопанія" [2]). Г. Струве указалъ ему эти послѣдствія.

Расхваливъ г. Бердяева кромѣ критицизма еще и за „душевный подъемъ, рождающій вѣру и энтузіазмъ", Струве взялъ да и прихлопнулъ однимъ ударомъ всю его „вѣру".

Подчеркнувъ, что съ ихъ общей „внѣклассовой, общечеловѣческой точки зрѣнія философскаго идеализма", въ психологіи оппозиціоннаго класса лишь „эмпирически случайно (а г. Бердяевъ, когда писалъ эту книгу, думалъ, что не случайно) могутъ встрѣтиться благопріятныя предпосылки нахожденія истины", г. Струве сообщилъ г. Бердяеву печальную вѣсть, что въ самую интересную для него историческую эпоху, въ ту самую, въ которую онъ живетъ, этой счастливой случайности не случилось, что классъ, составляющій оппозицію буржуазіи, глубоко проникнутъ моральной буржуазностью или буржуазной моралью. Мы знаемъ, что, утративъ свою первую „вѣру", душа г. Бердяева взвилась выше прежняго, выше облака ходячаго и, если позволительно такъ выразиться, завизжала, подавляемая избыткомъ собственнаго энтузіазма (или это намъ снизу такъ слышится отъ непривычки къ райскому пѣнію?), но этотъ „подъемъ" совершился уже въ иномъ направленіи. Отъ вѣры въ то, что „рѣшеніе великой соціальной проблемы приведетъ къ торжеству высшаго типа человѣческой нравственности", не осталось и слѣда.

Результатомъ постигшаго г. Бердяева переворота явилась статья въ „Мірѣ Божьемъ": „Борьба за идеализмъ". Въ прошломъ, говорится въ этой статьѣ, когда соціально-политическая борьба „сопровождалась мученичествомъ", въ ней еще былъ романтизмъ, накладывавшій на борцовъ анти-буржуазный отпечатокъ. Но теперь этотъ путь проявленія анти-буржуазнаго духа закрывается. „Производители становятся гражданами міра сего, создаются нѣкоторыя элемен-

[1]) Стр. 260.

[2]) Не видѣлъ того, что если представлять себѣ прогрессъ въ видѣ уменьшенія классовыхъ противорѣчій и сближенія интересовъ буржуазіи и пролетаріата, необходимымъ дополненіемъ этого представленія является сближеніе нравственныхъ типовъ пролетарія и буржуа.

тарныя условія для развитія человѣческой жизни, ихъ борьба пріобрѣтаетъ менѣе острый характеръ и формула ихъ жизни можетъ расширяться, человѣческая личность дѣлается не только средствомъ, но и *самоцѣлью* (курсивъ нашъ). Въ какую сторону расширится формула жизни самоцѣльной человѣческой личности..." чѣмъ будетъ эта личность отличаться отъ буржуазнаго филистера? Оказывается, что ничѣмъ: соціальное движеніе приметъ окончательно буржуазный характеръ, и новый филистеръ будетъ столь же непривлекательнымъ типомъ, какъ и старый, противъ котораго ведется борьба. „Побѣда угнетенныхъ" ослабила борьбу, объ этомъ г. Бердяевъ, конечно, не жалѣетъ, но эта побѣда ведетъ „къ такому измельчанію, что за пятикопеечными улучшеніями ничего не будетъ видно. Всепоглощающая трезвенность убиваетъ поэзію прошлаго, и необходима компенсація за тѣ духовныя потери, которыми сопровождается матеріальная побѣда".

Эти строки представляютъ вполнѣ логическое слѣдствіе отрицанія революціоннаго соціализма.

„Побѣда угнетенныхъ" уже одержана. Предстоятъ, правда, „пятикопеечныя улучшенія", но „основная идея Кантовской этики... мысль Канта о человѣкѣ, какъ самоцѣли", уже осуществлена въ дѣйствительности [1]). Г. Бердяевъ понялъ, что его представленіе о способѣ усовершенствованія капиталистической лавки не допускаетъ никакой конечной заплатки, послѣ которой „общественная ткань" окажется „сплошь новой", такъ какъ каждая до такой степени пропахнетъ лавкой, что отъ основной ткани ее не отличишь. Онъ понялъ, что, съ его точки зрѣнія, общественнаго идеала или вовсе нѣтъ, или *качественно онъ уже осуществленъ*, и остаются лишь пятикопеечныя добавленія; что „когда Бернштейнъ предлагаетъ сосредоточиться на средствахъ борьбы и произноситъ неосмотрительную фразу „цѣль для меня ничто", онъ частично въ очень узкой сферѣ правъ, (не

---

[1]) Въ тѣ далекія времена (эмпирически всего полъ-года, но мы измѣряемъ здѣсь время громадностью пройденнаго пути), когда Кантъ еще приспособлялся къ Марксу, въ Кантовской идеѣ о человѣкѣ, какъ самоцѣли, только „коренилась высшая философски-этическая санкція нашего общественнаго идеала", который еще предстояло осуществлять.

правъ же тѣмъ, что не заботится замѣнить „цѣль“ идеальнымъ усовершенствованіемъ личностей).

Мы, съ своей стороны, думаемъ, что, ставъ на общую ему со Струве и Бердяевымъ точку зрѣнія, Бернштейнъ совершенно правъ, отрицая конечную цѣль рабочаго движенія. Странно только, что г. Бердяевъ называетъ фразу Бернштейна „неосмотрительной“ [1]).

Въ самомъ дѣлѣ, при состоящемъ изъ кусковъ (stückweise) соціализмѣ, какой-то теряющійся во тьмѣ вѣковъ конечный пятачекъ менѣе, чѣмъ „ничто“, по сравненію съ ближайшимъ, который теперь наклевывается и тоже представляетъ собою кусочекъ соціализма. У людей съ такимъ міровоззрѣніемъ можетъ быть много частныхъ цѣлей, но общей, конечной—никакой, какъ нѣтъ ее у буржуазіи: и она, какъ бернштейновцы, можетъ стремиться къ наклевывающимся милліонамъ, и жить не иначе, какъ со дня на день.

Итакъ, борьба кончена, впереди не предстоитъ ничего, кромѣ маленькихъ улучшеній. Г. Бердяевъ думаетъ даже, что трезвый соціальный реализмъ долженъ быть еще усиленъ, а трезвѣе и реалистичнѣе пятикопеечнаго улучшенія можетъ быть лишь грошевое или копеечное.

Но предоставивъ общественную область всей ея трезвенности, г. Бердяевъ, вслѣдъ за г. Струве и вопреки автору книги „Субъективизмъ и идеализмъ“, находитъ, что „идеологи новаго общества не должны допустить, чтобы въ это общество вошли буржуазныя души, они должны подготовить человѣка съ цѣннымъ жизненнымъ содержаніемъ. Передовой интеллигенціи нашего времени предстоитъ работа надъ духовнымъ перерожденіемъ“ рабочаго, надъ созданіемъ „нравственно совершеннаго человѣка“ [2]).

---

[1]) Неосмотрительна она, пожалуй, если смотрѣть глазами того лавочника, который думаетъ, что „не обманешь, не продашь“. Фраза Бернштейна точно ударъ хлыста заставила встрепенуться всѣхъ, кому дѣйствительно дорогъ соціализмъ. Безъ нея, быть можетъ, довѣріе къ старому товарищу Бернштейну долго еще мѣшало бы понять истинный смыслъ его новаго „реализма“. Фраза Бернштейна была честная фраза, болѣе честная, чѣмъ послѣдовавшія старанія ее weg zu expliziren.

[2]) „Соціальный вопросъ.... можетъ быть названъ этическимъ вопросомъ, говоритъ г. Бердяевъ въ своей книгѣ (стр. 123), „но совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляютъ это выраженіе буржуазные идеологи (курсивъ нашъ). Не потому онъ вопросъ этическій, что онъ

И все это необходимо „съ сегодняшняго же дня начать дѣлать. Иначе мы рискуемъ войти въ новое общество, окончательно растерявъ по дорогѣ свой идеализмъ, съ душами маленькими, все такими же буржуазными, но благополучно переваривающими пищу и благоденствующими. Какое ужасное, по истинѣ трагическое противорѣчіе: мы готовы были принять мученическій вѣнецъ за нашъ идеалъ и проявить величіе души, а самъ идеалъ оказывается такимъ мѣщански плоскимъ и ничтожнымъ, въ немъ нѣтъ мѣста для величія души“ [1]).

„Повиненъ... въ этомъ противорѣчіи“ оказывается, конечно, „ортодоксальный марксизмъ съ его теоріей необходимости соціальнаго катаклизма“. Идеализмъ метафизиченъ, а онъ не хочетъ знать ни о какой метафизикѣ. „Человѣкъ— святая самоцѣль, кричитъ г. Бердяевъ, не есть существо,

рѣшенъ будетъ нравственнымъ усовершенствованіемъ людей, а потому что рѣшеніе великой соціальной проблемы нашихъ дней... приведетъ къ торжеству высшаго типа человѣческой нравственности“. Это г. Бердяевъ буржуазнымъ идеологамъ говорилъ, а г. Михайловскаго онъ поучалъ той истинѣ, что „прекрасная человѣческая индивидуальность не есть опредѣленный общественный идеалъ; подъ флагомъ „личности“ слишкомъ часто провозилась всякая дрянь, и онъ самъ по себѣ ничего не можетъ гарантировать. Развѣ не во имя той же личности раздаются лицемѣрные крики противъ „грядущаго рабства“. Этимъ названіемъ клеймится то направленіе, въ которомъ сконцентрировано все свѣтлое въ жизни современнаго человѣчества. Мы стремимся къ этой опредѣленной формѣ общежитія и увѣрены, что только въ ней личность можетъ нормально развиваться“. (Стр. 176). Все это г. Бердяевъ писалъ въ своей книгѣ потому, что вопреки теоріи штопанья онъ въ этомъ пунктѣ еще не разстался тогда съ революціоннымъ соціализмомъ. Теперь эта теорія произвела въ немъ всѣ вытекающія изъ нея опустошенія, окончательно вытѣснила революціонный соціализмъ, и онъ самъ плыветъ уже подъ „флагомъ личности“ и во имя „совершенствованія души“, т. е. той же личности, поднимаетъ, какъ сейчасъ увидимъ, крикъ, если не противъ „грядущаго рабства“, то противъ грядущаго „свинства“.

[1]) Непріятными существами изображаетъ г. Бердяевъ своихъ „идеалистовъ“. Заранѣе познали „величіе“ своей собственной души, готовы бы „проявить“ его и для другихъ, да—видите ли—мѣста ему не найдутъ. Я знала много людей, подвергавшихся за свою дѣятельность непріятностямъ, именуемымъ „мученическимъ вѣнцомъ“, и никому изъ нихъ не приходило въ голову размышлять о величіи собственной души. Быть можетъ, внутреннее познаніе своего величія дѣлаетъ невозможнымъ его внѣшнее „проявленіе“. Никакъ ему мѣста не найдешь, всякое малымъ кажется.

переваривающее пищу и получающее отъ этого пріятное удовлетвореніе, нѣтъ, это духовное существо, носитель истины, добра, красоты, реализація высшей правды“ и проч., но онъ думаетъ, что эта духовная и святая самоцѣль, не будучи заблаговременно обучена метафизикѣ, „по ту сторону грани“, отдѣляющей капиталистическій строй отъ соціалистическаго [1]), немедленно превратится въ свинью уже безъ всякихъ шансовъ спасенія. Тогда „буржуазное довольство распространится на всѣхъ людей, и души покроются слишкомъ толстымъ слоемъ жира, чтобы идеалистически протестовать противъ безпощадной пошлости жизни“. Представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, святую, божественную душу, покрытую толстымъ слоемъ обыкновеннаго жира, получившагося вслѣдствіе благополучнаго переваривания пищи! Развѣ это не грустно? Развѣ это не возмутительно? И возмущенный г. Бердяевъ ругаетъ виновнаго ортодокса „самымъ отвратительнымъ типомъ“,—ругаетъ, впрочемъ, условно, на тотъ случай, если онъ и теперь осмѣлится повторить, что пѣсенка идеализма уже спѣта.

Что г. Бердяевъ ругается, эта не бѣда. Дурно то, что въ своей статьѣ онъ дѣлаетъ невообразимый винигретъ изъ всевозможныхъ смысловъ одного и того же слова „идеализмъ“, и по мѣрѣ своихъ силъ и возможности залѣпляетъ этой смѣсью глаза читателей, а также и свои собственные.

Провозглашается обязательность „философскаго идеализма, примыкающаго къ традиціямъ безсмертнаго Платона“, необходимость „признать міръ идеальныхъ цѣнностей внѣвременныхъ и внѣпространственныхъ“, абсолютность истины, добра и красоты, предвѣчно данныхъ и эмпирическаго содержанія не имѣющихъ, но являющихся конечной цѣлью прогресса, за осуществленіе которой г. Бердяеву ручается религіозная идея нравственнаго міропорядка [2]).

---

[1]) Г. Бердяевъ знаетъ, что такой „грани“ быть не можетъ, что наша теорія революціоннаго соціализма „ненаучна“, логически „нелѣпа“ и проч. и проч. Онъ допускаетъ на минутку „грань“ лишь для того, чтобы хорошенько насъ посрамить.

[2]) Склонность къ такому міровоззрѣнію объявляется признакомъ „глубокой души“, „глубокой и сложной натуры“, для которой безъ этихъ „священныхъ“ запросовъ „жизнь сѣра, пуста, безсмысленна“. Отсутствіе священныхъ запросовъ“ клеймится „духовнымъ убожествомъ“ и прочими

На метафизическій идеализмъ ортодоксальные марксисты, разумѣется, не имѣютъ ни малѣйшихъ претензій. Но утвердивъ за собой этотъ опредѣленный идеализмъ, г. Бердяевъ забираетъ затѣмъ въ свой метафизическій кошель все хорошее на свѣтѣ (за исключеніемъ ненавистнаго ему пищеваренія) подъ тѣмъ предлогомъ, что все это тоже идеализмомъ называется.

Онъ не можетъ не признать, что сама исторія послѣднихъ столѣтій дала очень большой поводъ къ тому „недоразумѣнію", которое гласитъ, что „теоретическій идеализмъ связанъ съ реакціонными вожделѣніями и практическимъ матеріализмомъ", а теоретическій матеріализмъ—съ практическимъ идеализмомъ и прогрессивными стремленіями. Г. Бердяевъ объясняетъ это „недоразумѣніе" тѣмъ, что революціонный французскій матеріализмъ XVIII вѣка, ученіе Фейербаха и лѣво-гегеліанцевъ въ Германіи, взгляды Чернышевскаго и Писарева у насъ—все это было идеализмомъ, прикрывавшимъ свое идеалистическое содержаніе матеріалистическими словами, потому что реакціонные противники этихъ ученій прикрывали свое содержаніе идеалистическими словами. Такимъ простымъ способомъ всѣ хорошіе люди и прогрессивныя стремленія благополучно прибраны къ рукамъ. Разлакомившись, г. Бердяевъ „рѣшается" сказать, что „всякій живой, дѣйствующій человѣкъ, отыскивающій истину, творящій справедливость и добро или созерцающій красоту—метафизикъ-идеалистъ".

Превращеніе всякаго искателя истины въ метафизика производится очень просто: если вы ищете истину, вы предполагаете, что *истина* не звукъ пустой, что истина есть цѣнность". Такимъ образомъ, посредствомъ альтернативы: либо „звукъ пустой", либо „абсолютная цѣнность", существительное *истина* благополучно сцѣпляется съ прилага-

---

нелестными эпитетами, за которые мы на г. Бердяева ничуть не въ претензіи. Судя по его статьѣ, метафизическіе идеалисты чрезвычайно заняты измѣреніями своей собственной души въ глубину, высоту и ширину. Намъ это занятіе кажется пустымъ. Тамъ уже жизнь покажетъ, какая у кого душа. Но если есть у этой души не въ небесахъ, а на нашей маленькой землѣ, нѣчто великое, если есть у нея общая цѣль, съ которой слилась ея жизнь, эта жизнь можетъ быть и очень тяжела, но ни сѣра, ни пуста, ни безсмысленна она не будетъ.

тельнымъ—*абсолютная*, а ея искатель превращается въ метафизика. Еще проще обстоитъ дѣло съ человѣкомъ, сказавшимъ себѣ: „это добро, а это зло, добро есть цѣнность... я хочу служить добру и бороться со зломъ“. Въ этомъ случаѣ „вы признаете абсолютную цѣнность добра“ и „совершаете истинное богослуженіе, служеніе Богу правды“. Двойная причина записать васъ въ метафизики. Аналогичные фокусы продѣлываются съ человѣкомъ, борящимся за справедливость и созерцающимъ красоту. Правда, за всѣми за ними бѣгаетъ какой-то несносный эволюціонистъ съ призывомъ „обратиться къ моллюскамъ для объясненія всего на свѣтѣ“. Но онъ можетъ помѣшать лишь водворенію метафизики, какъ теоріи, идеалистами же, не признающими себя (по недоразумѣнію) метафизиками, какъ видно изъ вышеизложеннаго, переполненъ міръ. Идеализма нѣтъ только въ одномъ „соціальномъ движеніи нашихъ дней“.

„Бернштейнъ—законное дитя ортодоксальнаго марксизма, говоритъ г. Бердяевъ, онъ унаслѣдовалъ отъ него реалистическіе элементы, которые старается усилить, и онъ правъ, насколько въ немъ говоритъ голосъ современной соціальной дѣйствительности“... Но, въ ортодоксальномъ марксизмѣ Бернштейнъ не нашелъ идеализма, а самъ онъ оказался неспособнымъ къ самостоятельному творчеству... и остался безъ идеализма. Остался безъ идеализма не одинъ Бернштейнъ... „важно то, что самое соціальное движеніе нашихъ дней остается безъ идеализма“.

Но окончательное сведеніе „соціальнаго движенія нашихъ дней“ на одно пищевареніе совершается г. Бердяевымъ при помощи „гедонизма“, при чемъ поясняется, что „гедонизмомъ называется такое ученіе о нравственности, которое видитъ цѣль жизни въ удовольствіи“. Этотъ гедонизмъ навязывается Марксу съ Энгельсомъ и всѣмъ марксистамъ [1]).

---

[1]) Никакой оффиціальной системы нравственности марксизмъ, поскольку мнѣ извѣстно, никогда не выставлялъ. Но что у соціалдемократіи, у организованнаго и борющагося пролетаріата есть общеобязательныя нравственныя требованія,—это несомнѣнно. *Солидарность*—основное требованіе этой нравственности. Не дѣлай ничего, идущаго въ разрѣзъ съ интересами того цѣлаго, къ которому принадлежишь, какъ бы ни было это для тебя лично нужно, таково минимальное требованіе солидарности. Дѣлай

Затѣмъ истина, добро и красота изъемлются изъ числа тѣхъ удовольствій, которыя являются для бердяевскихъ „марксистовъ" цѣлью жизни. „Иллюзіонизмъ—вотъ точка зрѣнія марксизма на духовныя блага", поучаетъ насъ г. Бердяевъ. „Намъ говорятъ, что философія, нравственность, искусство, словомъ идеологія существуетъ для жизни, что онѣ цѣнны, лишь какъ полезности въ соціальной жизни людей, а въ данную эпоху, какъ полезности въ рѣшеніи соціальнаго вопроса нашихъ дней".

Все это лишь полезности, лишь средства для жизни, а, слѣдовательно, не входятъ въ число ея цѣлей, ея „удовольствій"; въ качествѣ таковаго, для изобрѣтенныхъ г. Бердяевымъ марксистовъ остается одно только „переваривание пищи".

И не только намъ—самому Д. С. Миллю запрещается въ качествѣ утилитариста имѣть иныя потребности, кромѣ пищеваренія. Онъ сказалъ, что „лучше быть недовольнымъ Сократомъ, чѣмъ довольной свиньей", но, по мнѣнію г. Бердяева, на почвѣ утилитаризма этого сказать нельзя, надо сперва признать нѣчто „болѣе высокое и священное". Напрасно Милль сталъ бы возражать, что въ его понятіе „наибольшаго блага наибольшаго числа людей" входитъ напряженная умственная жизнь, широкая общественная дѣятельность, сознаніе пользы принесенной своимъ, хотя бы и неблагодарнымъ (причина недовольства) согражданамъ,— словомъ то, что было у Сократа, взятаго имъ за образецъ человѣка, и чего нѣтъ у свиньи, которая въ качествѣ свиньи ни въ чемъ этомъ и не нуждается. Ну, нѣтъ, возразитъ ему г. Бердяевъ, все, чего у свиньи нѣтъ, и для тебя, утилитариста, слишкомъ высоко и священно. „Карлейль имѣлъ всѣ основанія назвать утилитаризмъ свинской философіей",

---

все отъ тебя зависящее для общаго дѣла, не щади для него ничего личнаго, умри за него, если понадобится,—таково максимальное требованіе. Эта нравственность не имѣетъ (какъ увидимъ) ничего общаго съ „идеализмомъ въ этикѣ" г. Бердяева, не уляжется она и въ его формулу „гедонизма". Но это несомнѣнно утилитарная нравственность. Пользой, благомъ того цѣлаго, съ которымъ личность соединена общей цѣлью, опредѣляются всѣ требованія. Это нравственность „долга", но въ то же время и „воли", потому что тотъ, для кого общее дѣло не свое, а чужое, кому лично не больно принести вредъ цѣлому, не радостно принести ему пользу, тотъ не принадлежитъ къ этому цѣлому.

а имѣешь свинскую философію, такъ и довольствуйся тѣмъ, что имѣетъ свинья. Г. Бердяевъ объявляетъ даже, что для *послѣдовательнаго* (курсивъ нашъ) гедониста слово *человѣкъ* (курсивъ г. Берд.), поскольку въ него вкладывается этическій смыслъ, есть звукъ пустой, красивая фраза (и какимъ это образомъ для гедониста одно слово превращается въ цѣлую фразу, да еще красивую?), для насъ же это слово полно высокаго смысла и значенія". Для „послѣдовательнаго" же гедониста оно, очевидно, имѣетъ смыслъ и значеніе желудка на двухъ ногахъ.

Тому, кто заглядывалъ въ литературу, изобличающую матеріалистовъ XVIII-го вѣка, или нашихъ „нигилистовъ" въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ XIX-го вѣка, очень знакомо это требованіе отъ нихъ, а также приписываніе имъ особаго рода послѣдовательности. Въ основѣ этого требованія лежитъ, повидимому, такого рода „послѣдотельное" разсужденіе: разъ ты, матеріалистъ, отвергаешь божественную душу, и все довременное и абсолютное, такъ будь же послѣдователенъ и отвергай все то, что *мы называемъ* проявленіями безсмертной души, что *мы считаемъ* абсолютнымъ и вѣчнымъ. Признавать же ты можешь лишь то, что мы также считаемъ тѣлеснымъ, временнымъ и относительнымъ: напримѣръ, пищевареніе.

Матеріалистъ продолжаетъ, разумѣется, не обращая ни малѣйшаго вниманія на эти увѣщанія, признавать человѣка цѣликомъ, со всѣми его качествами, съ умомъ и чувствомъ, со всѣми его умственными и нравственными потребностями, отбрасывая лишь метафизическія опредѣленія. Но и метафизикъ, съ своей стороны, не обращая вниманія на такое поведеніе матеріалиста, продолжаетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, утверждать, что его „послѣдовательный" противникъ не признаетъ въ человѣкѣ ничего, кромѣ „пищеваренія".

По отношенію къ этому почтенному закону послѣдовательности г. Бердяевъ проявляетъ свою оригинальность лишь въ томъ, что даетъ ему обратную силу надъ исторіей революціоннаго соціализма и разсуждаетъ такъ, какъ будто марксисты и въ прошломъ и въ настоящемъ слушались „идеалиста" и были „послѣдовательны" такимъ именно, образомъ, какъ онъ предписываетъ.

Величайшая заслуга марксизма, говоритъ г. Бердяевъ, заключается въ томъ, что „марксизмъ впервые установилъ, что только матеріальная общественная организація можетъ быть базисомъ для идеальнаго развитія человѣческой жизни, что человѣческія цѣли осуществляются лишь при матеріальномъ условіи экономическаго господства надъ природой“. Но условія историческаго момента въ серединѣ XIX-го вѣка были таковы, что человѣка самоцѣли тогда не было, человѣкъ былъ обращенъ въ средство, безотлагательная работа была направлена на достиженіе минимума человѣческаго существованія. Теперь-то, по мнѣнію г. Бердяева, этотъ минимумъ достигнутъ, и рабочій живетъ въ условіяхъ „самоцѣли“, но марксисты „по психологически понятной иллюзіи“ приняли средства за цѣли, самыя цѣли поняли слишкомъ матеріально и надъ духовной буржуазностью вѣка не возвысились“ (стр. 6—7). Поскольку тутъ можно что-нибудь понять, г. Бердяевъ хочетъ изобразить дѣло такъ, что на практикѣ марксисты заботились только о матеріальномъ положеніи рабочихъ и своею цѣлью ставили лишь улучшеніе этого положенія. Что онъ именно это хочетъ сказать, еще виднѣе изъ другого мѣста.

Ратуя противъ теоріи „необходимости соціальной катастрофы“ (т. е. диктатуры пролетаріата) для перехода капиталистическаго строя въ соціалистическій, г. Бердяевъ говоритъ, что при такой теоріи нѣтъ мѣста для идеализма ни до ни послѣ соціалистической революціи.

„По эту сторону грани идеализмъ преждевременен, что и утверждаютъ ортодоксы; соціальное зло такъ велико и обострено, что жизнь людей должна быть поглощена матеріальными средствами борьбы; психологія производителей съ точки зрѣнія теоріи Zusammenbruch'а не можетъ расширяться и углубляться“. По ту сторону грани (мы уже цитировали относящееся сюда мѣсто) „идеализмъ уже не будетъ нуженъ“. Вѣдь для созданныхъ г. Бердяевымъ марксистовъ все кромѣ пищеваренія является лишь средствомъ для „полученія этого пріятнаго удовлетворенія“, а оно тогда будетъ уже получено.

Выходитъ, такимъ образомъ, что по эту сторону грани „ортодоксы“ поглощены матеріальными средствами борьбы, а „расширеніемъ и углубленіемъ психологіи производителей“

они не занимались, не занимаются и утверждають, что оно преждевременно. А вѣдь г. Бердяевъ знаетъ, что дѣло обстояло какъ разъ обратно. На какую же это „односторонность“ нѣмецкой соціалдемократической партіи указывалъ (и былъ „правъ“ по рѣшенію Бердяева) Бернштейнъ? Въ чемъ обвиняютъ ее всѣ, пошедшіе за нимъ оппортюнисты, какъ не въ отсутствіи „поглощенія матеріальными средствами борьбы“ (профессіональными союзами и потребительными обществами), и въ недостаткѣ „положительной работы“, т. е. положительныхъ „матеріальныхъ“ реформъ, которыя, по предложенію оппортюнистовъ, могли бы получиться, если бы партія больше заботилась о союзѣ съ буржуазіей, чѣмъ о „несгибаемой ясности и искренности своей пропаганды?“ А съ другой стороны, въ противность утвержденію поклонника абсолютной истины, г. Бердяева, „ортодоксы“ всегда утверждали, что расширеніе и углубленіе сознанія пролетаріата, несмотря на „соціальное зло“, вполнѣ возможно и доказывали это на дѣлѣ. Въ кружкахъ самообразованія и пропаганды зародилась соціалдемократія и выросла въ великую международную партію. Этотъ характеръ сохраняютъ и теперь ея безчисленные ферейны, съ ихъ библіотеками, рефератами, постоянными обсужденіями всѣхъ вопросовъ, касающихся до партіи,—а какіе до нея не касаются?

Г. Бердяеву можетъ не нравиться содержаніе этой идеалистической работы, но вѣдь не метафизику же, собственно, имѣлъ онъ въ виду, приписывая ортодоксамъ „утвержденіе“ преждевременности идеализма?

А какое не только партійное, а, такъ сказать, общечеловѣчески нравственное значеніе имѣетъ руководство въ выборѣ чтенія для всей рабочей молодежи, какое значеніе имѣетъ обширная періодическая пресса партіи, пойметъ всякій, кто знаетъ, какимъ „дешевымъ“ чтеніемъ снабжаютъ спекулянты рабочую молодежь тѣхъ странъ, гдѣ недостаточно развита или, какъ въ Англіи, почти вовсе не существуетъ соціалистическая рабочая пресса [1]).

---

[1]) О „penny dradful“ („ужасы за 5 копеекъ“—спеціальное названіе кровавой беллетристики, составляющей любимое чтеніе рабочихъ подростковъ) не разъ въ англійской большой прессѣ поднимался вопросъ, какъ объ общественномъ бѣдствіи, но, разумѣется остался безъ разрѣшенія.

Вытравивъ, такимъ образомъ, изъ соціализма весь идеализмъ (въ смыслѣ „все хорошее, кромѣ ѣды"), превративъ его въ уголокъ буржуазной лавки, наши метафизики намъ же его навязываютъ, представляютъ свое понятіе подъ наше и затѣмъ, выругавъ насъ на чемъ свѣтъ стоитъ, бросаются въ своемъ воображеніи совершенствовать получившагося урода посредствомъ акафистовъ абсолютной истинѣ, добру и красотѣ.

Не знаю, какова та „абсолютная истина", которую „человѣческая личность" должна, по утвержденію г. Бердяева, „творить въ своей жизни", но хотя въ статьѣ онъ пишетъ слово „Правда" съ прописной буквы, „творитъ" онъ неправду, не имѣя при этомъ нравственнаго оправданія народниковъ: онъ недостаточно невѣжественъ, чтобы совсѣмъ не вѣдать, что творитъ.

Прежде, чѣмъ разстаться съ г. Бердяевымъ, взглянемъ еще на его способъ приближенія къ „абсолютному добру", на проповѣдуемый имъ „идеализмъ въ этикѣ".

Этотъ идеализмъ признаетъ, разумѣется, „абсолютную цѣнность добра и его качественную самостоятельность. Прежде всего и больше всего идеалисты должны настаивать на томъ, что нравственное совершенство есть цѣль человѣческой жизни, что совершенствованіе выше всякаго довольства. Пора также разстаться съ тѣмъ софизмомъ, который видитъ высшее проявленіе нравственности въ пожертвованіи собственной душой во имя блага другихъ. Жизнь свою можно, а иногда и должно отдать, но душу свою нельзя отдать ни за что на свѣтѣ".

Что подразумѣваетъ г. Бердяевъ подъ душой, которой благу другихъ отдавать нельзя? Какъ бы ни была эта душа духовна, возвышенна, полна абсолютной красоты, отдавать ее чьему-либо благу все таки не можетъ обозначать ничего другого, какъ посвящать этому благу свои мысли, чувства, заботы. Слѣдовательно, абсолютное добро г. Бердяева требуетъ, чтобы идеалистъ не тратилъ своихъ душевныхъ силъ ни для чьего блага—употреблялъ ихъ всѣ на собственное усовершенствованіе, памятуя, что „только духовно развитая и совершенная душа можетъ быть настоящимъ борцомъ прогресса, можетъ вносить въ жизнь человѣчества свѣтъ истины, добра и красоты"—вносить самымъ фактомъ своего

совершенства. Что именно таковъ смыслъ этихъ фразъ, видно и изъ дальнѣйшаго: „Каждая человѣческая личность не забитая и не окончательно пришибленная, должна сознавать свое естественное право на духовное совершенствованіе, право свободно творить въ своей жизни абсолютную (!) истину и красоту“. Немного выше [1]) г. Бердяевъ уже говорилъ объ творчествѣ истины и красоты въ своей жизни, но тамъ это творчество вступало въ „по истинѣ трагическій конфликтъ“ со стремленіемъ „къ воплощенію справедливости въ человѣческихъ отношеніяхъ“. Слишкомъ трагическимъ конфликтъ, очевидно, не былъ, такъ какъ черезъ 7 страницъ благополучно разрѣшился въ пользу собственной красоты [2]). „Вульгаризація духа есть величайшее нравственное преступленіе“, продолжаетъ г. Бердяевъ свои завѣты „идеализма въ этикѣ“. „Общественный утилитаризмъ, поскольку онъ посягаетъ на фаустовскія стремленія и унижаетъ духъ человѣка, является реакціоннымъ направленіемъ человѣческой мысли, какими бы демократическими формами онъ ни прикрывался. Когда человѣкъ приноситъ жертвы на алтарь своей правды, то духъ его возвышается, и мы встрѣчаемся съ нравственнымъ величіемъ. Но нѣтъ величія въ идеѣ жертвы собственнымъ духомъ во имя мѣщанскаго благополучія X. и У.“ Хорошъ идеализмъ! на дальнѣйшее требованіе „понять демократизацію общества, какъ его аристо-

---

1) На стр. 15. Вышеприведенный же кодексъ „идеализма въ этикѣ“ излагается на 23 стр. „Борьбы за идеализмъ“.

2) Интересно бы знать, что подразумѣваетъ г. Бердяевъ подъ обязанностью „творить въ своей жизни абсолютную красоту“? Значитъ ли это, что всѣ должны подѣлаться художниками? Невыполнимо оно, правда, но, мало ли что! Выставляетъ же г. Струве (стр. 73 предисловія къ книгѣ г. Бердяева) во имя нравственности столь же невыполнимое требованіе, чтобы „каждая личность“ была оригинальна (оригинальничать, конечно, можно, и теперь въ модѣ, но развѣ это оригинально?). Или, для удовлетворенія требованій г. Бердяева на счетъ красоты достаточно осматривать галлереи картинъ и статуй, любоваться красотой природы и читать декадентовъ, приготовляющихъ „новаго человѣка съ болѣе красивой душой, полныхъ индивидуальныхъ настроеній и красокъ, безконечно цѣнныхъ для интимной жизни человѣческой личности?“ Собирается еще г. Бердяевъ на той же (24) страницѣ „внести струю трагической красоты“ и при этомъ Ницше поминаетъ. Но эту струю онъ пуститъ уже не въ свою жизнь (и не въ искусство—замѣтьте!), а въ „новую культуру“. Ужъ какъ онъ ее пускать будетъ, Богъ его вѣдаетъ.

кратизацію" (пойми, кто можетъ!) и уже извѣстныя намъ претензіи „влить идеальныя формы" и проч., несмотря на эти претензіи, я не встрѣчала въ русской литературѣ, на принадлежащей къ реакціонному лагерю, страницы, сильнѣе противорѣчащей самой сущности практическаго идеализма.

Г. Бердяевъ думаетъ, что лишь по историческому недоразумѣнію „теоретическій идеализмъ связанъ съ реакціонными соціальными вожделѣніями" и упорно боролся съ „практическимъ идеализмомъ и прогрессивными стремленіями" конца XVIII-го и всего XIX вѣка, какъ въ Европѣ, такъ и у насъ въ Россіи. Но приведенная нами страничка изъ собственной статьи г. Бердяева, излагающая требованія „идеализма въ „этикѣ", наглядно доказываетъ, что тутъ не было никакого недоразумѣнія. Я—не только допускаю—я вижу, знаю, что г. Бердяевъ неповиненъ въ сознательномъ пристрастіи къ „реакціоннымъ соціальнымъ вожделѣніямъ". Запутавшись въ своемъ стремленіи примирить Ницше съ Кантомъ и божественнымъ Платономъ[1]), онъ въ этомъ отношеніи по истинѣ не вѣдаетъ, что творитъ. Но тѣмъ менѣе, по существу дѣла, г. Бердяевъ борется противъ „пракическаго идеализма и прогрессивныхъ стремленій".

И въ XVIII и въ XIX вѣкѣ этотъ идеализмъ былъ (и будетъ въ XX вѣкѣ) подготовленіемъ борьбы, или самой борьбой угнетенныхъ слоевъ населенія противъ господствующихъ, былъ, слѣдовательно, борьбой за общее благо всѣхъ X и У. Возвышая заботы о собственномъ совершенствованіи и украшеніи своей жизни, насчетъ отдачи своихъ силъ и помысловъ борьбѣ за общее благо, противопоставляя фаустовскія стремленія общественной пользѣ, какую-то „свою правду"—не чужой лжи,—а благу всѣхъ X. и У., вы боретесь противъ практическаго идеализма, который, въ извѣстномъ смыслѣ, и былъ и есть и будетъ борьбой за возможность для всѣхъ X. и У. пользоваться вашими прославленными прелестями, который долженъ „посягать на фаустовскія стремленія", увлекая Фаустовъ изъ ихъ кабинетовъ не на погибель бѣдныхъ Грехтенъ, а на общественную борьбу въ рядахъ X и У.

Мы охотно вѣримъ г. Бердяеву, когда онъ говоритъ, что

[1]) Двумя философами, которыхъ бѣдный Ницше ненавидѣлъ до глубины души—особенно послѣдняго.

„величественный подъемъ духа и идеалистическій энтузіазмъ возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если я чувствую всѣмъ своимъ существомъ, что, служа человѣческому прогрессу въ его современной исторической формѣ, я служу вѣчной правдѣ, что мои усилія и труды безсмертны по своимъ разультатамъ и учитаются въ міропорядкѣ“.

Еще бы! На меньшее идеалисту г. Бердяева нельзя согласиться, да, я думаю, и этого мало.

Неразлучный съ практическимъ идеализмомъ, невымученный, самъ собою являющійся подъемъ духа возможенъ лишь тогда, когда человѣкъ сливаетъ свою личность съ тѣмъ общимъ благомъ, общимъ революціоннымъ дѣломъ, которое въ данную минуту стоитъ на очереди. Когда онъ не противопоставляетъ „своей правды“ пользѣ X и У; когда онъ не только не торгуется съ задачей „воплощенія справедливости“ относительно количества своихъ „жертвъ“, но даже не помышляетъ ни о какихъ жертвахъ, работая для *своей* цѣли, каковою не можетъ не стать для него „воплощеніе справедливости“, если онъ дѣйствительно за него борется. Не знаю, пошлетъ ли г. Бердяеву его Богъ душевный подъемъ и энтузіазмъ. Въ статьѣ во всякомъ случаѣ, несмотря на обѣщаніе „поднять землю до небесъ и свести небеса на землю“, чувствуется его полнѣйшее отсутствіе.

Въ слѣдующей главѣ мы будемъ говорить о тѣхъ же вопросахъ уже по своему, безъ г. Бердяева.

II.

Во время полемики съ „учениками“, народники не разъ проводили параллель между условіями труда пролетарія и самовластнаго производителя—крестьянина. Хозяйство крестьянина требуетъ безпрерывныхъ и сложныхъ заботъ. Сколько разнообразнаго труда надъ землей, надъ хлѣбомъ, надъ скотомъ: все-то онъ долженъ обдумать, ничего не забыть. Собранъ урожай, онъ же долженъ позаботиться продать его самымъ выгоднымъ образомъ. Сколько ему со всѣмъ этимъ горя, сколько радости. „И тѣло и умъ и чувство крестьянина, говоритъ г. В. В., упражняются самымъ разнообразнымъ образомъ, условія его труда дѣлаютъ изъ него нормальнаго человѣка“.

У фабричнаго все какъ разъ наоборотъ: „Будучи связанъ съ существующимъ экономическимъ строемъ заработной платой, т. е. связью непостоянной и не обезпечивающей его благополучія; занимая въ организаціи общества не самостоятельное, а случайное положеніе; подчиняясь въ качествѣ наемника произволу хозяевъ и слѣпому механизму машины; служа, на ряду съ машиной и рабочимъ скотомъ, дѣлу производства цѣнностей, принадлежащихъ другому,— пролетарій служитъ придаткомъ мертваго механизма, не участвуя ни мыслью, ни чувствомъ въ процессѣ, съ которымъ онъ связанъ лишь своимъ тѣломъ" [1]).

Изъ того обстоятельства, что при работѣ пролетарія упражняется только его тѣло, да и то очень однообразно и односторонне, народники заключили, что наемный рабочій долженъ и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи превращаться во что-то, въ родѣ „придатка къ машинѣ".

Невѣрны во всемъ этомъ выводы, а самое сопоставленіе совершенно вѣрно. Всѣ мысли, всѣ чувства не земледѣльца только, а всякаго хорошаго хозяина, „занимающаго въ экономической организаціи общества самостоятельное положеніе", должны быть поглощены его хозяйствомъ. При интенсивной борьбѣ за эту самостоятельность, происходитъ своего рода подборъ хозяевъ и, при прочихъ равныхъ условіяхъ, сохранитъ свое положеніе тотъ изъ двухъ, который ни въ праздникъ, ни въ будни, ни днемъ ни ночью не имѣетъ другихъ помысловъ, другихъ чувствъ, кромѣ хозяйственныхъ.

Не всегда такъ было, конечно. Въ докапиталистическія времена могъ сохранять свое хозяйственное положеніе и беззаботный человѣкъ, который въ свободное отъ работы время охотнѣе пѣсни пѣлъ, съ сосѣдями разговаривалъ или Богу молился, чѣмъ думалъ о хозяйствѣ. Да и самыя думы были тогда поверхностнѣе, такъ сказать. Все главное, основное было предками удумано, самимъ Богомъ установлено. Приноравливаться къ обстоятельствамъ приходилось лишь въ частностяхъ. „Рубль и свистъ машины" убилъ прежняго беззаботнаго хозяина, вызвалъ бѣшеную борьбу за мѣсто на землѣ, котораго прежде, такъ или иначе, всѣмъ хватало, создалъ громадныя производительныя силы, громадную

[1]) „Наши направленія", стр. 138—139.

власть человѣка надъ природою, и тѣмъ самымъ уничтожилъ наверху много красиваго (издали въ особенности), а во всей массѣ человѣчества, захваченнаго европейской цивилизацiей, много дѣтскаго, инстинктивнаго, совершеннаго, „какъ творенiе Божье“, какъ „галка“, о которой говоритъ Г. Успенскiй во „Власти земли“. Въ прежнiя времена это „совершенство“ утрачивали лишь освобожденные отъ матерiальныхъ заботъ верхи цивилизованныхъ нацiй. Въ XIX вѣкѣ цивилизованное человѣчество въ первый разъ въ теченiе переживаемаго имъ „пролога“ къ исторiи сдѣлало, всей своей захваченной до самыхъ низовъ массой, громадный скачекъ прочь отъ звѣря и его совершенства.

Марксъ говоритъ, что самый плохой архитекторъ тѣмъ отличается отъ самой умной пчелы, что его постройка заранѣе существуетъ въ его умѣ въ видѣ плана. Не знаю насчетъ пчелы: слишкомъ ужъ чуждо намъ это мудреное маленькое творенiе съ его сложнымъ хозяйствомъ. Но какъ-то невѣроятно, чтобы смышленый бобръ или хоть та же галка не имѣли никакого представленiя о томъ, что выйдетъ изъ ихъ работы. А съ другой стороны: планъ нацiональнаго жилища временъ натуральнаго хозяйства—нашей избы, напримѣръ—это планъ не отдѣльнаго архитектора, а цѣлаго племени, планъ, постепенно сложившiйся въ незапамятныя времена. И изъ вѣка въ вѣкъ, на сотни верстъ, разницы между избами было немного больше, чѣмъ между гнѣздами. Такой же общей для данной мѣстности и незапамятной по происхожденiю была одежда, утварь—всѣ принадлежности матерiальной культуры. И также прочны и общи были знанiя, сливавшiяся съ вѣрованiями, правила поведенiя, понятiя о добрѣ и злѣ, пѣсни и поговорки. Разносторонни были заботы людей, но вѣдь не односторонни онѣ и у птицы: она тоже и матерiалы для постройки добываетъ и мѣсто для нея выбираетъ, и пищу разыскиваетъ себѣ и дѣтямъ, и пѣсни поетъ. Только объ одеждѣ ей и не приходится заботиться. Какъ нарочно именно съ одежды началось въ Европѣ разрушенiе старыхъ, выросшихъ вмѣстѣ съ человѣческимъ родомъ, способовъ удовлетворенiя его потребностей. Разрушивъ старыя способы хозяйствованiя, вызвавъ отчаянную борьбу за существованiе и расширенiе своей хозяйственной самостоятельности и подборъ хозяевъ, капитализмъ тѣмъ са-

мымъ разрушилъ старыя правила поведенія, старыя знанія о томъ, что есть и будетъ, а мимоходомъ и стараго живого бога, вмѣшивавшагося во всѣ области жизни, все предписывавшаго и устроившаго именно такимъ, какимъ оно было и перестало быть.

„Маленькой стала", по выраженію Ницше, когда-то необъятная, невѣдомая и таинственная земля и съ каждымъ годомъ становится все меньше, все яснѣе видна она вся отъ края до края, быстрѣе и быстрѣе мѣняется на ней все, до чего прикасаются люди, все виднѣе механизмъ этихъ измѣненій, все яснѣе, какъ дѣлаются самими людьми, а никѣмъ инымъ—и прескверно дѣлаются—ихъ общественныя отношенія и вытекающая изъ нихъ исторія.

Не „культъ довольства", собственно, какъ думаетъ г. Струве, заполнилъ собою всѣ области сознанія современныхъ хозяевъ міра, а культъ наживы, постояннаго и непрерывнаго расширенія и укрѣпленія ихъ хозяйственной самостоятельности. Въ низшихъ слояхъ городской и деревенской буржуазіи накопленіе ради расширенія производства или торговли происходитъ въ ущербъ довольству. Далеко не одна жажда наслажденія всякими благами, а съ одной стороны, сознаніе возможности чуть не безграничнаго прогресса личнаго обогащенія, а съ другой—еще живѣйшее сознаніе непрочности положенія на достигнутой ступени, страхъ за будущее заставляютъ всѣхъ, и большихъ и малыхъ хозяевъ „превращеннаго въ лавку міра" карабкаться, не останавливаясь, все выше и выше. Запнись только, зазѣвайся по сторонамъ, и тебя обгонятъ и столкнутъ на самое дно, гдѣ, если встанешь на ноги, то уже пролетаріемъ.

Въ особомъ положеніи очутился этотъ выброшенный изъ свалки классъ: пролетаріатъ, новый классъ, котораго въ старомъ, прочномъ мірѣ не существовало. Пролетарій, дѣйствительно, „связанъ съ работой только тѣломъ". Думать пристально объ этой чужой работѣ ему приходится, главнымъ образомъ, только тогда, когда ея нѣтъ, когда ее найти надо. Не работа его интересуетъ, а только условія найма, но и объ нихъ раздумывать въ одиночку для него мало проку: все, что онъ можетъ тутъ подѣлать, это перейти къ другому хозяину.

Да, если бы умъ и чувство человѣка могли наполняться

только его индивидуальной работой и заботой, а при равнодушіи къ ней должны были оставаться пустыми, пролетарій оказался бы тупѣе не то что крестьянина, а всякой порядочной кошки, которая относится къ своему охотничьему ремеслу съ самымъ живымъ интересомъ и упражняетъ на немъ всѣ свои кошачьи способности: умъ и чувство такъ же, какъ и лапы. А пролетарій связанъ съ своей работой только тѣломъ, его умъ и чувство остаются свободными... для болѣе широкихъ, болѣе общихъ интересовъ, чѣмъ всѣ сложныя подробности самостоятельнаго хозяйствованія.

Свободными остаются они и въ другомъ отношеніи. Мы уже говорили, что для самостоятельнаго хозяина, если онъ не находится въ неоплатныхъ долгахъ, и не идетъ съ безнадежной ясностью къ пролетаризаціи, всегда открыты перспективы личнаго обогащенія, движенія со ступеньки на ступеньку, причемъ подъемъ на каждую облегчаетъ достиженіе слѣдующей.

Эти безграничныя перспективы личнаго обогащенія дѣлаютъ для буржуазіи психологически недоступными широкія общественныя задачи, замѣняютъ для нея и всякія идеальныя цѣли и былое „царство небесное". На низшихъ ступеняхъ хозяйствованія буржуа съ такимъ же жаромъ, съ такимъ же благочестіемъ постится, и заставляетъ поститься семью, ради избѣжанія пролетарскаго ада и проложенія себѣ пути къ капиталистическому раю, съ какимъ самые благочестивые изъ его предковъ постились ради божьяго рая, и избѣжанія его ада.

Для пролетарія, какъ таковаго, нѣтъ личнаго будущаго. Всматриваясь въ свое будущее, онъ ничего тамъ не увидитъ, кромѣ уменьшенія своей рабочей силы и пониженія заработка. Мечтать о личномъ обогащеніи для него такъ же удобно, какъ о выигрышѣ въ лотерею для человѣка, не имѣющаго билета. Бываютъ, быть можетъ, и такіе, но, вообще говоря, это невозможно.

Пролетарій такъ же боится, разумѣется, какъ и буржуа, какъ и всякое живое существо, холода, голода и всяческой нужды, ожидающей его съ пониженіемъ рабочей силы. Но если этотъ страхъ побуждаетъ буржуа упорно заботиться о своемъ будущемъ, то простое чувство нравственнаго само-

сохраненія побуждаетъ пролетарія, какъ можно рѣже вспоминать о своемъ. Отсюда оплакиваемыя буржуазными „друзьями" пролетарія его непредусмотрительность, отсутствіе въ немъ благоразумной страсти къ накопленію, его щедрость, засвидѣтельствованная всей его исторіей. Прикопленныя суммы денегъ представляютъ совершенно различныя вещи для самостоятельнаго хозяина и для пролетарія: для перваго—это вложенный въ хозяйство посѣвъ, обѣщающій цѣлый рядъ умножающихся жатвъ; для второго—это кусокъ печенаго хлѣба, отъ котораго, разъ онъ съѣденъ, ничего не остается. Усиленно недоѣдать въ настоящемъ для того только, чтобы немножко (много-то не накопишь) отсрочить голодъ въ старости—для этого нужно обладать исключительно мрачнымъ характеромъ: уподобиться тѣмъ людямъ, которые цѣлую жизнь о своей будущей смерти думаютъ.

Пролетаріатъ появился, при этомъ, на свѣтъ именно вслѣдствіе крушенія старыхъ экономическихъ условій, а съ тѣмъ вмѣстѣ и твердыхъ старыхъ знаній и вѣрованій. Вмѣстѣ съ хозяйственной самостоятельностью онъ постепенно утратилъ также и надежду на загробное вознагражденіе за всѣ земныя непріятности. Онъ вступаетъ въ жизнь безъ готовыхъ отвѣтовъ на задаваемые ею вопросы, безъ готовыхъ, принявшихъ опредѣленную форму, надеждъ на лучшее будущее на землѣ или на небѣ и, безъ сомнѣнія, съ громадной, свойственной всѣмъ людямъ, потребностью въ надеждѣ.

Вмѣстѣ съ старымъ бытомъ и старыми знаніями разрушились и старыя подробныя правила отношенія людей другъ къ другу: нравственность нравовъ и обычаевъ. Въ мірѣ собственниковъ съ его погоней за личной наживой, не стѣсняясь—въ предѣлахъ уголовнаго кодекса—ничьимъ благомъ и ничьей гибелью, не выработалось и не можетъ выработаться никакой живой добавочной нравственности къ весьма льготнымъ для него предписаніямъ этого кодекса.

У пролетаріата съ первыхъ же шаговъ его существованія въ капиталистическомъ обществѣ, самыми условіями этого существованія, начинаетъ вырабатываться солидарность,—это необходимое условіе той общественной нравственности, которая одна только и можетъ давать людямъ

силу ставить предъ собою общественныя задачи и стремиться къ ихъ осуществленію [1]).

Все это задатки, дѣлающіе пролетаріатъ способнымъ стать гробовщикомъ капитализма и создателемъ новаго соціалистическаго строя. Но только задатки, конечно. Даже идея классовой солидарности всего пролетаріата, являющаяся какъ бы естественнымъ расширеніемъ самобытной профессіональной солидарности, не такъ уже проста, чтобы самостоятельно зарождаться въ головѣ каждаго рабочаго; но какъ легко, какъ естественно она распространяется, можно воочію наблюдать на ростѣ только что зародившагося русскаго рабочаго движенія. Соціализмъ, какъ опредѣленная теорія, положенная въ основу программы рабочей партіи, ужъ и вовсе не выростаетъ въ головахъ рабочихъ „самъ собою изъ экономіи", какъ готовы были думать нѣкоторые изъ нашихъ экономистовъ, черезчуръ упрощая идею зависимости идеологіи отъ экономіи. Соціалистическая теорія была подготовлена всѣмъ развитіемъ и жизни, и знанія XVIII-го и XIX-го вѣка, и создана вооруженнымъ этимъ знаніемъ геніальнымъ умомъ. Также и начало распространенія идей соціализма среди рабочихъ положили, почти на всемъ континентѣ Европы, соціалисты, получившіе образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ для высшихъ классовъ. И тѣмъ не менѣе соціализмъ есть ученіе пролетаріата, соціалистическій строй можетъ быть цѣлью лишь партіи пролетаріата и можетъ быть осуществленъ лишь пролетаріатомъ. И это не потому только, что соціалистическій строй является для класса пролетаріевъ единственнымъ выходомъ изъ его неустойчиваго положенія, фатально обрекающаго значительную часть каждаго поколѣнія этого класса на прямую гибель отъ безработицы и нищеты, а также и потому, что одинъ только пролетаріатъ заранѣе психически подготовленъ самой жизнью къ условіямъ соціалистическаго строя. Рядомъ съ привычкой пролетарія къ мысли о невозможности повышенія его личнаго благосостоянія иначе, какъ

[1]) Иной общественной нравственности никогда и не существовало. Мѣнялись, расширялись, сжимались тѣ коллективности, въ которыя были соединены люди; мѣнялось содержаніе добра и зла, предписываемаго и запрещаемаго нравственностью, но основой ея всегда оставалось благо данной коллективности, солидарность ея членовъ.

посредствомъ повышенія благосостоянія всей коллективности, къ которой онъ принадлежитъ, главнѣйшимъ условіемъ, дѣлающимъ пролетарія соціалистомъ, является отмѣченная г. В. В. особенность его положенія: онъ связанъ со своей работой только тѣломъ, она для него не сама жизнь, а только средство къ жизни, вычетъ изъ жизни. Жизнь мысли и чувства, свободную дѣятельность ради высшихъ цѣлей онъ создаетъ себѣ, гдѣ можетъ, лишь за предѣлами работы.

Трудъ для удовлетворенія основныхъ матеріальныхъ потребностей общества долженъ остаться „царствомъ необходимости“ также и при соціалистическомъ строѣ.

Утописты, стремившіеся прельстить высшіе классы на осуществленіе ихъ проектовъ, рядомъ съ картинами роскоши, всегда обѣщали превращеніе труда въ наслажденіе. Какъ о свободномъ наслажденіи говорятъ о немъ анархисты, говоритъ В. Моррисъ въ своей утопіи. Основатели научнаго соціализма рѣзко отличаются отъ нихъ въ этомъ отношеніи. Марксъ неоднократно настаивалъ на томъ, что свободная дѣятельность, ради самой дѣятельности, свободное всестороннее развитіе индивидуума можетъ происходить лишь за предѣлами труда для удовлетворенія матеріальныхъ потребностей. Люди должны стремиться къ тому, чтобы этотъ трудъ отнималъ у нихъ какъ можно меньше часовъ въ днѣ, дней въ году, лѣтъ въ жизни, но производство предметовъ, удовлетворяющихъ матеріальныя потребности общества, всегда останется областью необходимости, а трудъ въ этой области обязанностью.

Если не непремѣнно наслажденіемъ, то жизнью, самой сутью жизни представляется трудъ нашимъ народникамъ. Лишь на разностороннемъ и самостоятельномъ трудѣ крестьянина, упражняющемъ всѣ его силы и способности, можетъ вырабатываться разносторонній и самостоятельный типъ человѣка. Отсюда ненависть къ раздѣленію труда—это расчлененіе самой души человѣка, его жизни; предоставленіе ему, вмѣсто цѣльной жизни, только ея кусочка. И для всякаго демократа, если онъ смотритъ на міръ съ точки зрѣнія не пролетарія, а мелкаго самостоятельнаго производителя, не только капитализмъ, но и тотъ новый строй, для котораго капитализмъ подготовляетъ почву, долженъ пред-

ставляться приниженіемъ и стѣсненіемъ индивидуума. „Какая казарма и какая скука!“ говоритъ Г. Успенскій о томъ соціализмѣ, до котораго додумались западные люди, изгнанные изъ рая натуральнаго хозяйства.

Несомнѣнно однако, что пока длилось это всестороннее и всепоглощающее упражненіе всѣхъ силъ человѣка на необходимомъ трудѣ, дремала, не выходя за предѣлы, требуемые трудомъ, главнѣйшая изъ силъ человѣка—мысль. Ея прогрессивное развитіе начиналось тамъ, гдѣ, такъ или иначе, часть населенія освобождалась отъ поглощенія всѣхъ силъ и помысловъ физическимъ трудомъ и хозяйственными заботами. Цѣлесообразный умственный трудъ, широкіе общественные интересы, художественное творчество — вся эта область свободной дѣятельности, развиваясь, всегда отдѣлялась отъ области необходимаго труда для удовлетворенія матеріальныхъ потребностей. Соединиться въ жизни каждаго индивидуума при соціалистическомъ строѣ эти двѣ области могутъ не иначе, какъ оставаясь: одна свободной, другая необходимой, а слѣдовательно, и обязательной. Физическій трудъ при общественномъ производствѣ долженъ быть сокращенъ до минимума, очищенъ отъ всего мучительнаго и вреднаго, что связано съ нимъ при настоящихъ условіяхъ, но превратиться въ свободное наслажденіе, которое люди— хотятъ, доставляютъ себѣ, а не хотятъ, не доставляютъ,— трудъ не можетъ и не долженъ. Области необходимаго обязательнаго труда и свободнаго развитія, свободной самостоятельной дѣятельности должны остаться раздѣленными, но не между индивидуумами, не между отдѣльными частями населенія, а между частями жизни каждаго индивидуума.

По самымъ условіямъ планомѣрной организаціи общественнаго хозяйства необходимо, чтобы всѣ граждане какъ можно шире и полнѣе участвовали въ общественномъ законодательствѣ и въ то же время какъ можно меньше дорожили своими личными вкусами и склонностями при выполненіи того кусочка матеріальнаго труда, который достается на долю каждаго. Чѣмъ полнѣе индивидуумъ будетъ предоставлять себя, въ этой области, въ распоряженіе коллективности—тѣмъ лучше.

Именно къ такому отношенію къ работѣ ради удовлетво-

ренія своихъ физическихъ потребностей жизнь подготовила пролетарія: онъ отдается этой работѣ только тѣломъ въ противоположность самостоятельному хозяину, вынужденному отдавать ей мысль и чувство. А съ другой стороны, классовая борьба, участіе въ жизни своей партіи, свобода отъ помысловъ о личной матеріальной карьерѣ (при настоящихъ условіяхъ мучительная свобода, вытекающая изъ безнадежности)—все это пріучаетъ рабочаго горячо относиться къ общимъ интересамъ, дѣлать ихъ своими личными.

* * *

Одно изъ главнѣйшихъ различій между нашимъ пониманіемъ соціализма и „критическимъ“ заключается, на мой взглядъ, въ томъ, что „критики“ сводятъ (и намъ подсовываютъ это сведеніе) всѣ результаты соціализма къ одному лишь достиженію матеріальнаго благосостоянія [1]).

Съ нашей точки зрѣнія, общественно-психологическое, этическое значеніе замѣны современнаго строя соціалистическимъ заключается въ освобожденіи людей отъ личныхъ, индивидуальныхъ заботъ о своемъ личномъ (или семейномъ) благосостояніи, въ прекращеніи унизительной борьбы между людьми за хлѣбъ, за довольство, въ освобожденіи души отъ страха завтрашняго голода, въ уничтоженіи, слѣдовательно, не только необходимости, но и самой возможности

---

[1]) Уже этимъ однимъ, въ три пріема (а то и меньше), достигается полное упраздненіе соціализма:

1. Различныя реформы, потребительныя товарищества, контроль профессіональныхъ союзовъ надъ порядками на фабрикахъ и проч.,—все это улучшаетъ положеніе рабочихъ (что, во всякомъ случаѣ, только части рабочихъ,—объ этомъ умалчивается), поэтому одинъ лишь злостный догматизмъ и духовная смерть мѣшаютъ ортодоксамъ признать, что соціализмъ (=благосостояніе) уже осуществляется при капиталистическомъ строѣ.

2. Но соціалистическій строй (т. е. матеріальное довольство) не можетъ же самъ себѣ служить цѣлью. Извѣстная степень довольства есть лишь условіе совершенствованія личности.

3. Теперь это условіе до извѣстной степени уже достигнуто, примемся же поэтому совершенствовать личность.

Такимъ образомъ, отъ соціализма не остается ровнехонько ничего. Онъ едва замѣтными переходами сливается съ благожелательными реформаторскими стремленіями и „разумной филантропіей“ просвѣщенной буржуазіи, лучшіе образчики которой имѣются въ Англіи.

превращать обезпеченіе своего личнаго довольства въ объектъ культа, въ верховную цѣль и высшую цѣнность жизни.

Конечной цѣли человѣчества мы, разумѣется, и предвидѣть не можемъ. Освободившись отъ рабства предъ своими экономическими отношеніями (смѣнившаго рабство передъ силами природы и предъ своей собственной инертностью), человѣчество впервые получитъ самую возможность ставить себѣ цѣли и дѣйствительно достигать желаемыхъ результатовъ,—возможность дѣлать свою исторію, а не только претерпѣвать ее. Но конечной цѣлью классовой борьбы пролетаріата, конечной цѣлью революціонной соціалдемократіи является организація соціалистическаго строя и ничто другое. О дальнѣйшихъ шагахъ человѣческаго рода мы можемъ мечтать, но не можемъ сдѣлать ихъ своею цѣлью, такъ какъ даже при увѣренности, что лучше нашихъ мечтаній люди ничего другого не сумѣютъ придумать, (а это болѣе чѣмъ сомнительно), мы все же ничего другого не можемъ сдѣлать для ихъ осуществленія, какъ подготовлять и собирать силы для водворенія соціалистическаго строя, слѣдовательно, нашей конечной цѣлью остается именно этотъ строй.

Не мгновенно, конечно, не на другой день послѣ побѣды пролетаріата надъ современными господами положенія „зло перейдетъ въ свою противоположность—въ добро", какъ угодно иронизировать гг. критикамъ. Намъ думается, наоборотъ, что, когда пролетаріатъ, какъ партія, достигнетъ власти и начнетъ принимать мѣры для превращенія современнаго общественнаго производства съ цѣлью личной наживы, въ общественное производство для удовлетворенія потребностей всѣхъ членовъ общества, тогда-то, въ особенности, отъ пролетаріата, какъ класса, психологія котораго заранѣе приспособилась къ возникающимъ условіямъ, потребуется больше великодушной выдержки и горячей преданности общественному дѣлу, чѣмъ когда-либо. Тогда-то, именно, всѣмъ „соціалистамъ вчерашняго дня", всѣмъ тѣмъ, для кого соціалистическій строй былъ заранѣе желанной, сросшейся съ ихъ духовной жизнью, цѣлью, нужно будетъ всего больше „практическаго идеализма", а, быть можетъ, и прямого самоотверженія.

Какъ бы гладко и безпрепятственно ни шла чисто мате-

ріальная сторона общественнаго переустройства, не сразу оправится человѣчество отъ послѣдствій перенесенной имъ болѣзни роста, называемой капитализмомъ. Много нужно будетъ самаго великодушнаго терпѣнія уже на то одно, чтобы поднять и вылѣчить измученную часть пролетаріата, которая теперь, насильственно отлученная и отъ правильнаго труда, и отъ правильнаго удовлетворенія хотя бы и самыхъ минимальныхъ потребностей, живетъ на самомъ днѣ того общества, гдѣ страданія отъ нищеты „продолжаютъ развиваться быстрѣе, чѣмъ населеніе и богатство", какъ бы старательно ни заслонялись отъ этого факта цифрами „возрастанія среднихъ доходовъ" всѣ противники революціонной соціалъ-демократіи.

Ея конечная цѣль окажется, по всему вѣроятію, вполнѣ достигнутой лишь тогда, когда подростетъ поколѣніе, начавшее свою сознательную жизнь при новыхъ условіяхъ, для котораго зависимость уровня матеріальнаго благосостоянія отдѣльнаго лица отъ благосостоянія всей страны и необходимость тратить на общественную работу опредѣленную часть своего времени сдѣлается такой же естественной и не подлежащей спору вещью, какъ смѣна временъ года или необходимость тратить на сонъ извѣстное число часовъ въ сутки.

Итакъ, не одно только матеріальное „довольство" является конечной цѣлью революціонной соціалъ-демократіи, а избавленіе людей отъ подавленія ихъ высшихъ, позднѣе развившихся, болѣе сложныхъ свойствъ матеріальной основой жизни: у однихъ — посредствомъ буквальнаго голода, всякихъ лишеній и чрезмѣрной работы, у другихъ—посредствомъ поглощающихъ всѣ помыслы и чувства хозяйственныхъ заботъ, у третьихъ—увлекательной погоней за безконечнымъ обогащеніемъ.

Мы не называемъ человѣка ни святымъ, ни божественнымъ, но мы о немъ неизмѣримо лучшаго мнѣнія, чѣмъ наши метафизическіе идеалисты. Ихъ опасеніе, что люди превратятся въ свиней, если начнутъ ѣсть досыта, не подвергшись предварительно метафизическому усовершенствованію, кажется намъ безконечно „аристократическимъ" (vornehm), навѣяннымъ Ницше, презрѣніемъ къ человѣче-

скому роду, несмотря на высокопарнѣйшіе комплименты, преподносимые отвлеченному „человѣку".

Съ тѣхъ поръ, какъ разрушились старыя условія существованія, своей ограниченностью и неподвижностью внушавшія людямъ иллюзію всезнанія, завершавшуюся въ религіи,—среди массъ, среди „рабовъ", а не только „господъ" (употребляя дѣленіе Ницше) все шире и шире распространяется сознаніе своего незнанія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и жажда знанія. Свидѣтельствъ этому нѣтъ конца.

Процентъ активно „ищущихъ истины" среди пролетаріата, несмотря на все неравенство условій, больше, чѣмъ среди „высшихъ" классовъ. Но если послѣдніе выказываютъ въ этомъ отношеніи нѣкоторое „свинство", то причина его заключается, намъ кажется, не въ самой „сытости", а въ напряженности борьбы за собственность, заставляющей все и вся—производство добра, истины и красоты въ томъ числѣ—превращать въ спеціальное средство къ наживѣ и предоставлять спеціалистамъ. Чтобы,—освободившись отъ личной борьбы за наживу, отъ страха завтрашняго голода и отъ страданій сегодняшняго, — люди вдругъ утратили жажду знанія, свою главнѣйшую особенность въ ряду живыхъ существъ, это такъ же вѣроятно, какъ то, что выпущенная изъ клѣтки птица вдругъ, ни съ того, ни съ сего, превратится въ лягушку.

А красота? Объ ней-то ужъ и говорить нечего. Кто ее не любитъ, отъ дѣтей до стариковъ и отъ дикарей до нашихъ „критиковъ"? Правда, слишкомъ многимъ теперь не до красоты, такъ же точно, какъ не до истины, не до общественныхъ интересовъ, не до дружбы, не до любви въ чисто человѣческомъ смыслѣ этого слова. Рыночная борьба, поглощая всѣ душевныя силы, оттѣсняетъ и извращаетъ всѣ высшія человѣческія потребности. Она извращаетъ также и способы ихъ удовлетворенія, переполняя рынокъ суррогатами истины и красоты и всего того, что по самому существу своему не выноситъ рыночной борьбы и оцѣнки и можетъ свободно развиваться лишь *надъ* экономической основой жизни, удовлетворяющей всѣ низшія, основныя человѣческія потребности.

* * *

Во всякомъ случаѣ „соціально-политическій романтизмъ, который сопровождается мученичествомъ и создаетъ прекрасные героическіе образы“, уже исчезъ безвозвратно, утверждаютъ наши критики, но и тутъ, думается намъ, они слишкомъ спѣшатъ своимъ утвержденіемъ. Рѣчь идетъ, очевидно, о героизмѣ открытой борьбы съ оружіемъ въ рукахъ? А... было бы у людей за что бороться, было бы нѣчто общее и дорогое—героизмъ найдется, когда понадобится.

Въ западной Европѣ соціалистическій пролетаріатъ уже добился возможности работать надъ расширеніемъ и укрѣпленіемъ своихъ партій. Въ этой необходимой работѣ вооруженныя возстанія помочь не могли и за послѣднія десятилѣтія до крупныхъ кровопролитій дѣло, дѣйствительно, нигдѣ, кромѣ Италіи, не доходило. Но если мысли и чувства людей заняты этой организаціонной работой, если изъ года въ годъ они съ неослабѣвающей энергіей тратятъ на нее силы, время, свои скудныя средства, можно съ увѣренностью сказать, что они будутъ защищать свое дѣло и съ оружіемъ въ рукахъ, когда понадобится. Когда есть у людей не на словахъ только, а въ мысляхъ, въ чувствахъ, объединяющее ихъ общее отечество, у нихъ есть и патріотизмъ, заставляющій бороться за него. Военный героизмъ открытой борьбы—чувство, быстро разгорающееся и быстро угасающее. Это говоритъ намъ исторія до южно-африканской войны включительно. Предъ началомъ этой войны такого героизма самозащиты, какой представляется ими, буры, быть можетъ, и сами отъ себя не ожидали.

Но мы забыли, что сущность нашей „трезво-реалистической“ и оппортюнистически-филистерской „критики“ заключается именно въ отрицаніи соціализма, какъ достижимой цѣли объединеннаго пролетаріата, а такое отрицаніе логически вело (и быстро привело) къ отрицанію, или, по меньшей мѣрѣ, къ полнѣйшему игнорированію объединяющей силы идеи революціоннаго соціализма,—этого нравственнаго отечества пролетаріата и всѣхъ тѣхъ выходцевъ изъ сферы, охваченной атмосферой индивидуальной погони за наживой, которые не могутъ ни умомъ, ни чувствомъ допустить, чтобы будущее принадлежало прогрессирующей лавкѣ.

Да, глядя на міръ съ точки зрѣнія такого рода „реализма“, остается только—не то на Ницше, да на декадентскую

беллетристику надѣяться, не то Богу молиться, чтобы „сотворить“ въ своихъ представленіяхъ о будущемъ хоть какой-нибудь просвѣтъ въ сторону „совершенствованія“. А самое лучшее, по рецепту г. Бердяева, „взглянуть на міръ“ sub specie aeternitatis, тамъ ужъ ровно ничего не видно и ничто не мѣшаетъ созерцать абсолютную истину и красоту.

* * *

Съ нравственной, съ психологической стороны „бернштейніанство“, въ широкомъ смыслѣ, пріобрѣтенномъ этимъ словомъ, представляется мнѣ приспособленіемъ буржуазной нравственности къ существованію верхняго слоя пролетаріата,—борьбой за душу этого слоя. Вопросъ въ томъ, присоединится ли онъ психически къ міру собственниковъ, или останется вѣренъ классовому сознанію пролетаріата.

Въ нѣмецкой буржуазной литературѣ давно высказывалась та надежда, что если верхніе слои пролетаріата пріобрѣтутъ хоть что-нибудь прочное, хоть крошечное мѣстечко въ буржуазной лавочкѣ,—лавочка съѣстъ ихъ пролетарскую душу, вытравитъ изъ нея всѣ революціонно-соціалистическія фантазіи. Но буржуазнымъ писателямъ приходилось разговаривать „промежъ себя“: когда пролетаріатъ узнавалъ объ этихъ прорицаніяхъ, онъ съ презрѣніемъ ихъ отбрасывалъ. Бернштейнъ и К° заставили соціалдемократію выслушать и обсуждать то же самое подъ другимъ соусомъ.

Въ Германіи давно уже существующіе профессіональные союзы за послѣдніе годы распространяются сильнѣе прежняго; основалось и процвѣтаетъ много потребительныхъ товариществъ. Сильнѣйшее участіе принимали во всемъ этомъ рабочіе-соціалисты, но они не превращали, употребляя выраженіе Струве, эти средства нѣсколько улучшить свое положеніе „въ высшую цѣнность и верховную цѣль“ своей дѣятельности. Такой высшей цѣнностью оставалась для нихъ партія съ ея „верховной цѣлью“ соціалистическаго переворота. Отбросивъ „цѣль“, Бернштейнъ сохранилъ слово „соціализмъ“, но вложилъ въ него другое содержаніе: соціализмъ не есть достиженіе какой-то общей цѣли, онъ уже теперь осуществляется въ каждой реформѣ, въ каж-

домъ успѣхѣ профессіональныхъ союзовъ, въ каждой потребительной лавочкѣ.

„Дѣлайте то, что вы дѣлали, но дѣлайте это съ чистой совѣстью, съ убѣжденіемъ, что вы осуществляете соціализмъ", резюмировалъ ученіе Бернштейна его истолкователь на Ганноверскомъ конгрессѣ, Давидъ. Онъ видитъ въ этомъ перенесеніи „высшей принципіальной цѣнности" съ конечной цѣли класса на профессіональныя и потребительныя учрежденія нѣкоторыхъ его группъ главную заслугу Бернштейна.

Вполнѣ соотвѣтствуетъ стремленію перенести ореолъ, пріобрѣтенный *классовой* борьбой пролетаріата, на *групповую* борьбу также и мнѣніе г. Бернштейна относительно необходимости привить пролетаріямъ недостающее имъ чувство личной нравственной отвѣтственности за свои неудачи въ жизненной борьбѣ, а слѣдовательно,—хотя г. Бернштейнъ и не прибавляетъ этого,—и чувство презрѣнія со стороны удачниковъ къ неудачникамъ. Въ этомъ „принципѣ" заключается самая сущность нравственной атмосферы міра собственниковъ, гдѣ разорившійся человѣкъ теряетъ не только благосостояніе, но и уваженіе людей той ступени, на которой стоялъ, а если не запасся какимъ-нибудь высшимъ „нравственнымъ маякомъ", то и самоуваженіе.

Наши критики правы, говоря, что вытѣсненіе революціоннаго соціализма ихъ міровоззрѣніемъ, имѣло бы большое этическое значеніе. Не мудрено, что вся пишущая и говорящая буржуазія такъ обрадовалась этому теченію. Его главнѣйшая привлекательность для буржуазныхъ политиковъ заключается, конечно, въ открывающейся перспективѣ постепеннаго стиранія существенныхъ различій между соціалдемократіей и другими „прогрессивными" партіями, въ надеждахъ на постепенное превращеніе соціалдемократіи въ одну изъ обычныхъ парламентскихъ партій, избиратели которыхъ не связаны никакой общей программой, никакой общей цѣлью и вотируютъ подъ вліяніемъ текущихъ событій и настроеній, или разсчетовъ на немедленныя выгоды, которыя сумѣетъ наобѣщать ловкій кандидатъ. Такія партіи, какъ показалъ опытъ, гораздо удобнѣе въ качествѣ соперницъ при выборахъ. Всегда можно

надѣяться ловкимъ маневромъ переманить отъ нихъ значительное число избирателей.

Но даже и помимо этихъ практическихъ перспективъ, у всей той части буржуазіи, которая обращаетъ на эти вещи хоть какое-нибудь вниманіе [1]), не можетъ не возбуждать отраднаго чувства предвкушеніе той гармоніи, того единства этическихъ принциповъ, которое при побѣдѣ бернштейніанства водворилось бы во всѣхъ углахъ буржуазной лавки. Эта побѣда дѣйствительно „заштопала" бы всѣ дыры, черезъ которыя въ лавку, не знающую иной серьезной цѣли, кромѣ наживы, иного дѣйствительнаго мѣрила людей, кромѣ удачи въ борьбѣ за эту наживу, врывается пролетарское міросозерцаніе, благодаря которому неимущіе гордятся своимъ званіемъ пролетаріевъ и считаютъ себя членами единаго „рабочаго класса", соединяющагося въ великую партію, не для наживы (наоборотъ, еще тратятъ и время и скудные гроши на общее дѣло), а во имя общей, не пятачками достигаемой, отъ наживы независимой, сравнительно отдаленной цѣли, каковой нѣтъ и быть не можетъ у живущей лишь личными интересами буржуазіи. И вотъ ей обѣщаютъ, что конечная цѣль будетъ убрана съ дороги, а опротивѣвшій соціализмъ, сохранивши только имя, превратится въ копеечныя улучшенія по принципу буржуазнаго строя, въ которомъ „жить лишь тотъ имѣетъ право, кто имѣетъ что-нибудь", хотя бы только болѣе постоянный заработокъ. Тысячи прибавляются къ милліонамъ; къ имѣющемуся на лицо пятачку можетъ быть прибавлена копейка, а для остальной массы, не получившей ни „кусочка соціализма": рабочій домъ или тюрьма. При чемъ сторонники соціализма по кусочкамъ такъ же

---

[1]) Для буржуа, не обращающаго рѣшительно никакого вниманія ни на что, кромѣ собственнаго промышленнаго или торговаго предпріятія, профессіональныя или кооперативныя учрежденія рабочихъ могутъ, при случаѣ, показаться вреднѣе соціализма. Для торговцевъ той улицы, напр., на которой открылась потребительная лавка, она можетъ быть противнѣе всякаго Zusammenbruch'а: онъ когда-то еще будетъ, а мерзкая лавченка уже сейчасъ покупателей перебиваетъ. Хотя, съ другой стороны, потребительскія лавки открываются и безъ бернштейніады и ужъ будутъ ли онѣ считаться просто лавками, или кусочками соціализма—для лавочника, отъ котораго уходятъ покупатели, не велика разница.

охотно, едва-ли не охотнѣе самой буржуазіи, стараются изгнать съ поля своего зрѣнія эту остальную массу.

Съ своей гордой высоты социализмъ низводится на лавочный уровень. За неудачу на рынкѣ труда—не голодъ только, а нравственная отвѣтственность, а удача не только даетъ лишній кусокъ хлѣба, но и сознаніе своего превосходства въ качествѣ осуществителей новаго „соціализма". Все какъ у буржуазіи. Тамъ люди расцѣниваются на тысячи и милліоны, здѣсь—на пятачки, но принципъ одинъ. Развѣ это не должно быть пріятно буржуазному сердцу?

Нѣмецкая буржуазія ничего не знаетъ о проектѣ г. Бердяева украсить буржуазную лавку букетомъ бумажныхъ цвѣтовъ „абсолютнаго добра, истины и красоты", но если бы узнала, нашла бы, конечно, что онъ ни на волосъ не нарушаетъ гармоніи лавки. Сама буржуазія наслаждалась въ дѣтствѣ этимъ букетомъ. Долгіе годы чуть не вся абсолютно идеальная фразеологія гг. Бердяева и Струве переполняла собою литературу и перешла наконецъ въ наиболѣе скучныя изъ дѣтскихъ книгъ. О „божественномъ идеалѣ добра, истины и красоты", о „звѣздномъ небѣ надъ нами и нравственномъ чувствѣ внутри насъ" и проч. и проч. можно было даже у насъ въ Россіи еще въ 60-хъ годахъ услышать, во французскомъ переводѣ, отъ старыхъ гувернантокъ, воспитывавшихся въ началѣ XIX-го вѣка въ столичныхъ институтахъ для благородныхъ дѣвицъ.

Буржуазный котъ Васька на зарѣ своей юности не только слушалъ, но и самъ объ абсолютномъ добрѣ мурлыкивалъ, обучаясь труду надъ относительнымъ курченкомъ всяческой наживы, что не помѣшало его душѣ покрыться постепенно „толстымъ слоемъ жира".

Окончательно возмужавъ, онъ за послѣднія десятилѣтія забросилъ, правда, абсолютныя пѣснопѣнія, нашелъ другія забавы. Старый бумажный букетъ измялся, запылился, его не видно изъ-за тюковъ съ товарами, но почему же, въ самомъ дѣлѣ, не встряхнуть его и не поставить на видное мѣсто въ качествѣ „компенсаціи" за духовныя потери пролетаріата, заключающіяся въ возведеніи текущаго пятачка въ единственную цѣль и высшую цѣнность жизни?

* * *

Революціонная соціалдемократія должна бороться, не можетъ не бороться съ этими, сознательно или безсознательно буржуазными теченіями, проникшими въ ея среду. Но въ Германіи эти теченія наталкиваются на сложившееся міросозерцаніе пролетаріата, имъ приходится считаться съ цѣлой исторіей развитія, борьбы и успѣховъ, достигнутыхъ широко организованной партіей подъ знаменемъ революціоннаго соціализма. Все это дѣйствуетъ и на самихъ нѣмецкихъ „критиковъ", не рѣшающихся дѣлать крайнихъ выводовъ изъ своихъ посылокъ, предпочитающихъ простой „оппортюнизмъ" принципіальной борьбѣ. Тамъ чувствуется инстинктивное стремленіе не переубѣдить пролетаріатъ, а прокрасться въ его сознаніе такъ, чтобы онъ этого и самъ не замѣтилъ.

Въ иномъ положеніи находится русскій пролетаріатъ. У насъ процессъ разрушенія стараго натуральнаго хозяйства и „натуральнаго" быта, а вмѣстѣ съ тѣмъ „натуральныхъ", въ незапамятныя времена сложившихся, понятій, принялъ массовой, общенародный характеръ лишь въ послѣднія десятилѣтія. Онъ совершается на нашихъ глазахъ, съ такой быстротой и силой, какой въ исторіи западной Европы едва-ли найдется примѣръ.

Еще въ концѣ 70-хъ, въ началѣ 80-хъ годовъ, переселявшіяся въ города массы рабочихъ сохраняли въ цѣлости свое первобытное міросозерцаніе. Ходячее народническое изреченіе того времени „нашъ рабочій—тотъ же мужикъ" имѣло тогда нѣкоторую долю правды. Способнаго городского рабочаго и тогда легче было, чѣмъ крестьянина, заинтересовать тѣми вопросами, съ которыми носилась интеллигенція, выдающіяся единицы изъ рабочихъ и тогда стремились къ знанію, пристращались къ книгамъ. Но это были отдѣльныя личности или кружки, образовывавшіеся, когда она оставляла ихъ въ покоѣ. Самостоятельныхъ запросовъ рабочая масса тогда еще не предъявляла, старые отвѣты еще удовлетворяли ее.

За послѣднія 15 лѣтъ мы не имѣемъ такихъ художественно проницательныхъ наблюденій надъ крестьянской душой, какъ очерки Г. Успенскаго и другихъ беллетристовъ-народниковъ. Мы мало знаемъ о томъ, что думаетъ и чувствуетъ современный крестьянинъ. Но трудно сомнѣваться въ томъ, что и онъ уже не тотъ „сплошной", цѣльный, живущій наслѣд-

ственнымъ умомъ человѣкъ, который отвѣчалъ суровымъ: „не суйся“, на безнадежную любовь интеллигенціи. Что онъ не тотъ, доказываетъ намъ не одна только статистика деревенскаго разслоенія и раззоренія, а также и то обстоятельство, что измѣнившаяся деревня потеряла способность давать своимъ дѣтямъ то прочное воспитаніе, которое позволяло имъ, даже уйдя изъ нея, сохранять на цѣлую жизнь ея міросозерцаніе и настроеніе.

Теперь уже не одна только чрезвычайно размножившаяся рабочая интеллигенція ищетъ знанія, но и сама широкая масса рабочихъ узнала, что есть на свѣтѣ много нужнаго и важнаго, чего она не знаетъ. Сама эта масса, видимо, потеряла вѣру хотя въ нѣкоторые изъ отвѣтовъ міросозерцанія и жадно бросается на все новое.

У насъ именно теперь происходитъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и самымъ интенсивнымъ образомъ выработка пролетаріатомъ новаго міросозерцанія взамѣнъ утрачиваемаго. Бернштейновскаго пошиба отвѣты на его запросы являются для него первыми, активно усвоенными (а не пассивно воспринятыми по наслѣдству отъ предковъ) взглядами. Онъ противъ нихъ сравнительно беззащитенъ.

И, хочетъ или не хочетъ этого интеллигенція, выработка пролетаріатомъ новыхъ взглядовъ происходитъ подъ ея вліяніемъ. Чтобы рабочіе „сами“ безъ подсказыванія „бациллы“ интеллигенціи создали всѣ отвѣты на свои вопросы, чтобы ихъ міросозерцаніе сложилось подъ такимъ же исключительнымъ воздѣйствіемъ ихъ фабричнаго труда и матеріальнаго быта, какъ міросозерцаніе крестьянина складывалось въ незапамятныя времена подъ „властью земли“ и приноровившагося къ земледѣлію быта, это такъ же невозможно, какъ невозможно уничтожить всей той измѣнчивой и сложной жизни, которая выростаетъ одновременно съ фабрикой и изъ одного съ ней источника;—какъ невозможно изолировать фабричный пролетаріатъ отъ разорившейся среды разночинцевъ, всевозможныхъ „кухаркиныхъ дѣтей“, представляющихъ и по положенію и по образованію безчисленныя градаціи и естественную связь между низшими слоями городской бѣдноты и міромъ книги и интеллигенціи. Теперь даже проповѣдь отрицанія книги и преимуществъ обученія у „жизни“

обыкновенно заимствуется изъ книгъ и производится посредствомъ печатнаго слова.

Въ настоящій историческій моментъ интеллигенція не можетъ не повліять на взгляды пролетаріевъ, а, слѣдовательно, на характеръ неизбѣжно предстоящей имъ долгой борьбы, на тотъ типъ движенія, въ который сложится эта борьба при политической свободѣ. Вліять при этомъ можетъ на рабочихъ лишь мысль, подающая надежды на лучшее будущее, отрицающая прошлое и настоящее. Проповѣдь Іоанна Кронштадтскаго или реакціонной прессы, утверждающей неизмѣнность существующаго и необходимость одного лишь терпѣнія и смиренія, слишкомъ противорѣчитъ положенію и настроенію пролетаріата, чтобы серьезно повліять на него. Чтобы развращать и обманывать рабочихъ, самому Зубатову пришлось прибѣгнуть къ помощи интеллигенціи и основать особаго рода союзъ науки съ полиціей.

Но все, о чемъ съ увлеченіемъ разсуждаютъ широкіе слои недовольной настоящимъ интеллигенціи, имѣетъ теперь шансы проникнуть также въ среду читающихъ интеллигентныхъ рабочихъ, и затѣмъ, въ томъ или иномъ видѣ, дойти до рабочихъ массъ и отозваться на ихъ складывающемся міросозерцаніи, и тѣмъ самымъ помочь или повредить ихъ дальнѣйшей борьбѣ.

Въ иномъ положеніи, чѣмъ на Западѣ, находится и наша интеллигенція.

У западной буржуазіи, а, слѣдовательно, и у всей примыкающей къ ней интеллигенціи, нѣтъ и быть не можетъ никакой общественной цѣли въ будущемъ, нѣтъ никакого общественнаго будущаго, которое съ ея точки зрѣнія было бы привлекательнѣе настоящаго. Отсюда—страшный индивидуализмъ всѣхъ наиболѣе яркихъ, оригинальныхъ и современныхъ продуктовъ ея мысли и творчества. „Мы“ (не въ смыслѣ трёста или акціонерной компаніи) для нея навѣки утеряно, всѣ краски сосредоточены на „Я“, на отдѣльной личности, на ея украшеніи, на приданіи ей какого-нибудь, хотя-бы и „злого“ (и даже по преимуществу злого) интереса. Интересная личность—это единственная мечта, возможная для интеллигенціи, охваченной атмосферой господствующей буржуазіи.

У нашей будущей буржуазіи (она еще не сложилась пси-

хически, какъ не сложилась и не можетъ сложиться политически, пока существуетъ самодержавіе) есть цѣль, есть будущее. Въ томъ положеніи относительно будущаго, въ какомъ находится на Западѣ буржуазія, у насъ остается только горсть мыслящихъ (а не просто „служащихъ") сторонниковъ самодержавія. Только для нихъ лучше настоящаго могутъ быть лишь нѣкоторые моменты прошлаго; времена царя „миротворца" или Николая I.

Вся остальная масса читающихъ, думающихъ, проснувшихся русскихъ людей ждетъ, надѣется, по временамъ отчаивается, но во всякомъ случаѣ ненавидитъ настоящее, убѣждена, что лучшее—впереди и, за послѣднее время, все крѣпче убѣждается въ томъ, что придетъ оно лишь съ паденіемъ самодержавія. Этотъ духъ общественнаго недовольства, духъ вражды противъ всенароднаго врага облагораживаетъ до извѣстной степени общественную атмосферу, даже тамъ, гдѣ активно не проявляется. Онъ мѣшаетъ борьбѣ за наживу, заботамъ о карьерѣ, о положеніи, насытить всю общественную атмосферу съ той непререкаемой верховной силой, которая дозволяетъ вполнѣ сложившемуся буржуазно-капиталистическому міру давать своей молодежи такое основательное воспитаніе, что западному студенту—теперь смѣшно и думать о какомъ-нибудь общественномъ стремленіи, не говоря уже о какихъ-нибудь „безумствахъ", портящихъ карьеру. Наша молодежь способна на все.

Для ея лучшихъ элементовъ, какъ и для всѣхъ смѣлыхъ, активныхъ людей среди общества, изъ этого настроенія все опредѣленнѣе выясняется задача свергнуть самодержавіе, выростаетъ желаніе и вмѣстѣ обязанность бороться съ нимъ всѣми способами. Эта же задача, при помощи соціалдемократовъ, становится съ каждымъ днемъ все полнѣе сознанной задачей рабочей массы.

Съ другой стороны, какъ бы пассивно и безсознательно ни относилось къ своему растущему раззоренію крестьянство, всѣмъ думающимъ объ этомъ людямъ становится ясно, что какія бы то ни было улучшенія въ его положеніи могутъ начаться лишь съ устраненіемъ избытка безправія, угнетенія и поборовъ, наваленныхъ на него самодержавіемъ. Это же самодержавіе мѣшаетъ народному образованію, въ необходимости котораго согласны всѣ: отъ соціалдемократа до

самаго умѣреннаго либерала и самаго ветхозавѣтнаго народника. Оно мѣшаетъ всякимъ, хотя бы чисто филантропическимъ задачамъ. Это общій врагъ и его сверженіе является сознанной или несознанной необходимостью для всей неправительственной Россіи.

Но это единство полно разнообразія.

Въ помѣщеніи, наполненномъ міазмами, съ каждымъ днемъ становящимися все удушливѣе, заперты люди различныхъ положеній, состояній, различнаго психическаго склада. Покончить съ невыносимымъ удушьемъ, вырваться на воздухъ—это ихъ общая, для всѣхъ самая настоятельная задача, до выполненія которой нельзя отдаться цѣликомъ никакой другой.

Какъ всякое удовлетвореніе давно назрѣвшей, терзающей потребности, чистый воздухъ представляется великимъ счастьемъ всѣмъ, кому тяжело дышать. И представленіе не обманываетъ: въ данный моментъ это дѣйствительно величайшее благо, сколько бы ни оставалось другихъ, не устраненныхъ бѣдствій. Но мы знаемъ, что существующее неравенство въ распредѣленіи этихъ остальныхъ бѣдствій будетъ продолжать расти и послѣ освобожденія. Если острыя голодовки милліоновъ крестьянъ будутъ скоро сданы въ архивъ, то отборъ хозяевъ, которымъ предстоитъ обогащеніе, отъ тѣхъ, кто обреченъ на хроническую безвыходную нужду или полную пролетаризацію, пойдетъ успѣшнѣй прежняго. Внизу будетъ рости и множиться пролетаріатъ, вверху — богатства. Не связанные больше общимъ врагомъ союзники неизбѣжно разойдутся, и въ концѣ концовъ изъ плодовъ побѣды большинство въ общемъ и цѣломъ унесетъ съ собою лишь великое не матеріальное благо свободнаго широкаго объединенія и солидарной борьбы за освобожденіе отъ послѣдняго рабства, въ которомъ бьется цивилизованное человѣчество, освободившееся отъ всѣхъ другихъ,—порабощенія своими собственными экономическими отношеніями.

Послѣдняя конечная общественная цѣль имущихъ классовъ и всѣхъ примыкающихъ къ нимъ элементовъ является лишь ближайшей цѣлью пролетаріата, лишь этапомъ на пути къ его конечной цѣли.

Психическое состояніе образованнаго и полуобразован-

наго общества у насъ настолько революціонно (несмотря на всю его трусость и бездѣятельность), что для лучшихъ его представителей точка зрѣнія революціонной соціалдемократіи не можетъ представить ничего психологически недоступнаго (т. е. лично и субъективно отталкивающаго вслѣдствіе накопившихся безсознательныхъ симпатій и антипатій, представленій о привлекательномъ и тяжеломъ и проч.). Для того, кого нарастающее настроеніе борьбы превратило въ революціонера, перспектива цѣлой жизни, посвященной борьбѣ за революціонную цѣль можетъ быть только привлекательной. Невозможной, отталкивающей представляется ему, наоборотъ, судьба добраго буржуа, поглощеннаго заботами о личномъ благосостояніи, даже скрашенными какой-нибудь частной задачей впусканій капелекъ меда въ переполненную бочку дегтя. Мы не знаемъ, кто изъ теперешнихъ революціонеровъ захочетъ послѣ первой же побѣды отдохнуть на лаврахъ, а кто останется безсмѣннымъ „солдатомъ революціи",—какъ назвалъ себя передъ судомъ старый Либкнехтъ, начавшій свою революціонную службу на студенческой скамьѣ,—но знаемъ навѣрное, что такіе солдаты могутъ оказать безцѣнныя услуги революціонному дѣлу соціализма, что чѣмъ больше останется ихъ въ нашихъ рядахъ, тѣмъ шире развернется работа при правовомъ порядкѣ. А мнѣ кажется, что у насъ революціонное соціалдемократическое движеніе можетъ развернуться и шире и ярче, чѣмъ гдѣ бы то ни было, именно потому, что мы послѣдніе пришельцы буржуазно-капиталистическаго міра.

Соотвѣтствующій переживаемому нами періодъ революціоннаго подъема нѣмецкой интеллигенціи, полный самой напряженной работы общественной мысли, направленной на будущее, оставилъ революціонному движенію пролетаріата безцѣнное наслѣдство. Изъ этого періода вышли и великіе учителя международнаго пролетаріата, и лучшіе пропагандисты, основатели и вожди нѣмецкой соціалдемократической партіи. Но усиленное развитіе капиталистическаго способа производства—и тѣмъ самымъ—усиленное пробужденіе изъ дремы наслѣдственнаго міросозерцанія не сотенъ или, самое большее, тысячъ выдающихся рабочихъ, а широкихъ массъ трудящагося населенія, совпало въ Германіи лишь

съ послѣдними отголосками общественнаго подъема буржуазіи (и ея интеллигенціи).

У насъ эти два условія соединились въ неизмѣримо большей степени. Вооруженное всякими приспособленіями буржуазной цивилизаціи, не связанное никакими средневѣковыми предразсудками (ни Бога не боится, ни людей не стыдится) и въ то же время азіатски деспотическое правительство, устранивъ помѣщиковъ, сразу набросилось на крестьянскую Россію съ денежными налогами, прямыми и косвенными, совершенно несовмѣстимыми со всѣми условіями существованія мелкаго натуральнаго хозяйства, а съ другой стороны, на ту же—еще накануне чисто земледѣльческую—Россію набросился капитализмъ во всеоружіи техническаго совершенства, достигнутаго почти вѣковымъ развитіемъ на иной почвѣ. Въ результатѣ получается самое безпримѣрное по быстротѣ (и жестокости причиняемыхъ страданій) разрушеніе всѣхъ привычныхъ хозяйственныхъ условій существованія многомилліонной народной массы и, какъ неизбѣжный психическій результатъ, расшатка ея міровоззрѣнія. Въ соотвѣтствіи съ этой быстротой разрушенія оказалась та быстрота, съ которой работа разбуженной мысли и нарастаніе революціонной активности городскихъ рабочихъ распространяются, какъ раздуваемый вѣтромъ пожаръ, во всѣ концы и закоулки промышленной Россіи.

Эта быстроста процесса создаетъ, между прочимъ, одну многообѣщающую особенность нашего рабочаго движенія. Къ моменту его разлива городъ не успѣлъ еще основательно размежеваться съ деревней. Она еще представляетъ собою ту „родину", на которую полиція во множествѣ высылаетъ волнующихся рабочихъ, на которую нѣкоторые и сами уходятъ на лѣтнія работы. Пропитанные все болѣе и болѣе горячей городской атмосферой, они не могутъ не заносить туда своихъ „новыхъ словъ" и новыхъ чувствъ, и никто не скажетъ имъ „не суйся". Эта особенность открываетъ огомную перспективу на будущее. Она сулитъ возможность не допустить образоваться у насъ той пропасти между умственной и политической атмосферой города и деревни, которая образовалась въ западной Европѣ, не отдать душу сельскаго пролетаріата и селькой бѣдноты во власть его же эксплуататоровъ реакціонеровъ и враговъ всякаго движенія,

какими въ большинствѣ случаевъ являются на Западѣ партіи, опирающіяся на сельскіе голоса.

Въ то же время это — уже такъ далеко проникнувшее экономическое разложеніе стараго хозяйственнаго строя и развитіе капиталистическихъ отношеній—совпадаетъ у насъ не съ послѣдними отголосками умирающаго революціоннаго общественнаго подъема интеллигенціи, а съ его самымъ широкимъ разливомъ. А мы настаиваемъ на томъ, что въ такое время естественное мѣсто революціонера, каково бы ни было его происхожденіе, въ рядахъ единственной революціонной до конца партіи—партіи пролетаріата. Къ тому же и по происхожденію наши революціонеры въ большинствѣ случаевъ дѣти разночинныхъ семей, растерявшихъ старыя традиціи. А какой размахъ, при политической свободѣ, могло бы придать партіи пролетаріата присутствіе въ ея рядахъ сотенъ людей, съ дѣтства привыкшихъ къ умственной работѣ, заранѣе имѣющихъ тотъ запасъ элементарныхъ знаній, который лишь съ страшнымъ напряженіемъ приходится пріобрѣтать самоучкѣ пролетарію. Быстрѣе, чѣмъ когда-либо, пошло бы умственное развитіе рабочаго класса, шире и разностороннѣе развернулась бы партійная пресса. Русская соціалдемократія не допустила бы представителей преуспѣвающей собственности возстановить противъ себя ни одного изъ слоевъ деревенской и городской Россіи, изнывающихъ въ тяжкой борьбѣ противъ вѣчно грозящей пролетаризаціи.

Каутскій высказываетъ надежду, что революціонное соціалистическое движеніе въ Россіи подниметъ духъ нѣмецкаго движенія, заставитъ его покончить съ тѣмъ затишьемъ, которое позволяетъ прокрадываться въ его среду „трезвенному политиканству" оппортюнизма. Оправдаемъ ли мы эту лестную для насъ и такую свѣтлую надежду?

Не одни только благопріятныя условія создало намъ наше позднее выступленіе на путь капиталистическаго развитія. Есть и затрудняющія, ставящія русскую революціонную мысль въ трудныя, исключительныя условія, налагающія на нашу революціонную печать, въ которой она только и можетъ развиваться, огромную задачу.

Революціонная, направленная на будущее мысль французовъ XVIII-го вѣка работала въ значительной степени

подъ прямымъ и косвеннымъ вліяніемъ англійской мысли. Когда учащаяся молодежь Германіи находилась въ томъ же историческомъ періодѣ, какъ теперь наша, она развивалась подъ сильнѣйшимъ воздѣйствіемъ общественной мысли французской интеллигенціи, долго остававшейся въ революціонномъ броженіи прежде, чѣмъ окончательно успокоиться въ объятіяхъ трезвой буржуазіи.

Но теперь давно уже успокоилась въ тѣхъ же, широко раскрывшихся на ея родинѣ объятіяхъ и нѣмецкая интеллигенція. Давно уже бѣлыми воронами стали люди съ университетскимъ образованіемъ, посвящающіе свои умственныя силы единственно возможному теперь въ западной Европѣ общественному, направленному на будущее движенію — соціалистическому, а „академиковъ“, трудящихся, по мѣрѣ силъ, надъ его разрушеніемъ нѣсть числа. Иначе и быть не можетъ. Мысль людей, выросшихъ въ устойчивой атмосферѣ класса, для котораго нѣтъ и быть не можетъ никакихъ цѣлей, кромѣ частныхъ, заранѣе подготовлена къ тому, чтобы видѣть „нереалистичность“ конечной цѣли пролетаріата, ея „антинаучность“, ея противорѣчіе, наконецъ, съ „человѣческой природой“, которую они изучали на себѣ и на всѣхъ окружающихъ. Эти „соціологи“ борются противъ революціоннаго соціализма не потому, чтобы всегда и непремѣнно чувствовали себя заинтересованными въ господствѣ буржуазіи. Ихъ ослѣпляетъ (съ ихъ точки зрѣнія: просвѣщаетъ, дѣлаетъ трезвыми) психологическая атмосфера застывшаго въ господствѣ класса, въ которой они живутъ и движутся. Мысль людей, воспитанныхъ въ этой атмосферѣ, антиреволюціонна и индивидуалистична не тогда только когда борется съ соціализмомъ. Она не можетъ быть пособницей никакого общественнаго движенія и можетъ дѣйствовать на него лишь разлагающимъ образомъ, даже тогда, когда говоритъ, повидимому, о совершенно постороннихъ предметахъ. Куда, въ самомъ дѣлѣ, кромѣ борьбы съ соціализмомъ уводитъ она своихъ русскихъ читателей? Съ одной стороны, въ возможно болѣе далекую отъ всѣхъ земныхъ запросовъ область безконечныхъ гносеологическихъ упражненій надъ собственнымъ я, гдѣ мысль бѣгаетъ, какъ бѣлка въ колесѣ, чтобы унестись, наконецъ,—если не удастся соскочить во время на землю—прямехонько въ „небо“. Это

область пассивнаго индивидуализма. Но рядомъ съ нею, наиболѣе оригинальныя, заинтересовывающія, типично современныя теченія философіи или поэзіи, заносимыя къ намъ съ буржуазнаго Запада, проникнуты въ большинствѣ случаевъ наступательнымъ индивидуализмомъ, подчеркнутымъ общественнымъ индифферентизмомъ, презрѣніемъ къ „массамъ", ради возвеличенія „личности" и въ своемъ, наиболѣе сильномъ и яркомъ представителѣ—величайшимъ отвращеніемъ, ненавистью къ тѣмъ, кого „слишкомъ много", стремленіемъ къ идеалу, прямо противоположному всей освободительной борьбѣ и прошлой, и настоящей, и будущей. Наши поклонники этихъ теченій называютъ ихъ „борьбой съ буржуазностью". По моему мнѣнію, тутъ кроется большое недоразумѣніе. Къ конкретному, типичному буржуа поклонники личности—красивой, разумѣется—не могутъ не чувствовать отвращенія, и тѣмъ не менѣе, всѣ эти пышныя орхидеи, выростающія на трупѣ умершаго для общественныхъ стремленій класса, вовсе не борьба съ буржуазностью, а лишь дополненіе къ этой самой буржуазности, ея украшеніе.

Склонный мечтать или философствовать даровитый сынъ современной буржуазіи не можетъ найти другихъ объектовъ идеальнаго пристрастія, кромѣ совершенно отвлеченной или фантастической „личности". Господствующій классъ современнаго общества не поддается идеализаціи, не способенъ внушить пѣснопѣній, какъ внушало дворянство. Да буржуа и не нуждается въ идеализаціи, какъ, съ другой стороны, не можетъ чувствовать и оскорбленія за классъ, за цѣлое. Нѣтъ у него этого цѣлаго, нѣтъ того чувства нравственной солидарности, которое въ извѣстныя эпохи проявлялось въ дворянствѣ и всегда развивается въ рабочемъ классѣ вмѣстѣ съ началомъ движенія. Идеализировать конкретный типъ современнаго „господина" жизни было бы весьма затруднительно уже по тому одному, что реальное мѣрило цѣнности буржуа, какъ таковаго—это размѣры его богатства: нѣчто, слишкомъ постороннее „личности", связанное съ ней лишь однимъ ея качествомъ (при значительномъ развитіи, правда, подавляющимъ всѣ другія),—способностью пріобрѣтать богатство. Его и не превозносятъ.

Но, съ другой стороны, въ совершенно развившейся бур-

жуазной средѣ личность порабощена однимъ только голодомъ внизу, а вверху одними заботами о пріумноженіи и сохраненіи богатства. Надъ ней не тяготѣетъ никакого прямого принужденія со стороны людей, у нея нѣтъ никакихъ принудительныхъ наслѣдственныхъ связей сословныхъ, мѣстныхъ и проч. Отрѣшите только умственно эту личность отъ ея экономическихъ цѣлей или заботъ, и она окажется „самоцѣльной“ и свободной, какъ „голый божественный Діонисъ“. Кто можетъ помѣшать ей сдѣлаться красивой? Нѣтъ при этомъ ни малѣйшей надобности, чтобы всѣ „личности“ усовершенствовались. Дѣло не въ числѣ, и свѣтлыя пятна въ картинѣ ярче выступаютъ на темномъ фонѣ.

Наша, полная борьбы, общественная атмосфера слишкомъ жива и горяча, чтобы эти могильные цвѣты могли укорениться на ней во всей ихъ чистотѣ и оригинальности. Не случайность поэтому, а особенность переживаемаго нами историческаго момента, что у насъ чисто эстетическія красоты ницшеански-декадентской „личности“ снабжаются этическими приспособленіями и объединяются съ бернштейніадой, отъ которой въ подлинникѣ онѣ совершенно отдѣлены. Чтобы проповѣдывать у насъ совершенствованіе отдѣльныхъ личностей, надо было хоть какъ-нибудь обосновать возможность этого занятія для всѣхъ „личностей“. Съ точки зрѣнія революціоннаго соціализма эту возможность надо еще завоевать. Пока-же существуетъ буржуазный строй, основанный на междуусобной борьбѣ людей за ихъ матеріальное существованіе, единственнымъ путемъ къ совершенствованію и общему и своему собственному остается возможно болѣе дѣятельное участіе въ объединенной борьбѣ за устраненіе этого строя, а наилучшей нравственной красотой — возможно полное поглощеніе частныхъ интересовъ личности интересами общаго дѣла. Съ этой точки зрѣнія совершенно исчезаетъ идея самодовлѣющаго совершенствованія своей или чужой личности. Люди пріобрѣтаютъ знаніе, навыки, стараются всячески увеличить свои личныя силы, не для того, чтобы создать изъ себя на память потомству образцы красивыхъ личностей, а для того, чтобы больше сдѣлать, успѣшнѣй бороться за достиженіе общей цѣли. Но тому, кто уже увлекся культомъ красивой личности, ради нея самой, не можетъ не быть противна идея длящейся объеди-

ненной борьбы. Она „калѣчитъ личность“, „суживаетъ“ ее и проч.

Бернштейніада даетъ кой-какой, правда, плохенькій выходъ, кое-какую, хоть филистерскую возможность водворить въ своемъ представленіи о ближайшемъ будущемъ „міръ и благоволеніе“. Въ той идейной обстановкѣ, въ какую ставятъ ее критики, она представляетъ собою что-то въ родѣ суррогата идей XVIII вѣка, съ той великой разницей, что для революціонной активной мысли XVIII вѣка, вѣрившей лишь въ могущество людей, идея Бога была помѣхой, которую они и убрали съ дороги.

Для вырабатываемой же нашими критиками комбинаціи изъ двухъ теченій анти-революціонной мысли современнаго буржуазнаго Запада идея божьяго промысла весьма полезна. Онъ ужъ тамъ устроитъ, додѣлаетъ все, чего не осилитъ „мощь сберегательныхъ кассъ“ и не доштопаетъ „само капиталистическое развитіе“, а мы займемся индивидуальными красотами.

Если бы дѣло шло только о тѣхъ сторонникахъ этихъ комбинацій, которые не могутъ быть нашими, которые знаютъ насъ и сознательно ушли изъ нашего лагеря, мы могли бы не тратить тѣсныхъ страницъ революціонной печати на всестороннее разсматриваніе ихъ усилій. „Права человѣка“ нужны намъ такъ же, какъ и имъ—больше, чѣмъ имъ; чего же намъ безпокоиться о томъ употребленіи, которое они собираются изъ нихъ сдѣлать? Пусть себѣ совершенствуются на здоровье и пускаютъ въ свою жизнь или „культуру“ струи какой угодно красоты, трагической или комической.

Но дѣло обстоитъ не такъ.

Въ своемъ революціонномъ подъемѣ русская интеллигенція теперь совершенно одинока въ томъ смыслѣ, что вся современная „интеллигентная“ (университетская, не пролетарская однимъ словомъ) литература Запада въ своемъ подлинномъ видѣ противна всякимъ общественнымъ задачамъ, всякому общественному движенію и прямо или косвенно направлена на разрушеніе единственной возможной въ настоящее время и единственной, имѣющейся на свѣтѣ общественной теоріи, дающей идейную основу борьбѣ за будущее.

Въ то же время, не смотря на громадный успѣхъ марк-

сизма въ Россіи, истинная физіономія революціоннаго соціализма далеко не такъ извѣстна, какъ это можно было предположить. Страницы легальной литературы теперь для него абсолютно закрыты, а въ сущности никогда и не были открыты, и тотъ періодъ, когда ортодоксальные марксисты могли писать въ легальныхъ журналахъ, оставилъ послѣ себя цѣлую массу и теперь еще длящихся искаженій и недоразумѣній. Еще въ первый моментъ, пока цензурное вѣдомство не сообразило, съ чѣмъ имѣетъ дѣло, удалось — книга Бельтова служитъ этому блестящимъ примѣромъ — одновременно съ стихійнымъ историческимъ процессомъ, расчищающимъ путь къ нашей цѣли, отмѣтить также и революціонную активную сторону нашихъ воззрѣній: цѣлесообразное использованіе процесса, планомѣрное приближеніе къ цѣли. Но бдительность цензурнаго вѣдомства скоро заставила вести безусловно необходимые разсчеты съ этико-субъективистами-народниками чисто отрицательнымъ путемъ. Интеллигентной личности, обязанной „повернуть назадъ колесо исторіи“ и тащить его по собственному пути, справедливо противопоставлялся стихійный экономическій процессъ развитія капитализма и разложеніе общины, предъ которымъ „личность“ совершенно безсильна. Свой же революціонный путь къ будущему лишь подразумѣвался или отмѣчался одними намеками. Для борьбы съ народничествомъ этого было достаточно. Оно давно утратило всякую тѣнь понятія о революціонномъ пути и его разговоры о задачахъ русской интеллигентной личности давно уже звучали для всякаго вдумчиваго читателя ироническимъ вопросомъ: „Ты можешь ли левіаѳана на удѣ вытянуть на брегъ?“ и въ качествѣ „уды“ онъ давно не находилъ ничего, кромѣ мѣста земскаго агронома или завѣдующаго складомъ кустарныхъ издѣлій. Намековъ, поясняемыхъ самой жизнью, оказалось совершенно достаточно для того, чтобы всѣ, имѣющіе уши, услышали революціонный призывъ на опредѣленный путь къ будущему. Но тѣмъ не менѣе это вынужденное выдвиганіе одной стороны своихъ воззрѣній, эта половинчатость пропаганды породила множество недоразумѣній. Она, съ одной стороны, подготовила временный успѣхъ „критиковъ“, которые и тогда уже признавали одну лишь цензурную половину марксизма, а съ другой—позволила сложиться тому,

въ высшей степени „куцему“ пониманію нашей теоріи, которое и теперь еще продолжаетъ жить не только въ полемическихъ упражненіяхъ противниковъ,—это было бы еще полбѣды,—а также и въ умахъ искреннихъ сторонниковъ пролетаріата, дѣйствующихъ въ его средѣ, а это уже настоящая бѣда. Вѣдь мы живемъ въ моментъ сильнѣйшаго психическаго подъема, когда понятія схватываются на лету и пускаютъ глубокіе корни.

Эти обстоятельства сильно расширяютъ и усложняютъ задачи нашей революціонной печати. Она не можетъ ограничиться кругомъ вопросовъ, возникающихъ изъ потребностей текущей борьбы, какъ въ большей или меньшей степени ограничивается ими періодическая пресса нѣмецкой соціалдемократіи. Мы поступили бы въ высшей степени неосмотрительно по отношенію къ интересамъ пролетаріата, къ будущему нашей, еще не сложившейся партіи, если бы оставили безъ вниманія то обстоятельство, что среди взволнованной, революціонно-настроенной учащейся молодежи находится много нашихъ возможныхъ товарищей. Мы должны сдѣлать все, отъ насъ зависящее, чтобы каждая изъ этихъ возможностей превращалась въ дѣйствительность. Мы должны выяснить смыслъ и значеніе революціоннаго соціализма со всѣхъ сторонъ, во всей его широтѣ. Пусть уходятъ въ міръ совершенствующихся личностей, въ міръ благочестиваго или простого либерализма всѣ тѣ, кого туда тянетъ, но пусть выборъ совершается сознательно. Только такимъ всестороннимъ выясненіемъ своихъ взглядовъ мы можемъ гарантировать рабочій классъ отъ вторженія въ его среду новыхъ „интеллигентныхъ“ недоразумѣній. Либералъ по призванію къ нему не пойдетъ, но можетъ пойти революціонеръ въ душѣ, а либералъ по недоразумѣнію, какъ были и теперь остаются бернштейніанцами по недораазумѣнію наши „экономисты“.

1902 г.
„Заря“—№№ 2, 3 и 4.

Борьба въ тюрьмѣ.

Борьба въ тюрьмѣ.

16 лѣтъ тому назадъ въ Шлиссельбургскую крѣпость на островѣ были свезены отборные люди изъ числа арестованныхъ дѣятелей затихавшаго въ то время революціоннаго движенія. Ихъ свезли туда и на долгіе годы они исчезли для всѣхъ, какъ въ могилѣ. Въ теченіе 80-хъ годовъ Шлиссельбургъ поглощалъ время отъ времени новыя жертвы, но оттуда не выходилъ никто. Родные заключенныхъ, добивавшіеся свѣдѣній о нихъ въ департаментѣ полиціи, лишь въ лучшемъ случаѣ получали краткій отвѣтъ: „живъ", „умеръ" и ничего больше. Другіе и этого не могли добиться. Свѣдѣнія о шлиссельбургской тюрьмѣ начали появляться въ подпольной печати съ половины 90-хъ годовъ, но живой разсказъ о томъ, что дѣлалось въ таинственной крѣпости въ восьмидесятыхъ годахъ, когда, оградившись отъ всѣхъ свидѣтелей, правительство такъ долго оставалось наединѣ съ своими плѣнниками, мы впервые имѣемъ лишь въ запискахъ Людмилы Александровны Волкенштейнъ.

Въ августѣ 1884 г. въ Шлиссельбургъ было привезено 35 человѣкъ [1]), а къ началу 1887 года 13-ти изъ нихъ уже не было въ живыхъ, а 3 сошли съ ума, въ 1888 году умерло еще три. Такъ что за 4 года болѣе половины заключенныхъ уже погибло. Все это были люди еще молодые.

Между тѣмъ, только что отстроенная Шлиссельбургская тюрьма была повидимому предназначена вовсе не для такого быстраго физическаго истребленія заключенныхъ. Маленькія камеры были сухи и свѣтлы, хотя и съ матовыми стеклами. Грубая пища была, правда, тяжела для больныхъ, но не въ ней было дѣло. Заключенные гибли вслѣдствіе длившихся

---

[1]) Позднѣе въ разное время еще 13.

цѣлые годы попытокъ поставить ихъ въ совершенно невозможныя психическія условія. Безъ книгъ, безъ всякихъ занятій, безъ малѣйшей надежды въ будущемъ—такъ какъ всѣ они были увѣрены, что никогда не выйдутъ изъ крѣпости—ихъ разсадили по пустымъ камерамъ, въ которыхъ, согласно правиламъ, они должны были годъ за годомъ тихо сидѣть на прикрѣпленныхъ къ полу скамейкахъ, наблюдая за своей собственной умственной и нравственной смертью, неизбѣжной въ такихъ условіяхъ, если бы они согласились подчиниться имъ. При этомъ каждый изъ заключенныхъ зналъ, что рядомъ, точь въ точь въ такихъ же условіяхъ, сидятъ его товарищи, разговоры съ которыми, хотя бы только посредствомъ стука, отнимутъ у одиночнаго заключенія большую часть его ужаса. Эти разговоры были строго запрещены тюремной „инструкціей“, но матеріально вполнѣ доступны—стоило только протянуть руку. Слушаться такого рода запрещеній, которыми переполнена русская жизнь и не въ одномъ Шлиссельбургѣ, слишкомъ свойственно среднему русскому обывателю, но предположить, что его послушаются эти безстрашные люди, было немыслимо. По всему вѣроятію начальство и не предполагало ничего подобнаго, а разсчитывало сломить ихъ энергію жестокими расправами. Въ первое время заключенные стучали тихо, были осторожны, но все таки попадались и начиналось возмездіе. Въ камеру врывалась стража. Обязательное по инструкціи свыше „*ты*“ такъ и сыпалось, раздавались ругательства. Если заключенный отвѣчалъ въ томъ же родѣ, по знаку смотрителя на него набрасывались, валили на полъ, били подъ предлогомъ сопротивленія и, надѣвъ сумасшедшую рубашку, привязывали его къ желѣзной койкѣ на нѣсколько часовъ, часто вкладывая въ ротъ деревяшку, чтобы не кричалъ. Сосѣди, услышавъ свалку, начинали протестовать, кричали: „что вы съ нимъ дѣлаете“? Тогда накидывались на этихъ и вязали ихъ. Суматоха становилась невыразимой, слышались крики, топотъ и хрипъ лежавшихъ съ деревяшками во рту. Во всѣхъ концахъ тюрьмы было хорошо слышно, что дѣлалось въ какой-нибудь отдѣльной камерѣ“ [1]).

И такъ день за днемъ. Общаго сговора еще не было

---

[1]) Записки Волкенштейнъ, стр. 11—12.

тюрьма не успѣла объединиться. Первой жертвой такой борьбы былъ Минаковъ. Онъ пересталъ ѣсть, а когда его хотѣли кормить искусственнымъ образомъ, ударялъ доктора и потребовалъ смертной казни, обѣщанной въ вывѣшанной на стѣнѣ инструкціи за „оскорбленіе дѣйствіемъ" кого-либо изъ служащихъ. На этотъ разъ требованіе заключеннаго было уважено: „И вотъ утромъ послышались мѣрные шаги караула, разсказываетъ Волкенштейнъ. Вся тюрьма чутко стала прислушиваться и замерла въ ожиданіи. Въ камеру Минакова вошло нѣсколько человѣкъ; смотритель сказалъ: „халата не нужно, а шапку можно". Вслѣдъ за тѣмъ раздался крикъ Минакова: „прощайте, братцы,—ведутъ разстрѣливать!" а минутъ черезъ 10 до насъ донесся залпъ на большомъ дворѣ... Разстрѣляли чуть не на глазахъ!

Черезъ нѣсколько дней стали отбивать во всѣхъ камерахъ вентиляторы и задвижки у оконъ: оказалось потомъ, что повѣсился Клименко.

Еще черезъ два мѣсяца, на первый день Рождества среди обычной тишины послышался вдругъ звонъ упавшей металлической тарелки, а затѣмъ топотъ ногъ, свалка и крикъ Мышкина: „казните меня . . не бейте же, казните"! Всѣ замерли въ ужасѣ, боясь вѣрить ушамъ и не понимая, въ чемъ дѣло, такъ какъ никто, кромѣ сосѣда Мышкина, не зналъ о его намѣреніи оскорбить дѣйствіемъ и требовать казни въ надеждѣ обратить вниманіе на происходящее въ Шлиссельбургѣ". [1]) И его казнили. Мышкинъ надѣялся, вѣроятно, своей вольной смертью разбудить вниманіе общества, вызвать съ его стороны тотъ или иной протестъ. Но именно въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ общество дошло до полнаго подчиненія всѣмъ составленнымъ противъ него „инструкціямъ" и потеряло всякую способность къ протестамъ. Къ тому же вѣсть о казни Мышкина лишь смутнымъ слухомъ проникла на волю.

Высшія же власти въ эти первые годы и безъ того зорко слѣдили за тѣмъ, что происходитъ въ Шлиссельбургѣ. Четыре раза въ годъ тюрьма подвергалась ревизіи; ее періодически навѣщали товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, начальники корпуса жандармовъ и штаба жандармовъ,

[1]) Стр. 12—13.

директоръ департамента и прокуроръ. Но высшія власти, очевидно, находили, что въ ихъ тайной тюрьмѣ дѣлается именно то, что должно дѣлаться. Во всякомъ случаѣ борьба въ Шлиссельбургѣ продолжалась все съ большимъ и большимъ ожесточеніемъ, превращаясь почти буквально въ борьбу за родъ смерти. Правительство стремилось подвергать заключенныхъ психической смерти, а они предпочитали умирать физически.

Теперь стучали открыто. „Начали стучать черезъ корридоръ съ намѣреніемъ сговориться о болѣе общемъ образѣ дѣйствій. Наиболѣе непокорныхъ, по мнѣнію начальства, уводили въ старую тюрьму, [1]) но оставшіеся стали стучать еще сильнѣе, требуя, чтобы и ихъ увели туда же, надѣясь такимъ образомъ сдѣлать безсмысленнымъ изолированіе товарищей въ карцерѣ, такъ какъ въ старой тюрьмѣ было только 10 камеръ. Въ старой тюрьмѣ дѣло дошло до того, что жандармы должны были до изнеможенія ударять въ мѣдные тазы, лишь бы помѣшать стуку заключенныхъ. Однако, они продолжали разобщать сидѣвшихъ, насколько было возможно“ [2]).

Начались заболѣванія. „Оказалось, что больныхъ вовсе не лѣчатъ . . . Лѣкарства кой-какія давали, но больничной пищи никому. Ухода за больными не было *никакого*“. Ихъ оставляли въ томъ же строжайшемъ одиночномъ заключеніи. По ночамъ начали раздаваться крики: оказалось, сошелъ съ ума Щедринъ. За эти крики его наказывали, не вѣря болѣзни, вязали и таскали въ карцеръ, лишь изумляясь его упорству. „Наконецъ, начали умирать и умирать на глазахъ всѣхъ безъ всякой помощи“. Одинъ за другимъ умирали Тихановичъ, Малавскій, Буцевичъ, Немоловскій, Долгушинъ. Въ агоніи они стонали и ихъ уносили въ ста-

---

[1]) Эта старая тюрьма служила въ 80-ыхъ годахъ нижнимъ кругомъ шлиссельбургскаго ада. Тамъ наказывали непокорныхъ, туда уносили умирать слишкомъ громко стонавшихъ больныхъ, туда переводили въ ожиданіи казни приговоренныхъ къ смерти. Кромѣ Минакова и Мышкина, тамъ же за окружавшими старую тюрьму историческими стѣнами были казнены Штромбергъ и Рогачевъ, а позднѣе пятеро приговоренныхъ по дѣлу 1-го марта 1887 года. Въ этой же старой тюрьмѣ зарѣзалась Софья Гинсбургъ.

[2]) Стр. 13.

рую тюрьму дня за 2, за 3 до смерти. Тамъ было „очень сыро и холодно, да къ тому же эти бѣдняги, полуживые, очнувшись, могли догадываться, для чего ихъ уносили, а умирая, они не могли даже постучать товарищамъ“. Въ виду всего этого стали требовать, чтобы умирающихъ „не уносили въ мертвецкую“. Этому требованію администрація не воспротивилась: „ей ничего не стоило уступить“, справедливо замѣчаетъ авторъ. Въ самомъ дѣлѣ, слушать стоны умирающихъ не могло считаться смягченіемъ одиночнаго заключенія для остальныхъ. „Страшно вспомнить все это время, въ особенности первые два года нашей шлиссельбургской жизни. Дыханіе смерти носилось въ воздухѣ и какой смерти—въ полномъ одиночествѣ, когда умирающіе не слышали ни звука дружескаго голоса! . . . . . Постоянно кто-нибудь да умиралъ, такъ что получалось впечатлѣніе ежедневной агоніи. Умирали все больше отъ чахотки. Но даже и не всѣмъ умирающимъ прощались „стукъ“ и „грубость“.

Стукъ собственно преслѣдовался чѣмъ дальше, тѣмъ меньше. Администрація видимо теряла надежду вывести его иначе, какъ переморивши всѣхъ заключенныхъ, но она еще страшно преслѣдовала всякую „заносчивость“, то есть чувство собственнаго достоинства, въ особенности же всякое проявленіе солидарности, защиту другъ друга. „Съ визгомъ и пѣной у рта Иродъ кричалъ: „Не смѣй говорить о другихъ; не твое дѣло—пѣтъ здѣсь другихъ“! Иродомъ заключенные звали смотрителя, ведшаго съ ними борьбу въ теченіе первыхъ 4-хъ лѣтъ заключенія. И дѣйствительно, для такой роли нужно было пріискать выдающееся въ своемъ родѣ существо, способное сдѣлаться, при удобномъ случаѣ, такимъ же представителемъ идеи низкой жестокости, какъ древній легендарный Иродъ. Не всякій даже наивѣрнѣйшій слуга самодержавія снабженъ достаточной низостью, чтобы служить орудіемъ систематическаго, длящагося годы истязанія связанныхъ враговъ. А за тѣмъ у огромнаго большинства изъ тѣхъ, кто нашелъ бы въ себѣ требуемую степень низости, не выдержали бы нервы, даже подкрѣпляемые двойнымъ окладомъ, получаемымъ всѣми служащими въ Шлиссельбургѣ. А Иродъ выполнялъ свою роль съ азартомъ, съ наслажденіемъ.

„Онъ выкрестившійся еврей, разсказываетъ Волкенштейнъ, и выслужился изъ солдатъ въ офицеры. До 1884 года онъ былъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ; и тамъ и въ Шлиссельбургской крѣпости онъ больше всего отличался поразительной страстностью въ исполненіи своихъ обязанностей. Какъ зорко, какъ лихорадочно онъ слѣдилъ за всякой мелочью, которую исполняли по его распоряженію унтеръ-офицеры!.. День и ночь онъ проводилъ въ корридорахъ — даже въ праздники“[1]). И съ особымъ наслажденіемъ выбиралъ именно большіе праздники, чтобы сдѣлать заключеннымъ какую-нибудь особую непріятность. Съ особымъ удовольствіемъ выполнялъ онъ также тѣ „безсмысленныя, грубыя до цинизма и мучительныя вещи“, которыя предписывались инструкціей по отношенію къ заключеннымъ женщинамъ. И этому-то тупому, развращенному животному было поручено терзать во славу самодержавія его плѣнныхъ враговъ!

Потерявъ надежду достигнуть посредствомъ наказаній полнаго изолированія каждаго заключеннаго отъ всѣхъ другихъ и, быть можетъ, начиная смущаться страшной смертностью въ Шлиссельбургѣ, начальство стало разрѣшать нѣкоторымъ изъ заключенныхъ прогулки вдвоемъ. Разрѣшены онѣ были не болѣе какъ шестерымъ, наименѣе стучавшимъ. Но такъ какъ всего менѣе стучали на половину душевнобольные или близкіе къ смерти, то эту привиллегію можно было объяснять и иначе, и къ ней страстно стремились заключенные. „Дали свиданіе и умирающему Буцевичу, но послѣ двухъ-трехъ разъ онъ долженъ былъ отказаться отъ этого, такъ какъ не могъ уже больше подняться съ постели. Умирая, онъ все жалѣлъ, что не можетъ больше выносить своему товарищу по гулянью 2—3-хъ кусочковъ сахару. Такъ сильна потребность любить въ душѣ живущаго въ одиночномъ заключеніи; одинъ видъ живого, понимающаго тебя человѣка приводилъ въ какой-то дѣтскій восторгъ и умиленіе!.. Чахоточному Кобылянскому, который стучалъ и отвѣчалъ на „ты“ смотрителю, такъ и не дали свиданья, хотя и обѣщали, если будетъ меньше стучать. Онъ дѣйствительно сталъ меньше стучать, но въ это время онъ

[1]) Стр. 20.

былъ такъ слабъ, что не могъ встать съ постели. Онъ такъ и умеръ съ несбывшейся мечтой обнять товарищей, о чемъ онъ трогательно говорилъ передъ самой смертью, сознавая, что она близка... Вспоминаю я теперь и удивляюсь, съ какой страстностью добивались свиданій: вѣдь всего только по получасу два раза въ недѣлю! Можно ли эти свиданія назвать смягченіемъ одиночнаго заключенія? Да, несомнѣнно. Надо знать, что значитъ не слышать дружескаго голоса, не видѣть понимающаго тебя человѣка, не имѣть возможности обмѣняться чувствомъ, мыслями по-людски. Вѣдь стукъ только соломинка, за которую хватаешься съ отчаянія, и надолго этого утѣшенія не хватило бы"[1]).

Но какъ ни дороги были свиданія, заключенные тотчасъ отказались отъ нихъ, какъ только начальство открыто заявило, что разрѣшаетъ ихъ „смотря по поведенію", что видитъ въ нихъ, слѣдовательно, средство воздѣйствія на заключенныхъ, разрушенія ихъ солидарности. Ни въ чемъ ни разу не удалось врагамъ порвать единство этой горсти революціонеровъ, унизить ихъ въ чемъ бы то ни было, не удалось имъ также слышать отъ нихъ и просьбъ о пощадѣ, объ облегченіи, хотя высшее начальство и намекало не разъ на цѣлесообразность такого смиренія. Революціонеры все время боролись съ врагомъ, лишь ставя передъ нимъ альтернативу: убивай или откажись отъ попытокъ ввести невыносимую систему; и въ первые годы начальство выбирало первое, а затѣмъ перешло ко второму. Но послѣдній ужасный аргументъ за этотъ переходъ былъ еще впереди. Коллективный отказъ отъ гулянья, посрамлявшій систему разобщенія заключенныхъ, вызвалъ со стороны Ирода усиленный взрывъ энергіи. Тасканье въ карцеръ, толчки и побои, открытый стукъ заключенныхъ, съ цѣлью добиться переполненія старой тюрьмы и въ отвѣтъ новые взрывы энергіи Ирода, новыя смерти и заболѣванія — все это пошло ускореннымъ темпомъ.

Въ это время отсаженный въ старую тюрьму Грачевскій заявилъ сосѣдямъ, что потребуетъ казни за оскорбленіе дѣйствіемъ и исполнилъ свое намѣреніе. Это было уже въ 1888 году. Энергія высшаго начальства начала утомляться,

[1]) Стр. 15, 16, 18.

и комендантъ сказалъ Грачевскому, что сумасшедшихъ не судятъ. Грачевскій отвѣтилъ, что если его не казнятъ, онъ покончитъ самоубійствомъ. „Въ теченіе двухъ недѣль сосѣди слышали, какъ онъ говорилъ съ жандармами и требовалъ казни, но говорилъ онъ спокойно... Вдругъ разъ вечеромъ раздался крикъ — ужасный, нечеловѣческій, но короткій. Вслѣдъ за этимъ суматоха, глухое треніе и колебаніе проволоки, проведенной къ звонку въ коррндоръ къ вахмистру; послышались растерявшіеся голоса всегда безмолвныхъ дежурныхъ унтеръ-офицеровъ и, наконецъ, запахъ гари и дыма, проникшихъ и въ камеры. Послышались легкіе стоны, потомъ поспѣшно открываемыя двери, голоса доктора и смотрителя. Трудно было разобрать сразу, въ чемъ дѣло, но было несомнѣнно, что съ Грачевскимъ случилось что-то ужасное... Смотритель и докторъ скоро ушли, и въ тюрьмѣ водворилась обычная тишина; только дымъ и гарь платья и чего-то органическаго оставались до слѣдующаго дня“ [1]). Послѣ оказалось, что Грачевскій облилъ себя керосиномъ изъ лампы, зажегъ и сгорѣлъ на глазахъ растерявшейся стражи.

Эта страшная смерть, завершившая вымираніе почти половины заключенныхъ, видимо подѣйствовала на нервы начальства. При блескѣ такого „свѣточа“ оно поняло, наконецъ, что настаиваніе на выполненіи „инструкціи“ можетъ кончиться смертью остальныхъ заключенныхъ, но не приведетъ ни въ какомъ случаѣ къ ихъ подчиненію невыносимой системѣ. И система пала. Изъ своей, казалось бы, безнадежной борьбы революціонеры вышли побѣдителями. Иродъ исчезъ. Стукъ больше не преслѣдовался. Прогулки вдвоемъ стали давать всѣмъ, и время прогулки удлинено. Обѣщаны и потомъ дѣйствительно выданы книги по естественнымъ наукамъ и по исторіи, правда, не дальше XVIII вѣка. Первое время еще случались взрывы неистовства со стороны высшаго начальства. Въ томъ же 1888 году произошелъ набѣгъ на тюрьму товарища министра внутреннихъ дѣлъ, генерала Шебеко, который, врываясь въ камеры, кричалъ, быстро перебѣгая изъ одной въ другую: „Цареубійцы, а спятъ на мягкихъ тюфякахъ. Повѣсить бы всѣхъ,

---

[1]) Стр. 19.

а они разсуждають, бунтують!“ „Полковникъ — плети и плети!.. Слышите?“ [1])

Заключенные, говоритъ авторъ, „почувствовали себя на краю пропасти“ и по общему рѣшенію перестали ѣсть. Но администрація вела себя безукоризненно, никакихъ признаковъ возвращенія къ старой системѣ не замѣчалось и на 10-й день голодающіе прекратили свое коллективное самоубійство, рѣшивъ, что набѣгъ Шебеко былъ лишь выраженіемъ его личныхъ чувствъ. Къ началу 90-хъ годовъ послѣдовали новыя улучшенія: возможность собираться всѣмъ вмѣстѣ, — ухаживать за больными товарищами, самимъ составлять списокъ желаемыхъ книгъ. Устроены мастерскія и огороды, въ которыхъ заключенные разводили, что хотѣли, для своего употребленія. Словомъ, режимъ установился сравнительно сносный [2]), насколько можетъ быть сносно „безцѣльное, безсмысленное“ существованіе.

* * *

[1]) Стр. 23.

[2]) Все же менѣе сносный, чѣмъ тотъ, которымъ пользовались Декабристы съ самаго начала ихъ жизни въ сибирской тюрьмѣ. Въ этомъ отношеніи прогрессъ русскаго самодержавія былъ громаденъ. Вся мстительность Николая, разыгравшаяся во время слѣдствія, вылилась въ приговорѣ и на этомъ остановилась, — никакой злобности въ примѣненіе приговора внесено не было. Декабристовъ не пытались разъединять, унижать, имъ не пріискивали Иродовъ въ смотрителя. Кому-нибудь придетъ, быть можетъ, въ голову, что шлиссельбургскіе „цареубійцы“—по опредѣленію Шебеко—были, съ точки зрѣнія правительства, преступнѣе Декабристовъ. На самомъ дѣлѣ, однако, не болѣе четверти заключенныхъ фактически участвовало въ приготовленіяхъ къ покушеніямъ на цареубійство. Другіе народовольцы обвинялись въ устройствѣ типографій, распространеніи воззваній, вооруженныхъ сопротивленіяхъ при арестѣ, наконецъ, военные—въ простомъ присоединеніи къ Народной Волѣ. Съ другой стороны всѣ приговоренные къ каторгѣ Декабристы тоже обвинялись въ обсужденіи и принятіи плановъ цареубійства или даже „истребленія всей царской фамиліи“. Не всѣ, наконецъ, шлиссельбургцы были и нраодовольцами. Къ этому избранному сонму своихъ враговъ правительство присоединило и нѣкоторыхъ другихъ революціонеровъ. Всѣ заключенные, такъ горячо отстаивавшіе свое единство, отъ души соглашались, безъ сомнѣнія на подведеніе ихъ всѣхъ подъ наиболѣе отягчающее судьбу названіе. Но самъ генералъ Шебеко не смогъ бы указать никакого касательства къ какому-нибудь убійству въ дѣятельности замученныхъ въ Шлиссельбургѣ Долгушина, Мышкина, Щедрина, Варнискаго и многихъ другихъ.

Еще одна черточка, совершенно невозможная при Николаѣ: умирав-

Кровью писаны записки Волкенштейнъ. Страшныя картины оставляетъ въ воображеніи эта борьба, въ которой главнымъ оружіемъ борцовъ была смерть, — не смерть враговъ, а своя собственная.

И все таки, не смотря ни на что, на днѣ души остается отъ этой исторіи что-то свѣтлое и бодрое, какая-то надежда.

Въ самомъ дѣлѣ, стоя на сторонѣ заключенныхъ, можно ли пожелать, чтобы борьба не имѣла мѣста? Чтобы „инструкція“ оказалась выполненной? Чтобы испугавшись физической силы, заключенные покорно отказались бы отъ матеріально возможныхъ, но *запрещенныхъ* сношеній другъ съ другомъ и смирно сидѣли въ своихъ клѣточкахъ, покорно дожидаясь милости враговъ? Можно ли пожелать, чтобы чувство солидарности не подавляло въ нихъ всякую тѣнь стремленія, не только къ отдѣльной отъ другихъ пользѣ, но даже къ личному самосохраненію? Нѣтъ, конечно. Всякій, кому дорога память умершихъ въ Шлиссельбургѣ, не можетъ не почувствовать, что лучше было имъ погибнуть несломленными, неуниженными, любимыми и любящими членами геройской фаланги,—не можетъ не почувствовать, что, оставаясь вѣрными себѣ, не могли они поступать иначе. А разъ это такъ, разъ только они чувствовали, что гибель для нихъ лучше подчиненія, разъ потребность въ томъ, что запрещалось инструкціей, оказалась въ нихъ сильнѣе страха, ихъ побѣда была обезпечена. При данныхъ условіяхъ правительство не могло ввести избранную имъ систему заключенія, если бы даже пустило въ дѣло всѣхъ Иродовъ и всю жандармерію, не могло потому, что для введенія этой системы согласные подчиняться ей *живые* заключенные были безусловно необходимы, а таковыхъ въ Шлиссельбургѣ не оказывалось. Безмѣрной, по отношенію къ нимъ, матеріальной силѣ правительства они тоже противупоставили безмѣрную силу своей готовности бороться до конца, своей

шихъ въ Шлиссельбургѣ закапывали безъ всякихъ религіозныхъ обрядовъ. Для заключенныхъ это было безразлично, но само-то начальство считало, что причиняетъ такимъ нехристіанскимъ погребеніемъ огромное зло своимъ мертвымъ врагамъ. Послѣдовавшее облегченіе судьбы живыхъ было распространено и на умиравшихъ: ихъ стали отпѣвать, прежде чѣмъ зарыть, и начальство „хвасталось“ этимъ, по замѣчанію Волкенштейнъ.

солидарности, своей неспособности подчиняться „инструкціи“.

Странная фантазія невольно возникаетъ въ воображеніи, побывавшемъ въ Шлиссельбургѣ восьмидесятыхъ годовъ. Кажется, что это не только огражденная отъ всякой гласности государственная тюрьма, въ которой пытаются ввести звѣрскую инструкцію—это маленькая модель (или пожалуй схема) цѣлой Россіи. На полулистѣ писчей бумаги уписывается „инструкція“ Шлиссельбурга. Много печатныхъ листовъ занимаютъ указы и приказы, по которымъ управляется Россія, но и тамъ и тутъ въ основѣ лежитъ одинъ и тотъ же принципъ. Шлиссельбургскія правила являются лишь краткимъ резюмэ всероссійской „инструкціи“—ея квинтъ-эссенціей.

Вся Россія разсажена по клѣточкамъ, ей всей запрещено перестукиваться, а по ея коррпдорамъ день и ночь шмыгаютъ Ироды, присматриваясь, прислушиваясь, не раздастся ли гдѣ неказенная, способная вызвать откликъ нотка, которая немедленно приглушается;—не возникаетъ ли гдѣ-нибудь чего-нибудь объединяющаго, одушевляющаго, и хотя бы это было безусловно необходимое, нравственно обязательное дѣло: обученіе безграмотныхъ, кормленіе голодныхъ и проч.; если только люди начинаютъ вкладывать въ него свою изнывшую отъ бездѣйствія и одиночества душу, дѣло немедленно закрываютъ, при чемъ никогда не забывается „до изнеможенія ударять въ мѣдные тазы“ оффиціозной прессы, прославляющей благодѣтельную тишину и позорящей людей, сующихся „не въ свое дѣло“.

„Не смѣй говорить о другихъ! Не твое дѣло—нѣтъ здѣсь другихъ!“ Въ этомъ крикѣ Ирода выражена вся суть самодержавія. Онъ безпрерывно раздается надъ всей Россіей, звучитъ во всѣхъ указахъ и приказахъ, приспособляющихъ ее къ существующему образу правленія. Самый принципъ этого правленія требуетъ, чтобы всякое дѣло, отъ котораго зависитъ судьба другихъ, дѣлалось безъ всякаго отношенія къ этимъ другимъ,—дѣлалось не для нихъ, а для себя: для карьеры, для оклада, для положенія или заработка, при полнѣйшемъ равнодушіи къ тому, какъ отзовется это рукодѣлье на подлежащемъ воздѣйствію матеріалѣ. Думать и рѣшать можетъ лишь высшее начальство. А если и

встрѣчаются кажущіяся исключенія изъ общаго правила: „нѣтъ тебѣ дѣла до другихъ“, если и допускаются нѣкоторыя учрежденія, имѣющія нѣкоторое подобіе общественности, то они существуютъ лишь „смотря по поведенію“. Они существуютъ, пока участвующіе въ нихъ люди присоединяютъ свой голосъ къ хору „мѣдныхъ тазовъ“ или — нравственно умершіе — вяло бормочутъ никому не интересные пустяки. Но какъ только „поведеніе“ измѣняется, какъ только въ подобное учрежденіе проникаютъ живые люди въ поискахъ за утоленіемъ своего нравственнаго голода и начинаютъ говорить о „другихъ“,—учрежденіе немедленно подвергается „реформѣ“, т. е. сокращенію, очищенію и приспособленію его къ общей системѣ.

* * *

Уже давно въ громадной всероссійской тюрьмѣ слышится движеніе. Но до послѣдняго времени самодержавную тишину нарушала по преимуществу молодежь интеллигентнаго „отдѣленія“, рѣзко ограниченнаго отъ необозримаго пространства, гдѣ молчаливо дремалъ еще въ средневѣковомъ снѣ россійскій народъ, приводя въ отчаяніе пытавшихся сговориться съ нимъ борцовъ. Послѣднее движеніе интеллигентной молодежи дошло до высочайшей степени напряженія, но покинутая своими старшими родичами и не добудившись народа, она послѣ отчаяннато сопротивленія была, наконецъ, сломлена. Восьмидесятые годы были торжествомъ идеальнаго самодержавія: все притихло въ громадной тюрьмѣ. Миновало однако проклятое десятилѣтіе; наступило другое, и снова послышалось движеніе, но на этотъ разъ не одно только, уже привычное, движеніе интеллигентной молодежи. На ея призывъ теперь гулко отвѣтила тысячами голосовъ часть народной массы, неотдѣлимая отъ ней рѣзкой гранью, въ нее переходящая и изъ нея пополняющаяся.

Какая судьба ждетъ это новое движеніе? Задушено, выловлено подобно предыдущему, совершавшемуся въ слишкомъ ограниченной сферѣ, оно быть не можетъ. Но какъ долго продлится борьба, сколько причинитъ она страданій, будетъ зависѣть отъ степени солидарности всѣхъ враговъ самодержавія. На этотъ разъ среди „отцовъ“, среди интел-

лигентнаго поколѣнія, выставившаго шлиссельбургцевъ, много людей, которымъ знакома вся тоска, сопровождающая пониженіе жизни до уровня, требуемаго самодержавіемъ, и—хотя бы по сочувствію—вся вражда революціонной эпохи, тотъ „духъ злобы и печали", о которомъ говоритъ поэтъ. Солидарность, если не любви, то злобы, требуетъ, чтобы, такъ или иначе, они поддержали начавшееся движеніе. Чѣмъ разнообразнѣе и многочисленнѣе были бы нарушенія предписаннаго безмолвія и бездѣйствія, тѣмъ скорѣе преслѣдованія потеряли бы и всю свою остроту, и всякій смыслъ, а безпрерывно и всесторонно нарушаемая инструкція превратилась бы въ невыполнимую, негодную бумаженку, которая отправилась бы въ архивъ вмѣстѣ со всей системой.

1901 г.
„Заря" № 1.

Выстрѣлъ Карповича.

Выстрѣлъ Карповича.

Правительство затѣяло борьбу со студентами, безполезную и безсмысленную даже съ точки зрѣнія усовершенствованія самодержавія и выростило изъ этой борьбы такое широкое политическое броженіе, какого никогда еще не переживала Россія. Въ самомъ дѣлѣ: студенческія волненія длятся уже 40 лѣтъ, втеченіе всего пореформеннаго періода. Правительству давно пора бы привыкнуть къ мысли, что, что бы ни выдѣлывало оно съ университетами, сплошь спокойнаго студенчества ему не дождаться. А съ другой стороны, тотъ же сорокалѣтній опытъ долженъ бы доказать правительству, что одни чисто студенческія волненія большого зла ему не причинятъ. Всѣ привыкли къ тому, что студенты періодически волнуются, а ихъ за это исключаютъ и высылаютъ; благоразумнѣе, казалось бы, быть въ этой области консервативнымъ. Трудно объяснить „Временныя правила“ чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ намѣренія и здѣсь, какъ вездѣ, приблизиться по возможности къ дореформеннымъ порядкамъ. Студенческихъ волненій при Николаѣ I не было, а если бы они были, студентовъ непремѣнно отдавали бы въ солдаты:—надо попробовать отдавать.

Правда, послужившія поводомъ къ этой реформѣ волненія 1899 г. были единодушнѣе, чѣмъ когда-либо, но вѣдь и нагайки, пущенныя въ ходъ противъ искусственно собранной мирной толпы студентовъ, тоже были сравнительно новы и совершенно неожиданны. Во всякомъ случаѣ, кіевская сходка, къ участникамъ которой впервые примѣнены жестокія „Правила“, ничѣмъ не выдавалась изъ ряда безчисленныхъ сходокъ, тянущихся съ самаго начала шестидесятыхъ годовъ.

Но если кіевляне только воспользовались своимъ есте-

ственнымъ правомъ сходокъ, отъ котораго никогда не отрекалась лучшая часть студенчества, то приговоръ надъ ними сдѣлалъ всѣ дальнѣйшіе протесты *обязательными*, а слѣдовательно, и неизбѣжными. Ихъ требовалъ законъ, писанный въ совѣсти, въ сердцѣ каждаго человѣка. Ихъ требовало чувство солидарности—самое элементарное и въ то же время самое основное, самое необходимое общественное чувство. Его не приходится внушать людямъ; оно само собою вспыхиваетъ всюду, гдѣ коллективность сталкивается съ враждебной силой. Оно при всякихъ волненіяхъ проявляется у крестьянъ, у рабочихъ,—не только у организованныхъ, борящихся рабочихъ, а у первыхъ попавшихся, при первомъ же столкновеніи съ хозяевами. Чтобы истребить въ себѣ это чувство, нужно долголѣтнее упражненіе въ его подавленіи, надо много софизмовъ, много резонирующей трусости, называемой „практической мудростью", о которой съ такимъ справедливымъ презрѣніемъ говорится въ нѣкоторыхъ студенческихъ прокламаціяхъ. У студентовъ нѣтъ этой мудрости и быть не можетъ по той простой причинѣ, что, къ счастью, она не передается по наслѣдству, а въ каждомъ поколѣніи пріобрѣтается личнымъ упражненіемъ.

„Бросить въ такую минуту товарищей, полныхъ довѣрія къ намъ,—нельзя! Это нечестно, безсердечно"! Эти простыя слова одного изъ московскихъ студенческихъ воззваній выражаютъ непосредственное чувство всякаго честнаго и не безсердечнаго человѣка. Оно шевелилось, навѣрно, и у большинства студентовъ, сперва колебавшихся присоединиться къ протестующимъ товарищамъ. Новые приговоры, новыя жестокости, усиливая чувство, вели къ новымъ и новымъ протестамъ.

Что протесты будутъ, знали всѣ; знало, конечно, и правительство; совершая свою жестокость надъ кіевлянами, оно не могло не знать, что впереди предстоитъ неопредѣленная, какъ лавина растущая масса жестокостей. И на все это предстояло молча, сложа руки, смотрѣть нашему образованному обществу, доведшему себя долголѣтнимъ упражненіемъ въ подавленіи всякаго помысла объ активномъ вмѣшательствѣ въ общественную жизнь до полной, казалось бы, атрофіи всякой дѣятельной энергіи. Но на этотъ разъ правительство задѣло такія чувства, которыя нельзя заглушить

никакимъ упражненіемъ, заставило многихъ сказать себѣ то, что такъ хорошо выразила одна „мать“ въ лежащемъ передъ нами открытомъ письмѣ, отвѣчающемъ на вопросъ: „Кто виноватъ“?

„Виноваты мы“, отвѣчаетъ она.—„Мы безропотно живемъ безъ того, безъ чего немыслимо существованіе мало-мальски культурнаго общества: безъ свободы слова, неприкосновенности личности, неприкосновенности жилища. Этой нашей безропотности надо подыскать унизительное для насъ оправданіе: мы не дозрѣли до всего этого... Но нѣтъ оправданья нашему молчанью и покорности тамъ, гдѣ рычитъ и протестуетъ даже животное... *Человѣкъ, прежде чѣмъ взять щенка или котенка, оглядывается, гдѣ собака или кошка. Побѣдоносцевы не оглядываются, имъ не съ чѣмъ считаться* Кого бояться? Общества? Они знаютъ ему цѣну, презираютъ и плюютъ на него. Правы-ли они? Да! Тысячу разъ да! Мы—хамы, рабы, лакеи, мы заслужили все это; мы заслужили и то, что наши дѣти могутъ намъ бросить... свое проклятье за ихъ загубленныя молодыя жизни: они будутъ правы“.

Это—крикъ невыносимой боли, и трудно усомниться въ томъ, что эту боль раздѣляютъ очень многіе, а понимаютъ всѣ, не запродавшіе разъ на всегда своего языка полиціи.

Въ этой атмосферѣ боли и злобы, мучительнаго бездѣйствія и молчанія выстрѣлъ студента Карповича, пожертвовавшаго собою за то, чтобы отомстить за товарищей, не могъ не вызвать самаго горячаго, всеобщаго сочувствія. Когда ничѣмъ нельзя помѣшать совершающемуся на глазахъ злодѣйству, чувство мести становится самымъ законнымъ общественнымъ чувствомъ.

Но студенческій протестъ, все разрастаясь, сломалъ, наконецъ, окружавшую его полицейскую стѣну общаго молчанія и бездѣйствія. Съ одной стороны, онъ вышелъ на улицу [1]), а улица въ лицѣ рабочихъ и разношерстнаго городского разночинства встрѣтила протестующее студенчество съ самымъ горячимъ сочувствіемъ и съ полной готовностью раздѣлить съ нимъ, гдѣ возможно, предназначенныя для него нагайки.

---

[1]) Въ Москвѣ собственно сама улица въ лицѣ рабочихъ, безъ зова и безъ сговора, вышла на защиту студентовъ, загнанныхъ въ манежъ за

Съ другой стороны, протестъ поднялся вверхъ и заставилъ, наконецъ, зашевелиться и заговорить такія сферы нашего образованнаго общества, которыя встрѣчали всѣ предыдущія контръ-реформы одннмъ лишь „благороднымъ молчаніемъ". Въ первый разъ правительство наткнулось на громкое негодованіе противъ одного изъ своихъ мѣропріятій, выраженное значительнымъ большинствомъ всѣхъ слоевъ населенія, хоть что-нибудь знающихъ объ этомъ мѣропріятіи, и въ первый разъ никакія свирѣпости, ни нагайки, ни аресты не въ состояніи водворить обычнаго молчанія. Уже нѣсколько лѣтъ подрядъ такое-же безсиліе несомнѣнно чувствуетъ спеціальное вѣдомство, занятое истребленіемъ нелегальной рабочей прессы и организацій. Все это продолжаетъ существовать и множиться, не смотря на безпрерывные аресты, во много разъ превышающіе самыя крупныя облавы 70-хъ и начала 80-хъ г.г., такъ что иной разъ и сажать-то некуда. Но эта безуспѣшная борьба съ ростомъ сознанія и объединенія рабочаго класса шла до

сходку въ стѣнахъ университета. Двадцать три года тому назадъ Московская улица (въ частности мясники), избивъ толпу студентовъ, была возведена за это Катковымъ въ представительницы „русскаго народа", отвѣтившаго, будто бы, этимъ избіеніемъ на „скандалъ, устроенный петербургской либеральной интеллигенціей". Теперь Московская улица изъ „представительницъ народа" будетъ, конечно, разжалована. Она сама стала болѣе, чѣмъ „либеральной", и если бы полиціи и удалось подыскать сколько-нибудь пригодныхъ мясниковъ, рабочіе имъ даже и шевельнуться не дали бы, такъ какъ не особенно пугались даже казаковъ и жандармовъ. Реакціонная пресса продолжаетъ, однако, громить студентовъ отъ имени народа, очевидно, деревенскаго, не высказавшаго своего мнѣнія о „Временныхъ правилахъ". Это самая наглая и очевидная клевета на крестьянъ. Они не высказались и не выскажутся просто потому, что не знаютъ, въ чемъ дѣло. Но и деревенскіе люди, деревенскіе отцы и матери, представивъ себѣ своихъ дѣтей отданными въ солдаты, безъ очереди, не смотря на болѣзни, на несовершеннолѣтіе, отданными за то, что собрались на сходку обсудить свое дѣло, за то, что не захотѣли „выдавать своихъ", нашли бы, что это несправедливо. А если бы они узнали затѣмъ, что невинно наказанные студенты должны жить въ казармѣ, какъ зачумленные, что противъ нихъ возстановляютъ остальныхъ солдатъ, а имъ запрещаютъ хоть слово сказать въ свою защиту, многія бабы расплакались бы отъ жалости, и всѣ нашли бы, что это лютыя, живодерскія „правила". Что это такъ, знаетъ и само правительство. Зачѣмъ же иначе возмутительное запрещеніе отвѣчать на вопросы, какъ офицеровъ, такъ и обмундированныхъ мужиковъ!

сихъ поръ гдѣ-то глухо, глубоко и далеко, такъ что для Европы, для почтенной русской публики и даже для самыхъ высшихъ правительственныхъ сферъ подъ картиной русской жизни,—если смотрѣть на нее, хорошенько прижмуривъ глаза,—продолжала красоваться надпись: „На Шипкѣ все спокойно". Теперь надпись сорвана, и „Временныя правила", по всему вѣроятію, будутъ отмѣнены. Ужъ слишкомъ непріятно и невыгодно для правительства продолжать доказывать и себѣ самому и всему міру, что оно успѣло такъ раздражить широкіе слои сознательнаго населенія, что у нихъ страхъ прошелъ, что они предпочитаютъ рискъ всякихъ каръ повиновенію.

Писатели, внесшіе свои имена въ почетный рядъ подписей подъ свидѣтельскимъ показаніемъ всему міру о звѣрствахъ у Казанскаго Собора, говорятъ, что ихъ ужасаетъ будущее страны, отданной на жертву кулакамъ и нагайкамъ, а намъ ихъ мужественное заявленіе кажется однимъ изъ признаковъ того, что лучшее будущее гораздо ближе, чѣмъ можно было думать мѣсяцъ тому назадъ. Они говорятъ далѣе, что давно уже лишены возможности исполнять свой долгъ передъ родиной, но въ ту минуту, когда они писали свое заявленіе, они его исполняли. Весь вопросъ въ томъ, заснутъ-ли снова силы, разбуженныя примѣненіемъ „Временныхъ правилъ", или сохранятъ разъ пріобрѣтенную энергію.

Уже нѣсколько лѣтъ, какъ Россія снова вступила въ эпоху подъема несравненно болѣе широкаго, чѣмъ закончившійся 20 лѣтъ тому назадъ, но и теперь успѣхъ этихъ освободительныхъ потугъ можно считать обезпеченнымъ лишь въ томъ случаѣ, если вся освободительная работа не будетъ сброшена на плечи однихъ только передовыхъ слоевъ рабочаго класса и революціонной молодежи, если въ этой работѣ примутъ то или иное посильное участіе всѣ враги различныхъ видовъ нагайки.

Но рядомъ съ вѣстями, говорящими о громадномъ расширеніи политическаго движенія, намъ попадаются на каждомъ шагу также сообщенія о томъ, что въ „публикѣ", среди „мирныхъ либераловъ", „простыхъ обывателей" слышатся теперь надежды, предсказанія и пожеланія, чтобы возобновился снова „терроръ", которымъ закончилось рево-

люціонное движеніе 70-хъ годовъ. Это говоритъ, повидимому, о томъ же самомъ широкомъ возбужденіи, и тѣмъ не менѣе укрѣпленіе такихъ надеждъ имѣло бы, по нашему мнѣнію, противоположную тенденцію: суживать, а не расширять поле борьбы.

Единичные акты самопожертвованія, какъ выстрѣлъ Карповича, не исходящіе ни отъ какой организованной силы, не могутъ сосредоточивать на себѣ общественныхъ надеждъ. На нихъ нельзя разсчитывать. Это не акты борьбы, а лишь выраженія общаго озлобленія и боли, вызываемой особенно ненавистными проявленіями самовластья. Предумышленные, конечно, со стороны дѣйствующихъ индивидуумовъ, они инстинктивны, не предумышленны со стороны солидаризирующихся съ ними общественныхъ элементовъ, которые своимъ неудержимымъ, горячимъ сочувствіемъ признаютъ эти дѣйствія за выраженія своего накипѣвшаго чувства. Такіе выстрѣлы не могутъ замѣнять собою въ умахъ сочувствующихъ какой-бы то ни было другой освободительной дѣятельности.

Нѣчто совершенно иное представляетъ собою терроръ, входящій въ программу организованной группы въ качествѣ способа борьбы за свободу и представляющійся окружающей террористовъ сочувственной средѣ путемъ къ освобожденію. Мы глубоко убѣждены, что въ настоящій моментъ такой терроръ, если бы на немъ начали сосредоточиваться общественныя надежды, не только не усилилъ бы освободительнаго движенія, а, наоборотъ, ослабилъ бы его.

Не потому, конечно, почему Бисмарку казались выгодными покушенія Геделя и Нобилинга, а полиція Наполеона III хлопотала по временамъ о примѣрныхъ заговорахъ. Наполеону нужны были предлоги для введенія тѣхъ или иныхъ временныхъ постановленій; Бисмарку не удалось бы безъ покушеній провести черезъ рейхстагъ исключительные законы. Но Россія и такъ живетъ подъ всевозможными чрезвычайными, исключительными и временными постановленіями, и за долгій періодъ такой подавленности общественнаго настроенія, какой только можетъ пожелать любой деспотизмъ, ни одно изъ ненавистнѣйшихъ „временныхъ правилъ“ не было отмѣнено, а всѣ тѣ учрежденія, какими только дорожили русскіе люди не полицейскаго образа

мыслей, подверглись изуродованію и уничтоженію. Русскимъ нечего охранять и нечего терять, кромѣ цѣпей. Если объ этомъ еще могъ быть вопросъ въ 60-хъ годахъ, то ужъ никакъ не теперь.

Терроръ кажется намъ неподходящимъ въ настоящій моментъ способомъ дѣйствія не самъ по себѣ, а по своему неизбѣжному психическому вліянію на окружающую среду. Врагъ русской свободы, котораго нужно убить прежде всего, при которомъ не помогутъ никакія убійства, это—выполненіе предписаннаго правительствомъ молчанія и бездѣйствія, это—повиновеніе такимъ приказамъ, которые ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться законами, а лишь враждебными мѣропріятіями правительства противъ той растущей части россіянъ, которая по его же собственному убѣжденію не можетъ не желать его европеизаціи.

Такими мѣрами борьбы, а не законами, являются всѣ указы и приказы относительно печати, собраній, союзовъ, преподаванія и ученія. Лѣтъ 30—40 тому назадъ эта борьба противъ роста сознанія и объединенія россіянъ, противъ развитія въ нихъ самодѣятельности и энергіи была чувствительна почти исключительно лишь людямъ, получившимъ среднее образованіе; теперь она ведется противъ всего рабочаго класса и въ значительной степени распространяется на крестьянъ, посредствомъ всякихъ препятствій распространенію и улучшенію школъ, сельскихъ библіотекъ, народныхъ чтеній, путемъ нелѣпыхъ каталоговъ и преслѣдованія сельскихъ учителей. Сломить широкимъ и всестороннимъ неповиновеніемъ всѣ эти рогатки, настроенныя правительствомъ между потребностями его подданныхъ и ихъ сознаніемъ, съ одной стороны, и между самими подданными, съ другой, должно быть, не можетъ не быть первымъ шагомъ по пути къ освобожденію. Чѣмъ большее число россіянъ отброситъ рогатки, тѣмъ легче и безопаснѣе будетъ становиться всестороннее сопротивленіе насиліямъ правительства. Но для этого необходимо, чтобы исчезло очень распространенное мнѣніе, что „не стоитъ рисковать по пустякамъ“, необходимо убѣжденіе, что въ дѣлѣ разрушенія созданныхъ правительствомъ преградъ политическому сознанію и объединенію его подданныхъ нѣтъ пустяковъ, а нужно и важно все, что вопреки насилію создаетъ гласность, создаетъ свободную пе-

чать, тайные политическіе союзы и подготовленныя всѣмъ этимъ политическія манифестаціи, громкія заявленія объединившейся общественной воли.

Во всемъ этомъ каждый шагъ, каждое дѣйствіе такъ же необходимо, какъ необходима для жизни организма каждая капля обращающейся въ его жилахъ крови. Послѣдній рѣшающій моментъ освобожденія не дѣлается, онъ обыкновенно случается, но эта случайность подготовляется и становится неизбѣжной вслѣдствіе развившейся, вопреки всѣмъ рогаткамъ, активности, энергіи общества, его волѣ стать свободнымъ [1]).

Вотъ этому-то широкому развитію общественной активности и энергіи терроръ не только не содѣйствуетъ, а по самому существу своему не можетъ не ставить психологическихъ препятствій, если онъ представляется путемъ къ освобожденію и начинаетъ сосредоточивать на себѣ общественныя надежды.

Терроръ несомнѣнно очень волновалъ все жаждущее свободы русское общество, но это было пассивное волненіе,

---

[1]) За послѣдніе полтора вѣка такія же рогатки противъ „просвѣщенія" и объединенія своихъ подданныхъ строили всѣ пережившія себя правительства континентальной Европы, и всюду онѣ заранѣе опрокидывались стремившимся къ свободѣ населеніемъ. Чуть не вся литература французскаго „просвѣщенія" печаталась въ Голландіи и, несмотря на сжиганіе книгъ и на Бастилію, жадно читалась во Франціи. Меттерниховская Австрія почти перестала читать книги, не запрещенныя австрійской цензурой. Вся континентальная Европа первой половины XIX вѣка кишѣла тайными обществами отъ сравнительно умѣренныхъ до самыхъ крайнихъ.

И у насъ за послѣдніе годы рабочіе имѣютъ свободную печать, въ ихъ средѣ не прерываются организаціи. Все это еще далеко не совершенно и оставляетъ желать очень многаго относительно какъ качества, такъ и количества, но страхъ передъ запрещенной начальствомъ книжкой убитъ безвозвратно, и спросъ на нее во много разъ превышаетъ удовлетвореніе. Когда волнуются студенты, и они тоже создаютъ свою гласность бюллетеней, свои комитеты. Если наша широкая интеллигентная публика обыкновенно обходится безъ свободной печати, то причина этого заключается лишь въ недостаткѣ активности и энергіи. Развитіе популярной рабочей литературы встрѣчаетъ задержки въ простомъ недостаткѣ матеріальныхъ средствъ. Такихъ задержекъ не могла бы встрѣтить литература, въ которой нуждалась бы несравненно болѣе зажиточная интеллигентная публика. Если такой литературы нѣтъ, то только потому, что потребность въ ней еще не переросла привычной трусости и инерціи.

самодовлѣющее, не толкающее къ дѣйствію, сродни эстетическому волненію, вызываемому великими художественными произведеніями. Иной либеральный обыватель могъ плакать отъ умиленія передъ геройствомъ террористовъ, но его собственной жажды дѣятельности и способности къ риску это не увеличивало. Между героями и имъ была пропасть. Дѣйствующими террористами по самой сути дѣла могли быть лишь очень немногіе, исключительные по своей энергіи, безстрашію, конспиративной ловкости и опытности люди, а самая сила впечатлѣнія, производимаго ихъ дѣлами, заставляла блѣднѣть и терять привлекательность всѣ другія дѣла, начавшіяся казаться „пустяками". Вся активность, вся энергія сосредоточилась въ горсти героевъ, духъ борьбы не разливался въ ширь по мѣрѣ ея заостренія, а находилъ исходъ лишь въ сочувствіи, въ вѣрѣ въ „Исполнительный Комитетъ": онъ освободитъ.

При такомъ направленіи общественной энергіи не создавалось силы, которая могла воспользоваться нѣкоторымъ психическимъ разстройствомъ, произведеннымъ терроромъ въ правительствѣ, такъ какъ этого-то ни въ какомъ случаѣ не могла сдѣлать нелегальная организація террористовъ. А суженіе революціоннаго подъема, какъ бы ни было сильно обостреніе, само по себѣ вело къ его истощенію. Передача борьбы за освобожденіе въ руки горсти героевъ, какой бы сверхчеловѣческой силой они ни обладали, не только не вредитъ самодержавію, а сама является слѣдствіемъ чувствъ и понятій, унаслѣдованныхъ отъ самодержавія. Его вѣрные слуги обязаны думать, что всѣ дѣла родной страны, ея законы и учрежденія зависятъ всецѣло отъ высшаго начальства,—въ принципѣ отъ одного человѣка,—а остальные подданные могутъ по собственной иниціативѣ только „ура" кричать. Но если сторонники свободы, предоставляя ея завоеваніе горсти героевъ, оставляютъ за собою лишь то же самое „ура" въ глубинѣ души или въ разговорѣ съ пріятелями—развѣ это не наслѣдіе самодержавія?

А съ другой стороны, мнѣ вспоминается одинъ разговоръ въ „Братьяхъ Карамазовыхъ" между Иваномъ и Алешей. Иванъ спрашиваетъ брата, можетъ ли онъ допустить, чтобы люди, если бы для ихъ счастья нужно было „замучить одно только крохотное созданьице, одного ребеночка", могли со-

гласиться на это. Алеша отвѣчаетъ, что на это согласиться нельзя.

Отвѣтить утвердительно на вопросъ Ивана, сказать, что „счастье“ (или избавленіе отъ длящагося бѣдствія, называемаго самодержавіемъ) стоитъ страданія, съ полнымъ правомъ могутъ всѣ тѣ, но только тѣ—не правда ли?—кто себя ставитъ рядомъ съ „ребеночкомъ“, кто на себя готовъ взять долю и работы, и риска, и страданія, коли понадобится. У героевъ террористовъ было много поклонниковъ, но имъ однимъ досталось не только все дѣло, но и все страданіе. Еще счастливы были тѣ, кого казнили немедленно, но что вынесли остальные, которыхъ годъ за годомъ замучивали въ Шлиссельбургѣ! Ихъ порѣдѣвшіе остатки и теперь еще доживаютъ тамъ у могилъ замученныхъ товарищей...

Хорошо, если бы всѣ, кому хочется теперь возобновленія террора, спросили себя: что будутъ они дѣлать во время террора и гдѣ будутъ во время расплаты за него?

Двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ терроръ зародился на почвѣ безнадежности разбудить крестьянъ. Для многихъ изъ террористовъ онъ былъ лишь оружіемъ отчаянія, заставляющаго отдавать жизнь за то только, чтобы, по выраженію Степняка, заставить корчиться удава, сдавливающаго своими петлями тѣло Россіи.

Въ настоящій моментъ русскимъ людямъ, желающимъ свободы, нѣтъ никакихъ причинъ отчаиваться. Нужно только, чтобы всѣ сторонники свободы, всѣ враги нагайки поняли, что на этотъ разъ побѣда возможна, если всѣ они примутъ въ борьбѣ то или иное посильное участіе, что нечестно и безсердечно смотрѣть на борьбу сложа руки, что—съ ними или безъ нихъ—она пойдетъ своимъ чередомъ—къ побѣдѣ, если всѣ захотятъ ей содѣйствовать,—къ новымъ „восьмидесятымъ годамъ“, къ новому временному, конечно, торжеству спокойствія, царствовавшаго на Шипкѣ, если общая задача будетъ сложена на плечи одного отборнаго передового отряда.

„Искра“ № 3.
Апрѣль 1901 г.

Похвальное слово
„Московскимъ Вѣдомостямъ“.

Похвальное слово „Московскимъ Вѣдомостямъ“.

Жаль, что „Московскія Вѣдомости“ находятъ мало читателей внѣ круга лицъ, „высоко держащихъ правительственное знамя“. Это очень полезная газета, очень поучительная даже тогда, когда лжетъ на враговъ правительства, и совершенно незамѣнимая, когда говоритъ объ интересахъ этого правительства и о принципахъ самодержавія такую правду, которой вы не услышите ни отъ умѣренныхъ сторонниковъ „принципа“, ни отъ либераловъ. Одни изъ половинчатыхъ сторонниковъ самодержавія стараются отмежевать его отъ деспотизма, другіе прикрашиваютъ его „принципъ“, будто бы требующій, чтобы нужды и желанія народа доходили до трона, съ высоты котораго царь (въ принципѣ) удовлетворяетъ ихъ.

„Московскія Вѣдомости“ восхваляютъ не это прикрашенное самодержавіе, существующее лишь въ курсахъ государственнаго права или въ воображеніи славянофиловъ, а наше реальное самодержавіе въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ послѣ временныхъ уклоненій, оно возродилось при Александрѣ III, рѣшивъ существовать во что бы то ни стало, не стѣсняясь ничьими потребностями и не допуская никакихъ разговоровъ о нуждахъ или желаніяхъ. Самодержавное правительство, не безъ основанія утверждаютъ „Московскія Вѣдомости“, должно „править по собственной мысли и волѣ и дѣлать то, что находитъ нужнымъ, независимо отъ того, требовали этого или не требовали внѣправительственные политиканы. Если народъ, по мнѣнію правительства, дѣйствительно испытывалъ тѣ или другія нужды, то удовлетвореніе этихъ нуждъ должно было послѣдовать задолго до предъявленія какихъ-либо требованій, и въ такомъ случаѣ не было бы уступкой“. Всякой не только уступки, даже

видимости ея правительство должно избѣгать во что бы то ни стало. Уступка съ его стороны „была бы огромной ошибкой, *если бы даже требованіе улицы было резонно, ибо*... если оно исполняетъ голосъ улицы, то улица и должна быть властью. По крайней мѣрѣ, при откровенномъ признаніи этой власти, голосъ улицы будетъ исполняться не въ видѣ „уступокъ“, т. е. не съ задержками, не съ отговорками, а прямо и быстро“.

Нельзя не признать логичности этого разсужденія, взятаго нами изъ статьи „Урокъ исторіи“ (Мос. Вѣд., 12-го апрѣля 1901 г.). Для всякаго человѣка, смотрящаго на дѣло съ точки зрѣнія интересовъ народа, изъ этого логичнаго разсужденія можетъ быть лишь тотъ выводъ, что въ быстро развивающейся странѣ, съ безпрестанно измѣняющимися условіями существованія и разростающимися общественными потребностями, самодержавіе не можетъ существовать, и власть должна перейти къ представителямъ населенія всѣхъ городскихъ и деревенскихъ улицъ.

Для „Мос. Вѣд.“, стоящихъ на точкѣ зрѣнія правительства и вполнѣ резонно отдѣляющихъ его интересы отъ интересовъ всего „внѣ-правительственнаго“ населенія или, вѣрнѣе, не признающихъ за населеніемъ ни малѣйшаго права имѣть какія бы то ни было общественныя потребности, кромѣ единой, всепоглащающей потребности въ „сильной самодержавной власти“, естественный выводъ изъ разсужденія тотъ, что въ интересахъ самосохраненія правительство должно больше всего „заботиться о полномъ молчаніи „внѣ-правительственной“ Россіи“. Отсюда необходимость возможно большаго сокращенія народнаго образованія, самоуправленія, печати, правосудія; необходимость чѣмъ дальше, тѣмъ меньше стѣснять себя положительными законами, такъ какъ съ законами въ рукахъ, какъ бы ни была упрощена процедура ихъ изданія, не угоняешься за всѣми проявленіями „внѣ-правительственнаго“ настроенія, становящимися по мѣрѣ развитія страны все многочисленнѣе и разнообразнѣе. Когда правительство принялось сокращать всѣ зародыши этихъ элементарнѣйшихъ благъ, „Мос. Вѣд.“ неизмѣнно сопровождали его сокрушительную дѣятельность разъясненіемъ несовмѣстимости благъ съ прочностью самодержавія. Онѣ всегда изображали эту форму правительства

въ самомъ мрачномъ, самомъ безнадежномъ для населенія видѣ.

За то „на зло уму, наперекоръ стихіямъ" защитой правительства съ точки зрѣнія интересовъ населенія занялась либеральная пресса, упорно исповѣдуя свою вѣру въ „благія намѣренія правительства". Съ тѣхъ поръ, какъ началась ломка „великихъ реформъ", между оставленными въ живыхъ органами либеральной прессы и „Мос. Вѣд." завелась самая противоестественная полемика. Проникнуть въ печать извѣстія о томъ или иномъ реакціонномъ проектѣ, „Мос. Вѣд." радостно привѣтствуютъ новый кнутъ, которымъ правительство намѣрено искоренить то или иное благо, а либеральная пресса возражаетъ, что реакціонная газета извращаетъ благія намѣренія правительства, что, если такія-то фразы проекта понять такъ то, кнутъ окажется маленькой плеточкой, что за цѣлость блага ручается мудрая заботливость о немъ правительства и проч. Но „Мос. Вѣд." всегда оказывались правыми, кнутъ оказывался кнутомъ, а отъ блага оставалось одно пріятное воспоминаніе, что, впрочемъ, ни на волосъ не измѣняло тактики либеральной прессы. Она упорно продолжала приписывать правительству не существующія но желательныя съ ея точки зрѣнія свойства, а „Мос. Вѣд." продолжали противопоставлять этимъ фантазіямъ реальное самодержавіе, подчинившее все и вся единой заботѣ о своей собственной „незыблемости".

Но если либералы идеализировали и продолжаютъ идеализировать правительство, то „Моск. Вѣд.", въ свою очередь, идеализируютъ всѣ внѣправительственные элементы русскаго общества, изображая ихъ такими, какими они должны бы быть, если бы относились къ интересамъ населенія съ тою же горячностью, съ какою „Мос. Вѣд." относятся къ интересамъ самодержавнаго правительства.

Написанныя съ вдохновеніемъ, такія изображенія того, что должно быть, производятъ ободряющее впечатлѣніе, а иногда, въ формѣ предостереженія правительства противъ козней его идеализированныхъ враговъ, содержатъ также очень полезные для этихъ враговъ совѣты и указанія.

Къ такимъ удачнымъ во многихъ отношеніяхъ произведеніямъ нельзя не причислить статью подъ заглавіемъ: „Caveant consules!", помѣщенную въ „Мос. Вѣд." 5-го и

6-го апрѣля нынѣшняго года. „Во вновь переживаемую нами смутную эпоху, говоритъ авторъ, долгъ каждаго не скрывать волнующія его мысли“. Поэтому „вопреки опасенію возбудить гнѣвъ на себя, а можетъ быть и болѣе“ (чьего гнѣва опасается авторъ, остается невыясненнымъ), онъ пишетъ свою предостерегающую статью, начиная ее тоже съ „урока исторіи“, для котораго считаетъ „вполнѣ достаточнымъ вспомнить наши семидесятые годы“ и „диктатуру сердца“, когда даже чиновники ждали „пресловутаго увѣнчанія зданія“. „Новое царствованіе, продолжаетъ авторъ, кореннымъ образомъ измѣнило курсъ русскаго правительства... совершенно разбило конституціонныя бредни и незыблемо утвердило въ Россіи самодержавное начало... Вся дѣятельность проникается вполнѣ неуклоннымъ характеромъ. Учреждается институтъ земскихъ начальниковъ... Въ реформахъ земскаго и городского управленія проводится тотъ же принципъ усиленія власти и начала сословности. Органы печати, наиболѣе смущавшіе воспріимчивыя головы, подвергаются полному воспрещенію, а за остальными устанавливается болѣе бдительный надзоръ“. Университеты доводятся до такого состоянія, что „является возможность царствующей Императорской четѣ неоднократно осчастливливать ихъ своимъ посѣщеніемъ... и въ результатѣ благополучіе, спокойствіе... благоденствіе подъ скипетромъ Самодержца“.

Авторъ и „вѣритъ и знаетъ“, что и теперешній самодержецъ неуклонно держится системы своего родителя, но тѣмъ не менѣе на Руси появились „независящія отъ Верховной власти уклоненія отъ завѣтовъ Царя-Миротворца“.

Начинается перечисленіе „уклоненій“ и вдругъ оказывается, что, несмотря на всѣ неуклонныя мѣропріятія, „земскія, городскія и иныя общественныя собранія продолжаютъ считать себя не частью правительства, а чѣмъ то особеннымъ, внѣ его стоящимъ и настроеннымъ враждебно противъ администраціи. Дворянство день ото дня исчезаетъ... Число держащихъ высоко правительственное знамя быстро умаляется передъ количествомъ лицъ, стремящихся къ революціоннымъ принципамъ свободы и равенства“. „Большинство нашей періодической печати явно на сторонѣ противуправительственной, нѣсколько органовъ флюгерной си-

стемы (удачный эпитетъ!) и лишь самое ограниченное количество консервативнаго направленія". Провинція ненавидитъ администрацію и не желаетъ читать ничего, кромѣ изданій противуправительственнаго направленія. Цензура не помогаетъ. „При строгости цензора газета получаетъ ореолъ мученичества. Вообще въ провинціальныхъ городахъ мѣстный печатный органъ находится какъ бы въ одномъ лагерѣ съ интеллигенціей противъ общаго ихъ врага—Высшаго правительства, съ его мѣстными представителями".

Огромное „уклоненіе" оказалось и въ деревняхъ. „Щедрость" правительства въ годы неурожаевъ принесла здѣсь больше вреда, чѣмъ сами неурожаи, внушивъ населенію надежду на „даровое кормленіе". Эти неурожаи даютъ богатый матеріалъ для наполненія газетъ „раздирающими сердце описаніями, переполненными всевозможными вымыслами. Здравый голосъ мѣстныхъ властей (отрицающихъ нужду въ ссудахъ) служитъ основаніемъ внушать населенію, что со стороны должнствующихъ печься о немъ встрѣчается не только равнодушіе, но и злорадство". Лицамъ, мечтающимъ о наступленіи момента, когда народъ не будетъ ходатайствовать о выдачѣ ссудъ, а будетъ требовать хлѣба, народное бѣдствіе, какъ недородъ хлѣбовъ, послужило однимъ изъ средствъ дискредитировать въ его глазахъ правительство".

Уже „послужило", какъ видите. Хорошо бы устами „Моск. Вѣд.", да медъ пить.

Но развѣ не полезный совѣтъ всѣмъ тѣмъ, кому дороги интересы крестьянъ, заключается въ послѣднихъ строкахъ? Развѣ не слѣдовало бы разъяснить крестьянамъ дѣйствительное отношеніе къ ихъ бѣдствію „верховнаго правительства и его мѣстныхъ представителей"? Вѣдь для этого достаточно было бы распространять въ голодающихъ мѣстностяхъ тѣ нумера реакціонныхъ газетъ—„Моск. Вѣд." въ особенности, — гдѣ отрицается серьезность бѣдствія, помощь крестьянамъ признается вредной, сами крестьяне обвиняются въ лѣности; гдѣ каждая строчка дышетъ враждой какъ къ крестьянамъ, такъ и къ тѣмъ добрымъ людямъ, которые несутъ имъ во время бѣдствія посильную помощь.

Поскольку правительство уже дискредитировалось въ глазахъ крестьянъ, оно сдѣлало это своими собственными усиліями, урѣзываніемъ ссудъ, закрытіемъ столовыхъ, вы-

сылками тѣхъ, кто помогаетъ голодающимъ. Но несомнѣнно, что крестьянъ обязательно познакомить также и съ соотвѣтствующей этой практикѣ теоріей голодовокъ, преподаваемой „Моск. Вѣд.“ До сихъ поръ этого не было сдѣлано, но пусть не безпокоится почтенная газета, этотъ долгъ, какъ и всѣ другіе, будетъ выполненъ, если не либеральной, то революціонной частью внѣ-правительственнаго лагеря.

Сплоченный лагерь всей интеллигенціи вмѣстѣ съ прессой „противъ ихъ общаго врага—высшаго правительства съ его мѣстными представителями“ тоже принадлежитъ къ области должнаго, но еще не существующаго. Съ другой стороны въ нарисованной „Моск. Вѣд.“ отрадной картинѣ отсутствуетъ самая важная отличительная черта „вновь переживаемой нами смутной эпохи“. Въ ней нѣтъ упоминанія о ростѣ революціоннаго духа въ рабочемъ классѣ, о ярко проявившемся антиполицейскомъ, сочувственномъ „преступнымъ манифестаціямъ“, настроеніи всего населенія больших городскихъ центровъ. Отъ „Моск. Вѣд.“, такъ охотно преподносящихъ „уроки“, почерпнутые изъ „исторіи“ европейскихъ революцій, не могло укрыться громадное, рѣшающее значеніе этого новаго у насъ явленія. Не ихъ вина, если до сихъ поръ онѣ еще не воспѣли его съ свойственной имъ силой. Воспѣть, очевидно, мѣшаютъ циркуляры главнаго управленія по дѣламъ печати.

Одна изъ реакціонныхъ газетъ—„Гражданинъ“ или „Моск. Вѣд.“—недавно высчитала, что за послѣднія десятилѣтія число враговъ самодержавія выросло въ 99 разъ. Гдѣ ихъ прежде была тысяча,—теперь сотня тысячъ. Прогрессія, конечно, произвольная, но едва ли преувеличенная. И это ускоренное возростаніе произошло именно въ ту эпоху, когда, „измѣнивши кореннымъ образомъ свой курсъ“, правительство „незыблемо утвердило въ Россіи самодержавное начало“, когда вся его дѣятельность была и остается „проникнутой вполнѣ неуклоннымъ характеромъ“. Но возростаніе совершалось и въ уклончивое царствованіе Александра II и при неуклонномъ Николаѣ I. Это возростаніе не можетъ, очевидно, быть остановлено никакимъ правительственнымъ курсомъ“, не тотъ или иной „курсъ“, а самое существованіе самодержавія, съ каждымъ десятилѣтіемъ становится невы-

носимымъ все болѣе и болѣе широкимъ слоямъ пробуждающейся Россіи.

Самодержавное правительство находится теперь въ положеніи колдуна въ сказкѣ Гоголя „Страшная месть". Колдунъ узналъ, что конецъ ждетъ его на вершинѣ Карпатскихъ горъ. Онъ садится на коня и ѣдетъ въ противоположную отъ этихъ горъ сторону, долго ѣдетъ и вдругъ, всмотрѣвшись, различаетъ на горизонтѣ очертанія страшныхъ для него горъ. Онъ поворачиваетъ коня и что есть силы скачетъ цѣлую ночь въ противоположную сторону, а на разсвѣтѣ замѣчаетъ, что уже поднялся надъ первыми уступами роковыхъ горъ. Колдунъ мечется, вертится и съ каждымъ скачкомъ коня, въ какую бы сторону онъ ни направилъ его курсъ, оказывается все ближе и ближе къ вершинѣ.

Изъ собственныхъ же статей „Моск. Вѣд." ясно, что не поможетъ никакой „курсъ" и русскому самодержавію. Онѣ правы, утверждая, что всякія „уступки" вызываютъ новыя требованія, но и „неуклонность" по меньшей мѣрѣ не препятствуетъ усиленному накопленію революціонныхъ силъ, неизбѣжно вступающихъ въ борьбу. И если прежде, когда духъ борьбы вѣялъ лишь надъ ручьями и рѣчками сперва дворянской, а потомъ разночинской интеллигенціи, еще можно было надѣяться утомить, обезсилить, выловить ея численно ограниченныя силы, то теперь, когда онъ подулъ уже надъ безбрежнымъ моремъ народныхъ массъ, такія „мечтанія" становятся совершенно „безсмысленными". Моря полицейскимъ ковшомъ не вычерпаешь.

Приступая къ освобожденію крестьянъ, Александръ II сказалъ, что лучше начать его сверху, чѣмъ ждать снизу, и несомнѣнно, что для помѣщиковъ это было лучше: имъ не пришлось поплатиться ничѣмъ, кромѣ „правъ" на насилія надъ личностью крестьянина. Можно допустить, что это было „лучше" и для части взрослаго въ то время крестьянскаго поколѣнія. Борьба „за освобожденіе снизу" могла затянуться, могла стоить массы жизней... Но нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что для слѣдующаго же крестьянскаго поколѣнія было бы неизмѣримо лучше, если бы освобожденіе пришло снизу. Не было бы въ такомъ случаѣ ни отрѣзковъ отъ надѣловъ, ни выкупныхъ платежей, не было бы земскихъ начальниковъ и всего того сверхштатнаго безправія,

которымъ пользуется крестьянинъ даже по сравненію съ остальными сословіями безправной Россіи. Надъ сознавшимъ свою силу и доказавшимъ ее крестьянствомъ такъ измываться никто не посмѣлъ бы и думать.

Для полицейской партіи тоже было бы лучше, если бы освобожденіе отъ самодержавія совершилось путемъ „уступокъ“. Постепенное устраненіе самыхъ кричащихъ, самыхъ безобразныхъ его проявленій ослабляло бы накопляющуюся ненависть, партія могла бы постепенно стушеваться, не поплатившись за свои грѣхи. Но за то чѣмъ упорнѣе будетъ сопротивляться самодержавіе, чѣмъ продолжительнѣе будетъ борьба, тѣмъ больше накопится ненависти и тѣмъ полнѣе смететъ эта ненависть все связанное со старымъ порядкомъ. Больше будетъ отвоевано у будущаго, полнѣе осуществится демократія, съ большимъ сознаніемъ своей силы вступитъ въ новый политическій строй трудящееся населеніе Россіи, легче будутъ дальнѣйшія задачи соціалдемократіи.

Но если для бюрократическо-полицейской партіи существуетъ два пути къ разлукѣ съ самодержавіемъ, то для насъ, нѣтъ и быть не можетъ иного пути, кромѣ неуклонной борьбы, однимъ же изъ необходимѣйшихъ средствъ борьбы является политическая агитація. А кто лучше „Моск. Вѣд.“ умѣетъ показать злостную подкладку каждаго правительственнаго мѣропріятія? Кто лучше ихъ умѣетъ оголять самодержавіе отъ всѣхъ покрововъ, срывать всѣ фиговые листки, налѣпляемые на него либеральной и полулиберальной прессой, и выставлять на позорище всю циничную наготу его „принципа“? Ихъ статьи о голодѣ могутъ въ то же время служить незамѣнимымъ пособіемъ для политической агитаціи среди крестьянъ. Не можемъ поэтому не пожелать „Моск. Вѣд.“ побольше читателей изъ всѣхъ слоевъ непправительственной Россіи. Но для этого необходимо, чтобы почтенную газету почаще посѣщало вдохновеніе. Въ спокойные промежутки она нестерпимо скучна и читать ее нѣтъ ни малѣйшей возможности. Но о мотивахъ для вдохновенія въ „переживаемую нами смутную эпоху“ будетъ заботиться сама жизнь.

„Искра“ № 6.
Іюль 1901 г.

О чемъ говорятъ намъ
іюльскіе дни.

О чемъ говорятъ намъ іюльскіе дни?

Громадной важности событія разыгрались на югѣ Россіи. Ихъ описанія наполняли собою ближайшіе къ нимъ номера подпольной прессы всѣхъ направленій и въ настоящій моментъ уже вытѣсняются съ ея столбцовъ другими матеріалами. А между тѣмъ поставленные этими событіями вопросы не только не подверглись обсужденію, но еще почти что не затронуты. Рѣшительную и вдумчивую ихъ постановку мы встрѣтили до сихъ поръ только въ одномъ, еще не напечатанномъ, письмѣ изъ Кіева. Но мы убѣждены, что волнуютъ и мучаютъ эти вопросы далеко не одного только нашего кіевскаго товарища, а многихъ и многихъ русскихъ дѣятелей. Мысль русской соціалдемократіи должна остановиться на нихъ; ихъ ставятъ не отдѣльныя лица, а сама жизнь. Что именно произошло на нашемъ югѣ? были ли это стачки, демонстраціи, возстанія? „Ничего подобнаго не знала Россія и даже, думается, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не зналъ міръ",—пишетъ кіевскій товарищъ. Указавъ на громадные размѣры движенія, онъ отмѣчаетъ затѣмъ то, что представляется ему „новымъ въ міровой исторіи"— это „безусловная солидарность всѣхъ рабочихъ" безъ всякаго различія профессій и національностей. Бастуютъ, какъ одинъ человѣкъ, всѣ рабочіе, начиная съ наилучше обставленныхъ профессій до самыхъ низшихъ чернорабочихъ. Стоятъ пароходы, задерживаются поѣзда, погасло электричество, бастуютъ приказчики большихъ магазиновъ, нѣтъ конокъ, быстро дорожаетъ хлѣбъ, не выходятъ газеты, нѣтъ мяса, некому чистить сапогъ, остановились постройки, въ Баку не хватаетъ воды. Въ Западной Европѣ, говоритъ кіевскій товарищъ, несмотря на полувѣковую исторію соціа-

листическаго движенія, на организацію и политическую свободу, *такихъ* стачекъ не бывало. Тамъ грандіозныя стачки случаются лишь въ извѣстныхъ профессіяхъ.

Авторъ правъ. Въ странахъ Западной Европы, имѣющихъ большія профессіональныя организаціи и давно существующія соціалистическія партіи, еще не бывало стачекъ, достигающихъ такой всеобщности, какъ у насъ на югѣ, и—въ качествѣ явленія, однороднаго со стачками въ отдѣльныхъ профессіяхъ—ихъ, думается намъ, никогда и не будетъ. Всеобщая стачка ради давленія на отдѣльныхъ предпринимателей, какъ получателей прибыли, средство очень сильное, но не цѣлесообразное. Именно по своей всеобщности и неизбѣжной по этому самому кратковременности, отдѣльнымъ предпринимателямъ, какъ таковымъ, она въ большинствѣ случаевъ можетъ причинить лишь незначительный вредъ, доставляя въ то же время громадныя затрудненія всему населенію въ качествѣ потребителя. По самой сути дѣла, всеобщая стачка можетъ быть цѣлесообразнымъ средствомъ давленія лишь на общество, какъ организованное цѣлое; она и выдвигалась въ Европѣ (а въ Голландіи и Бельгіи отчасти практиковалась), какъ средство политическаго давленія и проповѣдывалась, какъ приступъ къ соціальной революціи.

Но всмотритесь хорошенько въ наши южныя стачки. Уже одно наиболѣе всеобщее изъ всѣхъ требованій: 8-ми-часовой рабочій день—самой своей международной цифрой говоритъ о своемъ скорѣе принципіальномъ, чѣмъ практическомъ значеніи, носитъ скорѣе характеръ лозунга, какимъ оно до сихъ поръ еще остается и въ западной Европѣ, чѣмъ требованія, подлежащаго немедленному удовлетворенію. И въ дѣйствительности, если въ Баку всеобщая стачка выросла изъ частныхъ, если часть одесскихъ рабочихъ, въ которой запутавшіеся въ свои же собственныя сѣти независимцы возбудили надежды на покровительство начальства, дѣйствительно вѣрила въ удовлетвореніе всѣхъ своихъ требованій, то желѣзнодорожные рабочіе, взявшіе на себя иниціативу всеобщей стачки въ Кіевѣ, опасались поспѣшнаго удовлетворенія, которое испортило бы все дѣло, и умышленно выставляли невыполнимыя, по ихъ мнѣнію, требованія. И способъ распространенія этой всеобщей

стачки и многія явленія въ ея ходѣ и окончаніи въ значительной степени отнимаютъ у нея характеръ простой борьбы рабочихъ съ своими непосредственными предпринимателями. Распространяется движеніе съ громадной быстротой, перекидываясь изъ одного города въ другой и въ 2—3 дня охватывая все производство, причемъ. если рабочіе, начинающіе въ данномъ городѣ стачку, предъявляютъ своимъ хозяевамъ цѣлый рядъ требованій, то дальше многіе бросаютъ работу уже безъ всякихъ требованій, бросаютъ потому, что всѣ встали, что къ нимъ подошла толпа бастующихъ товарищей. Иной разъ (въ Екатеринославѣ, въ Одессѣ и проч.) требованія вырабатываются на массовыхъ, многотысячныхъ митингахъ, состоящихъ изъ рабочихъ самыхъ различныхъ профессій. Въ разгаръ стачки не разъ случается, что тѣ или другіе предприниматели предлагаютъ своимъ рабочимъ очень большія уступки, но, пока длится одушевленіе, эти уступки рѣшительно отвергаются, и когда, подъ вліяніемъ утомленія, толпы на улицахъ рѣдѣютъ и митинги на пустыряхъ и площадяхъ прекращаются, стачка заканчивается еще дружнѣе, чѣмъ началась, и всѣ становятся на работу безразлично, получили или не получили какія - нибудь уступки. Все это носитъ скорѣе характеръ общественнаго протеста цѣлаго класса противъ лежащаго на немъ экономическаго и политическаго гнета, чѣмъ простой стачки противъ своихъ непосредственныхъ предпринимателей. Мы не хотимъ, разумѣется, сказать, чтобы это массовое движеніе было сознательно направлено противъ существующаго экономическаго и политическаго строя Россіи. Но, несомнѣнно, что рядомъ со всяческой нуждой оно было направлено и противъ неподвижности, угнетенности, самоуправства и безправія, свойственныхъ бюрократическому строю, а тѣмъ самымъ и противъ всѣхъ охранителей этого строя. И эта послѣдняя сторона движенія выразилась особенно ярко въ безпрерывной и въ большинствѣ случаевъ побѣдоносной борьбѣ съ полиціей и казаками за свободу уличныхъ собраній, рѣчей, кое-гдѣ шествій.

Да, такихъ *стачекъ* не видывала Европа, но ту солидарность возставшихъ рабочихъ массъ безъ различія профессій и національностей, которая особенно поражаетъ кіевскаго товарища, не разъ видали столицы континентальной

Европы. Въ ихъ революціонные дни такъ же пусты были фабрики и мастерскія, хотя рабочіе уходили изъ нихъ, не предъявивъ хозяевамъ никакихъ требованій, а улицы были наполнены многотысячной толпой, въ которой рабочіе всѣхъ профессій перемѣшивались со студентами, съ одной стороны и съ самымъ низшимъ слоемъ пролетаріата, не имѣющимъ никакой прочной профессіи, съ другой. И эти массы тоже начинали съ того, что слушали многочисленныхъ ораторовъ, говорившихъ съ какого-нибудь возвышенія или поднявшись на плечи товарищей.

Многія сцены, разыгравшіяся въ Кіевѣ, точно списаны съ того, что болѣе 50 лѣтъ тому назадъ происходило въ Парижѣ или Берлинѣ; рабочіе у вокзала, на угрозу стрѣлять распахивающіе груди съ крикомъ „стрѣляй", шествіе съ трупами убитыхъ товарищей. И, вмѣсто подавленности послѣ залповъ, общее возмущеніе, крикъ: „долой убійцъ!", разростаніе движенія и въ ширь и въ глубь. Если бы выбывшій изъ строя 50 лѣтъ тому назадъ революціонеръ Парижа или Берлина вдругъ очутился среди толпы передъ вокзаломъ, онъ сразу почувствовалъ бы себя въ той самой атмосферѣ, изъ которой вырвала его когда то вражья пуля. О подражаніи тутъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи: просто одинаковыя чувства въ аналогичномъ положеніи вызываютъ одинаковые жесты, слова, дѣйствія. Кіевскій товарищъ самъ замѣчаетъ, повидимому, что наши іюльскіе дни имѣютъ болѣе общаго съ революціонными бурями Западной Европы, чѣмъ съ современными профессіональными стачками, хотя бы и самыми грандіозными; онъ самъ называетъ ихъ „прелюдіей къ революціи". Въ эти дни положеніе объ усиленной охранѣ фактически не дѣйствовало. „Всѣ дни, помимо тысячныхъ массъ, на всѣхъ рабочихъ улицахъ толпится народъ. Группы въ 20—50 человѣкъ на глазахъ городовыхъ читаютъ листки, ведутъ пренія". А городовые благоразумно лущатъ сѣмячки. Когда же, собравшись скопомъ, полиція вмѣстѣ съ казаками нападаетъ на сколько-нибудь значительную толпу, то въ большинствѣ случаевъ терпитъ пораженія. „Народъ уже не боится казаковъ и полиціи. Во всѣхъ столкновеніяхъ съ ними онъ, взявшись за камни, всегда обращалъ ихъ въ бѣгство". Такъ было въ Кіевѣ, но если кое-гдѣ конной и пѣшей полиціи въ соединеніи съ каза-

ками и случалось сдерживать напоръ толпы, то въ общемъ эти спеціальные охранители русскаго порядка были безсильны. Мѣшать въ такіе дни свободѣ массовыхъ митинговъ подъ открытымъ небомъ могутъ теперь только залпы регулярныхъ войскъ. Но и тутъ... согнать данную толпу съ даннаго мѣста они еще могутъ, но „усмирить" волнующіяся массы, запугать, вызвать подавленное настроеніе — они не въ состояніи. Какъ разъ наоборотъ. Въ Екатеринославѣ, гдѣ войска были пущены въ ходъ въ самомъ началѣ стачки, это не мѣшало ей сдѣлаться всеобщей и носить ярко протестующій характеръ. Въ Кіевѣ именно послѣ залпа у вокзала, настроеніе массъ достигло максимума революціоннаго подъема; стачка, до этого еще частичная, стала всеобщей и утихла только черезъ три дня послѣ залповъ на набережной, закончившихъ собою подвиги войскъ. Она стихла бы и въ томъ случаѣ, если бы войска вовсе не употреблялись. Свободное массовое проявленіе всѣхъ своихъ силъ—великое благо въ странѣ, гдѣ назрѣвшая потребность въ свободѣ не получаетъ никакого удовлетворенія; но недѣля такой интенсивной жизни на улицѣ не могла не вызвать утомленія. Утвержденіе „Рев. Россіи", что „движеніе стихло подъ давленіемъ военной силы", противорѣчитъ даже ея собственнымъ корреспонденціямъ.

Это движеніе не только не „разбилось объ утесъ самодержавія", но откололо отъ этого утеса громадный кусокъ. Рабочій классъ юга Россіи воочію доказалъ себѣ самому, правительству и всему населенію, что, даже вооруженный одними камнями, онъ можетъ день за днемъ, несмотря на всѣ усилія жандармеріи, казаковъ и полиціи, пользоваться полной свободой слова на митингахъ подъ открытымъ небомъ, когда ему угодно покинуть для этого свои мастерскія; что всѣхъ силъ, находящихся въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, уже недостаточно для охраны свойственнаго нашему строю порядка, и противопоставить поднявшимся рабочимъ правительство можетъ теперь только войско. Рабочему классу придется, конечно, повторять и укрѣплять это доказательство, чтобы ввести его въ общее сознаніе, но самый фактъ представляетъ собою такой громадный шагъ въ ходѣ надвигающейся революціи, что переоцѣнить его нѣтъ никакой возможности. Въ самомъ дѣлѣ: если достаточную *мате-*

ріальную силу правительство можетъ теперь видѣть только въ войскѣ, то на вѣрность, на прочную *нравственную солидарность* со своими интересами оно можетъ разсчитывать только со стороны полиціи. Кто въ настоящее время поступаетъ на полицейскую службу, тотъ заранѣе мирится съ ненавистью большинства населенія. Тотъ готовъ совершать всѣ звѣрства, которыя лежатъ на обязанности русской полиціи. Но у правительства нѣтъ никакихъ основаній вѣрить во всегдашнюю готовность къ убійствамъ со стороны насильно забранныхъ солдатъ. У него есть всѣ основанія подозрѣвать, что роль убійцъ своихъ же братьевъ очень непріятна значительной части солдатъ, а для иныхъ совершенно невыносима; что, посылая ихъ противъ рабочихъ, оно само вынуждаетъ солдатъ горячо раздумывать о такихъ вопросахъ, которые иначе не пришли бы имъ въ голову, что число такихъ солдатъ должно расти отъ одного соприкосновенія съ взволнованной рабочей средой, не говоря уже о систематической пропагандѣ. Съ другой стороны, усиленная неблагонамѣренность гражданской учащейся молодежи имѣетъ много шансовъ заразить и военную, а правительство по горькому опыту знаетъ, какъ безсильны противъ такой заразы всѣ мѣры, какія оно только можетъ придумать.

Боевыхъ генераловъ, готовыхъ скомандовать убійство, у правительства всегда хватитъ, но оно не можетъ не знать, что съ каждымъ днемъ приближается къ тому моменту, когда ненавистный приказъ, вмѣсто выстрѣловъ поверхъ головы, начнетъ встрѣчать открытое неповиновеніе. Поставить правительство на путь собственноручнаго расшатыванія своего главнѣйшаго оплота могла только поднявшаяся рабочая масса. И во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, поскольку дѣло зависѣло отъ массъ, движеніе было въ высшей степени успѣшно. Оно показало, какъ велико уже единство рабочаго класса, какъ много въ немъ элементовъ организованности, позволившей ему сразу выработать такой простой способъ быстро мобилизовать всѣ свои силы.

Намъ, соціалъ-демократамъ, нельзя, конечно, не огорчаться тѣмъ, что комитеты не были къ моменту движенія вдесятеро сильнѣе, не могли выпустить вдесятеро больше листковъ, выставлять вдесятеро больше ораторовъ, не могли, однимъ словомъ, въ достаточной мѣрѣ использовать недѣльной

отмѣны самодержавныхъ порядковъ. Но, поскольку въ жалобахъ на то, что „стихійность опять переросла организованность... сознательность“, слышится и нѣчто другое; эти жалобы, мнѣ кажется, основаны на недоразумѣніи. Да развѣ движеніе было стихійно? Если подъ стихійностью подразумѣвать первобытность вообще или по отношенію социалъ-демократіи, то въ нашемъ южномъ выступленіи не было ничего первобытнаго, все въ немъ говоритъ о вліяніи новаго [1]) революціоннаго времени; на немъ лежитъ явный отпечатокъ воздѣйствія соціалъ-демократіи—это въ значительной степени плоды ея многолѣтней работы.

Но въ данное время, въ данной формѣ движеніе не было предвидѣно, и его размѣры превзошли всѣ ожиданія? Это показываетъ только, какую великую эпоху мы переживаемъ. Въ нарастающей революціонной атмосферѣ всякое нужное слово рождаетъ стократное эхо, всякое цѣлесообразное усиліе, кромѣ прямого, приноситъ еще и косвенные плоды. Пока растетъ революціонное движеніе, „стихійность“ въ этомъ смыслѣ всегда будетъ перерастать организованность. Соціалъ-демократія должна, конечно, проникнуть какъ можно дальше въ рабочую среду со своею сознательностью, раскинуть какъ можно шире организованность. Только этимъ организованнымъ ядромъ движенія она и можетъ распоряжаться съ полной увѣренностью въ соотвѣтствіи дѣйствій плану. Но чѣмъ шире распространится непосредственное вліяніе комитетовъ, тѣмъ шире будетъ и та окружность, до которой будутъ долетать отголоски поднятаго движенія. А чѣмъ дальше отъ центровъ сознательности они долетаютъ, будя все болѣе и болѣе сѣрыя массы, тѣмъ меньше поддаются учету и размѣры, и формы, и сроки проявленій массоваго движенія. Смущаться этимъ соціалъ-демократіи не приходится. Но, съ другой стороны, было бы положительнымъ несчастіемъ, если бы, увлекшись всеобщими стачками, поставившими комитеты лицомъ къ лицу съ массовикомъ, соціалъ-демократы забросили другія, основныя отрасли своей дѣятельности. Во времена экономизма, какъ ни гонялись за массовикомъ, ему-то собственно ничего не сказали, а

[1]) Одесская травля политиковъ этому ничуть не противорѣчитъ. Это крошечный, минутный выигрышъ зубатовцевъ въ отчаянной и теперь уже проигранной игрѣ противъ новаго революціоннаго времени.

лишь внушили все тѣмъ же передовымъ рабочимъ нѣсколько ложныхъ мыслей, до сихъ поръ отзывающихся на ходѣ движенія.

Усиленная пропаганда, распространеніе литературы, листки, политическія демонстраціи вмѣстѣ со студентами—все это, хотя бы прямо и не затрагивало массовика, вліяетъ на него общимъ подъемомъ окружающей его атмосферы. Спеціальныя же усилія, направленныя на стачку, могутъ не дать ровно ничего. Всеобщую стачку слѣдовало бы, мнѣ кажется, предоставить самой жизни, прилагая къ ней всѣ заботы лишь тогда, когда она сама дается въ руки. Готовиться къ ней нужно, конечно, но всего лучше воспользуется всеобщей стачкой, всего больше готовъ къ ней будетъ тотъ комитетъ, у котораго всего богаче и шире будутъ поставлены всѣ отрасли его текущей работы.

„Рев. Россіи" кажется большимъ бѣдствіемъ недостатокъ рѣшительности со стороны революціонеровъ. Она очень сожалѣетъ, что во время волненій они не вступили (вооружившись, конечно) въ битву съ войсками.

Она напоминаетъ намъ, что многіе убитые предпочли бы смерть съ оружіемъ въ рукахъ въ уличной схваткѣ, на баррикадѣ или въ открытомъ нападеніи строя на строй. „Пусть открытая борьба на первыхъ своихъ стадіяхъ можетъ быть подавлена свинцомъ и кровью..., но, вѣдь, надо же когда-нибудь начинать, и лучше умереть съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ погибнуть, спасаясь бѣгствомъ, отъ шальной пули". „Это—старыя и простыя истины", увѣряетъ она. Можетъ быть, это и истины, но совершенно не идущія къ дѣлу.

Дѣло совсѣмъ не въ томъ, какую именно смерть предпочли бы наши погибшіе товарищи, какъ и не въ томъ, что лично для себя предпочли бы живые революціонеры, а въ томъ, что именно требовалось ростомъ революціоннаго подъема рабочихъ массъ. А мы глубоко убѣждены, что для великой южной демонстраціи, стачки, массового протеста,—какъ хотите, опредѣлите это движеніе — сколько-нибудь стойкая битва съ войсками была бы просто противоестественна, а попытка передовой горсти революціонеровъ—вредна. У демонстраціи, пока психически она остается демонстраціей, нѣтъ того главнѣйшаго оружія—хотя бы демон-

странты и были вооружены съ головы до ногъ,—которымъ очень плохо вооруженныя и даже почти безоружныя народныя массы на Западѣ столько разъ побѣждали войска. Вооружаться надо—это несомнѣнно,—надо и при демонстраціяхъ, массовыхъ митингахъ, протестахъ. Но сила далеко не въ одномъ оружіи. Какъ бы хорошо ни была вооружена народная масса, войска всегда будутъ вооружены гораздо лучше. Оружіемъ массы, побѣждающей войска, можетъ быть лишь страстное упорство въ достиженіи опредѣленной цѣли. Народное волненіе превращается въ революцію, когда вся волнующаяся масса, объединившись на одномъ или нѣсколькихъ опредѣленныхъ требованіяхъ, проникается рѣшимостью не покидать улицу, не расходиться, не прекращать борьбы, пока эти требованія не получатъ удовлетворенія сейчасъ же, тутъ же, на мѣстѣ.

Такихъ требованій у выступившихъ на югѣ рабочихъ массъ не было.

Ихъ профессіональныя требованія непремѣннаго пребыванія десятковъ тысячъ на улицахъ не предполагали. Давленіе на хозяина оказываетъ самый фактъ отсутствія рабочаго изъ мастерской, а уже что онъ тамъ дѣлаетъ, когда не работаетъ,—отдѣльному хозяину, какъ таковому, болѣе или менѣе безразлично.

Рабочіе хотѣли собираться на улицахъ, слушать рѣчи и читать листки,—все это они и защищали отъ казаковъ и полиціи, но разбѣгались передъ залпами, чтобы снова собраться въ другомъ мѣстѣ. Завоевать свободное пользованіе этими благами разъ навсегда, не сходя съ улицы,—ни у массы, ни у ея вожаковъ и въ помыслахъ не было, да вѣдь, не было навѣрное и ни у кого изъ соц.-революціонеровъ. Уличный крикъ „долой самодержавіе!“ раздается пока еще только, какъ лозунгъ, угроза, средство агитаціи, а не какъ революціонное требованіе, которое отстаивается въ упорной битвѣ, съ полнѣйшей рѣшимостью—добиться или умереть. Отстаивать же подъ ружейнымъ огнемъ свое пребываніе въ данную минуту на данной площади, у рабочихъ не могло быть достаточныхъ стимуловъ.

Съ другой стороны, нельзя судить и о стойкости войска по его поведенію въ іюльскіе дни. Когда на Западѣ отряды войскъ переходили на сторону народа, они, конечно, риско-

вали поплатиться за это, если возстаніе будетъ побѣждено, но за то въ случаѣ побѣды ихъ ожидала всеобщая благодарность. Тамъ переходъ одного отряда увеличивалъ шансы побѣды, дѣйствовалъ заразительно на цѣлые полки, а затѣмъ уже простой разсчетъ заставлялъ класть оружіе.

Совсѣмъ иное дѣло такое волненіе, при которомъ никто не помышлялъ о немедленномъ уничтоженіи власти врага; чтобы при такихъ условіяхъ взять на себя иниціативу перехода на сторону народа или хотя бы открытаго отказа стрѣлять, нужно гораздо больше героизма, чѣмъ для участія въ какой угодно демонстраціи. Отвращеніе къ навязываемой войску роли, совершенно достаточное при революціи для перехода на сторону народа, можетъ вызвать при демонстраціи лишь отсутствіе „старанія“, смотрѣніе сквозь пальцы на побѣгъ плѣнныхъ, стрѣльбу поверхъ головъ, которая констатируется во всѣхъ корреспонденціяхъ. Для большаго нужно уже очень широкое распространеніе революціоннаго настроенія въ войскахъ. По южнымъ волненіямъ нельзя, слѣдовательно, судить ни о боевой способности рабочей массы, ни о томъ, сколько среди войскъ людей, сочувствующихъ той сторонѣ, противъ которой ихъ ведутъ.

Ѳдна и та же причина увеличиваетъ при демонстраціяхъ стойкость войскъ и уменьшаетъ его среди демонстрантовъ Намъ кажется, поэтому, что, пока народныя волненія остаются протестами, стачками, демонстраціями (не ставятъ себѣ опредѣленной, немедленно достижимой цѣли), нападать на войска не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ; намъ кажется далѣе, что демонстрація, уступившая лишь ружейному залпу, еще не можетъ считаться неудавшейся. Другое дѣло полиція, казаки, жандармерія. Противъ этихъ спеціальныхъ и безусловныхъ враговъ движенія слѣдуетъ бороться и при демонстраціяхъ. Противъ нихъ упорная стойкость совершенно обязательна.

„Не настала ли пора подумать... какъ именно должно произойти паденіе абсолютизма и что станетъ непосредственно на его мѣсто? Не пора ли уже начать опредѣлять способы и пути революціи“? спрашиваетъ кіевскій товарищъ въ своемъ уже цитированномъ нами письмѣ. „Невольно кажется“, продолжаетъ онъ, „что рѣшительная минута не такъ

уже далека, и что встрѣтить ее неподготовленными, безъ опредѣленнаго плана было бы величайшей ошибкой. Думаю, что, если бы въ какомъ-либо изъ центровъ намъ удалось временно овладѣть властью, то эта самая побѣда, вслѣдствіе отсутствія опредѣленнаго общерусскаго плана, обратилась бы въ пораженіе. А о побѣдѣ можно не только мечтать, но, какъ мнѣ кажется, и думать".

Товарищъ правъ, южныя событія ручаются за то, что о побѣдѣ теперь уже можно, а слѣдовательно, и должно думать. Мысль должна начать иначе относиться къ идеѣ революціи, чѣмъ до сихъ поръ. Представленіе о томъ, какъ произойдетъ паденіе абсолютизма, должно конкретизироваться. Слова „народное возстаніе", „побѣдоносная революція" давно знакомы нашей подпольной прессѣ. Всего больше говорилось объ этихъ вещахъ въ прокламаціяхъ начала 60-хъ годовъ и въ бакунистскихъ писаніяхъ, привезенныхъ изъ-за границы Нечаевымъ. Но тогда, поскольку эти слова не были простымъ украшеніемъ слога, они выражали просто вѣру, подкрѣпляемую лишь преданіями далекой старины.

Въ текущей русской дѣйствительности не было ничего, что говорило бы о возможности близкой революціи. Думать о ней и въ то же время присматриваться къ народной массѣ, значило терять вѣру въ революцію. И въ теченіе 70-хъ гг. вѣра въ близкое народное возстаніе постепенно исчезла. Соціалдемократы знали, что пролетаріатъ революціоненъ по самому своему положенію,—и этого было совершенно достаточно, чтобы работать. Но пока пробужденіе касалось только тѣхъ передовыхъ рабочихъ, до которыхъ могли добраться соціалдемократы, оставалось невѣдомымъ, какъ и когда проснется массовикъ, а безъ него „думать" о побѣдоносной революціи было еще слишкомъ рано.

Ростовская стачка съ ея массовыми собраніями была первою ласточкой той весны, которая сказалась съ такой силой въ іюльскихъ волненіяхъ. Теперь впервые сама жизнь заставляетъ мысль останавливаться на конкретныхъ чертахъ этого еще недавно такого далекаго и невѣдомаго момента, заставляетъ думать о путяхъ и способахъ революціи.

Думать о нихъ, чтобы, по возможности, предвидѣть событія, совершенно необходимо, но представить себѣ революцію совершающеюся по заранѣе составленному плану,

напередъ опредѣленными путями и способами, было бы, конечно, утопіей. Это невозможно уже по тому одному, что, какъ бы ни была сильна и совершенна организованность социалдемократіи, не отъ нея одной будетъ зависѣть ходъ событій. Во-первыхъ, этотъ ходъ будетъ зависѣть и отъ поведенія врага и отъ настроенія обывателя, превышающаго своею численностью всѣ заранѣе революціонные и активные элементы населенія. Наконецъ, этотъ ходъ будетъ въ значительной степени зависѣть отъ „общества“.

Затѣмъ, въ движеніи самихъ рабочихъ массъ въ періодъ, предшествующій паденію абсолютизма, всегда будетъ нѣчто, не поддающееся учету, хотя бы движеніе цѣликомъ совершалось подъ вліяніемъ соціалдемократіи. Вѣдь русскій рабочій классъ стоитъ лишь въ началѣ своего общественнаго воспитанія, соціалдемократіи предстоитъ еще долгій путь до того момента, когда большинство рабочаго класса превратится въ сознательныхъ соціалдемократовъ. До паденія абсолютизма этого не произойдетъ ни въ какомъ случаѣ. Но уже первые проблески пробужденія пролетаріата уничтожаютъ въ его душѣ вѣру въ неприкосновенность всего существующаго и ставятъ его въ разрѣзъ съ нашимъ полицейскимъ режимомъ.

Поэтому то только и возможна у насъ побѣдоносная революція, но поэтому же непредвидѣнныя движенія рабочихъ массъ перерастаютъ организованную работу соціалдемократовъ и—пока длится революціонный періодъ—будутъ перерастать ее, являясь въ то же время ея результатомъ.

Планъ соціалдемократіи можетъ, мнѣ кажется, состоять лишь въ опредѣленіи своей роли въ томъ ходѣ событій, который она должна стараться предвидѣть, чтобы какъ можно сильнѣе влiять на него, но котораго она никогда не будетъ въ состояніи опредѣлить заранѣе, чтобы затѣмъ вести предначертанными путями.

Возвращаясь къ нашимъ южнымъ стачкамъ, можно, мнѣ кажется, надѣяться, что работа мысли и чувства, поднятая въ массахъ участіемъ въ волненіяхъ, сдѣлаетъ ихъ еще воспріимчивѣе и, если наши комитеты окажутся хоть сколько-нибудь на высотѣ задачи, слѣдующая же волна движенія, если и начнется со всеобщей стачки, то эта стачка въ гораздо большой степени, чѣмъ на этотъ разъ, окажется

лишь формой движенія. Не трудно предвидѣть, что при растущей революціонности массъ крикъ „долой убійцъ!“ будетъ становиться все болѣе общимъ и изъ угрозы можетъ, наконецъ, превратиться въ цѣль, въ требованіе, а при этомъ условіи побѣда не только возможна, а пожалуй, и неизбѣжна.

Если бы революція могла совершаться по плану, она, разумѣется, должна бы начаться въ столицѣ. Здѣсь уничтоженіе власти врага сразу лишило бы силы весь правительственный механизмъ во всей провинціи. Но въ настоящій моментъ большая революціонная подвижность юга заставляетъ допустить возможность другого исхода русской революціи.

Если бы кіевское „долой убійцъ!“ изъ простого выраженія ненависти перешло въ дѣло, и мѣстные иниціаторы убійствъ вынуждены были такъ или иначе стушеваться передъ народнымъ гнѣвомъ, если бы даже примѣру Кіева послѣдовали всѣ революціонные центры юга,—все это само по себѣ еще не означало бы сверженія существующаго режима. Все-таки потребовался бы окончательный толчекъ, хотя, несомнѣнно, что сила сопротивленія была бы громадно ослаблена.

Едва ли можно усомниться въ томъ, что въ Петербургѣ сознательныхъ революціонныхъ силъ больше, чѣмъ гдѣ-либо, и трудно допустить, чтобы здѣсь рабочая масса, даже самая „сѣрая“, оставалась совсѣмъ незатронутой революціоннымъ временемъ. Но и у врага силъ въ Петербургѣ тоже больше, чѣмъ гдѣ-либо. Здѣсь для взрыва, быть можетъ, недостаточно одного накопленія революціонной потребности въ свободномъ проявленіи своихъ силъ. Здѣсь, быть можетъ, нужно внѣшнее событіе, дѣлающее выступленіе обязательнымъ именно въ данный моментъ.

Кто сколько-нибудь знакомъ съ исторіей Европы середины XIX вѣка, тотъ знаетъ, конечно, что мартовскія событія въ Берлинѣ и Вѣнѣ были вызваны февральской революціей въ Парижѣ. Нѣмецкое студенчество давно уже было настроено революціонно, пробужденіе рабочаго класса въ Германіи дѣлало огромные успѣхи; ясно, однако, что самымъ ходомъ движенія революціонный взрывъ вовсе не былъ еще пріуроченъ непремѣнно къ марту 1848 года. Но очень распространенное знаніе исторіи французскихъ революцій, разсказы о которыхъ служили агитаціоннымъ матеріаломъ, и еще шире разлившееся ожиданіе, что на этотъ

разъ революція во Франціи послужитъ сигналомъ и для нѣмецкаго освобожденія,—все это придало вѣсти о февральской революціи такую волнующую силу, что двухъ недѣль, прошедшихъ отъ первыхъ извѣстій о ней до мартовскихъ дней въ Вѣнѣ и Берлинѣ, было достаточно, чтобы довести броженіе до окончательнаго взрыва.

Не суждено-ли побѣдоносной революціи на нашемъ югѣ сыграть по отношенію къ сѣверу роль революціоннаго Парижа для Германіи?

Кіевскій товарищъ сто разъ правъ, говоря, что встрѣтить рѣшительныя минуты, не подготовившись къ нимъ, было бы величайшей ошибкой со стороны соціалдемократіи. Но первымъ шагомъ этой подготовки должно быть, по нашему мнѣнію, не составленіе плана, а усвоеніе и широкое распространеніе самой мысли о реальной возможности, а можетъ быть, и неизбѣжности революціи въ близкомъ будущемъ.

Соціалдемократическая рабочая партія должна освоиться съ этой мыслью и пріучить къ ней остальное населеніе. Широкое распространеніе увѣренности въ близкой революціи—это половина побѣды. Эта увѣренность должна какъ можно дальше проникнуть въ крестьянство. Къ активному участію въ революціи должно усиленно готовиться наше студенчество. Къ мысли о ея неизбѣжности должно привыкнуть даже общество, продолжающее „не вѣрить“ въ революцію, тогда какъ именно побѣдоносная революція становится теперь уже единственнымъ способомъ освобожденія, въ который нѣтъ надобности „вѣрить“, о которомъ уже поздно мечтать, а остается „думать“, какъ облегчить его ходъ и уменьшить количество уже льющейся крови.

Конкретные планы опредѣленныхъ дѣйствій въ томъ или иномъ случаѣ, примѣнительно къ тому или другому городу, могутъ начать вырабатываться лишь въ атмосферѣ, уже насыщенной ожиданіемъ близкой революціи. Они не могутъ, конечно, обсуждаться ни въ печати, ни на широкихъ собраніяхъ, но для того, чтобы тѣсный кругъ профессіональныхъ революціонеровъ могъ выработать жизненный планъ, съ нимъ въ этомъ отношеніи должна думать и чувствовать въ унисонъ окружающая его среда.

„Искра“ № 53.
28 ноября 1903 г.

Революціонное студенчество.

Революціонное студенчество.

Въ „Докладѣ“ о второмъ общестуденческомъ съѣздѣ „группы студентовъ соціалистовъ-революціонеровъ“, напечатанномъ въ № 37-мъ „Револ. Россіи“, говорится, что распространеніе среди студенчества взглядовъ соціалъ-революціонеровъ идетъ такъ интенсивно, что теперь уже нельзя опредѣлить, имъ или соціалъ-демократамъ принадлежитъ „идейное преобладаніе“, несмотря на то, что группы соціалистовъ-революціонеровъ образовались позднѣе. Мы далеко не увѣрены въ полномъ безпристрастіи „Доклада“, но что соціалъ-революціонеры имѣютъ нѣкоторый успѣхъ среди студенчества — это видно и изъ другихъ данныхъ. Чѣмъ объясняется это явленіе? У него можетъ быть, конечно, много временныхъ, побочныхъ, второстепенныхъ причинъ. Но все же, то обстоятельство, что эти взгляды распроспраняются именно теперь, когда соціалъ-революціонеры все рѣшительнѣе возвращаются отъ соціализма къ народничеству, убѣждаетъ насъ, что извѣстное настроеніе, вызывающее желаніе быть соціалистомъ, распространено среди студенчества гораздо шире стремленія выяснить себѣ трудные и сложные вопросы соціализма. Почему соціалъ-демократы связываютъ соціализмъ именно съ пролетаріатомъ и призываютъ всѣхъ эксплуатируемыхъ и угнетенныхъ стать на точку зрѣнія пролетаріата? Почему, стремясь къ низверженію абсолютизма, они характеризуютъ тотъ политическій строй, который замѣнитъ его, такимъ непріятнымъ эпитетомъ, какъ „буржуазный“? Почему, считая экономическія измѣненія основными,

обусловливающими собою и измѣненіе взглядовъ, и политическія перемѣны въ жизни обществъ, соціалъ-демократы признаютъ, тѣмъ не менѣе, своей главнѣйшей задачей вліяніе на умы рабочихъ, пробужденіе ихъ классоваго самосознанія, а ближайшей цѣлью проснувшагося пролетаріата считаютъ завоеваніе политической свободы? Съ жаромъ и напряженнымъ вниманіемъ выяснялись эти и многіе другіе вопросы въ то время, когда соціалъ-демократамъ приходилось пробиваться сквозь сплошной строй устоявшихся народническихъ воззрѣній, долго выполнявшихъ у насъ подъ цензурнымъ туманомъ должность чего-то въ родѣ соціализма и повліявшихъ на самый способъ мышленія цѣлыхъ поколѣній русской интеллигенціи. Въ этихъ спорахъ народничество было разбито. Его старые адепты остались, конечно, при своихъ взглядахъ, но ихъ воззрѣнія потеряли силу надъ свѣжими умами, а главное, исчезли старые пріемы мысли, пріучавшіе умъ довольствоваться въ самыхъ жгучихъ соціальныхъ вопросахъ туманными и неопредѣленными положеніями.

Но вотъ, соціалисты-революціонеры начинаютъ за послѣдній годъ быстро отступать въ эту область тумана и увлекаютъ за собою часть студенчества.

Самымъ яркимъ выраженіемъ этого возстановленія народничества является критика нашей программы въ 32—33 №№ „Рев. Рос.". Она цѣликомъ переноситъ васъ въ тѣ блаженныя времена, когда гг. В. В. и Михайловскій обвиняли соціалдемократовъ въ прислужничествѣ буржуазіи, а г. Кривенко серьезнѣйшимъ образомъ увѣрялъ, что всякій послѣдовательный соціалдемократъ долженъ открыть кабакъ или, по меньшей мѣрѣ, лавочку. Юнымъ студентамъ, незнакомымъ со спорами того времени, но тяготѣющимъ къ соц.-революціонерамъ, мы совѣтовали бы хорошенько подумать надъ слѣдующимъ мѣстомъ этой статьи: „Исторія знаетъ, конечно, не мало примѣровъ, когда кровь трудящихся массъ проливалась затѣмъ, чтобы доставить побѣду однимъ эксплуататорамъ надъ другими. Бывали случаи, что интеллигенція въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей въ *угоду буржуазіи* (курсивъ нашъ) вела народъ на баррикады. Но массы шли, и герои ихъ вели, не зная объ обманѣ, который таился для нихъ въ ближайшемъ будущемъ. Мы этотъ

обманъ уже хорошо знаемъ. И въ наши дни, конечно, только герои догмы съ легкимъ сердцемъ могутъ посылать трудящійся людъ въ бой за „ускореніе буржуазнаго прогресса".

Итакъ, разъ „обманъ открылся", то звать на борьбу противъ абсолютизма, зная, что на его мѣсто водворится тотъ буржуазный политическій строй, какой въ болѣе или менѣе законченной формѣ господствуетъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ, могутъ только „герои догмы", соціалдемократы, но ужъ никакъ не соц.-революціонеры?

Нѣтъ, конечно. Мы отлично знаемъ, что такъ далеко назадъ къ анархическому народничеству „Земли и Воли" или реакціонному народничеству г. В. В. соціалисты-революціонеры не идутъ. Вина соціалдемократовъ не въ томъ, что они призываютъ къ низверженію абсолютизма, а въ томъ, что это низверженіе „мыслится ими не какъ возможность реализовать нѣкоторую часть своихъ основныхъ (т. е. соціалистическихъ) требованій и нанести въ то же время ударъ буржуазіи, а лишь, какъ актъ, долженствующій расчистить дорогу наступающему капитализму. Говоря коротко, революція, включаемая „Искрой" въ число ближайшихъ задачъ партіи, должна быть осуществлена не во имя соціализма противъ всѣхъ старыхъ и новыхъ враговъ его, а во имя буржуазнаго общества противъ стѣсняющихъ его остатковъ феодализма".

На той же (6) страницѣ г. Новобранцевъ сознается, что хотя авторы разбираемой имъ программы „съ особой силой напираютъ" на свое требованіе политической свободы, необходимой пролетаріату въ борьбѣ съ буржуазіей, и „закругляютъ" имъ, по выраженію г. Новобранцева, вышеприведенныя рѣчи, но что онъ „намѣренно прерываетъ цитаты въ мѣстахъ только что упомянутаго имъ закругленія, чтобы поговорить о немъ не мимоходомъ".

Слѣдовательно, вина соціалдемократовъ въ томъ, что они не внушаютъ пролетаріату, будто, свергая абсолютизмъ, онъ можетъ немедленно получить „нѣкоторую часть" соціалистическаго строя и нанести ударъ господству буржуазіи, что они не обѣщаютъ ему ничего, кромѣ политической свободы, которую при этомъ ему самому придется постоянно отстаивать отъ посягательства буржуазныхъ партій и въ этомъ отстаиваніи, въ непрерывной классовой борьбѣ рости,

развиваться и набираться силъ для своей великой, конечной цѣли—соціалистической революціи.

А что же именно обѣщаютъ пролетаріату соціалисты-революціонеры? Во-первыхъ, объединивъ его мысленно въ одно слитое цѣлое съ крѣпкимъ землѣ хозяйственнымъ крестьянствомъ и назвавъ это мысленное цѣлое рабочимъ классомъ, они обѣщаютъ ему, въ лицѣ его непролетарской части, землю, а затѣмъ... затѣмъ слѣдуютъ рѣчи объ „ударахъ господству буржуазіи", „брешахъ въ цитадели царства эксплоатаціи" и прочія столь же опредѣленныя вещи. „Всѣ наши усилія, говоритъ г. Новобранцевъ на слѣдующей страницѣ, должны быть направлены къ тому, чтобы въ рѣшительный моментъ (паденія абсолютизма) буржуазія не торжествовала, а трепетала". Послѣдняя задача, дѣйствительно, достижима. Заставить „трепетать", если не буржуазію, то многихъ и многихъ буржуа очень легко. Только кому и зачѣмъ это нужно? Всѣ *наши* усилія должны быть направлены къ тому, чтобы тотъ буржуазный строй, который замѣнитъ самодержавіе, былъ возможно болѣе демократиченъ и возможно полнѣе гарантировалъ свободу, чтобы борющійся за это пролетаріатъ вынесъ изъ революціонной эпохи, когда и люди, и классы, и учрежденія въ нѣсколько мѣсяцевъ переживаютъ десятилѣтія, какъ можно больше для своего развитія, чтобы онъ вышелъ изъ нея сплоченнымъ въ сплошную классовую соціалдемократическую партію, способную отстоять свои революціонныя пріобрѣтенія во всѣхъ дальнѣйшихъ перипетіяхъ и колебаніяхъ. Таковы должны быть *наши* главнѣйшія задачи въ революціонную эпоху. Когда та или другая часть буржуазіи будетъ противиться ихъ выполненію, заставить „затрепетать" ее войдетъ, конечно, въ эти задачи. Но трепетъ для трепета пролетаріату не нуженъ. А чтобы вся буржуазія, вся разнородная масса русскихъ гражданъ, не принадлежащихъ къ пролетаріату, трепетала при мысли о возстаніи „черни", этого страстно хотѣлось бы „Московскимъ Вѣдомостямъ", объ этомъ хлопочетъ иной разъ полиція, подбивавшая кіевскихъ рабочихъ во время всеобщей стачки идти громить Крещатикъ... Успѣхомъ всѣ эти хлопоты, конечно, не увѣнчаются.

На самомъ дѣлѣ, соціалисты-революціонеры чрезвычайно облегчаютъ себѣ задачу составленія туманныхъ фразъ съ

революціонной внѣшностью посредствомъ особаго употребленія слова „буржуазія“.

Въ русскомъ языкѣ нѣтъ слова, которое передавало бы смыслъ нѣмецкаго слова бюргерство или французскаго—буржуазія. Когда въ нѣмецкой соціалдемократической литературѣ говорятъ о бюргерскихъ партіяхъ, бюргерской прессѣ (bürgerliche Parteien... Presse), то подразумѣваютъ всѣ непролетарскія партіи, всю несоціалдемократическую прессу. Ближайшее опредѣленіе буржуазіи, бюргерства—это все населеніе за исключеніемъ пролетаріата, съ одной стороны, и привиллегированныхъ сословій — гдѣ они имѣются — съ другой.

Буржуазный политическій строй—(предполагая всеобщую подачу голоса) политическое полноправіе и равноправіе всего „народа“, всѣхъ гражданъ данной страны, въ томъ числѣ и пролетаріата, съ тою только разницей, что ему-то—лишенному собственности въ мірѣ собственниковъ—невозможно фактически пользоваться своими политическими правами иначе, какъ сплотившись въ прочно организованную, самостоятельную политическую партію.

При отсутствіи у насъ въ Россіи легальной политической жизни, открытыхъ гласныхъ политическихъ партій, наша легальная пресса не особенно нуждается въ томъ широкомъ европейскомъ понятіи „буржуазія“, которое мы только что отмѣтили. А при надобности она составляетъ его себѣ изъ нѣсколькихъ элементовъ: „народъ“, затѣмъ „общество“ и, наконецъ, его наилучшая часть „интеллигенція“. Французскому же слову „буржуазія“, во всей нашей окрашенной народничествомъ прессѣ, дано было особое употребленіе. Изъ хорошаго, „симпатичнаго“ цѣлаго: народъ, общество, интеллигенція—была выдѣлена его непріятная часть: капиталисты, ростовщики, частные землевладѣльцы недворянскаго происхожденія и проч., и имъ только спеціально и исключительно было присвоено званіе буржуазіи, поскольку, конечно, ихъ представители не являлись людьми просвѣщенными, заботящимися о чемъ-нибудь хорошемъ, въ родѣ народнаго образованія. Въ этомъ случаѣ ихъ переводили въ „общество“, такъ какъ „буржуазіи“ никакихъ интересовъ, кромѣ барышей, не полагается.

Когда народники употребляли слово „буржуазія“ въ сво-

емъ спеціальномъ смыслѣ, разговаривая промежъ себя о легальныхъ русскихъ дѣлахъ, большой путаницы еще не выходило. Но намъ въ нашихъ нелегальныхъ разговорахъ понятіе *буржуазіи* въ его европейскомъ смыслѣ совершенно необходимо. И когда соціалисты-революціонеры, говоря объ исторіи Европы, употребляютъ слово „буржуазія" въ народническомъ смыслѣ, изъ этого выходитъ величайшая нелѣпость; а когда, полемизируя съ нами, они этотъ смыслъ намъ подсовываютъ, то, кромѣ нелѣпости, получается еще и передержка. Напримѣръ, „Искра" называла „Освобожденіе" органомъ либеральной буржуазіи. „Нечего сказать, нашли буржуазію", восклицаетъ г. Новобранцевъ и поучаетъ насъ, что русская буржуазія въ противоположность инымъ прочимъ не думаетъ о своей миссіи освобождать, что наши либералы соединяются вовсе не во имя классовыхъ интересовъ (барышей что-ли?), а „во имя лежащихъ на интеллигенціи обязанностей прійти на помощь угнетенному народу..." и если „Освобожденіе" объединило и объединяетъ кого, то дѣйствительно только „отцовъ" изъ той самой интеллигенціи, „дѣти" которой являются самоотверженными борцами за революціонное дѣло. Отцы несомнѣнно отличаются отъ насъ умѣренностью своей тактики и своихъ требованій. Но это не принципіальная противоположность... Результаты движенія будутъ, конечно, умѣреннѣе, чѣмъ желали бы мы, и именно потому, что отцы вѣроятнѣе всего явятся бухгалтерами революціи..."—„Буржуазные же классы, какъ классы, въ движеніи не при чемъ", поучаетъ онъ въ заключеніе, „политическое освобожденіе Россіи—дѣло русской интеллигенціи и русскаго рабочаго народа, и пора понять, что никто другой въ немъ не приметъ активнаго участія. А если это такъ, то имъ же должны принадлежать и соціальные результаты грядущаго переворота".

Разумѣется, „Освобожденіе" группируетъ людей образованныхъ и ужъ нисколько не „во имя" карманныхъ интересовъ тѣхъ, кого „Револ. Россіи" угодно называть спеціально и исключительно буржуазіей, а во имя именно освобожденія, хотя бы только отъ излишествъ тѣхъ бѣдствій, которыя приноситъ самодержавіе всему „угнетенному народу". Но гдѣ же и когда въ предреволюціонное время самые умѣренные изъ буржуазныхъ органовъ, ратовавшихъ за ос-

вобожденіе, требовали его во имя барышей богатой части буржуазіи? И группировали такіе органы вездѣ и всегда людей, интересующихся политической жизнью всей страны, а не однимъ только благополучіемъ своего личнаго кармана. Точно также и представители крайнихъ демократическихъ теченій среди европейской буржуазіи какъ нельзя лучше подходили подъ русское понятіе „революціонной интеллигенціи". Переберите вождей Великой Французской Революціи и вы увидите, что большинство изъ нихъ окажется по народнической терминологіи интеллигентами, причемъ изъ этихъ интеллигентовъ очень многіе (послѣдователи Руссо) носились съ планами такихъ „ударовъ" богачамъ, которые оказались бы полезны дѣлавшимъ революцію санкюлотамъ.

Во всѣхъ революціяхъ первой половины XIX вѣка выдающаяся роль среди революціонныхъ элементовъ принадлежала учащейся молодежи, и та ея часть, которая входила въ тайныя общества, браталась съ рабочими, конспирировала и агитировала, дѣлала все это, ужъ, конечно, не „въ угоду" тому элементу, которому соц.-рев. исключительно присваиваютъ имя буржуазіи. Въ 40-хъ годахъ среди нихъ были сильно распространены различные виды первоначальнаго соціализма и много, много неопредѣленныхъ соціальныхъ благъ, много ударовъ богатой буржуазіи ожидали они отъ развивавшагося движенія и своими ожиданіями заражали и тѣмъ самымъ „обманывали" рабочихъ. И тотъ же безсознательный „обманъ" стремятся теперь организовать по всей линіи соціалисты-революціонеры.

Не всѣ соц.-револ. доходятъ до такой явной наивности въ сужденіяхъ о революціи, какъ г. Новобранцевъ. Мы взяли его статью потому, главнымъ образомъ, что именно онъ, заведя рѣчь о „герояхъ", которые вели толпу „въ угоду буржуазіи", и объ „обманѣ", который „мы уже хорошо знаемъ", въ то же время, въ той же статьѣ призываетъ современныхъ героевъ, и прежде всего студенчество, къ производству того же, буквально того же самаго, безсознательнаго „обмана", который невольно совершали революціонныя дѣти европейской буржуазіи. Мы уже сказали, что не всѣ соц.-рев. такъ откровенно наивны, но къ самообману, а слѣдовательно и „обману" призываютъ теперь всѣ. Всѣ они

топятъ понятіе *пролетарій* въ общемъ понятіи *трудящійся человѣкъ* и тѣмъ самымъ уничтожаютъ идею соціализма, уничтожаютъ (если бы пролетаріатъ ихъ послушался) самую возможность организованной и самостоятельной партіи пролетаріата, а слѣдовательно, и вообще партіи трудящихся и угнетенныхъ, такъ какъ ихъ разношерстная масса можетъ группироваться лишь вокругъ однороднаго, сплоченнаго ядра пролетаріата. Словомъ, уже этимъ однимъ отрицаніемъ самостоятельнаго значенія пролетаріата, соц.-революціонеры зачеркиваютъ всѣ пріобрѣтенія второй половины XIX вѣка и возвращаютъ насъ къ понятіямъ, господствовавшимъ среди дѣтей западной буржуазіи въ то время, когда она была революціонна. Всѣ соц.-революціонеры хвалятся затѣмъ неимѣніемъ „догмы", вынуждающей соціалдемократовъ знать, что практически возможно и что невозможно „завтра или послѣ завтра". Они чужды той „астрологіи, которая смѣло пускается въ историческія пророчества" относительно предстоящей революціи, они не хотятъ довольствоваться той ничтожной программой-минимумъ, которую выставили соціалдемократы, они потребуютъ гораздо большаго. Опредѣленное требованіе они выставляютъ, правда, только одно: *землю крестьянамъ.* Утопленному пролетарію обѣщаются лишь „удары господству буржуазіи", „глубокія преобразованія въ соціальномъ строѣ", „брешь въ цитадели царства эксплоатаціи" и другія столь же ясныя фразы. (Сборникъ программныхъ статей „Рев. Рос.", стр. 69—70). Но тѣмъ хуже, тѣмъ труднѣе было бы рабочему, попавшему въ сѣти этихъ туманныхъ фразъ, изъ нихъ выпутаться. Пока что, однако, въ эти сѣти запутывается, повидимому, легче всего учащаяся молодежь. Предъ ней стараются соціалисты-революціонеры далеко-далеко перещеголять соціалдемократовъ въ революціонности, ей поютъ они свои лучшіе диѳирамбы то прямо, то подъ именемъ революціонной интеллигенціи. Намъ хотѣлось бы, чтобы студенты, увлекающіеся этими взглядами, ясно представили себѣ, какую отвѣтственность за состояніе пролетаріата тотчасъ же послѣ революціи, о которой идетъ рѣчь, взяли бы они на себя, если бы въ качествѣ соціалистовъ-революціонеровъ сумѣли внушить ему свои взгляды.

Большая разница, въ самомъ дѣлѣ, выйти изъ побѣдоносной битвы съ убѣжденіемъ, что завоевана возможность лишь сво-

бодно объединяться, учиться, организовать и ростить свою силу, что пріобрѣтена лишь легальная почва для борьбы за улучшенія условій найма, лишь свободная арена для проявленія энергіи пролетаріата, его стремленія къ свѣту, знанію. Въ этомъ случаѣ сознательнымъ рабочимъ пришлось бы на просторѣ и въ широкихъ размѣрахъ продолжать то же самое, уже привычное и дорогое дѣло, которымъ съ величайшими трудностями и жертвами они уже и раньше занимались. Они знали бы, что всѣ дальнѣйшія пріобрѣтенія, весь путь къ тому счастію, которое можетъ дать только соціалистическій строй, зависитъ отъ ихъ собственной активности и энергіи, что входящіе въ партію пролетаріата образованные люди могутъ помогать ему своими знаніями, но сами по себѣ ничего — кромѣ этихъ знаній — дать не могутъ.

Другое дѣло выйти изъ боя съ мыслью, что какія-то большія экономическія блага уже завоеваны, что возможность реализовать какую-то часть соціализма уже пріобрѣтена одержанной побѣдой. Понимали бы рабочіе во всемъ этомъ, конечно, такъ же мало, какъ и сами соц.-революціонеры, и вынуждены были бы возложить всѣ надежды по части „реализаціи" завоеванныхъ благъ на великую „внѣклассовую" силу интеллигенціи. Чутко насторожившись, они ждали бы отъ нея чудесъ, готовые поддерживать ее своей боевой силой и „заставлять трепетать буржуазію".

Но предъ яркимъ свѣтомъ широкой гласности и ясности положенія не сможетъ устоять никакая привычка къ туманнымъ фразамъ. Студенты отрезвились бы и поняли, наконецъ, границы возможнаго. Вѣдь и самъ г. Новобранцевъ, гремя противъ „догматиковъ", не соглашающихся „мыслить" немыслимое, тутъ же мимоходомъ свидѣтельствуетъ о своей полной готовности стать очень трезвымъ, когда дѣло дойдетъ до подсчета „результатовъ". Онъ заранѣе знаетъ, что эти результаты будутъ довольно „умѣренны", такъ какъ бухгалтерами революціи явятся умѣренные „отцы".

Да, волей неволей, революціонныя дѣти отрезвились бы, какъ отрезвлялись и ихъ западные предшественники; но въ какомъ положеніи очутились бы пролетаріи, возложившіе на нихъ всѣ надежды? Студенчество Западной Европы сыграло большую и красивую роль въ революціонныхъ дра-

махъ первой половины XIX вѣка. Но драмы доигрывались, и исторія принималась тотчасъ же писать эпилогъ, въ которомъ значилось: „буржуазія обманула рабочихъ". Но вѣдь рабочіе вѣрили не фабрикантамъ или ростовщикамъ, не тѣмъ, кому по народнической терминологіи присвоено имя буржуазіи. Тѣхъ они ненавидѣли, а любили съ ними братавшихся и вмѣстѣ съ ними дравшихся на баррикадахъ студентовъ, вѣрили лишь той буржуазіи, которая у насъ называется революціонной интеллигенціей. Только она и могла „обмануть" рабочихъ, заражая ихъ своимъ искреннимъ самообманомъ. Нашему студенчеству исторія впервые даетъ возможность сыграть ту же блестящую роль въ революціонной драмѣ, избѣгнувъ эпилога. Научный соціализмъ, гарантируя рабочихъ отъ роли обманутыхъ, гарантируетъ въ то же время студентамъ возможность быть революціонерами, не обманывая ни себя, ни другихъ, прямо смотря въ лицо дѣйствительности и называя вещи ихъ именами. Но эта возможность налагаетъ на нихъ обязанность не относиться слишкомъ легко къ идеѣ соціализма, не называть себя соціалистами, не познакомившись сперва съ научнымъ соціализмомъ, не попытавшись понять его и провѣрить собственнымъ умомъ, дѣйствительно ли только злая воля мѣшаетъ намъ говорить объ одновременномъ сверженіи абсолютизма и господства буржуазіи, или для мыслящихъ людей это, дѣйствительно, немыслимо.

„Искра" № 59.
10-го февраля 1904 г.

Н. К. Михайловскій.

Н. К. Михайловскій.

Въ лицѣ Н. К. Михайловскаго сошелъ въ могилу одинъ изъ видныхъ литературныхъ представителей цѣлаго періода нашего общественнаго развитія,—того періода, когда проснувшаяся передовая демократія, состоявшая почти исключительно изъ интеллигенціи, очутилась лицомъ къ лицу съ народомъ, про котораго еще можно сказать словами Некрасова:

Прочна суровая среда,
Гдѣ поколѣнія людей
Живутъ безсмысленнѣй звѣрей
И умираютъ безъ слѣда
И безъ урока для дѣтей.

Шестидесятые годы, когда складывалось міросозерцаніе Михайловскаго, были эпохой формированія этой демократіи—интеллигенціи. Къ концу упомянутаго десятилѣтія, когда Михайловскій сразу занялъ прочное положеніе въ литературѣ, его взгляды уже сложились и въ своихъ теоретическихъ основахъ не измѣнялись за всѣ долгіе годы его неустанной литературной дѣятельности. Лучшимъ временемъ этой дѣятельности, какъ объективно, такъ и по личнымъ воспоминаніямъ Михайловскаго, было время „Отечественныхъ Записокъ", совпавшее и съ героическимъ періодомъ въ жизни оторванной отъ народа революціонной интеллигенціи.

„Властителемъ думъ", какъ теперь часто говорятъ, революціоннаго поколѣнія семидесятыхъ годовъ Михайловскій не былъ и не могъ быть, какъ по индивидуальнымъ особенностямъ своего ума, такъ и по обстоятельствамъ времени. Въ извѣстномъ смыслѣ онъ несомнѣнно составлялъ нѣчто единое и нераздѣльное съ этимъ поколѣніемъ. Вся сила его ума была направлена на то, чтобы подвести тео-

ретическій фундаментъ подъ тѣ задачи, которыя ставило, по его мнѣнію, предъ русской интеллигенціей современное положеніе русскаго народа. Мы не хотимъ сказать, чтобы въ глазахъ Михайловскаго его теорія „борьбы за индивидуальность", его различеніе типовъ и степеней развитія обществъ и прочее, были бы примѣнимы лишь къ Россіи даннаго момента. Онъ придавалъ имъ, наоборотъ, не то что общечеловѣческое, но общебіологическое значеніе. Тѣмъ не менѣе, кровный интересъ для него представляли, главнымъ образомъ, тѣ выводы, которые вытекали изъ нихъ для Россіи въ данный моментъ: она отличается отъ Западной Европы по типу, а не только по степени своего развитія; въ ней сохранился не тронутый дифференціаціей типъ крестьянина, производящаго собственнымъ трудомъ все для себя нужное, здѣсь именно для интеллигенціи возможна побѣда въ борьбѣ за индивидуальность этого крестьянина противъ общества, стремящагося посредствомъ раздѣленія труда превратить его въ свой органъ. Субъективный методъ примѣняли, по мнѣнію Михайловскаго, мыслители всѣхъ временъ и народовъ, но въ Россіи этотъ методъ былъ особенно дорогъ, такъ какъ ограждалъ умы отъ подавленія авторитетомъ западныхъ ученыхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда выводы этихъ ученыхъ оказывались въ противорѣчіи съ задачами русской интеллигенціи.

Несмотря, однако, на свою кровную связь съ даннымъ моментомъ русской дѣйствительнос , философско-соціологическія построенія Михайловскаго были слишкомъ общи и отвлеченны, чтобы рвавшееся къ дѣятельности революціонное поколѣніе могло находить въ нихъ отвѣты на свои наиболѣе жгучіе вопросы. „Отечественныя Записки", и въ нихъ Михайловскаго, читала вся радикальная молодежь. Извѣстный отпечатокъ не на содержаніе только, а на самые пріемы мышленія интеллигенціи, Михайловскій, несомнѣнно, наложилъ, тѣмъ не менѣе „властителемъ думъ" семидесятниковъ, ихъ любимымъ и авторитетнымъ учителемъ, какими были раньше Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ,—Михайловскій не былъ. Но и самая задача учителя была уже не та. Овладѣть думами этого революціоннаго поколѣнія, вѣроятно, не могъ бы ни одинъ писатель, — оставаясь на почвѣ легальной литературы. Типъ „кающагося дворянина"

и по мысли самого Михайловскаго относится къ шестидесятымъ годамъ. Его разрывъ съ родной средой, его самоотрицаніе и перевоспитаніе въ „новаго человѣка“ входило въ задачи литературы 60-хъ годовъ, формировавшей первые кадры нарождавшейся демократіи. Вопросъ: что дѣлать — тогда еще тѣсно сплетался съ болѣе доступнымъ литературѣ вопросомъ: чѣмъ быть. Въ 70-хъ годахъ создалась уже атмосфера, помогавшая юношамъ, предназначеннымъ судьбою въ „новые люди“, такъ рано усваивать отрицательное отношеніе къ своей дворянской, чиновничьей или поповской средѣ, такъ рано заканчивать свое личное воспитаніе, что въ жизнь они вступали уже съ запросами, которыхъ легальная литература не могла касаться.

„На свой личный рискъ и страхъ, безъ малѣйшей помощи со стороны, онъ (революціонеръ) долженъ былъ додѣлывать, передѣлывать и раздѣлывать эфимериды Писарева“, писалъ Михайловскій въ январѣ 1881 года, защищая, какъ революціонную молодежь, такъ и „извѣстную часть литературы“, которая объ этихъ вопросахъ „молчала и будетъ молчать, пока не будетъ въ состояніи взять полнаго аккорда“... Это былъ моментъ нѣкотораго послабленія для литературы, но не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ времена круто перемѣнились. Послѣ перваго марта въ литературѣ сразу разыгралась цѣлая оргія безстыднѣйшей травли и величайшей трусости, вызывавшей мгновенныя выворачиванія наизнанку всѣхъ с..ихъ взглядовъ. И теперь еще нельзя безъ сочувственнаго волненія читать статьи Михайловскаго, писанныя въ „это время ужаса... и добровольнаго шпіонства“, когда не уступая ни шагу, не взявъ ни одной фальшивой ноты, онъ отбивается отъ всей стаи „дикаго патріотизма, который, какъ хорошая охотничья собака, обнюхиваетъ каждый кустъ, не пахнетъ ли жидомъ, полякомъ, вообще не русскимъ или русскимъ измѣнникомъ“. Въ первые годы реакціи статьи Михайловскаго дышатъ однимъ лишь бодрымъ, бичующимъ негодованіемъ и презрѣніемъ, въ нихъ не видно еще и тѣни подавленности и унынія. Дикая оргія казалась ему, вѣроятно, лишь скоропреходящей комбинаціей травли съ трусостью. Но годы шли, закрыты „Отечественныя Записки“, реакція, не ослабѣвая, изъ острой

переходитъ въ хроническую и, что еще того хуже, изъ правительственной въ общественную.

Индефферентизмъ, трезвенность, затѣмъ толстовщина развивались все шире и шире, захватывая постепенно и учащуюся молодежь. Уже и уже становится кругъ истинныхъ „друзей читателей“, съ убѣжденіемъ повторяющихъ „старыя слова“. Но за то именно въ это время Михайловскій дѣйствительно становится „властителемъ думъ“, чуть не единственнымъ лучемъ свѣта для этой части интеллигенціи, хранившей вѣрность старымъ завѣтамъ и жившей воспоминаніями прошлаго и смутными надеждами на его возвращеніе.

Начало новаго движенія, разросшееся затѣмъ въ современную революціонную борьбу, не могло принести Михайловскому новыхъ надеждъ на будущее. Оно предстало предъ нимъ въ лицѣ „учениковъ Маркса“, появленіе которыхъ на русской почвѣ всегда казалось ему полнѣйшей психологической невозможностью. Нѣкоторые изъ „учениковъ“ удивлялись въ то время, какъ это „умный, ученый, талантливый Михайловскій“ не только не признаетъ, а просто не понимаетъ ихъ взглядовъ. Иные выражали это удивленіе даже въ письмахъ къ самому Михайловскому. Но понять марксизмъ, какъ революціонное ученіе, зовущее на борьбу и работу, Михайловскій не могъ именно потому, что вложилъ всю силу своего ума и таланта въ созданіе и обоснованіе своей собственной теоріи. Прежде всего онъ не могъ допустить идеи пролетаріата, какъ революціоннаго класса, съ развитіемъ котораго связано лучшее будущее всего человѣчества. Центральный пунктъ его собственной теоріи говорилъ ему наоборотъ, что пролетарій есть продуктъ частичной побѣды общества, стремящагося посредствомъ раздѣленія труда превратиться въ организмъ высшаго порядка, это существо, побѣжденное въ борьбѣ за индивидуальность, искалѣченное и низведенное на степень простого органа чужого организма. Съ точки зрѣнія Михайловскаго пролетарія слѣдуетъ жалѣть, ему слѣдуетъ помогать, но немыслимо возлагать на него надежды и ставить его впереди народныхъ массъ, состоящихъ изъ цѣльныхъ, не утратившихъ своей индивидуальности личностей. А не допуская этой главной идеи, превращающей марксизмъ изъ научной

теоріи въ революціонную программу классовой борьбы, онъ долженъ былъ нравственно возмущаться самой возможностью распространенія этой теоріи въ Россіи. Въ то же время субъективный методъ, обязательный по его мнѣнію для всѣхъ и каждаго, дозволялъ ему приписывать привлекательность этой теоріи сознательному или безсознательному стремленію части интеллигенціи помогать капитализму или, въ лучшемъ случаѣ, мириться съ дѣйствительностью, пассивно складывая на груди ненужныя руки.

Самъ Михайловскій никогда мысленно не мирился съ злой дѣйствительностью, не мирился онъ и съ существованіемъ русскихъ марксистовъ. За послѣдніе годы, уйдя изъ легальной литературы, марксисты перестали заслонять отъ взоровъ Михайловскаго новую революціонную зарю, поднявшуюся надъ нашимъ отечествомъ. Онъ, повидимому, вѣрилъ, что предсказанное имъ быстрое исчезновеніе марксистовъ изъ русской жизни уже совершилось.

Не будемъ жалѣть объ этой иллюзіи.

Михайловскій былъ нашимъ непримиримымъ противникомъ, но мы можемъ пожелать, чтобы у соціалъ-демократіи было побольше сторонниковъ, которые съ такой же неизмѣнной и неподкупной преданностью защищали бы въ теченіе цѣлой жизни ея идеи, какъ Михайловскій защищалъ свои,— а это желаніе есть величайшая дань уваженія, какую только можно воздать противнику.

„Искра" № 60.
25 февраля 1904 г.

VII 9 459

Цѣна 2 р. 50 к.

Изданіе О. Н. Рутенбергъ
«Библіотека для всѣхъ»
С.-ПБургъ, Съѣзжинская ул., 4.

Обложка печатана въ типографіи „Сѣверъ", Спб., Садовая, 60.